

3.3(4Пол) 9(М)Польша 1 эк
Г 93 эк
УДК 94(438)
ББК 63.3 (4Пол)
Т 93

Переводчики: В.Н. Ковалев (от авторов, гл. I—V, XIX—XXII, заключение),
М.А. Корзо (гл. VI—X), М.В. Лескинен (гл. XI—XVIII)

Редакторы: А.Е. Гвоздь, В.Н. Ковалев

Общая редакция: М.В. Дмитриев

Данное издание выпущено в рамках проекта «Translation Project»
при поддержке Института «Открытое общество» — Будапешт

912841

Издание этой книги осуществлено при финансовой поддержке
Института Книги — Программы переводов © Poland

Тымовский Михал, Кеневич Ян, Хольцер Ежи

Т 93 История Польши / Пер. с польск. — М.: Издательство «Весь Мир»,
2004. — 544 с.: илл. — (Национальная история)

ISBN 5-7777-0294-5

В книге известных польских историков изложена история Польши, на-
чиная с X в. и до наших дней. Выйдя в свет впервые во второй половине
80-х годов, книга стала доступна самим полякам лишь в 1991 г. С тех пор
она выдержала несколько изданий. Авторы обновили и дополнили текст
книги специально для читателей России, чья историческая судьба на
протяжении веков была тесно переплетена с польской историей. Книга
снабжена картами и иллюстрациями.

ПБ им. Н.А. Некрасова
сл абонемента обслуживания
стор _____

УДК 94(438)
ББК 63.3 (4Пол)

На первой стороне обложки: вид Кракова

ISBN 5-7777-0294-5

© М. Tykowski, J. Kieniewicz, J. Holzer, 2004
© Издательство «Весь Мир», 2004

Оглавление

Обращение к читателям в России (<i>Стефан Меллер, Посол Республики Польша в Российской Федерации</i>)	7

Правторов	9

РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА (X—XV вв.)	17

Глава I. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ЗАЩИТА СУВЕРЕНИТЕТА	19

Глава II. УДЕЛЬНАЯ РАЗДРОБЛЕННОСТЬ	53

Глава III. CORONA REGNI POLONIAE	79

Глава IV. МНОГОНАЦИОНАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО	111

Глава V. ПОЛЬША И ПОЛЯКИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ	139

РАСЦВЕТ И УПАДОК (XVI—XVIII вв.)	151

Глава VI. КОНСОЛИДАЦИЯ И ЭКСПАНСИЯ	153

Глава VII. ОСНОВЫ СВОБОДЫ	185

Глава VIII. РЕСПУБЛИКА САРМАТОВ	219

Глава IX. АНАРХИЯ И КРИЗИС	249

Глава X. НЕЗАВЕРШЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ	273

Глава XI. С ПОЛЬШЕЙ ИЛИ БЕЗ ПОЛЬШИ	295

ЭПОХА БОРЬБЫ ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ (XIX—XX вв.)	307
Глава XII. НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА КОМПРОМИССА	309
Глава XIII. ОСВОБОДИТЕЛЬНЫЕ ВОССТАНИЯ	321
Глава XIV. ФОРМИРОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ НАЦИИ	351
Глава XV. НА ПУТИ К ПОЛЬШЕ XX ВЕКА	369
Глава XVI. БОРЬБА ЗА ГОСУДАРСТВО	385
Глава XVII. ПЕРИОД НЕЗАВИСИМОСТИ	409
Глава XVIII. УГРОЗА ФИЗИЧЕСКОГО УНИЧТОЖЕНИЯ	433
Глава XIX. УГРОЗА УТРАТЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ	453
Глава XX. ПЕРВАЯ ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ	467
Глава XXI. ВТОРАЯ ПОПЫТКА РЕФОРМИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ	481
Глава XXII. ПРОБА СИЛ КОММУНИСТЫ И «СОЛИДАРНОСТЬ»	495
Заключение	507
Хронология	515
Территория и население польского государства и польско-литовской Речи Посполитой. X—XX вв.	524
Польские правители и руководители	525
Библиография	529
Именной указатель	534
Об авторах	543

Уважаемые читатели!

В наши дни политики любят повторять, что в эпоху построения Нового Мира пужно почаще заглядывать в будущее.

«Заглядывать в будущее» — красивая метафора. Однако если отойти от ее буквального, физиологического понимания, то историк заметит, что само по себе заглядывание в будущее, не опирающееся ни на коллективную историческую память и связанные с этим споры, превращает глаза в пустые глазницы — это будет взгляд, лишенный оживляющей мысли. Если история, вопреки распространенному мнению, не всегда учит жизни, то можно быть уверенным, что она всегда является самым лучшим фильтром, очищающим прошлое для настоящего и будущего.

Данные размышления касаются собственной национальной истории, а также истории других народов, в особенности тех общих узлов, порой весьма запутанных, которые касаются взаимоотношений.

Само по себе знание без размышлений не сделает неграмотного образованным. И тем более не сделает из человека, пребывающего в замкнутом кругу собственных представлений, человека, открытого людям и миру.

Нельзя построить Новый Мир: открытый, улаживающий конфликты и доброжелательный по отношению к человеку — без вдумчивого разговора о прошлом, полном несправедливостей, которые, даже если и порой признаются партнером по дискуссии воображаемыми, требуют, однако, уважительного отношения к эмоциям этого партнера.

Таким образом, рассматриваемое явление может уже не вмещаться исключительно в категории науки и психологии, поскольку превращается в политику, и при этом в такую политику, к которой мы все стремимся в нашем Новом Мире, — политику взаимопонимания и общих добрых усилий, направленных на службу народу.

Иными словами, основным условием является изучение истории партнеров.

Я бесконечно рад, что «История Польши», написанная тремя выдающимися польскими историками (и, кстати, моими друзьями и кол-

легами по историческому факультету Варшавского университета) вышла в свет в России.

Убежден, что это важный, конкретный шаг в деле преодоления стереотипов и построения качественно новых польско-российских отношений, опирающихся на глубокое знание и чувства взаимного уважения.

*Стефан Меллер,
профессор, доктор исторических наук,
Посол Республики Польша в Российской Федерации*

От авторов

Прежде чем предложить вниманию российского читателя нашу «Историю Польши», хотелось бы прояснить обстоятельства ее возникновения и раскрыть важнейшие особенности нашего подхода. Чем дальше географически находятся читатели, тем сильнее желание авторов объяснить мотивы написания истории собственной страны. И тем более важной для них становится специфика возложенной на себя задачи. В 1984 г. мы взялись за написание «Истории Польши» для поляков, живущих за границей (по существу, для второго или третьего их поколения), уже не знающих родины своих отцов и дедов. Двухвекровая польская эмиграция всегда ощущала себя частью нации; для новых поколений их новая родина стала со временем ближе. Мы стремились представить им отечественную историю просто и интересно, а также независимо от какой бы то ни было цензуры. Книга, предназначенная для читателей, незнакомых с историей Польши даже по школьным учебникам и ощущающих свою причастность к ней главным образом благодаря семейным преданиям, призвана не только осветить основные факты, но и встроить их в европейскую перспективу, вызвав определенные эмоциональные ассоциации. Это обстоятельство отличает наше исследование от множества других современных обобщающих трудов и учебных пособий. Оно дает основания предположить, что данная книга также может отвечать потребностям русских читателей.

«История Польши» была издана в 1986 г. издательством «Спотkania»*, выступившим инициатором ее написания. Книга сразу же вызвала широкий отклик в Польше, и в 1987—1988 гг. появилось три ее издания, выпущенные в подпольных издательствах. Причиной такого успеха, возможно, был факт опубликования книги под настоящими именами авторов и вне сферы действия цензуры. Мы, однако, полагаем, что нам удалось точно определить общественную потребность. В 1990—1991 гг. «История Польши» была переиздана еще несколько раз, уже в качестве литературы, рекомендованной для чтения в шко-

* «Встречи» (польск.).

ле. Тогда она была дополнена главой, посвященной 80-м годам пропавшего века.

С того времени изменилось практически все. Когда мы писали «Историю Польши», существование Польской Народной Республики (ПНР) как страны — члена Организации Варшавского договора, а также прочность ялтинского порядка и системы реального социализма казались чем-то само собой разумеющимся. Мы писали свою книгу вопреки всему этому и без всякой надежды на скорое осуществление мечты о полном суверенитете. После 1989 г., описывая десятилетие военного положения и перелом, происшедший после крутого стола, мы все еще не были вполне уверены в том, какова будет дальнейшая судьба Польши. Сегодня мы как историки можем смотреть на XX столетие с некоторого расстояния. Правда, историю Третьей Речи Посполитой мы описываем с более близкой перспективы, чему способствует наше собственное участие в построении суверенного государства, но при этом не пытаемся давать каких-либо прогнозов на будущее. Польша сегодня является членом НАТО и Европейского союза, поляки заняты своими насущными заботами, эпоха борьбы за независимость государства и самобытность народа кажется ушедшей в прошлое. Поэтому вся история последней четверти века была нами написана заново. Ведь изменились не только Польша, другим стал окружающий мир. Но сразу оговоримся, что наши взгляды на историю не изменились. В историографии последних лет появилось много новых подходов, выявлено множество прежде неизвестных фактов. Однако наше видение истории государства и народа выдержало испытание временем.

Рассказать об истории и государства, и народа — это главное, из чего мы исходили, приступая к написанию книги. Мы считаем, что именно эти два аспекта могут быть наиболее интересны для российских читателей. На протяжении столетий именно в этих аспектах судьба Польши сильнее всего была переплетена с судьбой России. Невозможно обойти ни одного важного эпизода истории этих отношений. Когда мы писали для польского читателя, не имевшего отношения к повседневной жизни ПНР, мы не ощущали никакого противодействия, описывая польско-российские отношения. На нас не оказывалось никакого нажима с целью заставить что-то особо подчеркнуть, а что-то смягчить. В результате, как нам представляется, мы смогли освободиться от антирусского комплекса, который всегда тяготел над авторами при написании истории Польши. Эти чрезвычайно сложные и исполненные драматизма отношения не стали стержнем книги. Перечитывая ее спустя годы и думая о наших новых чита-

тиях, мы не испытывали опасений: старались правдиво изложить историю, а не вступать с кем-либо в полемику.

Это не исключает того факта, что наши представления об истории Польши, а также о роли в ней России и СССР могут в ряде случаев отличаться от взглядов наших читателей. Нас не пугают эти разночтения, поскольку мы уверены в необходимости открытого и смелого изложения фактов, интерпретаций и убеждений. Ничто так не повредило нашим взаимоотношениям, как официальная ложь. Мы также надеемся на дискуссию, касающуюся не только двусторонних отношений, но и более обширной проблемы, связанной с припятным нами разграничением западной и русской цивилизации. Мы имеем в виду не только новейшую историю. «История Польши» по-прежнему остается в центре спора о судьбах и идентичности Восточной Европы, в котором весьма существенную роль играла начиная с XVIII в. экспансия России.

В польской историографии нередко подчеркивалось, что хотя Российское государство и являлось врагом Польши, в отношениях между русскими и поляками преобладали симпатия и сотрудничество. Эта тенденция преследовала благородные цели, но не могла заслонить прозаической реальности — длительного господства над Польшей сначала Российской империи, а затем Советского Союза. Притягательность для поляков русской культуры, о которой так хорошо написал Чеслав Милош, не исключала неприятия той дружбы, которую воспевала официальная пропаганда. Устранение фальсификаций может лишь способствовать взаимопониманию и настоящей дружбе. И то и другое имело место даже в самые трудные времена, о чем свидетельствуют многие исторические исследования, совместно проводимые историками обеих стран. Наша «История Польши» только обозначает некоторые проблемы, требующие более пространного изложения. Поэтому мы надеемся на начало диалога.

Описывая историю государства и народа, мы придавали особое значение последовательному изложению начиная с X в. В нашей книге тщательно прослеживается то, как происходили территориальные изменения и подчеркивается историческое значение переноса границ на востоке и на западе. Особое место уделяется проблеме сохранения нации в период, когда не существовало государства, как в XIX в., либо когда оно обладало ограниченным суверенитетом, как это было во второй половине XX столетия. Мы сознаем, что вопрос о наличии или отсутствии государственности остается под пристальным вниманием поляков уже на протяжении двухсот лет. Возможно, это указывает на глубоко укоренившийся комплекс и неуверенность в собственной националь-

ной идентичности. Заметим, однако, что эти явления вообще характерны для стран, развивающихся на пограничье цивилизаций.

Исходные тезисы довольно просты. Польша возникает как государство в границах латинского христианства и может рассматриваться как «молодая Европа». Ее расцвет по времени совпадает с формированием сегодняшнего облика европейской цивилизации. В этом процессе Польша участвует со своим особым «проектом». Его неудача влечет за собой упрочение ее периферийности и последующую катастрофу. Выдвигая это соображение, мы полемизируем с упрощенным представлением о разделении на Восток и Запад. Польша была и остается действующим лицом и на том и на другом пространстве.

Мы разделили историю Польши на следующие эпохи: рождение и рост, расцвет и упадок, зависимость и сопротивление. Мы не забывали о необходимости указать на различия в характере государства при непрерывном развитии культуры. Первую часть написал Михал Тымовский. Верхняя граница этой эпохи условна, но мы определили ее рубежом XV и XVI столетий, приняв во внимание становление новой формы государственного устройства. Вторая часть, автором которой является Ян Кеневич, охватывает эпоху Речи Посполитой. Здесь в качестве переломного пункта мы обозначили 1815 г., когда казалось, что все европейские государства согласились с положением, установленным державами, принявшими участие в разделах Речи Посполитой. Идея третьей части, автором которой выступает Ежи Хольцер, основывается на убеждении, что польская нация формировалась в упорном стремлении освободиться от ипогостранной зависимости. Хотя зависимое положение Польши стало явным уже в начале XVIII в., а в отдельные периоды на протяжении XIX—XX вв., напротив, существовало польское государство, обладавшее различной степенью суверенитета, именно Венский конгресс создал такой европейский порядок, при котором суверенная Польша не являлась обязательным элементом. Бунт против диктата великих держав, закрепившего результаты разделов, решительным образом определил судьбу поляков в XIX столетии. Решения Версальской конференции (1919), как оказалось, не стали окончательным решением вопроса. Независимое существование Польши не рассматривалось как нечто не подлежащее сомнению. Вместе с тем восстановленное государство дало полякам шанс упрочить свою национальную идентичность. Благодаря этому они сумели выстоять в катастрофе Второй мировой войны. Ялтинские соглашения (1945) означали возвращение к диктату великих держав в разделенной Европе. Польша могла стать государством без суверенитета. По истинной Поль-

шой тогда было не столько государство, сколько польская нация. Мы не хотели, однако, чтобы веками истории становились национальные поражения и потому неизменно подчеркивали все то, что вопреки обстоятельствам связывало Польшу с западной цивилизацией. Мы признаем, что перелом 1989 г. положил начало изменениям в характере государства, но вместе с тем резко изменил ситуацию в Европе в целом.

История Польши началась тогда, когда в сознании людей стало формироваться представление об их связи с населенной ими территорией. Благодаря их деятельности возникала страна, пространство, определенное общностью культуры. Название «Польша» появилось, когда из союза племени выросло королевство, стремившееся к единству с латинским христианством. Раздробленность государства в XII—XIII вв. способствовала сохранению этого наименования в качестве относящегося к сфере подгосударственных связей. Каждое из удельных государств называло себя польским и могло надеяться на лидерство в объединительном процессе. Уже тогда не все жители королевства были — или назывались — поляками, а часть поляков жила за его границами.

Положение еще более осложнилось в конце XIV — начале XV в. после заключения польско-литовской унии. В расширившихся границах Речи Посполитой отныне находилась не только Польша. Постепенно Польша становилась страной свободной шляхетской нации, а само ее название стало употребляться по отношению ко всем регионам, где доминировала шляхта. Вместе с тем с XVI столетия в Речи Посполитой возрастало и значение отдельных земель, являвшихся традиционными областями Польши. Вследствие слабости центральной исполнительной власти общественная жизнь шляхты все более сосредоточивалась в отдельных землях. В то же самое время разрастались владения магнатов, крупные имения которых становились почти что удельными княжествами. Во времена, предшествовавшие раздлам, право на участие в делах Речи Посполитой определялось сословной принадлежностью и во все большей степени было связано с определенной культурой. Польша отождествлялась с Речью Посполитой (т. е. «республикой»), с союзом свободных людей и их земель. Однако Речь Посполитая включала в себя и обладателей иной этнической и религиозной идентичности.

В XVII—XVIII вв. это огромное государство постепенно слабело, однако разрыва связей, объединявших страну, не произошло. Лишь после разделов вместе с государством были ликвидированы прежние территориальные границы. Уничтожение бывлой организации пространства в земледельческой и католической стране имело следствием восприятие земли как некоего символа, образа, наделенного мистиче-

скими чертами. На протяжении XIX—XX столетий шла принимающая разнообразные формы борьба за землю, за сохранение польского характера землеводства. Символика родной земли оказала сильнейшее влияние на формирование понятия нации.

Если для одних Речь Посполитая отождествлялась с Польшей, то для других она связывалась исключительно с привилегированным сословием. Крепостные крестьяне, а также часть горожан и еврейское население не идентифицировались с государством. Попытки расширения понятия гражданства и перестройки государства начались слишком поздно и уже не могли спасти Речь Посполитую. Монархи, разделившие Польшу, решили, что она навсегда будет вычеркнута из международной жизни. Для множества поляков ликвидация государства означала, что их «вычеркивают из списка наций». Однако для некоторых это стало сигналом о необходимости предпринять усилия к расширению понятия нации. С этого времени польский вопрос постоянно переплетался с социальным, а необходимой предпосылкой для освобождения считалось включение всего населения в национальную общность.

В прежней Речи Посполитой лишь шляхту можно было считать политической нацией. Начиная с разделов чувство связи людей со своей страной становилось все более общим, особенно там, где их не разделяли языковые и религиозные барьеры. Нация современного типа рождалась в условиях несвободы, но национальное сознание апеллировало к тому чувству общности, которое существовало в прежние времена. Оно коренилось в любви к малой родине. Сначала эту любовь воспели поэты, и лишь потом убежденность в существовании близкой и идеальной Отчизны стала постепенно распространяться в народе. Сохранение национального самосознания и его распространение среди новых социальных слоев были неотделимы от упорной борьбы многих поколений за восстановление собственного государства. Теперь, однако, оно должно было стать государством национальным, своим для всех граждан. У каждого нового поколения эта борьба принимала форму вооруженных столкновений. При этом сохранение «польскости» понималось как каждодневная работа, а возрождение Отечества становилось всеобщей обязанностью. Так оформилась идея Польши.

Понимание этой идеи, восприятие Польши как Отечества со временем менялось. Кроме того, существовало множество разнообразных точек зрения и концепций, связанных с вопросами нации и государства. Однако для всех она была той идеей, которая позволяла выстоять в тяжких испытаниях: в ссылках, в тюрьмах, в эмиграции или в

атмосфере непонимания. Идея Польши приобрела романтическую форму, в которой она сохранялась вплоть до восстановления независимости в 1918 г.

Именно идея Польши как реальности, способной существовать независимо от государства, чувство связи с западным христианством и убежденность в принадлежности к Европе имели следствием появление специфической формы национальной идентичности. Ощущение постоянной угрозы придавало ей мессианские черты и обусловило представление о той роли, которую полякам суждено играть в Европе. Тем более что они оказались перед вызовом, каким стало включение их земель в иные государственные образования. Особую роль при этом играло давление, оказываемое прусским государством.

С самого начала своей истории Польша соприкасалась с различными государственными организмами, из которых состояло Немецкое королевство, и с людьми, которых поляки называли немцами. Это всегда означало угрозу, но вместе с тем давало шанс построения общества, способного этой угрозе противостоять, а следовательно, воспринять и самостоятельно развить все, что при посредничестве Германии проникало в Польшу с Запада. Это постоянное соприкосновение, которое включало в себя не только борьбу с Тевтонским орденом, но и усвоение системы немецкого права, принесло Польше бесспорные выгоды. Возникшее в 1701 г. королевство Пруссия долгое время не рассматривалось как угроза для Польши, а его роль как инициатора разделов стала понятной далеко не сразу. В XIX в. поляки, однако, осознали, что именно от Германии исходит самая большая опасность, связанная с германизацией. Германский национализм на рубеже XIX—XX столетий представлял угрозу для польской идентичности в гораздо большей степени, чем русификаторские устремления царских властей. До Первой мировой войны поляки оказывали успешное сопротивление германизации, и их национальная идентичность в немалой степени формировалась под влиянием убеждения в опасности, грозившей со стороны немцев. Враждебность к государствам, разделившим Польшу, и страх перед их политикой переносились и на отношения между людьми.

По этой причине поляков нередко считают националистами. В известном смысле это так, ведь они отстаивали свою национальную самобытность, язык и религию в качестве бастионов идентичности нации, не имевшей своего государства. Именно поэтому поляки сделали врагами для всех непольских национальных движений, появившихся на землях бывшей Речи Посполитой в XX в. Рано оформившаяся польская национальная идентичность сохраняла притягательность для людей са-

мого разного происхождения, стремившихся к продвижению по социальной лестнице, и обеспечивала продолжение ассимиляционных процессов вплоть до прошлого века. Однако одновременно с этим «польскость» стала все более отчетливо ощущаться как угроза для украинцев, белорусов, литовцев и евреев, что имело следствием усиление их национальных чувств и нарастание конфликтных ситуаций, которым в XIX столетии было суждено принять крайние формы. Именно в соприкосновении с поляками шло формирование национального самосознания, и по отношению к ним выдвигались притязания — не только политические, но и территориальные. Это, в свою очередь, оказало сильное влияние на эволюцию польского национализма, который может трактоваться как чувство национального единства.

Конфликт между соседями либо приобретал форму внутренней войны, как в XVII в., либо выражался в попытках физического уничтожения представителей другого народа на той или иной территории, напоминавших этнические чистки XX в. Этот опыт по-прежнему довлеет над отношениями Польши с восточными соседями и требует двусторонней воли к диалогу. Вместе с тем не поддается сомнению, что независимость Украины, Белоруссии и Литвы сегодня лежит в сфере польских государственных интересов. Иначе обстоит дело в отношении Польши с Россией. Польская экспансия на восток довольно долгое время являлась одним из факторов распространения европейской цивилизации. С XV в. она вошла в противоречие с процессом формирования московской, а позднее российской государственности. Потом, однако, экспансионистская роль перешла к Российской империи, которая в XVIII в. стала партнером великих европейских держав. В таких обстоятельствах начался трехвековой период противостояния, когда поляки отстаивали свою национальную самобытность, пребывая в убеждении, что одновременно защищают европейскую цивилизацию. Поэтому память о польских восстаниях была в России памятью о бунтах. События 1920 г. и по сей день в Польше и России предмет весьма пескожих интерпретаций, а такие факты, как 17 сентября 1939 г. или Катынь, остаются для поляков и русских незажившей раной. Однако мы надеемся, что XX век завершил собой эпоху польско-русского спора о том, какой быть Восточной Европе. После попыток установления одностороннего господства и переустройства, после драматического эпизода ее раздела в прошлом столетии события 1989—1991 гг. открыли эпоху независимых государств. Это создает перспективу совершенно новых двусторонних отношений во всех аспектах, в том числе и трезвой исторической рефлексии. Хотелось бы, чтобы роль нашей «Истории Польши» заключалась именно в этом.

**РОЖДЕНИЕ И СТАНОВЛЕНИЕ
ПОЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВА
(X—XV вв.)**

I. Возникновение государства и защита суверенитета

Видеяшие славян из индоевропейской общности произошло на территории Восточно-Европейской равнины, между Вислой и Днестром, приблизительно во II тысячелетии до н.э. Географическая отдаленность славянских областей затрудняла их контакты со странами Средиземноморья. Тем не менее в V в. до н.э. о славянах, возможно, упоминал Геродот, позднее — Плиний Старший, Тацит и другие римские авторы, а также древнегреческий географ Птолемей. Контакты славян с Римом подтверждаются археологическими данными. Первые подробные сведения о славянах появляются в VI в. н.э., когда они приняли участие в заключительной фазе Великого переселения народов, в результате которого была уничтожена Западная Римская империя. В VI—VIII вв. происходили массовые вторжения славян на Балканский полуостров. Начиная с VI в. они заселили также пространства, простиравшиеся до Одры (Одера) и среднего и нижнего течения Лабы (Эльбы). После этих переселений завершилось географическое и языковое разделение славян на три группы: восточную, западную и южную.

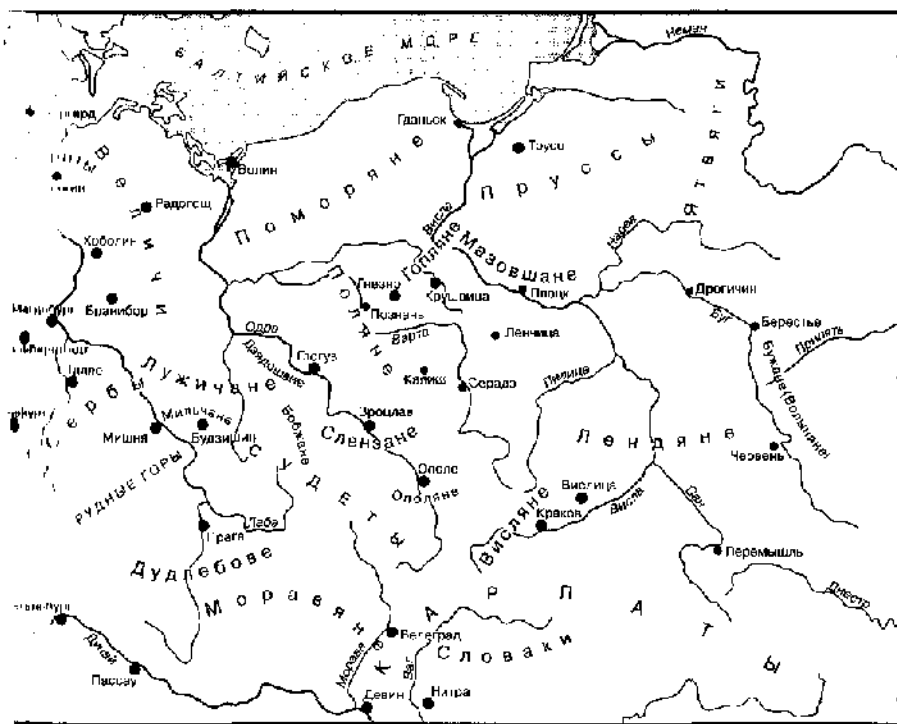
Первые значительные союзы славянских племен возникали в периферийных областях их расселения в ходе борьбы с внешним врагом. Анты на Днестре в IV—VI вв. защищались от готов и авар. Государство Само в Моравии появилось в первой половине VII в. во время борьбы против авар и франков. Во второй половине того же столетия (681) на Нижнем Дунае возникло так называемое Первое Болгарское ханство. Его население состояло из славянских племен и тюрков, совместно противостоявших Византии. Карл Великий столкнулся со славянскими племенами в ходе завоевания Саксонии в конце VIII в.

После раздела империи Карла Великого между его внуками (Верденский договор 843 г.) в столице восточных франков — расположен-

пом на Дунае городе Регенсбурге — появилось «Описание городов и областей к северу от Дуная». Его анонимный автор, которого сегодня называют Баварским географом, используя известия более раннего времени, а также сообщения купцов и воинов, путешествовавших по славянским странам, перечислил жившие там племенные группы, привел их названия и попытался оценить их силы путем подсчета числа укрепленных пунктов. Не все названия, приводимые Баварским географом, поддаются идентификации, не все указываемые автором цифры точны. Тем не менее достоверна общая картина славянского мира, разделенного в IX в. на множество племенных союзов. Из племен лехитов, т. е. тех западных славян, что жили в бассейнах Вислы и Одры и составляли сплоченную группу, обладавшую общими чертами языка и культуры, Баварский географ называет лишь некоторые. Это объясняется тем, что данные племена и территории были наиболее удалены от центров культурной жизни Европы, расположены в стороне от главных торговых путей и защищены от нападений со стороны Франкского государства другими, более близкими к империи славянскими народами. На такое периферийное положение триста лет спустя обратит внимание и первый польский хронист Галл Аноним. «Страна польская удалена от проторенных путей паломников, и знакома она лишь немногим...»¹

Несмотря на отдаленность, неизвестный по имени монах из Регенсбурга знал по меньшей мере о двенадцати племенных группах лехитов. Иные, более отрывочные свидетельства источников, а также данные археологических раскопок позволяют добавить к этому списку еще несколько названий и установить, что в IX в. главными племенами лехитов были поляне, жившие в области, позднее получившей название Великой Польши, главными центрами которой были Гнезно и Познань, висляне (в позднейшей Малой Польше) — их центрами были Краков и Вислица, мазовшане (главный центр находился в Плоцке), куявяне, или голяне (их центрами были Крупница и, возможно, Ленчица), лендзяне (их центром, возможно, был Сандомир). В Силезии обитали слензяне (их городским центром являлся Вроцлав), а также дядошане, бобжане (бобряне), тшебовяне (требовяне), ошояне. Поморье населяла группа поморских племен. Кроме того, известны названия менее крупных племенных объединений, например пыжичане или глужичики.

По своим людским ресурсам и занимаемым территориям племена существенно отличались друг от друга. Поэтому сложившаяся система отношений не могла не измениться в течение последующих столе-

Западные славяне в IX—X вв.

тии. Экспансия сильных племен должна была привести к созданию подплеменных организаций за счет более слабых.

Во второй половине IX в. наибольшими возможностями располагало племя вислян, являвшееся, по-видимому, самым сильным из лехитских племен. Висляне жили в бассейне Верхней Вислы, на обширных и плодородных землях, что обеспечивало значительную плотность населения, а их главный опорный пункт, Краков, находился на перекрестке торговых путей, шедших на восток, в сторону Руси, и на запад, в сторону Праги. Поскольку висляне занимали обширную территорию, были многочисленны, обладали большими политическими возможностями и более развитыми контактами с внешним миром, их в IX в. упоминали чаще, чем прочие племенные группы. Кроме Баварского географа, о них написал в своем географическом сочинении англосаксонский король Альфред Великий. Важные сведения содержит житие апостола Великой Моравии святого Мефодия. «Очень сильный языческий князь, сидящий на Висле, поносил

христиан и причинял им вред. И, послав к нему, [Мефодий] сказал: "Сын, хорошо бы тебе креститься по своей воле, чтобы не была ты крещен насильно в плену на чужой земле; [когда так будет], вспомнишь обо мне"².

Нам неизвестны обстоятельства крещения князя вислян «на чужой земле», однако оно было, скорее всего, связано с поражением, нанесенным этому правителю князем Великой Моравии Святополком (870—894). Неизвестно, было ли навязано крещение прочим вислянам; во всяком случае, убедительные доказательства этого отсутствуют. В то же время известно, что могущество вислян, которые прежде могли «поносить христиан и причинять им вред», т. е. нападать на Моравию, было сломлено и их экспансии пришел конец. Уже после распада Великоморавской державы (906) Краков и земли вислян, а также Силезия, приблизительно в середине X в. оказались в зависимости от чешского государства. Следует подчеркнуть, что в житии святого Мефодия главным признаком наличия у вислян племенной организации выступает не название их племенного союза, а «князь, сидящий на Висле». К тому времени процесс социальной дифференциации и выпячивания княжеской власти продолжался у лехитов сотни лет. Он заметно ускорился в конце VII столетия, а завершился в IX—X вв.

Первый из этих хронологических рубежей приходится на период, когда после миграции части славянских племен на юг (V—VI вв.), вызванной перенаселенностью традиционных областей их проживания на Днепре и Висле и натиском германцев и авар, ареал их расселения стабилизировался. Переход к оседлости стал возможен прежде всего благодаря распространению двухпольной системы земледелия и применению сохи, часто снабженной железным наконечником. Урожай выросли приблизительно до сам-два, а истощенную землю больше не покидали, переходя на новые участки. Все это привело к увеличению численности населения и сделало возможным образование племенных объединений. Общественная и политическая структура племен была скреплена кровными узами, ее основу составляли большая семья и род, включавшие в себя несколько поколений родственников, которые вели совместное хозяйство. Большое значение имела и организация, основанная на соседских связях, — так называемые «ополья», в которых могло насчитываться свыше десятка поселений. Эти поселения были, как правило, невелики, в них проживало одно большое семейство, состоявшее из нескольких малых семей. Каждой из таких малых семей ежегодно, путем жеребьевки и решения старших в роде, выделялось поле, называвшееся «жеребием». Сельские жители,

анимавшихся земледелием и разведением скота, были лично свободны. Опольем руководило собрание взрослых мужчин — «вече». При этом, однако, роль старейшин все более возрастала. Центром ополья был укрепленный деревоземляной замок, называвшийся «грод», в котором проживали эти старейшие и влиятельные люди, а в случае опасности находило убежище все население ополья.

Из числа старейшин выходили могущественные люди, пользовавшиеся большим, чем прочие, влиянием на судьбы сообщества и обладавшие значительным движимым имуществом. Их окружали группы лично зависимых людей, прежде всего вооруженная свита. У них были свои рабы, захваченные во время войны и посаженные на землю. Высшей ступенью, объединявшей отдельные ополья, являлись племена. В их рамках богатые, обладавшие высоким авторитетом старейшины постепенно добивались преобладания над остальными соплеменниками. Из этой группы вышли правители, первоначально игравшие роль военачальников, а позднее получившие право налагать подати, а также осуществлять судебную и административную власть, закрепившуюся за членами одного рода. В IX в. этот процесс зашел уже довольно далеко.

Отдельными племенами правили князья, в большей или меньшей степени независимые от старинных вечевых институтов. О большинстве из них нам ничего не известно, их имена и деяния казались во тьме веков, не знавших письменности. До нас дошло лишь одно племенное сообщество, касающееся местного княжеского рода, а именно правителей племени полян, которым после ряда удачных завоеваний удалось подчинить прочие лехитские племена. Они постарались стереть память о прошлом иных родов и сохранить предания собственного семейства. Первоначально эти предания передавались в устной форме, по памяти. В XII в. их записал хронист Галл Аноним. Он следовал рассказам, услышанным им при княжеском дворе. Согласно этим преданиям, «был в городе Гнезно, что по-славянски означает «гнездо», князь по имени Попель». Князя этого, однако, свергли и изгнали из «королевства», а власть оказалась в руках Семовита (Семовита), сына простого пахаря Пяста и его жены Репки. Хронист назвал имена трех князей, правивших в Гнезно: Семовит, Лестко и Семомысл, добавляя при этом, что о них «сохранились достоверные воспоминания», и сообщая затем, что «этот Семомысл породил великого и достойного упоминания Мешко», т. е. первого правителя Польши, имя которого сообщают современные Галлу письменные источники.

О централизации власти, об обложении населения податями и трудовыми повинностями в пользу князя, об общественной дифференциации племенного сообщества на знать, свободных селян и не-свободное население свидетельствуют данные археологии. Особенно ярко эволюцию политической организации полян демонстрируют раскопки в Гнезно. Небольшой замок (город) появился здесь в конце VIII в., следующее, большее по размерам сооружение, рядом с которым уже находился посад, возникло в середине IX в., а в конце X столетия в Гнезно уже существовал мощный ансамбль построек с двумя посадами и со свободной застройкой с наружной стороны валов.

Город, расположенный на возвышенности и окруженный валом в 10 м высотой, 16,5 м шириной у основания и около 5 м в верхней части, являлся центром княжеской власти. Вал, окружавший замок, был построен из засыпанных землей дубовых бревен. Его строительство предполагало большой объем работ и требовало хорошей организации. Возводили его по распоряжению князя сельские жители.

Список предков Мешко I (ок. 960—992) довольно краток и включает всего лишь три имени. Не исключено, что они заняли трон после того, как прежний княжеский род (последним представителем которого мог быть Попель) уже добился весьма значительной степени централизации власти. Однако в конце IX — в первой половине X столетия в положении полян, находившихся под властью новой династии, которую в будущем назовут династией Пястов, произошли принципиальные изменения. Семовит, Лестко и Семомысл подчинили себе ряд соседних племен: куявян, затем мазовиан, быть может, также лендзян. В городах, расположенных на завоеванных или подчиненных на основе договора территориях, они сажали своих наместников. В случае необходимости правители создавали новую сеть замков, которая в Мазовии, например, поражала своей регулярностью. Здешние города располагались друг от друга на расстоянии 20—35 км, т. е. на протяжении дневного перехода вооруженного отряда.

Успехи полян и их правителей в борьбе за верховную власть над другими племенами могли иметь различные причины. Решающими факторами являлись наличие централизованной власти и значительных вооруженных сил. Участие в походах могли принимать рассчитывавшие на добычу свободные селяне. Однако ударную силу представляла дружина. Ее члены лично зависели от князя, который снабжал продовольствием и вооружал их. Из этой группы выходили сановники княжеского двора. Князь и члены его дружины забирали себе большую часть военной добычи; присвоенное таким образом

Городище в Рокитно, Мазовия, долина реки Утраты (XII—XIII вв.).

В XII—XIII вв. здесь находился каштелянский³ замок (грод), типичный образец многочисленных построек того периода. Начиная с X в. такие замки были узлами оборонительной системы польского государства и главными элементами его административной сети. В отличие от племенного периода, когда в обнесенных горах в случае опасности находило убежище все окрестное население, замки монархии первых Пястов были небольшими и предназначались в первую очередь для пребывания в них княжеских чиновников и вооруженных гарнизонов. Замки Мазовии, по-видимому, были построены князьями из династии Пястов в X столетии после завоевания ими этой территории. Они располагались приблизительно в 30 км один от другого, т. е. на расстоянии дневного перехода отряда дружинников. Чтобы усилить обороноспособность замков, их возводили посреди болот, на островах и в речных поймах. Рокитно расположено в долине реки Утраты. Легче всего город было атаковать с высокой речной террасы, которую видно на снимке. С этой стороны была возведена башня («столп») — сильнейший пункт обороны и резиденция городского господина — каштеляна.

богатство усиливало их позиции по отношению к другим общественным группам. Опираясь на сильное войско, правители полян осуществляли управленческие функции над покоренными племенами и держали их в повиновении. И все же обширная территория государства, трудности сообщения, в особенности при пересечении лесистых и болотистых пространств, разделявших отдельные племенные территории, позво-

ляли покоренным племенам сохранять значительную внутреннюю самостоятельность. Князья полян не уничтожили здесь старинные ополья, накладывая на эти сообщества свободных сельских жителей подати, сборщиками которых выступали княжеские слуги. Таким образом, Мешко I многим был обязан своим предшественникам, десятилетиями собиравшим силы, создававшим систему управления, расширявшим подвластную им территорию и подготовившим коренные изменения государственной организации.

Тем не менее происшедшие в правление Мешко I (до 992 г.) перемены носили столь радикальный характер, что именно этот правитель считается основателем польского государства. Мешко продолжил завоевания и вдвое увеличил территорию своего княжества. В начале своего правления он занял Гдапское Поморье, до 972 г. овладел Западным Поморьем, вероятно, после 982 г. — Силезией, а около 990 г. — землей вислян. Но главным достижением Мешко I стало создание новой политической организации для всех лехитских земель и превращение польского государства, после крещения в 966 г., в составную часть политической системы христианской Европы.

Польское государство, объединявшее по большей части лехитские племена, жившие в бассейне Вислы и Одры, обладало значительными демографическими и экономическими ресурсами. Правда, в дальнейшем правителям из династии Пястов удалось удержать за собой далеко не все эти территории. Особенно сильный сепаратизм проявляли племена Западного Поморья, политическая организация которых, основанная на олигархическом правлении знати и купечества, заметно отличалась от организации прочих лехитских племен. Западное Поморье добилося независимости в начале XI в. и было вновь подчинено Болеславом III Кривоустым лишь в начале следующего столетия. Силезия более чем на десятилетие была оторвана от Польши правителями Чехии, а лежавшие на юго-восточной границе Польши и Руси Червенские города¹ несколько раз переходили из рук в руки. Поэтому о размере территории и численности населения польского государства той эпохи можно говорить лишь предположительно.

Его площадь в начале XI столетия составляла приблизительно 250 тыс. кв. км. Средняя плотность населения — 5 человек/кв. км, но имели место значительные региональные колебания: наряду с пустынными лесными пространствами существовали плотно заселенные (около 15 человек/кв. км) районы, расположенные на плодородных землях и в долинах рек, где имелись удобные пути сообщения. Численность населения Польши превышала 1 млн человек. Полагая-

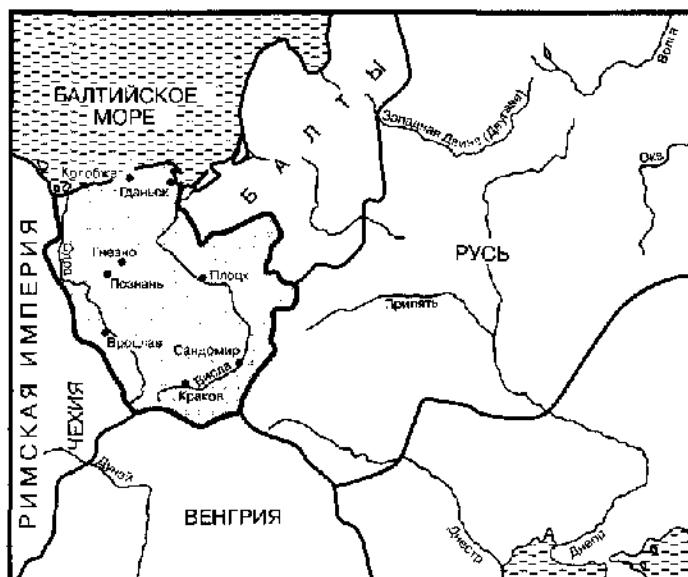
иначе его большинство занималось сельским хозяйством. Наиболее многочисленную общественную группу по-прежнему составляли свободные кметы, жившие семейными и соседскими общинами. Старинные племенные различия не были полностью изжиты и сохранялись в территориальном делении государства, а после создания польской церковной провинции (1000 г.) — в делении на епархии. Низшей ступенью администрации были городские округа, где пребывали представители князя (паны, городские комесы⁵), наделенные полной военно-административной и судебной властью на своей территории. При первых Пястах исконная территория племени полян сохраняла свое привилегированное положение. Там находились главные столичные города — Гнезно, где располагалась резиденция князя, а с 1000 г. архиепископа, и Познань. В этих замках и прикрывавшем их с юга Гече и кувявском Влоцлавеке происходил сбор отрядов латников и пидгоносцев, составлявших костяк вооруженных сил всего государства. Прочие земли пока еще считались зависимыми, а сохранение опеки гарантировало наличие сильного войска.

На военный потенциал государства Мешко I обратил внимание автор первого подробного описания княжества — еврейский купец из Испании Ибрахим ибн Якуб. «...А что касается страны Мешко, то она самая обширная из их [славян] стран. Изобилует она продовольствием, мясом, медом и рыбой. Собирает он [Мешко] налоги в торговых динарах. Идут они на жалованье его мужам. Каждый месяц приходится каждому [из них] определенное количество. Есть у него три тысячи воинов в панцирях, [разделенные] на отряды, а сотня их стоит десять сотен других [воинов]. Дает он этим мужам одежду, коней, оружие и все, в чем они только нуждаются...»⁶ Это одно из наиболее пространственных описаний княжеской дружины — института, характерного как для германских, так и для славянских государств раннего Средневековья. Наряду с дружиной при необходимости собирались отряды из свободного сельского населения. Воинами являлись и представители знати, имевшие достаточно средств на дорогое снаряжение и желание принять участие в военных походах. В начале XI в., когда военный потенциал польского государства был особенно высок, общая численность воинов в разного типа отрядах составляла несколько тысяч. При обороне собственной территории от чужеземных захватчиков это число могло увеличиться до 20—25 тыс., поскольку тогда воинская повинность распространялась на всех свободных мужчин, проживавших на подвергшейся нападению территории. Однако по своему вооружению и подготовке эти люди существенно уступали обученным воинам постоянного войска.

С военной мощью государства первых Пястов нередко связывается стремительный процесс становления польского государства в течение короткого (менее ста лет) временного промежутка. Располагавшие подобными силами правители пытались осуществлять довольно смелые политические планы, продолжали завоевания и были в состоянии защитить свою территорию от столь сильного противника, каким в XI—XII вв. была империя⁷. Польские князья постоянно вели новые наступательные войны ради территориальных приобретений и добычи, облегчавшей содержание дружины, а также оказывали ожесточенное сопротивление пемским правителям.

Содержание армии требовало больших затрат. Захваченные трофеи давали лишь дополнительные, хотя и существенные средства. Поэтому с правлением Мещко I и Болеслава I Храброго (992—1025) связано создание и упрочение государственного фискального аппарата. На смену получаемым от случая к случаю дарам и собиравшейся после успешных походов дани пришла хорошо отлаженная система постоянных податей. Их выплачивало все сельское население, главным образом продуктами земледелия и животноводства. Эти подати поступали в гроды и должны были удовлетворять потребности монарха, разъезжавшего со свитой по стране и осуществлявшего контроль над сборщиками податей на местах.

Важным элементом финансовой системы стали монопольные права правителей, связанные с наиболее интенсивными и доходными отраслями хозяйства. Это были так называемые «регалии»: на чеканку монеты (этим занимались особые княжеские тиновники — «минцежи»), на добычу благородных металлов, на устройство и обложение сборами рынков и постоянных дворов, на таможенные пошлины, на бобровую охоту. К получаемым князем доходам добавлялась прибыль от внешней торговли. В обмен на рабов, меха и янтарь приобретались предметы роскоши, необходимые для княжеского двора, его сановников и церковных учреждений. Экспорт рабов в арабские страны и Западную Европу был настолько велик, что активный торговый баланс приводил к наплыву в Польшу арабской серебряной монеты. Поэтому пленники составляли важную часть военной добычи. Однако к концу XI в. вывоз людей стал понемногу уменьшаться как по экономическим, так и по религиозным причинам. Внутри страны рос спрос на рабочую силу, а пленные, которых расселяли на земле, стали существенным элементом развития крупной земельной собственности. Кроме того, против вывоза людей в мусульманские страны протестовала церковь.

Польша при Мешко I (конец X в.).

Наряду с обычными податями — зерно, крупный рогатый скот и свищи — и повинностями в виде участия в строительстве и ремонте городов, появилась особая система повинностей, призванная удовлетворять отдельные потребности князя. Это были поставки ремесленных изделий и проведение квалифицированных работ; существовали поселки бортников, поставлявших мед и воск, поселки охотников и рыбаков. Основная часть подобных поселений создавалась самим князем. Следы этой организации, называемой служебной, сохранились до нашего времени в некоторых топонимах. Это такие названия, как Щитники, Гротники⁷, Лагевники, Шафляры, Беднары, Ковале, Шевце, Пскары, Кухары, Корабники (строили ладьи, а возможно, и обеспечивали их командами), Кобыляники, Овчары, Бобровники, Злотники, Виняры. Нам известно более сорока типов таких названий, что свидетельствует о большом разнообразии специализированных работ, в которых нуждался князь, навязывавший их выполнение зависимому от него населению. Большая часть этих повинностей шла на обеспечение войска. Существовали также подати в виде поставок особо ценных продуктов и материалов, таких, как бобровые шкуры, мед, изделия из золота. Наконец, часть служивших князю людей выполняла повинности по обеспечению повсед-

невных нужд княжеского двора: пекли хлеб, готовили еду, передавали известия.

Таким образом под давлением государства возникло множество новых занятий, а некоторые из существовавших прежде стали более распространенными. Создание служебной организации было попыткой приспособления структуры производства к потребностям правителя, правящего слоя и армии. Служебники не являлись ремесленниками в точном смысле этого слова, поскольку ни князь, ни слишком узкий рынок не могли обеспечить пропитание столь большому количеству людей. Это были обычные сельские жители, которые кормились со своей земли и лишь вносили подати особо оговоренными видами продуктов, а не зерном и скотом, как прочие крестьяне. В связи с этим качество их изделий оставляло желать лучшего. Массовый характер поставок, что было особенно важно при снабжении войска, а также разнообразие выполняемых работ обеспечивались в ущерб качеству продукции.

Финансовая система функционировала следующим образом: в замковых округах собирались подати, которые затем распределялись князем. Это была экстенсивная система, однако она удовлетворяла все потребности правителя и господствующего слоя.

К этому слою относились представители знати («можновлады»), признавшие власть Пястов и представлявшие их на собственной территории. В городах, служивших столицами провинций (кроме Гнезно и Познани, к ним относились также Вроцлав, Краков, Сандомир, Плоцк, Крушвица, Асигица и Гданьск), пребывали провинциальные комесы, а приблизительно в ста других замках — городские папы, окруженные группой низших служащих: войских, коморников, владарей и пивничих⁹.

Наиболее влиятельными сановниками, по своему статусу стоявшими даже выше провинциальных комесов, были епископы. Их резиденции находились в Гнезно, Кракове, Вроцлаве, Колобжеге, а также, с самого начала христианизации страны, в Познани. Сеть епархий, располагавших отлаженным аппаратом управления и щедро финансируемых князем, составляла один из важнейших элементов управления. Со второй половины XI в. к ним добавились большие бенедиктинские аббатства, игравшие подобную роль. — в Тышце, Могильне, позднее в Тшемешне, — ставшие опорой основавших их князей.

Вокруг князя сложилась группа придворных сановников, являвшихся чиновниками центральных органов власти. Важнейшим из них по своему положению был дворцовый комес, иначе называвший-

ни посподой, который управлял двором и вместе с тем был главным советником князя воспитателем. Внешней политикой ведал кашцлер; поскольку эта должность требовала грамотности, ее занимали духовные лица.

Во главе государства стоял князь (в нескольких случаях король), происходивший из княжеского рода полян. Теоретически он был ни в чем не ограниченным господином всего княжества, т. е. его территории, богатств и всех жителей. Он был носителем всей полноты власти, поэтому выступал и главнокомандующим, и судьей, и администратором государства, которое полностью отождествлял со своей персоной. Однако его власть нельзя назвать абсолютной, так как ему приходилось считаться с интересами крупной знати (можновладства), без которой управление государством оказалось бы невозможным.

Как и в других государствах средневековой Европы, власть князя имела династический характер. Однако сам принцип наследования трона в рамках правящего рода оказывался недостаточным, поскольку у большинства князей было по несколько сыновей. Принцип первородства — «примогенитуры» (лат. primogenitura) и передачи власти только одному из сыновей последовательно не проводился. Следствием были частые междоусобицы, которые позволяли князю усиливать свое политическое влияние, поддерживая того или иного претендента на престол.

Известно, что у Мешко I было не менее двух братьев. Они являлись высокопоставленными воспитателями, а следовательно, пользовались доверием князя. Один из них, имя которого осталось неизвестным, погиб около 965 г. в войне с венецианцами, другой, которого звали Чибор, отличился в 972 г. в сражении с немецким маркграфом Годоном под Цедыней¹⁰. Умирая, Мешко I передал часть государства своему первородному сыну Болеславу, а часть — сыновьям от другой жены, Оды. Болеслав, однако, нарушил волю отца и изгнал Оду с сыновьями из Польши. В свою очередь он завещал все государство — вместе с полученной в 1025 г. королевской короной — своему любимому сыну Мешко II, обойдя старшего сына Бесприма. Следует иметь в виду, что королевская корона, помимо прочего, являлась символом несомненной государственности. Однако Мешко II (1025—1034), после ряда военных поражений и короткого правления Бесприма (1032), был вынужден отказаться от королевского титула и выделить уделы младшему брату Откину и одному из своих родственников по имени Дитрих (1032). В конце жизни он все же сумел вновь объединить все государство в своих руках.

После смерти Мешко II и общего кризиса государства, вызванного восстанием знати и зависимого населения, трон получил его единственный сын Казимир I Восстановитель (1034—1058). Но уже в следующем поколении в борьбе за власть столкнулись Болеслав II Смелый (1058—1079) и Владислав Герман (1079—1102), причем Владиславу удалось добиться трона после изгнания старшего брата. Подобным образом и два сына Владислава Германа — старший Збигнев и младший Болеслав III Кривоустый (1102—1138) вели ожесточенную борьбу за власть. Она завершилась трагической смертью Збигнева (1112), ослепленного по приказу победившего брата.

Таким образом, отсутствие твердо установленных правил передачи власти и взгляд на княжество как на собственность правителя, имеющего право разделить его между своими сыновьями, а также борьба честолюбивых князей за единовластие стали причиной множества внутренних потрясений. Но все же единство государства удалось сохранить. Ведь завоеванный в борьбе трон чаще всего доставался наиболее выдающимся личностям, обладавшим политическими способностями, умевшим руководить людьми, хотя и отличавшимся при этом немалой жестокостью. Такими были оба Болеслава, Храбрый и Кривоустый. Нельзя также отказать в способностях и стойкости Мешко II, хотя в некоторых преданиях, объясняющих поражение этого князя его личными чертами, за ним закрепилось прозвище «Алчливый». Лишь однажды в ходе борьбы трон достался человеку слабому и гораздо менее одаренному, чем свергнутый им брат, — Владиславу Герману. Однако, если помимо исторических процессов, имевших, разумеется, принципиальное значение, принять во внимание роль людей, находившихся на вершине власти, и влияние их способностей и недостатков на ход событий, можно сделать вывод, что среди польской правящей династии в X—XII вв. было немало способных, а порой и выдающихся деятелей. Это весьма благоприятствовало успехам государственного строительства.

Паряду с органами власти и занимаемой территорией элементом государственной организации является общество. Без совместного и целенаправленного труда его членов государство возникнуть не может. Важной чертой польского общества этого периода стало гораздо более сильное, чем в племенную эпоху, социальное и имущественное расслоение. В раннефеодальную эпоху существовали такие социальные слои, как богатая и могущественная знать (можновлады), представлявшая немногочисленной группой высших сановников и высшего духовенства, свободное население, подчиненное княжеской вла-

ги, и повольники, принадлежавшие либо князю, либо представителям рода.

Группа высших сановников, разумеется, была наименее многочисленной и насчитывала около тридцати человек. К ним можно отнести некоторых десятка людей, занимавших высшие посты в дворцовом управлении, комесов провинций, архиепископа Гнезненского и епископов других городов, настоятелей нескольких крупных монастырей, а также десяти городских панов, управлявших наиболее важными в стратегическом и хозяйственном отношении округами. В источниках сохранилось не много имен możnowładców: из наиболее выдающихся известны воеводы XII в.: при Владиславе Германе этот пост занимал Стех (Сецех) из рода Топорчиков, а при Кривоустом — Скарбимир из рода Авданцев и Петр Властовиц из рода Лабендзей. Известны также роды Грифитов, Палуков, Одровонжей и род комеса Войслава. Палуки были связаны с Великой Польшей, Лабендзи — с Силезией. Больше всего знатных родов происходило из Малой Польши.

Помимо узкой группы высших сановников, имелось еще около 120 лиц, занимавших другие важные посты. К этой группе относились приблизительно 90 городских панов, а также люди, занимавшие некоторые менее значительные должности в духовной и дворцовой администрации. Кроме того, существовало несколько сотен низших городских чиновников — «войских», «влодарей» и т. п. К привилегированной группе принадлежали члены княжеской дружины. В то же время нам неизвестно число рыцарей, которые, не занимая никаких должностей, имели земли, обрабатываемые несвободными людьми, и служили князю во время войны. Этот слой возник еще в племенной период; к нему могли принадлежать и те свободные крестьяне, на которых вместо уплаты податей была возложена военная повинность и которым посчастливилось захватить на войне несколько пленников. Речь идет не о собственниках крупных имений, поскольку их в Польше тогда еще не было, а об экономически самостоятельном рядовом рыцарстве.

Отсутствие крупного землевладения было характерной чертой раннего польского государства в первые столетия его существования. Мы узнаем об этом косвенным путем, анализируя доходы Гнезненского архиепископства, бенедиктинского монастыря в Могильне и знакомясь с имущественным положением крупнейших możnowładców. В системе экономического обеспечения Гнезненского архиепископства ранее всего появились десятины от княжеских доходов, складывавшихся из податей, таможенных пошлин и регалий, которые поступали в гроды, находившиеся на территории архиепископии. Могиль-

ненское аббатство получило от князя Болеслава Смелого право на девятую часть доходов от городов Северной Мазовии. Таким образом, первоначально жаловалась не земля, а часть государственных доходов от определенного числа городских округов. Если так было даже в случае церковных институтов, благодаря которым в Польшу припали образцы европейской феодальной организации, в том числе и модель феодальной собственности на землю, то с еще большим основанием можно предположить, что подобным образом обеспечивались и светские должностные лица.

Итак, социальные различия определялись, скорее всего, выполняемыми тем или иным лицом функциями и доступом отдельных групп к государственным доходам. Общественное неравенство не было связано с владением земельной собственностью. Роль государственной казны состояла не только в сборе податей с зависимого населения, но и в их последующем распределении. Духовная и светская знать, занимавшая посты в государственном аппарате монархий первых Пястов, могла получить гораздо больше средств из государственной казны, чем от эксплуатации еще небольших в ту пору землевладельческих хозяйств. Данный тип обеспечения мог быть весьма привлекательным, однако ставил możnowładcy в зависимость от правителя, который мог не только увеличить, но и забрать пожалованное — с тем большей легкостью, что речь шла о движимом имуществе.

Тот же, кто не получил от князя подобных полномочий, относился к подданным, платившим подати. Подаваяющее большинство этих людей составляли свободные крестьяне, зависевшие только от правителя и платившие подати на основе княжеского права. Княжеское право являлось элементом, скреплявшим в единое целое всю политическую и общественную систему.

В рамках этой системы, основанной на сборе податей от имени князя и последующих пожалованиях из княжеской казны, жила большая часть населения. Однако существовал и иной сектор — землевладельческий. Поначалу второстепенный, он динамично развивался с середины XI в. и на протяжении всего XII столетия.

Крупнейшим землевладельцем был сам князь, в распоряжении которого находилось множество посаженных на землю плешиков. Эти люди, называемые в источниках *decimi*, т. е. «десятники», для облегчения организации их труда делились на сотни и десятки. Земельные владения князя уже в начальный период существования государства достигли значительных размеров, однако имения знати оставались пока небольшими.

По особым правилам жили так называемые подгородья, т. е. расположенные рядом с крупными замками раннегородские поселения. Данных об их количестве было невелико — всего около двадцати. В подгородьях, которые, подобно городам, были окружены деревоземляными валом и рвами, размещались постоянные дворы, работали ремесленники — кузнецы, гончары, скорняки, изделия которых предназначались для удовлетворения потребностей князя и для пока еще слабо развитого внутреннего рынка. Туда же прибывали купцы, чаще всего чужеземные, которые привозили предметы роскоши, предназначенные для князя, знати и высшего духовенства. Они доставляли высококачественное оружие, дорогие ткани, ювелирные изделия и, возможно, меха. За эти товары с ними расплачивались главным образом рабами, мехами и янтарем.

И территориально, и экономически подгородья были связаны с замками и жившими там духовными и светскими князьями. Как и землевладение, они были пока еще второстепенным явлением в экономике, хотя и имели довольно большое значение для высшего общества.

Иной тип раннегородских поселений представляли собой рынки, они были связаны с местным товарообменом. Крестьяне, рыбаки, ремесленники и скотоводы могли сбыть здесь свою продукцию и купить хлеб, пиво, а иногда, если располагали необходимыми средствами, железные сельскохозяйственные орудия. Известно, однако, что в начале XI в. рынки были сравнительно немногочисленны. Организация и содержание рынка были исключительной прерогативой князя, который обеспечивал безопасность торгующих, взимал особый сбор, называвшийся рыночным, а кроме того, имел право чеканить монету. Впрочем, в начальный период существования Польши монета была дорогой и редкой, поэтому она не предназначалась для мелких сделок на местном рынке. Там товар меняли непосредственно товаром либо же пользовались так называемыми «платилами» (*placiki*) — предметами, обладавшими общепризнанной стоимостью и служившими вместо денег. Это могли быть куски железа в форме топоров, бляхи из шкурки и, возможно, как в Чехии, куски редкого в то время аляшского полотна.

Таким образом, помимо господствовавшей системы, основанной на княжеском праве, в рамках которой общественное положение определялось тем, платил ли человек подати в государственную казну, он же принимал участие в их сборе, распределении и потреблении, существовали элементы иной системы, основанной на земельной со-

ственности и вытекавших отсюда социальных различиях. Кроме того, имелись зачатки городского хозяйства, связанного с наличием местных рынков и внешней торговли, но не игравшие большой роли в социально-экономических отношениях и находившиеся под строгим княжеским контролем.

Создание сложной государственной организации было весьма дорогостоящим делом. Наложение тяжелых повинностей на население не могло обойтись без конфликтов. В период подчинения полянами прочих племен происходили столкновения местных правящих родов и знати с завоевателями из династии Пястов. Подобные противоречия либо разрешались, либо сопротивление подавлялось силой. Местные правящие группы, отличавшиеся особым упорством, Пясты уничтожали физически. Однако тем представителям знати, которые соглашались сотрудничать с завоевателями (несмотря на близость культуры и образа жизни, это не могло быть легким решением), Пясты давали шанс проявить себя в рамках несравнимо более передовой организации, какой было польское государство. Это соблазнительное предложение вполне могло удовлетворить честолюбивые чаяния тех, кто стремился к богатству и власти.

Совершенно иным было положение крестьян. Возложенные на них расходы по созданию государства были весьма обременительны, тем более что в VIII—X вв. рост производительности земледелия оставался весьма незначительным. Расширение производства имело экстенсивный характер, будучи связанным с ростом населения, раскорчевкой лесов и обработкой новых земель. Размер же податей был несопоставимо более значительным, чем в племенную эпоху. Поэтому можно предположить, что в период создания польского государства уровень жизни сельского населения существенно снизился.

Давало ли государство Пястов крестьянам что-либо взамен их труда и возложенных на них повинностей? Однозначно отрицательный ответ был бы неверным. Крестьянам могла быть выгодна стабилизация политических отношений, снятие постоянной угрозы вражеских набегов. Но компенсировали ли подобные выгоды рост податей, налагавшихся правителем и его чиновниками, тем более что крестьяне отнюдь не всегда признавали их своими?

Ответить на этот вопрос поможет анализ событий, разыгравшихся в конце правления Мешко II и сразу после его смерти (1034). В 1031 г. Польша подверглась нападению со стороны Германии и Руси. Война была проиграна. Мешко был вынужден отказаться от королевской короны. Военные поражения, падение авторитета правителя и грабежи

чужеземных войск вызвали мятеж знати, вспыхнувший после смерти правителя. Сыну и престолонаследнику убитого князя, Казимиру, пришлось бежать из Польши. Начался период смуты. Вскоре восстало польское население, недовольное возложенными на него повинностями. Восстание сопровождалось выступлениями против церкви и возвращением к язычеству. «И хотя Польша терпела столь огромные бедствия и несчастья от соседей, — писал годы спустя Галл Аноним, — однако еще худшими и более жестокими были бедствия, причинявшиеся ей ее же обитателями. Именно: рабы поднялись против своих господ, многоотпущенники против знатных, возвысив себя до положения господ; одних они, в свою очередь, превратили в рабов, других убили, вероломно взяли себе их жен, преступно захватили их должности. Кроме того, отрекшись от католической веры, о чем мы не можем даже говорить без содрогания, подняли мятеж против епископов и служителей Бога, из них некоторых убили более достойным способом — мечом, других, как бы заслуживших более презренную смерть, побили камнями». В это кровавое лихолетье еще одним ударом по польской церкви стало нападение чешского князя Бржетислава I. Не встречая в охваченных хаосом Силезии и Великой Польше никакого сопротивления, он дошел до Гнезно. Захватив город, Бржетислав вывез из Гнезненского собора мощи святого Войтеха и хранившиеся там сокровища, увел с собой множество пленников, а в силезских замках разместил свои гарнизоны, присоединив этот удел к Чехии.

Но выдержав внутренних потрясений и внешних неудач, польское государство практически перестало существовать. Однако не полностью государственный аппарат подвергся распаду в одинаковой степени. Из разоренной языческим восстанием Великой Польши знать переехала в Мазовию, где бывший чашник Мешко II Маслав (Мсцлав) взял в свои руки княжескую власть и создал некое подобие государства. Не был разорен и Краков, знать которого сохраняла контроль над прилегавшей к нему частью Польши.

Охватившее огромные территории восстание выявило, с каким нежеланием воспринимались налагавшиеся князем подати и какие настроения господствовали среди чрезмерно обремененного ими населения. Этот бунт заставил знать понять, чем грозит отсутствие княжеской власти и расстройство государственного аппарата. Теперь Пястов стали считать законными правителями не только они сами и окружающие их поляне, но и знать других областей Польши. Именно поэтому Казимир Восстановитель смог приступить к восстановлению государства, находясь в Кракове, ставшем затем столицей Польши. После по-

беды над Маславом и утверждения власти Казимира в Мазовии (1047) в Польше более никогда не появлялось узурпаторов, не имевших отношения к правящей династии. Галл Аноним называет Пястов «прирожденными владетелями Польши»; именно таковыми они были в начале XII столетия для польской знати — как светской, так и духовной. Можно предположить, что нападения иноземцев и разграбление Польши, мучительные также для сельского населения, заставили и простой народ осознать значение княжеской власти. Еще большую роль для будущего формирования сознания подданных и их отношения к князю сыграло некоторое смягчение фискального гнета, а также то, что вторая половина XI в. стала периодом роста количества рынков, более активной чеканки монеты, а следовательно, и большей ее доступности. Отныне в руках крестьян оставалась значительная часть того, что ими производилось. В этом смысле восстание зависимого населения пришло свои плоды, приведя к переустройству государства, существенным переменам в устремлениях князей, в организации власти и в сознании отдельных общественных групп. Эти изменения были столь глубокими и настолько успешными, что подобный бунт больше не повторился. В результате этих событий, а также по мере того как проходили десятилетия и столетия правления Пястов, их власть воспринималась в качестве все более легитимной. Если на заре польской государственности она — за пределами земель полян — основывалась на военной мощи и насилии, то во второй половине XI—XII в. ее фундаментом стала убежденность знати в полезности и необходимости княжеской власти. Вследствие же выполнения государством организаторской и оборонной функции, а также по мере привыкания населения различных областей к постоянному правлению одной династии Пясты сделали признанными правителями и для более широких кругов общества. Огромное значение для легитимизации их власти имело христианство. Священный характер княжеской власти был для христиан наиболее полным обоснованием права отдельных князей и всей династии на правление Польшей.

IX и X века были в Центральной и Восточной Европе периодом становления государственной организации, формировавшийся на основе племенных союзов путем подчинения слабых племен более могущественными. Главным образом это были славянские государства: Великая Моравия в IX в. (а после ее разгрома в 906 г. венграми — Чехия), Польша и Русь. По соседству с ними создали собственное государство венгры. Тогда же на севере Европы возникли Датское, Норвежское и Шведское королевства.

Практически одновременно к подобным результатам привел распад империи Каролингов, на месте которой возник ряд мелких по размеру политических образований, стремившихся к государственному суверенитету. Восточно-Франкское королевство, а позднее немецкое государство было разделено на ряд почти самостоятельных наместных герцогств, сильнейшим из которых являлась Саксония. Ее правители вели постоянные завоевания в славянских землях. После получения ими немецкой королевской короны они были коронованы в Риме как римские императоры (962). Это стало основой их универсалистских притязаний (т. е. стремления придать своей власти всеобщий характер) и обоснования своих прав на подчинение политических образований, возникших в Центральной и Восточной Европе.

Реакция на имперский универсализм со стороны правящих слоев племенных и государств, соседствовавших с империей, зависела от множества факторов: географического положения, отношений с соседями, экономического и военного потенциала, социальной структуры. Однако не подлежит сомнению, что наряду с этими объективными условиями, определявшими политику князей и знати, немалую роль играл личный выбор правителей, зависевший от их амбиций, смелости и умения использовать в своих интересах изменчивую политическую обстановку.

Серьезным преимуществом правителей полян оказалось географическое положение страны. Самостоятельности вславы положила конец Великая Моравия, под властью которой приблизительно в середине X столетия оказался Краков. У полян же имелось время на собирание сил до того самого времени, когда в начале 60-х годов X в. власть перешла к Мешко I. Ему пришлось столкнуться с целым рядом внешних угроз. На западе саксы подчинили своему господству лужицких сербов¹¹, а могущественный маркграф саксонской восточной марки Герон одну за другой завоевывал славянские земли.

В связи с немецкой экспансией в восточной части Центральной Европы и с созданием здесь новых государственных образований принципиально важное значение приобретала проблема христианизации молодых государств. Она могла осуществляться несколькими способами: или путем завоевания и насильственного обращения в новую веру саксонскими завоевателями, или же путем добровольного обращения местных правителей. Был возможен и отказ от христианства в отражение чужеземного вторжения и сохранение веры предков. Однако, как показывает история отдельных племенных союзов и государств региона, лишь добровольная христианизация позволяла со-

хранить независимость и вместе с тем осуществить такое внутреннее переустройство государства, которое обеспечивало его долгое существование. Иные решения рано или поздно приводили к катастрофе или постепенному упадку местной политической организации. Немалое значение для добровольного принятия христианства имела и внутренняя социально-политическая структура. Христианизация сверху, ставшая результатом решения правителя, оказалась возможной в Великой Моравии (что было связано с деятельностью свв. Кирилла и Мефодия), в чешском государстве, в Киевской Руси и в Польше, а также в скандинавских королевствах. Однако подобной христианизации не произошло у племенных союзов ободритов и велетов, сопротивлявшихся немецкому натиску до конца XII в., а также у племени Западного Поморья, которые несколько раз сбрасывали польское господство. Слишком слабые позиции тамошних князей, могущество местной знати и частные интересы богатых городских центров создавали непреодолимые препятствия для процесса христианизации, сохранявшие свое значение вплоть до подчинения этих объединений более сильным политическим организациям.

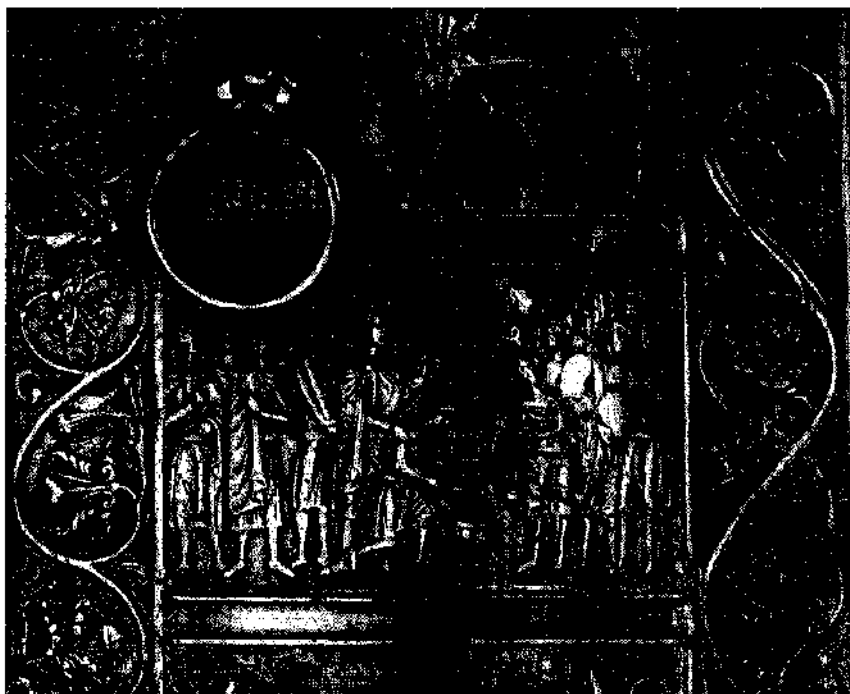
Первые шаги к принятию христианства Мешко I предпринял в тот момент, когда саксы после ряда удачных завоеваний запланировали создание архиепископства в Магдебурге. Границы этого диоцеза на востоке и севере оставались открытыми, что явно определяло направление дальнейшей немецкой экспансии. Архиепископство возникло в 968 г., однако Мешко сумел упредить посягательства Магдебурга на польские земли. Он заключил союз с уже принявшими христианство чехами, в 965 г. взял в жены чешскую княжну Дубравку (в польской традиции Домбровку), а в 966 г. крестился сам. Вероятно, это произошло в Регенсбурге, юрисдикции которого подчинялись не имевшие еще своего епископства чехи. Этот акт Мешко имел историческое значение для польского государства и формирующегося польского народа, навсегда связав Польшу с общностью западной христианской культуры. Князь, его окружение и, по мере развития миссионерской деятельности, все население государства становились членами католической церковной общины.

Очень скоро, спустя два года после крещения Мешко, в Польше с целью проведения миссионерской работы было основано епископство, подчиненное непосредственно Риму, во главе которого был поставлен епископ Иордан. Успехи польского князя в христианизации страны позволили ему установить более выгодные отношения с могущественным немецким соседом. Мешко I был признан «другом»

императора, хотя и уплачивал тому дань как своему верховному повелителю. При этом он сохранял значительную свободу во внешней политике и полную независимость внутри своего государства. При Мешко I Польша несколько раз оказывалась в состоянии конфликта с маркграфами немецких восточных и северных марок и даже с немецкими правителями, однако, несмотря на это, Мешко оставался верен политике признания необременительной для него зависимости от императора.

Лишь в конце правления польский князь предпринял попытку ослабить эту зависимость путем создания противовеса немецкому влиянию. Около 992 г. он даровал все свое государство св. Петру (т. е. Риму). Этим актом он обеспечил себе покровительство папы. Хотя покровительство Святого Престола и предполагало ежегодные выплаты со стороны Польши («денарий св. Петра»), оно давало польским правителям огромные политические преимущества.

Последник Мешко I Болеслав Храбрый поначалу придерживался политики отца. Поддержание дружественных отношений с Германией облегчалось нестандартной политической позицией нового императора Оттона III (983—1002). Оттон считал, что его империя должна стать подлинно вселенской, а император призван осуществлять лишь верховную власть над государствами, ставшими ее равноправными членами, тогда как его предшественники (и преемники) на императорском троне подчеркивали права Германии на господство над другими государствами. В отношениях с апостольской столицей и западной церковью огромную роль сыграли контакты Болеслава Храброго с епископом Праги Войтехом (Адальбертом) из рода Славяноковичей¹², который подвергся гонениям со стороны чешских князей и не мог вернуться на свою епископскую кафедру. Болеслав принял Адальберта у себя и помог ему отправиться с миссией к язычникам-пруссам, во время которой епископа постигла мученическая смерть (997). Его тело, выкупленное правителем Польши, было перенесено в Гнезно, и вскоре Войтех был канонизирован. Престиж Польши как страны, проводившей миссионерскую деятельность, вырос настолько, что папа Сильвестр II дал согласие на создание в Гнезно архиепископства. В 1000 г. в Польшу прибыл император Оттон III. «Трудно поверить и описать, с каким великолепием принимал тогда Болеслав императора и как сопровождал его по своей стране до самого Гнезно, — отмечал недоброжелательный по отношению к Польше друлист Титмар Мерзебургский. — Затем он основал тут архиепископство, как полагаю, на законном основании... Он передал его брату

Выкуп тела св. Войтеха. Фрагмент дверей собора в Гнезно. Вторая половина XII в. Изображения на бронзовых дверях Гнезненского собора посвящены жизни св. Войтеха (Адалберта). Изгнанный из Праги, он прибыл в Польшу и был направлен Болеславом Храбрым в Пруссию, чтобы проповедовать христианство среди языческого населения. Мученически погиб вскоре после прибытия на место (997). Тело Войтеха было выкуплено за равное ему по весу количество золота и серебра Болеславом Храбрым (изображен в центре приказывающим добавить металла на весы) и погребено в Гнезненском соборе. После создания в 1000 г. польского архиепископства Войтех стал его святым покровителем.

Двери Гнезненского собора с их изображениями, являясь свидетельством высокого художественного уровня романского искусства в Польше, напоминают также о том, что и в период удельной раздробленности сохранялась память о едином польском государстве и заслугах его правителей перед церковью.

упомянутого мученика Радиму и подчинил ему, за исключением епископа Познаньского Унгера, следующих епископов: Колобжегского Рейнберна, Краковского Поппона и Вроцлавского Иоанна». Представлявший польскую точку зрения хронист Галл Аноним, сообщение которого основано на несохранившемся житии св. Войтеха, добавлял: «Увидев его [Болеслава] славу, мощь и богатство, римский император

«кликнул с восхищением: "Клянусь короной моей империи, все, что я вижу, превосходит то, что я слышал. <...> Не подобает называть столь великого мужа князем или графом, как одного из сановников, — должно возвести его на королевский трон и со славой увенчать короной". И, сняв со своей головы императорскую корону, он возложил на нее знак дружбы на голову Болеслава и подарил ему в качестве знаменитого дара гвоздь с Креста Господня и копье св. Маврикия».

С этого дня они настолько прониклись уважением друг к другу, что император провозгласил его своим братом, соправителем империи, назвал его другом и союзником римского народа».

Гнезненская встреча с императором была большим успехом Болеслава Храброго. Ее долговременным результатом стало основание Польши собственным архиепископством. Однако другие политические планы Болеслава вскоре пересчитались: смерть Оттопа III (1002), возможно, стремясь воплотить высказанную в Гнезно мысль о создании королевства славян, Болеслав занял Чехию, вмешавшись в происшедшую там борьбу за трон. Однако он смог продержаться в Праге лишь полтора года и был изгнан чехами, не желавшими установления чуждой власти. На помощь новому правителю Чехии Яромиру пришел правивший в Германии Генрих II. Болеслав Храбрый удержал в руках лишь Моравию и Словакию¹³.

Попытка захвата Чехии привела к многолетней польско-немецкой войне, во время которой Генрих II трижды совершал походы на Польшу. В результате выгодного мира, заключенного в Будишине¹⁴ (1018), Польша получила земли миельчан и лужичан (соответственно Верхние и Нижние Лужицы). Война показала, что подчинение Польши военным путем не было легким делом. Трудности сулил сам переход через горы и пограничные линии; в 1017 г. успешной трехнедельной обороной прославилась силезская крепость Немча. Правитель Польши умело пользовался несогласием между немецкими феодалами, среди которых он имел своих сторонников. Их осуждение (выраженное в письме папского причисленного к лику святых Бруно Кверфуртского) вызвало то, что Генрих II привлек к борьбе против Польши язычников-вселен¹⁵. Но главную роль во время этой и последующих военных кампаний сыграл тот факт, что немецкая экспансия развивалась в двух направлениях. Стремясь получить в Риме императорскую корону, для чего было необходимо совершить поход в Италию, Генрих II приостановил военные действия против Болеслава Храброго.

Война с Германией, хоть и победоносная, истощила силы Польши. Два похода Болеслава на Русь (1013, 1018) не компенсировали этих по-

терь. В конце правления Болеславу Храброму пришлось столкнуться с нараставшими внутренними проблемами — именно тогда была потеряна Моравия и, возможно, произошло первое восстание зависимого населения. Несмотря на это, он в 1025 г., воспользовавшись смертью Генриха II, возложил на себя королевскую корону. Этот акт прежде всего символизировал завоеванное в тяжелой борьбе суверенное положение Польши, однако в нем также отразилась и попытка найти новую точку опоры для преодоления трудностей, с которыми столкнулся в это время Болеслав.

Важным атрибутом королевской власти была ее неделимость. Поэтому после последовавшей вскоре смерти Болеслава Храброго (1025) власть и корона перешли к его сыну Мешко II, который лишил остальных своих братьев прав на наследство. Жена Мешко II — дочь пфальцграфа Эгона Рихезе и приобщенный, благодаря семейным связям и образованию, к миру европейской политики, Мешко пытался взаимодействовать с немецкой оппозицией императору Конраду II (1024—1039). В 1028 и 1030 гг. он совершил вооруженные вторжения в Саксонию. Однако его честолюбивая политика потерпела крах в 1031 г., когда Польша подверглась нападению со стороны Германии и Руси. Польскому королю пришлось бежать из страны, а власть оказалась в руках его брата Бесприма, который, впрочем, был вскоре убит. С немецкой помощью Мешко II возвратился на престол, но уже в качестве зависимого правителя, обязавшего выделять уделы прочим представителям рода Пястов. Подобно своему брату, он также был убит заговорщиками (1034).

Как видим, во времена Болеслава Храброго и Мешко II была предпринята попытка добиться полного суверенитета Польши. В этот же период оформились основные принципы имперской политики по отношению к Польше: объединение Польши и Чехии вызвало немедленное противодействие немецкой стороны, поскольку такое государство могло стать для империи слишком сильным противником; императоры стремились раздробить Польшу, оказывая поддержку в борьбе за уделы младшим и оттесненным от трона претендентам; кроме того, они стремились навязать Польше выплату дани (*tributum*). Они не могли согласиться на обретение польскими князьями королевской короны, но вместе с тем не стремились к ликвидации системы княжеского правления. Принуждение Польши к выплате дани предполагало стабилизацию ее внутреннего устройства, поэтому низложение династии Пястов не было целью немецких правителей.

Этим принципам вполне отвечало предоставление помощи Казимиру Восстановителю, когда тот в 1039 г. предпринял попытку возвращения утраченного престола. Казимир получил от императора 100 рыцарей и благодаря им, а также сотрудничеству с краковской шляхтой покарал мятежников. Его возвращение устранило опасность подчинения Польши чешским князем Бржетиславом. В таком исходе были заинтересованы и правители Венгрии, оказавшие помощь польскому князю. Но платой за восстановление власти Пястов и возвращение Мазовии и Силезии стало признание зависимости от императора и выплата дани.

С целью полного воссоздания государственной организации Казимир стремился к восстановлению польской церкви. Это было желанием, поскольку папы Бенедикт I и Лев IX проявляли осторожность, исходя под впечатлением от столь стремительного развала польского государства и разрушения новой церковной провинции. В результате старания Казимира Восстановителя не увенчались полным успехом, польское архиепископство восстановлено не было. Для упрочения в Польше позиций христианства князь основал и щедро одарил бенедиктинский монастырь в Тынце неподалеку от Кракова.

Ограничение политических амбиций Казимира стремлением добиться княжеской власти, необходимость учитывать интересы империи и собственной знати привели к тому, что после смерти в 1058 г. Казимира Восстановителя страна была разделена между его сыновьями. Болеслав сидел в столичном городе Кракове и имел первенство по отношению к своим младшим братьям: Владиславу и Мешко. После смерти Мешко (1065) позиции Болеслава еще более упрочились; возможность осуществлять контроль над действиями Владислава ему обеспечивало основанное бенедиктинского монастыря в Могильне (1065), который щедро обеспечивался из доходов, стекавшихся в мажорские замки.

С фигурой Болеслава, получившего прозвища Смелый, Щедрый (и, кроме того, и Жестокий), связана новая попытка полностью ликвидировать зависимость Польши от империи и добиться королевской короны. Этому способствовала расстановка сил на международной арене, прежде всего конфликт папства с империей. Болеслав, разумеется, встал на сторону папы. В соседней Венгрии¹⁶ он поддерживал доброжелательных к Польше претендентов на престол и совершал походы в Чехию, направленные против правивших ею приобщенцев Генриха IV. Болеслав Смелый поддерживал папу Григория VII и прочих противников короля Германии, что ввиду существ-

венного ослабления позиций Генриха IV (Каносса¹⁷, 1076) обеспечивало правителю Польши большую свободу действий. Показателем возросшего значения Польши стали походы на Киев, где Болеслав вмешивался в междоусобную борьбу Рюриковичей на стороне своего союзника Изяслава (1069, 1077). Прибытие в Польшу папских легатов позволило полностью восстановить Гнезненское архиепископство и подчинить ему епископства в Кракове, во Вроцлаве и в Познани, а также недавно созданное епископство в Плоцке.

Венцом деятельности Болеслава Смелого стала его королевская коронация в 1076 г., проведенная с согласия римского папы. В ней не только отразились реальные политические достижения этого правителя, но и его политическая программа. Однако Болеслав сохранял свою корону лишь неполных три года. В 1079 г., при крайне драматичных и по сей день неясных обстоятельствах, он был изгнан из страны. Об этих событиях, как о слишком болезненных и все еще актуальных в начале XII в., Галл Аноним не оставил точных известий, сказав лишь, что «не должен помазанник по отношению к помазаннику применять телесное наказание. Имешно: ему (Болеславу) очень повредило то, что он к одному прегрешению прибавил другое прегрешение: когда из-за измены приказал четвертовать епископа». Упомянутая измена епископа Краковского Станислава состояла, как можно предположить, в участии или даже руководстве заговором против короля, целью которого было посадить на трон — с княжеским титулом — его младшего брата Владислава. Известно, что коронация Болеслава Смелого вызвала протесты в Польше, а в Германии рассматривалась как посягательство на права империи. Хронисты писали о «присвоении [королевского титула, проистекавшем] из непомерной гордыни» и о «позоре пемецкого королевства, противном праву и обычаям предков». Однако доказательств того, что внутренняя оппозиция взаимодействовала с противниками польского короля в Германии, не существует.

В конце XII столетия, когда в Польше все более распространялось почитание будущего святого, убитого епископа Станислава, эту драму подробнее и иначе, чем Галл Аноним, описал хронист Винцентий Кадлубек. По его версии, конфликт между королем и епископом был вызван увещаниями Станислава, требовавшего от короля отказаться от жестоких методов правления. В ответ на это необузданный Болеслав поразил епископа мечом — рядом с алтарем, во время обедни. Версия Кадлубека была принята церковью и польским обществом и стала темой множества появившихся на протяжении XIII—XIX вв. скульптур и картин, песен, стихов и театральных постановок. Тем не

более вероятной представляется версия Галла Анонима о казни князя по приговору королевского суда. В свою очередь, на основании известий Кадаубека и дальнейшего хода событий, можно признать, что суть «измены» епископа (слово «измена» следует понимать в современном смысле, а как проявление неверности по отношению к правителю) состояла в этих обращенных к Болеславу «унижениях», т. е. в выражении епископом требований польского общества, чья очередь его политически сознательных слоев, стремившихся к осуществлению власти. Бурная реакция Болеслава, славившаяся своей вспыльчивостью, и превышение им королевских полномочий, выразившееся в жестоком наказании епископа, лишь усилили отчуждение знати и рыцарства. В амбициозной внешней политике, инициации и реакции Болеслава на политику епископа эти слои еще видели угрозу своему социальному и политическому положению. Они остались, однако, не стремясь к свержению династии, возвели на младшего брата изгнанного короля, Владислава Германа, при котором довольствоваться весьма ограниченной властью. Выражением этого стал его княжеский (а не королевский) титул, а во внешней политике — сближение с Германией и Чехией. Владислав отказался от амбициозной политической программы старшего брата и сражался главным образом с поморскими племенами, которые, впрочем, чаще представляли наступающую сторону. Внутри страны выросло значение князя — за счет прерогатив княжеской власти. На первый план вышел маггин (воевода) Сецех, который, добившись этой должности, стремился ограничить влияние других родов, опиравшихся на выходцев из рыцарского сословия. Это вызывало недовольство и сопротивление, особенно в конце XI в., когда у борющихся группировок знати появилась возможность выдвигать на трон сразу двух сыновей Германа — Збигнева и Болеслава.

Непосредственно после смерти Владислава Германа (1102), не отличавшегося большой энергией, а возможно и не пользовавшегося авторитетом, Збигнев стал правителем Познанской и Калишской земель, Галиции и Мазовии, а к Болеславу перешла власть над Силезией, Краковской и Сandomирской землями. Болеслав, прозванный Кривоустым, при поддержке могущественного рода Авданцев вступил в борьбу за объединение государства. Он сплотил под своим началом польское рыцарство, начав длительную войну за Поморье, в которой проявил полководческие способности и личную храбрость. Решающее столкновение между братьями произошло в 1106—1107 гг. Победенный Збигнев был изгнан из страны. Переход к Болеславу власти над всей

Польшей и лишение старшего брата прав на наследство были чреваты опасностью немецкого вмешательства. И действительно, Збигнев уговорил Генриха V совершить в 1109 г. поход на Польшу.

Война против немцев велась Болеславом Кривоустым и его рыцарями с необычайной решительностью. После неудачной осады героически оборонявшегося замка Глогов¹⁸ Генрих, войска которого во время похода на Вроцлав были измучены постоянными нападениями польских отрядов, предложил Болеславу довольно мягкие условия мира: небольшую ежегодную дань в 300 гривен серебром в обмен на то, что он уйдет из Польши. Согласно Галлу Анониму, Болеслав ответил так: «Я предпочитаю в такой момент потерять королевство польское, сохранив свободу, нежели навсегда удерживать его в мире, но с бесславием [подданства]». Эта фраза, записанная спустя всего лишь несколько лет после войны, хорошо отражает тогдашнюю политическую программу польского правителя, которую с беспримерной отвагой воплощали в жизнь его рыцари. По Галлу, Болеслав записал «древнюю свободу Польши». Генриху V пришлось уйти ни с чем.

В 1113 г. Болеслав Кривоустый возобновил борьбу за Поморье. К 1116 г. он овладел его восточной частью с Гданьском, к 1121 г. — западной, со Щецином и Волином, а в 1123 г. — островом Рюген. Условия верховной власти польского правителя над Поморьем были определены в договорах с тамошним князем Вартиславом. Это была вассальная зависимость, связанная с выплатой дани и предоставлением вооруженных отрядов. Наиболее важным был пункт, предусматривавший христианизацию Поморья. Миссионерскую деятельность здесь начал в 1123 г. Бернард Испанец, однако результатов она не дала. Успеха добился годом позже епископ Бамбергский Оттон (в будущем причисленный к лику святых), который, благодаря своему неоднократному пребыванию при дворе Владислава Германа, знал польский язык. Христианизация Поморья и сопровождавшая ее активизация религиозной, организационной и политической деятельности польской церкви позволили создать новые епископства — во Влоцлавеке (вероятно, оно было переведено сюда из Крушвицы) для Куявии и Гданьского Поморья, в Любуше¹⁹ для части Западного Поморья. Однако, несмотря на возобновление в 1128 г. миссии Оттона Бамбергского, польскому князю не удалось добиться создания зависевшей от Гнезно Западнопоморской епархии, тем более что столь очевидные достижения Болеслава Кривоустого в христианизации Поморья вызвали недовольство правителей Германии и магдебургской церковной провинции.

В 30-х годах XII в. международное положение Польши ухудшилось. Возобновился конфликт с Чехией, возник новый конфликт — с Венгрией, начавшийся после неудачного похода Болеслава, предпринятого с целью возвести своего ставленника на венгерский трон (1134). Венгров поддерживали русские князья. Воспользовавшись этим, они напали на Силезию и подвергли ее разграблению. Арбитром в этих конфликтах выступил император Лотарь III. В это же время (1133) влиятельный архиепископ Магдебургский Норберт Ксантенский (в будущем причисленный к лику святых) получил папскую буллу, подчинявшую Магдебургу все польские епархии.

Ввиду столь серьезных угроз Болеслав Кривоустый решил наказать в Мерзебурге (1135) пойти на существенные политические уступки. Он отказался от дальнейшего вмешательства в венгерские дела, признал себя вассалом императора и принес ему ленную присягу. Благодаря этому он добился отмены буллы 1133 г. и сохранения самостоятельности Гнезненской митрополии, что было подтверждено изданием охранной буллы для Гнезна в 1136 г.

Таким образом, последние годы правления Болеслава Кривоустого были менее удачными, чем первые два десятилетия. В отличие от других Болеславов он так и не решился выступить с притязаниями на королевскую корону — даже во время своих военных триумфов, не говоря уже о периоде трудностей в 30-х годах. Однако, оставшись князем, он правил объединенным и имевшим собственную провинцию государством, которое в сознании современников являлось королевством и в качестве *Regnum Polonie*²⁰ выступало в хронике Галла Анонима. Достижение этого политического, территориального, организационного и общественного единства, а также появление использовавшегося господствовавшей элитой термина «польское королевство» стало главным результатом почти двухвекового периода становления и упрочения польского государства.

В течение всего этого периода основной проблемой польской внешней политики было определение отношения к «римской» империи, феодальной немецким правителям, и притязаниям последних на вселенскую власть. Папский универсализм, выраженный до XII в. слабее, чем императорский, не представлял угрозы для Польши и даже, напротив, давал шанс ослабить зависимость от империи. Это понимал уже Мешко I, передавший Польшу под покровительство Святого Престола. Помощь пап и удачная церковная политика польских правителей сделали возможным создание собственной митрополии в Гнезно, что явилось одним из крупнейших успехов молодого польского государства.

Однако для достижения Польшей полной и окончательной независимости от империи и папского покровительства было недостаточно. Этой цели можно было добиться лишь собственными силами.

В период с X в. по первые десятилетия XII в. во внешней политике польского государства наблюдаются своеобразные циклы. Усилия, направленные на достижение полного суверенитета, в какой-то момент заканчивались неудачей, затем следовал период слабой зависимости от империи и восстановления внутренних сил, после чего предпринимались новые попытки эмансипации. Выражением успехов польских правителей становились королевские коронации. Кроме коронации Болеслава Храброго, совершенной за несколько месяцев до его смерти, все прочие закончились катастрофой. Поэтому закономерен вопрос: каковы были причины постоянного (несмотря на многие неудачи) возвращения польских правителей к идее достижения полной независимости? Ведь существовали и другие модели, например положение чешских князей, всегда признававших верховную власть империи и, несмотря на это, располагавших значительной свободой во внешней и внутренней политике.

Можно предположить, что одной из причин был военный характер государства первых Пястов, возникшего в результате подчинения соседних племен и имевшего в связи с этим многочисленное и закаленное в боях войско. Именно войско являлось главным, хотя и не единственным козырем в борьбе за государственный суверенитет. Большое значение имели, по-видимому, территориальный потенциал и людские ресурсы польского государства, значительно превышавшие те, которыми располагала Чехия. Этот потенциал, похоже, был слишком велик, чтобы польские правители могли согласиться без борьбы признать чужеземное господство, однако слишком мал, чтобы успехи в этой борьбе оказались долговременными.

Примечания

(Здесь и далее все примечания даны переводчиками и редакторами русского текста.)

¹ Здесь и далее цит. по: Галл Аноним. Хроника и деяния князей или правителей польских / Пер. с польск. А.М. Поповой. М., 1961.

² Цит. по: Флоря Б.Н. Сказания о начале старославянской письменности. СПб, 2000. С. 191.

³ От *ср.-лат. castellanus* — комендант замка (*castellum* — замок).

¹ *Червенские города* — спорная территория на пограничье Польши и Киевской Руси, в верхнем течении Западного Буга. Дважды упоминаются в «Повести временных лет» (под 981 и 1018 гг.).

² *Комес* (лат. comes) — княжеский или королевский чиновник, в ведение которого передавалась определенная территория. Германским соответствием является слово «граф». Со временем в романских и германских странах этот термин со временем превратился в наследственный титул, однако в Польше давший процесс развития не получил, поэтому польские графы появились гораздо позднее (главным образом в конце XVIII — XIX в.).

³ Цит. по: Хрестоматия по истории южных и западных славян. Минск. 1987. Т. 1. 210, 211. Пер. Б.Н. Флоря.

⁴ Имеется в виду средневековая «Римская империя» — государственное образование, основой которого являлось Немецкое королевство (поэтому в литературе ее нередко именуют Германской). Эта империя была наследницей империи Каролингов, падение которой рассматривалось современниками как восстановление Западной Римской империи. Спустя столетие после фактического распада державы Каролингов империя вновь была восстановлена — на сей раз немецким королем Оттоном I (962), главой Немецкого королевства, в нее входили территории Северной и Центральной Италии, Бургундское королевство (на территории нынешней Франции и западной части Швейцарии) и Чешское княжество (с XIII в. королевство). Главой империи являлся немецкий король, обладавший исключительными правами на получение императорской короны (коронация совершалась римским папой). В XII столетии в документах императорской канцелярии появилась формула «Священная империя», а во второй половине XIII в. — формула «Священная Римская империя». С конца XV в. империя нередко называлась «Священной Римской империей германской нации».

⁵ *Grot* — наконечник (стрелы или копья), *ągiew* и *szalik* — названия сосудов (кувшины, бутылки и т. п.), *bedniarz* — бондарь, *szewc* — сапожник.

⁶ От польск. слова *riwnica* — подвал.

⁷ *Цезыня* — город на Западном Поморье. В настоящее время в составе Польши.

⁸ Западнославянские племена. Лужицкие сербы (сорбы) до сих пор проживают на территории восточной части Германии.

⁹ По-чешски — Славниковы.

¹⁰ Соответственно до 1019 г. (или 1020 г.) и до 1021 г.

¹¹ Славянское название города Бауцен в Восточной Германии.

¹² *Велеты* (лютичи или вильцы) — одна из племенных групп полабских славян.

¹³ Венгрия, в состав которой входила территория сегодняшней Словакии, граничила с Польшей на протяжении всей самостоятельной истории обоих государств (средние века и Новое время).

¹⁴ Речь идет о прибытии императора Генриха IV в итальянский замок Каносса, где он умолял папу Григория VII о снятии с него церковного отлучения.

¹⁸ Замок на Одре. В настоящее время на территории Польши.

¹⁹ Центр Любульской земли. В настоящее время в составе ФРГ (Лебус) к северу от Франкфурта-на-Одере).

²⁰ Польского королевства (лат.).

II. Удельная раздробленность

Система княжеского права заложила основы сильной центральной власти, в зависимости от которой находились даже знать и духовенство. Однако правитель и его аппарат управления не могли добиться полного политического, юридического и судебного контроля над всеми подданными, поскольку этому препятствовали большая территория государства и наличие обширных незаселенных пространств, где всегда можно было найти укрытие. Сильная зависимость от князя была обременительной также для знати и духовенства; однако в период становления государства и по мере стабилизации его организации она ослабевала.

Перемены в этой сфере начались в правление Казимира Восстановителя и Болеслава Смелого. После пародного восстания князьям пришлось пойти на смягчение государственных повинностей. Вследствие этого средств, предназначенных на содержание дружины, оказалось совершенно недостаточно.

Новые возможности давало наделение правителем своих дружинных земель. Первоначально этот процесс затронул незанятые земли (считавшиеся княжеской собственностью), на которых рыцари или военнопленных или так называемых «гостей» (*lat. hospites*), т. е. свободных переселенцев, не имевших собственного хозяйства, находили с такого пожалования покрывали расходы на военное снаряжение. Кроме того, они давали экономическую независимость и уверенность в том, что высокое общественное положение владельца перейдет по наследству к его детям. Польская церковь, стремясь к уменьшению зависимости от светской власти, также стала добиваться мелких пожалований, чем немало способствовала восприимчивости западноевропейских принципов землеустройства. Если князь передавал кому-либо духовному или светскому саповнику земли, населенные своими общинниками, прежде зависевшими только от него, он со-

хранял их важнейшие повинности в свою пользу: обязанность постройки городов, обеспечения продовольствием княжеских дружин и его свиты, перевозки военных грузов и т. п., а также свои судебные права. Двойная зависимость этих людей серьезно изменила их положение и, возможно, даже ухудшила условия их жизни. Однако в целом в Польше XI—XII столетиях уровень жизни зависимого населения возрастал вместе с растущими доходами знати, рыцарства и духовенства. Это происходило вследствие роста численности населения, раскорчевки и обработки новых земель, а также в результате расширения сельскохозяйственного производства.

Часть новых земель, как и в прошлые столетия, обрабатывали захваченные на войне пленные. При этом ценность земли и рабского труда возросли столь значительно, что с конца XI в. активный прежде вывоз рабов попрежнему стал прекращаться. Гораздо более выгодным сделалось их использование на месте.

Другой категорией сельского населения, особенно начиная с XII в., были так называемые «гости». Своим названием они обязаны иноземным переселенцам, добровольно оседавшим в Польше. Но уже в XII столетии «гостями» становились в первую очередь младшие сыновья польских свободных общинников, не получавшие при разделе отцовского наследства доли, достаточной для содержания семьи, и отправлявшиеся на поиски нового места жительства. Они могли найти его в имениях правителя, епископов, знати, где садили «гостей, свободных согласно обычаям», обязывая тех отдавать взамен определенную часть урожая. Покинуть имение «гости» могли либо после сбора урожая, либо после того, как находили на свое место нового человека. В распространении этого типа сельской колонизации решающую роль играл, с одной стороны, естественный прирост населения и обилие неосвоенных земель, с другой — упрочение феодального землевладения.

В XII столетии, особенно во второй его половине, на правах свободных «гостей» стали также селить несвободных крестьян, с той лишь разницей, что они не имели права оставить свое хозяйство. Зато вместо прежних, произвольно налагавшихся владельцем повинностей им, как и свободным «гостям», ставились условия, определявшиеся в договоре. Эта система оправдывала себя для обеих сторон. Несвободный, зная объем своих обязанностей, лучше работал, так как излишки урожая оставались у него; господин же выигрывал от более качественного труда.

Описанные процессы колонизации новых земель вели к сокращению наиболее многочисленной до XII в. группы населения — свобод-

ных княжеских крестьян, за счет которых пополнялось зависимое феодальное население. Прежние небольшие деревни свободных общинников оказались невыгодными при ведении хозяйства в условиях крупного феодального имения. Поэтому князья, епископы и знать заботились о более плотном заселении принадлежавших им земель и о создании там крупных поселков. Большое значение для развития хозяйства имело распространение технических новшеств. Постепенно внедрялись трехполье, все чаще использовались тяжелый плуг и борона; сеяли овсяные ржи и пшеницы — за счет менее прихотливого, но и менее ценного проса; появились — в XII столетии еще немногочисленные — волновые мельницы; выросло количество рогатого скота и свиней.

Сокращение податного бремени, ставшее возможным при общем росте производства, приводило к тому, что в руках сельского населения оставалось больше плодов их труда. Люди могли отправляться на местные рынки, число которых заметно увеличилось — в Польше в II в. их насчитывалось более двухсот. О развитии товарообмена свидетельствует увеличение со второй половины XI в. выпуска серебряной монеты. Возле рынков, как и в подгородьях, селились ремесленники. Развитие рынков уменьшало значение государственного распределения и создавало новые возможности для удовлетворения индивидуальных потребностей без давления и посредничества органов власти. Таким образом, генезис польского города был связан с двумя направлениями в развитии населенных пунктов такого рода — часть их возникала возле замков (городов), часть — рядом с рынками. Несколько слов, ставшее обозначением города в польском языке («място»), происходит от слова «место», то рынки, возможно, играли в этом процессе большую роль.

Раннесредневековые центры торговли в XII столетии превратились в пункты оживленного обмена не только товарами, но и идеями, так как здесь появилось множество небольших церквей. Если величественные соборные базилики и храмы бенедиктинских монастырей свидетельствовали о могуществе церковных институтов, то сошедшие всего из одного нефа маленькие рыночные церкви играли этот период важную роль в миссионерской деятельности в низших слоях общества.

Ослабление фискального гнета и увеличение хозяйственной свободы сельского населения происходили одновременно с оформлением отношений зависимости, имевших своим источником возникновение крупной земельной собственности. Установление этих новых отношений означало повышение статуса несвободных, но

в то же время ухудшение социального (но не экономического) положения прежних свободных общинников.

Преобразование системы княжеского права в строй, близкий к западноевропейскому феодализму, в рамках которого главную роль в социальных различиях играло наличие крупной земельной собственности и зависимость крестьян, было длительным процессом. Начавшись во второй половине XI в., оно завершилось лишь в XIV столетии. Еще в начале XII в. церковь получала часть своих доходов из государственной казны, и даже большая часть богатств могущественных możnowładcy, если размеры их земельной собственности не превышали десятка с лишним деревень, представляла собой движимое имущество. Однако уже в XII столетии перемены зашли так далеко, что духовенство и светская знать, располагавшие не зависевшими от государственной казны источниками дохода, сумели ослабить свою политическую зависимость от князя. Желавшие подорвать позиции правителя представители знати могли поддерживать выступавших против него младших членов княжеского рода. Таким образом, децентрализация и удельная раздробленность имели прежде всего внутренние причины.

Ослабление княжеской власти происходило постепенно, по мере развития уже описанных экономических и социальных процессов. На этом фоне усиливалась тенденция к распаду государственного организма на ряд княжеств под управлением отдельных представителей династии. Уже при Болеславе Смелом его младшие братья Владислав и Мешко имели собственные уделы. После перехода власти к Владиславу Герману государство оставалось единым лишь до тех пор, пока не достигли совершеннолетия два его сына — Збигнев и Болеслав Кривоустый. После междоусобной войны князь определил уделы для каждого сына, сохранив за собой верховную власть. В свою очередь Болеслав Кривоустый, после ослепления и смерти побежденного им брата, правил в качестве единственного жившего тогда представителя династии Пястов. В следующем поколении этого рода семейная, а следовательно, и политическая ситуация должна была полностью измениться: Болеслав Кривоустый был дважды женат и имел много сыновей.

Осознание неизбежности возникновения в данной ситуации внутреннего конфликта, стремление оградить государство и собственных детей от жестоких потрясений и междоусобной борьбы и, наконец, память о трагической судьбе Збигнева — все это побудило Болеслава Кривоустого попытаться урегулировать вопрос о наследовании. Он сделал это в так называемом завещании. Вероятно, этот до-

ит был подготовлен заранее, оглашен на вече, принят церковными и князьями и затем отослан для утверждения папе римскому. Календарь, текст самого документа не сохранился, известны лишь написания в хронике Винцентия Кадлубека и в папских документах, также определенное завещанием фактическое положение. Является общепризнанным, что князь создал один неделимый «старший» удел, который каждый раз должен был переходить к старшему представителю рода, а кроме него, четыре наследных удела, которые князья могли передавать потомкам. Владислав получил Силезию и Любушскую землю, Болеслав Кудрявый — Мазовию и часть Польши, Мешко Старый — западную часть Великой Польши с Познанью, а Генрик — Сандомирскую землю и Вислицу. В старший удел вошла Малая Польша с Краковом, Серадзская земля, часть Великой Польши с архиепископским городом Гнезно, Гданьское Поморье; глава этого удела получал права сюзерена по отношению к остальному Поморью. Ленчицкая земля переходила в пожизненное владение к будущей вдове Болеслава Кривоустого, княгине Ядвиге, и, возможно, рассматривалась как обеспечение для ожидавшегося княгиней сына, которым оказался Казимир Справедливый.

Старший из князей (лат. *senior*), благодаря объединению в своих руках наследственных земель и старшего удела, обладал бесспорным авторитетом над братьями. За ним закреплялось право представлять страну во внешней политике, вести войны, заключать договоры; внутри страны он обладал правом инвеституры духовенства и судебным верховенством над своими братьями.

Завещание Болеслава Кривоустого, исполненное после смерти князя в 1138 г., сохраняло свою силу недолго. Уже в 1141 г. начались столкновения сеньора Владислава с его младшими сводными братьями; в 1144 г. они возобновились. Сеньор заручился поддержкой Руси, и казалось, что он одержит верх. Его воевода Петр Властовиц — видный представитель силезской знати — попытался выступить посредником, однако был схвачен людьми Владислава, обвинен в измене, ослеплен и лишен языка. Этот необдуманный шаг правителя вызвал обоснованные опасения знати и ее сопротивление столь безжалостным методам правления. Архиепископ Гнезненский Якуб за призыв к христианской крови отлучил князя от церкви. Сеньор был побежден и вынужден в 1146 г. бежать в Германию, получив впоследствии прозвище Изгнанник. Немедкий король Конрад III, предпринявший в 1146 г. поход в его защиту, даже не перешел через Одру. Он отступил назад, удовлетворившись тем, что младшие члены династии

Тимпан с изображением жертвователей. Церковь Пресвятой Девы Марии на Песке, Вроцлав, начало второй половины XII в.

Этот тимпан, на котором изображены основатели храма регулярных каноников во Вроцлаве — Мария Влостовицова и ее сын Свєсптослав, напоминает не только о благочестии жертвователей на пужды церкви, но и об их высоком общественном статусе. Супруг Марии, Петр Влостовиц, являлся одним из наиболее могущественных княжеских саповников. Он основал множество храмов. В 1146 г. был ослеплен за мятеж против князя и спустя несколько лет умер.

Мария Влостовицова изображена в момент передачи ею храма Деве Марии, причем ее выпрямленная фигура по высоте почти равна восседающей на троне Богородице. Латинская надпись гласит: «Мария... Марии жертвует эту постройку...» Трудно найти более яркий пример проявления родовой гордости, отражающей амбиции наиболее выдающихся представителей польской знати и их растущую независимость от княжеской власти.

(лат. *juniores*) обещали повиноваться ему и дали в качестве заложника молодого Казимира. Владислав Изгнанник в Польшу не вернулся. Его дальнейшие попытки получить помощь императора и папы долго оставались безуспешными. Лишь в 1157 г. император Фридрих I Барбаросса отправился в поход на Польшу и дошел до Познани. Здесь, под Кшишковом, Болеслав Кудрявый принес императору ленную присягу, заплатил большую дань и пообещал предстать перед судом в Магдебурге, где предстояло решить вопрос о возвращении сщлора. После этого императорские войска оставили Польшу, но принесший вассальную присягу князь в Магдебург так и не явился. Лишь смерть Владислава Изгнанника (1159) позволила его сыновьям — Болеславу

Высокому и Мешко Плентоному¹ — получить во владение Силезию, бывшую наследным владением их отца.

Болеслав Кудрявый стал сеньором династии, что представляло собой возвращение к принципам завещания Болеслава Кривоустого. После его смерти в 1173 г. власть перешла к Мешко Старому, однако спустя четыре года его свергла краковская знать, призвавшая на престол самого младшего из братьев, Казимира. (Четвертый брат, Генрик андомирский, погиб в 1166 г. во время Крестового похода против чешских-пруссов.) Казимир получил прозвище Справедливый, поскольку явился благодетелем церкви, которой пожаловал значительные привилегии на вече в Ленчице в 1180 г.

Внезапная смерть Казимира Справедливого в 1194 г. стала причиной ожесточенной борьбы за краковский престол, владение которым считалось равнозначным праву на первенство (принципат) среди князей. Несколько раз его занимал упрямо бившийся за верховную власть представитель старшего поколения князей Мешко Старый. После его смерти (1202) власть захватил сын Казимира Справедливого Лешек Белый. Однако во время княжеского съезда в Гонсаве он был убит (1227). О своих правах на краковский престол заявили также силезский князь Генрик Бородастый и мазовецкий князь Конрад. Фактически добились силезские Пясты, которые при Генрике Бородастом и Генрике Благочестивом объединили Силезию, Краковскую землю и часть Великой Польши. Однако монгольское нашествие 1241 г. нанесло сильнейший удар по их объединительной политике.

На вторую половину XIII в. приходится кульминация удельной раздробленности. Был отменен принцип старшинства одного из князей, вследствие чего все княжества с правовой точки зрения сделались равными. Силезия, Мазовия и Куявия были разделены на ряд мелких княжеств. В то же время Великая Польша, где возникли Познанское, Гнезненское и Калишское княжества, чаще всего находилась под властью одного правителя. Сохранили свою притягательность столичный Краков и большой краковский удел (нередко объединявшиеся с Сандомирской землей), хотя тамошние князья уже не считались верховными правителями для прочих Пястов. В Кракове, достигши совершеннолетия, правил сын Лешка Белого — Лав Стыдливый (до 1279 г.), а затем происходивший из мазовецкой династии серадзский князь Лешек Черный (до 1288 г.) и вроцлавский Генрик IV Пробус² (до 1290 г.). Это был уже самый конец периодической раздробленности, в течение которого образовалось более двадцати княжеств.

Рост численности, а также организованность и экономический потенциал светской знати и духовництва полностью изменили в XIII в. расстановку политических сил, ставшую для членов династии весьма неблагоприятной. Это нашло свое выражение в правовой практике. Признавалось право наследования трона княжескими сыновьями, а в случае их отсутствия — лицами, на которых указал предыдущий князь. Если преемников не было, становилось необходимым согласие высшего духовенства и светской знати даншюй земли. Считалось само собой разумеющимся, что на трон могли избираться лишь представители рода Пястов. От данного принципа отказались лишь в Гданьском Поморье, где власть в 20-х годов XIII в. перешла к одному из местных знатных родов, что, однако, не привело к разрыву связей Поморья с Польшей.

Среди политических институтов, обеспечивавших влияние высшей знати и рыцарства на князей, большое значение имели междудельные и удельные собрания (вече), участие в которых принимали и правители. Немалую роль играли и формирующиеся представления о праве сопротивления князьям, нарушающим формально гарантированные интересы знати. Ослабление княжеской власти было чревато серьезными внутренними опасностями, среди которых наиболее чувствительными были междоусобные войны, своеволие знати и анархия в отдельных княжествах. Когда в конце XIII столетия противоречия особенно обострились, началась борьба за восстановление государственного единства.

Исчезновение дружины, расселение рыцарства на собственных землях и его заинтересованность в вопросах хозяйства и внутренней политики, экономический подъем и возможность удовлетворения потребностей правящего слоя без военной добычи — все это привело во второй половине XII—XIII вв. к постепенному ослаблению воинственного духа, столь характерного для государства первых Пястов.

В этом отношении польские княжества не были исключением. Сходные процессы происходили на Руси, в Чехии и Германии. Это было довольно выгодно для ослабленной удельной раздробленностью Польши, поскольку облегчало оборону территории и защиту независимости в период политической и военной слабости. В XII в. немецкие короли и императоры несколько раз вмешивались в дела польских княжеств. Самым большим их успехом стало приращение Болеславом Куявским вассальной присяги в Кшишкове — за себя и от имени прочих Пястов. Однако в конце XII—XIII вв. императоры, в первую очередь Фридрих II Гогенштауфен, были гораздо более заинтересованы итальянскими делами. В самой Германии их власть в течение XIII сто-

стия значительно ослабла. Поэтому противниками или политическими партнерами польских князей становились правители небольших немецких государств. Наибольшее значение для Польши имело вливание в середине XII в. марки Бранденбург, а в первой половине XIII в. — государства Тевтонского ордена. Маркграфы Бранденбурга проводили экспансию в направлении Поморья и Великой Польши. Они заставили признать зависимость от них князей Западного Поморья, а в 1248—1250 гг. овладели Любушской землей. В следующие годы на землях, расположенных к северу от рек Варта и Пилица, появилась так называемая Новая марка, вклинившаяся между старой Польшей и Западным Поморьем.

Серьезная угроза для польских земель существовала и на северо-восточной границе. В середине XII — начале XIII в. она подвергалась нападкам язычников-прусссов, которые, находясь на стадии создания единой государственности, постоянно совершали грабительские походы на Гданьское Поморье, Хелминскую землю и Мазовию. Неоднократные попытки польских князей разгромить пруссов и принудить их к принятию христианства оканчивались неудачей.

После провала своих миссионерских и военных предприятий епископ Конрад Мазовецкий в 1226 г. передал Хелминскую землю Тевтонскому ордену Пресвятой Девы Марии, членов которого в Польше называли «кшижаками»³. Тевтонский орден начал систематические действия по покорению и обращению в христианство прусских племен. Располагая значительными финансовыми средствами и постоянной поддержкой западного рыцарства, орден мог применять новейшие военные технологии и методы фортификации, а сумел весьма эффективно обустроить завоеванные земли. Подняв колонизацию прусских территорий, орденские рыцари способствовали развитию хозяйства и в результате создали мощный противостоявший требованиям времени государственный организм. До начала XIV в. они не представляли угрозы для польских земель, поскольку были заняты войнами против неоднократно восставших пруссов. После захвата Хелминской земли и завоевания других прусских земель Тевтонский орден основал здесь четыре епископства (1243), в том числе в Хелмно⁴. В 1255 г. они были подчинены архиепископству в Риге. В итоге польская церковь не только утратила возможность вести миссионерскую работу в Пруссии, но и потеряла часть польскую территорию, каковой являлась Хелминская земля. Для восточной политики мазовецких и краковских князей определенное значение в XIII в. имела также борьба с ятвягами и литовца-

Битва под Легницей в 1241 г. Миниатюра из «Жития св. Ядвиги Силезской», XIV в. Немецкая княжна Ядвига стала женой силезского князя Генрика Бородатого и матерью Генрика Благочестивого. Последний в 1241 г. стоял во главе польского войска в битве с монголами. На помощь ему пришли тамплиеры, иоанниты и рыцари Тевтонского ордена. Союзники были разгромлены, а Генрик Благочестивый пал на поле боя (как писал Папа Римский Иннокентий IV, «защищая свою веру и свой народ»). На миниатюре князь изображен сражающимся среди своих рыцарей с пястовским орлом на щите. В той же рукописи есть миниатюра, на которой изображена смерть Генрика Благочестивого и то, как ангелы уносят его душу на небо. Культ св. Ядвиги и память о деяниях ее сына были в XIV в. проявлением силезского удельного патриотизма.

ми, грабительские походы которых не были, впрочем, столь частыми, как походы пруссов. Более того, несмотря на эти набеги, граница расселения поляков все более отодвигалась на восток, в сторону ятвяжских земель. После победы князя Лешека Черного над ятвягами в 1282 г. их набеги прекратились, а дальнейшая польская экспансия привела к постепенному исчезновению этого народа.

Южные соседи в XIII в. Польше не угрожали. Чехия в ту пору переживала период экономического и политического расцвета, а чешская экспансия была направлена в сторону Австрии и Штирии; Поль-

ни стала объектом внимания чешских королей лишь в самом конце столетия. Правители Венгрии, обычно выступавшие союзниками Польши, боролись с чешским королем за Австрию и особый интерес проявляли к землям в Юго-Восточной Европе. Столкновение интересов польских князей и правителей Венгрии проявилось лишь в связи с попытками овладеть Галицко-Волынской Русью, однако это не стало причиной длительного конфликта.

Русь, как и Польша, в это время переживала период удельной раздробленности. Политика польских князей в отношении Руси была связана не со столичным Киевом, а с пограничным Галицко-Волынским княжеством, в границы которого входили земли, лежавшие в бассейне реки Сан, с городами Перемышлем и Санок. Лешек Белый вмешался в вопрос о престолонаследии в Галиче; кроме того, он отразил под предлогом похода князя Романа Галицкого на Польшу (1205). Неоднократно вспыхивали войны и позднее: Даниил Галицкий пытался захватить Люблин, а Болеслав Стыдливый нападал на русские земли (1244).

Однако в 40-х годах XIII в. на востоке возникла по-настоящему опасная угроза. Это были монголы, которые в конце 30-х годов, после кровавой борьбы, подчинили себе русские княжества. В 1241 г. состоялся их поход против Венгрии и Польши. Монгольские отряды во главе Байдара вторглись в Малую Польшу, разбили малопольских рыцарей в сражениях под Турском и Хмельником, разгромили множество сел и городов, в том числе Сандомир, Вислицу и Краков, а двинулись в Силезию. Тамешний князь Генрик Благочестивый встретился с ними 9 апреля 1241 г. в битве под Легнице. Здесь находилось многочисленное силезское рыцарство, прибыли войска польского князя Мешко, рыцари из Великой Польши и остатки монгольских отрядов. К войскам Генрика Благочестивого присоединились рыцари нескольких духовных орденов: Тевтонского, иоаннитов и тамплиеров. Вся эта армия насчитывала 7—8 тыс. человек и по своим силам не уступала противнику. Однако монголы превосходили их и в тактическом отношении: в отличие от беспорядочно бившихся рыцарей они вводили войска в бой отрядами, которые отличались высокой дисциплиной. Кроме того, монголы применили неизвестные в Европе виды оружия, в том числе одурманивающие газы. Войска Генрика Благочестивого потерпели поражение, а сам он пал в поле боя. Несмотря на эту победу, монголы ушли из Польши. Однако впоследствии они предпринимали новые походы, имевшие характер грабительских набегов: в 1259 г. (когда ими был сожжен Краков) и в 1287 г.

Помимо отношений с соседними государствами важную роль во внешней политике удельных князей играли отношения с папством. С того времени как Мешко I даровал свое государство Святому Престолу, Польша признавала верховную власть и покровительство римского папы, что находило выражение в ежегодной выплате, называвшейся «денарием св. Петра» («свентопетш»), а также в праве пап утверждать важнейшие государственные документы. В XIII столетии, при Иннокентии III и его преемниках, наступил период расцвета папства. Так как по времени это совпало с ослаблением империи, связи с Римом приобрели для польских князей еще большее значение. Стремясь к их упрочению, многие князья издавали новые грамоты о переходе под покровительство папы. В 1207 г. так поступил Лешек Белый, позднее — великопольский князь Владислав Оdonиц, гданьский князь Святополк (Свентополк) и силезский князь Генрик Благочестивый. Многократно издавали подобные документы и другие князья. Немалое значение имели частые посещения Польши папскими легатами, оказывавшими влияние на ход и решения епископских синодов, а также — в силу папского верховенства — на разрешение политических споров между князьями. В долгосрочной перспективе папское покровительство и денарий св. Петра стали важным фактором сохранения политического единства и ценным аргументом в борьбе за принадлежность некоторых земель к польскому государству, вновь объединенному на рубеже XIII—XIV вв. Покровительство Рима играло, кроме того, большую роль в поддержании связей польской культуры с культурой всего западного христианства.

Внешняя политика польских князей в период удельной раздробленности была нацелена на сохранение существовавшего положения вещей. Если они и стремились к расширению своих княжеств, то это приобретало форму внутренней борьбы с другими правителями из династии Пястов. Принципиальное изменение целей внешней политики, ограничение или полный отказ от внешней экспансии лишь отчасти могут быть объяснены недостаточным потенциалом отдельных польских княжеств. Главное значение имело изменение направления и характера экспансии, которая во второй половине XII—XIII вв. приобрела черты внутренней хозяйственной колонизации. И правители, и господствующий слой, и массы подданных были настолько вовлечены в нее, что Польшу не затронули даже Крестовые походы, в которых приняли участие лишь немногие князья. Большинство Пястов предпочитали оставаться на родине, находя здесь обширное поле для хозяйственной и организаторской деятельности. Потребность учас-

и в крестоносном движении вполне удовлетворялась походами против пруссов и ятвягов.

В XII в. началось сосредоточение крупной земельной собственности в руках светской и духовной знати. В свою очередь, XIII столетие было временем распространения земельной собственности среди рыцарства и среднего духовенства, а также наделяния этих владений имунитетными правами. Такого рода привилегии представляли собою существо отказ правителя от фискальных либо судебных прав, или связанных с княжеской властью, в пользу собственника земли. Они существовали как хозяйственные, так и судебные имунитеты. В XII в. они встречались редко и жаловались главным образом церковным учреждениям, причем, как правило, по отношению к небольшому числу деревень либо проживавших там людей. В XIII столетии имунитетных прав сумела добиться значительная часть феодалов, вышедших из рядов среднего рыцарства. В результате, на основании земельных и имунитетных прав, именно они осуществили на низшем уровне государственную судебно-административную и фискальную власть над зависимым от них населением.

Вследствие того, что свободные княжеские крестьяне попадали в полную зависимость от землевладельцев, стало сближение социального статуса этой группы со статусом людей несвободного происхождения, зависевших от господина и трудившихся в его имении. Таким образом из имевших различное происхождение групп сельского населения формировался более однородный слой зависимых крестьян.

Как князья, так и прочие землевладельцы были заинтересованы в колонизации и обработке новых земель. Однако, несмотря на значительный естественный прирост и расселение свободных «гостей», потребность в рабочей силе не удовлетворялась. Поэтому землевладельцы охотно принимали колонистов из-за границы: из фламандцев и валлонов, которые, вследствие относительного перенаселения в Западной Европе, отправлялись на восток, в том числе в польские княжества. Польские правители селили их на выгодных землях в городах и деревнях.

Новые пришельцы привнесли свои правовые обычаи, оформившиеся в ходе колонизации территорий Средней и Восточной Германии. Поэтому это право в Польше называли немецким. Первые упоминания об иностранных колонистах появляются в последние десятилетия XII в. на территории Силезии. В первых десятилетиях XIII в. колонизация на основе немецкого права происходит в Великой

и Малой Польше. Приблизительно столетием позже она распространилась также в Мазонии.

В деревне пожалование локационной (от лат. *locare* — размещать, поселять) привилегии для колонистов являлось следствием договора между князем или иным землевладельцем и организатором нового поселения, который назывался «локатором»⁵. Последний брал на себя обязательство привозить колонистов, которые прибывали с семьями, имуществом и соответствующими финансовыми средствами. Липо, издававшее документ, получало обусловленную договором сумму, а взамен освобождало вновь прибывших жителей от выплат на период обустройства, который, в зависимости от условий, длился от нескольких до полутора десятков лет. В локационной привилегии оговаривались денежные суммы, которые следовало выплачивать господину по истечении периода освобождения от податей. Таким образом основной формой феодальной ренты становился денежный оброк («чинш»⁶), тогда как продуктовая рента и отработки сохранялись лишь как дополнительные повинности. Размер денежного оброка был обусловлен размером крестьянского хозяйства, обычно занимавшего один лан земли (использовавшийся чаще прочих «желминский лан» составлял около 17 га). Так создавались большие самостоятельные хозяйства. Наряду с ними, однако, возникали малоземельные и практически безземельные хозяйства, призванные обеспечить землевладельца и богатых соседей наемной рабочей силой, необходимой в период интенсивных сельскохозяйственных работ.

На основании локационной привилегии локатор получал хозяйство размером в несколько ланов, а нередко и дополнительные права на строительство мельницы, корчмы, ловлю рыбы и т. д. С момента основания деревни он становился ее старостой — «солтысом»⁷, т. е. представителем господина, уполномоченным председательствовать в крестьянском суде («судебной скамье», по-польски — «лавне»), получать в свою пользу третью часть судебных штрафов и собирать причитающийся пану оброк. Помимо этого солтысы были обязаны нести военную службу. Их должность была наследственной, а судебная скамья стала главным элементом сельского самоуправления. Колонисты получали личную свободу, а также право покинуть хозяйство после того, как выполнят все повинности и найдут себе замену.

Кроме пожалования самоуправления, создания сельского суда первой инстанции и определения размеров денежного оброка и прочих выплат, огромное значение имела связанная с колонизацией на основе немецкого права реорганизация пространства деревни. Но-

ные села были крупными и отличались плотной застройкой. Все поля делились на три части, которые каждый год попеременно засевались озимыми, яровыми либо оставались под паром. С этого времени в селах, основанных на принципах немецкого права, использование правильной трехпольной системы сделалось обязательным, а конфигурация полей видоизменялась, что облегчало распашку земли тяжелым плугом и повышало урожайность.

Права, получаемые колонистами, были очень выгодны как в материальном отношении, так и ввиду получаемой ими свободы самоуправления. Иначе и не могло быть, коль скоро колонистов стремились привлечь в Польшу. Это было свидетельством дальновидной политики, благодаря которой увеличилось число деревень, выросла численность населения и возросло земледельческое производство, в результате, увеличились суммы оброчных выплат, получаемых теми, кто издавал локационные грамоты. Огромное значение для всей экономики имело точное определение размера чиншисей. Благодаря этому у крестьян появлялась уверенность в том, что после расчета с феодалом оставшаяся часть продукции останется в их распоряжении. Определение репты в денежном эквиваленте изначально предполагало существование контактов между деревней и городом. Продавая свою продукцию, крестьяне получали средства как на выплату чинша, так и на приобретение местных ремесленных изделий: железных земледельческих орудий, полотняных и суконных тканей, а также соли, которую привозили порой из весьма отдаленных мест. В свою очередь, поставки продовольствия, возросшие благодаря росту земледельческого производства и заинтересованности крестьян в приращении излишков, способствовали развитию городов.

Во второй половине XIII в., в силу естественного прироста населения, увеличилось и число местных крестьян, искавших новые земли. Их также расселяли на основе немецкого права, понимая привлекательность его принципов и обоюдные выгоды, которые оно приносило крестьянам и феодалам. Следующим этапом расширения сферы действия немецкого права стало распространение его на существовавшие ранее деревни. Это вело к их переустройству и упразднению прежних типов податей и повинностей. Так исчезала служебная организация, ставшая излишней в условиях, когда развитие города, городского ремесла и местной торговли позволяло покупать ремесленные изделия более высокого качества. Во многих старых селах, живших по польскому праву, восприняли отдельные правовые новшества — такие, как право ухода из деревни и денежный оброк.

Организация первых городов на основе немецкого права началась в уже существовавших поселениях. Их перевод на немецкое право представлял собой важную реформу; при этом, однако, сохранялись многие черты преемственности. Городов же, основанных на пустом месте, было еще очень немного.

Первые города с немецким правом появились в Силезии. Одним из них стала Сырода-Слѣпска. Ее устройство, в основу которого легло право немецкого города Магдебурга, впоследствии стало образцовым для других польских городов. Поэтому магдебургское право в Польше также называли «сыродским». Другой вариант магдебургского права, носивший название хелминского права⁸ (после перевода на него в 1233 г. Хелмно), действовал на севере польских земель и в государстве Тевтонского ордена.

Основание городов либо их перевод на новое право продолжались и в следующих столетиях, с той лишь разницей, что в XIV в. число населенных пунктов, основанных на новом месте, увеличилось. Организаторами новых поселений выступали локаторы, получавшие за это наследственную должность «войта»⁹ и щедро наделявшиеся землей, правами на постройку мельницы, получение части чинша и судебных штрафов, а также содержание лавок (в том числе мясных). В основе локаций городов находился их вывод из-под юрисдикции княжеских чиновников и передача функций последним войту, который должен был руководствоваться принципами магдебургского права. Основным правом колонистов являлась личная свобода, а главным элементом самоуправления были городской совет и городской суд, члены которых избирались из числа горожан. Города на несколько лет освобождались от податей, после чего с них собирались чинши, распределявшиеся по городским кварталам, ланкам и ремесленным мастерским.

Преобразование пространства в городах с немецким правом заключалось в замене прежней беспорядочной застройки регулярной — с четко обозначенной центральной площадью (рынком) и сетью прилегающих к ней улиц. На углу площади оставляли большой участок земли, где возводилась церковь. Все остальное пространство, лежащее между улицами, разделялось на отдельные участки. Те из них, что находились возле рынка, имели большую ценность и облагались более значительными податями по сравнению с участками, лежащими вдоль улиц, отдаленных от центра, возле городских стен. Права собственности на участок были наследственными.

В момент локаций не существовало гарантий того, что она окажется удачной. В качестве подстраховки, обеспечивавшей население

продовольствием, а также дававшей возможности возвращать вложенные материальные средства, войтам и городским общинам жаловались земли и права на эксплуатацию рек, строительство мельниц, рыбную ловлю.

Изменения в правовом положении происходили и в поселениях горняков. Если в раннем Средневековье в рудниках трудились рабы, то в XIII в. горнякам жаловались права, близкие к городским, с учетом специфики их труда. Горное право регламентировало организацию работы на золотых и серебряных приисках Силезии и добычу серебра, олова и соли в Малой Польше.

Переселенцы, оседавшие в городах и селах, в большинстве своем были немцами. В результате их массовой миграции Силезия превратилась в область, где сосуществовали две этнические группы. В других уделах численность немецких колонистов была на порядок меньше. Они сосредоточивались главным образом в городах, особенно в крупных, где составляли богатый и влиятельный, однако немногочисленный слой городского патрициата, тогда как польское население представляло там менее зажиточное или же просто бедное большинство. Полиэтнический характер городских сообществ XIII в. был связан также с возникновением еврейских общин. Польские князья, заинтересованные в развитии торговли и желавшие получать дешевые кредиты, жаловали евреям привилегии, согласно которым те имели самоуправление и собственное судопроизводство. Из этой группы населения зачастую рекрутировались сборщики таможенных пошлин и управляющие княжеских монастырских дворов.

Подобные процессы происходили и в среде духовенства. Увеличение количества монашеских орденов, появление в Польше в XII в. цистерцианцев, иоаннитов, премонстрантов, а в следующем столетии тесно связанных с городами нищенствующих орденов — францисканцев и доминиканцев — значительно увеличило число иностранцев в Польше. Их связи с монастырями на родине способствовали сохранению этнического своеобразия. Чужеземцы появились также среди рыцарства и при дворах польских князей, однако здесь (за исключением Силезии) они чаще всего подвергались быстрой полонизации.

Увеличение числа переселенцев, принадлежавших к различным языковым и социальным группам, было следствием относительной перенаселенности Западной Европы, а также выгодных правовых и политических условий, предлагавшихся этим людям польскими князьями. Такая политика князей свидетельствовала о верном понимании ими собственных интересов, совпадавших с интересами всего

общества. Ослабление налогового бремени, ограничение судебных функций центральной власти путем пожалования судебных прав, появившиеся городское и сельское самоуправление воздействовали на жизнь всего общества. В результате политической, правовой и экономической перестройки заметно оживилась деятельность всех социальных слоев.

Таким образом, XIII век стал временем создания новых институтов и роста материального производства. Этот процесс не обошелся без потрясений и конфликтов, однако в целом экономические успехи смягчали напряжение.

Пожалование различным группам подданных и отдельным лицам привилегий¹⁰, определявших их отношение к княжеской власти, права, обязанности и организационные формы их деятельности, вело к постепенному складыванию сословий, т. е. больших общественных групп, обладавших особым правовым статусом. Оформление каждого из сословий происходило по-своему и в разное время. Ранее прочих — ввиду быстрого восприятия заграничных образцов и необходимости приспособления польской церковной организации к принципам, общим для всей католической церкви, — оформилось духовное сословие. Церковная организация в XII—XIII вв. заметно упрочилась. Со времени основания епископских кафедр во Влоцлавеке и Любуше количество епархий не увеличилось, поскольку Поморская епархия (центром которой сделался Камень) оказалась за границами Гнезненской митрополии. При этом, однако, была расширена внутренняя организация отдельных епископств — благодаря возникновению сети приходов и разделу епархий на архидиаконаты. Усилилась роль соборных капитулов. Каноники выполняли многочисленные функции в управлении епархией и в работе соборных школ. Присутствие в Польше папских легатов ускорило, начиная с XII в., перенос на польскую почву результатов григорианской реформы¹¹.

К важнейшим переменам в церковной жизни относится утверждение принципов безбрачия священников (окончательно в XIII столетии) и избрания епископов соборными капитулами. Выборы епископов стали наиболее важным новшеством, поскольку лишили князей права инвеституры, хотя те по-прежнему могли оказывать влияние на исход выборов. В борьбе за реформы польскую церковь возглавлял архиепископ Гнезненский Генрик Кетлич (1199—1219). Стремясь вывести церковь из-под княжеской юрисдикции, он вступил в конфликт с великопольским князем Владиславом Гопконогим и даже был изгнан из Гнезно (1206). Тогда он отправился в Рим, где

нашел поддержку у папы Иннокентия III. Соперничавший с Владиславом Тонконогим краковский князь Лешек Белый воспользовался этой ситуацией, объявил о своем переходе под верховную власть папы и согласился на первые выборы епископа Краковского согласно каноническому праву (1207).

Помимо канонических выборов, епископы были заинтересованы в полном судебном и имущественном иммунитете. Привилегия для церкви была дана уже во время княжеского съезда в Ленчице в 1180 г., когда Казимир Справедливый и другие польские князья отказались от права на получение имущества, оставшегося после умерших епископов (*ius spoli*), и ограничили обложение зависимых людей церкви так называемым «постоем». С этого времени епископы стремились к получению не единичных привилегий для отдельных владений или учреждений, а для всей польской церкви. Они получили их в 1210 г. на княжеском съезде в Божиковой от князей Лешака Белого, Конрада Мазовецкого и Владислава Одонича, а затем в Вольбоже (1215), где к покровителям церкви присоединился Казимир Опольский. В Великой Польше в 1234 г. Владислав Одопид подтвердил эти уступки в пользу архиепископа Познань. В то же время в Силезии вроцлавским епископам пришлось вести с князьями длительную борьбу, успешно завершившуюся лишь в конце XIII в. при князе Генрике IV Пробусе (1273—1290).

Кроме организации епархий и приходов, большое значение для польской церкви имело увеличение количества монашеских орденов и их монастырей. К старейшим бенедиктинским обителям в Тындзе и Могильне добавились в XI — начале XII в. монастыри в Любине, Плоцке, Сетехове (Сецехове), на Лысьце и во Вроцлаве. Некоторые из них были полностью или частично основаны представителями польской знати. Однако в XII в. Бенедиктинский орден переживал внутренний кризис; гораздо больший динамизм проявлялся орденами цистерцианцев, регулярных каноников и норбертанцев. Особенно многочисленными сделались в Польше цистерцианские монастыри. В отличие от бенедиктинцев их монахи подчинялись не власти местного епископа, а своим ордеским центрам, находившимся за пределами Польши.

В XIII столетии в польских городах появились монастыри нищенствующих орденов. Первая доминиканская обитель была создана в Кракове в 1222 г. стараниями епископа Иво Одровонжа, а несколько лет спустя возникла и польская провинция Доминиканского ордена. Францисканцы появились во Вроцлаве и Кракове в 1236 г., тремя

годами позже была создана их чешско-польская провинция. Быстрое распространение нищенствующих орденов, которые в конце XIII в. имели в Польше 78 монастырей, было связано с развитием городов. Нищенствующие монахи также сумели добиться выведения своих обителей из-под епископской власти и подчинялись властям своих орденов за пределами Польши.

Рост значения рыцарства в период удельной раздробленности был связан с обретением этой группой экономической самостоятельности и происшедшими в стране политическими переменами. Разделение Польши на отдельные княжества привело к увеличению числа должностей, поскольку внутренняя структура отдельных княжеств копировала государственную организацию, существовавшую до эпохи раздробленности.

В территориальном управлении сохранили свое значение городские округа, с XII в. называвшиеся «каштеляниями». Рядом с возглавлявшими их каштелянами по-прежнему находились войские, замковые судьи, хорунжие.

В первой половине XIII столетия сохранение принадлежности к рыцарству либо вхождение в его состав зависело от владения землей и получения привилегий от князя. Часть небогатых воинов, происходивших от прежних свободных кметов, утратили свои земли и прежнее социальное положение, оказавшись в числе зависимых крестьян; меньшая же их часть боролась за повышение своего статуса. В конце XIII в. процесс формирования рыцарского сословия еще не был завершен. Рыцарем считали человека, державшего землю на основе рыцарского права (*iure militari*). Большая часть рядовых рыцарей в течение XIII в. приобрели судебный и имущественный иммунитет. За это они были обязаны в конном строю принимать участие в походах. Польской спецификой было отсутствие каких-либо правовых разграничений в рамках рыцарской группы, отсутствие внутренней иерархии, разделявшей рыцарей согласно феодальным принципам на вассалов и сеньоров. В качестве единственного сеньора многочисленной рыцарской группы выступал правящий князь, и каждый рыцарь чувствовал себя зависимым только от него.

Организация рыцарства как социальной группы была основана на родовых связях. Наряду со старинными знатными родами выделялись новые, возникавшие не только на основе кровных уз, но и на основе соседства. Это были так называемые «гнездовые» роды. Они обеспечивали сохранение социального статуса для всех своих членов, в том числе и экономически слабых. Принадлежность к роду, подтвержден-

нов другими его представителями, постепенно стала основным доказательством обладания рыцарским статусом. На рубеже XIII—XIV вв. символами отдельных родов сделались гербовые знаки, которые из личных превратились в наследственные, а также босвые кличи. В XIV столетии благодаря этому оформились так называемые геральдические роды.

Кроме того, рыцари обладали особыми привилегиями, которые подчеркивали их более высокое общественное положение. Штраф за убийство или ранение рыцаря был выше, чем за убийство или ранение крестьянина. Они обладали правом так называемой «свободной десятины», т. е. выбора церкви или иного церковного учреждения, которому могли ее отдавать (прочие сословия выплачивали десятину в своем приходе). Очень важным расширением прав рыцарства стала возможность наследования недвижимости по побочной линии, а при отсутствии последней — по женской.

Уже в XIII в. несколько раз издавались привилегии для всего рыцарского сословия. Первым из них стал привилей, изданный в 1228 г. в Цени князем Владиславом Тонконогим, добивавшимся в то время киевского престола. В конце столетия подобный привилей издал для малопольского рыцарства чешский король Вацлав II. Тем не менее практика дарования привилегий для всего рыцарского сословия стала обычной лишь в последующих столетиях.

Параллельно с рыцарским происходило оформление городского (мещанского) сословия, права которого были сформулированы в локационных грамотах. В отличие от духовенства горожане получали жалованные грамоты для отдельных городских общин. Однако, поскольку их привилегии были основаны на магдебургском праве, правовое положение отдельных городов было близким. Городское сословие делилось на патрициат (богатых купцов, собственников городских участков и домов) и так называемое «посполство» (простонародье), состоявшее из ремесленников и мелких торговцев. Члены обеих групп имели наследственные права городского гражданства и отличие от остального населения городов — бедноты, называемой *набсом*.

Уже в XIII столетии, помимо общих форм городской организации, установленных еще при основании города, стали возникать цехи, объединявшие ремесленников. Цехи определяли правила обучения и профессиональной деятельности, регламентировали изготовление и продажу изделий. Их члены принимали совместное участие в религиозных церемониях, цеховых пиршествах и праздниках. Однако

в Польше не возникло купеческих гильдий, об интересах купцов заботились городские советы. Поскольку основание городов продолжалось и в последующие столетия, мещанское сословие оставалось открытым для новых людей, располагавших необходимыми средствами.

В отличие от многих европейских государств, где помимо духовенства и рыцарства существовало единое третье сословие, ситуация в Польше была несколько сложнее, поскольку польские крестьяне представляли собой сословие, отдельное от мещанского. Правовое положение крестьянства не было определено столь точно, как у других сословий. Локационные привилегии касались лишь части крестьян, так как их получили далеко не все села, что обусловило различия в правах жителей отдельных поселений. Однако, несмотря ни на что, существовал фактор, объединявший крестьянское сословие в единое целое, а именно признававшееся всеми право наследственного пользования землей, право ухода из деревни и обложение хозяйства податями в соответствии с его площадью. Подобно городскому, крестьянское сословие оставалось открытым. Как в XIII в., так и в последующие столетия его членами постоянно становились новые люди — переселенцы и обедневшие представители иных сословий. Часть крестьян, напротив, поднимались по социальной лестнице, перебираясь в города и получая городские права, а в редких случаях исполняя духовное и рыцарское сословия.

В XIII столетии окончательного оформления польских сословий (за исключением духовенства) еще не произошло, однако процесс шел довольно далеко. Определение сословных прав и появление больших социальных групп оказывали воздействие на характер княжеской власти и политическую организацию всего общества. Основным принципом сословности было, как и в других европейских государствах, обязательство правителя соблюдать права сословий. Князь переставал быть владельцем своего княжества, а становился хранителем существовавшего в нем правового порядка. Права отдельных сословий были различны, но людьми того времени данное неравенство воспринималось как естественное и необходимое. Тем не менее ни одно из сословий не было вовсе лишено прав, что являлось важным фактором политической стабильности.

Таким образом, период удельной раздробленности повлек весьма разнообразные последствия для Польши. Имели место чувствительные территориальные потери, но при этом произошла внутренняя перестройка, ускорилось экономическое и социальное развитие, расширились и определились права отдельных слоев населения, все

полное участие в управлении принимали духовенство и рыцарство. Эти факторы сблизили польское общество с обществами более развитых стран Западной Европы, с присущим для них государственным устройством и хозяйственным укладом.

Несмотря на раздробленность, в сознании поляков сохранялось представление о единстве польского государства. Самый выдающийся польский хронист этого периода Винцентий Кадлубек, а также создатели других текстов: летописей, календарей и житий святых — рисовали Польшу как единое целое, связанное общей историей и общей культурой. Тот, кто был знаком с историей своей страны, гордился деяниями предков, что также укрепляло представление о существовании единой Польши. Все чаще принималось во внимание, что страну населяет этническое сообщество, которое обозначалось терминами *ratio* и *gens*¹². Первый термин подчеркивал общее происхождение поляков, второй — общность их языка. На этом фоне вполне понятно сохранение в удельный период термина, употреблявшегося в эпоху государственного единства. — *Regnum Poloniae*. Для писателей XII—XIII вв. Польша по-прежнему оставалась политическим целым, несмотря на то что они признавали естественным — и до середины XIII столетия даже желательным — ее разделение на удельные княжества.

Представления о единстве сохранялись, Впрочем, не только в сознании просвещенной элиты, но находили свое выражение в целом ряде институтов. В польских княжествах правили представители одной династии. Династическое сознание усиливалось по мере возрастания интереса к истории. Среди Пястов появились такие имена, как Семовит, Лешек (Лешек), Семомысл, напоминавшие о древнейших предках княжеского рода. Использовались имена и их знаменитых предков: Мешко, Болеслава, Казимира и Владислава. К ним добавлялись новые имена — Генрик, Конрад, появившиеся в Польше благодаря бракам польских князей и дочерей немецких сановников. Встречались и такие имена, как Василько и Тройден, свидетельствовавшие о династических связях с восточными соседями.

Помимо династического сознания, существенную роль играли правовые предписания, согласно которым власть в польских княжествах должна была сохраняться за правящим родом. Поэтому при угасании отдельных ветвей династии на освободившиеся удельные троны приглашали Пястов из других княжеств. Политические договоры о прижизненной либо посмертной передаче княжества также заключались в рамках династии.

Другим институтом, обеспечивавшим единство разделенного Польского королевства, была церковь. Польские земли входили в единую польскую — Гнезненскую — митрополию. Практика провинциальных епископских съездов (синодов) способствовала сохранению ее целостности, несмотря на известную самостоятельность Краковской и Вроцлавской епархий. Сходное значение имело и возникновение польских провинций доминиканцев и францисканцев, хотя в этой сфере появилась существенная брешь, когда в конце XIII в. от польской францисканской провинции была отделена Силезия.

Материальным и вместе с тем символическим выражением единства *Regnum Poloniae* служили хранившиеся в соборной сокровищнице Кракова польские коронационные символы: корона, скипетр и копия копья св. Маврикия. Последняя была даром Оттона III Болеславу Храброму, а корона со скипетром принадлежали Болеславу Смелому.

Ощущение языкового единства поляков усилилось, когда они столкнулись с языком прибывавших в Польшу немецких колонистов, священников и монахов. Вынужденные ограничиваться письменными источниками, мы знаем лишь о конфликтах, возникших на этой почве внутри церкви. Они начались в последние десятилетия XIII в. Проблема оказалась настолько серьезной, что польская церковь, руководимая архиепископом Якубом Свинкой, на синодах в Ленчице в 1285 и 1287 гг. приняла решение об обязанности приходских священников знать польский язык и объяснять истины веры по-польски. Эти решения лишь отчасти были связаны с наплывом в Польшу немецких священников, горожан и крестьян. Не менее важной причиной было создание сети приходов и охват миссионерской деятельностью всего общества. Перемены в духовной жизни предполагали не только механический перенос на польскую почву ритуальных жестов и символов, но и объяснение верующим основ христианского вероучения. Практическим результатом решений ленчицких синодов стало возникновение сборников проповедей на польском языке, первый известный список которых относится к началу XIV столетия. Проявлением польской религиозности является также текст старейшей из дошедших до нас песен на польском языке — возникшей в конце XIII в. «Богородицы».

В скульптуре и живописи того времени наряду с чисто польскими выступают и общехристианские мотивы. К наиболее совершенным произведениям относятся бронзовые двери собора в Гнезно (XII в.) с изображениями сцен из жизни св. Войтеха, двери собора в Плодске, где среди библейских сцен представлен покровитель искусств —

епископ Плоцкий Аляксандр Малошский, прекрасные тимпаны из Сопоты и Вроцлава с фигурами князей и представителей знати, подносящие основанные ими церкви Христу или Марии. Интересна настенная живопись — с XIII в. уже готическая по своему стилю, которая помогала верующим постигать истины веры и знакомила их с историей церкви.

Стремление к единству нашло идеологическое выражение в культе польских святых. О культе св. Войтеха уже говорилось. В XIII столетии были канонизированы новые польские святые, причем культ епископа Станислава приобрел общепольское значение. Культ епископа-мученика существовал в Кракове уже с конца XI в., но особый ритм его почитание приобрело с начала XIII в. После канонизации Станислава в 1253 г. этот культ сделался символическим выражением стремлений к объединению страны. Проводя аналогию с расчленением тела епископа, которое потом чудесным образом сплелось, автор «пространного» жития св. Станислава, Винцентий из Кельц, писал: «И подобно тому как он [король Болеслав] разрубил тело мученика на множество частей и разбросал их по всем сторонам, так и Господь разделил его королевство и попустил, чтобы в нем правил много князей... Но подобно тому как могущество Божие сделало святое тело епископа и мученика таким, каким оно было прежде, без следа от шрамов... так и в будущем, ради его заслуг, вернется в прежнее состояние разделенное королевство».

Общее стремление, выраженное в столь страстной форме, не могло не сопровождаться действиями, направленными на объединение страны.

Примечания

¹ *Platać się* — путаться, заплутаться (польск.).

² *Probus* — порядочный, честный (лат.).

³ Это слово можно было бы перевести как «крестоносцы», однако в польском языке существует существенное различие в значениях между словом *krzyżowiec*, обозначающим крестоносца вообще, т. е. участника Крестового похода, и словом *krzyżak*, обозначающим рыцаря Тевтонского (т. е. Немецкого) ордена. Последнее слово имеет полное соответствие в западнорусских средневековых памятниках — «крыжак» (его использовал А.С. Пушкин при переводе баллады А. Мицкевича «Будрыс и его сыновья»: «...от прусаков, от проклятых крыжаков...»). Известный роман Генрика Сенкевича в оригинале называется «*Krzyżacy*».

⁴ Немецкое название — Кульм.

⁵ Латинскому «локатор» соответствует славянское слово «осадчик».

⁶ От нем. Zins — подать, оброк; от лат. census.

⁷ От нем. Schuldgeiss, обозначающего сельского судью.

⁸ Иначе — кульмского права.

⁹ От нем. Vogt, которое, в свою очередь, происходит от лат. advocatus.

¹⁰ По-польски — «привилей», т. е. жалованная грамота.

¹¹ Речь идет о реформе Римско-католической церкви в XI—XII вв., обязанной своим названием папе Григорию VII (1075—1085). Главными требованиями реформаторов было введение целибата (безбрачия) для белого духовенства, выборы епископов без вмешательства представителей светской власти (которые в этом случае теряли право инвеституры епископов), признание главенства римского папы над всеми западными христианами. Проведение реформы наталкивалось на ожесточенное сопротивление светских правителей различных стран (в особенности императоров), не желавших утрачивать контроль над церковью, а также части духовенства, вполне удовлетворенной существовавшим положением.

¹² *Natio* — народ, нация, *gens* — род, племя (лат.).

III. Corona Regni Poloniae

дичная раздробленность, выгодная для светской знати и высшего духовенства в XII в., столетием позже оказалась обременительной для всех социальных слоев. Церковь сталкивалась с серьезными трудностями в организации пастырской деятельности в польской провинции. Границы епархий не совпадали с границами все более мелких княжеств, а различия в их политическом положении не способствовали проведению единой и последовательной политики. Разбросанность владений по территории нескольких уделов была невыгодна светской знати, к тому же слабость княжеств снижала авторитет польских монархов на международной арене. При этом и знать, и рядовое рыцарство отождествляли собственные интересы с интересами своих родов. Родственные узы, связывавшие рыцарей различных уделов, являлись фактором, благоприятствовавшим политической интеграции. Они нередко ставили родственников перед вопросом, кому они должны принести верность — своему роду или местному князю.

Восстановление сильной государственной власти могло гарантировать соблюдение полученных прав не только рядовому рыцарству, но также горожанам и крестьянам. Удельная раздробленность создавала препятствия для деятельности купечества: внутренние войны подрывали торговлю, купцам приходилось платить таможенные пошлины на многочисленных границах. Развитие межрегиональной и внешней торговли, связи крупных польских городов между собой, также с городами Чехии и Восточной Германии также усиливали среди горожан стремление к государственному единству. Впрочем, в городской среде наблюдались и противоположные тенденции, обусловленные соперничеством между отдельными городами.

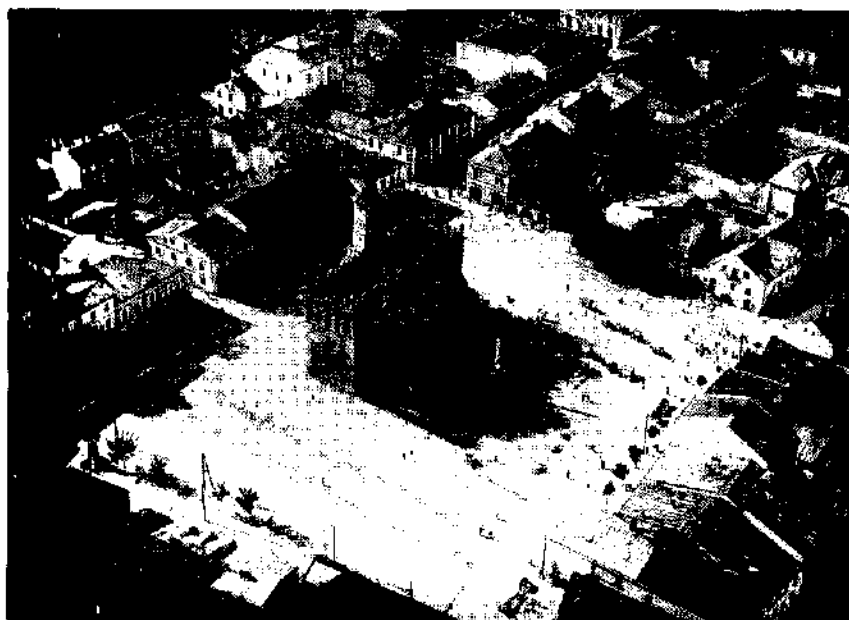
Для всех социальных слоев важным доводом в пользу объединения являлось нарастание внешней угрозы, ставшее очевидным во второй половине XIII в. К нашествиям монголов, набегам ятвягов и литов-

цев добавилась экспансия Бранденбурга. Правители Чехии, после того как Рудольф Габсбург положил конец их экспансии в Восточноальпийской области¹, стали проявлять интерес к польским землям — Силезии и Малой Польше, стремясь поставить их в зависимость от себя. Поэтому стремление к объединению государства было, помимо прочего, ответом на растущую угрозу и давящие извне. Однако задача не была легкой. Неясен был как путь к цели, так и то, какие именно центры и лица возглавят объединительный процесс. Князья из династии Пястов, как и общество в целом, стремились к государственному единству. Однако при этом каждый князь желал, чтобы оно было достигнуто под его руководством, но не за его счет. Теоретическое равноправие всех Пястов не позволяло им признать верховенство над собой одного из представителей разросшейся династии. Большими шансами на получение королевской власти обладали князья, правившие крупными и богатыми княжествами. В конце XIII в. процесс объединения Польши мог быть возглавлен правителями Великой Польши, Малой Польши, Силезии, а кроме того, королями Чехии. В конце XIII — начале XIV в. между ними происходила борьба, результатом которой явилось объединение части польских земель в единое Польское королевство.

Неясно было не только то, кто будет правителем и какая территория станет ядром единого государства, но и то, какие социальные слои поддерживают объединительный процесс. Он мог произойти как при участии всех или большинства общественных групп, так и под руководством или при решающем перевесе одной из них: духовенства, светской знати, рыцарства или горожан. Свою особую роль могло сыграть также население одного из регионов страны. Поэтому столкновения между отдельными князьями, стремившимися возглавить объединительное движение, и сторонниками того или иного претендента переплетались с борьбой различных стремившихся к гегемонии общественных групп. Это была борьба за социальное и политическое устройство будущего объединенного королевства.

Первую попытку объединения государства предпринял во второй половине XIII в. Лешек Черный, князь краковский, сандомирский и серадзский. Он пользовался поддержкой горожан, в особенности жителей Кракова, которым пожаловал привилегию, позволившую окружить город крепостными стенами. Смерть князя (он умер, не оставив потомства, в 1288 г.) положила конец его объединительным усилиям. Правителем в Сандомире и Серадзе стал его брат, брестский² князь Владислав Локетек (Локоток). Краковом овладел вроцлавский князь

Генрик IV Пробус. Опираясь на Краков, являвшийся символом единства Польши, и на тамошних горожан, тесно связанных с горожанами Силезии, а также на свои связи с чешским королевским двором, Генрик IV начал борьбу за королевскую корону, прерванную его неожиданной смертью в 1290 г. В своем завещании он передавал краковский удел великопольскому князю Пшемислу II, а Вроцлавское княжество — Генрику Глогувскому. Однако в Силезии вспыхнула борьба за наследство покойного. Это привело к еще большей ее раздробленности, причем отдельные силезские княжества оказались в сфере влияния королей Чехии. В итоге правители Силезии, которая по своему экономическому

Рыночная площадь в Сандомире.

Сандомир, являвшийся с X в. одним из важнейших центров княжеской власти, получил немецкое право в XIII столетии. Город подвергся перепланировке в соответствии с господствовавшими в ту эпоху принципами градостроительства. Его центром стала прямоугольная рыночная площадь, которую окружала регулярная сеть улиц. Планировка Сандомира и организация его внутренней жизни были типичны для городов с немецким правом. В данном случае не хватает лишь собора в углу площади, поскольку собор в Сандомире был воздвигнут еще раньше и остался на своем прежнем месте. В XIV в. в городе появилась готическая ратуша и были возведены городские стены. В XVI столетии ратуша была перестроена и приобрела элементы, характерные для польских ренессансных построек.

развитию, числу городов, количеству населения и финансовым средствам занимала первое место в Польше, утратили возможность возглавить объединительный процесс.

Король Чехии Вацлав II стремился не только поставить в зависимость от себя отдельные силезские княжества, но и овладеть Краковом. При поддержке части малопольской знати во главе с епископом Павлом из Пшеманкова он был в 1290 г. избран на краковский престол.

Пшемыслу II пришлось покинуть столицу, принадлежавшую ему по завещанию Гесрика IV. При этом, однако, он увез в Великую Польшу королевские «инсигнии»³. В 1292 г. войска Вацлава II изгнали из Сандомира Владислава Локетeka, после чего осадили его в Серадзе и принудили к подчинению. Чешский король стал государем княжеств Малой Польши, верховным сюзереном нескольких принесших ему вассальную присягу силезских княжеств, а также княжеств Серадзского и Брестского. Подчинение (хотя и на различных условиях) столь обширной территории дало Вацлаву основания претендовать на польскую королевскую корону.

С притязаниями на корону выступил и великопольский князь Пшемысл II. В 1294 г. он, согласно ранее заключенному договору с князем Мстиславом II (Мшчуром), унаследовал Гданьское Поморье. Пшемысла поддержал архиепископ Гнезненский Якуб Свинка и духовенство обоих уделов, а также рыцарство, стремившееся обеспечить ведущую роль Великой Польши в будущем королевстве. В 1295 г., получив согласие папы, Пшемысл II был коронован в Гнезненском соборе. При этом были использованы инсигнии, вывезенные им пятью годами ранее из Кракова.

Начавшееся восстановление государственного единства было прервано смертью короля. В феврале 1296 г. Пшемысла убили. Убийцы были подосланы бранденбургскими маркграфами, а в организации покушения принимали участие оппозиционно настроенные представители великопольской знати. Легкость, с которой этот удар разрушил создававшееся Пшемыслом королевство, указывает на слабость его материальных и организационных основ.

Претендентами на наследство Пшемысла II выступили Генрик Глоговский и Владислав Локетек. Великая Польша была поделена между двумя соперниками, а все Гданьское Поморье досталось Локетеку. Глоговского князя поддерживали города, Локетек — духовенство и рыцарство. Когда Локетек, потерпев неудачу в борьбе против Вацлава II, согласился принести вассальную присягу чешскому королю (1299), он лишился поддержки великополян. Между тем Вацлав II

пирлся с войском в Великую Польшу и добился там своего избрания. Кроме того, он овладел Поморьем, частью Куявии, Серадзской и Лещинской землями. Объединив под своей властью большую часть польских земель, он был в 1300 г. коронован в Гнезно польской короной. Коронация, при которой были использованы коронационные символы Премысла II, была проведена, как и в 1296 г., архиепископом Якубом Глинкой, несгибаемым сторонником объединения страны вокруг Великой Польши. Однако объединение польских земель под властью Вацлава II не было полным. За границами королевства остался ряд сандеких, куявских и мазовецких княжеств.

Поскольку король обычно находился в Чехии, управление Польшей он осуществлял через наместников — «старост»⁴, которых наделил весьма широкими полномочиями. Старосты назначались для отдельных уделов, а не для всего королевства. Таким образом, Вацлав так и не создал центральной администрации, сохранив в сфере управления разделение на уделы. Создание такого института, как «староство», помимо прочего, освобождало короля от обязательств, наложенных им на себя в грамоте, изданной в 1291 г. для малопольши, в которой он обещал не давать должностей лицам иностранного происхождения. Это обязательство, однако, не распространялось на полные должности. И действительно, старостами нередко становились облеченные доверием короля выходцы из Чехии, которых в Польше небезосновательно обвиняли в злоупотреблениях и забвении интересов страны.

Тем не менее Вацлав II пользовался поддержкой значительной части польского общества. Ему благоволило духовенство — как гнезничское, так и краковское. Краковский епископ, онемечившийся славянский поляк Ян Муската, стал королевским старостой в Малой Польше и опорой власти Премысловичей⁵ в Польше. Свои выгоды от чешского правления в Польше получили города, в особенности те, что были связаны с торговыми центрами Чехии и Германии. Немецкий патрициат крупных городов был доволен установлением внутреннего мира, облегчением контактов с южными партнерами и не ощущал — в отличие от иных слоев общества — чужеземного характера власти Премысловичей.

В наименьшей степени были удовлетворены рыцарство и светская знать, оттесненные от важнейших в государстве постов старост и оскорбленные покровительством, которое король оказывал чужакам. Это наносило ущерб не только престижу, но и материальным интересам знати. Мелкое рыцарство, в свою очередь, болезненно ощу-

щало тяжелую руку старост, которые педантично, порой и не зная меры, собирали подати, а также (что, впрочем, вполне соответствовало интересам страны) старались положить конец рыцарским разбоям и своеволию.

Добиться польской короны Вацлав II смог благодаря военному и экономическому потенциалу Чешского королевства, а также тому обстоятельству, что борьба между Пястами и различными группировками в Польше в какой-то момент оказалась непреодолимой преградой на пути к объединению, которого, как бы то ни было, хотели все. Коронация Вацлава уничтожила это препятствие и таким образом сыграла для Польши важную и позитивную роль. Тем не менее спустя всего лишь несколько лет большая часть общества вновь с надеждой повернулась к своим исконным правителям — Пястам.

Этому благоприятствовала международная обстановка. Вацлав II вмешался в борьбу за венгерский престол, ставший вакантным после пресечения династии Арпадов⁶. В 1301 г. он добился коронации своего сына королем Венгрии. Перспектива объединения под властью Пршемысловичей стольких государств вызвала противодействие их соперников: Альбрехта Габсбурга и других немецких правителей, а также части венгерской знати и, что весьма существенно, папы Бонифация VIII. Этим воспользовался изгнанный из Польши Владислав Локетек, который в 1304 г. во главе своих венгерских сторонников занял Сандомирскую землю, где был поддержан значительной частью рыцарства и жителями Сандомира. В 1305 г., в разгар подготовки к походу против Локетека, Вацлав II умер. Его сын, Вацлав III, стремясь избежать конфликта с Габсбургом и папством, отказался от прав на Венгрию. Но польский престол он хотел сохранить за собой. Чтобы получить поддержку Бранденбурга, Вацлав отказался в пользу тамошних маркграфов от Гданьского Поморья. Этот договор не вступил в силу, хотя сам факт его подписания существенно ослабил позиции Вацлава III в Польше. В результате возросла популярность Владислава Локетека, который в течение года после взятия Сандомира овладел Куявией, Серадзом и Ленцицей. Великая Польша перешла под власть Генрика Глоговского. Краковской землей от имени Вацлава III продолжал управлять Ян Муската, которому, однако, приходилось вести ожесточенную борьбу со сторонниками Владислава Локетека.

В 1306 г. Вацлав III начал поход в Польшу, однако еще на территории Чехии был убит знатным чешским рыцарем. С ним прервалась династия, правившая чешским государством с самого его возникновения. Это окончательно открыло Владиславу Локетеку путь к

подопечеству над Польшей. Овладев Гданьским Поморьем, он вступил в борьбу за Краковскую землю, изгоняя оттуда гарнизоны Мускаты. И вновь на помощь польскому князю пришел архиепископ Якуб Свинка, возбудивший против епископа Яна Мускаты канонический процесс по обвинению в непослушании и отлучивший его от церкви (1308).

Первые годы правления Владислава Локетекса оказались довольно трудными, не обошлось и без серьезных потерь. Во время борьбы в Малой Польше Гданьское Поморье подверглось нападению бранденбургских маркграфов. На их стороне выступили местный род пещев, членам которого принадлежала здесь должность старост, и помещичьи жители Гданьска; рыцарство сохранило верность Локетексу. Когда в 1308 г. бранденбуржцы осадили Гданьск, польский князь обратился за помощью к Тевтонскому ордену. Рыцари оттеснили осаждавших, однако при этом сами заняли Гданьск и вскоре подчинили себе Гданьское Поморье. В 1309 г. Владислав Локетек безуспешно пытался вести с ними переговоры. После их неудачи орден, стремясь дать своим захватам юридическое обоснование, выкупил у Бранденбургов его «законные» права на Поморье.

Утрата Поморья стала сильнейшим ударом для Польши, которая в момент объединения королевства, находясь на пороге экономического расцвета, была лишена выхода к морю. Тевтонский же орден, шагнув на христианские земли, на глазах у всех изменил своему назначению защитника христиан от неверных и положил начало затяжному конфликту с Польшей. Спор был разрешен лишь после длительного противоборства, тянувшегося более полутора веков. Одним из последствий польско-орденского конфликта стало ускорение развития польского национального самосознания.

Ослаблением авторитета Локетекса поспешили воспользоваться горожане Кракова во главе с войтом Альбертом. Они предпочитали видеть на польском троне нового короля Чехии Яна Люксембургского², считавшего о своих правах на польскую корону как на наследие Пржемысловичей. В 1311 г. в Кракове вспыхнул бунт немецких горожан. В нем проявились черты немецко-польского национального конфликта, что, в свою очередь, явилось отражением давнего спора о путях объединения страны. Бунт был подавлен Локетekom, войт Альберт умер в изгнании. Верх одержала политика объединения Польши вокруг национального правителя, пользовавшаяся поддержкой большей части рыцарства и духовенства.

Помимо трудного вопроса о Поморье, перед Владиславом Локетekom стояла задача овладения Великой Польшей, которой неумело

управляли пять юных сыновей Генрика Глоговского. Нараставшим там недовольством вовремя сумели воспользоваться неутомимый боец за объединение Польши архиепископ Якуб Свилка и епископ Познанский Анджей, пригрозившие отлучкам Генрика Глоговского отлучением от церкви. В Гнезно взбунтовались рыцари. На общем собрании они выбрали своим правителем Владислава Локтека. Он прибыл в Великую Польшу в начале 1314 г., одержал победу над оказавшими ему сопротивление горожанами Познани и стал во главе удела, с которым была связана сама идея Польского королевства.

Многолетние усилия Владислава Локтека и искреннее стремление польского общества к единству завершились коронацией правителя. После всеобщего собрания (вече) в Сулеёве в 1318 г. папе была направлена просьба о королевской короне для Польши. От имени «монашеских орденов, соборных капитулов, славных мужей, князей, комесов, баронов, жителей городов и замков» папе описывалось плачевное состояние государства, обреченного без короля страдать от внутренних неурядиц и набегов язычников. Папа колебался, поскольку с притязаниями на польскую корону выступал и Ян Люксембургский. В официальном послании он посоветовал поступить так, чтобы «не нарушить чьих-либо прав». Однако в секретной переписке подвузмысленно поддержал желания поляков и их правителя.

Коронация Владислава Локтека и его жены Ядвиги состоялась 20 января 1320 г. в Кракове. Её осуществил, при участии других епископов, новый архиепископ Гнезненский Янислав. Поскольку Вацлав III вывез из Великой Польши в Чехию старинные королевские инсигнии, были изготовлены новые, служившие с тех пор вплоть до падения Речи Посполитой в конце XVIII в. Коронация увенчала собой дело объединения. Польское королевство на столетия вошло в сообщество европейских государств, и этому не помешали даже пресечение в 1370 г. династии Пястов и переход польской короны к другим правителям.

В XIV в. страны европейского Запада (Франция, Фландрия, Англия) и Юга (Италия и государства Пиренейского полуострова) переживали сильнейшие потрясения, связанные с эпидемией чумы, падением производства, резким сокращением населения и постоянными войнами. В Центрально-Восточной Европе, в том числе и в Польше, на это время, напротив, приходится период экономического, политического и культурного роста. Пору своего расцвета переживают Чехия, Венгрия и государство Тевтонского ордена, происходит за-

мичное ускорение хозяйственного и политического развития Польши и Литвы. Обратной стороной относительного процветания стало столкновение интересов этих государств, нередко приводившие к открытым конфликтам.

В XIV в. господствующей политической концепцией в этой части Европы стала идея суверенного королевства. Ее претворение в жизнь оказалось возможным вследствие равновесия сил противостоящих государств, а также вследствие слабости империи, которая была уже не в состоянии навязывать свою волю правителям Центральной Европы. Правда, Польша и Венгрия признавали верховную власть папы, но это не нарушало их суверенных прав. Иначе сложилась ситуация у их восточных соседей: процесс создания суверенных государств охватил не все русские земли. Лишь так называемая Галицкая Русь, постепенно освобождаясь в XIV в. от монгольского ига, дала начало независимому Русскому государству с центром в Москве. Большая же часть русских княжеств, раздробленных и истощенных за годы чужеземного господства, была завоевана Литвой и Червоная (Галицкая) Русь⁸, в свою очередь, сделалась объектом экспансии Венгрии и Польши и в конечном итоге вошла в состав Польского королевства. Так родились две многонациональные монархии — Польша и Литва, которые в конце столетия заключили союз, вышедший далеко за рамки династической унии. Он был основан на общности интересов двух государств и просуществовал более четырехсот лет.

В первые десятилетия XIV в. мало что указывало на будущий расцвет Польши. Даже после коронации Владислава Локетека положение польского королевства оставалось весьма непростым. Главной проблемой польской внешней политики стал конфликт с Тевтонским орденом. Угроза для Польши усиливалась тем, что орден действовал в союзе с Чехией. Ян Люксембургский продолжал именовать себя королем Польши и стремился овладеть краковским тронном или по крайней мере добиться верховной власти над частью польских земель. Продолжая политику последних Пршемисловичей, он навязал в 1327—1331 гг. вассальную зависимость большей части силезских княжеств. Ян Локетек облегчался тяготением к Чехии немецкого патрициата Кракова и других городов Силезии. В том же направлении действовали немецкие рыцари из окружения силезских князей, а местное польское рыцарство не могло оказать им должного противодействия.

Перед лицом противников, каждый из которых был сильнее его, Владислав Локетек все же не мог идти на уступки с целью избежать

того или иного конфликта. Невозможно было, особенно в начальный период существования королевства, отказаться от утраченного Поморья. Нельзя было и удовлетворить притязания на польскую корону чешского короля. Перед лицом могущественных врагов польскому королю с трудом удавалось спасти свое государство от катастрофы. Опорой ему служили союзы, заключенные еще в период борьбы за власть или в самом начале правления. Несмотря на усилия противников расстроить эти альянсы, они оказались весьма долговременными. Первоочередное значение имел союз с папством. На протяжении целого столетия — с момента коронационной петиции (1318) до начала XV в. — политика пап была благоприятной для польского государства. Это было обусловлено как расстановкой политических сил в Европе, так и заинтересованностью папства в регулярном получении денария св. Петра. Выплаты тяжким грузом ложились на польскую экономику, но обеспечивали государству столь необходимую политическую поддержку.

Другим союзником Польши было Венгерское королевство. Правившая там с 1308 г. Анжуйская династия⁹ враждовала с чешскими Люксембургами и поэтому была заинтересована в усилении Польши, находившейся в состоянии конфликта с Чехией. Польско-венгерский союз был скреплен браком дочери Локетека Эльжбеты (Елизаветы) с королем Венгрии Карлом Робертом Анжуйским. Несмотря на начавшееся позднее соперничество двух государств из-за территории Галицкой Руси, польско-венгерский союз сохранял свою силу целое столетие. При этом если в первой половине XIV в. Польша выступала слабым партнером и в немалой степени зависела от своего союзника, то в последующие десятилетия она добилась равноправного положения.

Угроза, которую Тевтонский орден представлял для балтийских народов¹⁰, стала причиной того, что потенциальным союзником Владислава Локетека сделалось Великое княжество Литовское. Его правитель Гедимин положил конец грабительским набегам литовцев на Польшу, а в 1325 г. скрепил польско-литовский союз, отдав свою дочь Альдону за сына Локетека — Казимира. В 1326 г. литовцы приняли участие в польском походе на Бранденбург. Однако первое время союзные отношения с Литовским княжеством создавали определенные проблемы, поскольку литовцы все еще оставались язычниками.

Основной идеей монархии Владислава Локетека было объединение всех польских земель в границах раннесредневекового королев-

ства Болеслава Храброго и Болеслава Смелого. Это предполагало включение в него земель, все еще остававшихся за пределами нового королевства: Мазовии, Силезии и Гданьского Поморья. Однако слабость Польши, военное превосходство и сопротивление удельных князей обрекли попытку возвращения этих территорий на неудачу.

Борьбу за Поморье Владислав Локетек начал с дипломатических шагов. Он направил в Авиньон¹¹ жалобу. После ее получения папа созвал суд, который должен был рассмотреть доводы обеих сторон. Процесс состоялся в 1320 г. в Ипсвордлаве. Выслушав двадцать пять свидетелей, трое судей (ими были польские церковные сапошники) приняли решение, обязывавшее Тевтонский орден вернуть захваченные земли и выплатить возмещение. Орденские рыцари направили апелляцию папе и, несмотря на вступавшие приговоры в законную силу, не собирались подчиниться решению суда. В качестве светской власти, обеспечивавшей исполнение приговора военным путем, мог выступить только Польша, однако ее сил было недостаточно для победы над орденом.

Впоследствии польский король предпринимал усилия по сближению с князьями Западного Поморья и вел войну с Брацисбургом, прерванную в 1329 г. из-за растущей угрозы со стороны Тевтонского ордена. Борьба с последним тянулась уже с 1326 г. Союзник ордена, чешский король Ян Люксембургский, возвращаясь из похода на языческую Литву, в 1329 г. привел к вассальной присяге плоцкого князя по имени Ваня. Орден, в свою очередь, захватил Добжинскую землю. В 1331 г. сторонники польского короля планировали совершить совместный поход. Их войска должны были соединиться под Калишем. Союзники не сумели должным образом согласовать свои действия, но все же подвергли польские земли опустошению и грабежам. Тем не менее Владиславу Локетеку удалось добиться первого военного успеха — в битве под Пашицами он разгромил крупный отряд орденского арьергарда. Однако в 1332 г. его королевство понесло болезненную потерю — орден захватил Куявию. В этом крайне невыгодном положении, при посредничестве папского легата, было заключено перемирие.

В 1333 г. правитель Польши (ему было за семьдесят) скончался. Оставшаяся после него страна была частично объединена, но находилась в опасности. Возможно, Локетек и впрямь был излишне склонен искать военное решение конфликтов, не имея для этого достаточных сил. И все же достойно удивления необыкновенное упорство этого князя, после многих лет напряженной борьбы получившего королевскую корону. Опираясь на польские элементы, прежде всего на духо-

венство и многочисленное рыцарство, он добился объединения страны, хотя и неполного, причем данный вариант объединения в гораздо большей степени отвечал чаяниям поляков, чем те, что предлагались иными претендентами на польский престол. В своей политике королю так или иначе приходилось считаться с ограниченными возможностями государства и его сложным международным положением. Необходимые перемены произошли лишь в период правления сына Локсека — Казимира Великого (1333—1370). Продлив перемирие с Тевтонским орденом, новый польский король сумел, на съезде с королями Чехии и Венгрии в Вышеграде¹² в 1335 г., добиться от Яна Люксембургского за 20 тыс. коп грошей¹³ согласия на отказ от притязаний на польскую корону.

Ослабление опасного для Польши чешско-орденского союза дало Казимиру возможность возобновить усилия по возвращению захваченных орденом земель. Короли Чехии и Венгрии в 1335 г. издали постановление о перемирии, предписывавшее возвращение к состоянию, существовавшему до войны. Орден должен был вернуть Польше Куявию и Добжинскую землю, но мог сохранить за собой Гданьское Поморье и Хеминскую землю. На этом основании польский король сумел в 1337 г. получить назад часть Куявии. Два года спустя он получил от папы согласие на проведение судебного процесса против ордена в Варшаве. Этот город находился в Мазовии, т. е. за пределами Польского королевства, и потому считался нейтральной территорией. Судьи — папские легаты Гальхард де Карцерибус и Пьер де Ле Пюи, выслушав показания более чем ста свидетелей от различных сословий, предписали ордену возвратить Поморье и Хеминскую землю, а также выплатить возмещение за разрушение множества церквей во время вторжения в Великую Польшу. Орденские рыцари, первоначально вообще ставившие под сомнение компетенцию суда, добились в папской курии приостановления исполнения приговора, но отныне их руки оказались связанными. В 1339 г. на втором съезде в Вышеграде Казимир Великий подтвердил права Яна Люксембургского на те силезские княжества, которые уже находились в зависимости от Чехии. Он также заручился поддержкой со стороны Венгрии, пообещав передать Анжуйской династии права на наследование польского трона — однако лишь в том случае, если польский король (которому тогда было двадцать девять лет) не будет иметь мужского потомства.

Результатом реалистичной политики польского правителя стал «вечный мир» с Тевтонским орденом, заключенный в 1343 г. в Кали-

но. Согласно его условиям, орден вернул Польше всю Куявию и Добжинскую землю, а Гданьское Поморье и Хелминскую землю отныне удерживал за собой в качестве «вечной милостыни», признавая таким образом польского правителя своим благодетелем. Ввиду могущества Тевтонского ордена и слабости Польши такое решение вопроса было не самым худшим. Однако сохранение за Тевтонским орденом Гданьского Поморья было чревато новыми конфликтами. Раши, напавшие друг на друга в годы войн, не затаились, а орденские рыцари сделали поляков олицетворением грабителей и врагов.

Усилия Казимира Великого по возвращению других земель увенчались лишь частичными успехами. В 1343 г. польский король заключил союз с князьями Западного Поморья, выдав дочь Эльжбету за датского князя Богуслава V. Затем, заключив союз с Данией и создав тем угрозу ослабленному Бранденбургу, Казимир возвратил в 1365 г. города Дрезденко и Санток, а тремя годами позже — Чаплинек и Драном. Помимо этого, польский правитель пытался сдерживать распространение чешского господства в Силезии. Он оказывал поддержку независимому свидницкому князю Болеку, а в 1341—1345 гг. вел за Силезию войну. В итоге стало возвращение Вскховской земли (1343), представлявшей собой часть Великой Польши, некогда занятой голландским князем. Однако рост могущества Люксембургов и получение им Яном, Карлом¹⁴, немецкой королевской короны сделали дальнейшие военные действия невозможными. В 1348 г. Казимир заключил мир в Намысловце на принципах статус-кво. Единственным успехом стало удержание Силезии в польской церковной провинции.

Казимир также упрочил свои позиции по отношению к мазовецким князьям, искавшим помощи против литовских набегов. Княжества Плоцкое, Закрочимское и Вишское после пресечения правившей там линии Пястов были включены в состав королевства (1351). Прочие мазовецкие княжества признали вассальную зависимость от польского короля, однако в 1355 г. князю Семовиту (Земовиту) III удалось существенно ослабить ее.

Радикальное изменение границ и этнического облика польского государства произошло в ходе экспансии в направлении Червонной Руси. Когда там в 1323 г. пресеклась местная линия династии Рюриковичей, галицкий трон, при польской и венгерской поддержке, занял мазовецкий князь Болеслав Тройденевич. Не имея потомков, избрав своим наследником польского короля. После смерти Болеслава в 1340 г. Казимир организовал поход и занял Галицкое княжество. Так началась долгая борьба за Червонную Русь, в которой

столкнулись интересы местного боярства, Литвы, Венгрии и Польши, а также татар, защищавших свой формальный сюзеренитет над княжеством. Программа овладения Галичем и Владимиром¹⁵ пользовалась в Польше широкой поддержкой наиболее влиятельной в политическом отношении малопольской знати, мелкого рыцарства и городов. Знать и рыцари рассчитывали на земельные пожалования, а купечество — на пользование черноморскими торговыми путями, значение которых все более возрастало. Не менее притягательными были соляные богатства Червонной Руси. Казимир сумел организовать в 1344, 1349 гг. и в последующие годы ряд новых походов, часто выступая при этом в союзе с Венгрией. После отражения вторжения татар и заключения соглашений с Литвой власть польского монарха на территории Руси существенно упрочилась. В 1366 г. в результате нового похода были заняты Волынь и Подолия.

Овладение землями Галицко-Волынской Руси еще не означало их включения в Польское королевство. Они оставались отдельным политическим организмом, что было подтверждено соглашениями с Людовиком Венгерским¹⁶ (1350) о передаче Руси Венгрии в том случае, если у польского короля все же появится мужское потомство и Анжуйская династия не унаследует польский трон. Особое положение Руси определялось ее этническими, культурными и религиозными отличиями. И напротив, интегрирующим фактором являлась колонизационная деятельность на ее территории, в том числе предоставление Львову магдебургского права (1356), многочисленные земельные пожалования польскому рыцарству и торговая экспансия городов Малой Польши.

Огромными были дипломатические заслуги Казимира Великого, направленные на вывод Польши из чрезвычайно трудного положения на международной арене в начале 30-х годов XIV в. Проявляя себя осторожным реалистом, он распутывал конфликтные узлы, сумев вернуть столько исторически польских земель, сколько было возможно. При этом, благодаря союзам и росту собственного могущества, позиции Польши в Центральной Европе заметно упрочились. Знаменательным проявлением этого стал съезд в Кракове в 1364 г., во время которого польский монарх принял Карла IV Люксембургского, Людовика Анжуйского, Вальдемара IV Датского, кипрского короля Петра, князей Болека Свидницкого, Семовита III Мазовецкого, Богуслава V Поморского и бранденбургского маркграфа Оттона. Этот съезд способствовал установлению политического равновесия в регионе, основанного на равенстве суверенных королевств, что соответ-

Надгробие Казимира Великого в соборе Вавельского замка. Краков, после 1370 г.
 Обнаружено после смерти короля (1370). Величественная фигура лежащего на саркофаге монарха — в короне и с символами королевской власти — должна была служить напоминанием о его заслугах. В то же время изысканная прическа и уложенная в локоны борода свидетельствуют о повседневной жизни при краковском дворе и о характере этого правителя, отнюдь не чуждого страстей и азбавленного шалости. В нишах цоколя саркофага помещены скульптурные изображения придворных. Высокие готические своды заставляют задуматься о вечном, придавая земным трудам правителя и его подданных более глубокий смысл.

ствовало господствовавшему в тогдашней Европе убеждению о праве на независимость коронованных правителей и их государств.

В области внешней политики польский король, благодаря выдающимся личным качествам, стоял много выше своего многочисленного и способного окружения. Он сам определял принципы и методы внешнеполитической деятельности, и именно с ним были связаны ее главные достижения. Однако долгое и успешное правление Казимира было омрачено личной и династической драмой, которая могла привести королевство к катастрофе. Несмотря на несколько браков, у него так и не появилось законного сына. Поэтому вопрос о престолонаследии становился одной из важнейших и сложнейших проблем. Передать власть кому-либо из других Пястов было рискованно. Мелким князьям, принесшим Казимиру ленную присягу, не доставало ни средств, ни авторитета, а их возможная борьба за трон угрожала целостности королевства. В результате все более реальные контуры приобретало заключенное в Вышеграде соглашение о передаче престола Людовику Венгерскому (внуку Владислава Локетска по женской линии). Во время войн за Червонную Русь эти права были вновь подтверждены.

Казимир Великий пытался найти и иное решение. Он устроил брак своего внука, слупского князя Казека, с литовской княжной (1360), а затем усыновил Казека, планируя передать ему права на получение польского престола после Людовика Венгерского. Уже на смертном одре он завещал слупскому князю Серадзское и Ленчицкое княжества, Добжинскую землю и некоторые замки. Поскольку Людовик Венгерский также не имел мужского потомства, это давало Казеку возможность сделаться польским королем, а Польше — получить значительную часть Западного Поморья. Планы эти не осуществились. Казеку не хватило ни сил, ни способностей, ни поддержки в Польше, чтобы воспользоваться своим шансом. Трон перешел к Людовику Венгерскому (1370 - 1382), который незамедлительно приехал в Краков для проведения коронации.

В дальнейшем новый король постоянно находился в Венгрии. Власть в Польше он передал в руки своей матери Эльжбете Локетковне. Она опиралась на знать Малой Польши, стоявшую за союз с Венгрией, к которому великополяне относились довольно прохладно. Недостаточный интерес Людовика к польским делам привел к территориальным потерям. На Руси отошла к Литве Владимирская земля. В Мазовии добился полной самостоятельности Семовит III, который занял Сохачев, Радугу и Плоцкое княжество. Сандомир и Дрездзко вновь оказались в руках бранденбуржцев.

Икона Ченстоховской Божьей Матери в монастыре паулинов на Ясной Горе.

Эта икона византийского происхождения перешла в 1382 г. князь Владислав Опольский к папскому им монастырю паулинов в Ченстохове. Одно из наиболее ранних произведений проникновения в Польшу восточнохристианского искусства вместе с тем свидетельство влияния на Польшу Запада и Востока. В начале 17-го столетия монастырь подвергся нападению, и икона была сильно повреждена. При перемещении она приобрела ряд характерных черт готического стиля. На лице видны хорошо выраженные следы от ударов мечом, не тронутые при реставрации. Лицо приобрело необычайную выразительность: в нем соединилась величественно-мрачная византийскому искусству, и типичный для поздней готики мотив «лица скорби», подчеркивавший близость Богородицы к простым людям.

Эти потери и чрезмерное влияние венгерских придворных королевы Эльжбеты возбуждали недовольство. В Кракове произошли беспорядки. Не пользовался признанием и другой представитель власти короля Людовика в Польше — князь Владислав Опольчик, под управление которого Людовик в 1372 г. передал Галицкую Русь. Возникли опасения, что Людовик планирует присоединение галицких земель к Венгрии. При этом сам Владислав проводил на Руси активную колонизационную деятельность, основывал здесь многочисленные города и села, привлекая польских и немецких колонистов. Была создана католическая митрополия с центром в Галиче (1375) и епископскими кафедрами во Владимире, в Перемышле и Холме¹⁷. С Владиславом Опольчиком связано прибытие из Венгрии монахов-лауринов, обосновавшихся в монастыре на Ясной Горе близ Ченстоховы (1382), и начало культа Ченстоховской Божьей Матери. В правление Людовика Венгерского возросло — из-за отсутствия в стране короля и непопулярности его представителей — значение малопольской знати.

Польское королевство не смогло бы занять достойного места в Центрально-Восточной Европе, если бы военные и дипломатические акции его правителей не подкреплялись возросшим могуществом объединенной Польши. Это могущество было обусловлено как хозяйственным подъемом и ростом численности населения, так и реформами, направленными на укрепление государственной организации.

В 1370 г. территория Польши Казимира Великого составляла около 240 тыс. кв. км. В начале его правления в стране проживало от 1,1 до 1,2 млн человек, еще 0,9 млн находилось на польских землях, не вошедших в состав королевства. В конце правления Казимира на увеличившейся территории проживало от 1,8 до 2 млн населения. Средняя плотность его составляла 8—8,5 человек/кв. км, т. е. была в два раза выше, чем в период возникновения польского государства в X—XI вв. Естественный прирост, в течение четырех столетий составлявший в среднем 0,2% в год, в XIV в. значительно увеличился, достигнув приблизительно 0,4%. Благодаря этому, а также миграции иностранных колонистов численность населения быстро росла. В результате средняя плотность на польских землях приблизилась (хотя и не сравнялась) к средней плотности населения Европы в целом. В отдельных странах в середине XIV столетия она составляла около 28 человек/кв. км во Франции и в Италии, около 15 — в Германии, около 10 — в Англии, 2—3 человека/кв. км на Руси.

Польша и ее соседи в 70—80-е годы XIV в.

Длившаяся более ста лет внутренняя колонизация, а также рост численности населения, развитие техники и организации крестьянского труда имели следствием подъем сельскохозяйственного производства. Для начала XIV в. размер урожаев оценивается в среднем в три-четыре (в X в. на одно посеянное приходилось 1,5—2 зерна, в XIV в. — 2—3). В середине XV в. урожаи доходили уже до пяти-шести, что не отличалось от средневропейских показателей.

Рост производительности сельского хозяйства способствовал существенному приросту населения, обогащению состоятельных групп населения и ускорению развития городов. В середине XIV в. горожане составляли приблизительно 10—14% населения страны, т. е. около 400 тыс. человек. Самым большим городом королевства являлся Краков, где проживало от 10 до 15 тыс. человек, в Познани и Сандомире — по 3—5 тыс. жителей, население прочих городов обычно составляло 1—2 тыс. человек. За пределами королевства крупнейшим городом была Вроцлав (15—17 тыс. жителей). Другими крупными городами были Гданьск (Данциг), Торунь (Торн), Эльблонг и Хелмно. В правление Казимира Великого было основано более ста новых городов, т. е. больше, чем за весь предшествующий период. Сформировавшаяся

тогда городская сеть, после некоторых дополнений в конце XIV—XV вв., оставалась достаточной вплоть до XX столетия. Крупные города принимали участие в международной торговле. Они извлекали немалые выгоды, находясь на торговых путях, что вели от берегов Черного моря к побережью Балтики и с Руси в Чехию и Германию. Большое значение имела и дорога, соединявшая Венгрию с Малой Польшей и шедшая далее на север — в Великую Польшу и на Поморье. С юго-востока привозили пряности и предметы роскоши, с Руси — меха, из Венгрии — металлические изделия, золото, медь и вина, из Чехии и Германии — серебро и ремесленную продукцию. С Поморья, главным образом из Гдапска, поставляли соль, соль и импортированные из Западной Европы ткани. Предметом межрегиональной торговли являлась продукция малопольских горняков: олово, серебро, железо и соль. На протяжении всего XIV в. возрастало значение польской торговли продукцией лесного хозяйства, животноводства, рыбных промыслов и земледелия. Рос вывоз древесины, смолы, поташа, кож, а с конца столетия поспешно начали вывозить хлб. Влияние международной торговли на процесс объединения Польши не было односторонним, поскольку следствием ее становилось развитие внешних сношений, при которых города Силезии были в большей степени заинтересованы в связях с Чехией, а города Малой Польши — в контактах с Венгрией и Русью. Эти факторы дезинтеграции, весьма ощутимые при Владиславе Локетеке, при Казимире Великом постепенно утратили свое значение. Казимир способствовал городскому развитию, основывая новые города, предоставляя привилегии (право склада и дорожного принуждения) крупнейшим центрам и привлекая в Польшу переселенцев: итальянцев, немцев, евреев.

Большое значение имело создание сети из нескольких сотен малых городов, служивших местными рынками. Эти города стимулировали сельскохозяйственное производство своего региона, обеспечивали сельское население ремесленными изделиями (в том числе сельскохозяйственными орудиями, позволявшими увеличить урожайность) и втягивали крестьян в систему товарно-денежных отношений. Интенсификация хозяйства происходила в относительно автономных региональных уделах, которые лишь в незначительной степени были связаны с соседними и иными регионами. Поэтому наличие в конце XIII — начале XIV в. многочисленных городов и местных рынков могло способствовать сохранению удельных различий. Однако участие в международной торговле лесной, скотоводческой и сельскохозяйственной продукцией было фактором, соединявшим локальные экономи-

ские районы с более обширным рынком — общепольским и внешним. Это происходило постепенно, однако уже при Казимире Великом местный экономический сепаратизм, по-видимому, ослаб либо был преодолен, а тенденция к унификации экономики возобладала над тенденциями, способствовавшими ее дезинтеграции. Это нашло свое выражение в финансовых реформах, в ходе которых появилась общепольская монета — польский грош.

Ремесленным фактором воссоздания единого королевства являлись стремления рыцарства и духовенства. Сходными, хотя, возможно, и не всегда осознанными, были чаяния сельского населения. В правление Казимира сторонниками объединительной политики стали и горожане. Хронисты подчеркивают, что Казимир Великий начал свое правление с преследования разбойников и установления внутреннего порядка.

Поддержание законности, опиравшейся на авторитет сильной центральной власти, облегчалось кодификацией обычного права. Статуты Казимира Великого составлялись постепенно и были изданы отдельно для Великой Польши (Петрковские статуты) и отдельно для Малой Польши (Вислицкие статуты). В результате кодификации стало возможным принятие законов, усиливавших королевскую власть. В это время были унифицированы правовые системы отдельных уделов. Кроме общих, были изданы статуты, посвященные отдельным областям применения права: положение об уплате десятин и статут соприисков («жуш»). Правление Казимира стало также периодом активного распространения городского права. В 1359 г. перевели с немецкого на латинский язык сборник магдебургского права, который благодаря этому сделался доступным для польской части городского патрициата. Был составлен сборник решений городского совета Гурбурга, ставших в польских городах образцами применения магдебургского права. Позднее (в XV в.) этот сборник был переведен на польский и польский язык. Во второй половине XIV столетия стали появляться законы, издававшиеся городскими советами и определявшие среди прочего, устройство ремесленных цехов.

Формирование судопроизводства происходило на основе общих принципов. Для рыцарей существовали земские суды, в которых входили гражданские дела и менее значительные преступления, а также городские суды. Участие в последних принимали горожане, рассматривавшие тяжкие преступления (позднее выделились так называемые «четыре городские статьи»: поджог, нападение на дом, дорожный разбой и насилие). Кроме того, в XIV в. оформились

«подкоморские» суды, разрешавшие споры о границах владений, и суды уделных собраний (веча). Поскольку монарх являлся высшим судьей, а все рыцарские суды действовали от его имени, действовало следующее правило: когда король находился в той или иной земле, суды прекращали свою деятельность, а судьи съезжались к королю и выполняли свои обязанности в рамках придворного («надворного»), т. е. королевского, суда.

Важные изменения происходили в городском судопроизводстве. Помимо суда городского совета и судебной скамьи («лавы»), были созданы две более высокие инстанции. Верховный суд магдебургского права, появившийся в Краковском замке в 1356 г., занимался делами солтысов и войтов из сел и городов, живших по немецкому праву. Высшей же инстанцией для обитателей таких населенных пунктов стал королевский суд, получивший название «суд шести городов», поскольку в нем заседали назначавшиеся правителем представители («комиссары») Кракова, Казимежа, Бохни, Велички, Сонча и Олькуша. Кодификация права и реформы судопроизводства укрепили сословную структуру общества.

Наряду с реорганизацией судебной системы власти стремились — и не без успеха — добиться точного исполнения приговоров. Правление Казимира Великого стало периодом законности и внутреннего мира. Забота о соблюдении сословных прав и защита низших сословий от злоупотреблений знати обеспечивали межсословное равновесие, что делало возможным сохранение сильной королевской власти. Казимир содействовал основанию новых деревень, что помимо количественного увеличения и укрепления крестьянского сословия способствовало росту числа солтысов. На солтысов была возложена обязанность военной службы, а их благосостояние, сила и преданность служили надежной опорой монарху.

Казимир воссоздал королевский домен и значительную часть доходов получал от собственных имений. Кроме того, он реформировал систему таможенных сборов и укрепил приносящие ему немалые суммы королевские монополии, в том числе на добычу и продажу соли. Король ввел систему «дорожного принуждения», не позволявшую иностранным купцам миновать Польшу (например, объехав ее через Мазовию, еще не входившую в состав королевства). Регулярный доход приносил постоянный поземельный налог — так называемое «поральное»¹⁸.

Центральная власть находилась в руках короля и чиновников, происходивших из краковского удела и ставших теперь государствен-

сановниками. Это были в первую очередь подканцлер (со времени Людовика Венгерского — канцлер), подскарбий, придворный («коронный») маршал и появившийся в правление Людовика коронный маршал. Они входили в состав королевского совета, нового органа власти, состоявшего из назначенных королем сановников. В этом совете преобладали представители малопольской знати и высшее галицкое духовенство.

В территориальных органах управления, связанных с прежними землями (которые в XIV в. назывались землями), сохранились посты судей и капителей, а также ставшие уже номинальными должности канцлеров, подканцлеров, ловчих, мечников. Выросло значение земских сеймов и подсудков, а также подкоморисв. Во главе провинциального управления стояли назначавшиеся королем старосты, облеченные судебными, полицейскими и финансовыми полномочиями. Кроме того, они управляли королевскими имениями. Сопротивление старой знати власти старост (а значит, и власти короля) было сломлено. Самым драматичным событием стал бунт в Великой Польше, в называвшаяся конфедерация Мацка Борковица (1352), предводитель которой был приговорен к смерти.

Довольно сильная королевская власть была, тем не менее, ограничена правом, гарантом которого выступал сам монарх. Как и в других странах тогдашней Европы, польский король в законодательной сфере действовал совместно с сословным представительством, сложившимся на земском, провинциальном и общегосударственном уровне. Рыцарские съезды появились еще в период удельной раздробленности. В XIV в. несколько раз собирались общегосударственные, еще чаще провинциальные и земские собрания. В них принимали участие земские чиновники, знать и рыцарство, а также представители городов. Вече являлось элементом местного самоуправления и обладали судебными полномочиями.

Усилению государства способствовали и военные реформы. Основой вооруженных сил оставалось рыцарство. Каждый рыцарь должен был по призыву явиться на коне, с вооружением и с несколькими (в зависимости от размера имения) людьми, легковооруженными, пешими или пешими. Такая тактическая единица называлась «кохот», их объединяли по землям в «хорутви», насчитывавшие по несколько сотен человек.

Во время оборонительной войны военная обязанность охватывала более широкий круг подданных: городские ополчения («милиции»)

защищали города, а сельское население — свои села. В правление Казимира обороноспособность королевства значительно возросла благодаря постройке укреплений — замков и городских стен. Король финалсировал строительство более чем пятидесяти замков, в основном кирпичных, иногда каменных, дал позволение и предоставил часть необходимых средств на постройку укреплений в более чем тридцати городах. Стены были возведены также в нескольких частных городах. В начале XV столетия на территории королевства стены имели сорок два города, что составляло около 13% от их общего числа.

Развитие законодательства, упорядоченная администрация, дипломатическая деятельность при папском и императорском дворах, в Чехии и Венгрии, переговоры с Тевтонским орденом, Бранденбургом и Великим княжеством Литовским требовали многого большего, чем прежде, количества образованных людей. Широкое распространение знаний в XIV в. сделалось возможным благодаря обширной сети приходов, насчитывавшей в королевстве около 2500 церквей. Их количество росло довольно быстро и к концу XV — началу XVI вв. удвоилось. В большинстве приходов имелись школы. Было основано много новых монастырей. С созданием сети приходских и монастырских церквей связано развитие готического искусства: архитектуры, скульптуры и настенной живописи. Реалистическое изображение страданий Христа, Божьей Матери и святых, в котором торжественная условность романского стиля уступила место приемам, обращенным к опыту и чувствам современников, немало способствовало распространению и углублению подлинного благочестия. Акцент делался не на всемогуществе Бога, а на Его муках; особое внимание уделялось постижению христианами истин веры.

К немногочисленным вплоть до XIII в. соборным и монастырским школам добавлялись новые, создававшиеся при приходах и новых обителях. Уже в XIV столетии в Польском королевстве действовало около сорока школ, программа которых полностью или частично охватывала *quadrivium*¹⁹. В них получали образование не только будущие священники и монахи, но и миряне. Отпрыски знатных и рыцарских родов обычно учились с целью лучшей подготовки к участию в государственной и общественной жизни, сыновья горожан — в связи с тем, что знания требовали новые методы ведения торговых операций. Меньше всего известно о сыновьях крестьян, но по аналогии с XV в. можно допустить, что наиболее способные представители этого сословия уже тогда занимались науками с мыслями о карьере, прежде всего духовной.

В XIV в. увеличилось количество лиц, выезжавших на учебу за границу, главным образом в Болонью и Париж. Высшее образование в Италии получили наиболее выдающиеся сановники времен Казимира: архиепископ Ярослав Батория, канцлер Януш Сухыняк, епископ Краковский Флориан Мокрский. Именно в этой среде, при содействии короля, был разработан проект создания первого польского университета. В Центральной Европе, к северу от Альп и к востоку от Рейна, в то время существовало лишь одно высшее заведение — Карлов университет в Праге, основанный в 1347—1348 гг. Вторым должна была стать Краковская академия, задуманная в качестве заведения, призванного в первую очередь обеспечить монархию необходимыми ей юристами. Грамота об основании академии была издана 12 мая 1364 г. Было создано одиннадцать кафедр, в том числе восемь правоведческих, две медицинские и одна свободных искусств. На создание кафедры богословия тогда еще не было получено разрешения папы. Главой Академии, призванным заботиться о ее деятельности и дальнейшем развитии, стал канцлер королевства. Были начаты организационные и строительные работы. Однако они приостановились после смерти короля, а период правления Людовика Венгерского оказался для развития университета не самым благоприятным. Лишь в начале XV в., благодаря пожалованиям королевы Ядвиги и Владислава Ягелло (Ягайло), проект Краковской академии был воплощен в жизнь (чем и объясняется ее название — Ягеллонский университет). В XIV же веке развитие польской культуры состояло прежде всего в распространении знаний вширь. Вырос средний уровень образованности общества, а представления об этнической и государственной самобытности поляков проникали в сознания более широких, чем прежде, слоев польского народа.

Объединение Польши на рубеже XIII—XIV вв. облегчалось, помимо прочего, сохранением в исторической традиции политического уклада *Regnum Poloniae*. В то время он означал совокупность земель, входивших некогда в состав монархии Болеслава Храброго, Болеслава Смелого и Болеслава Кривоустого. Однако в действительности польское королевство долгое время являло собой *regnum divisum*²⁰, которое не имело своего короля и было расчленено на удельные княжества. Таким образом, на рубеже столетий термин *Regnum Poloniae* представлял собой скорее политическую программу, в основе которой лежало стремление к воссоединению раздробленного государства и восстановлению в нем королевской власти.

После ряда коронаций правителей, занимавшихся объединением королевства, *Regnum Poloniæ* стало реальностью. Неизвестно точно, каким термином пользовался при своей коронации Пшемисл II (1295). Шла ли речь о «королевстве Великопольском», т. е. королевстве, ограниченном тем уделом, который краткости ради нередко называли «Польшей»? Или же *regnum* Пшемисла II было задумано как общепольское? Не следует забывать о еще сильных в то время удельных различиях, о борьбе объединительных концепций и центров, претендовавших на их воплощение. Поэтому концепция *regnum*, существовавшая в 1295 г., и в самом деле могла быть «великопольской». В случае ее осуществления прочие земли могли подчиняться королю либо непосредственно, как своему князю (например, Гданьское Поморье), либо на основании признания его верховенства над другими князьями. Однако многое свидетельствует о более широком понимании Пшемислом этого термина, коль скоро он короновался, используя вывезенные из Кракова символы королевской власти, а в качестве герба выбрал белого орла на красном фоне, использовавшегося до тех пор Пястами из других уделов. На голове орла была корона, а на королевской печати имелась благодарственная надпись: «Сам Всевышний вернул полякам победоносные знаки».

Во всяком случае, все последующие коронации — и Вацлава II, и Вацлава III — являлись выражением объединительной программы, а за время нахождения этих правителей у власти процесс реального объединения уделов и укрепления центральной власти продвинулся далеко вперед. Коронация Владислава Локетского в 1320 г., в свою очередь, рассматривалась как выражение воли собравшихся в Сулеёве представителей сословий. Она была призвана обеспечить внутренний порядок и оборону уже воссоединенных земель, а в будущем способствовать присоединению уделов, сохранивших пока самостоятельность либо захваченных иными государствами. На этот случай имелись аргументы о «природном» праве короля как «законного наследника» правителей когда-то единого государства. Согласно документам своего времени, Локетек проводил политику, соответствовавшую чаяниям и интересам сообщества, определяемого как *gens polonica*. Так как словом *gens* в ту эпоху обозначали носителей одного языка, программа его правления была выражена вполне однозначно. Однако удельный партикуляризм все еще был силен. Князья отстаивали свои наследственные права и пользовались поддержкой тех подданных, которые считали своими «природными государями» местных членов династии Пястов и не разделяли идей, содержавшихся в программе Локетекса.

Несмотря на возвращение многих территорий, королевство Казимира все же не охватывало всех польских земель, и программа возвращения по-прежнему сохраняла актуальность. Следствием этого стало для наследников Казимира условием приобретения польского трона. Людовик Венгерский, получая в 1374 г. права наследования для двух своих дочерей, обещал не только «сохранить эту корону»²¹ Польского королевства и целостной, и неприкосновенной, и ни в чем не умаленной... но и приумножать ее, утраченное возвращать, в чем мы обязались при коронации и в чем по-прежнему остаемся обязанными». Владислав Ягелло, издавая в 1385 г. грамоту в Криво, открывавшую ему дорогу к браку с королевой Ядвигой и к польскому трону, «обещал собственным трудом и за свой счет возмещать потери польского королевства».

В понимании термина *Regnum Poloniae* уже при Казимире Великом наметились существенные перемены. При сравнении показаний свидетелей на двух процессах против Тевтонского ордена бросается в глаза, что на первом из них подчеркивались лишь права на Гданьское Поморье Владислава Локетка. На варшавском же процессе 1410 г. был выдвинут довод *de regno*²², т. е. о принадлежности захваченных земель королевству. Таким образом постепенно приходило понимание различий прав короля и прав королевства. Оно нашло свое выражение в появлении нового термина, который в документах Казимира впервые появился в 1356 г.: *Corona Regni Poloniae* — «Корона Польского королевства». Суть этого понятия и связанной с ним правовой конструкции заключалась в отделении личности правителя от государства, определявшегося здесь как «коропа». Государство представляло быть вотчиной государя и становилось понятием, автономным в политическом и правовом отношении.

Понятие «Корона королевства» пришло в Польшу из Западной Европы при посредстве Венгрии, где оно, как и в Чехии, использовалось уже раньше. Взятие его на вооружение канцелярией Казимира Великого и юристами из королевского совета было обусловлено внутриполитическими переменами, а также новым внешнеполитическим положением Польши.

Созданию новой правовой концепции способствовало и присоединение Червонной Руси. Казимир Великий считал себя наследником занятых им русских земель на основании заключенных договоров, однако сами по себе эти земли не являлись возвращенной частью *Regnum Poloniae*, а были новой территорией. Термин «Корона королевства» позволял выйти за рамки объединительной деятельности

и включать в состав государства новоприобретенные области. Таким образом, понятие «Корона королевства» могло служить обоснованием внешней экспансии.

Новое понимание государства изменило понимание королевского сюзеренитета над некоторыми удельными княжествами. Их вассальная зависимость становилась теперь выражением связи не только с личностью короля, но и с короной. В эпоху Казимира Великого этот процесс только начинался. При этом концепция, выраженная термином *Corona Regni Poloniae*, в то время еще не вела к ослаблению позиций правителя. Он по-прежнему оставался природным государем и наследником, о чем ярко высказался архиепископ Гнезненский Янислав: «Король Польши является государем всех земель, входящих в состав Польского королевства, и дает их кому хочет и у кого хочет отнимает».

Со временем оформилась еще одна черта концепции Короны королевства — представление о ее территориальной неделимости. Оно ограничивало право короля отделять однажды присоединенные к Короне земли. На этом основании было признано недействительным завещание Казимира Великого, а Людовику Венгерскому вменялось в обязанность сохранение единства Короны королевства. Эту свою обязанность он, впрочем, выполнил не вполне, выделив Добжинскую землю и несколько замков для Казека Слупского, а также передав Червонную Русь Владиславу Опольчику.

Таким образом, с точки зрения принципа неделимости Короны королевства период правления Людовика Венгерского оказался неудачным. Тем не менее в правление этого монарха упрочился публично-правовой аспект понимания данного термина. Из-за постоянного отсутствия короля и правления его наместников все сильнее чувствовалась независимость государства от личности монарха, а повседневная практика требовала уточнения обязанностей короля и прав представителей сословий на участие в управлении. Чрезвычайно важным фактором, позволившим постепенно расширить эти права, стал отказ от принципа наследования трона в пользу выборной монархии.

Еще в 1355 г. Людовик Венгерский, в обмен за права на польский трон в случае отсутствия у Казимира мужского потомства, издал в Буде привилегию для польских сословий, в которой подтверждал их права и обещал шляхте не собирать чрезвычайных налогов. Гораздо дальше шел Кошицкий привилей 1374 г., которым правитель, в обмен на согласие польской знати на наследование трона по женской линии, а следова-

только, на переход власти над Польшей к одной из дочерей Людовика, а именно рыцарей от поземельного палого, за исключением двух групп и одного лана крестьянской земли. Король также обязался выкупать рыцарей, попавших в плен во времяграничных походов. Сходство привилегии, связанную с палогам, получило в 1381 г. духовенство. После смерти Людовика (1382) рыцарство при участии других сословий создало конфедерацию в Радомске, которая рассмотрела вопрос о нападении и позаботилась о неделимости Короны Польского королевства. Была отвергнута кандидатура старшей дочери Людовика — Марии — замужем за Сигизмундом Люксембургским. Во внимание приняты две другие кандидатуры — ее младшей сестры Ядвиги, оказавшейся поддержкой большинства, и одного из Пястов — Семовита IV Мазовецкого, поддержанного великопольской знатью. В Великой Польше и Куявии произошли вооруженные столкновения, в которых сторонники Семовита потерпели поражение. Новая конфедерация рыцарства и городов в Радомске (1384) пригласила Ядвигу в Польшу. Юношу Ядвига, которой едва исполнилось одиннадцать лет, была коронована в Кракове «королем» (именно так!) Польши (1384—1399).

Факт избрания на престол и сам возраст юной королевы укрепили права сословного представительства на совместное с государем участие в управлении. Решающую политическую роль в ту пору играли знать Малой Польши, прежде всего род Асливитов во главе со Спычком из Медыцтына и Яном из Тарнова. Они разработали многообещающий политический проект: отказать жениху Ядвиги Вильгельму Габсбургу, с тем чтобы выдать ее замуж за литовского князя Ягайло (в польской традиции — Ягелло), который, в свою очередь, проведет христианизацию языческой Литвы и заключит унию с Польшей. Ядвига, которой пришлось в полном одиночестве принимать важнейшее политическое решение, касавшееся, помимо прочего, и ее собственной судьбы, пережила глубокую личную драму. В конце концов, повиная велению долга и сознавая важность крещения Литвы, она дала согласие. 14 августа 1385 г. было заключено соглашение в Крево. В феврале 1386 г. Ягайло принял крещение в Кракове и на собрании рыцарей был избран королем Польши. Месяц спустя состоялась брачная церемония и коронация. После смерти Ядвиги (1399) права Владислава Ягелло на трон были подтверждены королевским советом. Так окончательно утвердился принцип выборности правителя Короны Польского королевства.

В борьбе за кандидатуру будущего правителя и в принятии важнейших политических решений принимали участие представители

сословий, выступавшие в документах как *regnicolae regni, universitas* или *tota communitas*²³. В руках этого «сообщества жителей», понимаемого как представительство сословий, собравшихся на съезде, находилась власть в период междуцарствия (1382—1384). Принявшее такую форму участие *communitas* в управлении страной не прекратилось и после занятия Ядвигой польского трона. Подобное устройство «Короны королевства» предполагало существование как королевской власти, так и представителей сословий. В конце XIV — первой половине XV в. это были представители высшей знати, рыцарства и духовенства, а также городов.

Примечания

¹ Имеется в виду столкновение между немецким королем Рудольфом Габсбургом (1273—1291) и королем Чехии Пршемыслом Оттакаром II (1253—1278), которому в 1250-х — начале 1270-х годов удалось стать правителем ряда земель на юго-востоке тогдашнего Немецкого королевства: Австрии, Штирии, Каринтии и Крайны. В решающей битве с Рудольфом в 1278 г. чешский король был убит.

² Речь идет о городе Бресте-Куявском.

³ Символы королевской власти.

⁴ Польский средневековый термин *starosta* от *lat. capitaneus* — глава, начальник.

⁵ Пршемысловичи (по-чешски — Пршемысловцы) — чешская княжеская (с начала XIII в.) и королевская династия, получившая название по имени легендарного прародителя — пахаря Пршемысла. Вацлав II и Вацлав III были ее последними представителями.

⁶ Первая королевская династия Венгрии (1000—1301); основана св. Стефаном (Иштваном).

⁷ Люксембурги — немецкий графский род, которому принадлежала территория Люксембурга. Представители династии были королями Чехии (1310—1419, 1436—1437), императорами и королями Германии (1308—1313, 1346—1400, 1410—1437), королями Венгрии (1387—1437). Наиболее выдающийся представитель — Карл IV (1346—1378).

⁸ Историческое название ряда западнорусских земель (на территории нынешней Западной Украины и частично Польши).

⁹ Короли из Анжуйской династии правили в Венгрии в 1308—1387 гг., после получения венгерского трона Карлом Робертом, представителем неаполитанской ветви Анжу (ведет начало от брата французского короля Людовика IX Карла Анжуйского, который в 1266 г. стал правителем Сицилийского королевства в Италии).

¹⁰ Балтийские народы (балты) — литовцы и латыши. Балтами были также ятвяги и пруссы. В отличие от предков латышей, земли которых с XIII в. входили в состав

территории Тевтонского ордена (его отделение в Восточной Прибалтике называлось Литовским орденом). литовцам удалось отстоять свою независимость. В XIII—XIV вв. у них сложилось государство, получившее название Великого княжества Литовского.

¹¹ С 1309 по 1377 г. резиденция пап находилась в Авиньоне (на территории нынешней Франции).

¹² Крепость Вышеград (Вишеград) в Венгрии, которая с 1323 до 50-х годов XIV в. служила резиденцией венгерских королей.

¹³ *Грош* (от *lat. grossus* и *ит. grosso* — большой, толстый) — серебряная монета. Начинаясь с 1300 г. пражский грош являлся в XIV столетии основной денежной единицей Центральной Европы. Слово «копа» означает «шестьдесят», соответственно «копа (грошей)» — «шестьдесят грошей».

¹⁴ Карл IV стал немецким (или, согласно терминологии того времени, «римским») королем в 1346 г. В том же году, после гибели отца в битве при Креси, он сделался королем Чехии. В 1355 г. Карл IV получил в Риме императорскую корону.

¹⁵ Речь идет о городе Владимире-Волынском.

¹⁶ *Людвиг I Великий* (по-венгерски — Лайош, по-польски — Людовик) — венгерский король в 1342—1382 гг.

¹⁷ *Перемышль* и *Холм* (по-польски — *Пшемьсл* и *Хелм*) в настоящее время находятся на территории Польши.

¹⁸ От польск. *gadło* — соха, рало.

¹⁹ В основе средневековой образованности лежало изучение так называемых «семи свободных искусств», которые подразделялись на два комплекса: *trivium* (т. е. «три пути» или «тройной путь»), включавший в себя грамматику, риторику и диалектику, и *quadrivium* (соответственно «четверопутье»), состоявший из арифметики, геометрии, астрономии и музыки. Обучение начиналось с освоения «тривиума», поскольку грамматика представляла собой изучение латыни, риторика — знакомство с латинскими авторами и азами искусства красноречия, диалектика — ознакомление с логическими приемами, т. е. освоение предметов, без минимального знания которых получение дальнейшего образования могло бы оказаться невозможным.

²⁰ Разделенное королевство (*лат.*).

²¹ В данном случае слово «корона» употреблено в качестве обозначения совокупности земель, этой короне принадлежащих.

²² О королевстве (*лат.*).

²³ Соответственно «жители королевства», «совокупность, объединение», «все население» (*лат.*).

IV. Многонациональное государство

Документа, изданного великим князем литовским в Крево в 1385 г., с исполнением в 1386 г. ряда его условий начался процесс объединения двух весьма непохожих друг на друга государств. В своей грамоте он обещал включить Литву в состав Польши и использовал латинский термин *applicare*¹. Эта мысль вполне соответствовала намерениям малопольских możnowładców и теоретической модели государства, которое определялось как *Corona Regni Poloniae* и могло расширяться путем присоединения новых земель.

Для польско-литовской унии имелось немало оснований. Самым из них была угроза со стороны Тевтонского ордена, которую опасались и литовцы, и поляки. Уния должна была ее устранить. Последствия литовцев походы орденских рыцарей, продолжавшиеся в конце XIII столетия и чрезвычайно опасные для Литвы, уже было было можно оправдать необходимостью борьбы с язычеством. Польские круги обоих государств приобретали большую свободу действия и уничтожали препятствия к дальнейшему развитию Польши и Литвы. Великое княжество Литовское, помимо угрозы со стороны татар, стремилось устранить татарскую опасность и в зародыше уничтожить потенциальную угрозу со стороны правителей Москвы, кроме того, упрочить свое владычество над подчиненными им западно-прусскими княжествами². Польше уния позволяла ослабить зависимость своей политики от союза с Венгрией, тем более что в это время венгерский трон занял один из Люксембургов и обострился спор из-за Галицкой Руси.

Особенной поддержкой уния пользовалась в кругах малопольских панов³, проводивших колонизацию на Руси и рассчитывавших найти там богатые земельные пожалования. Свои сторонники уния находила также среди литовских князей и бояр, видевших в союзе двух государств шанс на изменение внутреннего устройства Велико-

го княжества Литовского, расширение прав своей социальной группы и ослабление — по польскому образцу — ее зависимости от центральной власти. Было заинтересовано в унии и купечество (как польское, так и литовско-русское), рассчитывавшее на облегчение торговых отношений между двумя странами.

Помимо политических и экономических, немалую роль играли идеологические причины. Крепление Литвы становилось успехом всей Римско-католической церкви, главную роль в котором была призвана сыграть церковь Польши. Этот успех существенно расширял сферу влияния западной цивилизации. Более того, крепление Литвы происходило без войны, разрушений и грабежей, без истребления язычников — т. е. всего того, чему Тевтонский орден сначала подверг пруссов, а затем литовцев. Впрочем, польский клир проявлял интерес к христианизации Литвы главным образом из идеологических, политических и материальных соображений: перед ним открывалось широкое поле миссионерской деятельности, сулившее к тому же щедрые пожалования со стороны новообращенного литовского князя.

Христианизация имела сторошиков и в среде литовской знати, поскольку католицизм был весьма привлекателен для людей, стремившихся к обретению нового религиозного опыта, а также для тех, кто нуждался в обосновании своих притязаний на особое социальное и политическое положение.

Несмотря на разнообразные факторы, способствовавшие заключению унии, и на ее многочисленных приверженцев, ее воплощение в жизнь было нелегким делом. Как государство Великое княжество сильно отличалось от Польши и, более того, было сильнее всего дифференцировано изнутри. Помимо собственно Литвы (Аукштайтии и Жемайтии; последнюю поляки и русские называли Жмудью), его территория охватывала завоеванные в XIII—XIV вв. русские княжества. Завоевания литовских правителей привели к уничтожению зависимости подчиненных ими областей от татарских ханов, что делало неизбежным конфликт Литвы с татарами. В силу этнического характера и исторической традиции новых территорий становилось неизбежным и столкновение с поднимавшимся в XIV в. новым центром объединения русских земель — Москвой. (Впрочем, в XIV столетии еще сохранялся перевес Литовского княжества.) На большей части огромной территории литовского государства проживало русское население (предки позднейших украинцев и белорусов), издавна исповедовавшее православие и стоявшее на более высокой

в развитии культурного развития, чем коренные литовцы. В условиях постоянного воздействия западнорусской культуры гарантией сохранения самобытности для литовцев какое-то время были языческие верования. Принятие католицизма позволяло им, став христианами, все же сохранить свое этническое своеобразие.

По своему общественному устройству Литва была типичным раннегосударственным образованием. Здесь существовала сильная княжеская власть, социальная структура оставалась довольно зыбкой, по-прежнему складывалось разделение на знать, свободных и несвободных крестьян. Более развитые феодальные отношения господствовали в соседних русских княжествах, которые великий князь передавал своим членам правящей династии в качестве своего рода вассальных владений. Вскоре после 1385 г. выяснилось, что включение государства со столь сложной внутренней структурой и столь отличным от него в состав Короны Польского королевства практически неосуществимо. Причиной были как вышеупомянутые особенности, так и различные устремления местной знати. Выразителем этих устремлений стал двоюродный брат Владислава Ягелло Витовт, который в 1390 г. бежал в стан рыцарей Тевтонского ордена и вместе с ними совершил поход на Литву, находившуюся тогда под управлением польских наместников, назначенных королем. Война Литвы с орденом продолжалась с 1390 по 1395 г., однако Витовта еще раньше удалось привлечь на польскую сторону. По соглашению, заключенному в Острове, он получил от Ягайло власть над Литвой. Так была признана государственная самобытность Литвы. Витовт искусно укреплял свои позиции, сплачивая государство и ликвидируя самостоятельность вассальных княжеств. В 1398 г. он заключил на острове Салин договор с Тевтонским орденом и заручился его вооруженной поддержкой в борьбе против татар, уступив за это ордену Жемайтию. Однако поражение в битве с татарами на Ворскле (1399) разрушило планы Витовта и заставило его вернуться к унии с Польшей. В 1401 г. был заключен виленско-радомский договор, в котором учитывались пожелания литовской стороны. Витовт получил титул великого князя (*magnus dux*), тогда как Ягайло в качестве его сюзерена титуловался «верховным князем» (*dux supremus*). Договор был заключен в присутствии членов королевского и великокняжеского советов, получив одобрение официальных групп, выступивших его гарантами.

Новое уточнение принципов унии произошло в 1413 г. в договоре, заключенном в Городке. Городельская уния определила статус великого литовского князя, которого должен был назначать польский ко-

роль с согласия коронного и литовского советов. Предусматривались совместные съезды и собрания польских и литовских панов, а в Литве вводились должности восвод и каштелянов.

Таким образом, в Городельской унии признавалась государственная самобытность Великого княжества Литовского, связанного с большей личностью правителя и сходством политического устройства. Несмотря на столкновения и противоречия, возникавшие в последующие десятилетия, уния сохраняла свою силу. На некоторое время она оказалась разорванной после 1440 г., когда литовский трон занял Казимир Ягеллончик, а польским и венгерским королем стал его старший брат Владислав. Гибель польского короля в битве под Варной (1444) и приглашение Казимира на польский трон восстановили личную унию двух государств. Литовский престол был наследственным, а польская монархия — выборной, поэтому сохранение унии обеспечивалось избранием на польский престол литовских Ягеллонов. Эти принципы сохраняли свою силу вплоть до Люблинской унии 1569 г., заключенной накануне ожидавшегося пресечения Ягеллонской династии.

Как видим, основные принципы союза двух государств постепенно подвергались трансформации. Она заключалась в отказе от идеи вхождения Литвы в состав Польши в пользу признания автономности того и другого государственного организма. При этом значение унии состояло не в одной лишь разработке и воплощении в жизнь законов, касавшихся отношений двух государств. Не меньшее значение имели связавшие с ней процессы социальной и внутриполитической эволюции Литвы.

Спустя год после занятия польского трона Ягайло отправился на родину. Он основал в Вильно (Вильнюс) епископство, поставленное в зависимость от Гнезненской митрополии (1387). Епископство получило хозяйственный и судебный иммунитет. К получению подобных иммунитетов стремилась и литовская знать. Прежде она получала земли в держание от великого князя, и эти ее владения были обременены многочисленными государственными повинностями. Более того, по воле князя они могли быть отобраны.

Уже в 1387 г. Ягайло пожаловал князьям и боярам наследственные права на земли и уменьшил их личные повинности. По акту Городельской унии 1413 г. положение литовской знати стало еще более схожим с положением польской, поскольку было подтверждено не только право наследования земель, но также право распоряжения ими и передачи их женам и дочерям. Сорок семь польских рыцарских се-

... в приняли в свои гербовые объединения сорок семь семей литовской знати, что символически упрочило связи этих общественных групп, а общее собрание (вече) было призвано обеспечить их политическое взаимодействие. Однако данная привилегия касалась лишь литовской знати католического вероисповедания, и лишь католики допускались к высшим должностям.

На этой почве после смерти Витовта (1430) в Великом княжестве литовском разгорелся внутренний конфликт. Защитником интересов православных русских бояр стал великий князь Свидригайло, опиравшийся на поддержку Тевтонского ордена. Литовцы-католики и поляки встали на сторону великого князя Сигизмунда Кейстутовича (1432—1440), который одержал решительную победу в битве под Вилкомижем (1435). Чтобы восстановить пошатнувшееся единство, Сигизмунд еще в 1434 г. распространил привилегии на русских бояр.

Кроме того, католическая и православная знать получила новую привилегию, а именно гарантию личной неприкосновенности — *nemo captivabimus nisi iure victum* («никого не подвергнем заключению, кроме как на основании закона»), — которая была пожалована польскому рыцарству всего лишь несколькими годами ранее. Так столетия права рыцарства и устройство Великого княжества литовского во многом уподобились польским. Когда в 1447 г. Казимир Ягеллончик дал гарантии территориальной целостности Великому княжеству Литовскому и союз двух государств приобрел характер личной унии, достигнутое сходство государственного и общественного строя, наряду со стремлением литовской знати добиться равных прав, стали не менее важной основой унии, чем династические связи.

В церковной сфере, помимо крещения Литвы, немалое значение имело установление мирных отношений с православным населением. Это решительно преобладало в русской части Великого княжества Литовского и в Галицкой Руси, и потому торжество принципа взаимной терпимости оказалось вполне естественным и закономерным. Уже Казимир Великий предпринял попытки воссоздать в Литве православную митрополию. Этот вопрос вновь был поднят после унии с Литвой, господствовавшей тогда над большей частью русских земель. Он приобрел тем большее значение, что к тому времени Великое княжество Московское сделалось практически независимым от Константинополя центром православия. Предпринимавшиеся литовскими князьями с 1415 г. усилия увенчались тем, что в Кивиче в 1458 г. появилась самостоятельная православная митропо-

лия, которой подчинялись епископства Полоцкое, Смоленское, Брянское, Туровское, Луцкое, Владимирское, Холмское, Премышльское и Галицкое. Киевские митрополиты, следуя постановлениям Флорентийской унии 1439 г.⁴, до конца XV в. поддерживали отношения с Римом. Создание этой митрополии стало одним из факторов самостоятельного развития Червоной Руси и русских земель Литовского княжества по отношению к московскому центру русской государственности.

Объединенные унией Польша и Литва на рубеже XIV—XV вв. занимали огромную территорию — более чем в 1,1 млн кв. км. На этом обширном пространстве бок о бок проживали различные этнические и религиозные группы. Так было не только в Великом княжестве Литовском, но и в Короне — после завоевания Галицкой Руси и после поселения в польских городах многочисленных немцев и евреев. Многонациональный характер польского государства еще более усилился после присоединения в 1466 г. Королевской Пруссии и Вармии. Кроме поляков, литовцев, русинов, немцев и евреев, некоторую роль, особенно в городах, играли также армяне и итальянцы, а в Литве — служившие в военных отрядах татары. В условиях этнической разнородности сплоченность обоих государств достигалась благодаря терпимости, поддержанию которой способствовало благоприятное экономическое и политическое развитие. В прошлом остался период внутренних противоречий на почве польско-немецких отношений, характерных для эпохи объединения Польши. После христианизации Литвы и до начала Реформации в религиозной жизни доминировали католицизм, исповедуемый поляками, литовцами и немцами, и православие, господствовавшее на этнических русских землях.

Историческое значение унии заключалось в том, что в круг западной культуры вошла Литва. Уния создавала новые возможности для культурного и экономического развития поляков и литовцев. Использование этих шансов находилось в зависимости от организационной, демографической и культурной динамичности объединенных уний государств и народов.

В первые десятилетия XV в. главным вопросом внешней политики Польши и Литвы оставалась проблема Тевтонского ордена. Орден продолжал нападать на Литву, по-прежнему рассматривая ее как языческое государство. Польша во второй половине XIV в., несмотря на сохранявшие свою силу условия Калишского договора, также ощущала угрозу со стороны ордена. Чувство опасности усилилось после

цркви Добжинской земли, которую Владислав Опольский, получивший ее в качестве вассального владения, в 1392 г. передал в заклад ордену. Кроме того, сохраняя власть над Гданьским Поморьем, орден препятствовал развитию польской торговли, отрезая основное течение Вислы от ее устья и балтийских портов.

И существовании орденского государства было заинтересовано западноевропейское рыцарство, в особенности немецкое. Походы на язычников (с 1387 г. — на мнимых язычников) приносили почет и славу, а также неплохую добычу. Многие сыновья рыцарей, вступая в орден, находили здесь место, отвечавшее их амбициям. Другие рыцари навязывались в государство Тевтонского ордена, чтобы хотя бы формально принять участие в крестоносном предприятии. Крещение Литвы лишило орден смысла существования, но процесс его постепенного упадка растянулся на многие десятилетия. Орден продолжал существовать под поддержкой западного рыцарства даже тогда, когда юридические основы его деятельности в Восточной Прибалтике гибли, а по мере христианизации Литвы и вовсе исчезли. Благодаря постоянному притоку людей и средств, а также великолепной военной и хозяйственной организации, государство Тевтонского ордена в начале XV в. достигло пика своего могущества. Поэтому орден был в силах продолжить борьбу за существование и за реализацию своей концепции христианизации Литвы. Ее крещение после 1385—1386 гг. было объявлено орденскими рыцарями недостаточным или неискренним и не помешало войне 1390 г. Стремление ослабить давление со стороны ордена и расширить границы польского княжества на востоке привело к уступке ордену Жемайтии (1398). Вскоре там началось восстание (1401), ставшее причиной новых военных действий, завершившихся мирным договором Польши и Литвы с орденом, заключенным в Ратенже в 1404 г. По его условиям Жемайтия оставалась под властью ордена, но Польша получала право выкупить Добжинскую землю. С целью ее выкупа рыцарские слатки ввели чрезвычайные подати, которые были очень быстро собраны. Литва, которой теперь не угрожали набеги орденских рыцарей, начала войну с Москвой (1406—1408).

Эти столкновения с орденом не дали решительного перевеса ни одной из сторон и не устранили источника конфликтов. Между тем становилось ясно, что состояние напряженности не может продолжаться бесконечно, поэтому стороны готовились к войне. В Польше царило всеобщее воодушевление и желание победить грозного врага и вернуть Поморье. Какое-то время эти настроения сдерживала

королева Ядвига, считавшаяся с авторитетом Тевтонского ордена. Однако после смерти королевы (1399), в период войны начала XV в., в Польше воскресла память о давних обидах, и воля к борьбе усилилась. После заключения мира с Московским княжеством на реке Угре (1408) к войне была готова и Литва. В государстве Тевтонского ордена после смерти осторожного великого магистра Конрада фон Юнгингена (1407) власть перешла к его брату Ульриху, который также был сторонником военного решения.

В 1409 г. с согласия Витовта вспыхнуло восстание в Жемайтии. Польша оказала помощь Литве, на что орден ответил объявлением войны и нападением на Добжинскую землю (1409). Начавшаяся война получила название Великой и продолжалась два года. Решающим стал 1410 год. Объединенное польско-литовское войско двинулось на столицу ордена Мариенбург (Мальборк), стремясь разгромить врага в решающем сражении. Оно произошло 15 июля 1410 г. под Грюнвальдом, где сошлись две огромные армии. По оценкам историков нашего времени, польско-литовские силы насчитывали около 30 тыс. человек, а силы ордена — 20 тыс., однако орден превосходил литовские войска в вооружении. Ожесточенная битва продолжалась весь день, чаша весов склонялась в пользу то одной, то другой стороны, пока наконец орденское войско не было разгромлено, а великий магистр Ульрих фон Юнгинген не пал на поле боя. Главная заслуга принадлежала королю Владиславу Ягелло, который вместе с князем Витовтом и королевским советом разработал план удара всеми силами по вражескому государству, искусно руководил сосредоточением и переходами войск, осуществлял общее командование в ходе сражения. В то же время польский король не сумел в полной мере воспользоваться плодами победы, так как медлил, возможно из осторожности, с возобновлением похода на Мариенбург. В результате защитники крепости сумели отбиться, и, несмотря на выигранную поляками битву под Короповом, положение ордена улучшилось. На стороне ордена с оружием в руках выступил король Венгрии (с 1410 г. — король Германии) Сигизмунд Люксембургский. Поэтому, согласно Торуньскому миру 1411 г., были признаны лишь пожизненные права Ягелло и Витовта на Жемайтию. Никаких других территориальных изменений не предполагалось, орден обязался лишь выплатить возмещение. Эти условия были несоизмеримы с масштабами одержанной польско-литовским войском военной победы.

Тем не менее Грюнвальдская битва имела огромное значение. Военное могущество ордена было подорвано. Поражение выявило внут-

нию слабость государства и то недовольство, которое правление им вызывало среди подданных. В ходе войны польскому королю и противникам сдались многие города, а после ее окончания, несмотря на репрессии, усилилось сопротивление ордену со стороны других кнских сословий.

Войны вспыхивали еще несколько раз (в 1414, 1419, 1422 и 1431 — 1435 гг.). В итоге орден, по условиям Мельненского мира 1422 г., окончательно и без каких бы то ни было условий вернул Литве Жемайтию. Новый договор, заключенный в Брест-Куявском (1435), помимо прочего содержал оговорку, освобождавшую подданных ордена от обязанности повиноваться ему, если орден начнет новую войну.

Война против Тевтонского ордена сопровождалась пропагандистскими и политическими акциями. Орденские рыцари, пользуясь своей популярностью и авторитетом, обвиняли польского правителя в том, что он якобы является «ложным христианином». Польская дипломатия старалась противодействовать подобным инсинуациям, а королевская власть стремилась воспрепятствовать заключению опасных для Польши договоров. В 1412 г. в Любове состоялась встреча Ягайло и Витовта с Сигизмундом Люксембургским, на которой между ними были восстановлены мирные отношения. Польская сторона отказалась в пользу Сигизмунда от причитавшихся ей выплат со стороны ордена, в обмен на что получила в заклад спишские города⁵, остававшиеся под польской властью до XVIII столетия.

Большое значение имел перенос спора Польши и Литвы с орденом на заседания церковного собора в Констанце (1414—1418)⁶. Доводы Тевтонского ордена в оскорбительной для польского короля форме на соборе представил доминиканец Иоганн Фалькенберг. Польские точку зрения изложили профессора Краковской академии, среди которых был Павел Влодковиц, автор трактата «О власти императора и папы над неверными». В нем он осудил войну как средство обращения в истинную веру, что было напрямую направлено против ордена. Тем не менее под давлением Сигизмунда Люксембургского и его легаты, выступавшие посредниками при заключении перемирия, приняли в 1419 г. решение в пользу ордена. Новый мировой договор Сигизмунда Люксембургского также оказался пристрастным. Поддержка, оказанная ордену папой, привела к союзу польской церкви со сторожниками так называемого конциляризма, выступавшими главным образом на вселенских соборах над папами.

В споре с Тевтонским орденом аргументы морального и идеологического порядка соседствовали с политическими. Как бы то ни было,

обращение язычников силой и военным путем вполне соответствовало тогдашнему пониманию права и морали. Поляки сами нападали на язычников-явтягов и истребляли их. Мнение Павла Влодковица о праве любого народа, даже языческого, жить на своей земле разделялось далеко не всеми. Гораздо болсе весомым доводом являлся успех мирной христианизации Литвы. Аргументация обеих сторон вполне укладывалась в рамки тогдашней ментальности и нравственных норм, однако, если попытаться рассмотреть проблему вне зависимости от тогдашних интересов ордена и Польши, нельзя не признать исторического преимущества польского подхода. Метод христианизации, применявшийся орденскими рыцарями, вел к физическому уничтожению либо к культурной ассимиляции обращаемых народов. Такая судьба постигла пруссов⁷. В конечном счете это обедняло культуру христианской Европы. При осуществлении христианизации по польской модели национальное и культурное развитие принявшего новую религию народа не прерывалось, примером чему служили литовцы. В историческом плане данная модель была лучше не потому, что давала выгоды Польше, но потому, что ее осуществление обогащало христианскую цивилизацию Европы.

После ряда поражений в государстве Тевтонского ордена началась внутренняя борьба между поборщиками сохранения мира и сторонниками новой войны. Великий магистр Пауль фон Руссдорф, стремясь заручиться поддержкой сословий для проведения мирной политики, согласился на съезд представителей рыцарства и городов. На этом собрании сословия создали в 1440 г. Прусский союз. Он стал преемником традиций тайного пропольского Ящеричного союза (1397), однако, в отличие от последнего, был легальным. Основную роль в союзе играли Торунь и Хелмно, а также рыцарство Хелминской земли. На своих новых съездах члены союза потребовали пресечения злоупотреблений орденских комтуров⁸, наказания виновных в насилии, создания трибунала для разрешения споров между орденом и его подданными и ослабления налогового бремени.

Власти ордена не были в состоянии провести столь радикальные реформы, а недостаток средств вынуждал их ужесточать политику по отношению к непокорным подданным. После многолетней борьбы прусские сословия так и не дождались выполнения своих требований, напротив — основные усилия великих магистров были направлены на внутренний раскол Прусского союза и его последующую ликвидацию. Орден обратился с жалобой на Прусский союз в папский суд, а после отсрочки вынесения приговора дело перешло

императора. Прусский союз представил там документ, в котором перечислялись злоупотребления и нарушения орденом законов, и сослался на так называемое право подданных на несовиновость. Эти доводы не были приняты во внимание, и в декабре 1453 г. императорский приговор предписал ликвидировать союз и предать мертвой казни его вождей.

Руководители Прусского союза, входившие в его тайный совет, дали такого решения и готовили восстание против Ордена. Они вели переговоры с польским королем Казимиром Ягеллончиком и епископом Краковским Збигневом Олесницким. В Краков несколько раз прибывали посольства союза, а в Торунь постоянно навещали польские посланцы.

Желание прусских сословий присоединить Пруссию к Польше вызвано не только недовольством налоговой политикой ордена. Большее значение имел вопрос о государственном устройстве. Прусское государство отличалось высокой степенью централизации. Члены ордена не были намерены допускать представителей союзных к участию в управлении. В данной ситуации устройство польской монархии и привилегированное положение рыцарского сословия для рыцарей Пруссии гораздо привлекательнее. Горожане, в первую очередь, были заинтересованы в торговых контактах с польской стороной. Враждебность двух государств препятствовала переправкам по Висле, мешая торговле древесиной и хлебом. Вхождение Пруссии в состав Польши могло способствовать интенсификации торговых отношений, весьма выгодных для горожан Торуня, Эльблуги, Гданьска и других городов государства Тевтонского ордена. Польская культура XV в., открытая для мировоззренческих течений, терпимая к различным этническим и религиозным группам.

Таким образом, прусские сословия ратовали за присоединение Пруссии к польскому государству, обладавшему более привлекательным для горожан внутренним устройством. За этим стремлением не скрывалось стремление к национальным мотивам. Правда, небольшая часть рыцарства в Прусской земле и Гданьского Поморья была польского происхождения, но в его среде было много немцев и даже онемеченных пруссов. Что же касается населения крупных городов, то оно в подавляющем своем большинстве было немецким.

В феврале 1454 г. тайный совет Прусского союза отказал ордену в повиновении. В Пруссии началось восстание. Большую часть замков захватили члены союза. В Краков отправилось посольство, принятое

Рыцари и крестьяне. Фрагмент «Иерусалимского триптиха». Церковь Пресвятой Девы Марии в Гданьске (конец XV в.).

Фрагмент «Иерусалимского триптиха» — алтаря, созданного в конце XV в., по всей видимости в Гданьске, под влиянием нижненемецкой живописи. Темой триптиха является история земной жизни Христа. В соответствии с психологией людей Средневековья события, описанные в Священном Писании, связывались не только с давно минувшими веками, но рассматривались как вневременные и вечные. Поэтому персонажи алтаря представлены в одеяниях XV в. Этот фрагмент изображает людей, принадлежавших к двум основным сословиям тогдашнего общества. — крестьян и рыцарей. Особый интерес представляет весьма редкое для того времени изображение крестьян.

Казимиром Ягеллончиком. Польский король издал акт об инкорпорации (вхождении) Поморья и Пруссии в Польское королевство и гарантировал прусским сословиям многочисленные привилегии. В результате вспыхнула так называемая Тринадцатилетняя война (1454—1466). Ее начало оказалось неудачным для Польши, так как не отличавшееся высокой дисциплиной всеобщее ополчение Великой Польши было разгромлено под Хойницами (Кошиц) наемными отрядами ордена (1454). Тогда же гарнизон орденовой столицы — Мариенбурга — отразил нападение войск Прусского союза. Ордену удалось

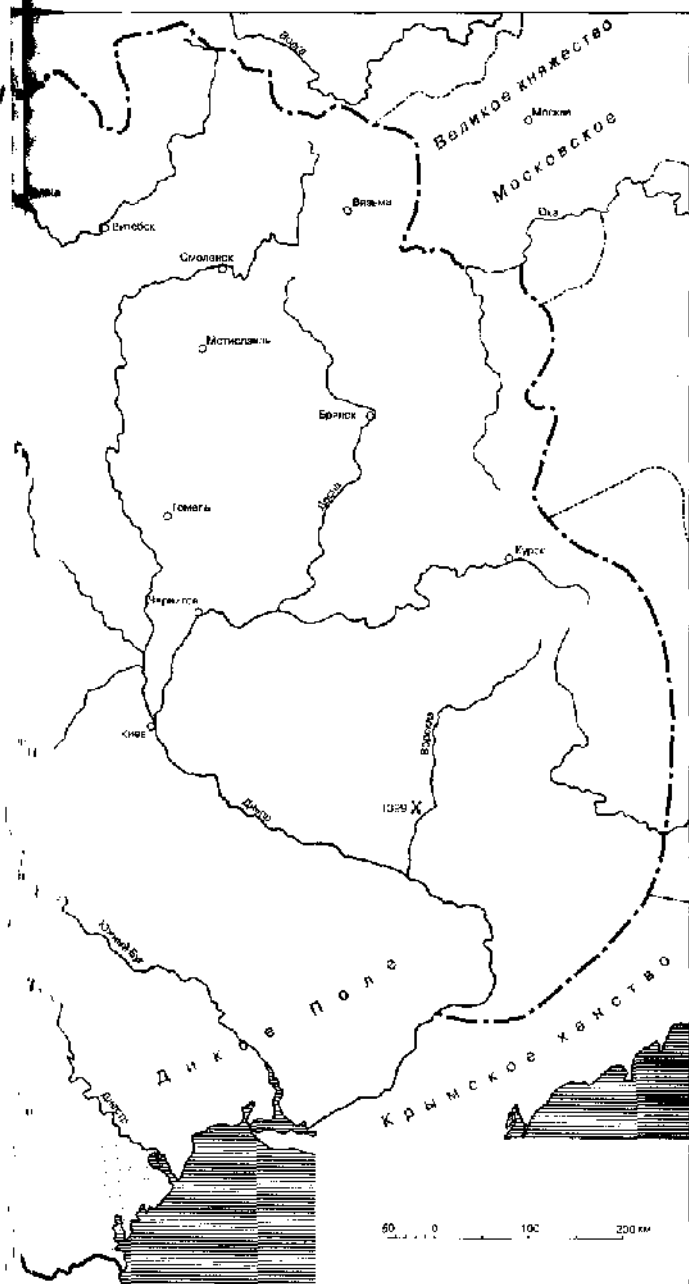
зрнуть часть потерянных замков и городов. Продолжение Польшей Прусским союзом войны стало возможным лишь благодаря созданию поляками наемной армии и усилиям горожан Гданьска, Эльблонга и Торуня по сбору финансовых средств. В 1457 г. эти города получили от Казимира Ягеллончика жалованную грамоту, гарантировавшую им ряд новых свобод, и на протяжении всей войны продолжали активно бороться против ордена. Однако на западной и восточной окраинах орденского государства влияние Прусского союза было слабым, и Тевтонский орден сумел сохранить там свою власть.

Исход войны решил сражение, выигранное новой польской армией под началом Петра Дунина под Свенцином (1462), а также победа гданьского и эльблонгского флотов над флотом Тевтонского ордена в Вислинском заливе (1463). В 1466 г. орден потерял Хойницу и лишился возможности получать помощь с Запада.

Торуньский мир 1466 г. имел компромиссный характер. Польша не была в силах добиться инкорпорации всей территории орденского государства, однако получила земли, наиболее прочно связанные с ней в историческом и хозяйственном отношении, а именно даньское Поморье, Мариенбург и Эльблонг — так называемую Королевскую Пруссию, Хелминскую и Михаловскую земли, а кроме того, территорию Варминского епископства. Оставшаяся часть государства Тевтонского ордена, так называемая Орденская Пруссия, со столицей в Кёнигсберге (Крулевец), признала вассальную зависимость от Польши. Поляки получили право вступать в орден, а великий магистр как вассал польского короля становился членом королевского совета.

На основании привилегий 1454 и 1457 гг. Королевская Пруссия получила многочисленные свободы: право местного самоуправления, собственное собрание («сеймик») и гарантии назначения местных должностных лиц исключительно из числа местных жителей.

Эти привилегии и хозяйственные связи с другими польскими землями привели к расцвету Королевской Пруссии, в особенности таких городов. Огромное значение присоединение Пруссии имело для Польши. Были уничтожены все препятствия для экспорта польского хлеба. Проблема Тевтонского ордена, во многом определявшая политику польского государства, начиная с захвата орденом Гданьского Поморья в 1308 г., в 1466 г. была разрешена. Правда, сохранилась возможность возникновения новой опасности в будущем, однако на несколько поколений вперед интересы польской стороны были удовлетворены.

В XV столетии в Центрально-Восточной Европе началось острое соперничество между Ягеллонами, Люксембургами и Габсбургами. Занимая престолы на основании договоров о наследовании или по приглашению сословных представительств, члены этих династий закладывали могущество своих родов и объединяли под своей властью — на время или надолго — по нескольку государств. При этом наряду с объединительными тенденциями проявлялся и местный сепаратизм, выражением которого становился переход трона к представителю местной знати.

Помимо оказавшейся наиболее долговечной польско-литовской унии, на принципах личной или династической унии в это время неоднократно объединялись два или даже три королевства Центральной Европы. В начале столетия Ягеллоны правили в Польше и Литовском княжестве, а Люксембурги — в Венгрии и Чехии, с 1410 г. и в Германии⁹. Начало гуситской революции в Чехии¹⁰ впервые создало возможность дальнейшего расширения владычества Ягеллонов. В 1420 г. гуситы пригласили на освободившийся после смерти Вацлава IV Люксембургского (1419) чешский трон Владислава Ягелло (Ягайло). Под влиянием епископа Краковского Збигнева Олесницкого это предложение было отклонено, прежде всего по религиозным мотивам. Вместо польского короля была предложена кандидатура князя Витовта, а представитель литовского великокняжеского рода Сигизмунд Корибутович был отправлен в Чехию. В 1423 г. Ягайло, однако, отказался от борьбы за чешский престол, заключив союз с Сигизмундом Люксембургским, который, будучи братом покойного короля Чехии, выступал главным претендентом на чешскую корону.

Новый импульс династической политике Ягайло дало появление у него долгожданных сыновей, родившихся от его четвертой жены, Софьи Гольшанской, — Владислава (1424) и Казимира (1427). Прежде всего король предпринял усилия по обеспечению перехода к ним польского трона. После смерти Ягайло королем Польши сделался старший из братьев — Владислав, а после смерти в Литве Сигизмунда Кейстутовича (1440) младший брат Владислава Казимир стал великим князем литовским. В малолетство Владислава реальная власть над Польшей оказалась в руках вождя партии малопольских панов Збигнева Олесницкого. Эта партия поддерживала экспансию Польши на юг и восток, стремилась к присоединению к Короне Волыни и Подолии, а также к заключению унии с Венгрией, имевшей давние торговые отношения с Малой Польшей.

После смерти Сигизмунда Люксембургского успеха на недолгое время добился его зять Альбрехт Габсбург (1438—1439), получивший баварскую, чешскую и венгерскую короны. Его сын Владислав (романсы после смерти отца и получил прозвище Постум — Посмертный) сохранил за собой только чешский трон, большая же часть венгерской знати высказалась за кандидатуру польского короля Владислава (1440). Польско-венгерская уния имела личный характер, попыток выработать единую политику даже не предпринималось. Это время как Владислав в качестве венгерского короля искал поддержки папы для войны с турками, правившая Польшей группа малопольских папов выступала сторожниками идеи верховенства над папой вселенских соборов. Поражение венгерских войск и гибель польского короля в битве под Варной в 1444 г. завершили недолгий период, в который польско-венгерской унии и на время перечеркнули династические планы Ягеллонов¹¹.

Победа в войне с Тевтонским орденом, а также значительный военный и экономический потенциал Польши и Литвы позволили Казимиру, имевшему шестерых сыновей, рожденных от Эльжбеты Любуржской, возобновить династическую политику. Такие возможности появились с окончанием периода правления в Венгрии и Чехии представителей местной знати: Иржи из Подебрада в Чехии (1458—1471) и Матьяша Корвина в Венгрии (1458—1490). Освободившись в 1471 г. чешский трон достался старшему сыну Казимира — Владиславу Ягеллопу. В тот же год второй сын, которого, как и отца, звали Казимиром, попытался добиться венгерского трона, однако его поход окончился неудачей. Лишь после смерти Матьяша Корвина чешский король Владислав Ягеллоп стал правителем Венгрии. Так начался XV—XVI вв. Ягеллоны добились самых больших успехов в своей династической политике.

В их правлении связан и ряд территориальных приобретений. Воевавши Короны одно за другим вошли те мазовецкие княжества, в которых пресекались местные линии династии Пястов. В 1462 г. были присоединены Равская и Гостынская земли, в 1476 г. — Сохачевская земля, в 1495 г. — Плоцкое княжество. Удалось вернуть и некоторые многочисленные силезские княжества. Збигнев Олесницкий стал для Краковского епископства княжество Северское, в 1456 г. трон приобрела княжество Освенцимское, а в 1494 г. — княжество Ангорское. Такие результаты были, впрочем, более чем скромными. Мысль о возвращении Силезии, столь ярко выраженная в хронике Яна Длугоша, не находила в Польше всеобщего признания.

Современников хрониста интересовало главным образом Поморье и проблемы восточной экспансии.

В XV столетии успешно развивалась польская экономика, росла численность населения, увеличивалось число сел и городов, возрастала производительность земледелия, скотоводства и ремесла. В то время когда Чехию потрясали Гуситские войны, государство Тевтонского ордена переживало глубокий упадок, а Венгрии угрожали турки, Польша и Литва ненадолго стали главной политической силой в Центрально-Восточной Европе. Они являлись также важным торговым партнером для стран Западной Европы.

Преодоление экономического кризиса во Франции, в Англии и Нидерландах происходило благодаря подъему городской экономики, массовому распространению и удешевлению ремесленной продукции и развитию торговли. Для государств Пиренейского полуострова подобную роль играла заморская экспансия. В обоих случаях возрастала потребность в продовольствии и сырье, которую местные экономики не могли в должной степени удовлетворить. Однако накопление капиталов и деятельность купцов позволяли закупать все необходимые товары за границей. Уже в XIV в. из Польши вывозилось некоторое количество древесины и зерна; после же получения выхода к морю объем этого экспорта стал стремительно возрастать. Основная масса тяжелых грузов сплавлялась по рекам, главным образом по Висле, а местом торговых операций и погрузки на морские суда стал Гданьск. По суше перегоняли стада быков с Украины, которых продавали в Саксонии, Баварии и на Рейне. Традиционным и дорогим предметом экспорта были меха. Растущий спрос на древесину, необходимую для кораблестроения, а также смолу, с помощью которойконопачивали суда, на древесную золу, необходимую в ткачестве, а также на зерно и крупный рогатый скот способствовал росту цен на эти товары. За них расплачивались дешевыми ремесленными изделиями массового производства, а отрицательный для Западной Европы торговый баланс выравнивался звонкой монетой.

На сильные импульсы извне Польша отвечала ростом сельскохозяйственного и скотоводческого производства. Однако в XV в. это вовсе не сдерживало развития польских и литовско-русских городов. Скупка продовольствия, его перевозка, обслуживание сухопутной торговли при всеобщем росте благосостояния являлись надежной основой городской экономики — как в местном, так и в межрегиональном масштабе. Помимо торговли со странами Западной Европы, важную роль

и хозяйственной жизни Польши и Литвы играла торговля с Востоком. Из стран Леванта и Дальнего Востока через купеческие колонии на Черном море ввозили предметы роскоши: шелка, пряности, ремесленные изделия, расплачиваясь главным образом звонкой монетой. Центром этой торговли сделался Львов. По-прежнему, как и в XIV в., сохранил свое значение торговый путь в Венгрию, откуда поступали меха и вина.

Сложившаяся в XV в. структура международной торговли сохранялась очень долго, поскольку была обусловлена разделением Европы на зоны специализированного производства и, в свою очередь, усиливала данную специализацию. В Польше рост спроса на дерево привел к вырубкам леса, особенно интенсивным в бассейне Вислы, а спрос на зерно способствовал развитию товарного земледельческого производства. На протяжении всего столетия наряду с рыцарскими хозяйствами зерно на экспорт поставляли хозяйства солтысов и крестьян. В результате подъема земледелия, торговой деятельности городов и положительного баланса внешней торговли росло благосостояние многих социальных слоев.

Не исключено, что именно рост благосостояния, отсутствие серьезных внутренних противоречий на почве раздела национального дохода и возможность реализовать свои устремления людьми из различных сословий были причиной того, что постепенный, но неуклонный переход к рыцарскому сословию ведущих позиций в стране, проходивший за счет прав других сословий, не вызывал со стороны последних энергичного противодействия. Играло роль и то, что рост значения рыцарства в общегосударственном масштабе отнюдь не означал распада малых сообществ: городских и сельских общин, а особенно приходов, в рамках которых сохранялась значительная социальная мобильность, когда отдельные лица могли перейти из одного сословия в другое.

Преобладание рыцарства в экономической сфере выражалось в увеличении площади рыцарских усадеб благодаря приобретению пустующих крестьянских земель и хозяйств солтысов. В конкуренции между имениями солтысов и рыцарей последние явно одерживали верх, а общественное и хозяйственное значение солтысов заметно снижалось. Этот процесс был ускорен привилегией, изданной во время войны в Варте в 1423 г. Она позволяла рыцарству принудительно выкупать права солтысов, признанных «бесполезными и строптивыми». Великая угроза использования рыцарями этого права ставила солтысов в зависимость от них. В случае же выкупа земля солтысов стано-

вилась частью господских владений, а их полномочия переходили к покупателю, т. е. хозяину деревни.

Наиболее предприимчивые и богатые солтысы стремились порой небезуспешно — войти в рыцарское сословие. В результате выкупа земель, с одной стороны, и социального продвижения некоторых солтысов — с другой, этот слой, игравший в XIV в. важную роль в поддержании межсословного равновесия, в XV столетии начал исчезать. Переход полномочий солтысов к владельцам имений изменил расстановку сил в деревне и отнял у крестьян часть их прав, дарованных локационными грамотами.

Постоянный рост цен приводил к большей заинтересованности господина в увеличении площади приусадебной земли, продукция которой находилась в его полном распоряжении, чем в увеличении крестьянских оброков, повысить которые было порой весьма нелегко. В XIII—XIV вв. небольшую господскую запашку обрабатывали наемные работники. Рост посевных площадей в XV столетии вынуждал господ искать другие источники рабочей силы. Поэтому они стали увеличивать трудовые повинности крестьян, называвшиеся «панщиной» (т. е. барщиной). Данная форма ренты не вытеснила в XV в. оброка, однако постепенно ее значение росло.

В подобном направлении происходило изменение отношений между рыцарством и горожанами. И в этом случае благосостояние городов, возможность вести выгодную торговлю и сохранявшийся в деревне спрос на изделия городских ремесленников имели своим следствием слабое сопротивление горожан невыгодным для них законодательным постановлениям. Экономическая безопасность городов обеспечивалась их немалыми земельными владениями: богатые горожане покупали имения, которые приносили меньший, но более надежный, чем торговые операции, доход. Еще большие возможности открывали перед горожанами восточная торговля и хозяйственное освоение земель Великого княжества Литовского. Здесь возникали новые поселения, росла миграция, вкладывались капиталы. Проявлением роста самостоятельности городов стал выкуп городскими советами должности войта. Это давало городам полное самоуправление.

В этих благоприятных условиях горожане воспринимали очередные постановления рыцарских съездов и пункты королевских привилегий, ограничивавших городские свободы, не столь болезненно, как можно было ожидать. Между тем Нешавские привилегии 1454 г. уничтожали регламентацию продаж, что наносило удар по город-

ской монополии, а в Великой Польше вводили так называемые «воеводские таксы», т. е. обязанность горожан продавать и покупать товары по ценам, установленным воеводами. Таксации проводились еще несколько раз (1465, 1496), что свидетельствует об оказывавшемся сопротивлении. Таксации противоречили интересам горожан и были благоприятны для рыцарства и духовенства, от имени которых воеводы принимали свои решения. Кроме того, привилегия 1454 г. позволяла вызывать горожанина на рыцарский суд в случае обвинения им рыцаря или убийства. Это ограничивало компетенцию городских судов.

Со времен Тринадцатилетней войны установился обычай обложения городов налогами без получения их согласия. Фискальный гнет, ограничение городского судопроизводства, навязывание воеводами твердых цен шли рука об руку с вытеснением городов из политической жизни. Горожанам трудно было достичь взаимопонимания, необходимого для выступления с общей программой. Конкурировавшие между собой города не слишком интересовались политическими вопросами и не пытались решать свои экономические проблемы политическим путем. Совсем по-иному выглядела расстановка сил в Королевской Пруссии, где города обладали обширными привилегиями.

В конце столетия появилась Петрковская привилегия (1496), сохранившая пункты, упрочившие преобладание рыцарства над прочими сословиями. Ограничивалась личная свобода крестьян, поскольку обычно покинуть деревню мог лишь один человек в год. Кроме того, один представитель крестьянской семьи мог приступить к работе в городе, остальные были обязаны оставаться крестьянами. Рыцарство освобождалось от пошлин на товары собственного производства и на соль, а в городах окончательно вводилась воеводская таксация. Впервые было принято постановление, согласно которому горожанин не имел права покупать земельную собственность.

Занятость рыцарства собственными земельными владениями, выращиванием и продажей зернового хлеба постепенно пригнала его в позднейшую шляхту¹², менее воинственную, но более хозяйственную и стремящуюся сохранить свое доминирующее положение в государстве. XV столетие было периодом напряженной политической активности рыцарства — шляхты, борющейся за привилегии и гарантии политических прав своего сословия. По существу это была борьба с правителями, лишь под давлением соглашавшимися пойти на уступки, но также и борьба внутри самого сословия — между можнов-

ладцами и рядовым рыцарством. На развитие государственного строя влияло и духовенство, близкое по своим интересам к рыцарскому сословию, в особенности после привилегий 1430 и 1433 гг., подтвердивших, что церковным сановником может стать только шляхтич.

Наряду с королем главным представителем государственной власти был королевский совет, созданный в XIV в. Его состав зависел от воли правителя. В XV столетии сложилась практика приглашения в совет таких государственных сановников, как канцлер, подканцлеры, подскарбий, воеводы и каштеляны. В королевском совете преобладали представители малопольских родов: Тарновские, Мельштынские, Ярославские, Курозвенцкие, Олесницкие, Кмиты и Тенчинские. Введение в совет воевод и каштелянов, при соблюдении правила назначения их из числа жителей данной земли (*terrigeneae, indigenae*¹³), ограничивало господство малопольских możnowładców и позволяло войти в совет сановникам из других провинций. Из Великой Польши происходили роды Гурков, Шамотульских, Чарнковских. Острогогов, из Королевской Пруссии — Бажинских.

Важную роль играли заседавшие в совете церковные сановники. В конце XIV—XV вв. в организации польской церкви произошли серьезные изменения, связанные с экспансией на Русь и христианизацией Литвы. Созданная в 1387 г. Виленская и появившаяся в 1417 г. Жемайтская епархии (с резиденцией епископа в Медниках) входили в гнезненскую церковную провинцию. Новая католическая митрополия возникла на Руси: появившись в Галиче (1375), она в 1412 г. была переведена во Львов. Ей подчинялись католические епископства в Перемышле, Холме, Владимире-Вольнском, Каменце-Подольском, Киеве и Серете. Появление второго архиепископства, территория которого располагалась как в Короне, так и на Литве, поставило вопрос о первенстве и субординации в польской церкви. Его решением стало пожалование римским папой архиепископу Гнезненскому титула примаса Польши (1418); к нему позднее добавились права папского легата (1515). Примас мог собирать синоды обеих провинций и обладал высшей церковной юрисдикцией. Его полномочия не были ограничены одними лишь церковными учреждениями, но имели также государственный характер. Примас был первым сановником королевского совета, обладал правом коронации правителей и совершения таинств брака и крещения в королевской семье.

Королевский совет был учреждением, представлявшим интересы наиболее влиятельных слоев и воплощавшим концепцию управления государством небольшой группой высшей светской и духовной зна-

ти. Принадлежность к этой группе определялась не особым правовым статусом, а наличием богатых имений и занимаемыми должностями. Характерной чертой общественного строя Польши оставалось равенство всего рыцарского сословия перед законом. Сохранению принципа юридического равенства способствовали многократные изменения состава правящей элиты. Эти перемены и возможность понижения своего социального статуса были на руку представителям среднего рыцарства. Его политические устремления нашли свое институциональное выражение в деятельности съездов и сеймиков — земских и провинциальных. Они восходили к вечевым институтам удельного периода и собирались в рамках земель, т. е. прежних уделов, из которых крупнейшие стали воеводствами. Собственные сеймики имелись в русских землях.

Земские сеймики являлись органами местного самоуправления. Кроме того, они выполняли судебные функции и осуществляли надзор за сбором податей. Начиная с XV столетия это ограничивало компетенцию старост, каштелянов и воевод. В XIV—XV вв. также собирались провинциальные сеймики — Малой и Великой Польши, а после 1454 г. — сеймик Королевской Пруссии. Несколько раз для рассмотрения государственных вопросов особой важности созывались общепольские съезды. Их компетенция еще не была вполне определенной и отграничена от полномочий провинциальных сеймиков.

Экономическая самостоятельность среднего рыцарства, повышение его образованности и проистекавший отсюда рост амбиций вели к тому, что эта группа в своей деятельности постепенно выходила за тесные местные рамки. Несмотря на региональные различия, общность интересов рыцарства была гораздо более очевидной, чем общность интересов możnowładcy или городов. Это давало рыцарству возможность действовать довольно согласованно и солидарно, придавало ему ощущение собственной силы, учило ответственности за государство и постепенно укрепляло его политические позиции.

После привилегий, пожалованных Ягайло в 1386 г., новая возможность расширить свои права появилась у рыцарства в последние годы его правления. В 1422 г. в Червинске король дал согласие не конфисковать шляхетские имения без судебного приговора, а также обещал, что никто не будет одновременно занимать должности земского судьи и старосты. Новые привилегии Ягайло пожаловал, стремясь обеспечить переход трона к своим сыновьям, что позволило шляхте добиться еще больших успехов. В 1430 г. в Едльне и в 1434 г. в Кракове шляхта получила гарантии личной неприкосновенности — *leniniet*

captivabimus nisi iure victum. С этого времени шляхтич мог быть заключен в тюрьму лишь по приговору суда.

Времена Владислава Варненчика¹⁴ стали периодом укрепления олигархического правления. Оппозиция, во главе которой, впрочем, также стояли możnowładcy, стремясь увлечь за собой рыцарство, пыталась использовать гуситские и антиклерикальные лозунги. Однако в 1439 г. войска оппозиции были разгромлены в битве под Гротниками. После гибели Владислава III (1444) правивший в Литве Казимир сумел, воспользовавшись ситуацией, укрепить свою власть. Стремясь получить польский трон, он не хотел, однако, подтверждать изданные ранее привилегии и после продолжавшейся несколько лет борьбы занял престол без каких-либо обязательств (1447). Король боролся с możnowładzami и, опираясь на шляхту и мещанство, создал партию своих сторонников. Тем не менее ему пришлось пойти на уступки, когда в 1454 г. всеобщее ополчение шляхты, собранное в лагере в начале войны с Тевтонским орденом, потребовало новых привилегий. В Церквице и Нешаве Казимир издал документы, согласно которым правитель не мог вводить новые законы и созывать всеобщее ополчение без согласия земских сеймиков.

Это усиливало позиции земских сеймиков в их противостоянии с королевским советом. Однако, чтобы узнать мнение каждого сеймика, требовались большие усилия и много времени. Более практичным оказалось делегировать представителей сеймиков на общий сейм всего королевства (*sejm walny*). Эти послы (по-польски — «послы») не входили в королевский совет, который сохранил свой особый характер, а заседали в отдельной палате («посольская изба»). Королевский совет был преобразован в высшую палату сейма — сенат. Впервые организованный таким образом двухпалатный сейм собрался в 1493 г., когда после смерти короля Казимира Ягеллончика (1492) начался период ускоренной эволюции государственного устройства.

Преобладание шляхты на местном уровне находило свое выражение в шляхетском самоуправлении отдельных земель и воеводств, а также в слабости исполнительной власти королевских чиновников. Однако в сфере центрального управления в течение XV в. сохранялось большее равновесие; внутренняя борьба между możnowładzami и шляхтой позволяла королям сохранять позиции арбитра и свою сильную власть. Материальной основой последней являлся королевский домен, т. е. имения правителя, имевшиеся во всех провинциях государства. После пожалования шляхте привилегий, облегчивших налоговое бремя, доходы королевского дома должны были покры-

вать расходы на содержание двора, королевских слуг и части набранного войска. Лишь король обладал правом назначения и обеспечения из средств своего домена государственных сановников и министров, а также занимавших земские должности воевод и каштелянов. Правда, в последнем случае права короля были ограничены принципом выбора сановников из числа жителей данной земли и принципом пожизненного занятия должностей.

Огромное политическое значение имела практика назначения епископов из числа кандидатов, предложенных соборным капитулом, самим королем. Этот обычай, применявшийся и прежде, в XV в. укрепился, а возникавшие несколько раз на этой почве конфликты завершались победой правителя Польши. Посол Казимира Ягеллончика, направленный к папе Николаю V, утверждал, что это необходимо, «поскольку епископы обладают первым местом и голосом в королевском совете и по их совету принимаются решения по тайным и важным делам королевства, вследствие чего епископом может стать лишь тот, кто любезен королю и отечеству, полезен церкви и Речи Посполитой».

Пользуясь правом назначения чиновников и выбора будущих епископов, польские короли могли создавать свою собственную партию и осуществлять эффективный контроль над работой администрации. Кроме того, король являлся верховным судьей, главнокомандующим и руководителем внешней политики. Все это составляло правовую основу сильной власти монарха. Социальной базой служило поддержание со стороны сословий, а по мере сужения прав низших сословий — поддержка со стороны рядового рыцарства. Рыцарям еще многого предстояло добиться в борьбе с możnowładcami, и потому они стремились заручиться помощью короля. В результате последний становился гарантом благополучия государства и четкого функционирования государственной машины, сотрудничая в этом деле с представителями сословий, составлявших политическое сообщество — *communitas*.

Примечания

¹ Присоединить (лат.).

² Здесь и далее слово «западнорусский» применяется переводчиком по отношению к территории нынешних Белоруссии и Украины (иногда, если из контекста понятно, о какой Руси идет речь, используется слово «русский»). В оригинальном тексте в данном

значении, согласно польской традиции, выступает слово *piski*, тогда как для обозначения территории Московского государства и великорусского населения обычно используются определения *moskiewski* (обычно переводимое нами как «московский») и, для более позднего периода, *rosyjski* (чаще всего переводимое как «русский»).

³ Представители высшей польской знати, обладавшей самыми большими богатствами и значением в государстве, именовались в Средние века «панями» (т. е. «господами») и «можновладцами». Им соответствовал латинский термин «магнат» (*mag-natus* — могущественный вождь, предводитель). Со временем он проник в польский язык, вытесняя из него слово «можновладца». Слово же «пан» позднее стало применяться в отношении всех представителей благородного сословия, а в ближайшие к нам времена, подобно своим аналогам в других языках, превратилось в стандартную форму вежливого обращения.

⁴ Уния православной и католической церкви, заключенная представителями Византии в условиях угрозы со стороны турок-османов и в расчете на получение помощи с Запада. Была отвергнута большинством клира и верующих как в Византии, так и на Руси. Первый глава самостоятельной Киевской митрополии, Григорий Болгарин, был посвящен в сан в Риме бывшим патриархом Константинопольским, которому в свое время из-за приверженности унии пришлось покинуть Константинополь. Однако позднее Григорий просил об утверждении его в сане другого патриарха, не признавшего унию и находившегося в Константинополе.

⁵ Речь идет о шестнадцати городах в Спишской области (на территории нынешней Словакии). Формально они продолжали оставаться под верховным суверенитетом Венгрии, однако все доходы с них (в Спише имелись богатые залежи меди) поступали в польскую казну. Возвращены Венгрии после первого раздела Речи Посполитой в 1772 г.

⁶ Вселенский собор Римско-католической церкви, проходивший в г. Констанц на юго-западе Германии. Был созван с целью прекращения так называемой Великой схизмы, в течение которой в западной церкви было два (а непосредственно перед собором — три) папы. Стал важнейшим международным форумом своего времени, в котором, помимо церковных иерархов, приняло участие множество светских правителей и их представителей.

⁷ Множество пруссов погибло во время завоевания Пруссии в XIII в. С XIV столетия шел процесс интенсивной культурной и языковой ассимиляции оставшегося местного населения. Последний носитель прусского языка умер в первой половине XVII в.

⁸ *Комтур* (иначе *командор*) — комендант орденского замка и начальник замкового округа, глава орденской администрации на местах.

⁹ Перерыв в правлении Люксембургов в Германии связан с потерей Вацлавом IV Чешским в 1400 г. немецкой королевской короны. В 1410 г. королем Германии стал его брат Сигизмунд.

¹⁰ Иначе — Гуситские войны. Начались в Чехии в 1419 г. и продолжались до 1434 г. Представляли собой вооруженную борьбу за реформирование церкви в соответствии

с предложениями, выдвинутыми Яном Гусом, казненным во время Констанцского собора в 1415 г. Увенчались частичным успехом умеренного реформационного крыла, в отличие чего Чехию затем долго рассматривали как «страну еретиков».

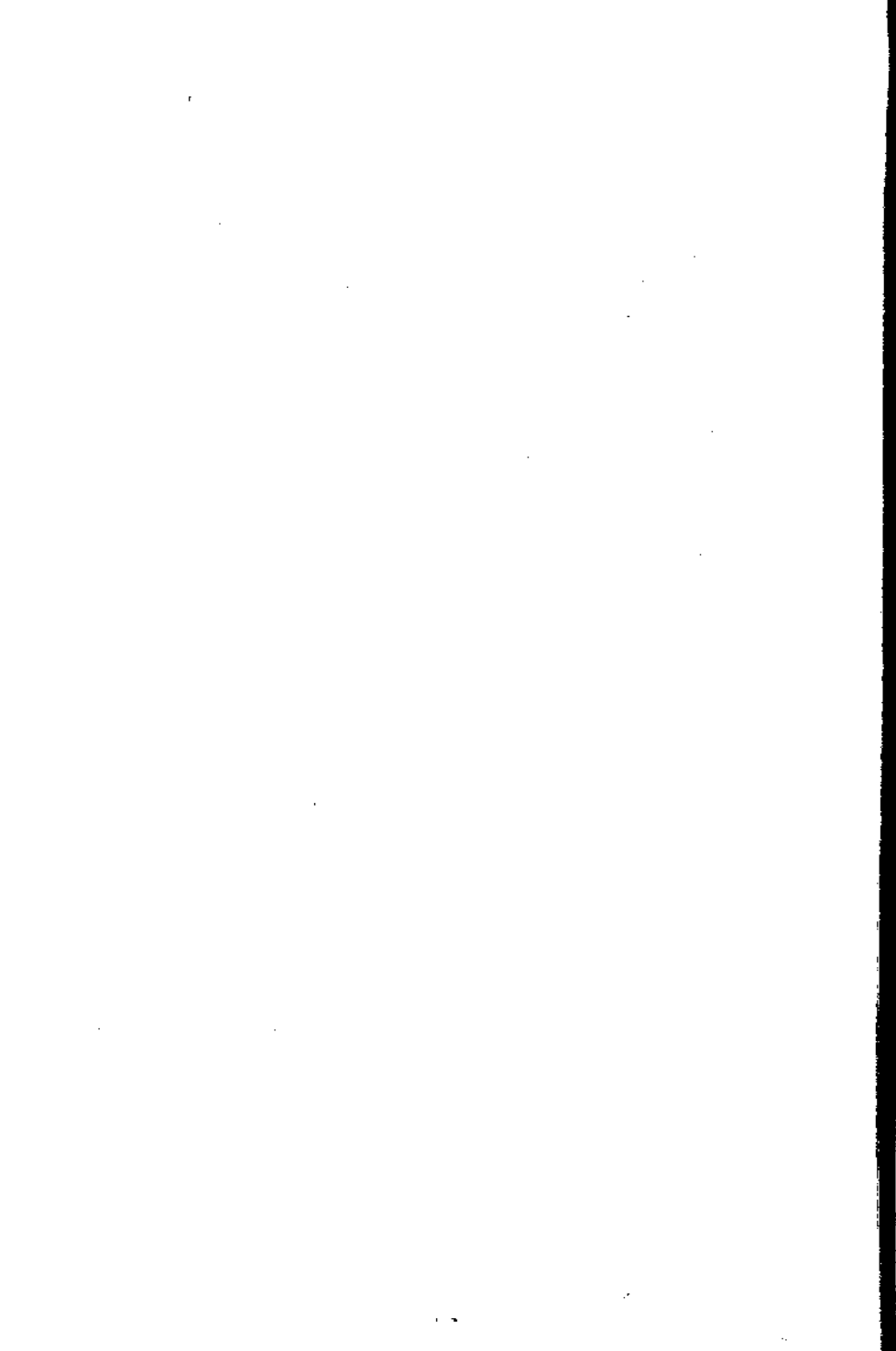
¹¹ После гибели Владислава IV под Варной государственное собрание Венгрии в 1446 г. признало королем Владислава Посмертного (Ласло V). Правителем королевства при малолетнем Ласло стал Янош Хуньяди.

¹² Польское *szlachta*, чешское *šlechta* (от нем. *Geschlecht* — род, семья) — термин, которым обозначались все представители «благородного сословия». Применялся также термин «рыцарство», позднее почти полностью вытеснив его из употребления. Это, что отчасти совпало по времени с трансформацией, о которой пишет автор. Это было отнюдь не случайно, так как польское слово *rycerz* (от нем. *Ritter* — конный воин) изначально прежде всего носило военное значение сословия, тогда как «шляхтич» — родовое понятие, сама по себе, которая вполне могла сочетаться с мирным нравом и предпочтением, отдаваемым хозяйственным делам.

¹³ Уроженцы земли, местные уроженцы (*лат.*).

¹⁴ Посмертное прозвище Владислава III, связано с его гибелью в сражении с турками под Варной (в Болгарии).

¹⁵ Идест. словосочетание «Речь Посполитая» (*Rzeczpospolita*), являющееся буквально переводом латинского *res publica*, употреблено в значении государства вообще.

V. Польша и поляки в Средневековье

Первые века в истории Польши были созидательной эпохой, хотя на этот период приходится и такие катастрофические события, как крушение государства после смерти Мешко II, монгольские нашествия, утраченные более чем на двести лет Гданьского Поморья и потеря Силезии. Тем не менее преобладали позитивные явления. Была создана собственная государственная организация, которую удалось отстоять многовековой борьбе. Ее сохранение обеспечивалось в первую очередь правящей династией и польской церковью. Со временем к институциональным факторам поддержания единства добавилась общая историческая память. Хранителем исторической традиции выступала политическая элита, но, благодаря устным преданиям, эта традиция была доступна и прочим общественным слоям.

В Средние века развивалась польская экономика, существенно выросли производительность сельского хозяйства, были освоены новые технологии, появились города, более чем вдвое увеличилась плотность населения, заметно повысился уровень жизни. Разумеется, имели место колебания конъюнктуры, периоды ускорения и замедления роста. Но время возникновения государства (X—XI вв.) — время его создания легло на плечи простого народа, что привело к снижению уровня жизни и вызвало бунт зависимого населения. Происходившая с середины XI столетия децентрализация власти высвободила социальную инициативу и способствовала увеличению производительности труда и расширению производства, распространению более высоких форм хозяйственной организации, а также росту уровня жизни большинства общественных слоев. Периодом динамичного развития стала эпоха колонизации на основе немецкого права. В страну пришли иностранные правовые установления, технологии и капиталы. Внешняя и внутренняя миграция способствовала появлению множества новых поселений. Однако следствием быстрых перемен стали новые противоречия и кон-

фликты. Более прогрессивные методы хозяйствования и селах с немецким правом давали большие урожаи и обеспечивали их жителям благополучие, недоступное прочим крестьянам. Богатства купечества, особенно в крупных городах, участвовавшего во внешней торговле и обладавшего значительными денежными суммами, значительно превосходили средства, которыми могли располагать местные рыцари и даже możnowładcy. Постепенное разрушение системы княжеского права лишало значения группу чиновников, некогда стоявших на вершине общественной и имущественной иерархии.

Хозяйственный подъем отдельных регионов происходил в разное время. В IX в. лидировали земли вислян, а столетием позже — территории полян. Затем центр государственности вновь переместился в Краков. В XIII в. перестройка хозяйственной жизни наиболее быстро и интенсивно происходила в Силезии. С этого времени она превосходила прочие уделы по плотности населения и количеству городов. Мазовия же, которая не пострадала во время языческого восстания 30-х годов XI в., а при Болеславе Смелом и Владиславе Германе принадлежала к населенным и богатым регионам польского государства, в период удальной раздробленности, напротив, утратила свои позиции и в XIV—XV вв. уже заметно отставала от других польских земель. После потери Силезии в течение всего XIV в. ведущую роль в экономике Польского королевства играла Малая Польша. В XV в. к ней добавилось Гданьское Поморье.

Перемены в значении отдельных регионов лишь в определенной степени могут быть объяснены внутренними процессами. Свою роль играло и международное положение Польши, воздействие соседних государств и экономических областей. Необходимо иметь в виду и вооруженные действия и связанные с ними опустошения, а также хозяйственную экспансию и миграции населения. Отставание Мазовии не в последнюю очередь было связано с прусскими и литовскими набегами, однако имело значение и то, что этот удел остался на обочине колонизации на основе немецкого права. Стремительное же развитие в XIII—XIV столетиях Малой Польши стало возможным именно благодаря колонизации, торговым, культурным и политическим отношениям с Восточной Европой, а также посреднической роли в торговле древесиной и зерном в бассейне Вислы.

В целом польские земли в эпоху Средневековья все же отставали в своем развитии от являвшихся очагами европейской культуры западной и южной частей континента. Это отставание было обусловлено географическим положением и тем, что Польша, подобно другим территориям Центрально-Восточной Европы, лишь в X в. вошла в круг

европейской цивилизации. Приобщение к Европе не привело к застою ее собственных созидательных сил. Воспринятые иностранные образцы приспособлялись к польским условиям. Польское государство, общество и культура не только сохранили, но и развивали свою самостоятельность. До XIV столетия Польша двигалась по пути, подобному тому, которым шли более развитые общества, и постепенно уменьшала дистанцию между ними и собой. В XV в. она создала совершенно оригинальные формы внутреннего устройства и культуры, при этом сохранив и даже упрочив связи с сообществом христианской Европы.

Чем была Польша для этого сообщества? Ее название появилось в источниках иностранного происхождения уже в конце X в. Сначала оно означало лишь землю полян, но уже в начале XI столетия так называли все государство Болеслава Храброго. Однако в раннем Средневековье круг лиц, информированных о существовании, положении, потенциале Польши и о политике ее государей, был крайне узок. Лишь знали люди, принадлежавшие к политической элите в соседних государствах и в таких центрах универсальной власти, как императорский и папский двор. Можно добавить еще небольшое число христианских, мусульманских и еврейских купцов, знавших Польшу в связи со своей торговой деятельностью. Новообращенная страна привлекала внимание духовенства, прежде всего немецкого, но также французского и итальянского. Польские аббатства, бенедиктинские, цистерцианские и норбертанские, поддерживали контакты с своими орденовыми центрами. Из среды французского духовенства вышел автор первой польской хроники Галл Апоним, писавший в начале XII в. Выходцами из Германии, Италии и, возможно, Франции были строители первых романских соборов и создатели украшавших церкви скульптур.

В XIII в. информация о Польше распространилась гораздо шире. Более интенсивными стали такие формы контактов, как династические союзы, отношения с апостольской столицей, международная торговля. Появились и новые формы, в которые было вовлечено множество людей. Колонизация на основе немецкого права вызвала приток в страну валлонов, фламандцев и немцев — преобладавших среди поречесленцев. В борьбе с пруссами, после появления на польских границах Тевтонского ордена, принимали участие западные рыцари. Многочисленные и весьма активные общины францисканцев и доминиканцев контактировали с монастырями других церковных провинций. Прежде редкие путешествия поляков в XIII в. несколько участились. Польские клирики, правда немногочисленные, учились в универ-

ситетах Италии и Франции, добираясь таким образом до главных центров европейской культуры.

На Польшу обратили внимание в связи с необычайно грозным событием, каким стало монгольское нашествие. Подобных вторжений Европа не знала уже несколько столетий, и интерес к монголам был огромен. Кроме того, появились расчеты на их христианизацию. В миссии, отправленной папой к монгольскому хану и возглавленной францисканцем Джованни де Плано Карпини (1245—1247), принимали участие Бенедикт Поляк и некий монах из Силезии, известный как *de Bridia*¹.

В XIV—XV вв. Польша навсегда заняла прочное место в сознании европейцев. Особую роль сыграли дипломатические контакты с папским и императорским дворами и спор Польши с Тевтонским орденом, вынесенный на заседания Констанцкого собора. Рыцарские странствия по-прежнему приводили немцев, англичан и французов в орденское государство, однако и польские рыцари становились известными при чужеземных дворах. Наиболее знаменитым из них был служивший Сигизмунду Люксембургскому Завиша Черный. Другим каналом распространения известий о Польше стала балтийская торговля.

Христианизация Польши и других стран Центральной и Восточной Европы расширила круг христианской цивилизации. Но помимо этой пассивной роли, Польша выполняла для этого сообщества и другие функции.

Уже при Болеславе Храбром была предпринята попытка христианизации соседних с Польшей пруссов. Миссия св. Войтеха закончилась его мученической смертью, однако повысила престиж Польши и дала ее правителям возможность добиться основания архиепископства. Возобновленные в XII столетии попытки обращения пруссов закончились неудачей, а выгодами обращения населения Западного Поморья воспользовались немецкие правители. Лишь на исходе Средневековья привлекательность польского государственного устройства, образа жизни ее населения, а также ее интеллектуальный и политический потенциал оказались достаточными для успешной христианизации Литвы. Таким образом, Польша выполнила свой долг в деле расширения христианской цивилизации. Позднее учение Краковской академии, отвергая насилие и полямизируя с Тевтонским орденом, ссылались на право отдельных народов самим решать свою судьбу. В основе такого подхода лежал принцип терпимости. Создание модели государства, толерантного по отношению к другим конфессиональным, религиозным и этническим группам, что не всегда было понятно представителям иных христианских обществ, стало важным вкладом Польши в европейскую культуру.

Для других стран континента средневековая Польша выступала долгое время в роли страны, заимствующей идеи, технологии и образцы организации. Кроме того, она являлась одним из тех мест, куда стремилась миграция из западных стран. Однако по мере развития государства, экономики и культуры Польша сама перенимала эстафету и распространении новых идей. Более того, она сама стала генерировать новые идеи, а также стала страной, откуда на Запад поступали знания о востоке Европы. В XV в. Польша уже представляла собой ключевой элемент политической системы Центральной и Восточной Европы, необходимый для его функционирования и развития, и с этим считались на общеевропейском уровне.

Как оценивали свое политическое и культурное сообщество сами поляки? Каково было их сознание, какие связи имели для них наибольшее значение? Человек Средневековья жил в рамках небольших, но достаточно местных сообществ, сельских и городских, зачастую совпадавших с границами одного прихода и территорией, охватываемой деятельностью местного рынка. Кроме них, однако, постепенно складывались региональные сообщества, соответствовавшие удельному периоду раздробленности, а также связи на более высоком уровне — государственные и национальные. Сначала сфера действия этих последних была довольно узкой. О своей государственной и национальной принадлежности помнили те, чья деятельность не ограничивалась местными рамками, но охватывала все государство — политическую, церковную или торговую область.

В X—XI вв. польское государство создало организационные и территориальные рамки, в которых оказались близкие по языку и культуре племенные группы. Другие группы, не менее близкие, которые остались за пределами государства Пястов (как население Поморья), не вошли окончательно в состав сложившегося позднее национального сообщества. В то время культурные и языковые различия польских племенных групп были не большими, чем различия между поляками и немцами. Но наличие собственных государств обусловило постепенное формирование двух разных народов. В период удельной раздробленности над государственными связями стали преобладать национальные. Их символизировали общая династия, общая территория, название «Польша», применявшееся по отношению ко всем удельным княжествам, единая церковная провинция, общепольские культы св. Войтеха и Станислава и сходство правовой практики во всех княжествах. Огромное значение имела вековая традиция собственной, централизованной государственности и общая история. Популя-

ность хротики Вишентия Кадлубека, прославлявшего деяния и достоинства поляков, является наиболее ярким свидетельством их гордости за собственное прошлое. Это прошлое, впрочем, переносилось далеко вглубь веков, в догосударственную эпоху, в мифические времена, пересказывая легенды о Краке, Банде, позднее о Лехе и других славных предках. Термином *patio* определяли людей общего происхождения и эту черту приписывали польскому сообществу. Использовали и термин *gens*, имея в виду общность языка. Эти две черты характеризовали не только обладавшую национальным сознанием элиту, но и прочих поляков. Таким образом, круг групп, сознающих свою национальную принадлежность, оставался открытым для тех, кто, благодаря продвижению по социальной лестнице и культурному развитию, переходил в него из слоев, не обладавших подобным сознанием и не испытывавших потребности в чувстве национальной общности.

Языковые критерии, менее значимые в X—XI вв., когда группы западных славян мало чем отличались друг от друга, стали более заметными в XIII столетии и сыграли в Польше большую роль. В этот период возникло чувство опасности для исконных культурных ценностей, связанное с действиями чужеземных захватчиков и колонизацией на основе немецкого права. Пик столкновений на этнической почве пришелся на рубеж XIII—XIV вв., а их источником стал, помимо политической и хозяйственной деятельности, вопрос об использовании польского языка во время проповеди, к чему обязывали статуты синода 1285 г. Обязательное использование священнослужителями языка прихожан оказало большое влияние на развитие польского литературного языка. Еще раньше выделялся язык правящей элиты, единый для всей территории государства и включавший неизвестные в племенную эпоху термины из сферы государственного управления. Владение им стало одним из признаков принадлежности к правящей группе. Объяснение истин веры по-польски и забота об их однозначности заставили церковь разработать свод польской терминологии, применявшейся по всей польской провинции. К древнейшим памятникам польского языка относится созданная в XIII в. песня «Богородица» и записанные в начале XIV столетия «Свентокшижские проповеди».

XIV в. стал периодом укрепления национального чувства в широких кругах польского общества, что явилось следствием внешней угрозы и прежде всего войн с Тевтонским орденом. Необычным свидетельством состояния самосознания тогдашних поляков, представлявших различные социальные слои, являются показания свидетелей на польско-орденских процессах. Они ссылались на принадлежность

Гданьского Поморья к Польскому королевству, апеллируя к истории этой земли, династическим правам, единству церковной организации. Они говорили также, что «знают об этом все люди настолько, что... никакие уловки не позволят утаить фактов». Этими свидетелями выступали удельные князья, епископы, можновладцы, настоятели церквей, мелкие рыцари и горожане.

В XIV в. условия формирования польского народа коренным образом изменились. С одной стороны, более трети населения, говорившего по-польски, оказалось за пределами объединенного королевства. С другой — само это королевство не было этнически однородным, поскольку в нем наряду с поляками проживали немцы, русины, чехи и люди, говорившие на иных языках. Ситуация еще более осложнилась после унии с Литвой, а в XV столетии — после возвращения Гданьского Поморья. Тем не менее в условиях толерантности различные этнические и религиозные группы вполне гармонично сосуществовали друг с другом. На национальное польское самосознание, апеллировавшее к общему происхождению, языку и обычаям, налагалось сознание государственной принадлежности, связывавшее жителей Литвы и Короны, относившихся к различным этническим группам. Оно было (либо могло быть) присуще в равной степени немцам из Торуня, русинам с Волыни, полякам из Великой Польши или евреям из Кракова. Государственная принадлежность связывала этих людей сильнее, чем этническое сознание, что доказывают усилия городских горожан Гданьска, Торуня и Эльблонга, предпринимавшие с целью инкорпорации Пруссии в состав Польши. Конфликты Польши и Литвы с Тевтонским орденом также имели не национальный, а межгосударственный характер.

Это вовсе не приводило к отрицанию местных и областных связей. Каждый ощущал себя членом своего небольшого сообщества, и большинство по-прежнему не знало связей более высокого уровня и не нуждалось в них. Однако тем, кто желал выйти в своей деятельности за пределы круга местных вопросов, — был ли то занимавшийся политикой вельможа или участвовавший в жизни своей епархии и польской провинции клирик, или выезжавший на войну мелкий рыцарь, или занятый межрегиональной и международной торговлей купец, или же искавший лучшей доли крестьянин — всем им приходилось сталкиваться с жившими в том же государстве людьми другой языка, другой культуры, религии. Благодаря этому, в XV столетии наряду с терпимостью по отношению к другим культурам и религиям у поляков складывалось все более сильное понимание самобытности

и своеобразия собственной культуры. Таким образом, рост национального самосознания пришелся, что вовсе не является парадоксом, на период создания многонационального государства.

XV столетие стало временем подлинного расцвета Польши. В области международных отношений он был связан с победоносными войнами и успехами династической политики; во внутренней политике — с расширением круга лиц, участвовавших в управлении государством. Специфической чертой была многочисленность рыцарского сословия и равенство его членов. Все они получили привилегии, признававшие за ними личную и имущественную неприкосновенность.

Приблизительно до середины XV в. сословный характер государства способствовал распространению сознания государственной принадлежности среди низших сословий. Однако в последующие десятилетия, когда привилегии для рыцарства все более нарушали межсословное равновесие, политическая *communitas* стала все больше превращаться в шляхетскую. Это дало начало довольно сложным процессам. С одной стороны, из политического сообщества постепенно вытеснялись непривилегированные группы, деятельность которых ограничивалась сугубо местными вопросами. С другой — в данное сообщество включалась шляхта непольского происхождения — на основании сословных и государственных связей. Сословное государство превращалось в шляхетское.

В польской культуре, так же как в экономике и политике, в средние века имели место как усиление, так и спад активности. Наши знания о культурных достижениях того периода неполны, поскольку сохранились и известны прежде всего произведения культуры латинской, книжной, тогда как произведения народной культуры, основанной на устной традиции, утрачены.

Искусство раннего Средневековья носило элитарный характер. Немногочисленные дошедшие до нас памятники романского искусства, постройки и связавшая с ними скульптура напоминают собой лучшие европейские образцы. Хроники Галла Анонима и Винцентия Кадлубека также не уступали современным иностранным сочинениям. Покровительство художникам и писателям оказывал княжеский двор, а с XII столетия — также дворы епископов и представителей высшей светской знати. В этой среде возник первый польский рыцарский эпос — «Песнь о деяниях Петра Влостовица», так называемая «*Canen Maślą*»². Похожее повествование, основанное на литературных сюжетах, известных в Европе, но приспособленное к польским реалиям, — повесть о Вальтере из Тынца и Виславе из Вислицы — по-

на страницы созданной в XIV в. «Великопольской хроники». Эти сведения чаще пересказывали устно, возможно и по-польски, для чего поляки утились искусству изящно выражать свои мысли и описывать различные события.

В начале XIII столетия продолжали создаваться прекрасные произведения романского искусства, однако в следующие десятилетия наметились некоторые перемещения. В крупных городах уже стали возводить не готические храмы, но в провинциальных центрах по-прежнему господствовал романский стиль, причем то и дело повторялись уже известные схемы. Распространение искусства и образованности достигло пика к концу XIV в., когда готика наконец дошла до провинции. Но даже в начале XV в. выдающихся произведениях, возникших в первой половине столетия, бросается в глаза подражание старомодным образцам и из соседних стран. К лучшим произведениям относятся надгробия в Кракове. Первым из них было силезское надгробие Генрика IV, позднее в Вавельском соборе появились надгробия Владислава Кутека и Казимира Великого. Во второй половине XIV в. проекты стали еще более амбициозными. К их числу относятся построенные королями оригинальные двухнефные церкви. Важным признаком возросших культурных запросов стало основание Краковской академии.

Длительный период укрепления основ культуры, развития сети приходского образования и совершенствования польского языка привнесли великолепные плоды в XV в. Польское готическое искусство достигло вершин в области сакральной и светской архитектуры, а также в скульптуре, живописи, резьбе по дереву, ювелирном деле достигло высокого художественного уровня, перестав быть старомодным подражанием иностранным произведениям. Его символом стал посвященный Деве Марии алтарь из приходской церкви в Кракове, созданный краковским и юрнбергским цеховым мастером Витом Стошем (Ствошем). Наряду со столь совершенными произведениями появлялось множество других алтарей, скульптур и фресок. Эти произведения, помимо прочего, выполняли дидактическую функцию, посредством художественных образов приобщая верующих к истинам веры. Подобную роль играли песнопения, церковная музыка и литургическая драма. Новое искусство было ближе человеку: на хорошо знакомом фоне средневековой повседневной жизни изображались исполненные прима сцены из истории Святого семейства, муки Христа, страдания Божьей Матери. Оно одновременно и формировало, и выражало взгляды людей того времени. То, что это направление, особенно в Ма-

лой Польше и Силезии, испытывало немецкое, чешское и венгерское влияние, отнюдь не лишало его самобытности и типично польских черт. Существовало множество изображений местных святых, прежде всего св. Станислава и св. Ядвиги Силезской, а также основателей церквей и монастырей. Готическое надгробное искусство достигло своей вершины в потрясающем по своей выразительности надгробии Казимира Ягеллона, шедевре работы Вита Стоша (Ствоша).

Покровительство, оказываемое художникам в эпоху Ягеллонов, позволило добавить к господствовавшим эстетическим моделям новый элемент. Им стали фрески в русско-византийском стиле. По рекомендации Владислава Ягелло (Ягайло) ими украсили готическую капеллу в люблинском замке, позднее подобные росписи появились в Сандомире, Вислице, Гнезно и в вавельском замке. Их создателям приходилось приспосабливать образную систему восточных христиан к внутренней планировке готических построек. В результате конфронтации и взаимодействия столь непохожих стилей родились невиданные прежде произведения. Знаменитый иконописный образ Ченстоховской Божьей Матери испытал византийское влияние. Однако присущая ему изначально сакральная строгость изображения несколько сгладилась после того, как икона была в XV в. переписана заново (ее повредили во время Гуситских войн). Таким образом уже в XV столетии синтез восточных и западных образцов стал одной из примечательных черт польского искусства.

Покровительство искусствам со стороны королей возвеличивало государственную власть, меценатство епископов напоминало о месте церкви в христианском обществе, меценатство możnowладцев и рыцарства способствовало прославлению родов основателей церквей и монастырей. В XV в. оказывать покровительство искусству начинают и горожане, что во второй половине столетия сыграло немалую роль. Горожане, которые, подобно możnowладцам и рыцарям, подражали стилю королевских храмов и обителей, как бы заявляли о своей поддержке политики правителей. Однако в том, что касается скульптуры, живописи и декора, это было вполне самостоятельное направление, прочно связанное со средой городского патрициата, цехами и религиозными братствами.

В художественном отношении искусство Польши принадлежало к более широкому кругу искусства Центральной Европы. При этом если в XIV в. основные мотивы заимствовались из Чехии, Венгрии, Австрии и Восточной Германии, то в XV столетии в творчестве польских художников стали преобладать местные черты. Это давало меце-

и законное чувство гордости и удовлетворяло их амбиции. Ноплачением в эту эпоху стало влияние на искусство Руси; при этом одна сторона сама вдохновлялась русскими образцами, в результате, как уже отмечалось, происходил синтез двух направлений. Литература XV в. не отставала от изобразительных искусств. Жан-ризнообразие, все более частое использование польского языка, расширение круга авторов — все это имело своим истоком повышение общего уровня культуры, рост национального и государственного самосознания и стремление выразить эти чувства. Важнейшую роль в этом процессе играло распространение образования на всех уровнях — от приходских школ до Краковской академии. Трактаты польских профессоров помогали определить направления внешней политики и выработать методы дипломатии. Помимо изучения философии, юриспруденции и языкознания, в академии проводились исследования в области математики и астрономии. Во второй половине XV в. в Кракове уже ощущалось влияние итальянского гуманизма, пропагандистом которого здесь выступал Каллимах, поэт, историк и дипломат. Важным центром польского гуманизма был двор епископа Львовского Гжегожа из Санока.

В течение всего XV в. в Краковскую академию записалось более 10 тыс. студентов, в том числе 12 тыс. подданных Короны. По крайней мере около четверти из них получили степень бакалавра. Выпускники академии становились учителями учебных заведений более низкого уровня, некоторые — сотрудниками королевской, епископско-княжеских и городских канцелярий. Количество грамотных людей заметно возросло. В среде интеллектуальной элиты появились собственные библиотеки, дополнившие собой книжные собрания в соборах и монастырях. Читать и писать умела значительная часть рыцарей и горожан, а кроме того, определенный процент крестьянских детей, желавших повысить свой социальный статус. Эти люди были создателями и потребителями значительно большего, чем в XIV в., количества литературных произведений. В 1473 г. в Кракове появилась первая типография.

Из сочинений на латинском языке самым выдающимся достижением XV в. была хроника Яна Длугоша, в которой описывалась история Польши с древних времен до современной автору второй половины XV в. Эта работа представляла собой не историю династии, но историю государства польского народа. Автор рассматривал Польшу и поляков как единое сообщество, связанное единым устройством и общим духом. Обращение к истории должно было служить насущным по-

требностям — развитию общепольского государственного патриотизма, приходящего на смену патриотизму местному. Представлению о Польше как о едином целом служило великолепное географическое описание, представлявшее собой введение к хронике. Мышаспис государственными категориями не вступало у Дзуготы в противоречие с чувством этнической и языковой общности поляков и представлением о единстве их исторической территории. Поэтому он чрезвычайно сожалел об утрате Силезии и радовался возвращению Гданьского Поморья.

Хотя языком науки, историографии и большей части литературных произведений оставалась латынь, в XV в. все большую роль играл польский язык. Веками песни, стихи, легенды и рассказы передавались в устной форме. Некоторые из них были записаны уже в конце XIII—XIV вв. В XV столетии их количество возросло, хотя по-прежнему оставалось небольшим. Тем не менее эти произведения свидетельствуют о формировании на исходе Средних веков польского литературного языка. Писатели, заботившиеся об изяществе и красоте языка, придавали ему нормативную форму и стремились очистить его от иностранных наслоений. Вопрос о происхождении этого языка остается дискуссионным. В его основе лежит либо великопольский, либо малопольский диалект, однако не подлежит сомнению, что уже в XV в. именно этот язык использовался по всей Польше.

Итак, на исходе Средневековья польская культура достигла значительной зрелости. Сложилось национальное самосознание политической элиты: окрепло чувство связи с государством, в которое входили различные этнические группы; оформился принцип внутренней веротерпимости и правопорядка; появились гарантии участия значительной части общества в управлении страной. Между столь творческим во многих областях XV столетием и «золотым» XVI веком нет сколько-нибудь заметного разрыва. Перед нами скорее непрерывная линия восходящего развития. Без достижений позднего Средневековья расцвет польского Возрождения был бы просто невозможен — точно так же, как без социально-политической трансформации XV в. не смогла бы возникнуть шляхетская Речь Посполитая. В этом веке был заложен прочный фундамент для XVI столетия — самого блестящего периода в истории Польши.

Примечания

¹ «Из Бридии» (лат.).

² «Песнь Мавра» (лат.).

**РАСЦВЕТ И УПАДОК
(XVI—XVIII вв.)**

VI. Консолидация и экспансия

Формируется, когда существует самосознание, способное найти реальные средства для своего выражения. Для XVI в. уже с большой определенностью можно говорить о том, каковы были отличительные черты Польши и поляков того времени. В их числе был польский шлях, как устойчивый элемент польской идентичности, который в XVI в. сумел вытеснить латынь из сферы общественной жизни и стать основным средством выражения в области духовной жизни поляков. В этот же период укоренилось общее для всего шляхетского сословия представление о праве как о норме, стоящей выше любой власти. И наконец, на польском королевству пришла Речь Посполитая как самобытная форма государственного правления, оказавшая огромное влияние на всю дальнейшую историю. В Речи Посполитой шляхетское сословие превратилось в «шляхетскую нацию»; на протяжении жизни двух поколений, благодаря полученным прежде привилегиям и благоприятной экономической конъюнктуре, в ее руках оказался полный контроль над всеми областями политической, социальной и экономической жизни. Старая Речь Посполитая просуществовала вплоть до разделов, однако характер доминирующего положения шляхты не претерпел существенных изменений. На протяжении XVI в. король превратился в извечномого монарха с весьма ограниченными властными полномочиями. Шляхетство стало магнатерией, а шляхта, не забывая о своем рыцарском происхождении, стала превращаться в помещичье сословие.

Смерть короля Яна Ольбрахта (1492—1501) открыла новый период в истории Польши, когда наметились противоречия между интересами государства и интересами правящей династии. Амбиции Ягеллонов, иногда совпадавшие, а иногда и противоречившие устремлениям других династий, столкнулись с экспансионистскими планами Габсбургов. Речь Посполитая испытывала неприязнь к этой династии и неохотно соглашалась выполнять какие-либо повинности в пользу государства. Ягелло-

ны, в свою очередь, стремились сохранить свои позиции в Литве, в чем шляхта усматривала как положительные, так и отрицательные для себя моменты. Каковы были интересы Речи Посполитой, ставшей воплощением интересов шляхетского сословия? Ответ на этот вопрос найти не просто.

После поражения литовцев в войне с Московским государством на реке Ведроша (1500) и коронной армии на Буковине (1497) сложились условия, которые благоприятствовали сближению Польши и Литвы. В 1499 г. перед лицом угрозы со стороны Московского княжества была восстановлена Городельская уния; в 1501 г. она была вновь подтверждена, что было обусловлено причинами внутриаполитического характера. Тогда же закрепилась практика избрания короля на выборных съездах шляхты, хотя круг претендентов ограничивался только членами правящей династии. Занимавший с 1491 г. литовский престол Александр (1501—1506) в обмен за коронацию и польский трон издал Мельницкий привилей (1501), согласно которому знать оказывалась в более выгодном по сравнению со шляхтой положении: власть переходила в руки сената, а королю практически отводилась роль его председателя. Совершенно очевидно, что перспектива ограничения властных полномочий не отвечала интересам монарха, поэтому он попытался найти опору в лице средней шляхты. В результате на сеймах, состоявшихся в Пётркове (1504) и Радоме (1505), сложился антимагнатский союз, который положил начало борьбе за возвращение жалованных коронных владений. Возвращение этих земель в казну позволило бы королю увеличить свои доходы, а шляхте — рассчитывать на уменьшение налогов в пользу государства. Закон об *incompatibilia*¹, в свою очередь, препятствовал сосредоточению слишком большой власти в одних руках, что также представляло опасность для короля и шляхты. Последней, однако, удалось отстоять фундаментальный принцип «ничего нового» (*лат. nihil novi*) (1505). Запрет на введение каких-либо повешеств без согласия представителей шляхты был закреплён в 1506 г. в своде законов, составленном по инициативе коронного канцлера Яна Лаского. Но ни одна из сторон не проявила должной решительности. Борьба за так называемую «экзекуцию прав»² не разрешила существующих проблем, хотя именно вокруг экзекуции и была на протяжении более чем полувека сосредоточена деятельность шляхетских реформаторов государства. В борьбе за свою сословную гегемонию они выработали особый стиль общественной деятельности и специфические формы жизненного уклада.

Двум последующим представителям династии Ягеллонов — Сигизмунду I (1506—1548), прозванному Старым, и его сыну Сигизмунду Августу (1548—1572) удавалось довольно удачно балансировать между устремлениями знати и прегензиями шляхты. В этом заключался интерес династии, который в понимании последних Ягеллонов был тождествен интересам государства. Их политике противостояла концепция Речи Посполитой, т. е. республики (*res publica*) как общего блага, идентифицируемого с благом шляхетского сословия. Но, хотя конфронтация двух концепций государственного устройства принимала порой резкие формы, до открытого столкновения дело не дошло: экономические преобразования, распространение протестантской Реформации и гуманистических идей протекали спокойно. Сложилось своего рода равновесие, которое выражалось в принципе взаимодействия трех так называемых «сеймовых сословий»: короля, сената и «посольской избы».

Коронные земли и Великое княжество Литовское, как и прежде, были объединены персональной унией; и лишь в 1569 г. в Люблине была заключена уния реальная и два государства были объединены в единое целое. Речь Посполитая превратилась в однопородный (с точки зрения институтов государственной власти) политический организм, но сохранила при этом неоднородность во всех иных отношениях. Территория государства после аннексии Ливонии в 1582 г. составляла 115 тыс. кв. км и была меньше, чем в начале века (1140 тыс. кв. км); после заключения Поляновского мира в 1634 г. она увеличилась до 140 тыс. кв. км. После России это было самое большое государство в Европе. Прирост населения был довольно значительным, достигая в центральных районах Короны (Великая Польша, Малая Польша, Ливония) 0,3% в год; такой прирост населения сохранялся до середины XVII в. В начале XVI столетия в Речи Посполитой проживало около 7,5 млн человек, от 8 до 10 млн — в 1582 г. и почти 11 млн — в 1650 г. При этом население распределялось очень неравномерно: в Малой Польше его плотность составляла 22 человека/кв. км, а на Украине — не более 3 человек/кв. км. И хотя средняя плотность населения выросла с 6 до 11 человек/кв. км, страна оставалась малонаселенной. По этой причине, вероятно, государство не стимулировало интенсивную колонизацию и не решало возникающие социально-экономические проблемы репрессивными методами. Постепенно, хотя и не очень быстрыми темпами ограничивалась свобода передвижения крестьян, что служило интересам шляхты и ее фольварочного³ хозяйства. Со временем крестьянам было навязано крепостное право. И лишь го-

раздо позже дали о себе знать отрицательные для государства последствия подобного решения.

Оба последних представителя династии Ягеллонов вели ожесточенную борьбу в первую очередь за то, каким образом будет осуществляться управление в государстве. Обладая неограниченной наследственной властью в Литве, Ягеллонам не удалось навязать Речи Посполитой государственное устройство абсолютистского типа. Это не было связано с многочисленностью шляхетского сословия, достигавшего 8—10% общей численности населения. В это же самое время в Испании численность знати была приблизительно такой же, но, несмотря на это, там сложилась совершенно иная форма правления, ставшая для польской шляхты XVI—XVII вв. синонимом самой ужасной тирании. Поэтому безуспешность попыток королевской власти обрести доминирующую позицию в государстве следует связывать с другими причинами.

Речь Посполитая сформировалась как государство шляхты. Она оставалась таковым и тогда, когда реальные рычаги власти оказались в руках магнатории, и тогда, когда власть в стране вершили иностранные армии и резиденты соседних держав. Начиная с XIV в. шляхта постепенно отвоевывала себе привилегии, которые позволили рыцарскому сословию превратиться в сословие землевладельцев, и именно это дало ей возможность воспользоваться уникальной экономической конъюнктурой, сложившейся в XVI столетии. в Европе в связи с ростом спроса на зерно и притоком ценных металлов из Америки. Проблемы, связанные с так называемым кризисом феодализма, затронули польскую шляхту в меньшей степени, чем привилегированное сословие на Западе, и, возможно, поэтому численность польской знати существенно увеличилась. В любом случае решение было найдено прежде, чем сложилась благоприятная экономическая конъюнктура: личная зависимость крестьянства стала основой шляхетской модели общества и государства, а конъюнктура цен на зерно в XVI в. позволила в полной мере использовать эту зависимость. Речь Посполитая не была воплощением идеала, но идеал шляхетской демократии сложился в государстве, которое на практике стояло на страже прав своих граждан.

Государство было призвано укреплять правовую систему, гарантировать безопасность граждан и не ограничивать их экономическую инициативу; выгода шляхтича-помещика должна была стать выгодой государства, интерес шляхетского сословия — государственным интересом. И именно с учетом этой перспективы необходимо рассмат-

ривать события не только XVI в., но и всей эпохи «Речи Посполитой» («всех народов»).

Власть в Речи Посполитой была разделена между тремя силами, сложившееся в первой половине XVI в. равновесие препятствовало введению каких-либо принципиальных новшеств в сфере управления государством. В 30-е годы XVI столетия под лозунгом «исполнения» (*exsecutio*) прежних прав и возвращения королевских владений формируется политическое движение шляхты, получившее название эксекуционного движения. Политически активная часть шляхетского сословия стремилась добиться влияния на монарха, давая ему, таким образом, шанс укрепить собственную власть. Проблема «исполнения прав», связанная с польской Реформацией и распространением идей гуманизма, долгое время оставалась в сфере идеалов. Но сила шляхты заключалась в том, что именно ей принадлежало право определять уровень налогов, и король был не в состоянии получить необходимые ему средства другим путем, хотя часть королевской казны объяснялась не только отсутствием сопротивления со стороны мещанства. Эксекуционисты, не соглашавшиеся с экономическими привилегиями католического клира, требовали независимости от Рима. Но им не удалось создать национальную идею. По всей видимости, ни король, ни шляхта не нуждались в радикальном решении проблем. Реформация, однако, получила среди шляхты довольно широкое распространение, и в середине XVI в. Речь Посполитая являлась де-факто государством нескольких религиозных вероисповеданий. Это, впрочем, не изменило общего направления эволюции общества и государства.

В конце 50-х годов XVI в. постепенно нарастало ощущение беспомощности спора, который длился в течение двух десятилетий. Сигизмунд Август, который остро нуждался в средствах на ведение войны в Ливонии, пошел на сближение с посольской избой. На Петрковском сейме 1562—1563 гг. были утверждены требования эксекуционистов, и в первую очередь требование произвести ревизию полученных магнатами прав на владение королевскими землями, что должно было ослабить позиции знати; было решено, что четвертая часть доходов с этих земель будет выделяться на содержание постоянной армии. Шляхта попыталась переложить обязанность по защите государственных границ на короля и крепостных. Стремясь обезопасить себя от возможных притеснений со стороны монарха, шляхта хранила за собой право на неповиновение королю. Но союз короля со сторонниками реформ не принес успеха ни одной из сторон,

а в 1569 г. и вовсе разразился конфликт сторон: чтобы заставить шляхту реформировать палоговую систему, король всячески сдерживал реформу апелляционного судопроизводства.

Агитация вокруг программы экзекуции и планов переустройства Речи Посполитой, особенно активно проводившаяся на сеймах 1564 и 1565 гг., значительно ослабла после смерти Сигизмунда Августа, хотя борьба за власть и за передел доходов все еще продолжалась. Шляхта ревниво следила за тем, чтобы раздача владений и должностей не приводила к усилению позиций короля и чтобы государство не ущемляло прав своих граждан. В 1573—1575 гг. была установлена главенствующая роль сейма в политической жизни. Но прерогативы, полученные сеймом, были своего рода авансом. В условиях дальнейшего усиления имущественного расслоения шляхты это привело в XVII в. к усилению роли магнaterии.

В государстве, которое все более превращалось в республику «шляхетской нации», ослабевало чувство *Corpus Regni*, т. е. общей ответственности за его судьбу. Это понятие по-прежнему распространялось на все земли лехитских славян, а также на земли, некогда входившие в состав государства Пястов. Во второй половине XVI в. постепенно ослабевает стремление к полному объединению этих территорий, уступая место новому стремлению к совершенно иной идентичности Речи Посполитой. Процесс интеграции земель и людей осуществлялся в соответствии с новой формулой, что повлияло на направления и формы внешней экспансии.

Шляхта восприняла интегрирование Мазовии в состав коронных земель как должное. Эти земли включались постепенно на протяжении XV и XVI вв., по мере угасания местной княжеской династии; их окончательная инкорпорация завершилась в 1526—1529 гг. На протяжении последующих 50 лет Мазовия в полной мере интегрировалась в состав Речи Посполитой, хотя и была самым бедным регионом, известным своей чрезвычайно многочисленной (до 40% населения) мелкопоместной, задиристой и весьма невежественной шляхтой. Но благодаря тому что Варшава стала столицей, этим землям суждено было стать символом всех польских земель. После Великой Польши пришло время Мазовии стать синонимом всего «польского», хотя это и произошло уже в эпоху утраты государственности. Наряду с территориальной интеграцией в XVI в. рождалось осознание общности интересов и ощущение единства. Но этот процесс затронул польские земли не слишком глубоко и не преодолел их разпородности. Двойственный характер идентификации шляхты с польской землей и с Речью

онной облегчал территориальную экспансию без одновременного расширения государства.

Иначе сложились судьбы прусских территорий, где интересы местного знати радикально отличались от тех, что были свойственны основной массе польской шляхты. Гевтонский орден не отчаялся и решил вернуть утраченные в предыдущем столетии территории. Для реализации своих устремлений он легко находил поддержку в империи, поскольку Габсбурги видели в Ягеллонах своих главных конкурентов за гегемонию в Центральной Европе. Гданьск связывали с империей деловые интересы, при этом жителям города навязывали совершенно независимая от Речи Посполитой политика. Гданьский патрициат стремился не подпускать Речь Посполитую близко к себе и был совершенно не намерен подчиняться ее налоговой политике. Польскую шляхту, по правде говоря, интересовали только цены на зерно и условия приобретения иностранных товаров. Представителей государственной власти не существовало какой-либо определенной концепции относительно морской политики, а все попытки подчинить себе Гданьск были непоследовательными. Впервые во время первой Северной войны 1563–1570 гг.⁴ Речь Посполитая своих интересов в Ливонии оказалась вовлечена в боевые действия на Балтийском море. Сигизмунд Август считал, что Москве надо давать доступ к Балтике и что нужно создавать собственный флот. Это переплетение внутри- и внешнеполитических условий привело его к сотрудничеству с движением экзекуционистов. Он действовал решительно и в 1568 г. сумел подчинить себе Гданьск. Зато Стефан Баторий, занятый исключительно московскими делами, с легкостью пошел в 1576 г. на уступки жителям Гданьска: жизненно важное для существования Речи Посполитой устье реки Вислы осталось под контролем гордого города, словно все были уверены в том, что сбыт польского зерна лучше всего доверить Гданьску.

Самостоятельность Королевской Пруссии (Восточного Поморья) была ликвидирована после 1568 г. Зато возникшее на территории Пруссии после секуляризации Гевтонского ордена княжество все более явственно демонстрировало свою независимость от Речи Посполитой. Присягнувшая в 1525 г. последним великим магистром Альбрехтом Гомбургером Сигизмунду I, стала событием, которое, впрочем, не повлияло на будущее этих земель. Обе стороны имели все основания считать это событие внешнеполитическим успехом: хотя секуляризация княжества протекла со стороны императора и папы. Аль-

брехт сумел предотвратить, казалось бы, неизбежное военное поражение, а Речь Посполитая — обезопасить свой северный фланг без дополнительных затрат. Гогенцоллерны стремились создать на территории Пруссии собственное государство и, несмотря на свою жесткую позицию, смогли получить значительную поддержку у местной шляхты и мещанства. Но политические силы Речи Посполитой не проявляли к этому интереса, поэтому бранденбургским Гогенцоллернам удалось сначала закрепить свои наследственные права на Пруссию (1563), а в 1611 г. распространить на нее права лена, чтобы в 1657 г. добиться наконец полного уничтожения ленной зависимости Княжеской Пруссии от Польши. Сиюминутные выгоды, полученные от секуляризации ордена, были незначительными, а последствия этого проявились много позже. Прусская проблема в XVI столетии не рассматривалась в категориях этничности, а религиозный фактор дал о себе знать лишь в XVII в., когда начинала формироваться польская идентичность, связанная с католицизмом и шляхетством.

Северные и западные территории не привлекали внимания шляхты и короля, а потому остались незамеченными вполне реальные шансы установить контроль над Западным Поморьем на рубеже XVI—XVII вв.; никто специально не заботился и о том, чтобы вернуть хотя бы часть отошедших к Чехии силезских земель. Внимание шляхты и власти было обращено на другое (юго-восточное) направление, хотя этот фактор не может служить исчерпывающим объяснением того, почему Речь Посполитая отказалась от борьбы за западные и северо-западные земли. Интересы Польши той эпохи, когда существовало определенное языковое и социальное сообщество, смещались с северо-западного направления на юго-восток. Причины этого дрейфа не до конца ясны. В этом же направлении шли наиболее интенсивные процессы интеграции; ось этого направления объединяла самые густонаселенные территории: Куявию, Мазовию и краковские земли с привлекательными для сельскохозяйственной колонизации землями Галицкой Руси, Волыни, Подолии. Здесь также проходил путь, по которому заработанные на торговле зерном драгоценные металлы устремлялись в направлении Леванта; этим же путем (но уже с другой стороны) в Польшу проникали столь характерные для той эпохи восточные мотивы. Следовательно, эти геополитические перемены нельзя считать случайными и объяснять их только сословным эгоизмом польской шляхты.

Польская экспансия в восточном направлении и сейчас продолжает вызывать большие споры. Эта экспансия стала одним из прояв-

мечений процессов интеграции, в результате которых значительная часть населения, главным образом шляхетского происхождения, стала считать себя поляками. Уния 1569 г. с Литвой была не диктатом Польского королевства, а выражением воли шляхетского слоя, интересы которого были в каком-то смысле подчинены высшим интересам Речи Посполитой. Уния втянула Корону в далекие, казалось бы, не московские, а со временем также ливонские и украинские земли. Нужно, однако, иметь в виду, что в XVI в. именно Московское государство осуществляло экспансию на землях Великого княжества литовского. И если возможно говорить о какой-либо польской политической ошибке, то только в том смысле, что был допущен конфликт со Швецией, а не в том, что Польша противостояла продвижению московского государства на Запад. С точки зрения политической истории XVI в. действия Речи Посполитой необходимо признать рациональными. Выход Польши к Балтийскому морю в правления Сигизмунда Августа был смелым, но лишенным основной замыслов; никто, кроме короля, не понимал необходимости этого предприятия. Видя в территориальной экспансии средство для расширения своего жизненного пространства и поддержания социального статуса, шляхта в XVI в. находила в Речи Посполитой более оптимальные решения, чем стремление пробиваться к морю. Голландцы, ганзейцы и даже жители Гданьска, хотя их интересы и противоречили друг другу, были против создания польского флота или монополизации со стороны Польши навигации на Балтийском море. Однако важно отметить, что предложенное Сигизмундом Августом и его сторонниками решение проблемы (так называемая Морская комиссия 1568 г. и план строительства королевского флота) не получило поддержки со стороны шляхты.

Но проявляя интереса к Пруссии, Речь Посполитая обратилась к экспансии в Ливонии. Эти земли, находившиеся под властью ливонского ордена меченосцев, были охвачены внутренними конфликтами на религиозной почве. Конфликты усугублялись интригами со стороны внешних сил, заинтересованных в установлении своей власти над богатой страной, контролирующей торговлю с ливонскими и русскими землями. Вмешательство Сигизмунда Августа во внутренние конфликты в Ливонии привело в 1557 г. к заключению направленного против России Позвольского соглашения. Началась война, в результате которой Россия добилась выхода к Балтийскому морю в Нарве (1558); Швеция вторглась в Эстонию (1561); Дания овладела Эзельским епископством. Ливония оказалась перед выбором:

либо подвергнуться разделу, либо сохранить свою целостность, которую, как тогда представлялось, могла гарантировать только Речь Посполитая. В 1561 г. орден был секуляризирован и на территории Курляндии и Семигалии (Земгале) создано светское княжество; оставшиеся территории превращались в польско-литовское совместное владение. Такое решение проблемы, которое в тот момент было для жителей Ливонии наиболее выгодным, выглядело привлекательным скорее для польских магнатов, чем для шляхты. Сигизмунд Август стремился укрепить связи ливонской знати с Речью Посполитой, но этому помешало все возраставшее давление со стороны польской и литовской шляхты. Созданные в Ливонии в годы правления Стефана Батория староства оказались в руках поляков. В этой ситуации стала очевидной необходимость договориться с одним из претендующих на Ливонию соперников, но, поскольку соглашение с Москвой было невозможно, единственно разумным явился союз со Швецией. Однако именно этот вариант оказался совершенно нереалистичным, и Речь Посполитая не сумела достичь в Ливонии значительных успехов с помощью военной силы. По мирному договору, подписанному в Щецине (1570), Швеция укрепила свои позиции, а Московское государство, благодаря поддержке Габсбургов, сохранило за собой право судоходства по Нарве. При подобном раскладе сил удар Ивана IV в 1577 г. не только был нацелен на вытеснение Речи Посполитой из Ливонии, но и представлял серьезную угрозу для Литвы.

С точки зрения интересов Речи Посполитой экспансия в Ливонии была вполне оправданной, однако способ ее осуществления оказался не совсем удачным. Слишком сложно было примирить между собой материальные интересы магнатов, контрреформаторские настроения католического духовенства и налоговые интересы государства. А потому, несмотря на растущее влияние шляхетской культуры и возможные выгоды от союза с Речью Посполитой, Ливония продолжала колебаться. Это облегчало вмешательство со стороны Швеции и подталкивало и Москву к новым нападениям.

В этих условиях юго-восточное направление польской экспансии представлялось самым выгодным. Магнаты и шляхта действовали совместно. Это, однако, не означает, что они всегда действовали умело. Такое направление экспансии, в результате которой можно было избежать конфликта с Турцией и Россией, отвечало естественным тенденциям развития и социально-политической структуре Речи Посполитой. При этом все попытки вовлечь шляхту в войну против Москвы и подчинить русское общество с помощью церковной уни-

и несостоятельными, не соответствовали пространственному и другому статусу Речи Посполитой и, следовательно, были обречены на поражение. Подобный конфликт был по плечу лишь действительно великой державе, однако Речь Посполитая, имея для этого достаточно возможностей, великой державой тогдашней Европы так и не стала.

Мы попытались оценить значение юго-восточного направления экспансии — единственного, которое давало возможность избежать военных конфликтов и решить при этом проблемы, связанные с численным увеличением шляхты, — то возникают два соображения. Во-первых, избыток шляхты не был столь значителен, коль скоро в XVI в. не удалось укрепиться на Украине и колонизировать ее. Во-вторых, как характер земель, включенных в состав Короны после польской унии 1569 г., так и специфика государственного устройства способствовали развитию на этих территориях крупной земсельскохозяйственной собственности. На пограничных землях, слабо населенных, но плодородных, которым постоянно угрожали татарские набеги, происходили противоречивые процессы: с одной стороны, колонизация осуществлялась преимущественно местным населением, которое отделялось от польского элемента по своей этнической и религиозной принадлежности; с другой — только большие земсельские владения успешно оборонялись в условиях постоянной внешней опасности. Именно на юго-восточных землях складывалось экономическое могущество магнатов и возникали предпосылки для их реальной независимости. Как будет отмечено ниже, шляхта оттолкнула от себя казачество, единственную силу, которая могла бы прочно связать страну с Речью Посполитой и польской культурой. Нежелание решать проблему запорожских казаков стало, вероятно, той единственной ошибкой, которой можно было избежать.

После смерти последнего Ягеллона наступила эпоха выборных (династических) королей. Период бескорольствия (июль 1572 — май 1573) и продолжавшееся немногим более года правление Генриха VIII (июль 1573—1574) не поколебали Речь Посполитую: несмотря на хаотично протекавший элекционный процесс, внутренние распри и вмешательство иностранных держав кризиса удалось избежать. В годы правления Стефана Батори (1576—1586) и Сигизмунда III Вазы (1587—1632) Речь Посполитая достигла апогея своего могущества: самые обширные за всю ее историю границы, самая масштабная экспансия и самая весомая позиция в Европе — все эти преимущества припали на тот момент, когда магнаты и дворяне должны были знать предпосылки будущего краха.

В Речи Посполитой не уделялось большого внимания внешней политике. Она не отличалась продуманностью, сочетая не связанные между собой, часто противоречившие друг другу интересы монарха и шляхты, отдельных родов знати, Короны и Литвы. В начале XVI в. на внешнюю политику влияли династические планы Ягеллонов и их противодействие экспансии Габсбургов. Формирование Речи Посполитой было связано с гибкостью институтов Короны. Этому же способствовала и сознательная политика династии. На рубеже XV—XVI вв. международная ситуация представлялась особенно благоприятной. Большие надежды на сдерживание османской экспансии вселяла перспектива, что по Дунаю будет проходить граница государства, имеющего солидные тылы; вопрос был лишь в том, о каком государстве могла идти речь. Совершенно очевидно, что на роль главной, а следовательно, и доминирующей в этой части Европы силы претендовала империя. Политика Ягеллонов в этом регионе зависела де-факто от местных антигабсбургских тенденций: Речь Посполитая, во-первых, могла стать противовесом габсбургской экспансии, а во-вторых, в ней видели защиту от турецкой угрозы. Было ли это заблуждением? Если не припимать в расчет Чехию, для которой союз с Австрией казался более выгодным, нежели опора на Польшу, все страны южного пояса стремились к обретению государственной независимости. И это в значительной мере увеличивало шансы Ягеллонов на то, чтобы достойно конкурировать с Габсбургами.

Обе стороны всерьез подходили к этой проблеме. Император Максимилиан поддерживал все попытки Тевтонского ордена добиться независимости и искал союзника в лице Москвы. Экспансия Русского государства при Василии III развивалась быстрыми темпами, вступая в конфликт с территориальными претензиями со стороны Литвы. В 1514 г. был захвачен Смоленск, и важная победа польско-литовской армии под Оршей в том же году не обеспечила политического решения конфликта. Тогда Сигизмунд I затеял долгосрочную политическую интригу, целью которой было обретение польско-литовским государством великодержавного статуса. В 1515 г. Сигизмунду удалось изменить невыгодную для Польши ситуацию: ценой надежды на получение чешского и венгерского престолов он добился от Максимилиана отказа поддерживать Тевтонский орден и плести интриги в Москве. Но у этого плана не было прочной опоры, доказательством чего стали дискредитировавшие Сигизмунда действия чехов во время выборов императора в 1519 г. Альбрехт Гогенцоллерн

...лся союзником Москвы (с 1517 г.); но в 1519—1521 гг. поляки не оказали на него значительное давление. От катастрофы орден спасло дипломатическое вмешательство Карла V и действия датского короля. Дальнейшее развитие событий в Пруссии и империи заставило Альбрехта подчиниться Польше, и союз этот оказался устойчивым в течение длительного времени. В 1522 г. литовцы заключили с Москвой перемирие, не получив, однако, обратно утраченных южных и северских земель. Такое положение вещей сохранилось и после русско-литовской войны (1534—1537). Условия мирного договора соблюдались в течение 25 лет и были нарушены агрессивными действиями со стороны Ивана IV.

Полонский план укрепления своего влияния в Центральной Европе, если таковой и существовал, закончился провалом в 1526 г. под Мохачем, где венгерские войска были разбиты турками. Смерть молодого венгерского короля Людовика Ягеллона открыла Фердинанду путь к чешскому и венгерскому престолу. Сопротивление Венгрии было непродолжительным; шляхетская партия, объединявшаяся вокруг Яноша Запольяи, который пользовался поддержкой Сигизмунда, не смогла сохранить целостность страны. Турция, однако, оказалась более надежным протектором, чем Речь Посполитая. События обнажили слабость позиций Сигизмунда I в Европе: он мог участвовать в военных конфликтах одновременно на нескольких фронтах, а против Турции старался не предпринимать никаких действий. Причиной конфликтов с молдавскими господарями было стремление контролировать проходящие через их земли торговые пути. Конфликты ограничивались рамками приграничных войн, не провоцировали Турцию, которая рассматривала эти земли как зону своего влияния. Поэтому после победы гетмана Яна Тарногского над молдавским господарем Петрилой (Петр Рареш) под Яссами (1531) Польша довольствовалась гарантией безопасности в районе Покутья, не пытаясь установить протекторат над всей Молдавией. С Портой в 1533 г. был заключен вечный мир, который не был нарушен почти целое столетие. Ни с финансовой, ни с военной точки зрения Речь Посполитая не была в состоянии сделать необходимые шаги, чтобы воплотить в жизнь возможности, которые открыла ей династическая политика Ягеллонов.

Между двумя потенциальными империями — габсбургской и Российской находились и жизненное пространство, и человеческие ресурсы, достаточные для создания мощной политической системы. В данном отношении весьма поучительным пред-

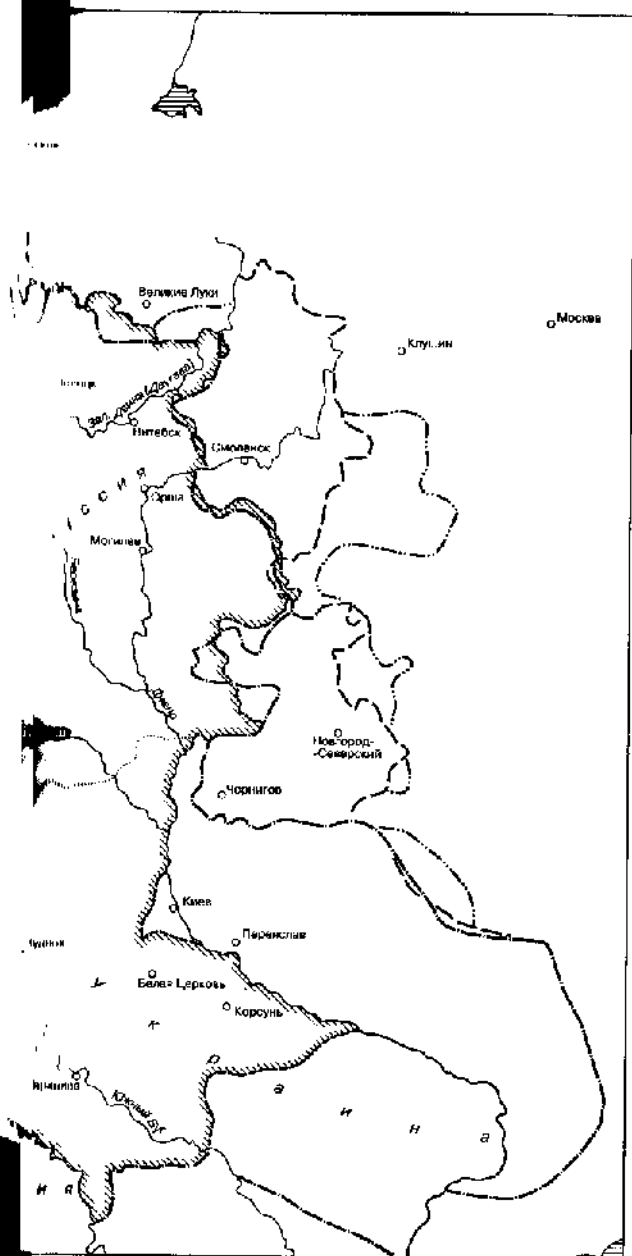
ставляется пример Франции, которая в определенные моменты своей истории была окружена еще большим числом врагов. Причины политического поражения Польши в Центральной Европе коренятся в интересах правящей группы: эти интересы привели к формированию такой политической системы, которая была неспособна вести экспансию с помощью военной силы. Именно поэтому противостоявшая Габсбургам Франция искала союзника скорее в лице Турции, чем Речи Посполитой.

И это особенно заметно в решении проблемы *dominium maris baltici* — господства на Балтийском море. Весьма характерно, что для всех последующих польских королей ливонская проблема была важнее прусской. Главную опасность для Речи Посполитой представляла Москва, поэтому возникало стремление создать на территории Ливонии преграду, способную сдерживать распространение «варварства». Внешнеполитический поворот в сторону Швеции после 1568 г., когда на шведский трон вступил женатый на Катажине Ягеллонке Юхан III Ваза, оказался недолговечным. Сложно ответить на вопрос, что было причиной: отсутствие взаимопонимания с обеих сторон, непонимание сути балтийской проблемы или простые человеческие амбиции, начиная со спора вокруг Эстоции. В любом случае в 1570 г. в Щецине император оставил польских послов ни с чем, делая невозможным план дипломатической изоляции Москвы. Послы Речи Посполитой оперировали во время переговоров аргументами нравственного характера, в то время как были необходимы деньги и пушки. Весьма вероятно, что неудача, постигшая в последующие десятилетия наиболее естественный для Польши внешнеполитический союз со Швецией, происходила из неспособности Речи Посполитой мобилизовать необходимые средства. Эта слабость государства заставляла постоянно проигрывавших в борьбе за польский престол Габсбургов строить планы раздоров и поддерживать все политические силы, способные причинить вред Речи Посполитой. Ни в Вене, ни в Стамбуле не понимали специфики политического строя Речи Посполитой, что не мешало им сделать трезвый расчет, исходя из ответов на вопросы: может ли государство, стремящееся обрести статус великой державы, допускать самоуправство жителей Гданьска, платить подати татарам, оставлять безнаказанным вмешательство в свою внутреннюю политику? Что же это за король, который не правит и не управляет?

Нельзя обвинять Стефана Батория в том, что для него проблемы Гданьска и Пруссии были менее важны по сравнению с угрозой со сто-

России в Ливонии. Это, по всей видимости, соответствовало и интересам сейма, который согласился ввести чрезвычайный налог. Благодаря дополнительным средствам король провел последовательно военные кампании, в результате которых удалось оттеснить Россию к устью Двины. Удар по русским землям, ознаменованный приобретением Полоцка (1579), Великих Лук (1580) и осадой Пскова (1581), привел к подписанию в Яме-Запольском перемирия, по которому Речь Посполитая получала всю Ливонию и Полоцк. Успех был очевиден, но оказался недолговечным. В самой Ливонии, когда миновала угроза усиления власти Москвы, союз с Речью Посполитой уже не считали единственным. Баторий и поляки не рассматривали всерьез угрозу со стороны шведов, и те, воспользовавшись ситуацией, захватили Нарву и ринулись свои позиции в Эстонии. Получив Ливонию, Речь Посполитая не сумела воспользоваться своим успехом в полной мере и не ликвидировала источник потенциальных конфликтов со Швецией. Каковы были внешнеполитические приоритеты Батория? В первую очередь он стремился свести на нет опасность вмешательства Москвы. Не хотел ли это считать прелюдией к значительным военным действиям против Турции и вытеснению ее за Дунай? Батория всегда подозревал, что своим мечту об освобождении Венгрии он ставил выше интересов Речи Посполитой. Именно под давлением финансовых трудностей он согласился отказаться от большей части оставшихся в руках польских судебных полномочий: в 1578 г. был создан Коронный трибунал, заменивший апелляционный королевский суд. Но Баторий никогда не отказывался от мысли упрочить собственные позиции. Смерть короля помешала осуществить и турецкий проект, и планы вторжения в Московское государство, а последовавшее за нею королевское усиление влияния магнатов в сейме и государстве.

Как можно оценить положение Речи Посполитой через 20 лет после заключения Люблинской унии? При Стефане Батории она занимала более активную внешнеполитическую позицию, и перед ней открывалась перспектива активного участия в европейских делах. После того как удалось справиться с Москвой, появилась возможность заключить союзы с Англией, Нидерландами или Филиппом II, ибо всех интересовали интересы на Балтике. Однако именно на этом направлении Речь Посполитая не сумела проявить силу. Но после того как турецкий и московский планы отошли на второй план, избрание Сигизмунда Вазы на польский престол (19 августа 1587 г.), возможно, открывало перед государством новые внешнеполитические перспективы.

Это избрание, равно как и предыдущее, не было единогласным. Победу Сигизмунда Вазы предопределила военная акция: в 1588 г. в битве под Бычиной канцлер Ян Замойский взял в плен контркандидата на престол эрцгерцога Максимилиана Габсбурга. Продолжительное правление Сигизмунда III привело Речь Посполитую к вершинам ее могущества, но одновременно с этим стало эпохой невиданных поражений. Трудно объяснить эти превратности судьбы, если не задуматься над сутью государственного строя Речи Посполитой и не учитывать роли простых человеческих амбиций. Однако прежде обратимся к усилиям Речи Посполитой обрести статус великой державы. Иллюзорность этих устремлений обнаружилась с началом Тридцатилетней войны. Состояли они из попыток заключить унию со Швецией, что спровоцировало ряд военных конфликтов, из попыток поглотить Украину, пробудивших призрак казачества, и, наконец, из попыток подчинить Московское государство.

Речь Посполитая не захотела или не сумела заключить союз со Швецией, хотя этот союз был для нее единственным шансом решить балтийскую проблему: польское правительство верило в возможность заключения унии, которая оказалась абсурдной. Этому было много причин, но главная заключалась в том, что попытки Сигизмунда закрепить за собой шведский трон после смерти Юхана III подтолкнули его противников на союз с Москвой. Протестантская Швеция вступала в период активной внешнеполитической экспансии, главной целью которой были плодородные земли южного побережья Балтийского моря. Но имению поляки, вопреки какой-либо логике, требовали передать Польше права на Эстонию и добились на это согласия Сигизмунда III в самый неподходящий для Польши момент. Узнав о своей дестронизации в Швеции (1599), король попытался еще сильнее связать с Речью Посполитой собственные династические устремления. Эти расчеты оказались ошибочными и втянули республику в ряд совершенно ненужных ей военных конфликтов. В тот момент, когда Сигизмунд III принимал правление в свои руки, позиции Речи Посполитой казались очень прочными: бескорольеве, длившееся целый год, хотя и сопровождалось страшными беспорядками, не привело к дестабилизации ситуации в стране. Москва, где с 1598 г. правил Борис Годунов, не представляла угрозы; сначала Литва, а потом и Корона без труда добились продления сроков перемирия. Соглашение 1589 г. урегулировало конфликт Речи Посполитой с императором; и хотя соглашение соблюдалось не до конца, оно свидетельствовало о бессосновательности надежд навязать Речи Поспо-

чтой чужую гегемонию. Столь же необоснованными были и османские претензии поглотить Украину. Сенаторы и государи — все считали, что их государство способно дать отпор и даже постольку сильшим, что может себе позволить относиться к своим обязательствам с некоторым пренебрежением. Такая уверенность влияла на короля и круг его советников: разделяя ее и уважая мнения ближайших государственных деятелей той эпохи — канцлер (1580) Ян Замоиский (1542—1605).

Причины того, что Польша не стала великой державой и что для экспансии не хватало материальных средств, надо искать во внутренних факторах. Внешнеполитическая слабость Речи Посполитой не происходила напрямую из отсутствия сильной королевской власти, но определялась несовершенством политической системы, которая создавала условия как для самоуспокоенности и беззаботности короля, так и для проявления частных интересов в неслыханных масштабах. Эти чрезмерные амбиции знати, не находя институционального выражения, блокировали завершение реформ государственного управления и казны. Проекты дальнейших преобразований не были представлены на сейме 1589 г., так как не удалось договориться о принятии решения королем. С этого момента дороги короля и канцлера разошлись. Замоиский стремился не только сделать процедуру выборов эффективной, но и навсегда исключить Габсбургов из числа кандидатов на польский престол. В 1590—1591 гг. рухнула плановая война с Турцией, которая, как многие рассчитывали, могла бы пробудить патристическое чувство гражданской ответственности. В 1592 г. состоялся конституционный сейм, на котором были раскрыты замыслы короля передать польскую корону Габсбургам. Сигизмунд был убит в попытке в 1594—1598 гг. установить в Швеции свое правление, в его личность катастрофой. Все эти события способствовали дальнейшей децентрализации власти в стране. Проблема заключалась в том, что перемещение центра тяжести в провинциальные органы государственного представительства (сеймики) усиливало влияние местных интересов на польскую внутреннюю политику и затрудняло создание института, который бы взял на себя реальные функции центрального органа власти, объединенные вокруг короля и канцлера политические силы великой жесточенную борьбу исключительно за сохранение собственных привилегий. В хаосе соперничества затерялись голоса, высказывавшие необходимость упорядочить принципы проведения сеймов; на заднем плане отошли также проблемы внешней политики. На рубеже XVI—XVII вв., прежде чем внутреннее противостояние достигло своей

кульминации в сандомирском мятеже (рокоше) 1606 г., неожиданно стало ясно, что Речи Посполитой со всех сторон угрожает опасность.

В Ливонии шведы сумели за два года свести на нет все усилия Батория, а основные военные силы Речи Посполитой были в тот момент сосредоточены на Дунае. Когда Замойскому, а потом и Ходкевичу удалось овладеть ситуацией, для завершения кампании не хватило денег. Не помогла и блестящая победа Ходкевича над Карлом IX под Кирхгольмом (Саласпилс) 27 сентября 1605 г., когда три с половиной тысячи польских кавалеристов разгромили отборную четырнадцатитысячную шведскую армию. Военные удачи только усыпляли бдительность поляков, давали им ощущение собственного превосходства. Тем временем, несмотря на победу над господарем Валахии Михасм Храбрым под Буковом (Румыния) 20 ноября 1600 г., потерпели крах усилия Замойского, который стремился в 1599—1600 гг. подчинить Молдавию, возведя на молдавский трон представителей рода Могилы. Турция сумела быстро восстановить свою гегемонию в этом регионе, показав, сколь бесплодны все усилия по созданию направленной против нее лиги христианских государств. Противоречия между имперскими, польскими и местными балканскими интересами были гораздо сильнее, чем стремление объединиться перед лицом турецкой угрозы. В самой же Речи Посполитой миф крестового похода превращался в одну из иллюзий, которая мешала пониманию важнейших проблем.

В 1563 г. ради мнимых преимуществ в решении ливонского вопроса Польша позволила курфюрсту Бранденбургскому взять в управление герцогство Пруссия, а в начале XVII в., пойдя навстречу папским мечтам о введении в России католицизма, страна позволила вовлечь себя в воспугую интервенцию. Эпоха консолидации и экспансии подходила к концу: Речь Посполитая оказалась перед лицом угроз извне, она была лишена эффективной исполнительной власти; кроме того, ее раздирало изнутри соперничество не столько политических программ, сколько отдельных политических деятелей. В стране по-прежнему существовали силы, выступавшие за интеграцию и внешнеполитическую экспансию, но великой державы уже не существовало: за минувшее столетие Речь Посполитая далеко ушла от той республики, которая сложилась в XV в. Это было время становления Речи Посполитой как общности, уникальной по своему характеру не только для западнохристианского мира, но и для всей Европы. Период 1500—1600 гг. получил название золотого века, что подчеркивает силу и величие Речи Посполитой, акцентирует значимость происшедших перемен. Само это название — «золотой век» —

подтверждает, что именно в последующие столетия наступила для государства эпоха декаданса и упадка. Это, однако, не означает, что XVI в. дал Польше возможности, которыми она не сумела воспользоваться: Речь Посполитая обрела силу, в полной мере использовав преимущества новой экономической ситуации; шляхта создала самобытную форму государственного устройства, в рамках которой могла в полной мере реализовать свои устремления. А началось все с польского гуманизма, с привнесения на польскую почву западной системы ценностей. И собственная — шляхетская и польская — религиозная культура формировалась в процессе приспособления западных гуманистических идей к специфически польским условиям.

Становление социальной и политической структуры Речи Посполитой сопровождалось возникновением соответствующих им форм устной культуры. Ощутимо повысился уровень образования. Количество приходских школ в Короне (около 2500 в начале XVI в.) сопоставимо с количеством подобных школ во Франции или испанском герцогстве. Предположительно около 12% мужского населения Короны было грамотным. Среди шляхты процент был еще выше, и в середине столетия грамотность достигала 30%. В следующие десятилетия этот показатель увеличился. Образованность тем, что отличало шляхетское сословие от других социальных групп. Шляхта не испытывала явной тяги к творчеству, но участие в общественной жизни, которое стало синонимом самой принадлежности к этому сословию, требовало определенного уровня образованности. Этим можно объяснить и динамичное развитие протестантских гимназий (не только городских, но и сельских), многие из которых по своему уровню практически ничем не отличались от высших учебных заведений. Ответом католиков стало создание духовных коллегий (Бранево, 1565), которые глубоко реформировали систему образования и предложили новую программу воспитания. Система средней и высшей школы не имела сословных ограничений, однако представители плебса и шляхты в понятие «образования» вкладывали различный смысл.

В XVI столетии в Польше образование лишь в очень незначительной мере способствовало политической карьере, и, может быть, именно поэтому система высшего образования развивалась медленно. Лучшие времена Краковского университета уже остались в прошлом. Преподавание права и изучение греческого языка и философии — все это получало развитие вне официальной структуры университета. На рубеже XV—XVI вв. наметилось некоторое оживле-

ние, но потом число студентов сократилось, а среди профессоров все меньше встречалось громких имен. Появлялись новые высшие школы. В 1578 г. иезуитская коллегия в Вильно была преобразована в академию; в 1594 г. возникла академия в Замостье. Значительная часть получавшей образование молодежи училась в европейских университетах, особенно в Италии (Болонья, Падуя). Гуманистическое по своему характеру образование и наука существовали главным образом за пределами учебных заведений. В Речи Посполитой сложилось несколько центров меценатства, которые стали и центрами интеллектуальной жизни. Существовали возможности и для развития научных знаний, а их использование зависело от того, насколько осознавалась потребность в их практическом применении.

Привнесенный из Италии латинский гуманизм требовал высокого уровня образования и оставался явлением элитарным. Литературные достижения Дантышека, Кшицкого или Яницкого заслуживают высочайшего признания. В целом это был период подражания образцам извне, усвоения новых эстетических идеалов и шлифовки форм художественного выражения. Одновременно с этим росло влияние шляхты, не склонной, возможно, к умозрительным видам занятий, зато необычайно открытой внешнему миру. Удивительно, почему не получила развития юриспруденция: в Речи Посполитой право было поставлено выше власти короля, хотя его кодификацию так и не удалось завершить. Интерес к праву носил практический характер, но при этом правовая культура оставалась на низком уровне. Решения принимались на основании прецедентов и традиции, а судебная система оставляла желать лучшего. Но, несмотря на это, Речь Посполитая была страной, где любое злоупотребление против права, даже если и оставалось безнаказанным, всегда воспринималось как нечто противоречащее норме. В шляхетской среде существовал своего рода правовой инстинкт, который, правда, не имел эквивалента в сфере юриспруденции.

Шляхта проявляла живой интерес к истории, искала в ней свою генеалогию. Появилось много сочинений, которые были продолжением «Хропик» Длугоша, хотя, может быть, и не столь талантливым. Важными достижениями в историографии стали труды Мацея Меховского «Трактат о двух Сарматиях, Азиатской и Европейской» (1517), Мартина Кромера «О начале и истории польского народа» (1565) и «Польша» (1577). Благодаря этим сочинениям, информация о Польше стала достоянием европейской научной мысли. Такие выдающиеся личности той эпохи, как Бернард Ваповский, Мартин

Большкий и Кшиштоф Варшевицкий — это лишь некоторые имена из целой плеяды историков, — писали о древней или современной истории Польши. Читатель-шляхтич не увлекался историей как наукой, хотя и любил ссылаться на историю и цитировать римские примеры. Критическому исследованию он предпочитал панегирик. А потому историки той эпохи часто сталкивались с проблемами своего рода цензуры, т. е. были вынуждены считаться с общественным мнением и приспосабливаться к требованиям как магнатов-меценатов, так и читателей-шляхтичей.

Важнейшим событием эпохи стала эмансипация польского языка. Это событие представляет интерес еще и потому, что латынь оставалась необходимым элементом обучения и воспитания: латинский язык знали и им активно пользовались, хотя и была заметна устойчивая тенденция к преобразованию всех областей жизни на польский лад. С 1543 г. на польском редактируются акты польского сейма; выдвигаются требования перейти на польский язык в органах городского управления; в том же году была издана «Краткая беседа между тремя лицами — папом, войтом и плебаном» Миколая Рея (1505—1569), где преподносились достоинства польского языка. И с этого момента систематически растет число книг, издававшихся на польском. В первой половине XVI в. латынь безраздельно господствовала в поэзии, но потом пропорции быстро изменились в пользу польского языка. За очень короткий срок он стал основным средством общения во всех областях жизни, делая ненужным употребление латыни в повседневной практике. Но, несмотря на это, как и прежде, на латыни печатались книги, предназначенные не только для читателей-иностранцев; как и прежде, знание латыни считалось необходимым и обязательным. Сегодня сложно оценить, насколько распространенным было знание иностранных языков в Речи Посполитой. Были люди, свободно говорившие на многих языках, но в целом это знание считалось вещью второстепенной. Латынь по-прежнему открывала дверь в мир европейской культуры и дипломатии, давала даже определенное чувство собственного превосходства. Одновременно с этим сила польской культуры и привлекательность шляхетского образа жизни были столь значительными, что изучение польского языка стало считаться чем-то естественным. Об этом свидетельствуют и процессы колонизации.

Первые типографии появились в Кракове еще до 1480 г. Их численность быстро росла, и, что характерно, они создавались даже в очень небольших центрах; на рубеже XVI—XVII столетий их было около двадцати. Читателем как польской, так и латинской книги, серь-

езной или развлекательной по своему характеру, был не только придворный, мещанин или представитель знати, но в первую очередь живущий в деревне шляхтич. В Речи Посполитой не существовало больших центров интеллектуальной жизни, но были условия для того, чтобы художник мог жить в деревне и творить для себя и для представителей своего сословия. В XVI в. это не было результатом или символом провинциализма; напротив, культурная жизнь являлась отражением жизни политической, центр тяжести которой все заметнее перемещался на местный уровень.

Преобладание поэзии над прозой, литературы над наукой принято считать отличительной чертой польского гуманизма. Действительно, именно в поэтических произведениях Яна Кохановского (1530—1584) польский язык достиг высот, позволивших с его помощью наиболее точно передавать мысли и чувства. Величие творений Мастера из Чернолесья (как называли Кохановского) осознавалось уже его современниками. И хотя можно привести имена других великих поэтов эпохи, например Миколая Семп-Шажинского (1550—1581), наибольшее распространение все-таки получили другие литературные жанры: памфлет и манифест, письмо и речь, которые выражали насущные политические потребности шляхты. Публицистика стала специализацией этой страны, и не было темы, которая бы не вызвала интереса. Не умаляя важности таких прозаических творений, как «Польский придворный» (1566) Лукаша Гурницкого, «Квинкункс» (1564) Станислава Ожеховского или «Подлинное изображение жизни достойного человека» (1568) Рея, необходимо признать, что подлинной стихией поляков XVI в. была политика. Политическая жизнь, вовлеченность в общественные дела вдохновляли и формировали спрос на литературную продукцию. В рамках этого течения создавались труды Петра Скарги (1536—1612), начиная с популярных «Житий святых» и заканчивая блистательными и пророческими «Сеймовыми проповедями».

Однако в литературном творчестве сложно провести четкие границы. Величайший труд Анджея Фрыча Моджевского (1503—1572) «О реформе государства» (Краков. 1551), который вызвал резонанс во всей Европе, был не только продуктом смелой мысли автора, но также и весомо прозвучавшим голосом гражданина, который изложил свое видение проблем Речи Посполитой. Моджевский, как и большинство современных ему сторонников «экзекуции прав», стремился к переустройству республики, но выступал за централизацию власти, равенство всех перед законом, независимость от

Рима и религиозное примирение конфессий. И хотя идеи Моджевского позволяют понять, насколько велика была дистанция между идеалом и реальностью Речи Посполитой, поражает интеллектуальная насыщенность жизни, которая позволила этим идеям появиться на свет. Данное справедливо и по отношению к другому гениальному уму эпохи — Николаю Копернику (1473—1543). Его эпохальный труд «Об обращениях небесных сфер» (Нюрнберг, 1543) не возник на пустом месте, в отрыве от реальности тогдашней Речи Посполитой. О том, какое место занимала Польша в Европе того времени, свидетельствует тот факт, что студент Краковской академии, ученый, получивший знания по математике, праву, астрономии в лучших учебных заведениях, смог реализовать свои замыслы, будучи членом капитула во Фромборке. И при этом Коперник активно участвовал в общественной жизни, управлении и судопроизводстве, занимался медицинской практикой и экономикой, выработал принципы денежного обращения и сочинял стихи на латыни. И Моджевский, и Коперник — мещане по происхождению, что свидетельствует о том, сколь велики были возможности продвижения по социальной лестнице в польском обществе XVI в.

Вне сферы политики и парламентской риторики в Речи Посполитой отсутствовали серьезные мотивы, для того чтобы заниматься наукой, но при этом не существовало институционных и нравственных преград для научных занятий, свобода самовыражения и ничем не ограниченная возможность обмена мнениями уже современники признавали как нечто уникальное. В Речи Посполитой не возникло идей или взглядов, которые определили бы направление развития мысли или жизни Европы. Для художников и ученых Речь Посполитая была малопривлекательна: ее идеалы религиозной терпимости и свободы не находили понимания. Опыт массового участия в общественной и политической жизни и подчинение государства гражданам — явления настолько самобытные, что они не могли оказать какого-либо влияния на внешний мир. Многие, однако, охотно пользовались практической гарантией принципов веротерпимости и свободы, и потому в XVI столетии в страну приезжали в поисках убежища католики и протестанты со всей Европы. Здесь они находили приют и пропитание, а часто и возможность провозглашать свои наиболее радикальные взгляды. Правда, не обрести достаточно плодотворной почвы для своей деятельности: радикальные идеи и проекты не получали широкого одобрения — казалось, что в мире свободных людей они просто умирают.

Речь Посполитая не была страной, где делались изобретения и развивались науки, но она активно пользовалась всеми европейскими достижениями. Высокого, сопоставимого с европейским уровнем достигла артиллерия, особенно благодаря усилиям Сигизмунда Августа. Уже в 1514 г. под Оршей именно артиллерия сыграла решающую роль, а в 1531 г. под Обертыном три четверти польских пехотинцев имели огнестрельное оружие. Военная мощь Речи Посполитой была сопоставима с другими странами (например, с Францией), а боеготовность пашмшой армии очень высока. Сравнение военных техник не имеет смысла, поскольку иным был способ ведения боевых действий. Татарское влияние и, возможно, структура польского общества обусловили преобладание в войске XVI в. конницы, совершавшей стремительные и массированные атаки. Высоким уровнем отличались военная тактика, умение сочетать различные виды войск и использовать условия местности. Раннее появление и широкое использование печатного дела свидетельствуют не только об уровне культуры и потребностях общества, но и о развитии технической мысли.

Солонные копи в Величке поражали уровнем организации. Но при этом не придавалось особого значения освоению навыков навигации; даже жители Гданьска не строили собственного флота. В то же время популярность завозили механические часы и измерение времени; быстро была проведена григорианская реформа календаря (1582).

В Короне быстро и самобытно усваивались различные направления гуманитарной и технической мысли, развивались литература и наука, чего не скажешь об изобразительном искусстве. Организационные и финансовые усилия шляхты и магнатов, а также монархов были направлены главным образом на обустройство пространства: золотой век строительства начался уже во времена Сигизмунда I и продолжался очень долго. Быстро распространился новый стиль в архитектуре. Не только внутренний дворик замка на Вавеле и часовня Сигизмунда, но и десятки замков, дворов и мещанских домов возводились по-итальянскому образцу, а итальянские строители и скульпторы находили в Польше постоянную работу. В то же время не сложилось сильных центров живописи; не было и значительного импорта живописных произведений. Исключение составляли богато расшитые ткани из Нидерландов и Франции, которые использовались для декорирования стен; со временем их все чаще стали привозить из стран Востока. Сложно оценить, каким был импорт европейских произведений искусства: разрушения и военные грабежи нанесли Речи Посполитой невосполнимый ущерб. Но можно предположить, что ес-

ли высокие доходы землевладельцев позволяли им строить или перестраивать свои резиденции в новом, ренессансном стиле, то внутреннее убранство все-таки соответствовало местным традициям.

Часто отмечают, сколь много знаменитых поляков принимали участие в культурной жизни эпохи, особенно в первой половине XVI в. В этом нет ничего удивительного. Ведь Польша, приглашая на свой трон короля из Франции, выражала тем самым открытость внешнему миру. Но, возможно, также и чрезмерную уверенность в своих силах. Откуда взялась эта уверенность, чувство собственного превосходства, осознание равноценности своей позиции по отношению к странам Запада? Мало сказать, что шляхта создала свой мир, который отрицал реальность и ставил Речь Посполитую в центр *universum*. Гораздо правильнее признать, что шляхта создала собственную, совершенно оригинальную культуру, активно используя чужие образцы. В этой культуре сочетались западное (точнее, итальянское) вдохновение и местная традиция, которая крепла по мере того, как возрастал материальный достаток шляхты. Мода на античность отвечала стремлению шляхетского сословия придать блеск своему происхождению; римские примеры служили не столько образцом, сколько своеобразным украшением для формирующейся политической системы. Гуманизм новой культуры заключался, без сомнения, в ее духе, открытости, уважении к правам человека, в интересе к внешнему миру и обращении к классическим образцам. «Польское», в свою очередь, означало нечто большее, чем только «свое», «родное», чем простое продолжение начатых в эпоху Пястов процессов; это наиболее заметно проявлялось в сфере самосознания, в убеждении, что независимо от этнического происхождения и вероисповедания все благороднорожденные образуют сословие польской шляхты.

Традиционно говорится о Речи Посполитой как о «государстве без костров», что подчеркивает ее уникальность, отсутствие острых конфликтов на религиозной почве. Гораздо справедливее было бы говорить об «обществе без костров», потому что гарантом веротерпимости выступало не государство, а убеждения шляхетского сословия. Религиозные различия, которые дали о себе знать в XVI в., долгое время проблем не создавали. Не совсем верно также говорить о польской веротерпимости: проблема намного сложнее.

Поликонфессиональность, как об этом будет сказано ниже, имела для судеб Речи Посполитой принципиальное значение. Государство и шляхта терпимо относились к иным вероисповедным группам и

мирились с их существованием. Среди них были православные и иудеи, а также проживавшие в ряде регионов Литвы мусульмане. Процессы колонизации на украинско-белорусских землях сопровождались в значительной степени принятием католицизма. Это справедливо в первую очередь по отношению к тем слоям общества, которые стремились перейти в шляхетское сословие. В XVI в. появились протестанты. О Реформации и проблеме иноверцев в Польше стоит сказать отдельно.

Эхо выступлений Лютера и религиозные «новшества» быстро достигли Польши благодаря немецкому населению городов и молодежи, обучавшейся в немецких университетах. Лютеранство получает распространение уже после 1520 г., а в 1522 г. издается королевский эдикт, направленный против реформирования костелов. После 1540 г. популярность завоевывает кальвинизм, в первую очередь в шляхетской среде. Наиболее широкое распространение кальвинизм получил в Литве, где он пользовался покровительством могущественного рода Радзивиллов. Переходя в протестантизм, шляхта переделяла католические церкви в протестантские, а местное население фактически не могло выбирать вероисповедание. Быстрое распространение реформации только отчасти было связано с кризисом религиозных убеждений. Гораздо чаще от католицизма отворачивались по причине его глубочайшего упадка, а распространение идей гуманизма еще более обнажило низкий уровень культуры католического клира. Высшее духовенство вело светский образ жизни, с небрежением относясь к своим церковным обязанностям. Шляхта неодобрительно смотрела на налоговые льготы католической церкви. Всем вероисповеданиям в начале XVI в. был присущ антиклерикализм; многие представители епископата, бывшие в большей степени гуманистами и политиками, чем духовными лицами, способствовали своим образом жизни и взглядами распространению протестантских тенденций. Шляхетская реформация, в свою очередь, была явлением поверхностным, не имела под собой серьезного теологического фундамента. И именно это считается причиной того, почему многие представители шляхты возвращались в лоно католицизма. На общеевропейском фоне была особенно удивительной незначительная эмоциональная вовлеченность в религиозные дела, в Польше отсутствовала открытая религиозная конфронтация. Реформация была тесно связана с движением, выступавшим за «экзекуцию прав», для которого сотрудничество с католиками было вещью нормальной. Такие протестанты, как Рафал Лещинский, Иероним Оссолинский или

Миколай Сеницкий, были в середине XVI в. предводителями посольской избы, выступавшей за реформирование Речи Посполитой. Они боролись и за создание независимой от Рима национальной церкви. Протестанты-эзекуционисты выступали против магнатов или сторонников сильной королевской власти, но не католиков как таковых. Шляхта защищала Речь Посполитую, а в ней — свое право на религиозную свободу; свобода же как высшая ценность принималась всеми. Поэтому не исполнялись королевские эдикты (например, 1551 г.), и шляхта всех религиозных ориентаций поддержала в 1563—1565 гг. отмену права церковных судов принимать решения по светским делам. Католики выступали категорически против преследований на религиозной почве, понимая, что если начать с плебеев, то дело скоро дойдет и до шляхты. Поэтому продолжались ожесточенные дискуссии, доходило даже до острого противостояния, но религия так и не стала ареной насильственной борьбы. Общее дело, каким было государство, в достаточной степени поглощало внимание шляхты: ее материальное положение, в свою очередь, не способствовало распространению радикальных настроений. Необходимо также отметить, что реформация шла «снизу». Власть ей не противодействовала, но также не могла воспользоваться ею в своих интересах. Речь Посполитая осуществила секуляризацию Тевтонского ордена и заключила вечный мир с Турцией; принимала наиболее радикально настроенные диссидентские группы и обеспечивала сосуществование всем шестым вероисповеданиям. Отсутствие преследований за веру могло шокировать современников, но для польской шляхты это было поводом гордиться и чувствовать собственное превосходство.

Иначе выглядела Реформация в городах, где к лютеранству тяготело мещанство немецкого происхождения, особенно многочисленное на северных и западных землях Короны. Если для шляхты реформация была в первую очередь интеллектуальным и политическим течением, то для мещанства она имела более глубокий, религиозный характер. Протестантские теологи были преимущественно мещанами по происхождению. Поскольку отсутствовали преследования на религиозной почве, то не было и причин для объединения или сотрудничества представителей различных протестантских конфессий. Заключенное в 1570 г. в Сапдомире соглашение кальвинистов, лютеран и «чешских братьев» носило оборонительный характер и было нацелено против Контрреформации. Без сомнения, самым значительным успехом польских протестантов стал акт Варшавской конфедерации (1573), гарантировавший религиозный мир в Речи

Посполитой. Шляхта была заинтересована в том, чтобы религиозные споры не привели к гражданской войне. Постановление конфедерации о религиозном мире вошло в состав Генриковых артикулов и было скреплено королевской присягой, став одним из элементов государственного строя. Однако сфера его использования зависела от реального расклада политических сил: уже во времена Батория и особенно Сигизмунда III католики пользовались очевидной поддержкой королевской власти, а протестанты дискриминировались.

Особым феноменом польской Реформации стали «польские братья», обычно называемые арианами (течение, выделившееся из кальвинизма в 1562 г.). Некоторые из их представителей проповедовали наиболее радикальный антитринитаризм⁵ и идеи социального эгалитаризма. Ариане составляли не очень большую, но динамичную религиозную общину, известную своими школами и типографиями (Раков). Только «польским братьям» удалось внести нечто оригинальное в религиозные дискуссии Европы. Также им, по всей видимости, обязана Речь Посполитая прославлением своей веротерпимости. То, насколько ограниченной она была на практике, может свидетельствовать не только умолчание об арианах в Сандомирском соглашении, но и факт, что большую часть своих сочинений они были вынуждены печатать в Голландии.

Все это, в свою очередь, определяло направления реформ в Римско-католической церкви. Протестантизм оказал незначительное влияние на формирование польской религиозности; значительно сильнее было влияние посттридентской реформы. Процесс становления польского католицизма, специфики менталитета и того, как «переживалась» вера, продолжался довольно долго. Декреты Тридентского собора, принятые королем в 1564 г., стали воплощаться в жизнь только после провинциального синода 1577 г., и этот процесс продолжался еще в XVIII в. Протестантская Реформация и католическая Контрреформация влияли на изменение шляхетского самосознания. Католики и протестанты пользовались одним и тем же языком, боролись за аналогичные права, одинаково использовали свое привилегированное положение. Однако у католицизма, как показало время, способность консолидировать общество оказалась сильнее.

На смену поколению равнодушных к религиозным проблемам епископов на рубеже XVI—XVII вв. пришли люди не менее вовлеченные в политику и государственные дела, но уже с иным стилем деятельности. Их предшественником можно считать епископа Вармии кардинала Станислава Гозия (1504—1579), автора «Христианского ис-

издания католической веры» (*«Confessio fidei catholicae Christianae»* (1555, 1557)). Это изложение католического вероучения выдержало более 30 изданий, переводилось на множество языков. Имелло Гозий в 1564 г. пригласил в Польшу иезуитов, оказавших значительное влияние на религиозную жизнь и культуру следующего столетия. Католическая реформа, или контрреформа, не сводилась только к усилению церковной дисциплины, преодолению сопротивления духовенства и землевладельцев, но включала и идущие снизу процессы, в которых активно участие принимали капитулы. Ее составной частью можно считать публицистику Кромера и Ожеховского, поэзию Кохановского и Стржебского, прекрасный перевод Библии Якуба Вуека (1599).

Иначе складывались отношения с православием. С усилением процессов колонизации имущие слои православного населения переходили в кальвинизм или католицизм. На присоединении православной церкви настаивал Рим; эта идея общественных предположек не имела. В 1596 г. в Бресте был заключен акт унии и возникла униатская церковь, которая сохраняла греческий обряд, но признавала верховную власть папы. Заключение унии привело к серьезным конфликтам, поводом для которых, среди прочего, стало неисполнение ряда политических условий: униатские епископы, например, не получили обещанных им мест в сенате. В 1635 г. под давлением шляхты православная церковь была восстановлена в своих правах, но к социальным конфликтам на Украине добавились еще и религиозные мотивы. Все это тяжело сказалось на судьбах Польши и Украины.

Существовал и другой идеальный образ Польши, воплощенный в мысли Моджевского. Созданный им идеал опирался на эразмианские, примирительные и национальные идеи, был нацелен на поиск религиозного компромисса скорее в сфере морали, чем догматики. Этот идеал, однако, оказался непривлекательным для шляхетского большинства. Польша эпохи Нового времени, гуманистическая, интегрированная в шляхетской Речи Посполитой, из эпохи религиозных и политических бурь вынесла осознание приоритета идеала свободы. Это гарантировало широкую сферу религиозных свобод для лиц не шляхетского происхождения, давало различным церквям достаточно большую автономию. Но шляхта уже в конце XVI в. сплотилась вокруг католицизма.

На пороге «золотого века» Речь Посполитая казалась государством заурядным, которое ничем не отличалось от европейских соседей. На протяжении неполных ста лет здесь репались те же, что и

в Европе, проблемы, но репались совершенно иным образом. Об этих различиях или, скорее о том, что выделяло Речь Посполитую в тогдашнем мире, речь пойдет далее. Необходимо лишь подчеркнуть, что в Европе Нового времени нашлось место и для Польши, хотя спор об этом продолжается до сих пор. Суть спора в том, является ли Польша частью Европы и каково ее положение по отношению к Западу. Расходятся исследователи и в оценках тогдашнего выбора Речи Посполитой.

Земли Короны по многим параметрам соответствовали европейским стандартам. Поляки той эпохи во многом были схожи с европейцами. Италия и Европа на пороге Нового времени были для них образцом, но на рубеже XVI—XVII вв. безоговорочный триумф одержала привязанность к «самобытному», «польскому». Европа была близко, между ней и Польшей не пролегал никаких границ, но она перестала быть системой, с которой соотносила себя Речь Посполитая. Можно ли согласиться с тезисом о том, что Польша XVI столетия была европейской периферией? Длинный перечень ее недугов охватывает прежде всего сферы государственного устройства и экономики. Однако то, что страна выбрала отличный от других обществ путь развития, не означает, что этот путь был неправильным.

Примечания

¹ Закон об *incompatibilia* (от лат. *incompatibilis* — несовместимый) запрещал объединять в одних руках одновременно несколько государственных должностей и постов (например, старосты и каштеляна).

² «Экзекуция прав» — программа реформ Речи Посполитой, выдвинутая главным образом представителями средней шляхты, которые требовали от короля соблюдения существовавших правовых установлений и проведения реформы государственного управления.

³ *Фольварк* (от нем. *volwerk*) — хутор. Крупное хозяйство товарного характера. Основой шляхетского фольварка была барщина.

⁴ Имеется в виду участие Речи Посполитой в Ливонской войне, которую Русское государство вело в 1558—1583 гг.

⁵ Течение христианской мысли, отрицавшее один из основных догматов христианства — догмат о Святой Троице.

VII. Основы свободы

Общество в Речи Посполитой строилось по сословному принципу, шляхта и духовенство находились в привилегированном положении. Большая часть населения (мещане и крестьяне) имела ограниченные личные свободы и совершенно не обладала гражданскими правами. Имущественное неравенство существовало и внутри привилегированного сословия, но формально все его представители были между собой равны. Это же можно сказать и о представителях низших сословий, поскольку зависимое население не превратилось в подневольное.

Отождествление шляхетского сословия с Речью Посполитой привело к тому, что государство гарантировало как собственность на землю, так и способ распоряжения землей. Шляхтич был наследным владельцем своих имений и господином живущих там крестьян. Эта двоякая роль получила наиболее полное выражение в распространении фольварка — формы хозяйства, которое создавалось и велось на средства землевладельца в рамках его имения. Земельные владения были разными. Огромные вотчины магнатов (это касалось также церковных и королевских владений) могли состоять из сотни деревень, но не в каждой из них существовал фольварк. Его создание зависело от ряда обстоятельств. В богатой и густонаселенной Великой Польше вотчина состояла из десятка или более деревень, в то время как на Украине такое имение считалось довольно скромным. На протяжении последующих столетий эти различия все более углублялись. Уже в XVI в. хозяйство мелкопоместной шляхты ничем не отличалось от крестьянского, а в XVIII в. безземельная шляхта превратилась в серьезную социальную и политическую проблему. Преобладало, однако, шляхетское имение в одну деревню, в которой создавался один фольварк. Во владениях, состоявших из нескольких деревень, поначалу также было одно фольварочное хозяйство, и лишь в XVII столетии их могло быть больше.

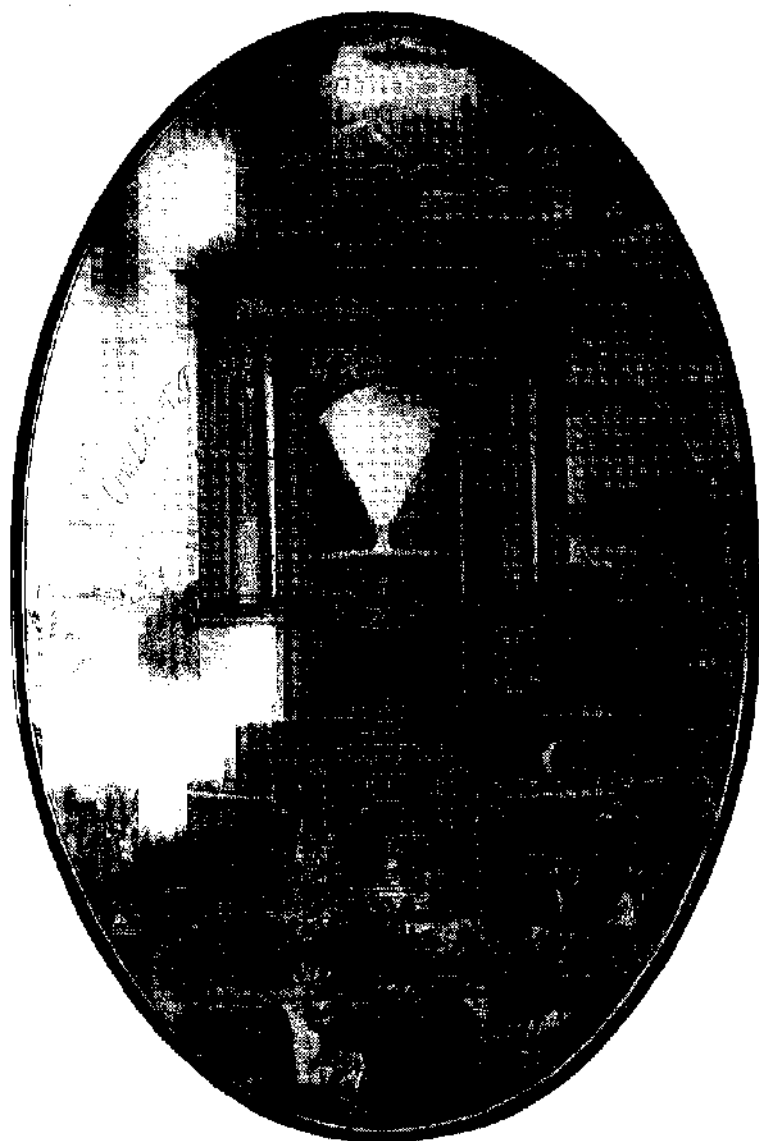
Когда происходил раздел имущества внутри семьи, возникали небольшие имения. Концентрация крупных владений в руках нескольких десятков семей привела к расколу шляхетского сословия, хотя принцип равенства между собой всех рожденных в благородном сословии сохранялся еще очень долго. И только Конституция от 3 мая 1791 г. лишила безземельную шляхту-голоту политических прав.

Фольварк был главным образом шляхетским. Во владениях магнатов и епископов, а также в королевских землях фольварками управляли арендаторы из числа заслуживающих доверия людей, реже — наемные администраторы. Они были преимущественно шляхтичами, а с землевладельцем их связывала «служба». Магнаты — как назывались крупные землевладельцы — создавали себе клиентуру, в числе которой с середины XVII в. все больше было представителей обедневшей шляхты. Практика установления личных связей с магнатами встречала всеобщее одобрение и даже приветствовалась, в то время как шляхтич, который получал в держание королевские имущества, не ощущал личной связи с монархом. Шляхта стремилась к монополизации права на земельную собственность: мещанам в Короне запрещалось приобретать земельные владения (1496, 1538, 1611), иногда шляхта даже настаивала на их принудительной продаже. Но в Королевской Пруссии в результате разделов владений Тевтонского ордена наряду с королевскими и магнатскими владениями большие земельные комплексы оказались в распоряжении таких городов, как Гданьск, Торунь, Тчев. Закон 1635 г. оставил право наследственного владения землей только за рыцарским сословием, но, пока экономическая конъюнктура была благоприятной, налагавшиеся на другие сословия ограничения соблюдались не очень строго.

Основой фольварочного хозяйства был принудительный труд: земля обрабатывалась крестьянами данной деревни. На смену нагу-

Изаак ван ден Блок. Апофеоз гданьской торговли.

Живописный плафон ратуши гданьского Главного Города напоминает о значении гданьской торговли в истории Польши. Экспорт зерна, которое перевозилось по Висле в Гданьск, а оттуда по морю в Нидерланды и Англию, способствовал расцвету этого торгового города. Гданьск стал не только богатейшим городом Речи Посполитой, но и тем центром, откуда на земли Короны и Литвы попадали образцы северного Ренессанса и барокко, прежде всего нидерландского. Об этом свидетельствуют архитектура гданьских зданий и костюмы горожан, столь отличные от «сарматских» одежда изображенного на плафоне польского шляхтича («бьет по рукам» с местным купцом). На триумфальной арке помещена панорама города, благословляемого рукой Всевышнего.

ральной и денежной ренге в XVI в. припили отработки. Они получили название барщины — обязанность бесплатной работы на полях и в фольварочной усадьбе хозяина деревни. Размер этих повинностей зависел от величины крестьянского земельного надела: на протяжении XVI столетия сложилась практика определения количества повинностей по числу рабочих дней в неделю. Новая форма ведения хозяйства, эффективно увеличивая доходы господ, повлекла за собой со временем увеличение налагавшихся на подданных повинностей. Доходы владельцев фольварков росли главным образом за счет расширения площади обрабатываемой земли, что опять-таки увеличивало барщинные отработки. В начале века норма барщины была дифференцированной, однако не превышала одного дня в неделю с лана земли (около 17 га). В 1520 г. эта норма была установлена как минимальная, а в течение столетия она выросла в три раза. В XVII в. для польского крестьянина-кмета, хозяйство которого зачастую было уже меньше лана, барщина составляла четыре-пять дней в неделю.

Столь существенный рост податей был невозможен без ограничения личной свободы крестьян. На протяжении XVI в. значительная часть крестьян вновь превратилась в лично зависимое население. После того как было ограничено право ухода из деревни законами 1518—1520 гг., возникли предпосылки для полного подчинения крестьянства. Королевские суды перестали рассматривать споры между крестьянами и землевладельцами. Барщинную отработку признали обязательной. Со временем сложилось убеждение, что барщина есть результат личной зависимости. Но это убеждение не стало общим правилом, и продолжали существовать группы лично свободных крестьян, не отработывавших барщину. Впрочем, шляхта, заботясь о собственных свободах, не смогла обеспечить эффективного выполнения установленных ею же норм. Крестьяне устраивали побеги и с легкостью находили для себя место в других фольварках. Колонизация (особенно освоение земель Приднепровья) также давала возможность сохранить личную свободу.

В XVI столетии по-прежнему преобладали большие (размером в лан и более) крестьянские наделы. Фольварк нуждался в сильных крестьянских хозяйствах, поскольку только они могли содержать достаточное для выполнения барщины количество инвентаря и тяглового скота. Стремясь расширить фольварочные угодья, землевладельцы предпочитали не лишать крестьян земли; гораздо чаще они шли на невыгодные для крестьян укрупнения земельных участков или их замену. Основным и безусловно невыгодным для деревни способом увели-

чения фольварочных земель было корчевание леса и запашка находившихся в совместном пользовании лугов. Подобным образом поступали и крестьяне, также стремившиеся увеличить размеры своего хозяйства. Земля без крестьян большой ценности не представляла.

Возникновение фольварков было попыткой найти средства для сохранения и поддержания определенного материального статуса. В этом шляхте помогала сохранявшаяся на протяжении всего XVI в. благоприятная конъюнктура на сельскохозяйственные продукты. Предпочтение было отдано барщине, видимо, потому, что для работы на фольварке сложно было найти достаточное количество свободных рабочих рук.

Массовая экономическая деятельность свидетельствует о существовании рынка. Крестьяне первыми поняли, что зерно выгоднее продавать. Распространение фольварков с использованием барщинного труда позволяло «перехватить» у крестьян эти доходы. Землевладельцы считали, что это принесет им большую выгоду, чем увеличение денежных или натуральных повинностей. Доходы от фольварочного хозяйства значительно возрастали, когда зерно продавалось непосредственно в Гданьске. Зерно переправлялось по Висле; это могли себе позволить прежде всего большие имения, которые могли нести на себя расходы по налаживанию транспортного сообщения. Суды для перевозки зерна строили из собственного дерева; часто после сплава их также продавали в Гданьске. Зерно, выращенное на фольварках близ Гданьска, осенью попадало в зернохранилища таких центров, как Казимеж-Дольцы, Влоцлавек, Быдгощ или Грудзёндз. Ранней весной специально обученные рабочие начинали сплав. Чтобы не платить налогов, транспорт часто оформляли как собственность шляхтича. Жители Гданьска, в свою очередь, старались не допустить непосредственных контактов между иностранными купцами и складами, где хранилось зерно, и зачастую вносили задаток за транспорт. Сам город в XVI—XVII вв. был значительным потребителем зерна. Вывоз через Гданьск систематически возрастал и на протяжении XVI столетия увеличился с 10 до более чем 50 тыс. лаштов¹ в год; в первой половине XVII в. экспорт зерна был еще больше. В рекордном 1618 году из Гданьска было вывезено свыше 115 тыс. лаштов (около 140 тыс. тонн). По мере увеличения экспорта расширялась и территория, связанная с Гданьском экономическими связями.

Фольварочное хозяйство оказалось особенно привлекательным именно там, где ощущалось влияние европейской конъюнктуры, одним из проводников которой выступал Гданьск. Уменьшение возмож-

постей сплава зерна могло сделать фольварк менее привлекательным. И все же роль гданьской торговли в становлении фольварочного хозяйства не следует переоценивать. В соседней Королевской Пруссии, где численность земледельцев была велика, в фольварках, наряду с барщиной или вместо нее, зачастую использовалась наемная рабочая сила. Со временем фольварочное хозяйство возникало и там, откуда вывоз зерна за границу был вообще невозможен.

На протяжении XVI в. принципиальным образом изменились пропорции экспорта из польских и литовских земель; можно также говорить о том, что изменялась сама структура экспорта. В XVI столетии большую роль продолжали играть товары лесного хозяйства, но в балтийской торговле они существенно уступали зерну. Постоянное улучшение конъюнктуры для продуктов сельского хозяйства было, среди прочего, обусловлено развитием городов и притоком драгоценных металлов в Европу из-за океана. Эти процессы еще раньше начались в Западной Европе и распространились далеко на восток от Вислы.

Со временем крепки связи между развивающимися центрами Европы и сельскохозяйственными районами балтийского региона, хотя значение этих связей не всегда было очевидно для современников. Доставка зерна из Гданьска означала для Нидерландов и ряда других стран независимость от колебаний их собственных урожаев. Спрос на сельскохозяйственную и лесную продукцию был выше, чем на товары европейского ремесленного производства: Речь Посполитая, располагая все большими средствами, не хотела или не могла тратить их только на эти товары. В балтийской торговле XVI в. ведущую роль играли голландцы; роль ганзейцев ослабла; англичане как в XVI, так и в XVII столетии оставались на втором плане. Нет сомнений в том, что по крайней мере до середины XVII в. для всех участников балтийской торговли она была выгодной. В порт Гданьска ежегодно заходили сотни судов, которые доставляли разнообразные ремесленные товары и предметы роскоши и оставляли постоянно возраставшее количество наличных денег. Приток серебра не ослабевал на протяжении первой половины XVII столетия.

Зерно из Короны экспортировалось также по рекам Варта и Одер, но эти транспортные артерии не имели большого значения. То же самое можно сказать и об экспорте из Литвы по Неману и Двине. И тем не менее эта торговля также влияла на расширение фольварочных хозяйств. Нельзя сбрасывать со счета и влияние большой торговли по оси восток — запад. Наряду с экспортом пушнины из Литвы самое большое значение имела торговля волами, стада которых перегоня-

ались с земель Галицкой Руси, Волыни и Молдавии в Силезию и далее в Европу. С Запада импортировалось большое число различных ремесленных товаров (а также пряностей), но торговый баланс оставался для Польши положительным. Поскольку в целом оценить торговый баланс довольно сложно, можно лишь подчеркнуть возрастающую привлекательность экономической активности в области сельского хозяйства. Увеличение притока денег, хотя и вызывавшее инфляцию, оживляло внутренний рынок, что способствовало заметному росту богатства.

Поэтому если что-то и волновало государственных мужей, то это размеры доходов, которые приходились на долю посредников — жителей Гданьска и голландцев. Но даже это не привело к далеко идущим переменам в налоговой или морской политике. Спрос на зерно постоянно рос, а потому нег ничего удивительного в том, что к нему стали относиться как к чему-то естественному. Морализирование по поводу чрезмерного потребления предметов роскоши стало неким ритуалом. Но спрос на предметы роскоши не влиял напрямую на производство сельскохозяйственной продукции. Фольварк действительно получил широкое распространение, но в середине XVI в. вывоз зерна из Короны по морю не превышал 10% урожая; это было намного меньше того, что потребляли польские города.

Анализ экономического развития позволяет сделать следующий вывод: производство зерна в Речи Посполитой (и не только в фольварочных хозяйствах) росло за счет увеличения площади обрабатываемых земель. В данных условиях было невозможно превысить достигнутый уровень урожайности (сам-пять — сам-семь). Производство зерновых было настолько велико, что позволяло постоянно увеличивать их экспорт. Одновременно с этим спрос в Гданьске постоянно превышал предложение. Судя по всему, на развитие фольварка, сплавы и экспорта зерна помимо внутреннего рынка влияли транспортные возможности. Вторым фактором, обусловившим уровень производства и объем торговли, была численность крестьянского населения. Слишком низкий естественный прирост этой социальной группы ограничивал возможность расширения площадей обрабатывавшихся земель.

В конце XVI в. ситуация осложнилась. После 1580 г. изменилась тенденция движения цен; в Европе стали дешевле продукты, а это, в свою очередь, привело к снижению цен в Гданьске. Одновременно вырос экспорт, словно на падение цен польский рынок отреагировал увеличением поставок. Напрашивается вывод, что этот механизм

приводился в действие не экономическим расчетом, а лишь стремлением шляхты удовлетворять собственные потребности: когда были нужны деньги, старались заполучить побольше земли, зерна, побольше вывезти или продать; когда условия сбыта менялись, возрастало предложение. Вплоть до середины XVII в. торговый баланс Гданьска оставался очень прибыльным, сбыт польского зерна постоянно возрастал, несмотря на появление конкуренции со стороны России. Голландцы, как и прежде, вкладывали в балтийскую торговлю огромные деньги. Но в худшую сторону изменилось соотношение вывозимых и ввозимых в Польшу товаров.

Изучение материалов, касающихся ссыла на Висле и экспорта через гданьский порт позволяет сделать вывод о том, что до середины XVII столетия сельскохозяйственное производство Речи Посполитой не было подчинено исключительно потребностям Европы. Существовавшие экономические связи нельзя сравнивать с ситуацией, которая в это время сложилась в Америке в результате культивирования сахарной монокультуры. Цены на продукцию земледелия в Коропе реагировали на колебания цен в Амстердаме. Польские производители зерна понимали, что они кормят Европу. Но Речь Посполитая не была интегрирована в европейскую экономику по принципу подчинения внешним потребностям. Шляхетский фольварк максимально использовал барщинную повинность, что было единственным способом увеличить объем предназначенной на продажу продукции. Различными были мотивы, которые склоняли шляхту увеличивать объем поступавшего на рынок зерна. И здесь правомерен вопрос: почему для этих целей землевладельцы обращались к экстенсивным методам ведения хозяйства? Чтобы улучшить унавоженность почвы, нужно было увеличить поголовье скота; следовательно, требовалось либо увеличивать затраты труда, либо расширять крестьянское хозяйство. Между тем людских ресурсов было слишком мало, а в сильных крестьянских хозяйствах шляхта видела своих конкурентов. Аналогичные соображения не создавали стимулов для развития сельскохозяйственных орудий труда.

В XVII в. сократилось число людей, работавших по пайму; вместо челяди в имения приходили работать барщинные крестьяне. Чтобы сэкономить, шляхта сокращала объем внутреннего потребления, ограничивала животноводство, а также пыталась вытеснить с местного рынка конкурирующую продукцию крестьянских хозяйств. Сокращалась окупаемость вывоза продукции через Гданьский порт, но экспорт оставался на высоком уровне вплоть до военной разрухи се-

родины столетия. Считается, что истощение земли и спад урожайности стали результатом экстенсивных методов ведения хозяйства. Но для землевладельцев выгоды от принятой системы хозяйствования оставались неоспоримыми, а негативные последствия экстенсивного сельского хозяйства для городов, ремесленного производства и внутреннего обращения еще только намечались.

В XVI в. положение крестьян было вполне благополучным. Группа богатых крестьян, воспользовавшись благоприятной конъюнктурой, могла даже расширить собственные земельные наделы. Несмотря на то что повинности в пользу фольварка росли, крестьянских выступлений в Короне не было. По всей видимости, эксплуатация не была чрезмерной и возможность побегов была достаточно велика. До конца XVI в. крестьяне могли уравновесить наложенные на них тяготы трудом на собственном земельном наделе. Еще в начале XVII в. сохранялись связи с городским рынком, что обеспечивало им относительно благополучное существование. Ситуация кардинально изменилась лишь после разорений в результате шведских войн во второй половине столетия. Иначе дело обстояло на землях Украины и Подолии, где рост повинностей в пользу землевладельца крестьяне не могли компенсировать, сбывая продукцию своего хозяйства на местном рынке.

Процессы так называемого вторичного закрепощения крестьян, а также их дальнейшая эволюция позволяют предположить, что в XVI в. торговые связи с Европой превратили Корону в европейскую периферию. Действительно, шляхта скорее предпочитала приобретать изделия ремесла или предметы роскоши из стран Западной Европы (чаще всего через Гданьск), чем поддерживать местное ремесленное производство, руководствуясь, однако, в первую очередь соображениями моды и цены, а также следуя моде. Импорт товаров с Юга и Юго-Востока, во всех отношениях убыточный, был также важен для шляхты, и со временем все более соответствовал ее модным пристрастиям. Это, однако, не привело к зависимости Речи Посполитой от Леванта.

Стоит задуматься над следующим: что было основным стимулом развития промышленной цивилизации? И что в Речи Посполитой могло этому препятствовать? Почему шляхетское сословие выбрало не иной путь развития? Можно ли богатство страны считать фактором, который лишал шляхту стимула вкладывать инвестиции в развитие производства? Богатство не стало необходимым стимулом для развития новых технологий или форм организации труда. До середины XVII в. экономика в Короне ограничивалась лишь производством ориентированной на экспорт зерновой монокультуры, которое было

основано на принудительном труде. Зависимость от Западной Европы сформировалась позднее, вероятно, уже в начале XVIII столетия.

Шляхта предпринимала шаги, чтобы укрепить свои экономические позиции по отношению к другим сословиям. Экономически привилегированное положение шляхты, фактически монополизировавшей наиболее прибыльные сферы торговли, не облегчало жизни городов. И все же, хотя большинство городов были скорее похожи на деревни, во многих из них наметились признаки стремительного развития. Расширялись торговые отношения с другими странами, по-прежнему активно развивалось ремесленное производство. Иностранные купцы и предприниматели вкладывали в XVI в. деньги в торговую и добывающие отрасли. Развивались кредитные отношения. Конечно же, мир большого предпринимательства в XVI столетии оставался для жителей Речи Посполитой чуждым. Это, однако, не вызвало у них ни страхов, ни комплексов. Шляхта, заботясь о собственных интересах, запретила торговцам выезжать за границу с товаром (1565). Но это не было репрессивной мерой по отношению к мещанству. И только после поражений середины XVII в. наступило ослабление связей между городом и деревней, а за этим последовали попытки переложить на плечи мещанства издержки ухудшавшейся экономической конъюнктуры.

Речь Посполитая в XVI столетии была страной состоятельных людей, а правовая и имущественная дифференциация не вызвала паунизации. Это справедливо и по отношению к крестьянству. Удивительно при этом, что в XVI в. маргинальная прослойка общества оставалась довольно узкой; кроме Прикарпатья, разбойные нападения были явлением весьма редким, бродяг было мало, нищие не представляли серьезной социальной проблемы. Мы не пытаемся представить Речь Посполитую идиллической страной: просто сам уровень жизни, а также социальные отношения не соответствовали представлениям об отсталой периферии. Речь Посполитая уже вступила на путь развития, отличный от того, по которому пошел Запад. Этот путь, однако, не был предопределен и не должен был с неизбежностью привести к формированию экономической зависимости от Запада. Сделанный в XVI столетии выбор в сфере экономики и государственного устройства повлиял со всей определенностью на судьбы Речи Посполитой в последующие два столетия. Но это были не единственные детерминанты, и они проистекали не только из торговых отношений с Западом.

Ключевое значение имел торговый баланс, который предположительно вплоть до середины XVII в. был положительным. Как распреде-

полученные излишки? Весьма непросто теперь установить, какова была их польза для Речи Посполитой. С 1496 г. шляхта была освобождена от таможенных пошлин. Пошлины на Висле взимались 1500 г. под Влоцлавеком, с а 1579 г. — на реке Ногат под Белой Горой, однако большая часть сплаваемого зерна не облагалась никакими пошлинами. И только Густав Адольф, захватив в 1626 г. устье Вислы, ввел суровые пошлины, которые взимал вплоть до 1635 г. При установленных для войны со Швецией подати шляхта должна была платить в очень невыгодной ситуации, но и этот опыт не изменил позиции шляхты в вопросе таможенного налогообложения. В 1641 г. сейм не решился поддержать короля в его борьбе за сохранение пошлины от экспорта через Гданьск в размере 4,5%, установленной на два года договором о перемирии в Штумдорфе. Сопротивление Гданьска было поддержано Данией, Голландией и Францией, которые были готовы использовать силу. Сеймовым же послам страх перед усилением позиций короля заслонял их собственные выгоды.

Шляхта уже в те времена активно использовала принципы хозяйственной калькуляции и вела счета, а потому равнодушие к проблеме взимания таможенных пошлин для казны имеет под собой другие, неэкономические причины. Дело, вероятно, в том, что даже при всей величайшей опасности шляхта не думала, что государство откажется в столь существенных средствах. Знать считала собственное положение настолько благоприятным, что не видела необходимости какого-либо улучшения существующей политической системы. Уставшая в XVII в. от проведения реформ, которые могли усилить королевскую власть, шляхта не проявила должного интереса к политическим повешествам и новым интеллектуальным тенденциям. Это состояние самодовольства не способствовало формированию инновационных подходов. Распространение в шляхетской среде настроения самоуспокоенности не объясняет политической эволюции Речи Посполитой. Богатство и благополучие, основой для которых стало столетнее развитие барщинного фольварка, ослабили предпринимательские инстинкты. Но только ли в них причина усиления консервативных настроений?

Положительный внешнеторговый баланс — это еще не все. Что происходило с деньгами, которые стекались в Речь Посполитую в обмен на польское зерно? Значительная их часть шла на избыточное потребление. Современники часто критиковали шляхетские приобретения в Гданьске. Удивительно, что расходы на покупку нарядов, ювелирных изделий, лошадей и конской сбруи, восточных пряностей и фруктов

почти не вызывали нареканий: шляхта считала эти расходы естественными и оправданными. Может быть, потому, что в XVII в. все чаще добывала их на поле битвы? Но любовь к оружию и нарядам в восточном стиле все больше удовлетворялась местным ремесленным производством. Похоже, что не само излишество заслуживало порицания, но те его формы, которые считались чуждыми.

Речь Посполитая XVI в. была государством с низким уровнем затрат. Расточительность магнатов, любовь шляхты к роскоши сочетались с убеждением в справедливости ограничения государственных расходов. Королевский стол был скромным, а на содержание двора, армии и администрации всегда не хватало средств. Шляхта соглашалась с тем, что необходимо содержать армию, а может быть, и платить государственным должностным лицам; но это не должно было происходить за счет увеличения налогов. Исполнение государственных обязанностей было делом престижа, зачастую весьма дорогостоящего, когда необходимо было оплачивать содержание армии из собственных средств. Однако служение Речи Посполитой приносило очевидные выгоды, открывая доступ к аренде королевских владений. Государство, по мнению шляхты, существовало для того, чтобы она могла пользоваться своим привилегированным положением и поддерживать соответствующий для нее уровень жизни.

При сокращающихся издержках труда, чему способствовала барщина, и ограничении до минимума повинностей шляхта располагала гораздо большими средствами, чем было необходимо для удовлетворения насущных потребностей. Избыток средств частично инвестировался в приобретение земли. Увеличение числа семейных наделов в результате естественного прироста населения давало возможность приобрести деревню целиком или же ее часть. Таким образом, возникали более крупные земельные владения, способствовавшие продвижению землевладельца вверх по социальной лестнице. Денежные средства, потраченные на участие в общественной жизни, на обучение шляхетских сыновей или на приданое для дочерей, также приобретали характер инвестиций. Занятие фольварочным хозяйством считалось столь же достойным, как и военная служба; даже самостоятельная обработка земли (как в Кастилии) не противоречила представлением о шляхетской чести. Шляхетства не порочила торговля зерном и волами, хотя какие-то другие торговые операции или занятия ремеслом считались недостойными. И наконец, вполне подходящим (а со временем и прямо рекомендуемым) для шляхтича занятием стала служба при дворе магната. В то же время не возникало причин

инвестировать деньги в новые технологии. Крестьянин обрабатывал феодальную землю собственным тягловым скотом, и шляхтич не был заинтересован в увеличении его производительности. Не потому ли, что положение его в XVI в. было сносным? Необходимость пополнить крестьянам инвентарем и скотом появилась только во второй половине XVII столетия. Удивительно, что при наличии столь значительных средств, которые шли на потребление, не сформировалось механизмов, которые стимулировали бы инвестиции в ремесленное производство. Выгода, вероятно, не была слишком велика — отчасти из-за сравнительно низких цен. Легко заметить, что низкие доходы государства и небольшая по численности армия также не стимулировали развития производства и возникновения централизованных инфраструктур.

Самой выгодной для шляхты формой инвестиций было приобретение должностей, возможность продемонстрировать свои успехи другим и самому насладиться собственным блеском, потому что всякая шляхтича жизнь в любом своем проявлении была нацелена на публичную демонстрацию своей «шляхетскости». Следовательно, длительное резиденции и основание костелов, приобретение парадной одежды для себя и для значительной по численности челяди, хорошее приданое для дочерей и роскошные приемы — все это имело бесспорное значение. Материальная поддержка костелов и монастырей также обеспечивала шляхте выгодные условия для карьерного роста их сыновей и дочерей. Есть некая логика в том, что, несмотря на антиклерикальные настроения и интерес к религиозным новшествам, шляхта быстро и легко вернулась в лоно католицизма. Судя по всему, для шляхты было сохранить доступ к духовным должностям и приносить от них доходы, чем захватывать церковные владения. А владений у шляхты было немало.

Шляхта считала свое материальное положение удовлетворительным, а потому конфликты в рамках этой сословной группы были нечасты. На протяжении первой половины XVI в. шляхта сумела «перераспределить» государство таким образом, что оно гарантировало ей свободное использование своих привилегированных позиций. Программа экзекуционистов, правда, не была реализована полностью, но заложила основы для исключительных шляхетских привилегий, получивших название «золотых вольностей», ибо эти свободы были для шляхты величайшей ценностью. Свобода включала в равной мере как материальной, так и личной безопасности (свобода вероисповедания, власть над крепостными, политические права); ее нельзя

считать анархией, так как Речь Посполитая держалась не на безвластии, а на праве. На самом деле функционирование государства было возможным благодаря скорее присущему шляхте чувству ответственности за судьбы Речи Посполитой, чем упорядоченной правовой системе. Речь Посполитая сформировалась на протяжении XVI в. как государство свободных людей. По мере того как расширялась ее территория, шляхетское достоинство получали и многие свободные землевладельцы. Это означало, с другой стороны, также расширение отношений зависимости и на другие слои населения. В XVI столетии общество формально состояло из нескольких сословий: шляхты, духовенства, мещанства и крестьянства. Внутренне они были очень разнородны, но границы между сословиями достаточно легко преодолевались. Вместе с тем, однако, существовало деление на господ и подданных, на людей свободных и имевших ограниченную свободу. Шляхта при этом считала себя чем-то большим, чем просто сословием. Она была шляхетским народом. А это означало низведение всех других слоев населения до статуса плебеев, т. е. ставило их вне «народа». Подобное положение вещей оказалось крайне невыгодным для мещанства.

Шляхетское сословие также было очень разнородным, но все свободные шляхтичи считали себя братьями. Это не было лишь вошедшим в традицию правилом хорошего тона. Формировавшийся в ту эпоху слой магнатов, перерастая шляхетское сословие, не превратился в обособленную от него аристократию. В XVII в. магнаты добились решительного преобладания в государстве и сумели подчинить себе всю остальную шляхту, но формы государственного устройства при этом не изменились. Вместо шляхетской демократии династии Вазов установилась магнатская олигархия, но институты власти остались прежними. Система, созданная для защиты свободы, легко приспособлялась к ограничивавшему эту свободу доминирующему положению магнатов.

Стать в XVI столетии членом шляхетского сословия, благодаря его разнородности и многочисленности, было легко. Горожане, а также зажиточные или предприимчивые крестьяне располагали средствами, для того чтобы подражать шляхетскому образу жизни. Но, как представляется, для высших слоев горожан достигнутый в XVI в. имущественный и политический статус оставался привлекательным. И это справедливо не только по отношению к большим городам, но и к многочисленным городским центрам провинции, которые сумели воспользоваться благоприятной конъюнктурой торговли зерном. Распределение полученных прибылей было неравномерным, и купцы оказались в самом выигрышном положении. Материальное и полити-

Такое положение городских верхов Гданьска можно рассматривать как явление исключительное. Несмотря на имущественное расслоение внутри города и неравенство экономических возможностей горожан, ни один город, кроме Гданьска, не достиг статуса главенствующего центра. Внутри мещанства также не появилось групп, которые могли бы политические амбиции.

Факторами деградации крестьянского сословия стали, с одной стороны, участие в ориентированных на местный рынок хозяйственных делах, а с другой — рост повинностей. Часть крестьян сумела воспользоваться конъюнктурой и улучшила уровень своей жизни. Попытки установить, насколько полноценно питались крестьяне в Короны, показали, что в середине XVI в. их питание было и калорийным, и содержало достаточно белков. Крестьяне располагали средствами, чтобы, несмотря на выросшие повинности, стремиться к сохранению или улучшению уровня своей жизни. Для этого существовали и стимулы, и возможности. Ухудшение конъюнктуры отразилось в первую очередь на положении больших хозяйств: на рубеже XVI—XVII столетий сокращалась прослойка зажиточных крестьян, а социальная структура деревни становилась более единообразной.

Заметное внутрисословное расслоение не привело в XVI в. к социальным конфликтам, которые могли бы представлять угрозу для сложившегося порядка. Соперничество в сферах влияния и имущественные споры принимали порой резкие формы, но это не было правилом. Тем же маргинальным явлением оставалось пренебрежительное отношение к праву.

Принципы государственного устройства не получили в Речи Посполитой законченного оформления; достаточно того, что они были бы закодированы в сознании шляхты. Эти принципы отождествлялись с золотыми вольностями, что с 1573 г. нашло свое выражение в принципе «свободной элекции»², а с середины XVII в. — в свободное воле (liberum veto). Все это гарантировало шляхте ее политические права. Шляхтич считал себя равным монарху, которого он выбирал; считал, что без суда его не накажут. А свою власть над крестьянами считал чем-то естественным, что не подлежит контролю со стороны государства.

Основные государственного устройства, которые со временем получили название «кардинальных прав», были сформулированы в «Генеральных артикулах», на которых присягал Генрих Валуа во время коронации свободной элекции. Они включали в себя следующие нормы: в частности свободную элекцию *viriliter*, т. е. участие в выборах короля

всех собравшихся на избирательный съезд шляхтичей; обязательство короля советоваться с сенатом в вопросах объявления войны и заключения мира; созыв всеобщего ополчения и использование его за пределами государства были поставлены в зависимость от согласия сейма; четвертая часть доходов короля с принадлежавших монарху земель выделялась на содержание постоянной армии. Король должен был не реже одного раза в два года созывать сейм, он был обязан уважать шляхетские права и привилегии. За тем, чтобы действия монарха соответствовали духу и букве закона, следили периодически меняющиеся «сенаторы-резиденты»³. Шляхта же закрепила за собой право в определенных условиях отказывать монарху в послушании.

Эти принципы дополнялись во время каждого выбора при составлении так называемых *pacta conventa* — постановлений, оговаривавших личные обязательства короля перед Речью Посполитой. Были в них и постоянные пункты, такие, как право сейма принимать решения в вопросе о королевском браке или запрет проводить заранее выборы преемника правящего короля (*electio vivente rege*). Шляхта также закрепляла за собой монополию на право занимать государственные должности, владеть землей и вершить власть над крепостными. Через институт сейма, а потом и сеймиков шляхта принимала решения о дополнительном налогообложении, о распределении земельных пожалований и должностей в местных земских органах самоуправления. Это по сути было выражением ничем не ограниченной свободы, а единственной гарантией того, что она будет использована надлежащим образом, было чувство ответственности за общее благо.

Суть политических отношений в Речи Посполитой лучше всего отражает практика свободного избрания короля всеми представителями шляхетского сословия. Когда в 1572 г. прервалась династия Ягеллонов, сенат собрал в Варшаве так называемый конвокационный сейм, созывавшийся в период бескорольевья. На нем было установлено, что лицом, замещающим короля (*interrex*), будет глава польской католической церкви (примас), а шляхетской партии удалось провести принцип элекции *viritum*, — принцип, по которому вся шляхта имела право участвовать в непосредственных выборах короля. Этих шляхта пыталась гарантировать полную политических прав всех представителям своего сословия и вместе с тем окончательно поставить преграду притязаниям магнатории на власть. Магнаты, в свою очередь, рассчитывали, что при массовом участии мелкой шляхты и Мазовии они смогут руководить ходом событий. Однако обе стороны

уверились в своих надеждах, что было связано не только с принятой аурой выборов.

Приходы бескорольенья вызывали к жизни механизмы, призванные защищать целостность Речи Посполитой и интересы ее граждан. Правление могло продолжаться несколько месяцев, но не приводило к политической катастрофе. Созываемый примасом конвокационным проводился как конфедерация⁴, благодаря чему респектировалось большинством голосов. Во время выборов короля, свившаяся на полях близ Варшавы шляхта окружала заседающий кандидатурой на польский трон сначала представлявая сенату, голосовали члены посольской избы (депутатской палаты). Потом кандидата знакомили с представителями воеводств, копировали все разом. Не всегда удавалось избежать разделений и избрания одновременно двух королей. Несколько раз выборы определяла военная сила: во второй половине XVII в. магнаты также стали влиять деньги иноземных монархий двороводная элекция не гарантировала избрания хорошего короля монарха старались ограничить, выдвигая ему все больше условий (но крайней мере на бумаге). Но шляхта не решилась выйти в этом вопросе до конца последовательно. Хотя король я *primus inter pares* — первым среди равных, это не привело к решению проблем государственного устройства в республиканском

форме элементом золотых вольностей стал пресловутый принцип *veto*, что означало буквально «свободный запрет». Однако важно различать принцип единогласия и практику свободного, преобразованного в польское выражение *nie rozwaliam* («не разрушаю»). В 1652 г. голос одного посла не дал продлить заседание и лишил силы все принятые до этого сеймом законы. Верность этому принципу была столь велика, что никто не хотел ему поддаваться. Вырождение права свободного запрета заключалось в том, что магнатские группировки или иноземные дворы использовали его в своих интересах для срывов заседаний сейма. Эта практика распространилась постепенно, а после 1688 г., когда сейм оставал еще до избрания председателя — «маршалка», стала кошмаром политической жизни Речи Посполитой. Верность *liberum veto* воспринимали к нему как к поводу для гордости указывают на усиление авторитаризма в шляхетском обществе. Но вместе с тем очевидные магнаты, получая реальное влияние в Речи Посполитой, не заинтересованы в оздоровлении и усилении парламентской

системы в стране. И лишь перед лицом катастроф XVIII в. они стали задумываться над тем, чтобы отказаться от *liberum veto*.

В основе требования единогласия лежал древний принцип единогласия (*pemine contradicente*), который подразумевал согласование всех принимавшихся решений: поскольку все представители сословия равны между собой, все, что имеет отношение к шляхетскому сообществу как к целому, должно получить всеобщее одобрение. Для общего блага меньшинству необходимо присоединиться к мнению большинства. В посольской избе проекты законов обсуждались до тех пор, пока не удавалось согласовать все позиции, и это стремление к единству считалось принципиальной чертой свободы. Речь шла и о том, чтобы большинство не подавляло меньшинства. Обычай все обсуждать и необходимость постоянно убеждать оппонентов создавали в обществе атмосферу участия в политической жизни. Функционирование этого принципа не было простым, сеймы расходились, не утвердив законов; уже во времена Стефана Батория и в правление королей династии Ваза депутаты сеймов неоднократно разъезжались ни с чем. Развитое чувство ответственности гарантировало, с их точки зрения, нечто большее, чем простую результативность парламентской деятельности, а именно чувство безопасности. Невозможность принять конституцию или утвердить налоги на ведение войны считались меньшим злом, чем попрание прав. Шляхта была уверена, что располагает достаточными гарантиями стабильности, благодаря институту конфедераций: они представляли собой такую форму организации действий шляхты, когда для реализации недостижимых обычным путем целей она отказывалась от части своих вольностей (например, от принципа единогласия в принятии решений).

Последней же гарантией свобод, а следовательно, и законности оставались шляхетские саблы. В повседневной жизни гарантию законности и гарантию свободы давали стабильные доходы фольварочного хозяйства. Обе гарантии казались нерушимыми, и поэтому, вероятно, шляхта перестала заботиться о других. Но это означало, что нарушение какой-либо из сложившихся традиций могло привести переменам во всей политической системе.

Важнейшим институтом Речи Посполитой был общий («валлий») сейм, окончательно сформировавшийся на рубеже XV-XVI столетий. Первоначально он проводился отдельно в Короне Литве, а после унии 1569 г. стал совместным. Сейм был органом представительства исключительно шляхетского сословия, города в заседаниях фактически не участвовали. Допускавшиеся с 1505 г. на заседа-

1) — кин сейм. Гравюра на дереве. XVI в.

Польский сейм собрался в 1493 г. Он состоял из двух палат — сената, куда входили епископы и пожизненно назначаемые королем светские сановники, и выборных депутатов от шляхты (дословской избы). Палаты заседали в отдельных помещениях, после чего могли быть проведены совместные заседания. Такое совместное заседание изображено на гравюре. Депутаты («послы») в глубине зала, за тронем и группой королевских секретарей. На троне восседал король, по правую руку от него — примас Польши, архиепископ Гнезненский, по левую — архиепископ Львовский, затем уже епископы, воеводы, каштеляны. Против королевского трона находились министры двух объединенных государств — Польши и Литвы. Гравюра создана в 1548 г., когда сенат еще не имел политического верховенства над палатой депутатов, на что указывает отсутствие участников заседания. С конца XVI в. сейм всегда заседал в Варшаве. Шляхта от шляхты получила в нем преобладание над сенаторами, представителями дворянства.

В 1565 г. представители Кракова получили право голосовать самостоятельно по городским вопросам. В 1568 г. этого права добился Гданьск, а в 1668 г. Львов. Гданьск имел собственную систему самоуправления и постановлений сейма не признавал; вместе с другими городами он направлял послов на генеральный сеймик.

Пруссии. Отсутствие в сейме представителей городов было связано в первую очередь с нежеланием самих горожан нести ответственность за принимаемые решения. Отход городов от политической жизни можно считать добровольным в том смысле, что в начале XVI в. они не видели выгоды от участия в сейме. Лишь потом шляхта стала рассматривать политику своей исключительной прерогативой и настаивать на том, чтобы государственные должности раздавались только представителям шляхетского сословия.

Принципы функционирования сейма не определялись какой-либо конституцией; не существовало также четкого распорядка его работы. Но при этом практика была всем хорошо известна. Первоначально сейм созывался в произвольное время, а с 1573 г. собирался не реже одного раза в два года и длился шесть недель. В сейме были представлены три «политических», или так называемых сеймовых, сословия: король, сенат и посольская изба. На протяжении более чем полувековой борьбы за эжекуцию прав и возвращение королевских владений усиливались позиции посольской избы, хотя принципы сеймового правления так и не были определены. Сейм не обладал исполнительной властью; исполнение принятых конституций возлагалось на короля и министров, полномочия которых сейм ограничивал, исходя из своих собственных интересов. Во времена правления Ягеллонов установилось равновесие между тремя заседавшими в сейме сословиями, которое в *pacta conventa* 1573 г. было закреплено следующим условием: принимаемые сеймом решения (так называемая конституция) требуют согласия всех трех сословий.

Положение короля лучше всего характеризует политическую систему Речи Посполитой. В то время как в Европе появились тенденции к установлению абсолютистских форм правления, в Польше со времен введения свободной элекции король правил, но не управлял: *rex regnat, sed non gubernat*. Замысел был неплохим, но не удалось создать действенной и ответственной исполнительной власти. И сословные интересы шляхты стали здесь основным препятствием. Противодействуя усилению магнатов, шляхта в 1504 и 1562 гг. провела законы о несовместении в одних руках нескольких должностей (например, каштеляна и старосты). Одновременно с этим вводился запрет на смещение с занимаемой должности. С помощью этих мер шляхта пыталась предотвратить усиление позиции короля; однако речь шла в первую очередь о том, чтобы бюрократия не подрывала политическую монополию шляхетского сословия. И потому его представители при

и усилия к тому, чтобы сделать функционирование государственного аппарата как можно более дешевым.

Но последние Ягеллоны имели более прочные позиции, чем предыдущие короли, хотя и они не могли навязывать шляхте собственную политику, и потому для реализации своих планов были вынуждены балансировать между сенатом и посольской избой. Но, несмотря на это, полномочия монархов оставались еще значительными, монархи обладали законодательной инициативой, а также правом и объективно созывать сейм. Король пытался влиять на ход заседаний и посредством адресованных сенаторам и послам универсалов, а также писем, которые рассылались сеймикам. Король влиял на законодательство и тем, что давал окончательную редакцию принятым на сейме законам перед их публикацией; он имел право законодательной инициативы и утверждал постановления сейма; мог наложить на сейм. В монархе видели высшего судью, верховного военного и руководителя внешней политики; он также был олицетворением Речи Посполитой.

Король назначал министров и предлагал кандидатуры восводческих и поветовых должностных лиц, имел право «поминать» епископов, однако не имел права их смещать. Также и членящего судебного трибунала (созданного в 1578 г. в Короне, а в 1580 г. — в Литве) назначались королем из числа представленных епископами кандидатов. Необходимо подчеркнуть, что большая часть должностей носила номинальный (титularный) характер и не принадлежала обладателям никакой реальной власти. Поэтому более правильно будет рассматривать короля как лицо, распределявшее высшие звания. Король раздавал должности и земельные пожалования (также и староства). Впрочем, значение рычага влияния, находившегося в его руках, ослабевало по мере того, как принадлежавшие государству земли переходили в руки пожизненных пользователей. Программа «экзекуции прав», выдвинутая в 1520 г. требовала вернуть незаконно захваченные королевские владения в казну, призвана не только обеспечить финансовую базу государственного управления, но и, быть может, дать шляхте возможность самой воспользоваться этими землями. В целом же, подводя итоги реформ 1562—1564 гг., вряд ли приходится говорить об успехе, так как отданные в пожизненное владение земли так и не вернулись в казну. Доходы государства, как и прежде, были слишком незначительны, для того чтобы сложился аппарат управления, зависящий только от воли короля. Не хватало средств и на содержание

большой армии, которая оказалась целиком под контролем приобретающих все большее влияние гетманов.

В Речи Посполитой не было правительства, что считалось ее достоинством. Именно в этом смысле необходимо понимать похвалу царившему в государстве безвластию. Как в Короне, так и в Литве существовали должности великого и надворного маршалков, канцлера и подканцлера, подскарбия и гетмана. Но это были должностные лица Речи Посполитой, а не слуги короля. Они зачастую вели самостоятельную политику, направленную иногда и против самого монарха (например, гетманы). То, что сановники ему не подчинялись, вовсе не означало, что они отчитывались перед сеймом. В такой ситуации сложно было проводить единую внешне- и внутриполитическую линию. Если взглянуть на высших должностных лиц государства XVI в. и главным образом на секретарей королевской канцелярии, то следует подчеркнуть высокий уровень их квалификации. В окружении Сигизмунда Августа, Батория и Сигизмунда III было много умных и исполнительных людей. Препятствовала ли политическая система Речи Посполитой их успешной деятельности? Позволяла ли им развивать и реализовывать разумные идеи? Скорее всего, на пути необходимых реформ государственного управления и формирования правительства стояли в первую очередь сословные интересы шляхты. Не было силы, заинтересованной в таком решении проблемы, не было для этого и материальных средств. Шляхта считала, что сама сумеет защитить свои свободы.

Поскольку король не управлял, то на эту роль претендовал сенат, главой которого, впрочем, был монарх. В состав сената входили придворные сапожники, католические епископы, высшие земские должностные лица: воеводы и каштеляны. Члены сената назначались пожизненно и несли фактически ответственность только перед Речью Посполитой. Сенату отводились в первую очередь функции совещательного органа; и, поскольку значение посольской избы все более усиливалось, складывалось впечатление, что так и будет. На сенаторов, в свою очередь, была возложена задача контролировать монарха: сенаторы-резиденты исполняли функцию постоянных королевских советников, о выполнении этих обязанностей они отчитывались непосредственно перед сеймом. Институт сенаторов-резидентов создавался для того, чтобы король не окружал себя собственными и тем более иноземными советниками, что могло представлять для шляхты определенную опасность. Но прежде всего шляхетское сословие стремилось сохранить для своих представителей все возможные почетные посты и должности.

Поэтому в государстве, в котором не было правительства, существовало огромное множество титулярных должностных лиц. В шляхетском обществе, которое не признавало титулов, многие втайне пытались получить тот или иной титул от императора, папы или хотя бы ганноверского короля, поскольку титулы были необходимы для чего-то проявления шляхетского достоинства. Этим же потребностям служила и риторика в письменных и устных речах в стиле Цицерона, а также республиканский дух, царивший в шляхетских партиях. Это не стал институт государственного управления: роль монарха снижалась, а выбиравшие силу магнаты напали рычаги влияния на сократившую свои свободы посольскую избу.

Посольская изба сформировалась как орган представительства шляхты. Воеводства, земли и поветы выбирали на сеймиках. Их количество было разным, но, как правило, выбирали по одному человеку от каждой земли в Короне и столько же — от повета в Литве. Число послов-депутатов из прусских воеводств не было ограничено вплоть до XVII в. Послы представляли интересы своих избирателей и должны были руководствоваться их пожеланиями (так называемой инструкцией). Поэтому голос посла всегда был выражением интересов большой группы и имел определенный вес. После польско-литовской унии проходили совместные заседания послов от Короны и Литвы, а председательствовал на заседании один маршалек. Во время торжественных открытий и закрытий, посольская изба заседала отдельно от сената. Со временем для составления конституций выдвигались специальные делегации. Отредактированные законы зачитывались и принимались на заключительном заседании; потом их читали. Послы отчитывались перед своими избирателями на следующем сеймике (реляционном), и зачастую только тогда принимались решения, имеющие обязательную силу (например, по вопросам «обложения»).

Укрепление принципа двухстепенного представительства не исключало убеждения, что каждый шляхтич имеет право участвовать в выборах и принимать решения о судьбах Речи Посполитой. По порядку с участием в выборах и сеймиках существовала практика созыва съезда шляхты, который назывался сначала «обозным сеймом» (1503), потом — «конным» (после 1672 г.), а также «рокош». Понятие «рокош» впервые было использовано в 1537 г. по отношению к собравшейся под Глинянами шляхте, предъявившей Сигизмунду II и его советникам свои требования, и утвердилось затем для обозначения направленных против короля конфедераций. Рокош

считался формой легальной вооруженной оппозиции, был нацелен на защиту шляхетских прав, которым угрожали король и магнаты.

Рост значения посольской избы на протяжении XVII в. вовсе не свидетельствовал об усилении ее реального влияния в сфере государственного управления. По мере того как происходило ограничение прав избираемых королей и росло могущество магнатов, все большее значение получали локальные съезды шляхты, или сеймики.

Характерным принципом государственного устройства Речи Посполитой была невозможность навязывания чего-либо с помощью силы. Воеводства, земли и поветы чувствовали себя самостоятельными, решали все свои проблемы на сеймиках, в которых участвовала вся шляхта данного повета или земли. С течением времени сеймики стали более разнородными: отдельно съезжались для того, чтобы определить порядок правления в период бескорольевья (каптуровые сеймики), для избрания представителей в судебный трибунал (депутатские сеймики), для заслушивания отчета о заседаниях сейма (реляционные сеймики) или для избрания местных должностных лиц (элекционные сеймики).

Растущее значение сеймиков проистекало из убеждения, что собственные проблемы нужно решать самостоятельно («ничего за нас без нас»³); сеймики были выражением склонности шляхты участвовать в политической жизни и ее недоверия к центральной власти. Но чем чаще сейм был не в состоянии справиться с решением каких-либо проблем, тем чаще сеймики оставались последней возможностью это сделать. В XVII в. дошло до того, что распоряжение материальными средствами, собранными после утверждения налогов сеймиком, оставалось в руках данной земли или повета. Так постепенно формировались казна и армия повета. Децентрализация государства в политическом отношении соответствовала преобладанию фольварочного хозяйства в экономике и привязанности шляхты к своим свободам.

Усиление позиции сейма, а в нем посольской избы привело к тому, что королевские министры попали в подчиненное положение (1641). Одновременно с этим сейм не стал органом государственного управления, а лишь усилил свои охранительные функции. Реформы или сама мысль об изменении государственного устройства воспринимались как угроза для свобод, особенно после драматичных событий середины XVII в. Поэтому Конституция 1669 г. провозгласила, что «всякое новшество в Речи Посполитой чревато опасностями и большими потрясениями».

Мультиэтничность была главной чертой, характеризующей Речь Посполитую в XVI—XVII вв. Для существования целого, таким образом, необходимо сосуществование разных этнических и языковых групп. Процесс унификации, обозначенный в предыдущем разделе, привнес в первую очередь шляхетское сословие. Региональные различия постепенно стирались, но не исчезли полностью. Языки и конфликты между жителями Короны и Силезии, Малой и Пруссии выступали в рамках одной и той же, как казалось, этнической и языковой группы. Они были проявлением серьезных культурных различий, существовавших в прошлом, которые в Речи Посполитой сгладились лишь отчасти. Поэтому сохранялась неприязнь между жителями Великой и Малой Польши, которые, в свою очередь, свысока смотрели на литовцев. Меньше было конфликтов между поляками и русинами, пока речь не шла о различии вероисповеданий (украинско-белорусский язык, называвшийся в то время «лим», был вытеснен из административной сферы в восточных частях лишь в 1697 г.). Все происходило в рамках единого шляхетского сословия, которое по своему характеру постепенно становилось польским.

Важнее представить себе, что означала полиэтничность в масштабах всего государства. Критерий этнической принадлежности не совсем точен. Наряду с польскоговорящим населением наимногочисленными были русины и литовцы. В городах и за их пределами проживала многочисленная группа населения немецкого происхождения, которая колонизировалась лишь отчасти. Были еще армяне, татары, караимы, волохи, венгры и латыши; наконец, голландских меннонитов, которые образовывали поселения «выбываемых колендеров» (они быстро утратили свой язык, но сохранили верования), а также различные по численности и происхождению из Италии, Франции, Англии; шотландцы, греки, персы. Речь Посполитая не заставляла их менять язык, веру и традиции, а потому в Речи Посполитой находили в XVI—XVII вв. приют как протестанты, так католики, христиане различных толков, мусульмане и евреи со всей Европы. В этом пестром сообществе возникали конфликты, как, например, противостояние немцев и евреев в городах или на Украине с казаками, польской шляхтой и евреями, но в целом это не являлось серьезной проблемой.

Процессы ассимиляции затрагивали в первую очередь шляхту. Речь Посполитой на другие народы смотрела свысока, но по отношению к переселявшимся в Польшу иностранцам были обязательны

гостеприимство и открытость. Пришельцы постепенно вливались в соответствующие сословные структуры, не образуя отдельных сообществ. Особой была ситуация евреев, которые в конце XV в. составляли 0,6%, а в середине XVII в. — уже 5% населения. После огромных потерь военного времени постоянный прирост их числа привел к тому, что в конце XVIII в. евреи достигли почти 10% численности населения страны. Они образовали свои органы самоуправления, которые функционировали на основании королевских привилегий, и стали важным элементом в организации ремесла и торговли.

Полиэтничность Речи Посполитой означала, что среди зависимого населения были люди разных национальностей. В XVII в. шляхтич, независимо от происхождения и вероисповедания, стал отождествляться с поляком. Аналогичным образом и принадлежность к крестьянскому сословию, свидетельством которой была личная зависимость, становилась важнее этнических различий. Считалось, что место зависимых крестьян в Речи Посполитой определяется положением их господ. С этой точки зрения все зависимые крестьяне были между собой равны, хотя исповедуемая религия и другие факторы могли влиять на то, что отношение к ним было различным.

Поликонфессиональность была следующей характерной для Речи Посполитой особенностью. Жители государства принадлежали к разным христианским церквям, исповедовали также и нехристианские религии. С конца XVI в. сфера влияния протестантизма постоянно сокращалась. Несмотря на брешь, пробитую Брестской унией, православие сохраняло свои позиции. Евреев становилось больше, что было следствием не только благоприятных условий, которые создавались для них в Речи Посполитой, но и гораздо большего естественного прироста. Группа мусульман была незначительной. Перемены, наступившие в XVI столетии, состояли в том, что шляхта, сохраняя принцип религиозной свободы и относясь терпимо к иным верам и вероисповеданиям, все больше поддерживала католицизм. В XVI в. Речь Посполитую отличала пестрота религий и вероисповеданий, которая рассматривалась шляхетским сословием как следствие его собственной свободы. Переход из православия или кальвинизма в католицизм был связан с колонизацией шляхты, с тем, что она принимала не только общее право, но также язык и традиции. Православным или униатом оставался крестьянин на Волыни или Подолии, протестантизм в XVII в. все чаще ограничивался городом. Однако до начала казацких и шведских войн середины столетия религиозные различия не становились причиной серьезных конфликтов.

Полнотолерантность и одобрительное отношение к разнообразию в рамках сословия, а как следствие, и за его пределами были одной стороной медали. Даже гораздо позднее, в середине XVII в., когда католицизм в значительной мере потеснил другие вероисповедания, преследования или репрессии были значительно более милыми, чем в европейских странах. В первой половине столетия Речь Посполитая могла гордиться относительно спокойным ходом Контрреформации. Было это необычно хотя бы потому, что Речь Посполитая уже тогда стала принимать участие в военных конфликтах с государствами иных вероисповеданий. Второй стороной медали была сама характер религиозности той эпохи. В первой половине XVII в. дали о себе знать разнородные по характеру европейские течения, ренессансные и реформационные. Религиозные представления простых людей оставались по сути средневековыми, в то время как в среде образованных кругов формировалась под влиянием гуманистических веяний. Принятие тридентской церковной реформы в 1565—1577 гг. означало перемены не только в сфере церковной организации: на протяжении трех поколений более глубоким стало понимание основ веры, получили распространение новые религиозные практики. Реорганизация пастырской работы в приходах и повышение образовательного уровня духовенства способствовали общему религиозному рвению простых верующих, которое пошло в первую очередь как обязательное участие во всех религиозных обрядах церкви. Одновременно с этим духовенство и миряне активно пытались связать новую религиозность с традициями народной культуры. Самая значительная роль в этих процессах выпала на долю иезуитов, которые сумели в значительной мере адаптировать свою работу к польским условиям. Можно также говорить об особой польской религиозности. В XVI в., под влиянием изменившихся условий жизни, в польском характере проявились черты мягкого, идиллического благочестия. Польскую религиозность XV столетия характеризуют культ Девы Марии и особое почитание страстей Христовых. В XVI в. широкое распространение имело отношение к религии со своим чисто польским, «домашним» акцентом, в котором нашлось место и для представления о происхождении Адама и Евы, и для образа Рая как отражения существовавших в Речи Посполитой отношений. Специфический характер приобрел и культ Богородицы, общепольским почитанием Ченстоховской Божьей Матери. Благодаря иезуитам в первой половине XVII в. духовная жизнь элит развивалась под

Дворец в Подгорцах. Первая половина XVII в. Архитекторы — Гийом (Вильгельм) Левассёр де Боплан и Андреа дель'Аква. Украина, Львовская область.

Дворец построен в 1636—1640 гг. для великого коронного гетмана Станислава Конецпольского и уже в XVII в. считался одним из красивейших польских дворцов. Представляет собой прекрасный пример богатства форм архитектуры барокко. Дворец окружен крепостными стенами бастионного типа, украшенными углами и башенками. В тревожное время, каким было XVII столетие, они могли защитить дворец от неожиданного нападения небольшого вражеского отряда, например от татар, с целью грабежа довольно далеко проникавших в глубь территории Речи Посполитой. Подобные барочные резиденции были центрами огромных магнатских латифундий, которые с XVI в. появлялись на восточных землях польско-литовского государства и насчитывали сотни (а порой и тысячи) деревень и десятки городов, зависевших от того или иного магната.

явным влиянием испанской мистики. Распространение сочинений мистиков в духовных семинариях и коллегиях легко объяснялось, но более удивительным было проникновение этого типа религиозной духовности в широкие слои шляхетского общества. В условиях, когда росло чувство угрожающей извне опасности и исключительного положения Речи Посполитой, формировалась шляхетская религиозность, в которой соединялись, образуя новое качество, элементы мистицизма и культа Девы Марии. В клятве короля Яна Казимира во

на соборе (1656) Богородица была названа Королевой Польши, подтверждало уже сложившееся убеждение. Эволюция религиозности означала также и ее полонизацию, распространение в религиозной жизни черт шляхетской культуры. Идеалом для польской шляхты первой половины XVII в. была не только достойная жизнь помещика в фольварке, но и деятельность, обращенная к делам общественным. Этой модели подражали и новые формы религиозности. Нападки на соседей, своскорыстие во время сеймиков и рокошей, любовь к роскоши и безразличие к судьбам эксплуатируемого населения, равнодушие и растущая ксенофобия — все это нельзя рассматривать как единственную или основную характеристику шляхетской Речи Посполитой.

Институты, определявшие жизнь Речи Посполитой, были такими по своему характеру — фольварочное хозяйство и благородство было образцом для подражания. Две черты шляхетского сословия тесно переплелись в Речи Посполитой: апология и активное участие в политике. О том, что Речь Посполитая являлась практическим воплощением шляхетских свобод, уже говорилось выше. Но это не было равнозначно тому, что сословный статус ставился выше общего, а личность — выше государства. Идеи шляхетского сословия понимались также в категориях слуги Республке. Можно привести длинный список свидетельств героической любви к Отчеству, воплощенной, например, в самоотверженной смерти гетмана Станислава Жолкевского после битвы под Цецторой. Шляхта уверовала одновременно в совершенство своего государства, в свое превосходство над другими и в свой долг. Считалось само собой разумеющимся, что Европа не может быть без польского зерна и может вести кровавые внутренние войны только потому, что Речь Посполитая заслоняет ее от турецкого нашествия. В XVII в. из этих представлений выросли не только мифы о Польше как форпосте христианства («твердыне») и «житнице Европы», но и обобщающая эти мифы идеология сарматизма. Несмотря на это, однако, подчеркнуть, что в XVI столетии и позднее шляхта испытывала комплекса собственной неполноценности при сравнении себя с Европой. Наоборот, свободно заимствуя европейские достижения, она все сильнее подчеркивала свое превосходство. Важнейшим аргументом в пользу этого убеждения была именно свобода, которая систематически ограничивалась в монархиях, где существовала абсолютистская форма правления.

Еще одной чертой, отличавшей шляхетское сословие и составлявшей специфику Речи Посполитой, было его активное участие в политике. Шляхта ощущала себя целиком включенной в систему политического организма, в буквальном смысле считая себя основой Речи Посполитой. Это проявлялось не только в монополизации права занимать государственные должности или участвовать в заседаниях сейма. Шляхта считала дела государства своими собственными и принимала в них непосредственное участие. Отсюда и практика рокошн — когда интерес шляхты противопоставлялся королевской политике, которая данный интерес не учитывала. С этим связано и то, что шляхта, все менее склонная участвовать в ополчении, с готовностью хваталась за сабли для участия в любой конфедерации.

Удивительно, что шляхта, столь искренне отождествлявшая себя с государственной основой Речи Посполитой, оказалась с началом XVII в. подчинена господству магнатов. На протяжении длительного времени еще удавалось сдерживать возвышение магнатских родов. Их попытки создать на территории своих владений удельные княжества, аналогичные немецким княжествам империи, были явлением маргинальным. Но магнаты постоянно стремились продемонстрировать свое могущество и богатство, свое превосходство над другими представителями шляхетского сословия. В условиях, когда королевская власть ослабевала, магнаты присваивали себе право принимать решения в делах государственного масштаба, не считаясь с мнением шляхты Речи Посполитой. Складывалась модель правления независимых царьков, полновластных в своих владениях и навязывавших республике свои интересы.

Черты, составлявшие особешность Речи Посполитой, вместе с тем позволяли ей выжить. Особенно значимыми были шляхетское чувство ответственности и убеждение, что государство призвано служить шляхтичу-гражданину. Чувство ответственности выражалось в готовности защищать собственный интерес, отождествлявший с благом Речи Посполитой. С течением времени это чувство деформировалось и ослабло. Ответственность шляхтича за Речь Посполитую находила свое выражение в солидарности членов шляхетского сословия. Во второй половине XVII в. шляхетская солидарность распалась под натиском нараставшего неравенства, а общее благо стало интересом доминирующей группы.

На протяжении XVI в. сложились основы шляхетской культуры и сформировались две присущие ей противоположные черты: открытость внешним влияниям и самодовольство. В период благополучия

ни она воспринимала все то европейское, что казалось ей интересным, модным и правильным. В Речи Посполитой находилось место для восприятия чужих идей и изделий, хотя никто не стремился слепо копировать. Образ жизни шляхты и ее мировоззрение формировались под непосредственным влиянием Европы эпохи Ренессанса и Просвещения, хотя и отличались своеобразием. Поэтому привязанность к «своему» не означала ксенофобии, высокая оценка собственной культуры и образа жизни позволяла свободно пользоваться европейскими достижениями во всей их полноте. Речи Посполитая XVI в. была частью Европы; и как сообщество она осознавала свое естественное в ней присутствие. Реформация и Контрреформация приплыли из Европы, но оба течения в Речи Посполитой подверглись своеобразной трансформации. Основные идеи шляхетского сословия объединяли Польшу с формирующимся Западом, и их источником служило общее для всей Европы римское и христианское наследие. С течением времени польская шляхта все сильнее подчеркивала не только эти связи, но и свою причастность к этому наследию.

Специфику Речи Посполитой XVI—XVII вв. невозможно описать одним то одним понятием. К перечисленным выше характеристикам необходимо добавить еще две, серьезно повлиявшие на становление польской культуры. Первая — это ее ограниченный, местный характер. Шляхтич жил в деревне, чувствовал себя связанным с землей и местным сообществом, а потому в делах более широкого масштаба выступал выразителем этого местного интереса. Со временем, когда патристическое и чувство безопасности укрепили его привязанность к деревне, общественная деятельность стала ограничиваться сеймиками и другими локальными собраниями (например, участием в так называемых «контрактах» — хозяйственных съездах шляхты). И в рамках этого несколько идиллического, ассоциировавшегося с Аркадией существования свободы зародилось и крепло убеждение в совершенстве некоей исключительности сложившихся институтов, а это способствовало, в свою очередь, формированию консервативных, охранительных взглядов шляхты. Необходимо отметить еще одну черту, отличавшую Речь Посполитую, — «ориентальность». Первоначально она была присуща только шляхетскому сословию, но потом распространилась и на другие слои населения. Эта черта стала важным элементом идентичности Польши XVII—XVIII вв. Она была заметной для внешних наблюдателей, а для самой шляхты было совершенно естественным, что ее наряды, оружие и вкусы формировались скорее под

влиянием восточных, чем европейских образцов. Долгое время значительная часть получасмых от фольварочного хозяйства средств уходила из Речи Посполитой на Восток в обмен на восточные товары: пряности, благовония, ткани, лошадей и оружие. Постепенно часть этих товаров стала производиться ремесленниками на территории Польши. Но по мере того как турецко-татарское пограничье превращалось в арену постоянных вооруженных столкновений, часть восточных товаров стала поступать в качестве добычи. Но это не объясняет любви шляхты именно к этим изделиям, а также особой склонности перенимать наряды, оружие, упряжь и связанную с ними лексику именно из стран Востока. Шляхта осознавала свое превосходство над соседями с востока и юга, она решительно и упорно отмежевывалась от примеров азиатского деспотизма. Однако он не пугал ее так, как абсолютизм Габсбургов. Живя в стране, создавшей для свободы, шляхта хотела, чтобы ее окружение носило именно ориентальный характер. Судя по всему, она не считала эти влияния, равно как и европейские образцы, чуждыми для себя. Архитектура и искусство XVI—XVII вв. оставались под явным европейским влиянием, в то время как портреты польских шляхтичей указывают на их тесные контакты с Востоком.

Польша XVI—XVII столетий формировалась в географическом пространстве между будущим Востоком и Западом, — в пространстве, где пересекались западные и восточные мотивы. Однако Речь Посполитая была чем-то большим, чем просто пространством, где эти два мира противостояли друг другу. Восточные элементы, которые считались «своими», придали сарматизму неповторимые черты. Нерешенным остается вопрос: почему для самоопределения польская шляхта обратилась не только к своему западному наследию, но стремилась также воспользоваться восточной традицией? Считала ли шляхта эту восточную традицию в равной степени своей? Шляхетская Польша не нуждалась в том, чтобы занимать чью-либо сторону, — она создавала в Европе свою, оригинальную культуру.

Идентичность Польши, или совокупность определяющих черт обеспечивавших ее существование, не была неизменной. Рассматриваемые здесь процессы продолжались и в XVII в., а с середины столетия они развивались в новых и весьма невыгодных для Польши условиях. Выбирая свободу, которая основывалась на следующем убеждении: «Только Бог наш и сабля», шляхта наиболее полно выражала свою идентичность. Однако основы ее оказались не очень устойчивыми.

поху королей из династии Ваза считают польским серебряным столбовым развитием Польши замедлилось по сравнению с эпохой Ягеллонов. Но одновременно с этим это было время наивысшего расцвета шляхетской Речи Посполитой и воплощения в ней шляхетского идеала жизни. Именно тогда стала очевидной уникальность Речи Посполитой, которая состояла в том, что идеал шляхтича-гражданина ставился выше силы и мощи государства. На это повлияли своеобразный способ решения экономических проблем и социальная структура, принципиальной чертой которого было формирование шляхетского сообщества — «народа-шляхтичи» как и зависимого крестьянства. Создавая государство и исходя из собственных интересов, шляхта добилась этого за счет других. Не удалось избежать и последствий расслоения шляхетского сословия. Но именно тогда шляхте удалось объединить в своей уроне европейские и восточные начала, отличающие Речь Посполитую от других государств Европы.

Ее черты: доминирование интересов народа-шляхты над интересами государства, оригинальный характер шляхетской культуры, любовь к свободе и вовлеченность в политическую жизнь — оказались более устойчивыми. Именно они и стали основой Польши.

Примечания

¹ *Лашт* (или *ласт*) — мера сыпучих тел. Лашт примерно равен 12 четвертям, или 12 ам, или 2 тоннам.

² *Свободная элекция* (или свободная элекция *virilium*) — непосредственное избрание короля всеми представителями шляхетского сословия. Впервые была проведена в 1333 г. и с этого момента являлась одним из кардинальных (т. е. не подлежащих изменению) прав шляхты.

³ *Сенаторы-резиденты* — сеймовый орган для сотрудничества с королем, состоявший из высших духовных и светских сановников. Избирался на два года в количестве 4 человек. Четверо из них должны были постоянно находиться при короле, сменяемые полугода. В их задачу входило давать королю советы и контролировать его действия, о чем сенаторы отчитывались перед сеймом. На практике институт сенаторов стал функционировать с 1607 г. Их количество в 1641 г. возросло до 28.

⁴ *Конфедерация* — союз одного или ряда сословий (шляхты, духовенства, горожан) который создавался для реализации определенных целей. В XVI в. появились германские конфедерации (так называемые *каптуры*), призванные обеспечить порядок в бескорольевых землях. Конфедерации могли создаваться как при короле, так

и против него («рикош»). В XVII—XVIII вв. создавались также войсковые конфедерации, которые добивались выплаты задержанного солдатам жалованья.

⁵ Мысль о том, что нельзя вводить новые повинности без согласия шляхты, развивалась в течение XV в. (Нешавские статуты 1454 г., Петровские статуты 1493 г.). Наряду с ней утверждался принцип, согласно которому касающееся всех должно одобряться всеми (*quod omnes tangit ab omnibus comprobari debet*). В середине XVI в. он был сформулирован Иеронимом Оссолинским: «На нас без нашего согласия ничего нового наложено быть не может». Затем, однако, этот тезис стал рассматриваться как основополагающий принцип государственного устройства, причем толковался он весьма расширительно.

⁶ Реформа католической церкви, начатая на Тридентском соборе (1545—1563) и нацеленная на укрепление дисциплины и повышение образовательного уровня церковнослужителей, реорганизацию пастырской работы в приходе, систематизацию католической догматики. Тридентская реформа стала ответом Римско-католической церкви на вызов Реформации.

VIII. Республика сарматов

Чем знаменателен XVII век в истории Польши? За столетие, начиная с провозглашения Миколая Зебжидовского (1606) и до Тарноградской конфедерации (1715), в Речи Посполитой произошли значительные перемены. В XVI в. она была европейской державой с имперскими амбициями, однако в конце века напоминала корабль, терпящий бедствие. Страна, создаваемая на принципах гражданской ответственности за сообщество свободных людей, по-прежнему считала их высшей ценностью, но скорее номинально, чем на практике. В то же время это было столетие, когда Речь Посполитая не только выстояла, но и стала воплощением духовных ценностей. А потому ее граждане имели все основания считать себя избранными Богом и ожидать от Европы поощрения и принятия Речи Посполитой такой, какова она есть.

XVII столетие, несомненно, стало эпохой наиболее полного воплощения жизненного идеала шляхты. А потому нам не следует слишком строго оценивать его с позиций сегодняшнего дня. Это была эпоха барокко и Контрреформации, в которых нашли отражение оригинальные польские черты, эпоха окончательного упрочения позиций католицизма. Именно тогда были заложены основы национального самосознания, сформировались принципиальные особенности польской идентичности, впервые нашло свое выражение польское своеобразие. Польша этой эпохи рождалась из оригинальной формы республиканского правления, при котором возобладаало чувство превосходства народа-шляхты над государством, ее сарматский характер не позволял Польше подчиниться ни Востоку, ни Западу. Непросто распознать основную тенденцию столетия. Могла ли Речь Посполитая сопротивляться, сколь высоки были ставки в противостоянии с Россией? Существовала ли на самом деле возможность избежать возникновения независимой Пруссии? Могла ли свобода привилегированных сословий надежно гарантировать функционирование этих институтов

и самого государства? Возникает также вопрос: сохранилась ли польская идентичность при неизменных формах государственного устройства и жизни?

На пороге XVII в. поступательное развитие шляхетской Речи Посполитой значительно замедлилось. Все сильнее давало о себе знать желание жить в мире, в то время как размеры государства и отношения с соседями вынуждали продолжать внешнюю экспансию. В целом эти попытки в XVII столетии не были успешными. Польша противостояла врагам на востоке и юге, но не решалась воспользоваться благоприятными для нее возможностями на севере и западе. Готовая воевать за огромные земельные владения на Украине и за окончательную инкорпорацию прусской территории, она боялась только одного — усиления королевской власти. Для земель Короны и Литвы в середине XVII в. война стала повседневной реальностью, и начиная с этого времени ради сохранения мира граждане республики будут жертвовать частью территории страны. В то же время именно в эту эпоху польская культура оказывала сильнейшее влияние на своих ближних и дальних соседей.

В 1599 г. распался союз со Швецией, и началась более чем столетняя история вооруженных конфликтов, в которые Речь Посполитая была втянута из-за династических интересов династии Вазов, хотя и рассматривала каждую очередную войну как защиту своей свободы. Но при этом никто не думал, что восточный сосед также может представлять серьезную угрозу. Долгое время считалось, что Московское государство в той или иной форме может быть связано с Речью Посполитой. Отношения с Турцией оставались мирными, и, казалось, ничто не предвещало будущих конфликтов. Несмотря на неприятели шляхты к Габсбургам, на протяжении большей части XVII в. Австрия была естественным союзником Речи Посполитой. За 60 лет в Пруссии были сделаны очередные уступки в пользу бранденбургского курфюрста¹. Они расценивались как меньшее зло. Только одно постоянно тревожило граждан — страх перед *absolutum dominium* — абсолютной властью короля. В течение всего столетия продолжалось противостояние между защитниками шляхетских свобод и сторонниками королевской власти, которые стремились к созданию модели централизованного государственного управления. Это противостояние привело к параличу государства и ослаблению нации. Однако подобных последствий никто не предвидел.

После разоблачений инквизиционного сейма 1592 г. Сигизмунд III потратил много времени на то, чтобы воссоздать свою при-

дворянскую партию. Замышлявшиеся реформы наталкивались на сопротивление со стороны сторонников канцлера Замойского и шляхетский демократии («популяристов»). Прежде чем дело дошло до открытой конфронтации, Речь Посполитая оказалась втянута во внутренние конфликты в России. В 1605 г. несколько магнатов (Мнишек, Вишневецкий) при молчаливом согласии двора организовали интиерацию в поддержку самозванца Ажедмитрия. Пашлось несколько тысяч авантюристов, рассчитывавших на добычу от грабежей. Ирид ли эта акция свидетельствовала о нехватке средств к существованию у представителей малоземельной шляхты. Поход ничем не отличался от предпринимавшихся прежде и впоследствии военных походов магнатов — за Днепр, Днестр или в Ливонию. Ажедмитрий по коронации не собирался и не мог выполнить обязательств перед Речью Посполитой. И уже в мае 1606 г. сго смело царское восстание, опирающееся на трон Василия Шуйского. Кризис в Москве позволял, одже, укрепить восточную границу и препятствовал заключению союзов в России со Швецией или с Австрией.

Политическая ситуация в самой Польше тем не менее не способствовала внешнеполитическим инициативам. Сейм 1605 г. не утвердил налоги на продолжавшуюся с 1600 г. войну в Ливонии. Отстраненный королем от власти, Замойский употребил все свое влияние на срыв реформы сейма, предостерегая, что принятие решений большинством голосов ведет к ограничению шляхетских свобод. Со смертью Замойского партия популяристов лишилась вождя, но у программы защиты существовавшего порядка вещей еще оставались приверженцы. Несмотря на конфликт между католиками и протестантами, польская изба в 1606 г. единодушно отвергла предложенный королем проект реформы, касавшийся казны, армии и государственного устройства. Состоялось несколько съездов шляхты, проходивших весьма бурно; наконец, в августе 1606 г. под Сандомиром был организован рокош в защиту оказавшихся в опасности шляхетских вольностей. Ни о какой общей программе не могло быть речи: протестанты стремились получить гарантии в ситуации все возрастающего натиска католицизма; многих рокошан всерьез беспокоила судьба Речи Посполитой, и они стремились предотвратить расстройство государства. Часть магнатории, в свою очередь, связывала с рокошем надежды на усиление своего влияния; не было недостатка также и в личных амбициях, как у предводителя движения Миколая Зебжидовского. Добивались ограничения королевской власти, рокошане требовали передать сейму функции раздачи должностей, укрепить позиции сенато-

ров-резидентов, ввести выборность земских должностей. Всех объединяло недоверие к королю; выдвигались даже проекты его низложения. Дошло до вооруженных столкновений. Шестого июля 1607 г. под Гузовом король разгромил рокошан, но их вожди не понесли никакого наказания.

Не сумев осуществить реформы, Сигизмунд III стремился к упрочению своих позиций, добившись внешнеполитических успехов. В 1609 г. он предпринял поход на хорошо укрепленный Смоленск. После того как гетман Станислав Жолкевский 4 июля 1610 г. у Клушина разбил русское войско, спешившее на помощь осажденным, и поляки вошли в Московский Кремль, Смоленск 13 июня 1611 г. был взят². С низложением Шуйского и со смертью очередного Ажедмитрия открывалась перспектива завладеть царской короной. О такой возможности размышлял шедший на Москву гетман Жолкевский. На нее рассчитывали, возможно, и бояре, стремившиеся получить привилегии польской шляхты. В Москве были согласованы условия, предусматривавшие вступление на престол польского королевича Владислава, которому пришлось бы принять православие. С самого начала идея эта была утопичной, независимо от позиции Сигизмунда III, который, видя в церковной унии путь к распространению в России католицизма, сам рассчитывал прийти к власти в Москве. Но все это не имело достаточной поддержки со стороны шляхты и совершенно не отвечало интересам русского общества. В марте 1613 г. на царский трон был возведен Михаил Романов.

Возможности, возникшие в результате продолжительных волнений в Московском государстве, не были использованы, в частности, из-за отсутствия в Польше центрального органа власти, который координировал бы внешнюю политику. Восточная граница оставалась неукрепленной, в то время как взаимные претензии соседей постоянно возрастали. К тому же после московской кампании не получившая жалованья армия объединилась в конфедерацию, отряды которой грабили собственную территорию. В 1613 г. Сигизмунд III пошел на сближение с Австрией с целью парализовать ее закулисные переговоры с Москвой и со Швецией. Это означало также поворот в юго-восточной политике.

На территории Украины продолжалась экспансия, в результате которой на этих землях возникали обширные магнатские латифундии. Одновременно все более притеснялось проживавшее там православное население. К тому же программа Брестской церковной унии (отчасти в результате ее непоследовательной реализации) спровоцировала

мощное противодействие со стороны православного духовенства. К конфликтам на религиозной почве добавились и проблемы с казаками. Речь Посполитая стремилась ограничить их численность, создавая резервы и формируя таким образом вооруженные отряды, способные защитить границу от татарских набегов. Магнаты упорно противились включению казаков в шляхетское сословие. К концу XVI в. дело дошло до открытых выступлений. Сложно определить, в какой степени уже тогда эти выступления были мотивированы национальными устремлениями казачества; но совершенно очевидно, что их целью была защита православия. Со временем на эти конфликты наложился и чужие интересы — сначала Габсбургов и Турции, а затем Швеции, Москвы и Франции. Особой остротой отличалась проблема православной церковной иерархии. Речь Посполитая противилась установлению политического равноправия униатских епископов с католическими и добивалась ограничения прав православия. Патриарх Константинопольский Кирилл Лукарис (зтайне симпатизировавший кальвинизму) пропандировал в интересах Турции возможность создания независимого патриаршего престола в Киеве. В аналогичном направлении ртал со временем действовать и московская церковь. Речи Посполитой так и не удалось привязать казаков к Польше.

В 1613—1620 гг. казаки все смелее нападали не только на Крым, но также и на турецкие владения. Хотя Речь Посполитая стремилась к сохранению вечного мира с Турцией, она была не в состоянии сдерживать самостоятельные действия своих магнатов в Валахии и Молдавии. Впрочем, казаков удержать было сложно, а Польша рассчитывала на их участие в новом походе на Москву. Война началась в 1617 г. с неудачного занятия тропа королевичем Владиславом. Подошедшие польские отряды под предводительством гетмана Петра Конашевича-Сапегина позволили начать штурм Москвы. Вскоре, однако, стало очевидно, что кампания не имеет шансов на успех, а потому 10 декабря 1618 г. в Асулино было заключено перемирие, которое признало за Речью Посполитой приобретения в Северской и Черниговской землях и, само собою, Смоленск.

Тем временем Речь Посполитая столкнулась с двумя серьезными проблемами: с севера долетали отзвуки Тридцатилетней войны, с юга усиливалась угроза турецкого вторжения. Турция отвечала на казачьи набеги, но больше всего ее беспокоил союз Речи Посполитой с Австрией. Речь Посполитая не хотела вступать в Тридцатилетнюю войну даже ради территориальных приобретений в Силезии. Но воинный конфликт не обошел Польшу стороной: он не принес ей ника-

ких выгод, но причинил значительный ущерб. В самом начале военных действий Речи Посполитой удалось избавиться от докучавших своими набегами военных отрядов Александра Лисовского (знаменитых «лисовчиков»). На службе у Габсбургов они прославились рядом блистательных военных операций и чудовищными грабежами. Нанеся удар по Трансильвании (Семиградью), они вынудили семиградского князя Бетлена Габора отойти из-под Вены. Для турецкого султана Осмапа II это стало последним аргументом в пользу разрыва вечного мира с Речью Посполитой. В это время на приграничных территориях войск почти не было, магнаты действовали самостоятельно, а сейм не желал прислушиваться к предостережениям гетмана. Станислав Жолкевский (уже в преклонных годах) погиб во время отступления после кровавого поражения поляков под Цецорой в Молдавии (19—29 сентября 1620 г.). Через год после этих событий гетман Кароль Ходкевич сумел сдержать мощный натиск турецкой армии под Хотинном. Между Речью Посполитой и Турцией был заключен мир, установивший границу по реке Днестр.

Едва был урегулирован неосмотрительно спровоцированный конфликт с Турцией, как возникла угроза со стороны Швеции. Уже в военных столкновениях 1617—1622 гг. была потеряна часть Ливонии. В 1625 г. шведский король Густав Адольф захватил Ригу, сломил сопротивление слабых литовских сил, захватил Курляндию и переправил свою армию по морю в Пруссию. Война 1626—1629 гг. за контроль над устьем Вислы продемонстрировала внешнеполитическую изоляцию Речи Посполитой и ее неспособность к быстрым и эффективным военным действиям. На протяжении 1624—1627 гг. сейм так и не смог утвердить налоги, предназначавшиеся на военные нужды. Коронный гетман Станислав Конецпольский оказывал шведам героическое сопротивление, даже одержал 27 июня 1629 г. победу у Тштяны³, но не сумел снять осаду с Гданьска. Австрийская помощь оказалась также малоэффективной. Война завершилась перемирием 26 сентября 1629 г. в Альтмарке, где в качестве посредника выступила Франция, которая рассчитывала на переброску армии Густава Адольфа на территорию империи. Шведы сохранили за собой земли Ливонии до реки Двины и гарнизоны в прусских крепостях; по условиям перемирия они получали доходы от взимавшихся в Гданьске таможенных пошлин и гарантии религиозных свобод для протестантов. Речи Посполитой пришлось отказаться от мысли о создании собственного военного флота.

Этот унижительный диктат со стороны Швеции показал не только беспомощность Речи Посполитой на международной арене, но также

и непонимание шляхтой проблем, выходящих за пределы ее непосредственных интересов. Такие выдающиеся вожди и политики своего времени, как канцлер Якуб Задзик, гетманы — великий коронный Янислав Консцпольский и литовский Кшиштоф Радзивилл, имели достаточно отчетливое представление о сложившейся ситуации и считали ее необходимыми для ее урегулирования средствами. Но и они не хотели посягать на основные шляхетские свободы. Несмотря на усилия Сигизмунда III, который с 1616 г. и до своей смерти сумел допустить ни одного срыва сейма, предубеждений шляхты проследить не удалось. Не удалось также провести реформу принципов римской элекции.

Но своему еще более трагичным было правление его сына — Владислава IV (1632—1648). На этот раз выборы короля прошли гладко и мирно, хотя во время безвластия каждый, кто мог, стремился стабилизировать внутреннюю ситуацию. В атмосфере различных претензий со стороны протестантов и православных, антиклерикальных выступлений католиков, требований армии, казаков и прусских сословий все надеялись найти в лице Владислава IV своего короля. В действительности же Владислав ощущал себя связанным с Речью Посполитой не более, чем его отец: он никогда не отказывался от мечты получить если не королевский трон, то хотя бы какую-либо реальную власть в Швеции. Однако он столкнулся с еще более сильным сопротивлением, которое соответствовало нарастающему бессилию королевской власти. Такие выдающиеся государственные деятели своего времени, как Ежи Оссолинский или Якуб Собеский, не могли не видеть недостатков системы функционирования сейма, государственного управления и налоговой системы, но на реальные действия не решались. Попытки реформ тормозились всеобщим убеждением, что Речь Посполитая является оплотом порядка и мира в истекающей кровью Европе. Амбициозный король, в свою очередь, желал войны в надежде, что ему удастся разбудить боевой дух в миролюбиво настроенной польской шляхте. Как оказалось, это было довольно опасным заблуждением.

Наступление русских войск осенью 1632 г. стало поводом для Владислава IV заявить о своих притязаниях на царскую корону. Он погнав на подмогу Смоленску и вынудил осаждавшие город войска капитулировать. Обе стороны (учитывая ситуацию в Прибалтике и опасность со стороны Турции) согласились заключить мир в Поляново (27 мая 1634 г.). Однако все надежды Владислава получить шведский престол после смерти Густава Адольфа перечеркнула решитель-

ная политика шведского канцлера Акселя Оксенштерны. Сейм был против войны, а потому 12 сентября 1635 г. в Штумдорфе был заключен мир со Швецией на 26 лет, по которому Польша возвращалась Пруссия, а Ливония оставалась в руках шведов. Претензии Владислава IV на шведский трон обошли молчаливым. Швеция получила гораздо больше того, на что могла рассчитывать по результатам военных действий. Девизом доблестных сарматов уже тогда был мир и благополучие. С этого момента Речь Посполитая оказалась вне Тридцатилетней войны, не обращая внимания на подстрекательские жесты с разных сторон в 1635—1645 гг. Брак короля с Цецилией Ренатой (из династии Габсбургов) в 1637 г. означал очередное сближение с Австрией. Но переориентация внешней экспансии в юго-восточном направлении не обеспечила Речи Посполитой ни территориальных приобретений, ни международного престижа. Владислав не сумел осуществить создание «Кавалерии Ордена Непорочного Зачатия», которая могла бы стать своеобразной аристократической партией при короле. Не удалось ему добиться и поддержки для введения таможенных пошлин в Гданьске и решения проблемы казачества политическим путем.

В конце 30-х годов XVII в. вновь обострилась ситуация на Украине: участились татарские набеги, во время которых десятки тысяч людей утонули в цесово. Было принято решение поручить защиту рубежей армиям магнатов. Попытки ограничить самостоятельность казаков привели к бунтам. В 1637 г. у Кумеек было жестоко подавлено восстание под предводительством Павлюка (Павел Бут), и еще более жестокие репрессии обрушились на казаков в 1638 г. Сейм ограничил казацкие свободы, лишил их права выбирать гетмана, сократил ресстр, а оставшихся казаков рекомендовал перевести в разряд зависимого населения. Но и с помощью этих мер ситуацию на Украине урегулировать не удалось.

Единственным позитивным для Польши результатом союза с Габсбургами было укрепление контроля над Пруссией. Лишившись поддержки императора, курфюрст Бранденбурга Фридрих Вильгельм был вынужден в 1641 г. принести в Варшаву присягу на верность польскому королю. После смерти первой жены Владислав IV взял в жены в 1644 г. Марию Людовик Гонзагу, демонстрируя таким образом изменение внешнеполитических приоритетов Польши в пользу Франции. Это положило начало антитурецким и балканским планам короля: они должны были привести к войне с Турцией, освободить Балканские страны от турецкой зависимости, а королю обеспечить укрепле-

ние его позиций в Польше. Ключевая роль в этих планах отводилась казакам, и Владислав втайне давал им далеко идущие обещания. Но Цирюпа не проявляла интереса к этому проекту, а сейм не желал и думать о войне.

В то время как Владислав IV ради удовлетворения собственных амбиций (но также для общественного блага) пытался подтолкнуть Речь Посполитую к более активной внешней политике, на Украине поднималась буря, в равной мере грозная и неожиданная. Силой, которая вызвала эту бурю, стали казаки. На малодоступных землях за карпатскими порогами, на краю Дикого поля — степи, отделявшей чуждые земли от татарских орд, — собирались люди, стремившиеся избежать правосудия, эксплуатации, ищущие приключений и легкой жизни. Казаки, происходившие из разных сословий и народностей, не признавали практически никакой власти. Теоретически они в меньшей степени подчинялись королю, чем Речь Посполитой, больше — самому, чем местным властям. В их среде также со временем сложился и имущественное неравенство.

Казаки, необходимые государству, но причинявшие ему беспокойство, связали свою судьбу с Украиной и православием, поскольку они были приняты Польшей. За неприятием казаков стояли разного рода предубеждения, и в первую очередь позиция крупных землевладельцев, заинтересованных более в рабочей силе, нежели в защите границ: магнаты стремились иметь больше крестьян и не желали участвовать в военных предприятиях. Такая позиция легко находила поддержку в шляхетских массах. Главным источником существования казаков были грабежи, которые зачастую становились причиной конфликтов Речи Посполитой с Турцией. Антикоролевская оппозиция использовалась тем, что Владислав IV пытался использовать казачество для реализации своих планов. Остались незамеченными серьезные перемены, произошедшие в настроениях если не большинства казаков, то по крайней мере их предводителей, которые считали, что единственным выходом из сложившейся ситуации может быть создание собственного государства, хотя бы сначала и в союзе с Речью Посполитой. Но казаки недооценивали силу сопротивления магнатов, а те, со своей стороны, пренебрегали настроениями крестьян. Эксплуатация крестьянства на Украине была более интенсивной, чем в Польше: земля здесь приносила хорошие урожаи, но рынок сбыта ограниченный; поэтому землевладельцы постоянно старались обложить крепостных более высокими податями. Крестьяне отличались от помещальцев этнической и религиозной принадлежностью, что

создавало иную по сравнению с остальными землями Короны ситуацию. На берегах Днепра шляхтич воспринимался как «лях» — чужак и католик, а шляхтич, со своей стороны, относился к зависимому от него православному крестьянину, как потенциальному бунтовщику.

На приграничных территориях огромное значение имела постоянная угроза нападения со стороны Турции. Здешня шляхта никогда не расставалась с оружием, в то время как знать Великой и Малой Польши могла забыть о том, как им пользоваться. Однако ни многотысячные армии магнатов, ни пасмные отряды гетманов — всегда плохо оплачиваемые — были не в состоянии гарантировать Украине безопасность. Это влияло не только на отношения с казаками, но, безусловно, и на настроения местного крестьянства.

Все эти земли: плодородная Подолия, знаменитая своими пастбищами Вольны и прежде всего украинская степь по обоим берегам Днепра — обладали для поляков особой привлекательностью. Отсутствие интереса к Силезии и Поморью, а по сути дела, даже и к Пруссии контрастировало с заботами о сохранении украинских земель в составе Речи Посполитой. Это не был еще характерный для более позднего времени «окраинный» сепаратизм. Украина первой половины XVII в. все еще таила в себе огромные возможности. Это были земли, где взаимодействовали многие культуры. Однако польская культура оказалась здесь в невыгодной ситуации, так как Речь Посполитая отвергала социальные устремления формировавшейся там элиты. Эта позиция стоила Польше моря крови, значительного ослабления государства и стало причиной пашествия более опасного, нежели турецкое. Национальный фактор здесь еще не успел приобрести вес, а потому бунт против господ-поляков толкнул Украину в объятия царского — но все же православного — деспотизма. За десятилетие с момента выступления Богдана Хмельницкого (1648—1658) произошли события, имевшие трагические последствия как для Польши, так и для Украины.

Сейм 1646 г. воспрепятствовал планам короля, а нападки на Владислава IV приняли резкую форму. Тем временем казаки, потеряв надежду на начало большой войны, обратились в сторону Крыма. Подготовку крупного восстания возглавил Хмельницкий. Когда весной 1648 г. он выступил в поход вместе с татарским подкреплением, Речь Посполитая оказалась к этому не готовой. В самый канун драматических событий 20 мая 1648 г. скончался Владислав IV.

Начавшееся восстание обнаружило беспособность Речи Посполитой подняться над интересами магнатов восточных земель. Череда

военных поражений продемонстрировала, в свою очередь, отсутствие хороших полководцев, слабость армии и несостоятельность шляхетского ополчения — «посполитого ружения». Победы Хмельницкого в битвах при Желтых Водах (16 мая) и Корсуни (26 мая), а также пленение гетманов позволили восстанию распространиться на всю Украину. Политика переговоров разбилась о свершившиеся факты: гетман Оссолинский, примас Лубецкий и брацлавский воевода, главный по вероисповеданию, Адам Кисель пытались склонить казаков к примирению. Однако вспыхнувшее восстание завело Хмельницкого гораздо дальше, чем он того ожидал. Крестьянские выступления охватили всю Украину, а зверства с обеих сторон усиливали накал борьбы. Представители партии, выступавшей за продолжение военных действий: Иеремия Вишневецкий, Александр Конскацкий, Януш Радзивилл и др. — отказались от переговоров. Это решение привело к унижительному поражению коронной армии 6 сентября 1648 г. под Пилявцами: 34 тыс. солдат и в несколько раз больше обозных и челяди бежали с поля битвы без боя, бросив хорошо устроенный лагерь с несметными богатствами. Это поражение, беспрецедентное в своем роде в истории Речи Посполитой, существовавшей в то время, оказало огромное влияние на дальнейший ход событий.

Двадцатого ноября 1648 г. королем был избран брат покойного Яна Казимира — Ян Казимир. Поспешность выборов была оправдана тем, что отряды Хмельницкого стояли под Львовом и Замостьем, опустошали Подолье. Ужас, стыд, жажда мести — все это вынудило депутатов прийти в конце концов к согласию и утвердить необходимые для продолжения военных действий налоги. Их сбор, однако, осуществлялся с трудом, а потому вновь пришлось возобновить переговоры, которые, к сожалению, не привели из-за невыполнимости условий, которые выдвинул Хмельницкий. Для обеих сторон война оказалась неизбежной: Речи Посполитая не могла отказаться от главного направления своей внешней политики — территориальной экспансии, так и Хмельницкий не мог пойти против возмущенных масс. И хотя казаки презирали крестьян и не считали их отдавали их десятками тысяч в полон татарским союзникам, казаки побаивались этой вооруженной массы.

В 1648/49 г. прошла в переговорах, Речь Посполитая вооружилась, но очень медленно. Казалось, только Вишневецкий, который в 1648 г. успешно вел кампанию в одиночку, знал, что необходимо предпринять. Он также фактически в одиночку возглавил оборону лагеря в городе Збараж, где около 2 тыс. солдат в начале июля 1649 г. оказались в осаде. Несмотря на выгодную позицию, судьба

защитников лагеря была предрешена. Ян Казимир выступил из Люблина всего-навсего с несколькими тысячами солдат, рассчитывая, впрочем, на одновременное наступление литовской армии под командованием Радзивилла. На марше польские силы несколько увеличились, но под Зборовом их застигла врасплох сотысячная армия Хмельницкого и хана Ислама Гирея. Еще немного, и это столкновение закончилось бы катастрофой. Ян Казимир спас положение во время сражения, а Оссолинскому удалось переманить хана на свою сторону. Татары уже захватили достаточно яссы¹, к тому же до них доходили известия об успехах литовского войска, а потому, получив значительный выкуп за польских пленных, хан склонил Хмельницкого к соглашению. Число реестровых казаков было увеличено до 40 тыс.; устанавливались гарантии религиозных свобод для православного населения. Спасение Збаража и приостановка наступления Хмельницкого были в тех условиях успехом. Сейм, однако, крайне неохотно подтвердил заключенное соглашение. Оно оказалось невыполнимым: шляхта старалась не допустить чрезмерного усиления казаков, но у нее не было средств, чтобы заставить вооруженных крестьян снова взяться за плуг. Хмельницкий, видя нерепительность Речи Посполитой и зная о ее слабости, обратился к Турции с расчетом создать с ее помощью собственное государство. С польской стороны возобладали партия во главе с Вишневецким и Лещинским, ратававшая за продолжение военных действий. Яну Казимиру удалось собрать тридцатитысячную наемную армию, что вместе со шляхетским ополчением и челядью составило около 90 тыс. вооруженных людей. В трехдневном сражении под Берестечком 28—30 июня 1651 г. польская армия одержала долгожданную победу. Первыми обратились в бегство татары; часть казачьей армии сумела, однако, спастись от разгрома, так как шляхетское ополчение, вместо того чтобы сражаться, устроило сеймик. Дальнейшая кампания, в которой участвовали уже только наемные отряды Польши и Литвы, закончилась в сентябре соглашением под Белой Церковью. Оно было для казаков менее выгодным, чем Зборовский мир: реестр был сокращен до 20 тыс. человек. Триумф, однако, был преждевременным, потому что Речь Посполитая, даже утвердив необходимые для ведения военных действий налоги, собирала их очень медленно. Король знал о сложностях продолжения военной кампании и предпочитал вести переговоры. Шляхта воевать не хотела, а приграничных магнатов беспокоили растущие потери убитыми и уведенными в полон: речь шла об их крепостных, без которых земельные владения никакой ценности не

представляли. Хмельницкий, в свою очередь, стремился упрочить позиции с помощью брака своего сына с дочерью молдавского господаря Василия Лупу и укрепления связей с Турцией. Двадцатитысячная польская армия под предводительством гетмана Мартина Калиновского, пытаясь отрезать Хмельницкому путь на Молдавию, была неожиданно атакована на Южном Буге у Батога (2—3 июня 1652 г.) и полностью разгромлена; с польской стороны потери составили более тысяч человек.

Год 1652 начался под несчастливой для Речи Посполитой звездой. Повое поход сейма Ситинский (Ситчинский), действуя в интересах своего патрона Януша Радзивилла, не согласился на продление заседаний сейма, который не уложился в установленный шестинедельный срок. Шляхта хотя и возмущалась, но уступила, ведь речь шла о ее собственной привилегии: право *liberum veto* тешило шляхетское тщеславие. Подготовка нового похода, организованного для защиты города Каменца в Подолии, продолжалась два месяца из-за канители и споров о жалованье солдатам, и, наконец, когда возникла угроза со стороны крымского хана, польские войска окопались под городом Жванцем. Но ввиду польской армии иссякали, а беспорядок нарастал, поэтому в Царьграде с татарами было заключено соглашение на условиях Зборовского перемирия. Уходила в небытие оказавшаяся трудноосуществимой надежда на то, что удастся выработать приемлемый *modus vivendi* с казаками. В этой ситуации Хмельницкий решил искать поддержку в Москве, к чему его подталкивало и православное духовенство. Такой выход из ситуации был вполне логичен — он устранял социальные и религиозные основания для конфликта. В январе 1654 г. было заключено Переяславское соглашение между Хмельницким и царем Алексеем Михайловичем Романовым, которое гарантировало административную автономию и казацкие свободы в Киевском и Черниговском воеводствах под протекторатом Москвы. Отряды во главе с великим коронным гетманом Станиславом Потоцким опустошили Украину, а 29 января — 1 февраля 1655 г. разгромили под Охматовом объединенные московско-казацкие силы. Но желаемого результата полякам достичь не удалось, а не получавшая жалованья армия начала расходиться, вынудив поляков отступить. Удалось гарантировать только нейтралитет крымских татар, обеспокоенных чрезмерным усилением Москвы. Тем временем русская армия двинулась на Смоленск и Могилев, и, встретив глубокое сопротивление, в июле 1655 г. вступила в Вильно.

В это же время Речь Посполитую захлестнула волна шведского «нашествия». Выступив против Польши, Карл X Густав стремился пожи-

виться ее богатствами и снова обложить пошлиной польское зерно. Карл X рассчитывал, что, укрепив таким образом свои позиции, он сможет начать борьбу с Московией. Речь Посполитая казалась слишком слабой, чтобы Швеция всерьез относилась к возможности совместных военных действий против России. Двадцать пятого июля 1655 г. у селения Устье шляхта Великой Польши без сопротивления перешла на сторону шведов. Восемнадцатого августа аналогичным образом поступил в Ксйдажах гетман Януш Радзивилл вместе с литовской шляхтой. Девятого сентября Карл без сопротивления занял Варшаву. Все больше воеводств сдавалось шведам, Ян Казимир бежал из Кракова: считая ситуацию безнадежной, польский король вверил защиту города Стефану Чарнецкому и укрылся в конце сентября в Силезии. В октябре пал Краков, не имевший (как и большинство городов Речи Посполитой) соответствующих фортификационных сооружений. Только Мальборк, Львов и Каме́нец-Подольский представляли собой крепости. Ряд меньших, плохо защищенных замков: Замостье, Любавля, Виснич, Биржи (Биржай) — оставался в руках магнатов. Для противодействия шведам не доставало решимости бороться. Войска во главе с гетманом Конецпольским 26 октября 1655 г. принесли присягу Карлу X. Не сложили оружия только литовские отряды под предводительством Павла Сапегы. С сентября Львов сдерживал натиск Бутуралина и Хмельницкого. Но падение хапа вынудило Хмельницкого отказаться в помощи шведам и России.

Двадцатого ноября шведы осадили монастырь ордена паулинов на Ясной горе под городом Ченстохова. Неудача этой осады (шведы были вынуждены отступить 27 декабря) нашла широкий отклик во всей Речи Посполитой. Шляхта, которая отрекалась от Яна Казимира чаще всего из соображений собственной выгоды, поняла свою ошибку еще и потому, что шведы вели себя как завоеватели и не собирались признавать шляхетские права и свободы. Они посягали на экономическое благополучие, религиозные чувства и политические свободы шляхты. А потому собственные интересы и разочарование в шведах вынудили шляхту изменить свою позицию. Первой выступила знать Великой Польши; был провозглашен королевский манифест от 15 ноября, а в Тышовцах (20 ноября) шляхтой Малой Польши и литовцами Сапегы был подписан акт конфедерации. Карл X захватывал тем временем прусские города, которые оказывали ему серьезное сопротивление. В этих условиях колеблющийся или же торгующийся о цене курфюрст Бранденбурга 17 января 1656 г. признал себя ленником Швеции. Этот шаг подтолкнул Данию и Нидерланды вмешаться в конфликт, тем бо-

что Гданьск успешно сопротивлялся шведам. Ян Казимир решил вернуться, и в январе 1656 г. появился во Львове. Вокруг него собирались все более многочисленные сторонники (предавшие его в недалеком прошлом). Летом Стефан Чарнецкий, совершавший с переменным успехом военные набеги на шведские отряды, встал во главе значительных, хотя и не очень организованных военных формирований. Карлу X Густаву с трудом удалось вырваться из окружения в междуречье Вислы и Сана. Ян Казимир штурмом взял Варшаву (2 июля). Опьяненная успехом шляхта начала расходиться по домам, и король с поредевшей армией 28—30 июля проиграл сражение под столицей. По всей стране продолжались вооруженные столкновения, но уже с осени военная чаша весов стала склоняться в пользу Речи Посполитой. Однако Карл, зная о слабости польской армии, надежды не терял. Он пытался переигнуть на свою сторону курфюрста Бранденбурга, обещая ему Великую Польшу и Куявию. В декабре 1656 г. в местечке Раднот было подписано очередное соглашение, по которому предполагалось разделить Речь Посполитую между шведами, Бранденбургом, князем Трансильвании Дьёрдем Ракоци и Радзивиллами. Ситуация становилась катастрофической. Польское наступление на Пруссию было сорвано императором, заинтересованным в голосе курфюрста Бранденбурга на предстоящих выборах. Зимой 1656/57 г. Ракоци удалось продвинуться далеко вглубь Польши, произведя огромные опустошения. В апреле его армия соединилась с отрядами Карла X Густава. Но против Швеции выступила Дания; обещал свою помощь и император, однако татар Турцию в военный конфликт вовлечь не удалось. Армия Ракоци получила отпор, а 22 июля 1657 г. была вынуждена капитулировать у Черном Острова в Подолии. Шведский гарнизон отступил из Кракова. В августе удалось вернуть опустошенную Бранденбургом Великую Польшу, и военные действия переместились в Поморье. В Пруссии литовские войска основательно прижали курфюрста. Однако он (не без помощи императора) немало получил за то, что оставил Карла X: соглашения в Веляве (19 сентября) и Быдгоще (6 декабря 1657 г.) освободили Пруссию от ленной зависимости от Польши.

Летом 1658 г. в Варшаве наконец-то смог собраться сейм для решения самых неслужных финансовых проблем. Был также издан указ об изгнании из Речи Посполитой ариан — скорее как изменников, чем как еретиков. Протестанты оказывали поддержку шведам чаще, чем шляхта католического или православного вероисповедания, однако они дольше и с большей охотой оставались на их стороне. Приобретавшая религиозную окраску война должна была с не-

избежностью обрушиться и на них. В том же году была предпринята попытка реализовать великий замысел — заключить государственную унию с казацкой Русью. Гадячский договор с новым гетманом Иваном Выговским был подписан, однако слишком поздно. Под власть казацкого гетмана переходили три украинских воеводства, православие получало равные с другими вероисповеданиями права, значительной части казаков было пожаловано шляхетство, а их вожди получали должности и земельные пожалования. Обе стороны понимали, что примирение необходимо, но с обеих сторон были противники унии. Шляхта, забыв о собственном позоре, не желала мириться с предоставлением сословных прав казачеству; казацкие полковники завидовали тем, кто получал отаманья, а массы тревожила перспектива возвращения к барщине. Россия поспешила воспрепятствовать этому соглашению. Несмотря на то что кампания 1659 г. на Украине принесла полякам и казакам⁵ значительные успехи, осенью с помощью силы и подкупов Украина вновь оказалась подчиненной России (Переяславское соглашение 27 октября 1659 г.⁶). От этого союза Украине уже не удалось освободиться.

В 1659 г. Москва ударила не только по Украине (Шереметев), но и по слабо защищенной Литве (Хованский). Тем временем польские сеймы, предъявляя королю многочисленные претензии, не спешили утверждать налоги, необходимые для покрытия невыплаченного солдатам жалования. Задолженность составляла 34 млн злотых. В этих условиях ведение войны в Пруссии, где в руках шведов оставалось еще много городов и крепостей, давалось с трудом даже с помощью дорогостоящей, но и не очень действенной австрийской поддержки. Однако и здесь удалось шаг за шагом потеснить шведов, так что в конце концов они согласились на заключение мира. Он был подписан вблизи Гданьска, в Оливе, 3 мая 1660 г. на принципах Штумдорфского мира. Успехи принесла и кампания на востоке: под Полонкой в Белоруссии Сапега и Чарнецкий разгромили Хованского, под Чудновом на Волыни армия Шереметева сдалась Потоцкому и Любомирскому (1 ноября 1660 г.). В следующем году московские войска постепенно вытеснялись из Литвы и Белоруссии. На Украине продолжалось внутреннее противостояние, но попытки организовать наступление не удались. Сложившееся положение вещей закрепило перемирие 1667 г. в Андрусове: Левобережная Украина отходила к России; Киев передавался России только на два года, но де-факто — навсегда.

Итоги событий 1648—1660 гг. не могут оцениваться однозначно. Как оказалось, Речь Посполитая была не в состоянии обеспечить

опасность своих границ, защитить жизнь и имущество своих граждан, и не только от угрозы со стороны государств с централизованной властью, но также от социальных бунтов. Стало совершенно очевидным, что магнатские слои, не будучи тесно связаны с польским тронном, отождествляли интересы Речи Посполитой более со своими личными, чем с «общим благом». Можно также утверждать, что в условиях, когда не существовало механизмов сдерживания сословного произвола, он оказался опасным для самого существования Речи Посполитой. Нет сомнений и в том, что в ситуации, когда государству со всех сторон грозила опасность, слабость финансовой системы и отсутствие сильной исполнительной власти представляли для страны серьезную угрозу. И в ту эпоху, и позднее много говорилось об изнеженности, лени, склоничестве и других пороках шляхты. Однако такая характеристика представляется неполной.

Прежде всего необходимо отметить, что после стольких лет суровых испытаний Речи Посполитой удалось выстоять как государству, что утратила часть своих территорий и лишилась прежнего престижа; потери материального характера до сих пор с трудом поддаются подсчету. Они были поистине огромны: и захватчики, и защитники нещадно грабили страну. Во время своего паломничества в 1661 г. на Мшчю Горы Ян Казимир не случайно благодарил Богородицу за свершившееся чудо: опасность была настолько серьезной, а государственнический аппарат настолько слабым, что освобождение страны казалось результатом чудесного вмешательства. Осознав, что ее свободой и земельным владением грозит опасность, шляхта сумела прийти к общему и дать отпор захватчику, не меняя при этом существующей системы власти и не мешая при этом сама. Реформы, о которых говорилось в моменты величайшей для государства опасности (например, пользовской клятве Яна Казимира 1 апреля 1656 г.), осуществлены не были. И тогда, и позднее не удались попытки усовершенствовать систему государственной власти и порядок функционирования общества. Серьезным препятствием для проведения реформ стала и политическая разруха. Все тяготы по восстановлению страны, которое принималось шляхтой как восстановление своего прежнего уровня жизни, легли на плечи крепостного крестьянства. И это стало первым шагом, приведшим к изменению внутрисполитической ситуации в Речи Посполитой. Можно даже говорить о своего рода деформации процессов развития. Успехи польского оружия, которому, как казалось, покровительствовали небесные силы, воспринимались как еще один аргумент в пользу неспущности каких-либо перемен. Неудиви-

тельно поэтому, что такие апологеты существовавшего порядка вещей, как Анджей Максимилиан Фредро, считали свободную элекцию короля, принцип единогласия при принятии решений в сейме и даже отсутствие казны и армии основами шляхетских свобод. Эти свободы якобы никак не умалялись растущим влиянием «великих панов». Поэтому восстание Хмельницкого и отторжение Левобережной Украины, шведское нашествие и перспектива раздела государства, все более опасное давление со стороны России и усиление враждебно настроенной Пруссии — все это вместе взятое вовсе не убедило шляхту в необходимости создания надежных гарантий для своих свобод. Напротив, считалось, что таким гарантом, как и прежде, являются шляхетские сабли, а самая большая опасность исходит от монарха. Таким образом, Речь Посполитая продемонстрировала не только собственную слабость, но, наряду с этим, и необычайную жизнеспособность. Этот момент тем более заслуживает внимания, что в результате огромных потерь значительно снизилась боеспособность армии, а посполитое рушение продемонстрировало свою абсолютную непригодность.

В целом же шляхта была довольна собой и все неудачи списала на придворные интриги. Но уверенность в эффективности спонтанного вооруженного порыва со временем оказалась чреватой опасностями. Потери военного времени привели во второй половине XVII в. к катастрофическому ухудшению ситуации в Речи Посполитой, усугубив кризис существовавшей системы хозяйственной деятельности. Этому также способствовала шляхетская самонадеянность, а впоследствии — желание сохранить существовавший порядок вещей. Опасность такой позиции вскоре дала о себе знать на фоне устремлений магнатов, ставивших целью установить в государстве свою гегемонию. Это, в свою очередь, спровоцировало серьезный политический кризис, выхода из которого найти не удалось.

Двор, и особенно королева Мария Людовика, думали о политической реформе, в первую очередь о решении проблемы престолонаследия, для чего пытались создать придворную партию и усиленно хлопотали при австрийском и французском дворах. В 1661—1662 гг. эти планы по разным причинам потерпели крах. Их провалу способствовали и конфедерации, создаваемые не получавшими жалования солдатами. Конфедераты легко позволяли манипулировать собой и настраивать себя против королевских замыслов. Отношения между монархом и магнатской оппозицией резко обострились и в 1665—1666 гг. привели к вооруженному выступлению знати во главе с Ежи

Любомирским. Верные королю войска под началом Чарнецкого были разбиты 13 июля 1666 г. в кровавой битве под Монтвами (Куявы). И хотя Любомирский впоследствии отправился в изгнание, планы реформ были перечеркнуты, а авторитету королевской власти нанесен непоправимый ущерб. В 1668 г. Ян Казимир отрекся от трона.

Во время бурного конвокационного сейма под давлением посполитого рушения из числа претендентов на польский престол были исключены иностранцы. Польским королем был неудачно избран Микша-рибуг Вишневецкий (1669—1673). В его пользу говорили заслуги отца — Иеремии. Но в скором времени стало ясно, что не личность царя решает судьбу государства. Речи Посполитой вновь угрожала опасность со стороны Турции, которую спровоцировали на выступление антитурецкая направленность Андрусовского договора, так и действия казаков в Правобережной Украине. Но основные причины произошедшего конфликта надо искать в самой Османской империи. Из-за полного отсутствия средств, гетману Яну Собескому удалось в 1667 г. отразить нападения татар и казаков под местечком Подольца. Однако брожение на Украине склоняло Турцию и ее великого султана Кёпрюлю Мехмет-пашу к дальнейшим авантюрам под лозунгом священной войны. В 1672 г. пал Каменец-Подольский, а от дальнейшего турецкого нашествия Польшу спас унижительный Бучачский мир (18 октября 1672 г.), по которому Турция получала Подолье и Украину от Днестра до Днепра, а также ежегодную дань в размере 100 тысяч золотых. Перед лицом такой опасности в следующем году удалось собрать деньги на армию, благодаря чему Собеский провел успешную кампанию и разгромил под Хотинем турецкую армию Хуссейна-пашы (11 ноября 1673 г.). Отступление литовской армии и смерть короля приостановили дальнейшие действия, а в июне 1674 г. Ян III Собеский был избран на польский престол.

Новый король (без сомнения, самый выдающийся поляк той эпохи) стремился привести в порядок государственные дела, наладить порядок установленных налогов, сосредоточить в одних руках внешнюю политику и ограничить *liberum veto*. Это можно считать своеобразной программой минимум, если принять во внимание крепнувшее недоверие к Австрии, Москве и Бранденбургу. Почувствовав благоприятную международную конъюнктуру, Ян III заключил союз с Людовиком XIV (подписание 1675 г. в Яворове). Выбирая профранцузскую ориентацию, польский король рассчитывал на смягчение отношений с Турцией, а также на укрепление позиций Речи Посполитой в Пруссии и польского влияния в Гданьске. Бранденбург, как казалось Яну III,

представлял для Польши самую серьезную опасность. Но воплотить эти внешнеполитические планы по разным причинам не удалось. В 1676 г. Собеский пытался оказать сопротивление турецкой армии под Журавном, но из-за отсутствия средств и поддержки это противостояние закончилось подписанием невыгодного для Речи Посполитой трактата. Союз со шведами (1677) не пользовался популярностью среди шляхты, а также оказался неэффективным. Вена и Берлин, в свою очередь, сумели с помощью денег осуществить удачную контракцию. В результате Ян III, не находя поддержки своим планам даже в России, вернулся к антитурецкой и прогабсбургской ориентации во внешней политике, разрушая таким образом всегда чреватое для Польши опасностями соглашение между Веной и Москвой. Осознав несбыточность своих балтийских планов, король попытался договориться с внутренней оппозицией.

Наступил 1683 год. Собеский еще с 1679 г. пытался заинтересовать европейские дворы идеей создания антитурецкой лиги, хотя актуальность этой идеи была осознана только тогда, когда Вене стала угрожать реальная опасность. Союз с Австрией сделал неотвратимым военное вмешательство Польши и разрыв заключенного с Турцией договора. Ян III справедливо считал, что возникшую ситуацию можно использовать для реализации собственных планов. С 22-тысячным отборным войском он устремился к Вене, принял на себя командование объединенными силами христианских государств и 12 сентября 1683 г. одержал блестящую победу над армией Кара-Мустафы. Победа была личным успехом польского короля и одновременно значительным моментом в истории всей Европы. Заслуживает внимания то, как организованно удалось собрать войска, быстро осуществить их перемещение и насколько блестяще они сражались. Но дальнейшие кампании антитурецкой лиги показали, что одного военного таланта короля недостаточно. Венская кампания стала успехом единовременным, последней демонстрацией военных возможностей Речи Посполитой.

После Венской кампании все политические и военные планы короля разбивались о бессилие институтов власти и неприязнь шляхты. Идеи разжечь антитурецкое движение на Балканах или дойти до Черного моря энтузиазма не вызывали. Не находили они поддержки и со стороны Австрии. Ян III, будучи связан по рукам Турцией, согласился на заключение вечного мира с Россией, который был подписан Книсиштофом Гжимутовским в 1686 г. Хотя к этому миру относились как к временной мере, он фактически закреплял существовавший поря-

дик вещей, т. е. невозможность вернуть назад Киев, Чернигов и Смоленск. В тексте договора также имелись оговорки, дававшие России право взять под свою опеку православие в Речи Посполитой. Таким образом был окончательно подтвержден Андрусовский договор, подтверждавший попытки активного противодействия Москве. Доминирующее положение России стало свершившимся фактом, но эта реальность осталась в Польше незамеченной. Не были услышаны и пророческие слова короля о польской анархии (1688)⁷.

Последнее десятилетие правления Собеского было ознаменовано попытками короля обеспечить будущее своего сына, а также пассивностью Речи Посполитой по отношению к меняющейся международной конъюнктуре. У государства уже не было сил, чтобы воспользоваться ослаблением своих врагов, в первую очередь Бранденбурга. Договор с Австрией повлек за собой крайне неудачные военные кампании в Подолии и Молдавии, что еще больше подорвало авторитет Речи Посполитой.

Междуцарствие 1696—1697 гг. стало периодом настоящего хаоса. Элекция протекала бурно: на польский престол были избраны одновременно французский кандидат принц Конти и саксонский курфюрст Август. Последний действовал быстрее и короновался 15 сентября 1697 г. Необычность этого события заключалась даже не в том, что роль в выборах сыграл царь Петр, и не в громадных суммах, ценных магнатами от всех возможных претендентов на польский престол, и даже не в том, что корону получил кандидат, избран большинством. Удивительно другое: королем был выбран человек, который явно выражал абсолютистские тенденции. Август II, впрочем, и Собеский, пытались упрочить собственные позиции в отношении получения наследственных королевских владений, например в Силезии, хотя сам он располагал гораздо большими средствами. Цели реформ и возможность заключения реальной унии, или объединения Саксонии и Речи Посполитой через силезские земли, — все это не вызывало энтузиазма в шляхетской среде. Шляхта позаботилась о том, чтобы еще раз были подтверждены ее права, но не дала своего согласия на какие-либо перемены. Карловицкий мир с Турцией (26 января 1699 г.) возвратил Речи Посполитой Каменец-Подольский, но не вернул утраченных ею позиций на международной арене. Бурнистом Австрии на юге становилась Россия Петра I; на севере, в Пруссии, в 1701 г. был коронован Фридрих I, который рассматривал соседние польские земли как территорию для безнаказанного грабежа и вербовки рекрутов. Началась Северная война, в которой Речь

Посполитая участия теоретически не принимала. Но в отличие от Тридцатилетней войны военные действия велись теперь на польских землях. Август II, рассчитывая установить свою наследственную власть в Ливонии, заключил с Данией и Россией союз против Швеции. Однако молниеносные действия армии Карла XII сорвали эти планы. В 1702 г. шведы вторглись в Польшу и заняли Варшаву, а после разгрома Августа II 19 июля у Клейшова захватили Краков. Но даже в такой чрезвычайной ситуации шляхта не поднялась на борьбу с захватчиком. Часть польской знати перешла на сторону шведов, создала в Варшаве генеральную конфедерацию и объявила бескорольеве. Сторонники Августа в мае 1704 г. объединились в Сандомирскую конфедерацию и искали поддержку в России. В июле 1704 г., под неусыпным контролем шведов, польским королем был избран Станислав Лещинский (коронация состоялась 4 октября 1705 г.). Война переросла в русско-шведское противостояние на землях Речи Посполитой. Сражавшиеся по обе стороны польские отряды не играли в этом противостоянии ни малейшей роли.

Ударив по Саксонии, Карл XII вынудил Августа II отречься от престола и выйти из войны (Альтранштадтский мир 1706 г.). Несмотря на то что европейские державы признали Станислава Лещинского, в самой Польше борьба против него не прекращалась. Поражение Карла под Полтавой (8 июля 1709 г.) означало поворот в войне. Петр I вошел в Варшаву, и над Речью Посполитой был установлен русский контроль. Август II был вновь возведен на престол в 1710 г. Но поражение в войне с Турцией заставило Петра подписать Прутский мир (1711), по которому русские войска должны были покинуть территорию Речи Посполитой.

Разоренная войной страна получила временную передышку, дальнейшие военные действия велись уже за ее пределами. Август II стремился воспользоваться ослаблением страны для воплощения своих монархических планов; шляхта настаивала на республиканских формах правления; магнаты старались сохранить существовавший порядок вещей. Король надеялся достичь своих целей, играя на антагонизме интересов шляхты и магнатов, и поддерживал планы ограничения власти гетманов. Он рассчитывал в первую очередь на саксонскую армию. Тем временем Турция, с 1713 г. находившаяся в состоянии мира с Россией, готовилась к агрессии и захвату Правобережной Украины. Пруссия намеревалась занять Вармию. Завершение войны за испанское наследство позволило Австрии вмешаться, и в 1714 г. условия Карловицкого мира были подтверждены. Одновременно под давлени-

ем русской армии между Августом II и Тарноградской шляхетской конфедерацией (1715) было заключено перемирие. Речь Посполитая приращалась в объект международной политики, но казалось, что диктат со стороны России полякам не мешает.

Еще в середине XVII в. Речь Посполитая была значимым элементом политической системы в восточной части Европы. На пороге XVIII в. она перестала быть самостоятельной. И сразу же все гарантии побед превратились в фикцию, а защиту политического статус-кво взяли на себя иноземные дворы. К военной разрухе и грабежам со стороны армии добавились бедствия от голода (1708—1709) и эпидемий (1708—1711).

Во второй половине XVII в. ухудшилась экономическая конъюнктура для фольварочного хозяйства. В обнищавшей стране сократился объем внутреннего рынка. В поисках выхода из сложившейся ситуации землевладельцы пытались увеличить повинности, что, в свою очередь, уменьшало шансы на восстановление рынка. Сократились потребности в польском зерне в Европе, где все более ощутимой становилась конкуренция со стороны России. Но значительные богатства Речи Посполитой позволяли ей долгое время противостоять кризису и уклоняться от каких-либо перемен.

Аналогичным образом обстояло дело и с политической системой, чья слабость была относительной: она выглядела таковой на фоне несправедливости стоявших перед республикой проблем. Шляхта еще активно участвовала в политической жизни, но все больше утрачивала связь с новыми требованиями эпохи. Институты и сложившиеся обычаи постепенно окостеневали; шляхетская сабля также в значительной мере утратила свою ценность. Армия, пусть немногочисленная и плохо оплачиваемая, в XVII в. была еще достаточно боеспособной, доказательством чему стали победы Яна III. Но несовершенство феодальной системы, не позволявшей собрать даже утвержденные сеймом налоги, влияло на снижение боеспособности армии, ставшей отражением всех достоинств и пороков шляхетского сословия. Постепенное рушение уже с середины столетия не представляло собой военной силы, а количество шляхтичей, служивших в войске, все время сокращалось, составив в конце века лишь 20% ее общего числа. Карьеры невозможно было сделать карьеру, так как восходящая служба не приносила, а позиции монарха постоянно ослабевали. Еще в шведского «погрома» массовое участие шляхты в войне помогло отвести страну от армии захватчиков. В войнах с Турцией конца XVII в. и особенно во время Северной войны одного желания сра-

жаться было уже недостаточно. Однако продолжал существовать миф о 20 тыс. сабель, готовых в любую минуту встать на защиту свободы и целостности Речи Посполитой. И этот миф серьезно мешал проведению военной реформы.

Внутриполитический кризис в стране выражался не только в прогрессирувавшем ослаблении позиций короля и в царившем в сейме хаосе. Попытки установить абсолютную (или хотя бы наследственную) власть, которые предпринимались на протяжении почти всего XVII в., были мало реалистичны, равно как и планы усовершенствовать процедуру проведения сейма, ибо все эти замыслы не соответствовали реальному состоянию общества. Речь Посполитая постепенно превращалась в разновидность олигархической республики, лишенной дееспособной исполнительной власти.

Эта ситуация вполне устраивала всех представителей шляхетского сословия: магнатам она давала реальную независимость, землевладельцам — хорошее расположение духа, а мелкой шляхте и полоте — возможность нахлебничать при дворах магнатов. Одновременно с этим в Речи Посполитой не существовало института, который мог бы обеспечивать гегемонию одной из магнатских группировок. Соперничество между фракциями все чаще сводилось к тому, чтобы парализовать деятельность противника, а это вело к упадку сейма и дезорганизации сеймиков. Однако эта деформация общественной жизни, которая наметилась уже в конце XVII столетия, не противоречила шляхетским представлениям о свободе. С другой стороны, когда ущемлялась власть монарха, росло влияние гетманов. Именно они были ближе всего к тому, чтобы навязать шляхетскому сословию сильную власть. Гетманы первой половины XVII в.: Станислав Жолкевский, Кароль Ходкевич, Кшиштоф Радзивилл и Станислав Конецпольский — были вождями и политиками высокого класса. Когда же власть гетмана стала все больше напоминать королевскую, булава оказалась в руках более заурядных людей: Калиновского, Потоцкого, Вишневецкого, Яблоновского или Паца. Удивительно, что в какой-то момент булава досталась Собескому. В конце столетия стала очевидной бесплодность могущества гетманов. Попытки ограничить это могущество не означали желания преодолеть царившее в стране безвластие, но предпринимались под лозунгом возврата к прошлому. Тем временем в политической жизни государства, которое уже не могло падежно себя защитить, вмешательство извне становилось все более заметным.

Уже в 1667 г. между Швецией и курфюрстом Бранденбурга, а в 1675 г. между Австрией и Россией был подписан договор о со-

ранинии в Речи Посполитой существовавшего порядка вещей. 1698 г. с этой целью был заключен союз между Австрией, Бранденбургом и Швецией. Прутский мир 1711 г. предусматривал невмешательство России в польские и казацкие дела. Но после 1713 г. уже Польша претендовала на роль защитницы шляхетских свобод, и в 1717 г. она сумела фактически взять на себя эту роль. Речь Посполитая до этого была вынуждена мириться с временным диктатом со стороны Швеции или Турции (1672). Может быть, именно поэтому Речь Посполитая пошла на губительные для нее союзнические договоры с Россией в Нарве (1704) и со Швецией в Варшаве (1705). Целью этих держав было подчинение Речи Посполитой. Как же шляхта сумела примирить свой идеал свободы, который она защищала с таким упором, с произволом «великих панов» и диктатом иноземцев? Складывается впечатление, что Речь Посполитая шла к этому довольствуясь. Считая себя хранилищем «золотых шляхетских вольностей» шляхта не хотела ни в чем отступить от идеала и ограничить свои права даже во имя сохранения свободы.

Можно предположить, что именно имущественное благополучие и свобода шляхты объясняют ее пренебрежительное отношение к опасности. У шляхетского сословия, которое создало республику и сарматскую культуру, в конце XVII в. уже не было ни желания, ни силы, чтобы себя защитить. Выше уже говорилось о бессилии инстинктов государственной власти, самодовольстве шляхты и об усилении реактивных настроений. Но необходимо еще связать воедино эти политическую ситуацию, перемены в области экономики и социальную доминировавшую в обществе социальную группу.

В протяжении почти всего XVII столетия Речь Посполитая проводила экспансионистскую политику, даже тогда, когда сама начинала войну. Потенциалы экспансии были практически исчерпаны. Экономическое и политическое усиление магнатов привело к концентрации имущественных и должностей в руках ограниченного круга лиц. С середины XVII столетия сельскохозяйственной продукции сокращалась, в то время как импортировавшиеся товары (как основные, так и предметы роскоши, например ткани и пряности) дешевели медленнее продуктов собственного хозяйства, а их ввоз систематически увеличивался. В результате сокращения объемов экспорта зерна через Гданьск, растущей инфляции монеты, а также стагнации городов и ослабления рыночного рынка доходы шляхты неминуемо сокращались. Уменьшение численности населения в результате войн середины столетия составлявшее 35—40%, определяло способы, с помощью которых

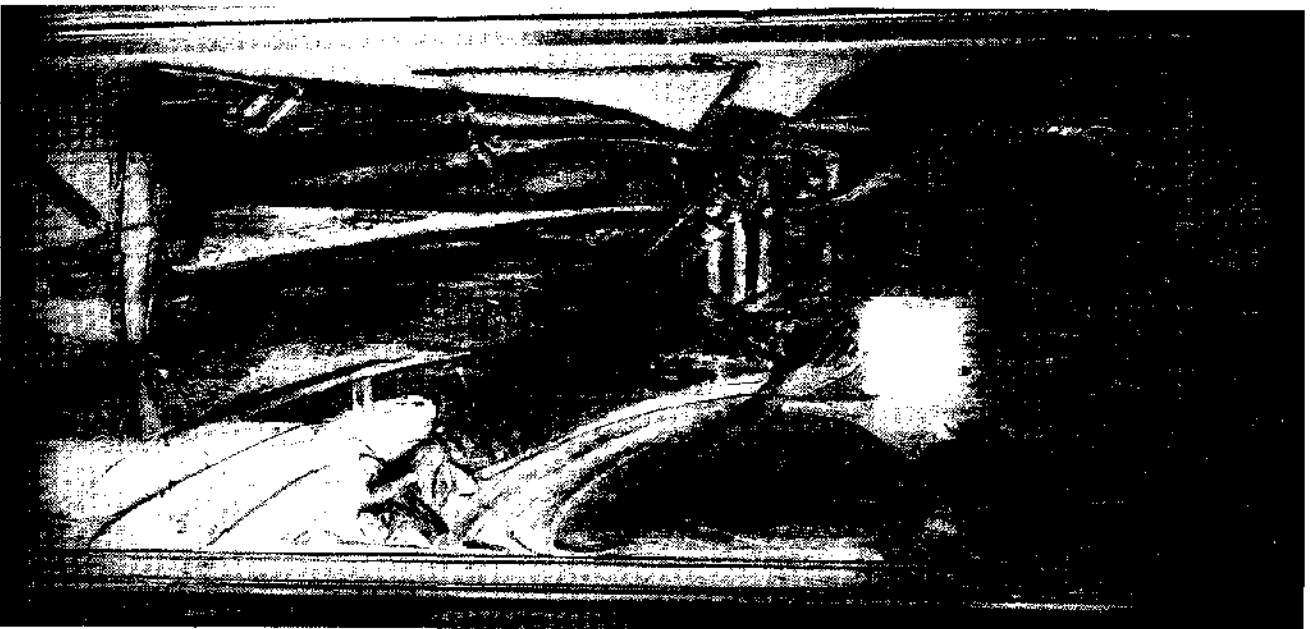
предпринимались попытки преодолеть кризис: повсеместно увеличивались барщина и площади фольварков; все большее количество зерна перерабатывалось в водку. Затем эта водка продавалась крепостным крестьянам. Производительность труда падала, земля истощалась, города не получали ни помощи, ни стимулов для собственного восстановления.

Налогообложение в Речи Посполитой было традиционно низким. Новым явлением во второй половине XVII в. стала не только децентрализация распределения денежных средств, но и то, что не удавалось собирать даже те налоги, которые утверждались сеймом или сеймиками. Сложилась ситуация, когда шляхта, идентифицируя себя с Речью Посполитой, перестала видеть связь между своим привилегированным положением и гражданскими обязанностями, которые все больше приобретали чисто формальный характер. Это касается не только торжественных речей на сеймах. Даже в повседневной жизни процветала патристическая и гражданская демагогия, все меньше связанная с поступками. Для современников это несоответствие не осталось незамеченным, но оно как будто не осознавалось основной массой шляхты. На самом деле именно магнатские группировки, руководствуясь собственными или чужими интересами, срывали сеймы, разжигали мятежи, отстаивали принцип выборности короля и другие свободы, но делали это руками шляхты, при ее согласии и одобрении. В начале XVIII столетия ситуация ухудшилась настолько, что ни одна из противостоявших друг другу группировок не выражала заинтересованности судьбами Речи Посполитой. С ослаблением внимания к тому, что было общим интересом всего шляхетского сословия, ослабевало и чувство гражданской ответственности. К государству стали относиться как к чему-то второстепенному, как к препятствию в реализации шляхетских свобод. Отсюда и убеждение, что для шляхетской свободы гораздо большую опасность представляет собственный король, чем чужое государство.

Чем слабее становились основы экономической независимости республики, чем менее уверенно шляхтич держал в своей руке саблю, тем отчетливее проявлялись элементы идеологии, называемой сарматизмом. Это название (с оттенком презрения) получила в XVIII в. традиционная шляхетская культура из уст сторонников чужой просвещенческой моды. Сама идея о происхождении польской шляхты от древних сарматов восходит к XV столетию, и она ничем не отличалась от аналогичных генетических мифов, распространенных в других странах. К этому необходимо добавить уже упоминавшиеся

индивидуальность, консерватизм и ряд других черт, связанных со структурными элементами или идентичностью Речи Посполитой. К ним относится и «ориентальность» Польши. Сарматизм как идеология, а еще шире как культура сформировался из совокупности этих элементов во второй половине XVII в. Это была самая ориентальная польская идеология, больше всего связанная с местной средой. Вопреки общеприпятым представлениям, она не была настолько консервативной по своему характеру. В сарматизме — лишь заимствования элементов барочной культуры и восточное тяготение к роскоши. Доминирующее положение католицизма привело к своего рода мессианству, и в идеологии сарматизма закрепилось представление об исключительной роли поляков в осуществлении Божественного промысла. Это отражалось в убеждении, что сам Бог покровительствует Речи Посполитой. И потому среди шляхты пользовался популярностью миф о Польше как об оплоте христианства — убеждение, что именно Речь Посполитая призвана защищать христианский мир.

Существует различие между сарматизмом как не получившей законченного оформления идеологией и сарматизмом как образом шляхтича-землевладельца. Последнему были присущи смутность, суверенность, агрессивность. Сложнее понять, откуда взялась этим образом получила распространение такая черта, как беспечность или зависть. Сарматизм вырос на почве антимонархизма, республиканизма и аристократизма. Тогда откуда же в сарматизме прищип к склобничеству, помпезности, чопорности и зрелищности? Можно считать проявлением аграризации культуры? Что произошло из консерватизма шляхетского двора, а что из ограниченности сознания провинциальных государственных деятелей? С сарматизмом связан целый набор черт, относящихся к государственному и к сфере традиций и обычаев, а также шляхетский менталитет первой половины XVII в. Среди многократно упоминавшихся характеристик для общественной жизни черт сарматизму присуща типичная для той эпохи модель жизни, когда деревенская провинциальность порождала косность и ограниченность. Речь не идет о нежелании следовать чужим примерам, как хорошим, так и дурным, но об устоях между двором или дворцом, приходом или данным регионом — самой Речью Посполитой как неким целым. Сарматизм, без сомнения, не был идеологией, охватывавшей все шляхетское сословие, но он отражал деципитерацию политической жизни и закрепленные магнатами доминирующей позиции в обществе.

Речь Посполитая была хранительницей величайших ценностей, в числе которых в XVI в. сформировались гражданские свободы польского общества. Этапы борьбы за эту свободу показывают, что шляхта была не в состоянии ограничить ее даже тогда, когда это было единственным способом спасти себя. Шляхта позволила окрестить Австрию и Пруссию — державам, которые стремились к разделу Речи Посполитой. Польша не сумела противостоять Австрии в XVI в., а в следующем столетии заключила с ней неравноправный союз. Поход короля на помощь Вене, хотя и был обоснован с военной и политической точек зрения, способствовал усилению именно Габсбургов. Венной вырисовывалась возможность и необходимость создать в восточных пределах Речи Посполитой рубеж, заслонявший ее от двух быстро набирающих силу соседей.

Речь Посполитая гордилась своей свободой, которая отличала ее от Англии, Турции или России, а потому не относилась всерьез к тому, что происходило в Пруссии. А именно там зародилось стремление уничтожить Речь Посполитую. Укрепление стран — потенциальных захватчиков в начале XVIII столетия предрешило судьбу отношений между Польшей и Россией. Ни в XVI, ни в XVII в. Речь Посполитой не удавалось окончательно оттеснить Россию от Балтийского моря и выдвинуть ее из Европы, но Польша сумела сохранить свое влияние на Россию и стать барьером на пути ее экспансии. Однако внутренний хаос и господствовавшая идеология побудили магнатов в союзе с королем или со своими соперниками искать помощи извне. Притяги иноземцев в Речь Посполитой (не только габсбургские и ганноверские, но также французские и шведские) не были чем-то исключительным и неизбежным. Но то, что России было позволено быть гарантом «кардинальных прав», свидетельствует о гораздо

Известия и смерть. Фрагмент интерьера храма в Тарлове. Середина XVII в.

представляет известный мотив брезливости земной жизни, которой, независимо от сословных и профессиональных различий, положит предел безжалостная смерть. Среди множества произведений на эту тему нет недостатка и в весьма реалистичных изображениях представителей польской шляхты. Шляхтич изображен с набором атрибутов, напоминающих о главных его занятиях. Он был воином и землевладельцем, распоряжавшимся своим имением и крестьянами (бич и, вероятно, от амбара); наличие собственности заставляло его вести судебные тяжбы с соседями (сумка для документов). Он одет в жупан (разновидность рубахи) и кунтуш (вид кафтана), обут в сапоги, его подбритую по тогдашней моде венчает шапка с пером (такой костюм резко отличался от западноевропейской одежды и сочетал в себе моду Востока и Запада). Видно, что к смерти он относится серьезно, но в то же время встречает ее без страха.

большем, чем о простой деградации гражданского чувства: был утрачен сам инстинкт самосохранения.

«Республика сарматов» сложилась из нежелания осуществлять внешнюю экспансию и стремления наслаждаться жизнью, как воплощение реальной свободы людей, не скованных контролем государства. Этот процесс, с одной стороны, совпал с усилением Европы, а с другой — с давлением со стороны России. Между этими двумя мирами существовало значительное пространство, будущее которого не было ясным. Проиграв борьбу за гегемонию, Речь Посполитая создала неприемлемую для соседей модель государственного устройства. Когда же у нее не осталось сил защищать свое своеобразие, возникла пустота, побудившая соседей к экспансии.

Примечания

¹ *Курфюрсты* (от нем. *Kurfürsten* — князья-избиратели) — в Священной Римской империи князья (духовные и светские), за которыми с XIII в. было закреплено право избрания императора.

² В российской историографии даты в период XVI—XIX вв. принято давать по Юлианскому, а не Григорианскому календарю. Соответственно датой битвы при Клушине будет 24 июня 1610 г.

³ *Тшциана* (Тшчяна, Tłuszczana) — селение на севере современной Польши.

⁴ *Ясырь* (уст.) — псевдылик, псалмист.

⁵ Речь, разумеется, может идти лишь о части казачества, расколовшегося после заключения Гадячского договора.

⁶ Соглашение, заключенное между Россией и казачьим гетманом Юрием Хмельницким (сын Богдана Хмельницкого), которое существенно ограничивало права казацкой автономии по сравнению с Переяславским соглашением 1654 г.

⁷ На заседании сената в марте 1688 г. король с горечью говорил о том, что неэффективная система государственного управления погубит Польшу. Ян III закончил речь словами ветхозаветного пророка Ионы: «Еще сорок дней, и Ниневия будет разрушена».

IX. Анархия и кризис

1715 год закрыл «польскую страницу» Северной войны¹; начался период восстановления послевоенной разрухи. Вместе с тем наступила пора русского вмешательства в польские дела, целью которого было обеспечение Речи Посполитой интересам империи. Тарногородская конфедерация, заключенная 25 ноября 1715 г. защитниками шляхетской демократии, выступавшими против усиления королевской власти, самым делом не только превратилась в арену постоянного противостояния между конфедератами и монархом, но и внесла новые элементы в политическую жизнь республики. Конфедерация решительно пала против власти гетманов, которые были тесно связаны с Россией. Это не означает, что она поддерживала короля, который пытался ослабить свою зависимость от Петра I. В 1714 г., уже в который Август II сделал попытку осуществить реформу государственного устройства и закрепить права наследования польского престола за своим потомками. Для достижения этой цели и используя в качестве главной постоянную угрозу со стороны Турции, он сосредоточивал в Польше саксонские войска. Перед лицом опасности абсолютистского короля конфедераты стали искать опору у России. Петербург, конечно, не желал низложения Августа, а тем более усиления Речи Посполитой, а потому охотно выступил в роли посредника. Для этого, естественно, необходимо было задействовать русскую армию. На посреднические переговоры в Гданьске, которые с российской стороны вел князь Григорий Прибыловский, прибыл и Август II. Петр не принадлежал к поборникам католических идеалов, но не желал и усиления польского монарха. Поэтому Россия навязала Речи Посполитой условия, которые ограничили шансы на установление абсолютистского правления, равно как и на проведение реформ государственного устройства. Эти условия, сформулированные в ноябрьском договоре 1716 г., были утверждены «примирительным» сеймом 1 февраля 1717 г. Сейм получил

название «немого», так как в течение шестичасового заседания никому не было предоставлено слово. Постановление сейма закрепляло персональный характер унии с Саксонией; вводило налогообложение населения во всех владениях, благодаря чему можно было содержать 24-тысячную армию; ограничивало власть гетманов. За ними оставались лишь функции командования, в то время как управление переходило в руки так называемого финансового (или Радомского) трибунала. Подпись русского посредника под трактатом не означала, что Россия становилась гарантом его соблюдения, но служила Петру I и его преемникам оправданием их противодействия каким-либо переменам в Польше. На этом же основании русская армия, как и прежде, была расквартирована в Речи Посполитой, хотя саксонские войска были выведены с ее территории.

Ограничение численности саксонской армии в Польше, запрет для саксонцев занимать дипломатические и иные государственные посты, а также подтверждение запрета начинать войну без согласия сословий — все эти меры производили впечатление позитивных перемен в государственной жизни республики. На самом же деле за ними не стояло никакой политической силы, способной последовательно продолжить начатые реформы по укреплению государственности: магнатские группировки соперничали между собой, чтобы получить хоть какую-то выгоду от эксплуатации того, что осталось от государства. Саксонская эпоха считается периодом глубочайшего упадка Речи Посполитой еще и в том смысле, что именно тогда окончательно была сломлена воля шляхетского сословия и оно оказалось неспособным защитить исповедуемые им идеалы. Нельзя возлагать всю вину на Августа II, который поступал в соответствии со своим пониманием того, как укрепить позиции королевской власти и создать династию, которая имела бы политический вес в этой части Европы. К этому ранее стремились и Ягеллоны, но и они неоднократно наталкивались на сопротивление шляхты, защищавшей свои сословные или групповые интересы. В саксонскую эпоху шляхетское сословие не желало мириться с амбициями короля, осуществление которых привело бы к установлению в той или иной форме абсолютистского правления. Сложно, однако, обвинять шляхту в отсутствии благоразумия или небрежении судьбами Речи Посполитой: она не до конца понимала, что слабость центральной власти была в интересах стран, которые в будущем разделят Польшу между собой. Бездействие казалось обоснованным, и его считали гарантией самого существования государства. В конце концов Речь Посполитая выстояла после полувековой бури, и

такие единицы выражали сомнение в том, насколько оправданным было царившее в обществе настроение самодовольства. Если отброшены обвинения Саксонской династии в нерешительности или предательстве, а шляхты — в незрелости и неприятии идеи сильного государства, то можно взглянуть на возникшие после 1715 г. перспективы точки зрения интересов «шляхетского народа».

Для этого необходимо в первую очередь выбрать точку отсчета — с ней результаты всей эпохи, которая длилась столетие и закончилась последним разделом в 1815 г. Она подразделяется на несколько периодов: до 1775 г., когда шляхетские представления и идеалы столкнулись с реальностью; 1775—1795 гг., когда предпринимались попытки предотвратить нависшую над Польшей опасность; далее двадцатилетие, когда была очерчена программа по возвращению независимости. Поэтому шляхта саксонской эпохи не представляла себе перспективы Речи Посполитой в тех мрачных тонах, которые рисовались будущим последующим поколениям, даже если оно уже стало очевидным, насколько идеалы не соответствуют факти. Еще не пришло осознание того, насколько усилилась зависимость Речи Посполитой от динамично развивавшегося центра Европы. Мы также не считаем, что катастрофа разделов (как бы мы ее оценивали) была неизбежностью, ставшей неостратимой в силу эгоизма и сословного эгоизма польской шляхты. Не было недостатка ни в одном, но это не может заслонить всей совокупности ходивших в стране процессов.

После Северной войны, разрушения, грабежи, голод и эпидемии или Польше невообразимые потери. Страна еще не оправилась от поражений предыдущего столетия. Тяжесть ситуации лучше всего иллюстрирует динамика численности населения: в середине XVIII в. оно составляло 11 млн человек; после неслыханных бедствий численность восстанавливалась настолько медленно, что в начале XIX столетия население страны не превышало 10 миллионов. Первая война спровоцировала очередной демографический кризис. В 1720 г. Речь Посполитую населяло около 9 млн человек. В условиях царившего в стране хаоса и при отсутствии надежд на укрепление государства города не могли рассчитывать на помощь для своего выживания. Основное бремя по восстановлению после разрухи легло на крестьянство. Этот процесс, ускоренный в 30-е годы, позволил земледельцам достичь прежнего уровня жизни. До конца неясно, какую роль в этом сыграло улучшение качества обработки земель и насколько имело расширение площади земельных угодий и ко-

лонизация. Однако известно, что землевладельцы сумели воспользоваться временным улучшением экономической конъюнктуры, продавая больше зерна через Гданьский порт. За 50 лет выросла урожайность зерновых (с сам-три до сам-три с половиной), ускорился естественный демографический прирост (до 0,48% в год), благодаря чему к 1772 г. население увеличилось до 14 млн человек. Несмотря на прежние поражения, восстановление шло темпами, которые не отличались от средних европейских стандартов, и поступательное движение Речи Посполитой на протяжении всего XVIII в. вселяло в современников большие надежды. Общий прирост продукции в течение столетия оценивается в 30—40% против 70% во Франции и 90% в Англии. С той, однако, оговоркой, что Речь Посполитая не смогла достичь уровня рубежа XVI—XVII вв., в то время как Англия входила уже в фазу промышленной революции. Более убедительным было бы сравнение с экономикой Испании XVIII в., где прирост населения не превышал 0,3—0,4% в год. Речь Посполитая оставалась сельскохозяйственной страной с низким уровнем производительности труда и узким рынком сбыта для собственной промышленной продукции. Нововведения приживались медленно и внедрялись без энтузиазма. Экономические преобразования (будь то сельское хозяйство, мануфактурное производство или торговля) являлись инициативой отдельных лиц, а их осуществление не было напрямую связано с экономической необходимостью.

Структура экономики осталась неизменной, по-прежнему доминировал фольварк, обрабатываемый с помощью труда крепостных, а земельные падачи крестьян служили им только для собственного пропитания. Еще со второй половины XVII столетия средние размеры крестьянского хозяйства постоянно уменьшались; все более заметными становились региональные отличия, общее разложение системы. На территории Великой Польши, где процессы перехода от барщинной системы к оброку шли быстрее, безземельных крестьян в XVIII в. было значительно меньше (почти в три раза), чем в Мазовии или на Подлясье. Сохранялось разделение фольварков на хозяйства, ориентированные на экспорт и внутренний рынок, и в соответствии с этим разделением осуществлялся переход к оброчной системе организации фольварка. Экспорт зерна через Гданьский порт, несмотря на его рост в первой половине столетия, систематически сокращался во второй его половине. На это влияла и прусская таможенная политика. Тем не менее в хозяйственной жизни уже наметились важные перемены: доходы землевладельцев существенно увеличивались благодаря праву на

и откуп. Пивоварение и особенно изготовление водки с давних пор было исключительным правом шляхты, а по мере того как رشدности со сбытом зерна, эта сфера деятельности становилась основным источником доходов. В середине XVI в. пивоварение и курение приносили незначительные доходы, но в XVIII в. они дали от 30 до 40% общего дохода, особенно в хозяйствах, основу которых составляли отработки. Нетрудно понять, что эта сфера деятельности, хотя и была прибыльной для землевладельцев, наносила вред деревне, жители которой были обязаны приобретать в господском магазине определенное количество алкогольных напитков. Эта ситуация вызвала, однако, большого беспокойства, а ее трагические последствия сказались лишь в следующем столетии.

Изменения сельскохозяйственного производства влияли на рост промышленности. Тенденции ее роста ничем не отличались от тенденций роста в других регионах Центральной Европы; можно даже говорить о хороших перспективах подъема текстильного производства в Польше и горной промышленности в Малой Польше. Но возможности меншан и манчатов были ограничены невысокой интеллектуальной способностью крестьян, небольшими размерами городов и неразвитостью кредитных отношений. Предпринятые после 1772 г. усилия по преодолению этих сдерживающих промышленности факторов оказались тщетными. Нельзя не упомянуть и о слабости государства; в других странах, поздно вступивших на путь промышленного развития, государство сыграло принципиальную роль в развитии экономики. Это касается и Пруссии, и Австрии. Казна же Речи Посполитой была настолько скудна, что не могла стимулировать даже военное производство.

Однородной чертой саксонской эпохи была усиливавшаяся централизация страны. Деревенские и аграрные отношения, сельскохозяйственное производство и связанное с этим мировоззрение наложили свой отпечаток на жизнь страны. Современники подчеркивали патристический характер большинства городских поселений, модные архитектурные установления домов и значительно более низкие стандарты жизни. Это относится и к Варшаве, которая в саксонскую эпоху потеряла свой столичный характер. Внимание высших слоев населения было приковано к проблемам провинции.

Образжая саксонскую эпоху в мрачных тонах, следует все же избегать преувеличений. Страна выходила из разлуки, без сомнения, быстрыми темпами; ничто не свидетельствовало об ускорении темпов. Однако свидетельства об образе жизни, известном нам по

весьма критичным дневниковым заметкам и воспоминаниям путешественников, страдают односторонностью. Польшу и ее жителей одни авторы созпательно изображали как варваров, другие же ее просто не понимали. Разруха начала XVII в., подпократпые акты произвола со стороны чужих армий весьма болезненно сказались на положении шляхты. но ей удалось довольно быстро восстановить если не прежний уровень жизни, то по крайней мере чувство удовлетворения своей жизнью. Военные поражения сыграли важную роль в ускорении процессов имущественного расслоения этого социального слоя. Шляхетское сословие стало распадаться. В саксонскую эпоху между магнатами, которые сравнивались в своем положении с немецкими имперскими князьями, и средней шляхтой возникла пронасть, и не только имущественная. Магнаты, как в собственных резиденциях, так и в столице, стремились вести светский образ жизни; они могли придерживаться разных политических предпочтений, но со временем все более тяготели к космополитизму.

Магнатское влияние распространялось в первую очередь на ближайшее окружение: не только на их двор, но и на многочисленных приспешников. Однако основная масса средней шляхты продолжала, как и прежде, жить в деревенской атмосфере и придерживаться архаичных взглядов на жизнь. Ее привязанность к характеризующим Речь Посполитую ценностям была основана скорее на инстинкте, чем на разуме. Особого внимания заслуживает безземельная шляхта-голта (гольтба), которая в саксонскую эпоху стала весьма многочисленной, и именно из ее рядов рекрутировались сторонники всех магнатских партий. Слабое государство не обеспечивало разорившейся шляхте средств к существованию; не предоставляла ей этих средств и города. И только после первого раздела Польши у безземельной шляхты появилась перспектива, с одной стороны, заняться интеллектуальным трудом, а с другой — пополнить ряды мещанского сословия. Образ Речи Посполитой перед разделами лучше всего передает портрет магната в окружении безраздельно преданной ему клиентелы. Гораздо меньше внимания уделялось тому слою общества, который хотя и не смог осуществить своих благородных порывов, но все же был способен на них.

Нельзя отрицать, что состояние умов средней шляхты оставляло желать лучшего. Свидетельством этому служат заседания сеймов и съезды трибуналов, во время которых шум речей смешивался с готовностью уступить магнатской интриге. Даже такие непреклонные представители шляхетского сословия, как Тадеуш Рейтан², гото-

отдать собственную жизнь во имя Отечества, принадлежали к той же прослойке, что и те, более многочисленные шляхтичи, которые принимали заседания сейма ради чужой интриги или личной выгоды магната. Иногда это были одни и те же люди. Можно утверждать, что лишь этот слой, который проживал в своих имениях и уже успел выкнуть от оружия и придерживался архаичных взглядов, был способен на защиту своей идентичности. В действительности он опирался лишь на собственные иллюзии, но это уже другой вопрос. Ему не хватало понимания связи между сословным интересом и интересом государственным, не хватало образованности — не в смысле широко понимаемой эрудиции, но в смысле знания окружающего мира и патриотического воспитания. И в саксонскую эпоху не было недостатка в образованных людях, побывавших за рубежом Польши, но слаянность тогда еще не влияла ни на состояние нравов в обществе, ни на развитие патриотических чувств.

Идея па нет попытки укротить престол, шляхта сочла свою задачей исполненной и не приняла близко к сердцу претензий Петра I. Уже тогда складывалось столь распространенное впоследствии мнение, что Европа заинтересована в сохранении статус-кво в Польше и что лучшим спасением для Речи Посполитой, чем царящее в ней «беззаконие». Поэтому общество не проявило большого интереса к последующим инициативам короля. Венский трактат 1719 г., имевший яркое антироссийский характер, должен был ограничить влияние сторонников гетманской партии. Направленное против этого евро-русское сближение означало укрепление принципа незыбкости институтов Речи Посполитой, особенно тех, которые препятствовали исправному функционированию сейма. Сейм 1719 г. был созван, когда все политические силы Речи Посполитой предпочли встать на сторону Петра, а не Августа II, последний вернулся к своей оценке Польши как к возможности закрепить принцип наследования престола.

Эти планы зрели уже давно, но всерьез их никто не рассматривал. Этот момент замыслы Августа противоречили русской концепции внешнего контроля над Речью Посполитой, поэтому правительство стремилось к тому, чтобы совместно с другими государствами обеспечивать сохранение польской анархии. Такой союз Петр I заключил в Потсдаме с Фридрихом Вильгельмом (17 февраля 1720 г.), а аналогичные акты подписывались со Швецией в 1724 г., с Австрией в 1726 г. и снова с Пруссией в 1730 г. Самое принципиальное из них имел трактат Левенвольда (1732), получивший название

«союза трех черных орлов»: он отстранял от польской короны как представителя Саксонской династии, так и Лещинского, закрепляя принцип свободной элекции, *liberum veto* и внутреннюю дезорганизацию Речи Посполитой.

Независимо от изменчивых и династически обусловленных намерений короля союз с Саксонией мог быть для Польши полезен. Усиление власти монарха, гарантия территориальной связи с Саксонией через земли Силезии — все это могло способствовать оздоровлению общественной жизни и укреплению экономики. Но эту перспективу всерьез не рассматривали, а поэтому у нее не было шансов на реализацию. Различные группировки магнатов в собственных интересах срывали все намечавшиеся абсолютистские притязания Августа II и какие-либо попытки осуществить более тесную польско-саксонскую унию. Им в этом помогали европейские монархии: Швеция, Австрия, Франция и Россия, хотя каждая из них преследовала при этом свои цели.

К моменту смерти Августа II (1 февраля 1733 г.) Речь Посполитая оказалась в глубоком кризисе. Она была не способна не только действовать, но даже мыслить о собственном спасении. Казалось, что ее граждане охвачены равнодушием и апатией ко всему, что не совпадало с их личными интересами. Эти пессимистичные выводы подтверждает процедура королевской элекции, во время которой столкнулись Лещинский и саксонский курфюрст. Лещинский выиграл и был избран королем 12 сентября 1733 г.

Но для подавления противников сил не хватило, а обещанная Францией поддержка ограничилась лишь денежной субсидией. Вена и Петербург поддержали саксонскую кандидатуру деньгами и военной силой. Август III был избран 5 октября 1733 г. ценой передачи Курляндии Бирону, фавориту русской императрицы Анны Иоанновны, и взяв власть в свои руки благодаря быстрому и успешному военному вмешательству. Не первый раз в истории польской короны она досталась тому кандидату, который действовал быстрее. Сторонники Лещинского не сумели организовать действенный отпор, а созданная вокруг Лещинского Дзиковская конфедерация имела значение лишь постольку, поскольку провозгласила лозунг независимости государства. Война за польское наследство приобрела характер европейской политической интриги, в которой интересы самой Речи Посполитой в расчет не принимались. Только Гданьск, героически защищавший короля Станислава, видел пользу от союза с Речью Посполитой и морскими державами, имея все основания опасаться агрессии со стороны Пруссии. Город капитулировал в мае 1735 г. Франция, решив свои проблемы на Рейне

Лещинского отречься от престола (26 января 1736 г.). После тридцати лет он жил в Лотарингии³, и благодаря его посредству Польша приобщалась к достижениям французской культуры той же стране, начиная с сейма 1736 г., начался период острого противостояния различных партий.

Правление Августа III (1736—1763) ознаменовано борьбой многочисленных магнатских группировок, которые различались составом и политической ориентацией. Это противостояние совершенно парализовало монарха, не принеся, впрочем, устойчивого переноса ни одной из сил, объединенные вокруг руководивших политикой придворных фаворитов Генриха Брюля (с 1738 г.), а затем Ежи Мнишеска (с 1744 г.), никаких политических программ не сформулировали, занимаясь исключительно о собственной карьере. Двор не выработал никакой единой внутренней политики, кроме стремления закрепить наследование польского престола за представителями династии Веттинов. Этому мешала раздача должностей, за которые велась ожесточенная борьба. Влиятельными влиятельными двора были как «республиканцы», которых также называли «партийной партией», так и сторонники реформ, называвшиеся «Фамилией». В числе первых первостепенную роль играли роды Потоцких, Яблонов и Огинских; вторые объединились вокруг динамичного рода Голуховских. Последние в своем стремлении к возвышению и власти стремились изменить как процедуру заседаний сейма (управление *liberum veto*), так и порядок отправления власти (создать эффективное правительство, которое регулировало бы экономическую жизнь страны). «Фамилия», по сравнению с республиканской оппозицией, была, безусловно, более передовых взглядов и имела хотя какую-то программу. Однако на практике противостоявшие друг другу партии старались в первую очередь добиться влияния на двор и дать своим противникам. После избрания Августа III «Фамилия» потеснила оппозицию, усилила в итоге ее пророссийскую ориентацию. Республиканцы преобладали преимущественно до 1743—1744 гг., но затем, в результате избрания новых политических предпочтений Дрездена, к власти пришли абсолютисты. Борьба на сейме 1744 г. перешла в возможность проведения финансовой и военной реформ. В последний период правления Августа III получила перевес партия гетманов, называвшаяся также патристической партией. Все это время обе стороны срывали сеймы, поэтому существенно значимые проблемы так и не получили никакого решения, когда закон уступал силе и подкупу, не было ничего удивительного в том, что шляхта охотно прислушивалась к агитации против увеличения налогов на военные нужды.

Оказавшись в положении, когда Речь Посполитая не могла защитить себя ни от пруссов, ни от украинских гайдамаков, она не принимала участия в войнах 40—50-х годов, хотя все они имели к стране самое непосредственное отношение. Россия и Пруссия бесцеремонно проводили свои войска через польские земли, устраивали в Речи Посполитой военные склады и размещали солдат на зимние квартиры. Во время войн за Силезию и Семилетней войны Речь Посполитая, формально не участвуя в военных действиях, превратилась в своего рода постоянный двор. Это приводило к колоссальному материальному ущербу, но не побуждало шляхетское сословие задуматься об увеличении казны и усилении армии. Наоборот, открытые границы, по мнению шляхты, должны были гарантировать соседям полную безопасность со стороны Речи Посполитой. И, таким образом, внутренняя анархия была призвана стать фундаментом стабильности.

Независимо от своих целей все магнатские партии срывали сеймы, проводили независимую внешнюю политику и с готовностью принимали иностранные деньги. Программа самых насущных реформ государственного устройства по методам реализации вовсе не отличалась от программы сохранения статус-кво. Все это самым трагическим образом сказывалось на позиции шляхетских масс. Беспрепятственная деятельность агентов иноземных дворов и прислуживание им за деньги не были тогда чем-то особенным. Но гораздо более важным было то, что Речь Посполитая уже на протяжении двух поколений не имела собственной дипломатической службы и фактически не проводила никакой внешней политики. Незнание в широких массах и даже в магнатской среде проблем европейской политики было чертой, наиболее очевидно отличавшей Речь Посполитую саксонской эпохи от Польши эпохи Возрождения. Лишившись возможности реально влиять на государственные дела, шляхта постепенно утрачивала свойственные ей качества, не отдавая себе отчета в происходивших вокруг перемен.

В этом монотонном и мрачном образе эпохи Августа III можно увидеть, однако, проблески зарождавшейся надежды. Больше всего удивляет бесплодность проектов реформ. Начиная с 40-х годов чаще говорилось и писалось о необходимости реформирования Речи Посполитой, но дальше разговоров дело не шло, за единственно достойным похвалы исключением: в 1740 г. образованный священник из ордена пиаристов Станислав Конарский (1700—1773), связанный с «Фамелией», основал в Варшаве *Collegium Nobilium* — образцовое учебное заведение, призванное давать современные знания и воспитывать польскую знать в приверженности патриотическим ценностям.

Активная деятельность пиаристов и иезуитов на ниве просвещения, без сомнения, одной из самых светлых сторон той эпохи. Без этих усилий стал бы невозможным перелом, наступивший во второй половине XVIII столетия.

Большая часть идей осталась на бумаге; многие из них не были опубликованы. В начале XVIII в. не осмелился издать свое сочинение Станислав Дунин-Карвицкий (в нем он предлагал провести последнюю республиканскую реформу государственного устройства) Станислав Лещинский, весьма далекий от радикализма и с иными утопическими взглядами, ждал до 1749 г., чтобы опубликовать свой «Вольный глас, обеспечивающий вольность» (автором, что, вероятно, был Матеуш Бялозор). Получили ли отклик вышедшие за рамки международной полемики идеи Станислава Понятого, одного из предводителей «Фамилии», выраженные в «Письме к владетельцу к некоему приятелю из другого воеводства»? Кто воспринял идеи связанного с Лещинским Стефана Гарбо, которые прозвучали в «Анатомии Речи Посполитой. сынам и наставление» (1751)? Еще до того, как из печати стали выходить очередные тома посвященного реформе сейма сочинения Коперского «Об успешном способе ведения совещаний» (1760—1763), имелись идеи создания казначейских комиссий, постоянного (или полупостоянного) сейма, аренды староств, — идеи, которые были подхвачены следующим поколением. Эти проекты свидетельствуют об актуальном пробуждении. Но можно ли было с их помощью победить консерватизм шляхты?

Вместо оживления экономической конъюнктуры, шляхта минимизировала свои империя, несколько не сомневаясь в том, что в лучшем из миров. Король не занимался проблемами Речи Посполитой, а магнаты рассматривали их в соответствии со своими собственными интересами. В то время как мир вокруг становился все более сложным. Может быть, самым ярким проявлением краха позиций Речи Посполитой в XVIII в. было исключение ее из активной европейской политики. Она не только не воспользовалась возможностью из-за угрозы со стороны Пруссии (1744, 1756) или выступить в роли партнера и союзника России (1735—1736), но позволила, в Европе утвердилось стереотипное представление о Польше как о безнадежно погрязшей в анархии.

В дипломатических играх и военных кампаниях тогдашней Европы Речи Посполитая выступает в качестве пассивного объекта. Даже Россия смогла привести в действие ее потенциал, чтобы направить его

в пужливое для себя русло. Но зато соседям без труда удавалось блокировать чужие инициативы и удерживать Речь Посполитую в состоянии бездействия. Это не было чертой исключительно прусской политики, которая самым очевидным образом осуществляла свою экспансию за счет польских земель. В официальной и неофициальной политике Франции, стремившейся не допустить усиления Габсбургов и Гогенцоллернов, также легко заметить отпошание к Речи Посполитой как инструменту своей политики. Для нее, как и для Англии, Голландии или Дании, Польша была второстепенным театром действий. С позиции противостоявших друг другу магнатских группировок все выглядело иначе, они могли рассчитывать на денежные субсидии, честь или почести и, наконец, на использование реальных и фиктивных связей в своих внутривнутриполитических интригах. В первой половине XVIII в. малоспособная, но обширная Речь Посполитая могла быть удобна для различного рода политических комбинаций. Но после Семилетней войны и в условиях сложившегося так называемого «южного и северного концерта» она уже не принималась во внимание европейскими державами. Открывалась, однако, перспектива достижения стабильности в Европе за счет Речи Посполитой, — перспектива весьма привлекательная для Пруссии, но выгодная и для других европейских держав. В Лондоне или Париже в принципе не принимали во внимание возможность объединения «трех черных орлов», но рассчитывали, вероятно, что «переваривание» военной добычи надолго отвлечет их внимание, а возможно, станет причиной продолжительного конфликта.

Если интересы Пруссии или Франции были вполне очевидны, то политика России в этом вопросе вызывала и вызывает большие споры. Вероятно, не стоит приписывать России желания уничтожить Речь Посполитую как преграду, отделявшую империю от Европы. Экспансия России была направлена в балтийском направлении (Литва, Курляндия) и в направлении Черного моря. Пассивная позиция шляхты гарантировала отсутствие интереса к экспансионистским шагам со стороны России. Империи эпохи Петра нужны были иные образцы, которые она искала за пределами Речи Посполитой, а польская модель государственного устройства перестала быть привлекательной. Около 1715 г. стала очевидной скорее практика, чем идея политического подчинения Речи Посполитой. Эта задача оказалась России не по силам, хотя она и добилась своего рода привилегированной позиции во внутриспольских делах. Представители Петербурга приобретали все больший политический вес, но по-прежнему опирались на одну из магнатских политических партий. На ситуацию

ным образом влияли отряды русской армии, расквартированной в польских землях. Грубое вмешательство представителей Петра было направлено, как казалось, против короля. Антимонархий фанатизм поляков не позволял им долгое время замечать ходившие перемены. Россия Петра, Анны, Елизаветы и влияющих придворных группировок не имела, конечно же, единой позиции в отношении к Речи Посполитой. Казалось, что основным было желание добиться преимущественного положения, поэтому перемены к возникавшей концепции превратить Речь Посполитую в монарха всерьез не относились. Но трудно согласиться с мнением, что осознание невозможности навязать свой контроль склонило Россию согласиться на разделы Польши. Тем более следует отказаться от мнения, что проявление в шляхетской среде антирусских настроений окончательно убедило Петербург в невозможности «поглотить» Польшу самостоятельно и тем самым склонило к принятию предложений Пруссии. На рубеже саксонской эпохи и эпохи Станислава Августа политика опоры на Россию отвергалась шляхетскими кругами в первую очередь из ненависти к Понятовскому. Неудивительно, что партия «патриотов» сложила была все надежды связи с Пруссией. Ошибкой же короля и «Фамелии», в свою очередь, было предполагать, что Россия заинтересована в существовании униженной и дееспособной Речи Посполитой. Петербург пришел на этот счет совершенно иного мнения.

В 1762 г. умерла русская императрица Елизавета, что спасло Пруссию от поражения. Наступила кратковременная фаза, когда руководимой российской политикой Панин хотел видеть Речь Посполитую участницей «северного концерта». «Фамелия» увидела в этом шанс, которого давно ждала: она рассчитывала, что будет поддержан проект революционного переворота, который приведет к установлению более эффективной системы правления. Но поддержка России не была условной, ни достаточно надежной. Суть проблемы, однако, заключалась в непопулярности программы «Фамелии». И не только по инициативе шляхетских масс. После смерти Августа III императрица Екатерина II без труда осуществила 6 сентября 1764 г. выборы своего любимого фаворита Станислава Августа Понятовского. Для этого достаточно направить против его противников войска. Чартовы не получали желанной власти, задуманные ими реформы не введены. России, занятой войной с Турцией, была необходима гарантия безопасности. Усиление Речи Посполитой было не в ее интересах.

Сторонники реформ рассчитывали на создание конфедерации; они стремились постепенно ограничить *liberum veto*, с тем чтобы голосование в сейме проводилось большинством голосов. Их целью было упорядочить доходы казны, увеличить численность армии и прежде всего улучшить систему государственного управления в Речи Посполитой. Реформы должны были опираться на постоянный совет резидентов и реализацию принципа коллегиальности министров. Еще во время конвокационного сейма по поводу всех этих реформ было проведено голосование; большинство голосов получил проект реформы казны и создания казначейской комиссии. Была осуществлена реорганизация трибуналов и частных таможенных сборов, ограничена власть гетманов. Действуя под защитой русской армии и проводя элекцию в соответствии с предписаниями Екатерины, сторонники реформ считали, что сумеют обмануть императрицу. Это привело к консолидации всех консервативных сил против Понятовского и против реформ. Нацеленные на улучшение системы государственного управления проекты «Фамиллии», предлагавшиеся для обсуждения на созванных в форме конфедераций сеймах 1765 и 1766 гг., не нашли в шляхетской среде понимания и поддержки.

Чарторыйские стремились ограничить власть министров, навязав им коллегиальность и создав при короле что-то вроде кабинета. Активно разрабатывались законы, имевшие целью поддержать развитие экономики, для чего был создан государственный монетный двор; были предприняты действия по улучшению положения городов, средств сообщения, а также по увеличению доходов казны. Терпение оппозиции иссякло, и она начала интриговать одновременно в Берлине и Петербурге. На введение генеральной таможенной пошлины Фридрих ответил наложением 10-процентного сбора на торговлю по Висле, вынуждая Понятовского отказаться от принятых решений. Екатерина действовала гораздо медленнее, но зато более эффективно, используя зависть магнатов и настроенная апатии в шляхетской среде. Для последней более веским было обвинение короля в попытках осуществить деспотический переворот, чем аргумент о всевластии русски-посланников. Поэтому, стремясь сместить Станислава Августа с престола, оппозиция не обращала внимания на его попытки освободиться от влияния России и первая обращалась за помощью к Екатерине.

Императрица сумела этим воспользоваться, углубляя пропасть, пролежавшую между королем и шляхтой. Используя действия оппозиции, она смогла подавить волю и чувство достоинства своего и брашника. Король, не отличавшийся сильным характером, был совет

домашен и уже никогда впредь не ропсал оказывать сопротивление своей покровительнице. Для достижения гегемонии в Речи Посполитой Екатерина выбрала так называемый диссидентский вариант. По примеру Петра I на защиту прав протестантов и правящих, она получила удобный предлог, которым на международном уровне пользовалась также Пруссия. Некатолической шляхты в Польше осталось всего несколько семей; в основном это были протестанты. Их все больше ограничивали в политических правах, особенно после 1736 г. Однако по сравнению с другими странами Европы число диссидентов в Речи Посполитой в XVIII в. можно считать приемлемым. Нельзя отрицать факт существования шляхетской оппозиции, которая находила выход в нападках на иноверцев. Она с легкостью поддавалась давлению со стороны папских нунциев и пламенным речам некоторых представителей польского епископата. Но на этом основании не стоит доверять обвинениям в религиозном фанатизме, о чем постоянно твердили представители иноземных дворов и что охотно подхватывалось как в католических странах, где положение католиков было еще хуже, так и среди философов Просвещения, которые верили в благородность прусского короля и русских царей. Характерным для этой атмосферы всеобщего осуждения Польши было использование в целях пропаганды так называемого «Торуньского дела», которое, разгромившие в 1724 г. коллегию иезуитов в Торуне, были в соответствии с законом, вопреки государственным интересам жестоко наказаны Августом II. Король стремился таким образом спасти репутацию ревностного католика, а в глазах Европы — стать жертвой польской анархии. Но если сравнить это событие с подобными ему с положением, в котором находились религиозные меньшинства в Европе, то поднятую вокруг торуньских событий шумиху можно приписать только нечистой совести и пропагандистской активности организаторов. Мнение о польской нетерпимости, как и о польской анархии, поддерживалось благодаря значительным денежным субсидиям и распространялось по всей Европе, отвечало сложившимся в рамках абсолютизма стереотипам. Август II поднимал вопрос об иноверцах не из страха перед возвращением Польши, но потому, что это был удобный способ подготовить европейское общественное мнение к неслыханной и кощунственной формуле разделов «во имя Пресвятой Троицы». В 1766 г. о разделах еще не думали. Инспирируемые Россией «диссидентские» конфедерации в Слуцке и Торуне значения не имели, но

вызвали со стороны оппозиции ответные действия, направленные против короля и реформ. Созданная в Радоме (июнь 1767 г.) конфедерация оппозиционеров-католиков под предводительством Кароля Радзивилла получила массовую поддержку шляхты, которая надеялась с помощью России сместить Понятовского с престола. После того как на территорию Польши были введены значительные военные силы, конфедератов заставили объединиться в конфедерацию не против короля, а вокруг него! Был созван трагический сейм 1767 г., который был направлен против начинаний реформаторов и действовал вопреки намерениям оппозиционеров — и в то же время с согласия всех, не исключая и самого короля. Не спас ситуацию и запоздалый жест епископа Краковского Кастана Солтыка (бывшего прежде поборником низложения Понятовского, а к этому времени ставшего защитником католической церкви). Он и вставшие на его сторону сенаторы были схвачены царским посланником Репшиным (в присутствии короля Речи Посполитой) и вывезены в Калугу⁴. Этого оказалось достаточно, чтобы окончательно сломить волю к сопротивлению. Принятые ранее законы были существенно ограничены, а за иноверцами признавались значительно более скромные, чем провозглашавшиеся ранее, права. Кульминацией событий стало принятие сеймом позорных гарантий императрицы, названных «Кардинальными правами». С этого момента роль католической религии, свобода эваскции, принцип *neminem captivabimus*, равенство шляхты, право отказывать королю в послушании, *liberum veto*, уния с Литвой, особые привилегии Пруссии, политическая и экономическая монополия шляхты и власть над крепостными — все это не могло быть нарушено или изменено без согласия страны-гаранта. Демонстрация военной силы оказалась достаточно, чтобы с помощью польских же сил привести Речь Посполитую к полному послушанию.

Реакция на провал политики, нацеленной на обретение самостоятельности, была двоякой. Более проникательные и благородные умы к числу которых принадлежал и король, с определенного момента стали понимать, что необходимо менять само шляхетское сознание. Эти цели служили и созданию *Collegium Nobilium*, и проведение реформ образования. Из идеи воспитать новое поколение сознательной элиты родилась и созданная королем в 1765 г. Рыцарская школа, из которой вышли Тадеуш Костюшко и Юлиан Урсын Немцевич. Для формирования нового сознания требовалось время, а тогда даже лучшие сыны народа были не в состоянии понять глубину опасности и возвыситься над личными и сословными предубеждениями. Неза-

шляхты продемонстрировал великий и вместе с тем трагический патриотический порыв 1768—1772 гг., получивший название Барской конфедерации.

Генезис Барской конфедерации коренится в тогдашней ситуации Речи Посполитой. Ее провозгласили слишком поспешно (г. Бар, 1768 г.), не дожидаясь обещанного вывода русских войск, не координировав действий в масштабе страны и не получив помощи извне; и в дальнейшем действия конфедерации были неумелыми как в политическом, так и в военном плане. Решение о вооруженном выступлении против России в защиту сарматской и католической элиты свидетельствует о том, что взгляды шляхты претерпели изменения. Но одной лишь готовности действовать, одного мужества и единственности было недостаточно. Особенно не хватало политического чутья и решительности. Серьезным политическим промахом стало прежде всего выступление против короля. Ненависть к «телку», как называли Станислава Августа по его гербу, не позволила конфедерации оценить реальный масштаб опасности; они также не могли предвидеть последствий того, что монарх окажется в еще большей зависимости от России. Для Потоцких, Мнишских, Радзивиллов или Оссолинских борьба со сторонниками Чарторыхских была, в свою очередь, важнее, чем противодействие Екатерине.

События показали, что даже оседавшая своих коней шляхта еще представляет собой военной силы. Уже в первой фазе военных действий весной 1768 г. русские и коронные войска без труда разгромили разрозненных, но неподготовленных конфедератов. Накануне событий в Варшаве вспыхнуло восстание. Это движение (известное как «колячница»), направленное против поляков, ксендзов и евреев, имело социальные причины, оно связывало защиту православия (восставшие выступили против унии) со стремлением отменить крестьянские повинности. Вопреки некоторым точкам зрения, в нем не было черт национального движения. Новаторская жестокость повстанцев и события, подобные известной уманской резне, во время которой было убито около 10 тыс. человек (преимущественно евреев), вызвали после подавления конфедерации (капитуляция Бара 20 июня 1768 г.) жестокие репрессии со стороны русской и коронной армий. Польский вопрос достигнул пожара войны.

Тем временем поражение на Украине и трагическая судьба конфедерации, к которым Россия отнеслась как к лишенным человеческого достоинства бунтовщикам, не остановили движения. Оно с новой силой вспыхнуло в Короне и Литве в 1769 г., вызванное гневом против со-

вершенного насилия и надеждой на вмешательство извне. Французская дипломатия склонила Турцию выступить против России и в защиту Польши. Конфедераты получили финансовую поддержку Франции, а со временем и молчаливое одобрение своих действий со стороны Австрии. Несмотря на внутренние трения, в конце 1769 г. было сформировано верховное руководство конфедерации (так называемая «генеральность»). Оно размещалось, как правило, в габсбургских землях и пыталось координировать политические действия, искать субсидии, оружие и французских советников. Последние достигли значительных организационных успехов, превратив партизанские отряды конфедератов в войсковые формирования. Верховное руководство, в свою очередь, не смогло преодолеть противоречий личного характера и своей ненависти к королю, не доросло до понимания взятых на себя задач. Немногочисленные русские отряды без труда разбивали недисциплинированных конфедератов. Не было какой-либо координации военных действий. Шляхта, которая еще столетие назад смогла противостоять лучшим солдатам Европы и вытащить страну из пучины шведского «потопа», сейчас, даже имея самые благие намерения, бросалась враспынную при виде регулярной армии. Присланный из Франции Дюмурье сумел добиться незначительных успехов, мужество Пулаского⁵ стало легендой, но ничто не могло предотвратить катастрофы. Россия не сумела овладеть ситуацией и восстановить действенную систему протектората, а потому стала склоняться к прусской концепции разделов.

В 1770 г. конфедераты упустили шанс договориться с королем. Вместо соглашения, дающего возможность политического маневра, было провозглашено низложение Станислава Августа. Он был отстранен от «Фамилии», став пассивным орудием политики русских и местных. Покушение на короля 3 ноября 1771 г., которое было лишь фарсом, либо провокацией, добило конфедерацию, разгромленную до этого в сражениях под Ланцкороной и Столовичами (соответственно май и сентябрь 1771 г.). Тем временем в июне 1771 г. в Петербурге уже было принято решение.

Конфедерация догорала весной 1772 г. в атмосфере репрессии и непонимания масштабов надвигающейся опасности. Мужественно оборонялась Ченстохова (до 18 августа), но это сопротивление не могло изменить ход событий. Первое русско-прусское соглашение было заключено 17 февраля 1772 г., а конвенция о разделе была подписана тремя державами 5 августа того же года. Иностранные войска начали вторгаться на польскую территорию, не дожидаясь окончательного

определения границ или ратификации конвенции: никто не считался принятым решением, все старались захватить себе как можно большую часть территории Речи Посполитой. Тысячи конфедератов отдала отправиться в оренбургские степи, став первым поколением — мучеников за дело свободы.

Многие историки прошлого времени, многие современные исследователи, придерживающиеся зачастую противоположных взглядов, считают, что конфедерация привела Польшу к катастрофе разделов. С другой стороны издавна существующая тенденция представлять конфедератов первыми защитниками независимости. Этот спор невозможно решить лишь в научном аспекте. Необходимо обратиться к событиям, которые предшествовали первому разделу Польши.

Признав, что разделы не были целью Екатерины II, необходимо отметить внешние обстоятельства. Раздел означал ограничение сферы влияния за счет значительных, самых густонаселенных и богатых регионов Польши. Затеянная в 1769—1770 гг. Фридрихом II интрига (пруссскому королю удалось представить дело так, что договорился с Австрией) привела к выходу Пруссии из союза с ней и к прекращению выплат субсидий на войну, что угрожающе сказывалось до этого расстановке сил. Россия, вовлеченная в борьбу с конфедератами и ведущая войну с Турцией, хотя и победила, но боялась осложнений. Тем временем в Варшаве русский посланник Репнин пришел к выводу, что все группировки в Речи Посполитой, пусть и по разным соображениям, отвергают протекторат России. Чтобы удержать Станислава Августа и подавить анархию, необходимо было разрушить самый фундамент этой страны. Соглашение Екатерины определенно ускорило действия Иосифа II, который ранее незаконно занял Спиш, а в 1770 г. — Новотаргское, Санок и Чорштынское староства. Фридрих II дал понять, что Австрия действует в одностороннем порядке, доказательством чего явился выход из союза с Турцией, провозглашавший необходимость защиты Речи Посполитой. Венский двор неоднократно думал о разделе Польши, рассчитывая, что за счет Речи Посполитой ему удастся получить у Пруссии Силезию. Когда это не удалось, Австрия сыграла роль путала для России, а затем за весьма высокую цену дала согласие принять участие в грабеже. Ей досталось больше 43 тыс. кв. км (со Львовом) и 2,65 млн жителей. Фридрих II вынул Королевскую Пруссию с устьем Вислы (36 тыс. кв. км и 1,2 млн жителей), но без Гданьска; Россия получила 92 тыс. кв. км и 1,2 млн человек.

Первый раздел, хотя и был беспрецедентным по своим масштабам явлением, не произвел особого впечатления. Участвовавшие в разделе державы аргументировали свое решение в соответствии с представлениями и потребностями европейских дворов и общественным мнением. Они ссылались на полное разложение государства и на паривший в нем дух фракционности, который поддерживал в Польше анархию. Поэтому можно было предположить, что коль скоро поляки не умеют править в своем «странном» государстве и, будучи фанатичными приверженцами католицизма, не склонны поддаваться спасительному влиянию философии Просвещения, то их справедливо постигнет заслуженное наказание. Под властью просвещенных монархов у них будет больше шансов стать «цивилизованными». Меньше внимания обращалось на другое обстоятельство. В первой половине XVIII в. экспансия укрепивших свою мощь государств Центрально-Восточной Европы создала в этом регионе чреватое конфликтами напряжение. Не раз эти государства (и особенно Пруссия) рисковали своим существованием. Напряженность на Балканах, в Силезии или Ливонии снималась за счет Речи Посполитой. Распадалась система, созданная Паниным после Семилетней войны, и державы — участницы разделов оказались связаны друг с другом почти на сто последующих лет.

Вторгшиеся на польские земли войска захватчиков не встречали сопротивления. Три державы в совместной декларации потребовали, чтобы сейм утвердил свершившийся факт раздела. Одновременно с этим восстановлению подлежали прежние шляхетские вольности. Несмотря на попытки сопротивления, подготовка сейма проходила в соответствии с планами русского посланника Штакельберга. Созванный 19 апреля 1773 г. сейм, несмотря на отчаянный протест новогрудского депутата Тадеуша Рейтана и малочисленных патриотов, был преобразован в конфедерацию под руководством измешника Адама Понинского. Тридцатого сентября раздел был ратифицирован. Читая в документах того времени о том, что большая часть депутатов были скорее «сбиты с толку и запуганы», чем «развращены», возникает вопрос: а может быть, Польша сама спровоцировала это поражение?

Благодаря усилиям короля, сейм, ратифицировавший раздел, попытался осуществить реформу системы государственного управления. Но о реформах не думали ни преданные захватчикам представители элиты, ни те, кто был охвачен жадной мести и собственного возвышения. Поэтому все попытки создать более эффективную систему администрации были отвергнуты, и сейм вернулся к проекту По-

ного совета в качестве правительства, стоявшего выше короля и полностью зависимого от России. Спустя какое-то время король Ян и принял деятельное участие в разработке и воплощении принципов нового политического порядка, который в результате нанесла крупнейший удар по антикоролевской гетманской оппозиции. Сеймский совет, созванный 24/28 марта 1775 г., состоял из 18 сенаторов и 18 избравшихся сеймом на два года депутатов и должен был руководить всей администрацией. Он состоял из пяти министерств: иностранных дел, полиции, военного, юстиции и казначейства, с участием министров-специалистов. Однако сохранялись комиссии, состоявшие при министрах в 1764—1766 гг.

При державы взяли на себя функции гарантов «Кардинальных принципов», были также навязаны весьма невыгодные торговые соглашения с Россией. Единственным позитивным шагом стало создание 14 октября 1773 г. Комиссии национального просвещения. Она была призвана реорганизовать школьную систему, используя для этой цели имущество и средства распущенного ордена иезуитов, что, впрочем, мешало Понинскому и его ставленникам это имущество разграбить. Было установлено, что во всех будущих свободных выборах на польский престол не могли претендовать не только потомки Станислава Августа, но и все иностранные кандидаты. Ограничивались права епископов, вводились налоги на содержание 30-тысячной армии. Все преобразования осуществлялись на фоне постыдного торга за получение денежных вознаграждений, должностей и земельных владений. В атмосфере непрекращающихся балов и маскарадов. В Варшаве царствовало не только фактическое правление русского посланника Гольберга, но и возобладала пророссийская ориентация.

После первого раздела и создания Постоянного совета катастрофичность Посполитой стала свершившимся фактом. Однако в процессе падения намечались и элементы возрождения. Парализованные собственными гражданами, Речь Посполитая лишилась трети своих земель; закономерно было ожидать, что этого будет достаточно, чтобы сделать невозможными любые реформаторские усилия. Ответом на нанесенный удар стала попытка революционного преобразования. И здесь возникает вопрос: был ли первый раздел порождением Речи Посполитой?

В протяжении более чем ста лет в политической и общественной жизни государства давали о себе знать явления, которые угрожали единичности. В первой половине XVIII в. их усиление привело к кризису. На смену этнической разнородности пришел конфликт,

который на юго-восточных землях приобрел черты конфликта национального. Так как все «шляхетское» все чаще идентифицировалось с «польским», для значительной части населения Речи Посполитой путь к отождествлению себя с нацией и государством был закрыт. В определенной степени это касалось также немецкого мещанства и евреев. От сосуществования вероисповеданий Речь Посполитая пришла к признанию католицизма господствующей религией. Отождествление всего «польского» с католицизмом, хотя для этого действительно были основания в религиозной культуре значительной части Речи Посполитой, воздвело очередной барьер на пути формирования нации новоевропейского типа. На восточных рубежах государства это привело к обострению конфликтов.

Разнородность шляхетского сословия, политическое и экономическое верховенство магнатов подрывали систему, основой которой было равенство всей шляхты, представлявшей сословие благородного происхождения. Признав главенствующее положение магнатов и смирившись с системой клейштмалы, шляхта тем самым выразила свое согласие на зависимое, подчиненное положение. Нарастали настроения самодовольства и апатии, инстинкт свободы вырождались в узкий эгоизм. Вместо традиционной привычки участвовать в политической жизни появился стадный инстинкт, который способствовал расцвету зависти, склоуничества и самоуправства. Мышление в категориях государства и сословия деформировалось, вместо него на первый план выходили лояльность прислужника и фракционный интерес. Самобытная открытость шляхетской культуры уступила замкнутости, распространение консервативных умонастроений сопровождалось расцветом космополитизма. Эти явления совпали с ухудшением хозяйственного положения страны и свидетельствовали о зависимости Речи Посполитой от Европы.

Здесь имеется в виду нечто большее, чем намечавшаяся перспектива политической недееспособности Речи Посполитой. На протяжении долгого времени в отношениях Польши с Европой сохранялось равновесие, а роль аграрного тыла приносила стране огромные выгоды. В XVIII в. ситуация изменилась, ухудшилось экономическое положение польских землевладельцев. Возобладала экономическая структура, основой которой был барщинный фольварк, что осложняло проведение преобразований в капиталистическом духе. Из-за преобладания связанного с внешним рынком фольварочного хозяйства военные поражения и стихийные бедствия все заметнее сказывались на положении городов и ремесленного производства.

В XVIII в. хозяйственная деятельность все более зависела от внешних факторов. Экономическое развитие в середине столетия было связано на внутренние потребности и мотивации, но формы этого развития заимствовались извне. Сложно сказать, с какого момента экономическая зависимость становится структурным элементом Речи Посполитой, но произошло это, скорее всего, в начале века. Первым признаком не был результатом отсталости Польши. Следует, однако, обратить внимание на то, как он повлиял на возможности ее дальнейшего развития.

Несмотря на трагические события, баланс эпохи не был однозначно негативным. Экономическая ситуация в Польше ухудшилась по сравнению с ситуацией в Англии и во Франции, но не по сравнению с соседними государствами. За исключением Силезии, которая выделялась своим уровнем развития, другие земли Пруссии ничем не отличались от Великой Польши. Состояние сельского хозяйства, уровень развития текстильного производства и масштабы горно-добывающей промышленности, технические знания и навыки — все это не указывает на замедленное по сравнению с соседними государствами развитие. Можно согласиться с предположением, что решения о разделах были вынесены скорее богатством и перспективами экономического развития Польши, чем ее упадком. Великая Польша уже издавна представляла для Пруссии объект интенсивной эксплуатации, господство над устьем Вислы все еще приносило значительную выгоду. Австрия заняла территории с высокой плотностью населения и большим потенциалом. России достались хорошо освоенные территории, за счет которых обогащались царские фавориты. Можно предположить, что ухудшение условий хозяйственной деятельности, избыточная численность шляхты, а также стихийные бедствия создали ощутимую угрозу для доходов землевладельцев. Эта проблема решалась расстройством системы винных откупов, увеличением повинностей, а также переходом на оброчную систему повинностей и поддержкой колонизации. Столь разнообразные процессы свидетельствуют о responsiveness землевладельцев, которые, как и их предки в XV в., реагировали с вызовом, от которого зависело их будущее. Отсюда позиция крупных землевладельцев и безземельной шляхты — голоды, которая не имела необходимых средств для капитализации. Ввиду слабости государственного аппарата, а также по мере распада системы клиентельных отношений лишенная земли шляхта могла рассчитывать только на карьеру в городах. Последние не были развиты очень слабо. Реформам в сфере экономики мешали

перечисленные выше факторы. Апатия и отсутствие идей сдерживали инновационные инициативы, а потому становились опасными. Преодоление рутины и улучшение собственного материального положения могли освободить шляхту от узкого, стереотипного видения политических проблем. Решения о разделах были приняты в тот момент, когда кризис стал очевидным. Но перед лицом нависших над Речью Посполитой опасностей появились силы, способные к созидательной деятельности.

Примечания

¹ В этом году объединенные силы Саксонии, Пруссии и Дании после длительной осады вынудили капитулировать город Штральзунд, что перечеркнуло планы очередной кампании Карла XII. После этих событий саксонские войска в Северной войне больше не участвовали.

² *Тадеуш Рейнган* (1742—1780) — новогрудский депутат на сейме 1773 г., выступивший против первого раздела Речи Посполитой и за вывод всех иностранных войск с польской территории. Чтобы не допустить депутатов в зал заседаний сената, бросился на пол и закрыл собою вход. Эти события были позднее запечатлены на полотне польского художника Яна Матейко «Рейтан» (1866).

³ Дочь Станислава Лещинского была замужем за французским королем Людовиком XV. Покинув Польшу, Лещинский получил в пожизненное владение Асторию и герцогство Бар во Франции.

⁴ Епископ Краковский Каetan Сомык (1715—1788) был активным участником Радомской конфедерации. На сейме 1767 г., когда поддерживавший ранее конфедерацию посланник Речин отказался от планов дестронизации Понятовского и выступил за предоставление прав диссидентам, Сомык от лица бывших конфедератов выразил решительный протест. Из ссылки епископ вернулся в 1773 г.

⁵ *Казимеж Пулаский* (1745—1779) — генерал, один из лидеров Барской конфедерации; впоследствии участник Войны за независимость в Северной Америке (1775—1783). Прославился во время обороны Ясногорского монастыря под Чешоховой.

Незавершенная революция

ближе двадцатилетие существования Речи Посполитой, когда ей вновь угрожала опасность, в политической жизни продолжали бороться между собой элементы реформы в духе эпохи Просвещения и элементы старого порядка. Данную эпоху можно разделить на два периода: годы правления Постоянного совета (1775—1792) и период Четырехлетнего сейма (1788—1792) и разделы 1793 и 1795 гг.

Правомочно утверждение о том, что 1775 и 1789—1790 гг. подарили Польше революционный перелом. При всех проявлениях кризиса и декаданса в Речи Посполитой в этот период наметились и первые перемены.

Важные значительные изменения происходили в сфере сознания. Участники кризиса 1772—1775 гг. в полной мере понимали происходящее. Связи шляхты с государством были настолько тесными, что она не считала необходимым взваливать на себя бремя реформаций. Чувства безучастности к судьбе государства не удавалось преодолеть и во время Четырехлетнего сейма; не помогли и более масштабные события, например восстание 1794 г. И лишь навязчивыми требованиями власть заставила шляхту смириться с необходимостью регулярно платить довольно высокие налоги.

Несмотря на это, необходимо с осторожностью оценивать влияние этих процессов на распространение консервативных взглядов, а также популярность реформаторских проектов. От провозглашения государственных политических реформ до готовности взять на себя груз их реализации путь был неблизким. Крут лиц, которые вдохновлялись идеями преобразования, был поначалу очень узок, но основная часть общества, как представлялось, оказалась готовой последовать за ними. Однако как далеко? Можно ли события 90-х годов считать революцией? Ведь именно такое значение имела эта попытка осуществить перемены как в государстве, так и в обществе.

После первого раздела положение Польши было крайне неблагоприятным, но трагический конец еще не был несправедлив. Речь Посполитая потеряла 30% своей территории и 35% населения, были нарушены внутренние экономические связи. Особенно ощутимым оказался удар, нанесенный Пруссией, которая ввела таможенные пошлины за транспортировку по Висле польского зерна. В результате экспорт зерна через Гданьск сократился за это время на 60%, что привело к уменьшению доходов с земельных владений. Так как спрос на хлеб со стороны городов был недостаточным, все большее количество зерна уходило на производство водки. Скотоводство развивалось медленно, потребление мяса не увеличивалось, недооценивалась роль удобрения почвы. Намечавшиеся в экономике позитивные тенденции не привели к значительным переменам. Темпы естественного прироста населения оставались высокими, хотя Польша уступала Франции и Англии. Возраставшая плотность населения и увеличение урожайности позволили восстанавливать города, которые все еще не могли оправиться после бедствий начала столетия. Стремительно расширялась Варшава, развивалась Познань. Столица, в которой была сосредоточена политическая жизнь, притягивала людей, потерявших свое место в обществе. Это относилось как к шляхте, так и к крестьянству. Формировалось новое городское сословие, состоявшее из интеллигенции, первых польских буржуа и наемных рабочих. Важной для многих оставалась проблема крепостничества, которое тормозило социальное развитие значительной части населения.

Более 75% всех жителей страны были заняты в сельском хозяйстве; из них 85—90% составляли крепостные крестьяне. Только в Великой Польше, которая значительно опережала по развитию другие земли, около 30% крестьян платили оброк вместо барщинных работ; также здесь проходила самая интенсивная колонизация земель свободными крестьянами (прежде всего немцами). Появление оброчной системы свидетельствует прежде всего о масштабе проблем, с которыми сталкивались землевладельцы, не находившие достаточного рынка сбыта для своей продукции. Однако ситуация не являлась столь безнадежной, иначе крестьяне не справлялись бы с новыми податями. На территориях, где связь с рынком была традиционно более слабой, шляхта в меньшей степени ощущала ухудшение экономической конъюнктуры: она старалась компенсировать свои потери, увеличивая крестьянские повинности и нормы барщины.

Характерной чертой экономических инициатив (особенно магнатских) было подражание моде эпохи Просвещения. Экономические ре-

формы предпринимались для увеличения доходов, но зачастую были простым подражанием модным веяниям, что выражалось, например, в перестройке дворцов и устройстве парков. Особенно дорогими оказались инновации в несельскохозяйственных сферах. Возникло большое число мануфактур, где использовались иностранные технологии и специалисты и одновременно с этим крепостная рабочая сила. Слабостью этих инициатив, которые обычно терпели крах уже спустя несколько лет, было в первую очередь отсутствие реальной экономической мотивации. Мануфактуры производили экипажи, игральные карты, фарфор, оружие и десятки других видов изделий, которые были предметами роскоши. Хозяева больших владений пытались принудительным образом создать внутренний рынок, посредством которого осуществлялось бы выкачивание денежных средств у сельского населения. Экономические инициативы магнатов опирались на ресурсы их земельных владений, что позволяло обойтись вложением минимальных наличных средств, а потому магнаты при создании мануфактур несли меньшие затраты, чем мелшане. Мануфактуры магнатов были более эффективными и более централизованными, а мелшане часто вынуждены были использовать надомных рабочих. Отсутствие необходимой мотивации также являлось источником слабости компаний, в которые, как, например, в Компанию шерстяных мануфактур, вкладывались как магнатские, так и купеческие капиталы.

Интеллектуальное, политическое и экономическое оживление в обществе способствовало росту товарооборота. Уровень кредитных отношений не соответствовал потребностям. Создавались новые банки, но большая часть шляхты обращалась к традиционным источникам кредитования (например, к евреям-ростовщикам) и полученные средства использовала на цели потребления. Оценимым было укрепление городского элемента, но буржуазия еще не сложилась как социум. По-прежнему за пределами городского и деревенского сообщества проживала фактически повсюду присутствовавшая еврейская община. С ростом экономических трудностей ее представители усиливали свое значение, используя эти трудности для расширения своих прав.

Позитивные явления в экономике, забота о сфере образования и развитии искусства все же не могли предотвратить надвигающуюся катастрофу. Новые границы Речи Посполитой носили искусственный характер, что подталкивало ее соседей к дальнейшим разделам. Великая и Малая Польша оказалась фактически в тисках, под угрозой оказалась ось развития с северо-запада на юго-восток. Для своего даль-

нейшего развития Пруссия считала необходимым поглощение Гданьска и Великой Польши. Австрия и Пруссия наряду с экономическими выгодами рассчитывали также и на получение рекрутов, столь необходимых в войнах с Францией. Поэтому Пруссия была заинтересована в уничтожении Речи Посполитой, в то время как Россия все еще надеялась добиться большего, сохраняя систему протектората. Но система протектората таила в себе большие опасности: само существование польского государства все сильнее зависело от воли или каприза императрицы, от личных интересов или страстей влиятельных людей при ее дворе. Насколько в прусской политике ощущалось последовательное осуществление государственного интереса, а в австрийской — преобладание зависти и алчности, настолько интересы и политика России были непоследовательны, ибо могли меняться под влиянием чьей-то личной прихоти.

Политика российского посланника Штакельберга была нацелена на поддержание антагонизма между магнатскими группировками и королевским двором. Проекты усиления Речи Посполитой в качестве союзницы России всерьез не рассматривались. Дело было в том, что, бы оставаясь слабой, Польша не смогла стать ни для кого партнером. Зависимость короля от России отталкивала от него сторонников из числа аристократии. Его противниками были также традиционалисты. В этих условиях попытки Стапислава Августа освободиться от внешнего диктата были очень несмелыми, а зачастую просто показными. Поэтому Штакельберга не беспокоили незначительные личные успехи короля; российский посланник считал, что, несмотря на все старания короля и его окружения, зависимость Речи Посполитой будет только усиливаться. Сохранялась и невыгодная для страны международная конъюнктура. Европа надеялась, что державы-захватчицы огранчатся только польскими землями, поэтому никакого интереса к Польше не проявляла. В самом же государстве политические силы, стоявшие на страже прежнего порядка, не считали, что насилие по отношению к Речи Посполитой разрушает принятые нормы жизни. Французская революция, нанося удар по основам старого режима, унаследовала по отношению к Польше прежние стереотипы и предубеждения и не понимала смысла происходивших в ней перемен. Не вызывали у европейских политиков беспокойства и перспективы, возникшие в результате непомерного усиления России и Пруссии. Сложно, однако, предъявлять претензии Европе, коль скоро в самой Речи Посполитой сохранялся различным образом мотивируемый, но всегда малообоснованный оптимизм.

Польскую модель старого порядка характеризовал республиканизм, который понимался как ограничение власти монарха и ослабление вмешательства государства в жизнь граждан. Одновременно с этим созданная для защиты шляхетских свобод система лишала все другие сословия прав и ответственности за судьбы Речи Посполитой. Защищая себя от усиления авторитета монарха, шляхта не сумела создать эффективных преград для олигархии и своволия магнатов. Оптимизм реформаторов был основан на уверенности, что удастся выделить достаточно многочисленную группу, которая поддержит перемены, призванные защитить свободы и сохранить доминирующее положение шляхты в государстве. А потому самые большие усилия предпринимались в сфере реформы просвещения. Но реформаторы не учли того факта, что шляхта была не способна добровольно принять ограничения, особенно такие, которые привели бы к усилению государства. Давление социальной и экономической действительности оказалось недостаточным и слишком медленным по сравнению с быстротой происходивших событий.

Реформаторы делали все возможное, чтобы просветить «сарматов», чтобы приобщить Речь Посполитую к обязательным для восприятия европейским образцам. Комиссия национального просвещения стала органом необычайно прогрессивным и имевшим далеко идущие цели, которых удалось достичь, несмотря на стоявшие на пути реформы многочисленные трудности. В годы разделов функционировало 104 средних школы и 10 академических коллегий, в которых училось около 30 тыс. молодых людей. Реформа, проводившаяся такими людьми, как Анджей Замойский, Игнаций Потопский, примас Михал Понятовский, священники Гжегож Пирамович и Гуго Коллонтай, заключалась в реорганизации процесса обучения, в стремлении сделать его содержание более современным. Был введен принцип градации школ: начальная (элементарная), трехклассная, средняя, главная. В 1777—1783 гг. Коллонтай осуществил реформу Краковской академии, а выдающийся математик Мартин Почобут-Одланецкий провел аналогичные преобразования в Виленской академии. В новых учебных заведениях на смену латыни пришел польский язык, вводились математика и естественные науки, шла интенсивная подготовка новых учительских кадров. Гораздо больше внимания стали уделять светскому воспитанию, модернизировалось преподавание гуманитарных наук, которым отводилась решающая роль в воспитании будущих граждан. Этим целям служило и создание в 1775 г. Общества элементарных книг, которое под руководст-

вом священника Гжегожа Пирамовича подготовило большое число современных учебников. Реформа не коснулась приходских школ, численность которых достигала 1600, т. е. вдвое меньше, чем в конце XVI в. Движение за возрождение гражданских чувств играло немаловажную роль уже в эпоху Четырехлетнего сейма, но и оно не смогло изменить шляхетского менталитета.

Станислав Август, сам много сделавший для развития просвещения в Польше, горячо поддерживал реформы образования. Но политические взгляды короля по-прежнему расходились со взглядами реформаторов. Контроль со стороны России за деятельностью Постоянного совета настраивал оппозицию против короля, хотя и не приводил к открытой конфронтации. Идеи циркулировали достаточно свободно, а обилие публикаций различных политических ориентаций производило впечатление активизации общественной жизни. Значительному расширению интеллектуальных горизонтов способствовала полемика, которая велась постоянно в 1765—1784 гг. на страницах отражавшего идеи Просвещения и редактируемого иезуитом Богомольцем журнала «Монитор». Все более многочисленные литературные произведения, трактаты и политические памфлеты создавали атмосферу интеллектуального оживления, которая распространялась и за пределы Варшавы. Наряду с королевским развивалось и частное меценатство, самым ярким примером которого стала библиотека Залуских: епископ Краковский Анджей Станислав (1695—1754) и его брат, епископ Киевский Юзеф Енджей (1702—1774) создали библиотеку, которая с 1747 г. обрела статус публичной. Это книжное собрание являлось одним из самых больших в Европе (более 300 тыс. томов) и собрало вокруг себя многочисленную группу ученых. Но никакие аргументы о необходимости реформ (как свои, так и чужие), никакие идеи, критиковавшие существовавший порядок вещей или защищавшие славное прошлое, не были в состоянии изменить сложившуюся ситуацию. В масштабе всего шляхетского сословия перемены в сознании не могли наступить быстро, особенно в условиях, когда необходимо было отказаться от привилегий.

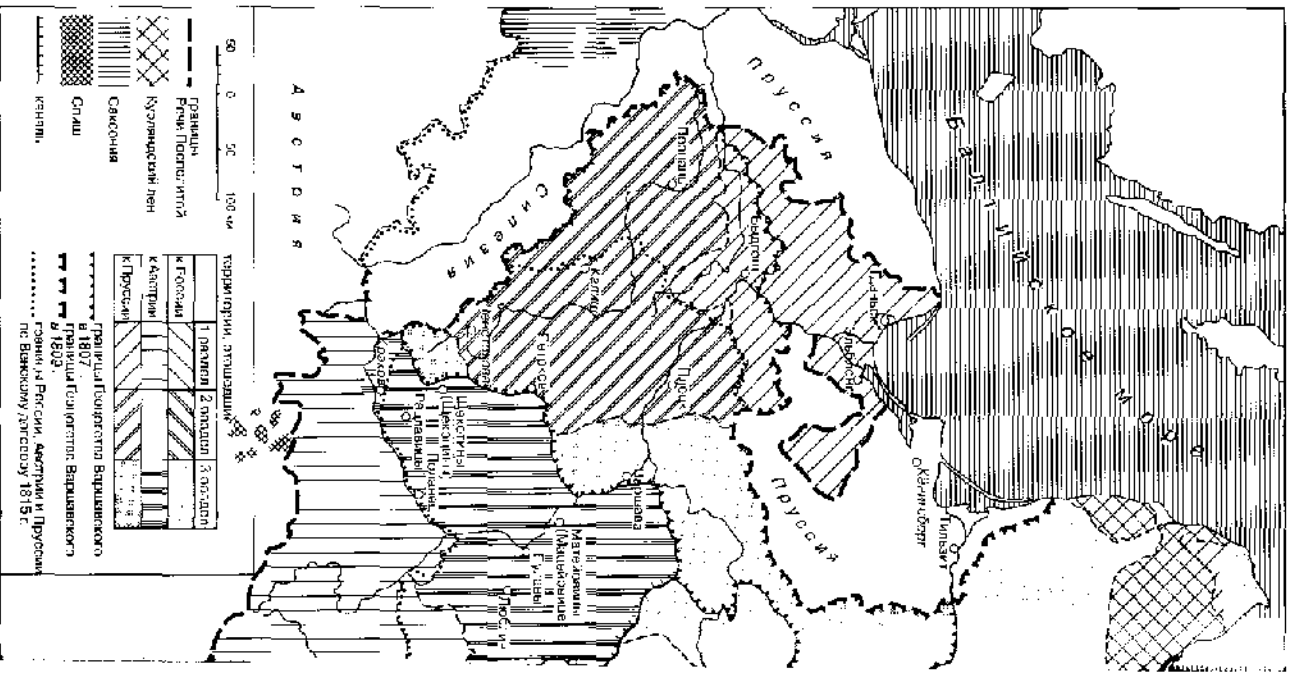
В обществе уже давно говорили и писали о том, что необходимо повысить престиж хозяйственной деятельности и усилить государство; признавали выгоду создания мануфактур и торговых компаний (например, для экспорта зерна по Черному морю).росло понимание того, что нищета земледельцев сдерживает развитие городов и ремесел. Велась дискуссия о преимуществах натуральных податей и о выгодах рациональных форм ведения хозяйства. Высказывались

аргументы в пользу упорядочения денежного обращения, расширения кредитных отношений и введения торговых льгот. Однако эти идеи противоречили интересам владельцев фольварков, для которых бирципа и крепостное право продолжали оставаться догмами.

Изменение позиций части магнатов и политически активной шляхты проявилось в отказе от принципа *liberum veto*. Но польские политики по-прежнему слабо ориентировались в расстановке сил на международной арене. Антикоролевская оппозиция в новом составе все еще делилась на «патриотически-германскую» и реформаторскую. Республикашцы выступали за децентрализацию власти, а со временем пришли к мысли о необходимости замены монархии федерацией. Их противники стремились усовершенствовать сеймовую систему, уделяя все меньше внимания проблеме усиления центральной власти. Первые считали себя патриотами, видели в монархе главный источник зла, а в старых установлениях и традициях усматривали лишь одни достоинства. Реформаторы предпочитали иметь просвещенную монархию, которая, однако, не ограничивала бы их свободу. Между членами обеих партий существовали родственные связи, а идейные расхождения отходили на второй план перед личными амбициями. В своих действиях против Станислава Августа обе антиросийские партии сотрудничали со Штакельбергом, стремясь при этом поддерживать непосредственные контакты с иноземными дворами.

В эпоху Постоянного совета Речь Посполитая всецело зависела от политики русского двора и даже от настроения русского посланника, который не без удовольствия унижал Станислава Августа. Король же не видел никакой альтернативы пророссийской политике. Он считал необходимым укреплять свои позиции и назначал в состав Постоянного совета наиболее передовых и независимых деятелей. Уже во время сейма 1776 г. король учредил отдельную канцелярию по делам армии, которую возглавил опытный генерал Ян Конажевский. Из-за отсутствия денег преобразования в армии ограничились главным образом подготовкой новых кадров. На сейме было принято важное решение о кодификации права, и эта задача была возложена на экспедицера Анджея Замойского. Работа по кодификации активно поддерживалась публицистикой, в которой важную роль сыграли «Патриотические письма» Юзефа Выбицкого (1777). Представленный на сейм 1780 г. проект оказался слишком смелым, он предусматривал также некоторые права для мещан и крестьян. Особую ярость шляхты вызвало предложение расширить свободу передвижения крестьян и разрешить смешанные браки. Духовенство и нунций отвергли пра-

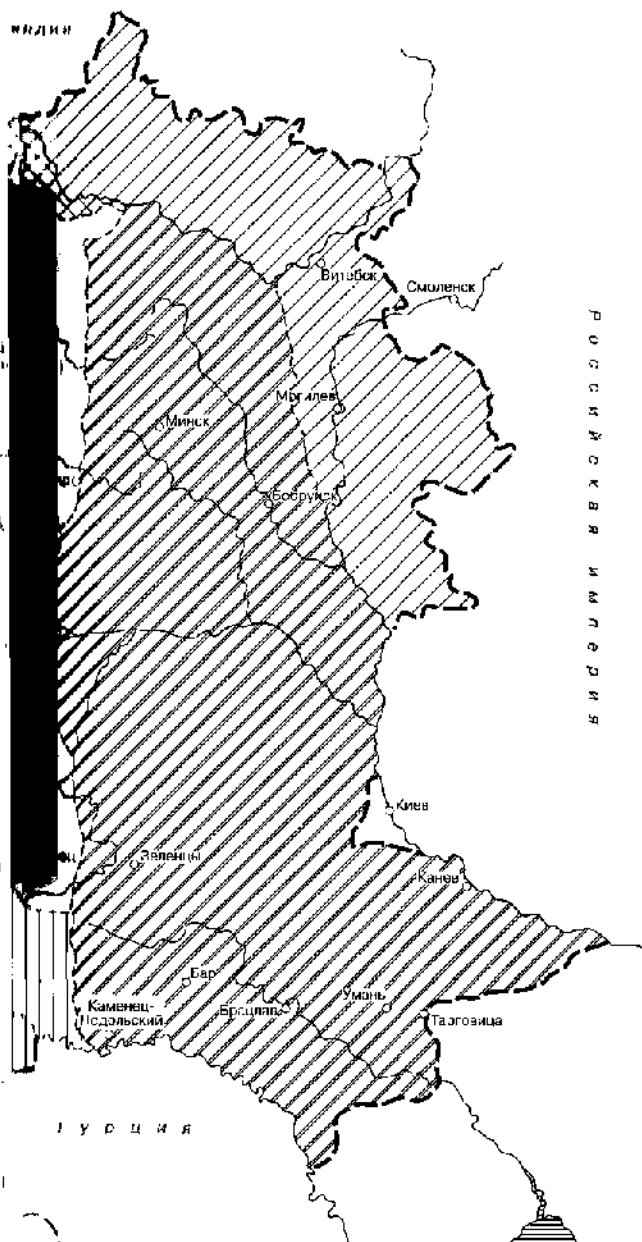
Речь Посполитая в 1715–1815 гг.

ЖИЗНИ

Р О С С И Й С К А Я И М П Е Р И Я

У Р С С И Я

во монарха разрешать (или запрещать) оглашение в Польше папских булл. Штакельберг воспользовался случаем, чтобы воспрепятствовать эмансипационным усилиям короля. Кодекс без дискуссии был демонстративно и резко отвергнут.

Король понимал, в каком положении оказалась Речь Посполитая, и пытался постепенно ослабить навязанные ему ограничения. Он стремился к укреплению своей позиции, не порывая при этом с Россией. Постепенно королю удалось найти поддержку среди части сторонников реформ. Станислав Август сотрудничал с ними, содействуя реформе образования, поддерживая литературу и искусство, покровительствуя художникам и архитекторам, участвуя в философских дискуссиях и масонских собраниях. Символом сотрудничества стало членство в 1778 г. в составе Постоянного совета предводителя реформаторов Игнация Потоцкого. В то же время в 1783 г. разошлись пути короля и князя Адама Чарторыского, который создал в Пулавах конкурирующий центр просвещенческих инициатив. Станислав Август рассчитывал выступить в роли союзника России, а реформаторы предпочитали искать других покровителей. После 1776 г. сложилась новая внешнеполитическая конъюнктура, когда Россия стала добиваться сближения с Австрией против Турции. Во время войны за баварское наследство 1778—1779 гг. Речь Посполитая не приняла предложения Пруссии выступить против Габсбургов. В 1780 г. с территории Речи Посполитой были выведены русские войска, находившиеся там со времен избрания Станислава Августа.

После того как Россия заняла Крым, расстановка сил для Польши оказалась более выгодной. Против России и Австрии складывался союз северных государств: Пруссии, Англии и Голландии. Станислав Август рассчитывал, что участие в войне с Турцией позволит осуществить военную реформу, а также, возможно, судит территориальные приобретения в Молдавии. Во время встречи с Екатериной II в Каневе (1787) эти планы были отвергнуты. Императрица также не согласилась на низложение короля, за которое ратовала гетманская партия, возглавлявшаяся Сверепом Жевуским, Францишеком Ксаверием Браницким и Щенсьным-Потоцким. Реформаторы-патриоты во главе с Адамом Чарторыским и Игнацием Потоцким обратились к северным государствам, рассчитывая на возвращение Галиции и преобразование Речи Посполитой в английский дух. В стране сохранялось своего рода равновесие, которое было на руку Екатерине. Прусский король был недоволен, царские фавориты постоянно настаивали на более агрессивной политике, и все силы в Речи Посполитой искали способа как-то изменить си-

туацию. Эти перемены казались неизбежными при условии реального вырождения государства. Перед заинтересованными сторонами стояла дилемма: стоит либо не стоит ввиду совершенно очевидной позиции Петербурга ускорять проведение реформ? Особенно тогда, когда к этому подталкивал Берлин, более всего заинтересованный в нарушении политического равновесия в стране.

В 1788 г. разразилась русско-турецкая война, сразу после этого на Россию напала Швеция. Станислав Август все еще верил, что Польша сможет окрепнуть, если будет опираться на Россию. Лагерь реформ при поддержке Пруссии проводил самостоятельную дипломатическую игру. Дальнейшее подчинение российскому протекторату было невозможно, оно угрожало в любой момент раздроблением государства в угоду очередному фавориту императрицы. Осенью 1788 г. собрался сейм, который вошел в историю как Великий, или Четырехлетний. Екатерина дала согласие на преобразование его в конфедерацию. Жема маршалека получил сторонник Чарторыхских (пулавский лагерь) Станислав Малаховский. Пруссия сразу же выступила с предложением союза и объявила, что впредь не будет гарантом сохранения польских традиционных институтов, что создало для реформаторов возможность освободить страну от российской зависимости. Первым шагом стал закон об увеличении армии до 100 тыс. человек (20 октября 1788 г.). В следующем году из-за нехватки средств численность армии достигла двух третей намеченной цифры, но и это стало настоящим прорывом. Упразднение Постоянного совета означало отказ от приписки главенствующей роли России. Станислав Август встал на сторону реформаторов и пошел на сближение с ними. Из Берлина доносились одобрительные возгласы, прусский посол Луккезини пользовался в Варшаве неограниченным влиянием. Взамен за возвращение Польше Галиции и поддержку реформ Пруссия рассчитывала получить Гданьск, Торунь и часть Великой Польши. Был объявлен запрет на поставки русской армии, сражавшейся с Турцией, и выдвинуто требование вывода с территории Польши всех иностранных войск. Провозглашался принцип территориальной неделимости Речи Посполитой, подавалась депутация (сеймовая комиссия) для «улучшения формы управления», вводился чрезвычайный налог: 10% — на доходы шляхты и 20% — на доходы духовенства. В течение года настроения в сейме существенно изменились. В атмосфере всеобщего оживления, под влиянием новых интеллектуальных веяний, а также размышлений над реальным положением вещей, вершились дела, целью которых было изменить направление развития и господствовавшую политическую

систему Речи Посполитой. После Конарского и Выбицкого наиболее значимые идеи стали высказывать Станислав Сташиц (1755—1826) и Гуго Коллонтай (1750—1820). В 1787 г. вышли в свет «Предостережения Польше» Станислава Сташица с программой усиления королевской власти, введения наследственности престола и реформы сейма. Автор также писал о необходимости способствовать развитию ремесла и торговли, признать права мещан и улучшить положение крестьян. Лозунги личной свободы для крестьян были провозглашены и в сочинениях Коллонтая — «Несколько писем анонима к Станиславу Малаховскому, референдарию коронному, о будущем сейме» (1787) и «Политическое право польского народа» (1790). В будущем Сташиц станет одним из наиболее авторитетных и выдающихся польских деятелей, но никогда не проявит политических амбиций. Самый блестящий ум той эпохи — Коллонтай имел, напротив, чрезмерные политические амбиции. Фактически руководя деятельностью лагеря реформаторов, он не сумел проявить качеств, необходимых для политика крупного масштаба. Примечательно, что в этот критический для Речи Посполитой момент на первый план вышли люди прогрессивные, благородные, с сильным характером, но им не хватило политической зрелости.

Опережавшие свое время, хотя и очень важные на тот исторический момент идеи были высказаны Юзефом Павликовским. В трудах «О польских крепостных» и «Политические мысли для Польши» он писал о необходимости возвращения личной свободы крестьянам, о введении наследственного владения землей и натуральных податей. В той же атмосфере и в той же среде формировались радикальные позиции, тяготевшие к революционным идеям, проникавшим с берегов Сены. Франциск Салезий Езерский (1740—1791) выразил их в «Катехизисе о тайнах польского правления» (1790). Аналогичные взгляды высказывали и другие радикальные публицисты, названные позднее польскими якобинцами. Социальный радикализм носил в Польше поверхностный характер. Очень непросто оценить, сколь глубоким оказалось влияние Просвещения. Магнатские дворы — не только 30 крупнейших родов, но в целом весь слой богатых господ — уже ранее испытали влияние идей космополитизма. В годы правления Понятовского в моде, искусстве и обычаях преобладало французское влияние. В польском обществе, как и во всей Европе, говорили на французском языке, французским идеям отдавалось благоговейное предпочтение. Однако сфера творчества оставалась по преимуществу польской. Ян Потоцкий — путешественник, литератор, издатель и большой оригинал, автор «Рукописи, найденной в Сарагосе» — был исключением. На род-

ном языке писал один из величайших поэтов той эпохи — епископ Игнаций Красицкий (1735—1801), на польском писали автор комедий Францишек Заблоский (1752—1821), выдающийся автор эпиграмм Станислав Трембедский (1739—1812), историки Адам Нарушевич (1733—1793), Юлиан Урсын Немцевич (1758—1841) и десятки других. Польский язык был очищен от засорений латинскими выражениями («макаровизмами»), ему вернули изначальную оригинальность, пострадавшую от презренного использования латыни и французского. Для нужд школы в 1780 г. была издана польская грамматика Олуфрия Копчинского.

Вдохновленные новыми веяниями, публицисты и литераторы резко критиковали пороки и слабости польского общества, подвергая осмеянию и отрицанию все, что они определяли понятием «сарматизм». С их недостатков, однако, не могли избавиться модные наряды, свободные нравы, общение по-французски и склонность к азартным играм. Намотившийся в середине XVIII столетия передом продолжал углубляться, но его нельзя было ограничить исключительно выбором между «своим» и «иноземным». Настроения в небольших шляхетских имениях, с их привязанностью к прошлому, были одновременно и патристичны, и консервативны. Модные столичные господа, несомненно, также поддерживали реформы, равно как и потворствовали своекорыстию и изменам. Однако не здесь проходила линия раздела, которая еще необозначилась окончательно. Во время Четырехлетнего сейма стала оформляться программа современного патриотизма.

Момент был благоприятным, и нетерпение поляков, недовольных постоянным вмешательством царского посланника, достигло кульминации. Реформаторы осознавали опасность промедления: с одной стороны, в любой момент в Петербурге могла измениться расстановка сил, а с другой — укрепление позиции короля не нравилось ни сторонникам пулавского лагеря, ни «республиканцам». В 1788 г. эти две партии запыли доминирующее положение и стремились к ликвидации навязанной системы правления, хотя и по разным причинам. Но такое положение вещей сохранялось недолго. Одной из основных проблем была реформа сейма. Сторонники реформ выступали за изменение принципов элекции, стремились лишить избирательных прав безземельную шляхту — традиционную опору гетманской партии. Среди послов возобладали антирусские настроения и готовность к проведению необходимых преобразований. Правда, изменения в позиции послов не заходили чересчур далеко, доказательством чего стала судьба и без того слишком скромных налоговых законов¹.

Наступил период сеймового правления, во время которого произошло сближение, хотя и не до конца искреннее, Станислава Августа и реформаторов. Вырисовывались перспективы создания патриотической партии в современном значении этого слова, т. е. партии, выражающей единство целей короля и народа. С Пруссией 29 марта 1790 г. было заключено оборонительное соглашение, но внешнеполитическая ситуация тем временем изменилась. Летом австрийский император Леопольд II согласился на прусские условия, отказавшись от борьбы с Турцией, а шведский король Густав III вышел из войны с Россией. Польша стала Берлину не нужна и оказалась в конфликте с Россией. Однако еще ничто не предвещало близкой катастрофы. Казалось, что отношения с Веной будут для Польши более выгодными. В австрийской столице осознавали преимущества усиления Речи Посполитой, которое могло стать противовесом прусским амбициям. В Варшаве плохо представляли себе, какой оборот принимают события, но все же активизировали действия, которые усилили позицию патриотов и обозначили позиции консервативной партии.

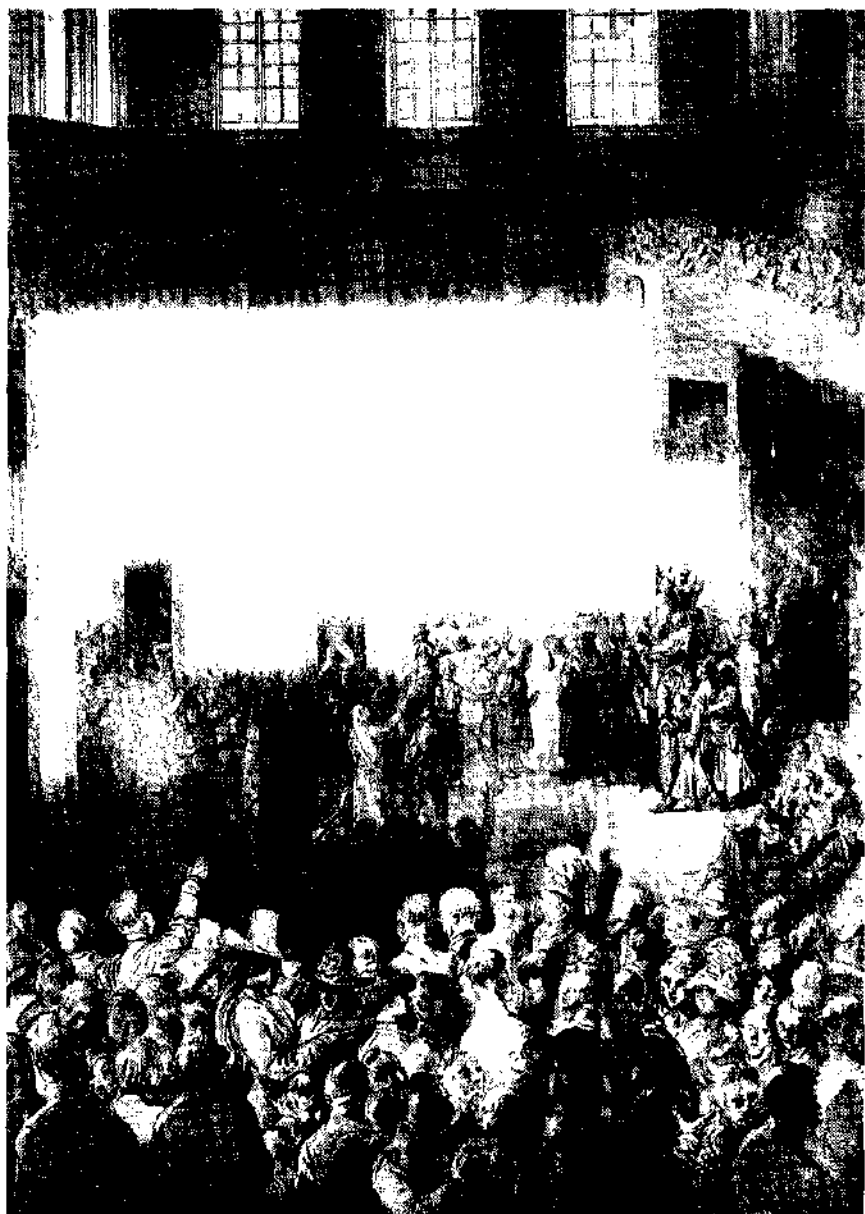
Осенью 1790 г. сейм продлил срок своих полномочий, принимая одновременно в свой состав новых депутатов. Таким образом удалось усилить лагерь сторонников преобразований. Была проведена важная реформа сеймиков — ограничено их количество и из числа участников исключались не имевшие собственности представители шляхты. Зимой 1790/91 г. началась работа над Правительственным законом, в которой наряду с группой патриотов принял участие и король. Споры продолжались несколько месяцев. Станислав Август не соглашался с более радикальными идеями Игнация Потоцкого. Было признано необходимым ограничить шляхетские свободы и усовершенствовать государственное устройство. Признаком перемен стал принятый 21 апреля 1791 г. закон о городах. Еще осенью 1789 г., не без влияния Коллонтая, президент Варшавы Ян Декерт предложил представителям королевских городов направить королю и сейму петицию, в которой были бы изложены состояние и нужды мещан. Процессия одетых в черное делегатов произвела огромное впечатление. По мере того как из Франции доходили вести о происходящих там революционных событиях, в Варшаве нарастало давление на власти с целью решить проблемы городов. Мещане королевских городов получили личную неприкосновенность, доступ к должностям, самоуправление, представительство в сейме и в Казначейской комиссии. Было решено упростить процесс посвящения в шляхетское достоинство (нобилитацию). Одновременно с этим снимался запрет, препят-

справивший шляхетскому сословию заниматься торговлей и ремесленной деятельностью.

Перспектива скорого окончания русско-турецкой войны заставляла патриотов спешить. Во время сеймовых пасхальных каникул был подготовлен государственный переворот. В результате 3 мая 1791 г. во время сессии, в которой принимала участие лишь малая часть посвященных в заговор послов, был зачитан текст закона и король присягнул ему на верность, несмотря на протесты своих немногочисленных оппонентов.

Правительственный закон (или Конституция) был революционным по своему характеру, и прежде всего с точки зрения предлагавшейся формы государственного устройства. Его составители обратились к французскому, английскому и американскому опыту, но в целом Конституция носила сугубо польский характер. Шляхта признавалась привилегированным сословием, но над крестьянами устанавливалась государственная опека (право казнить крестьян было отнято у шляхты еще в 1768 г.). Иностранцы получили гарантии личной свободы. Это должно было сильно задеть Екатерину, которая боялась, что русские крестьяне начнут убегать в Польшу. Прерогативы короля были ограничены до председательства в сенате и функций президента и «стражи законов» — новом правительстве, в состав которого вошли лишь министры, примас, маршал сейма и наследник престола. Закон предусматривал, что после смерти Сигизмунда Августа трон будут наследовать представители саксонской династии Веттихов. Это было самым слабым местом Конституции, свидетельством не только симпатии к этой династии, но и запоздалой убежденности в превосходстве наследственной королевской власти над властью избираемой. Закон отклонился от президентской модели правления, что подвергало Речь Посполитую серьезной опасности, так как согласие саксонского курфюрста к тому времени еще не было получено. Министры назначались королем на сейме и отвечали перед ним. Были созданы комиссии по делам полиции, армии, казны и народного просвещения. Данное решение носило компромиссный характер, королю позволили назначать членов «Стражи законов» по своему усмотрению. И здесь дало о себе знать отсутствие у авторов Конституции практического опыта: Станислав Август сосредоточил власть в своем кабинете и в течение следующего, 1792 г. получил полномочия, которые ранее принадлежали сейму.

По Конституции сейм должен был стать органом законодательной власти, созываться раз в два года, но быть готовым к тому, чтобы собраться в любой момент. В его заседаниях участвовала только шляхта,

принятия принимались большинством голосов. Подтверждался закон о городах, католицизм провозглашался господствующей религией, принималась толерантность в отношении других вероисповеданий. Для земель Короны и Литвы вводились единые должности, казна и армия, а митрополит униатской церкви получал место в сенате.

После принятия Конституции политическая активность пошла на убыль, король и патриоты питали надежду на урегулирование отношений с соседними державами, не замечая ни двучленной прусской игры, ни мотивов промедления Екатерины, ни даже тех шансов, которые, возможно, открывались для них в Вене. Берлин спокойно ждал, не желая связывать себя союзом с Польшей. Наоборот, там справедливо рассчитывали на то, что сумеют создать такую ситуацию, при которой Пруссия будет вознаграждена территориальными приобретениями в Речи Посполитой. Леопольд II и канцлер Кауниц допускали, что реформировавшая Польша поможет сдержать Пруссию, но доводы на этот счет не нашли отклика в Петербурге. Окончательное решение Екатерины силой добиться отмены Конституции от 3 мая было принято в начале 1792 г.

Щенсный-Потоцкий, Ксаверий Браницкий, Северин Жевуский и Шимон Коссаковский провозгласили 27 апреля 1792 г. продиктованный им в Петербурге манифест и создали в Тарговице конфедерацию «защиту прежнего государственного устройства и «Кардинальных прав». В мае в страну вторглась российская армия, втроекратно превосходящая по численности польские силы. Война продолжалась менее трех месяцев. Организацию сопротивления в Литве осложняло предательство главнокомандующего литовской армией Людвика Виртем-

Жан Пьер Норблен. Принятие Конституции 3 мая. Конец XVIII в.

Французский график Жан Пьер Норблен был одним из многих европейских художников, в эпоху Просвещения связавших свою творческую судьбу с Польшей. В его произведениях предстает необычный для французов мир Речи Посполитой XVIII в.: филуры шляхтичей, горожан, евреев и крестьян, сцены из повседневной жизни и великие политические события. Норблен изобразил момент принятия Конституции 3 мая 1791 г. На фрагменте рисунка мы видим, как собравшиеся в сепаратном зале Королевского замка в Варшаве депутаты ликуют в честь реформы, призывавшей спасти гибнущую Речь Посполитую. К депутатам присоединяет свои голоса публика, что хорошо передает атмосферу заседаний Четырехлетнего сейма. Большинство депутатов облачены в традиционные «сарматские» костюмы, и это свидетельствует о том, что первая в Европе Конституция нового типа, созданная по образцу французской Декларации прав человека и гражданина (1789), была принята правящими государством шляхтой и магнатами, сознательно отказавшимися от части своих прав и привилегий.

бергского. Король в роли верховного главнокомандующего также сыграл роковую роль. Потерпев поражение под крепостью Мир в Белоруссии, войска отступили. Под Зеленцами (16 июня) отступающие отряды князя Юзефа Понятовского добились успеха. Именно в память об этой победе был учрежден военный крест «*Virtuti Militari*». На реке Буг переправу под Дубенкой героически защищал Тадуш Костюшко, но и ему пришлось отступить к Висле. На занятых территориях торговичане устанавливали свою власть, а часть шляхты поддавалась призывам, что во имя веры, свободы и целостности Отчизны необходимо покорностью добиваться прощения императрицы. Расчеты не оправдались. Обманулись и торговичане. Екатерина отвергла предложение о перемирии и потребовала от короля присоединиться к конфедерации, угрожая ему свержением с престола и новым разделом Польши. Король, поддержанный большинством членов «Стражи законов», вступил в ряды конфедератов. Демонстративные отставки стали единственным ответом пришедших в отчаяние вождей сопротивления. Капитуляция была безоговорочной, хотя отступавшая армия показала, что усилия, потраченные на ее подготовку, не пропали даром.

Вопреки надеждам короля и расчетам изменщиков, 23 января 1793 г. было подписано соглашение между Россией и Пруссией о втором разделе Польши. После серии поражений во Франции Пруссия добивалась возмещений за счет Польши, в то время как Австрия рассчитывала на более выгодные приобретения в Баварии. Пруссии досталась Великая Польша, Мазовия, Гданьск и Торунь — в общей сложности 58 тыс. кв. км и около 1 млн жителей. Россия поглотила Белоруссию, Правобережную Украину и Подолию — всего 280 тыс. кв. км и почти 3 млн человек. То, что осталось от Речи Посполитой вместе с Курляндией, составляло 227 тыс. кв. км и около 4 млн жителей. Ее судьба была предопределена. Границы в гораздо большей степени, чем после первого раздела, были проведены искусственно и разрушали целостность государственного организма. Аппетиты соседей росли, Польша в роли буферного государства больше не привлекала Россию.

Формальности, однако, были соблюдены. Сейм, спешно созданный в Гродно, был вынужден ратифицировать соглашение. Сопротивление, значительно более сильное, чем за двадцать лет до этого, ничего не дало. Конституция от 3 мая признавалась недействительной, восстанавливались «Кардинальные права» и Постоянный совет во главе с российским посланником И.А. Игельстромом, армия сокращалась до 15 тыс. человек. Были сохранены права мещан и голосование в сейме большинством голосов. Союз с Россией гарантиро-

ила неизблемость государственного устройства, русские войска получили право квартироваться на территории Польши, а польская дипломатическая служба была подчинена контролю России.

Катастрофа второго раздела привела к нравственному и экономическому краху. Угрозами, террором и конфискациями пляхту вынуждали присоединиться к Тарговицкой конфедерации. Начались банкротства, выросли цены, казна оказалась пустой. Польская эмиграция в Саксонии пребывала в убеждении, что государство вскоре будет окончательно уничтожено, и готовилась к вооруженному восстанию. Оно должно было стать народным движением и получить поддержку Франции. Однако Костюшко не добился помощи ни от якобинцев, ни от жирондистов, и восстание вспыхнуло прежде, чем для него были созданы необходимые условия. Разоружаемая армия представляла собой легко воспламеняющийся материал, настроения в Варшаве становились все более радикальными.

Находившиеся в эмиграции Коллонтай, Потоцкий и Дмоховский пытались обобщить результаты происходивших событий в брошюре «Об установлении и падении польской Конституции 3 мая 1791 г.». Настроения в стране колебались от требования восстановить Конституцию до идеи создания гражданской республики. В Кракове 24 марта 1794 г. делу восстания присягнул в качестве его руководителя Тадеуш Костюшко. Обращаясь к польским и революционным традициям, восставшие выбрали лозунг «Свобода, целостность, независимость». Руководитель восстания провозгласил всеобщую мобилизацию и вооружил косами крестьянские отряды. Пытаясь прорваться к Варшаве, восставшие выиграли сражение под Радлавицами (4 апреля), увенчанное героической атакой косинеров на русские батареи. Несмотря на то что прорыв не удался, весть о победе распространилась повсюду, восстание охватило всю страну. В Варшаве после двух дней ожесточенных боев (17 и 18 апреля) русский гарнизон был разбит совместными силами армии и народа. Днем раньше восстала Жмудь, 22—23 апреля освободили Вильно. Пользуясь этим, Костюшко разбил лагерь на Висле под Поланцем, а русская армия в середине мая отступила к силезской границе.

Тадеуш Костюшко был, пожалуй, единственной и лучшей кандидатурой на роль руководителя восстания, хотя известным стал незадолго до этого благодаря усилиям Чарторыхских и их сторонников. Он был хорошим офицером и опытным военным инженером, который и опыт, и славу обрел, служа Американской революции, а признание со стороны своих — в кампании 1792 г. Костюшко прекрасно понимал необхо-

димось привлечь к борьбе массы, хотя, вероятно, в силу своего предшествовавшего опыта относился к этому слишком оптимистично. Данной цели служили не одни только символы: крестьянская сермяга вождя, офицерские чины для крестьян, нобилитация доблестного Бартоша из-под Рацлавиц или падпись на знаменах восставших «Кормят и защищают». В лагере под Поланцем Костюшко издал универсал, в котором крестьянам — участникам восстания были обещаны личная свобода, сохранение за ними земли и сокращение барщины. Таким образом, Поланецкий универсал обещал крестьянам лучшие условия, чем земельные реформы в Пруссии и Австрии. Были предприняты огромные организационные усилия, чтобы довести численность регулярной армии до 55 тыс. человек, а подвижное ополчение и городскую милицию — до 50 тыс.

Костюшко являлся представителем умеренного политического направления. Отстраняя короля от власти, он выказывал ему величайшее уважение, твердой рукой сдерживая радикальные элементы. Однако сложно было предотвратить массовые выступления, которые в мае и июне привели в Варшаве к уличным самосудам, когда толпа повесила группу торговцев. Беспорядки были сурово подавлены. Варшавские якобинцы были слабы и нерешительны, Костюшко же постоянно приходилось рисковать, атакуя превосходящие силы противника отрядами, состоявшими из не слишком хорошо подготовленных солдат. Попытка воспрепятствовать соединению русской и прусской армий закончилась поражением под Щекоцинами 6 июня, вслед за этим 8 июня генерал Юзеф Зайончек оставил город Хелм, а 15 июня пруссаки заняли Краков. На протяжении июля и августа Костюшко руководил героической обороной Варшавы. Начало восстания в Великой Польше и рейд Яна Генрика Домбровского к Быдгощу вынудили прусскую армию отступить. Тем временем русские войска под командованием А.В. Суворова, снятые с турецкой границы, двинулись в сторону Варшавы. Идя им навстречу, через Вислу пытался переправиться корпус генерала И.Е. Ферзена. Стремясь не допустить соединения русских сил и отдавая себе отчет в ухудшении ситуации (Вильно капитулировал еще в августе), Костюшко выступил против Ферзена только с частью своей армии: в сражении с превосходящим его в два раза противником 10 октября под Мацеёвицами он потерпел сокрушительное поражение и, раненный попал в плен. Несмотря на то что армия была еще дееспособна, восстание было обречено. Власть передали Томашу Вавжежцкому, который не проявил ни таланта, ни энтузиазма. В ходе стремительной и дерзкой атаки армия Суворова 4 ноября овладела укрепле-

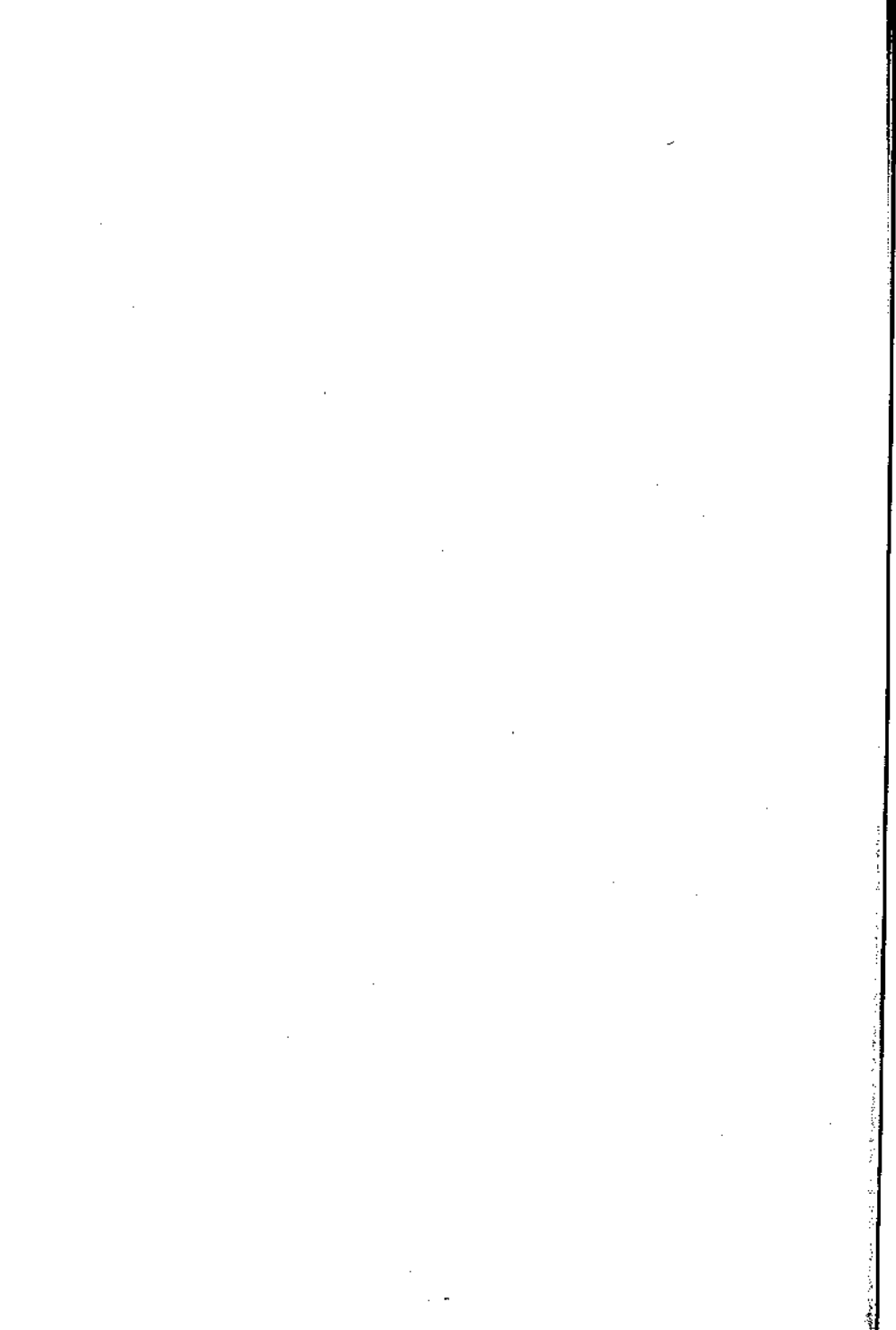
ниями в правобережном предместье Варшавы — Праге. Это сопровождалось избитием гражданского населения, после чего магистрат сдал Варшаву. Остатки армии повстанцев после отступления из столицы разбегались и капитулировали 16 ноября 1792 г. под Радомицами.

После поражения восстания третий раздел Польши стал реальностью. Борьба могла замедлить процесс падения и стать для нации своего рода заветом на будущее. Восстание Костюшко явилось достойным дополнением к майской Конституции, сделавшись точкой отсчета для всех освободительных движений вплоть до последних дней. После продолжительных споров 24 октября 1795 г. державы осуществили разграничение территорий. Пруссия, получив 48 тыс. кв. км и около 1 млн жителей, продвинула свои границы до реки Неман. Австрия получила земли до рек Пилица и Буг, часть Мазовии и Подлясья — всего 47 тыс. кв. км и 1,5 млн человек. К России отошли 120 тыс. кв. км и 1,2 млн человек. Станислав Август отрекся от престола. Он умер в Петербурге в 1798 г. Соглашение о разделе, подписанное в Петербурге 26 января 1797 г., должно было на вечные времена стереть название польского государства с карты Европы и из памяти людей.

Польская революция оказалась незавершенной не потому, что в Варшаве или Вильно к власти не пришли массы или хотя бы сторонники радикальных программ. Революционный характер перемен состоял в том, что Конституция от 3 мая и лозунг восстания значительно опережали уровень национального самосознания шляхты и народа. По сути дела, это был решительный шаг в направлении создания гражданской нации и парламентской системы, экономические и социальные предпосылки которых лишь только обозначились. Однако для будущего имел значение тот факт, что погибавшая под ударами судьбы Польша сумела перестроить и самостоятельно скорректировать траекторию своего развития.

Примечания

¹ Для проведения задуманной реформы армия сейм в 1789 г. утвердила так называемое «пожертвования на вечные времена» — прямой налог, возлагавшийся на шляхту (10%) и на церковные имущества (20%). Для городов вводился новый налог на скоряжащие изделия и скотобойни, владения епископа Краковского переходили в казну.

ХІ. С Польшей или без Польши

Идея собственной государственности потрясла общество, которое теперь связывало программу ее восстановления с расширением понятия «нация». Осознание необходимости единения шляхты с народом, ощущение языковой или культурной общности, принятие идеи социального разделения по имущественным, а не сословным критериям — эти явления были новыми и революционными. В среде общественных деятелей, размышлявших о путях спасения Речи Посполитой, отказ от прежнего понимания «нации» приобретал прежде всего практическое значение. Сравнение с абсолютистскими державами не убедило поляков в превосходстве других государственных моделей, но обратило внимание некоторых на необходимость включения широких слоев населения в государственную жизнь. Представители радикального течения считали, что народу следует предоставить свободу, для того чтобы он смог осознать значение своего участия в борьбе за собственное государство. Значительно более многочисленными были сторонники Конституции от 3 мая, рассматривавшие просвещение народа как необходимое условие освобождения его от крепостной зависимости. Во всяком случае, и идеологи, и практики разделяли вывод о необходимости скорейшего предоставления свобод всем гражданам.

Революционный процесс, направленный на модернизацию государства и преобразование общества в духе времени, был прерван. Началась естественная реакция — значительная часть землевладельцев возлагала вину на чрезмерный радикализм восстания. Усилились консервативные тенденции, стремление замкнуться в частной жизни. Исчезновение государства привело к замедлению развития национальной мысли. Примирение с новой ситуацией означало движение вспять, отказ от принципов эпохи Четырехлетнего сейма. Утверждая, что именно в этот период в Польше начался процесс формирования современной нации, необходимо подчеркнуть прежде

всего появление новых предпосылок. Они были порождены сложившейся ситуацией, характеризовавшейся разобщенностью и недееспособностью польского общества, а также патриотической рефлексией.

Общим для трех держав было стремление ограничить участие шляхты в управлении государством, а также получить от присоединенных польских земель как можно больше налогов и рекрутов. Три государства по-разному осуществляли эти намерения. Россия, заняв земли с неоднородным по этническому составу населением, вначале действовала дифференцированно. На Украине и в Белоруссии были созданы губернии, проведены многочисленные конфискации владений и имущества, царские сапожники и фавориты получили там сотни тысяч душ крепостных. В Литве же, напротив, были сохранены некоторые традиционные формы помещичьего самоуправления, но во главе поветов¹ поставлены русские чиновники. Были резко повышены налоги, закреплялись повинности крепостных крестьян, измененные по русскому образцу. После смерти Екатерины II в 1796 г. были освобождены содержащиеся в заключении предводители восстания, в том числе и Тадеуш Костюшко. Однако тысячи его соратников остались в ссылке. Прежняя система школьного образования была сохранена, и, несмотря на конфискацию церковных имуществ, не проводилось политики, направленной против католической церкви.

На территории, захваченной Австрией, сложилась иная ситуация. В Галиции были проведены реформы императора Иосифа II. Для польских земель это означало в первую очередь навязывание ипохезмной бюрократии, создание репрессивной полицейской системы, а также принудительное введение немецкого языка в школе и местной администрации. Из реформ, направленных на совершенствование государственной системы, существенную роль сыграли следующие: закрепление за крестьянами их земельных наделов, контроль за размером барщины и подчинение крестьян государственному судопроизводству. В 1790 г. принятие новых актов, направленных на упорядочение земельных отношений, было приостановлено. В последующие годы законодательство Иосифа чаще всего использовалось для притеснения поляков, в первую очередь шляхты и интеллигенции. Необходимо помнить, что Австрия, заняв лишь 18% территории Польши, получила вместе с ними 32% жителей бывшего польского государства, в большинстве своем поляков. Поэтому действия, направленные против монашеских орденов, евреев и шляхетского самоуправления, приобретали в Галиции явно выраженный антипольский характер. В Краковской акаде-

нии был введен помещичий язык, на нем велось и судопроизводство. Несмотря на это, Вена добилась успеха в привлечении на свою сторону самых богатых землевладельцев, раздавая им за деньги аристократические титулы.

Пруссия приобрела наиболее благоустроенные области Речи Посполитой, причем полностью польские. Она очень заботилась о том, чтобы стереть следы первоначального административного деления. Поначалу в Берлине питали иллюзии относительно возможности выиграть доверие шляхты к новому правлению, предлагая ей должности в администрации. После восстания Костюшко, напротив, наступило время формирования слоя помещичьих собственников и чиновников. Значительная часть реквизированных королевских владений была по низким ценам продана выходцам из Германии. Крепостные отношения оказались уподоблены прусским, что означало контроль чиновников над властью помещика. Так же как и в Галиции, правовая позиция крестьян имела главной целью дискриминацию польского элемента. Прусские власти одновременно проводили привлекательную для землевладельцев кредитную политику, которая, несмотря на бесспорное улучшение экономической ситуации к концу века, вела к увеличению задолженности многих имений. Однако вследствие военных поражений Пруссии в ее войне с Наполеоном 1806—1807 гг. был проведен ряд реформ, регулировавших аграрные отношения и завершившихся в 1811 г. раскрепощением крестьян в частных имениях с одачением их земель, что значительно ускорило развитие капиталистических отношений.

Политика России, Австрии и Пруссии, отличавшаяся как своими целями, так и средствами, имела все же общие черты, значительно влиявшие на положение поляков. Прежде всего, не была принята во расчет специфика польского общества. Причины слабости государства объяснялись следствиями анархии. Следовательно, предполагалось, что введение централизованной системы управления быстро принесет положительные результаты. При этом, несмотря на покорность значительной части шляхты и большинства сельского населения, сохранялось недовольство новой властью. Еще большее значение имело отстранение шляхты от столь важного для нее участия в управлении страной. И хотя в действительности такое участие давно уже было иллюзорным, в частности во времена магнатской гегемонии или русского протектората, в сознании помещиков оно оставалось главным фактором дворянской идентичности. Со стороны крестьянства также не проявлялось особой благодарности в адрес новых

властей за защиту от помещиков — новая эксплуатация оказалась не менее тяжелой. С упадком Речи Посполитой исчезла возможность полной отмены крепостной зависимости. Но, пожалуй, больше всего пострадали города. Варшава потеряла почти половину своего населения и стала прусским провинциальным городом, где полиция с особым ожесточением подавляла малейшие проявления недовольства. Если экономическая конъюнктура в целом была благоприятной, то в городах пресекались всякие инициативы как по кредитованию, так и по развитию мануфактурного производства. Под властью Пруссии особые преимущества получали немецкие купцы и предприниматели.

Ситуация при этом, однако, не отличалась стабильностью. На западе велись войны с Францией, и интересы держав — участниц разделов не всегда совпадали. Сразу же после поражения восстания Костюшко стали приниматься меры, рассчитанные на скорую нормализацию международной обстановки. Разгорелись дискуссии и появлялись публикации о причинах падения Речи Посполитой и перспективах возвращения ей независимости. Оставив в стороне личные распри, можно обозначить два течения, стремившихся понять причины поражения. Представители первого главное место отводили отсталости Польши, представители второго — подчеркивали необходимость социальных реформ.

Проблема упадка и проблема восстановления Речи Посполитой связывались главным образом с ее отсталостью от Европы. Станислав Стапиц, безусловно, преувеличивал, говоря, что Польша по сравнению с Европой находится еще в XV в. Но факт существенного отставания во многих сферах развития был очевиден. Возникает вопрос: действительно ли это существенное отставание можно считать причиной разделов? В рассуждениях о причинах упадка обычно упоминались малочисленность населения, чрезмерное угнетение крестьян и слабость городов. Обретение политической самостоятельности было необходимым условием для продолжения деятельности по реформированию государства. Поэтому инициативы в этом направлении носили прежде всего военный и дипломатический характер. Попытки организовать вооруженную борьбу в стране оказались, однако, несмысленными и необдуманными. И львовская «Централизация»², и «Общество польских республиканцев» в Варшаве не имели широкой опоры. «Централизация» была разгромлена полицией, а отряды добровольцев, выступившие из Валахии³, разбиты. Варшавские организации просто распались, не найдя поддержки в обществе.

Ивлением действительно непреходящего значения стали польские легионы. Это была первая попытка создания вооруженных сил, которые, используя начавшуюся европейскую войну, могли бы освободить Польшу. В этот момент было естественным обращение к Франции, которая, пусть и не проявляя особого интереса к Польше, все же вела войну с ее поработителями. Голоса радикальных и умеренных эмигрантов в Париже не были услышаны. Более убедительным для французской Директории оказался проект генерала Генрика Домбровского (1755—1818). Этот герой событий 1792 и 1794 гг. появился в Париже с предложением создать вооруженные формирования из польских военнопленных и перебежчиков из австрийской армии. Карина бы ни были намерения Директории, дело решил Бонапарт. Польские легионы были организованы в Ломбардской республике и состояли на ее жалованье. Эта инициатива привлекла тысячи людей и развилась с неожиданным успехом. Несмотря на тяжелейшие условия, удалось создать военные отряды, обладавшие высоким уровнем выучки и силой духа. Вопреки замыслам французов, итальянские легионы преобладали в гортани польского патриотизма. В легионах занимались воспитанием солдат в гражданском духе, создавая таким образом новый тип отношений между людьми разных сословий — офицерами и солдатами. Лозунг легионеров: «Все свободные люди — братья», воспринимался всерьез, и в глазах легионеров этому не противоречило их участие в подавлении крестьянских мятежей в Италии или восстания негров в Сан-Доминго⁴. Польские отряды, покрывшие себя славой во многих битвах (Треббия, Нови, Гогенлинден, Чивитта-веккеллана), болезненно переживали вынужденные отступления по пути на родину. Леобен, Кампо-Формио и Люневиль⁵ были для полков столь же трагичны, как и капитуляция Мантуи, когда польских легионеров передали в руки австрийцев. Из 2600 легионеров, направленных в 1802—1803 гг. в Сан-Доминго, вернулись живыми лишь около трехсот. Эта трагедия подорвала идею служения чужим целям. Через легионы в течение пяти лет прошло почти 25 тыс. солдат, тысячи офицеров. Большая их часть погибла на чужбине. Но спустя несколько лет уцелевшие много сделали для быстрого создания польской армии. Легенда пережила их и стала важнее реальных свершений. Не столько миру, сколько себе самим и всем тем, кто был в беде, они доказали, что еще Польша не погибла⁶.

Сопротивление захватчикам не было столь незначительным, как может показаться, если судить по судьбе тайных организаций или мнениям осторожных людей, однако оно не было и столь всеобщим,

как гласит легенда о польских легионах. Можно утверждать, что процессы, начавшиеся на закате Речи Посполитой, хотя и были ослаблены чужеземной властью, все же продолжали по инерции развиваться. Не все признавали сложившееся положение прочным, многие готовы были к жертвам и подвигам, надеясь, что случай представится. Новые тенденции, способствовавшие в течение следующего столетия формированию нации, еще только зарождались. В этом процессе такие черты, как, например, индивидуализм и неприятие государства, прежде считавшиеся негативными качествами, приобретали статус патриотических добродетелей. Направление преобразований постоянно менялось, нация складывалась прежде всего под давлением новой действительности.

Несколько иначе относились к вооруженной борьбе немногочисленные приверженцы демократии вроде Костюшко. Именно он стал вдохновителем публикации брошюры «Могут ли поляки добиться независимости?» (1800), написанной Юзефом Павликовским. Основной ее тезис, заключавшийся в том, что победа национального восстания потребует привлечения к борьбе освобожденного народа, не нашла тогда должного отклика, но позднее сделалась теоретической предпосылкой одного из направлений в польском освободительном движении. Оба течения не всегда явственно отличались друг от друга (особенно когда от имени народа высказывались представители других классов). Однако со временем, в связи с переменами в обществе, концепции борьбы за свободу, целостность и независимость стали заметно разниться.

Среди противников вооруженной борьбы или тех, кто просто не верил в возможность возврата к государственной независимости, на рубеже XVIII—XIX вв. обозначились различные тенденции. Не все аристократы (как стало принято теперь называть польских магнатов) «отошли от дел», различными были и их взгляды. Такие, скажем, как Щенсный-Потоцкий, которого не разочаровали перечеркнутые планы, считали естественным согласиться с новой «национальной принадлежностью» — в его случае русской. Прусский двор усиленно перетягивал на свою сторону Радзивиллов и достаточно преуспел в этом, но ему не удалось проделать то же самое с князем Юзефом Понятовским⁷. Разгульная жизнь этого полководца в 1792 г. возмущала современников, но, с другой стороны, ничего не было хуже для национального дела, чем праздность или отчаяние большинства. После вступления на трон Александра I (1801) ширилась не столько пророссийская, сколько процарская ориентация. Считалось, что новый пра-

нитель совмещал в себе непримиримость в отношении революционных напятий с широкой политической замыслов. Действительно, гнет смягчился; и казалось, что последовавшие реформы изменят саму сущность царской России. В значительной степени способствовал укреплению убеждения в возможности если не возрождения Польши, то хотя бы ее объединения под властью России Адам Ежи Чарторыйский (1770—1861), который с 1802 г. де-факто возглавлял Министерство иностранных дел России. Видя, что их дела идут на лад, польские помощники хотели верить, что русская экспансия не находится в противоречии с возрождением Польши, а значит, и с возвращением к прежним принципам государственного устройства. Казалось, что это подтверждается фактом признания польского характера присоединенных к России земель. Особое значение имело развитие польской системы образования, куратором которой выступал Чарторыйский (1803), в том числе открытие Виленского университета (1802) и Кременецкого лицея на Волыни (Тадеуш Чацкий, 1805). Планы восстановления Польши особенно окрепли в 1804—1805 гг., когда царь эффективно использовал их для давления на Австрию и Пруссию. Этому пришел конец в 1806 г. — с дружескими объятиями Александра I и Фридриха Вильгельма III у гроба Фридриха II и с отставкой Чарторыйского из министерства после Аустерлица. С иллюзиями было покончено, но это вовсе не означало конца расчетов на получение каких-либо политических уступок со стороны Петербурга.

Тем временем император Наполеон втянул поляков и польские эмигранты в орбиту своих планов и действий. На рубеже 1806—1807 гг., когда судьба Пруссии еще не была предрешена, находившийся в Берлине Наполеон призвал поляков к вооруженному выступлению. Косовичко ответил отказом, аристократические круги медлили, однако Домбровский с Выбицким уже вводили польскую гражданскую администрацию на захваченных Пруссией польских землях. Шла «первая польская война». Создавались вооруженные силы, которым предстояло доказать французскому императору, что «поляки достойны быть нацией»⁸. Это был слабый козырь, но другого не существовало. Временная администрация польских земель, созданная в Варшаве, прежде всего должна была содействовать формированию вооруженных сил и обеспечить исправное снабжение французской «Великой армии». Поляки, возглавлявшиеся Я.Г. Домбровским, Ю. Понятовским и И.М. Майончекон и организуемые аристократами из числа деятелей Четвертого сейма, оказались на высоте. Однако это не мешало Наполеону использовать возрождавшуюся часть польских земель в ка-

честве объекта торго с царем Александром I. В Тильзите (7 июля 1807 г.) было решено, что будущее Княжество Варшавское (104 тыс. кв. км, 2,6 млн человек) станет управляться саксонским королем Фридрихом Августом. Ни Конституция от 3 мая, ни другие реформы не были восстановлены; в Дрездене (22 июля 1807 г.) Наполеон продиктовал конституцию, которая лишь в незначительной степени учитывала своеобразие страны и чаяния поляков.

Конституция гарантировала всеобщее равенство перед законом и введение Кодекса Наполеона, давала свободу крестьянам и предоставляла избирательные права части мещанства и интеллигенции. Вводилось светское брачное законодательство, разрешавшее гражданский брак и развод, причем в роли чиновников при оформлении вноси актов гражданского состояния должны были выступать приходские священники. Принципы свободного труда и свободы собственности, равенство перед законом и отделение государства от церкви были поистине революционными нововведениями. Система управления была строго централизованной по замыслу, но довольно либеральной на деле. Выборные органы (сейм) не играли значительной роли, вопросы законодательства и судопроизводства находились в ведении Государственного совета. Управление страной при почти постоянном отсутствии саксонского короля осуществлял Совет министров, который находился под контролем резидента императора. Было принято постановление (21 декабря 1807 г.) о том, что свободные крестьяне не являются собственниками земли и должны заключать с помещиком договор о своей работе на ней. Таким образом, вопреки духу Конституции сохранялась барщина, так как отказ от нее был равен риску оказаться согнанным с земельного надела.

Юзеф Зоньтаг. Былые товарищи по оружию на могиле князя Юзефа Понятовского. Около 1820.

Князь Юзеф Понятовский был главнокомандующим армией Княжества Варшавского и маршалом Франции. 19 октября 1813 г. в сражении под Лейпцигом принял отход разгромленной французской армии и, смертельно раненный, утонул в реке Эльстер. В 1819 г. как национальный герой Польши погребен в Кракове на Вильге. Изображенное на гравюре скромное надгробие существует в Лейпциге по сей день. Верный союзник Наполеона, Понятовский стал для поляков символом патриотизма, чести и мужества, а его культ — одной из составных частей польской наполеоновской легенды. Несколько поколений поляков надеялись, что когда-нибудь сложится такая политическая ситуация, когда они вместе с Францией смогут выступить против одной или даже против всех трех держав, разделивших Польшу, добиться победы над ними и восстановить независимость страны.

Жизнь Княжества Варшавского подчинялась ритму военных кампаний. Оно содержало большую собственную армию (30 тыс. человек), а несколько десятков тысяч польских солдат состояли на французской службе. Вооруженное участие княжества в кампании 1812 г. потребовало почти 100 тыс. солдат. Обязательным оставалось снабжение и обеспечение французского войска во время похода или в период его расквартирования. Тем временем экономическая ситуация в стране резко ухудшилась. Включенные в континентальную блокаду польские земли терпели значительный материальный урон из-за прекращения вывоза зерна. Обремененные долгами поместья страдали также от беззаконий и злоупотреблений со стороны армии, тогда как энергичные военные поставщики наживали громадные состояния. С другой стороны, процветали заводы по производству оружия, создавались благоприятные условия для деятельности предпринимателей. Такая ситуация была также очень выгодна горожанам, за исключением еврейского населения.

Поворотным пунктом стал 1809 год. Австрийские войска вторглись на территорию Княжества Варшавского, на территории которого в этот момент оставались лишь незначительные военные силы. С 1808 г. в Испании сражались пехотные полки и уланы Привисанского легиона, кавалерийский гвардейский полк и другие соединения общей численностью около 20 тыс. человек. В этой трагической, кровопролитной войне поляки не раз отличались в сражениях: в кавалерийской атаке горного прохода Самосьерра, при осаде и штурме Сарагосы, в битвах под Туделой, Оканьей и Альбуферой. Однако многие из них сомневались, там ли их настоящее место. На территории княжества князь Юзеф Понятовский во главе польской армии дал бой вдвое превосходящим силам австрийцев под Рашином (19 апреля 1809 г.). Сдав Варшаву, он перебросил военную операцию на правый берег Вислы и в победоносном наступлении дошел до Кракова. Шёнбруннский мир увеличил территорию княжества за счет земель австрийской доли в третьем разделе в целом до 154 кв. км. Население его составило 4,3 млн жителей.

Победоносная война способствовала усилению патриотических настроений, но вместе с тем содержание армии, увеличившейся вдвое, приводило к постоянному бюджетному дефициту. Значительные усилия предпринимались по упорядочению экономики и оздоровлению хозяйства. В преддверии войны с Россией Наполеон добивался расположения поляков, убеждая их в своей решимости возродить все Польское королевство. Это не встретило, однако, ожи-

длинного отклина за Неманом, где с недоверием смотрели на стремительные преобразования в Княжестве. В русской кампании 1812 г. польские войска понесли большие потери, прикрывая отступление «Великой армии». После вторжения русских войск в начале 1813 г. в Княжество Варшавское Понятовский решил вывести остатки войск и присоединиться к армии Наполеона. В Лейпцигском сражении польский корпус был почти полностью уничтожен, а его командующий погиб в волнах реки Эльстер (19 октября 1813 г.). Остатки польских войск вернулись в Польшу. Их сопровождали легенды о великой борьбе и надежда на возрождение отчизны с оружием в руках.

Значение этих шести лет трудно переоценить. Вновь было восстановлено государство, пусть и не самостоятельное, но по существу польское. В психологическом плане это несколько ослабило впечатление от катастрофы разделов. Вооруженная борьба продемонстрировала возможности поляков и их патриотизм. Это сыграло определенную роль в решении царя Александра I. Недавний сторонник исчезновения Польши с карты Европы, он выдвинул теперь концепцию объединения польских земель под своим скипетром. Судьба Польши стала частью торга во время Венского конгресса, который утвердил компромиссный для царя четвертый раздел польских земель. Договор, заключенный 3 мая 1815 г. о границах между Россией, Пруссией и Австрией, декларировал создание Королевства Польского с русским монархом в качестве короля. Краков получил статус вольного города. Это было еще одним крушением надежд, но ситуация оказалась не столь трагичной, как после третьего раздела. Не только внутренние предпосылки, но также стойкость, готовность к жертвам и организованность вернули Польшу в европейскую политику.

Примечания

¹ Повет — польская административная единица, уезд.

² «Централизация», или Тайный комитет по галицийским делам во Львове (1796—1807) — конспиративная польская организация, ставившая целью восстановление независимости Польши. Поддерживала связь с Тадеушем Костюшко. После поражения восстания оказалась связующим звеном между польской эмиграцией во Франции и патриотическими группами в самой Польше.

³ Валахия — историческая область нынешней Румынии, между Карпатами и Дунаем. с XVI в. находилась под турецким господством.

⁴ Французская часть острова Эспаньола (Гаити).

⁵ Имеются в виду Леобенское соглашение между Францией и Австрией (1797); Кампо-Формийский мир (1797), в котором не было даже упоминания о поляках и об их отношениях с Австрией; Люневильский мир между Францией и Австрией (1801).

⁶ Автор имеет в виду первые строки гимна легионов «Jeszcze Polska nie zginęła»; позднее: «nie zginęła» (слова Ю. Выбицкого, музыка, по всей видимости, народная). С 1926 г. является Государственным гимном Польши.

⁷ Юзеф Понятовский (1763- 1813) - князь, племянник последнего польского короля Станислава Августа (Понятовского), польский генерал, маршал Франции (1813). Во время польско-русской войны 1792 г. главнокомандующий польскими войсками.

⁸ Имеются в виду слова Наполеона из опубликованной в ноябре 1806 г. прокламации, адресованной полякам и содержавшей заявление о том, что он хочет убедиться, «заслуживают ли поляки быть независимым народом».

**ЭПОХА БОРЬБЫ
ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ
(XIX—XX вв.)**

XII. Неудачная попытка компромисса

После поражения Наполеона Россия снова обратилась к планам, которые ей не удалось осуществить в период разделов: подчинить себе почти все земли Польши, то хотя бы основную их часть. Это грозило нарушением сложившегося европейского равновесия и встретило противодействие со стороны Австрии, Англии и Франции. Дело закончилось компромиссом, закрепленным на Венском конгрессе (1814—1815 гг.). Большая часть территории Княжества Варшавского входила в создававшееся Королевство Польское (в русской терминологии Царство Польское), объединенное с Россией персональной унии¹. Западные департаменты Княжества Варшавского — Познаньский и Быдгошский — возвращались Пруссии, Краков же получил статус вольного города под протекторатом трех держав: Австрии, Пруссии и России.

По разным причинам позднее было принято решение, в определенной степени оказавшееся благоприятным для будущего польской нации. Царь Александр I в качестве короля Польши стремился заручиться расположением поляков, проводя либеральную политику; он, таким образом, намеревался осуществить в Польше ряд преобразовательных мер, перед тем как принять решение о проведении империи. Королевство Польское получило конституцию, а в соответствии с ней и собственное польское правительство, и выборный парламент — сейм, а также гражданские свободы. В такой ситуации Австрия и Пруссия не могли уклониться от выполнения своих обязанностей, особенно когда Наполеон неожиданно вновь появился во Франции, — Европа опасалась поддержки, которую поляки могли оказать бывшему императору. Третьего мая 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали общий (не очень детальный) договор, согласно которому признавалось существование польского народа как национального целого.

Свою конституцию, а впоследствии правительствующий сенат и парламент (Собрание представителей) получил и вольный город Краков. Польские земли Австрии и Пруссии в последующие годы играли лишь второстепенную роль в решении польского вопроса. В наихудшем положении оказались польские земли в австрийской части Польши. Там была создана централизованная система управления, среди бюрократов преобладали немцы или онемеченные чехи.

В Галиции, однако, был восстановлен сейм, в который избирались представители высших сословий: духовенства, аристократии, шляхты — и львовских горожан. Пруссия признала особое положение Великого княжества Познанского, т. е. возвращенной ей части Княжества Варшавского, без Торуня. На должность наместника княжества Познанского был назначен польский аристократ князь Антоний Радзивилл, который породнился с правящей династией, женившись на представительнице рода Гогенцоллернов. Через несколько лет в княжестве, Силезии, Поморье и в других провинциях Пруссии были созданы провинциальные сеймы с депутатами от землевладельцев, городов и сельских общин.

Все эти перемены были вызваны опасениями победивших Наполеона монархий, готовых к временному осуществлению ряда ограниченных реформ. Венские договоренности обрекли Королевство Польское на длительное объединение с Россией, а остальные польские земли входили в состав двух других государств — участников разделов. С этого момента судьба поляков зависела от развития событий во всей Европе, и прежде всего в России. Уже 26 сентября 1815 г. Россия, Австрия и Пруссия подписали в Вене союзнический акт, названный позднее Священным союзом. Он заложил основы международной и внутренней политики в Европе. К соглашению присоединились почти все государства европейского континента, но в первую очередь это был союз трех держав, заключенный с целью подавления освободительных движений. Из наметившейся альтернативы — поверхностные реформы или игнорирование потрясений французской революции и эпохи Наполеона — предпочтение все определеннее отдавалось второму пути.

Все это оказало существенное влияние на внутреннюю политику царя Александра I. Поначалу он планировал подготовку введения в России конституции. Позднее, оказавшись под влиянием мистицизма, он отошел от непосредственного управления государственными делами. Ими занимались фаворит царя генерал Алексей Аракчеев и другие реакционные сановники. Впрочем, некоторые из них в прошлом поддерживали проекты либеральных реформ Александра. Уси-

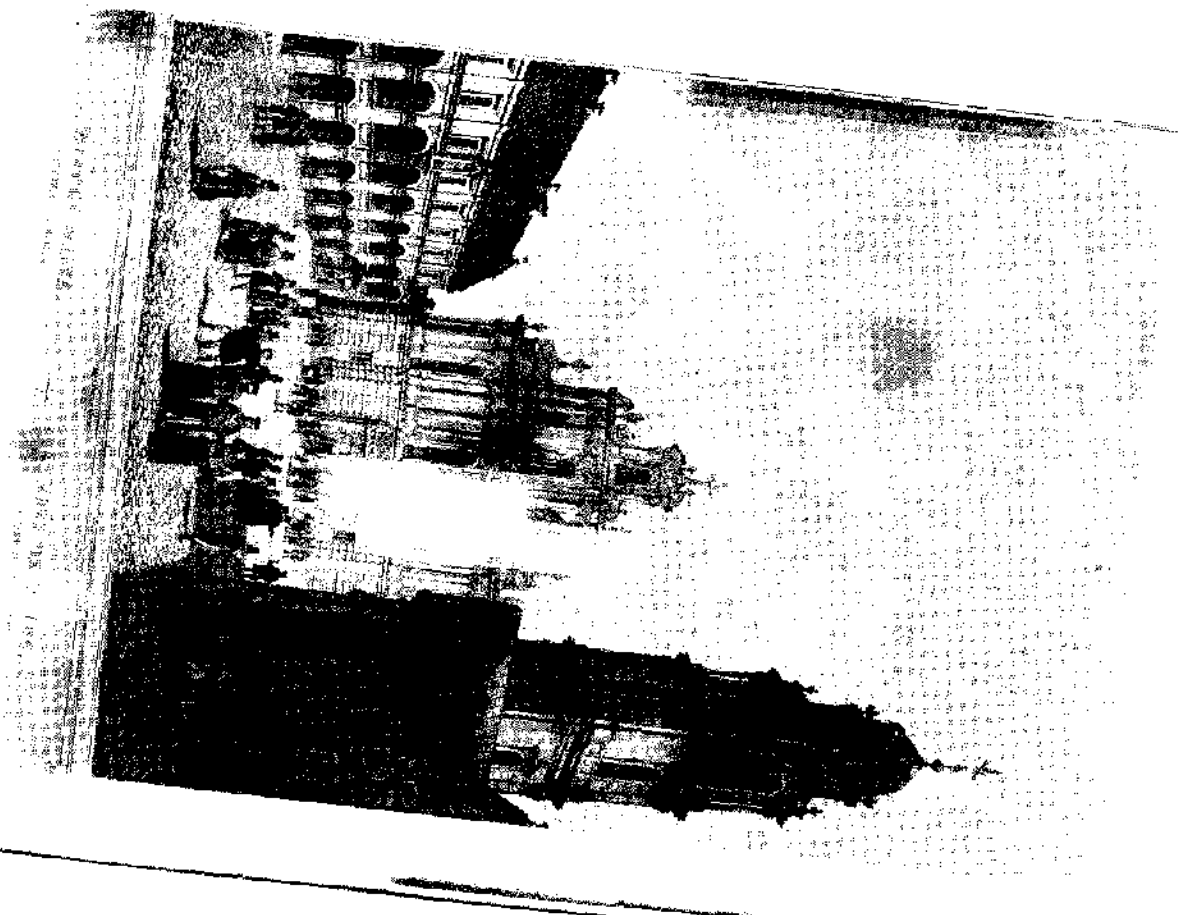
ние консервативных тенденций разочаровало членов тайных организаций, созданных главным образом молодыми офицерами. Будущие скорее умеренными по своим взглядам, теперь они стали более радикальными и начали готовиться к открытому выступлению.

После смерти Александра I 26 декабря 1825 г., во время прения войсками присяги брату и наследнику царя Николаю I, заговорщики попытались поднять в Петербурге восстание. Декабристы — как их тогда называли — потерпели поражение. Эта же участь постигла другую группу заговорщиков на Украине, выступивших тремя неделями позже. Новый царь постарался сделать выводы из этих событий: усилил государственную бюрократию для более эффективного контроля над обществом. Большую роль в этом сыграло создание специального отдела тайной политической полиции — Третьего отделения собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Еще со времен Александра I, находясь между Европой Священной Римской империи и арактеевской Россией, Королевство Польское стало постепенно примером либерально-конституционного государства в восточной части континента. Александр I, безусловно, был озабочен тем, чтобы поляки, используя отдаленность Варшавы от Петербурга, не принимали к чрезмерной самостоятельности. Так, он отстранил от власти своего старого друга и советника князя Адама Чарторыского, потому что тот был слишком яркой индивидуальностью, а на должность наместника назначил генерала Юзефа Зайончска — бывшего якобинцем легендарного командующего наполеоновских армий, превратившегося теперь в безвольного карьериста.

Это облегчало принятие решений двум русским саговикам, которым царь вручил бразды правления в Варшаве, что не было предусмотрено Конституцией. Главнокомандующим польской армией стал младший брат царя, жестокий и психически неуравновешенный великий князь Константин. Его полномочия были практически неограниченными, и поэтому он вмешивался во все сферы управления Королевством Польским. На должность комиссара при правительстве — административном совете — Александр I назначил Николая Новомиславца. Доверенное лицо царя, некогда либерал, а теперь ярый консерватор, он ненавидел поляков. Они ему отвечали тем же за его прожорливость и интриганство.

Константин, всячески подчеркивая свою независимость от петербургской администрации, не слишком считался с Конституцией Королевства Польского. На фоне предоставленных полякам де-юре гражданских свобод авторитарность великого князя вела к острому не-

привлечению его поляками. При этом оба — и князь Константин, и П. П. Цыковский — стали олицетворением чужеземного гнета.

Воздушевание, которым сопровождалось, особенно в либеральной среде, создание Королевства Польского, быстро утасало. Конфликты, вспыхивавшие в то время по всей Европе, не обошли стороной и поляков, ведь в наследство от эпохи Просвещения ей досталось не только антиклерикализм, но и скептицизм в отношении ценностей католической веры. Подобный образ мыслей первоначально находил много сторонников в Польше. До настоящего атеизма доходило редко, но просветительский рационализм оставлял религии мало места. По мере того как свободомыслящие либералы становились сторонниками Конституции, парламентаризма и гражданских свобод, консерваторы склонялись к поддержке реакционных тенденций, памятуя об ужасных событиях последних десятилетий. Многие интересовались сохранением и расширением гражданских свобод; напротив, они осуждали их и считали пороком, опасным для сохранения порядка.

Наиболее видным представителем либералов был министр просвещения и вероисповеданий граф Станислав Костка Потоцкий². Он рано был вовлечен в конфликт с католической иерархией Польши. Этот конфликт довольно быстро закончился его поражением и отставкой в 1820 г. Либералы во время заседаний сейма пытались также критиковать существовавшую власть. В 1820 г. они выступили с протестом против установленной годом ранее предварительной цензуры, что

Виленский университет в начале XIX в. Литография.

Виленский университет находился второй (после Краковского) университет Речи Посполитой. Основан королем Стефаном Баторием в 1578 г. В эпоху Просвещения оба университета были реформированы Комиссией национального просвещения, благодаря чему Виленский университет в начале XIX в. переживал период расцвета. Здесь преподавали физик Ян Снядецкий, его брат химик Енджей Снядецкий, историк Иохим Лелевель, а одним из студентов был великий поэт польского романтизма Адам Мицкевич. Университет стал центром патриотического студенческого движения, в нем возникло тайное общество филомагов, члены которого в 1824 гг. подверглись арестам, репрессиям и ссылкам. После Ноябрьского восстания 1830 г. университет был закрыт царскими властями (1832). Восстановленный польский университет в 1919 г., просуществовал в этом качестве до начала второй мировой войны.

Литография изображен университетский двор, посвятивший имя Петра Скарги, польского писателя, королевского проповедника и первого ректора Виленского университета в 1579—1584 гг. Слева видно ренессансное здание, а в центре — романская университетская церковь Св. Яна, существующие по сей день.

противоречило Конституции. Во главе оппозиции стояли депутаты от Калишского воеводства — братья Винцентий и Бопавентура Немоёвские, именно поэтому позднее ее представителей стали называть «калишанами». Под влиянием калишан сейм отклонил большинство проктов правительственных постановлений. В ответ Александр I распорядился сейм не созывать. Лишь в 1825 г. заседания возобновились, на них не допускались депутаты, возглавлявшие оппозицию. Была отменена и гласность заседаний.

Таким образом, открытая, хотя и умеренная оппозиция была подавлена. Это способствовало распространению идей и радикализации программ тайных организаций. Они появлялись во всех польских землях, в основном в студенческой среде, а в Королевстве Польском в них принимали участие также офицеры. Это были довольно немногочисленные группы, действовавшие без координации между собой. Создаваемые с 1817 г., они в большинстве своем оказались разгромлены в результате арестов 1822—1823 гг. Самой известной студенческой организацией стало отмеченное участием Адама Мицкевича Общество филоматов в Вильно. Тайная организация в армии действовала с 1819 г., она называлась «Национальное масонство», и возглавлял ее майор Валерьян Лукасинский. После реорганизации и присоединения к ней гражданских оппозиционеров из либеральных крутов, теперь уже готовых к участию в заговоре, Лукасинский в 1821 г. принял руководство новым Патриотическим обществом.

Жестокость репрессий 1822—1823 гг. не соответствовала истинной роли тайных организаций. Ее участники обрели ореол национальных мучеников. Это коснулось и Лукасинского, арестованного в 1822 г. и приговоренного военным судом к десяти годам заключения. В начале ноябрьского восстания 1830 г. его вывезли в Россию, где до самой смерти в 1866 г. он был узником Шлиссельбургской крепости. Героический пафос приобрели и преследования филоматов в связи с длительным и тщательным расследованием их следственного дела. В этом случае наказания, однако, оказались довольно мягкими и ограничились запрещением проживания на территории Польши в границах до 1772 г.

После репрессий 1822—1823 гг. тайные студенческие организации по большей части прекратили свое существование. Избежавшая арестов часть Патриотического общества не была особенно активной, но она создала, хотя и разрозненную, сеть контактов с центрами русских заговорщиков. Это и привлекло к Обществу внимание после восстания декабристов в 1825 г., что привело к новым арестам (в част-

ности, под следствием оказался преемник Лукасинского — подполковник Северин Клижановский).

Организации заговорщиков не были многочисленными и влиятельными, но власть пахотила в польском обществе все более слабую опору. Репрессии, пренебрежение к нормам Конституции Королевства Польского, концентрация властных полномочий в руках Константина и Новосильцева — все это воспринималось как борьба против польских национальных интересов, что побуждало к оппозиции даже консерваторов. Так, представители одной из влиятельных групп, объединявшиеся вокруг князя Чарторыского, оказались весьма разочарованы тем, что обещание расширить земли Королевства Польского на восток не было выполнено. Аресты филематов в 1823 г. и следствие, проводимое Новосильцевым в Вильно, привели к открытому конфликту между русскими властями и национальными чаяниями поляков. Князь Чарторыский, поддерживавший польские стремления в качестве куратора Вилenskого учебного округа, подал в отставку. Другой причиной разочарования консерваторов в намерениях царя стали решения сеймового суда, перед которым предстали деятели Патриотического общества во главе с Кшижановским. Известные своими консервативными взглядами, польские судьи не признали в 1828 г. арестованных виновными в государственной измене, а за участие в запрещенных тайных обществах назначили им в качестве наказания только краткосрочное заключение.

Николай I расценил это как вызов в свой адрес. Кшижановского, который родился на Украине и являлся русским подданным, он приказал сослать в Сибирь. Это создало прецедент в Королевстве Польском, опасный для многочисленных выходцев с бывших восточных окраин³. Противостояние между поляками, с одной стороны, и царем — с другой, угрожало открытым столкновением. Николай I, однако, стремился избежать конфликта, предпринимая некоторые символические шаги: в 1829 г. он короновался в Варшаве как польский король⁴. Кажется, стал более уравновешенным и великий князь Константин: он старался сдерживать присущие ему проявления неоправданного гнева и садистской жестокости. Вероятно, великий князь стал при поддержке поляков получать больше самостоятельности в отношениях с братом-царем. Изменения в поведении Константина приписывали также его «полоонизации», проявлениям чувства единения со страной, которой он правил более десяти лет. Определенное благотворное влияние оказывала также его польская жена, Иоанна Грудзинская, которая получила титул княгини Лович.

После Венского конгресса в жизни поляков многое изменилось к лучшему, но вместе с тем многое могло быть потеряно. Действительно, польские земли были разделены между разными государствами, но нигде не предпринимались широкомасштабные действия по денационализации поляков как народа. Увеличилось количество польских высших учебных заведений, главными из которых были университеты Варшавы, Кракова и Вильно. Однако репрессии 1823 г. и уход в отставку князя Чарторыского означали окончание недолгого периода расцвета виленского центра польской культуры. Кроме того, по инициативе польских консерваторов, которым оказывали содействие державы — участницы разделов, автономия Краковского университета сначала была ограничена, а позже фактически ликвидирована — был введен запрет на прием студентов из других польских областей. В целом, однако, просвещение и наука имели благоприятные условия для развития.

Благодаря деятельности Министерства просвещения и исповеданий во главе с С.К. Потоцким быстро развивалась система образования, в особенности начальные школы в сельской местности. Однако вскоре и эта сфера подверглась ограничениям: смена политики была ознаменована отставкой Потоцкого в 1820 г. Средние школы (и созданный в 1816 г. Варшавский университет) оказались под жестким политическим контролем. Но в государствах Священного союза такие действия не были исключительным явлением. Более того, польский язык доминировал в школьном образовании на востоке от Королевства Польского, на землях, ставших частью Российской империи. В прусской части Польши, особенно в Силезии, в то же время были предприняты меры, направленные на германизацию школ. Но в целом они были не очень энергичны, польский язык сохранился — главным образом в начальных школах. В гораздо большей степени германизация затронула плохо развитую систему начального образования на территориях, присоединенных к Австрии, но даже здесь в начальной школе, и особенно в крестьянской, обучение велось на родном языке.

Под патронатом возникшего в 1800 г. Варшавского общества друзей наук наряду с историческими и филологическими изысканиями появлялись исследования в сфере точных наук. Деятели культуры свободно дискутировали о программах романтиков и классицистов и без особых усилий могли избежать цензуры. В это время совершенно легально появляются первые произведения Адама Мицкевича (одновременно со второй и четвертой частями «Дзядов») и даже гораздо более политизированный «Котрад Валлеспрод» (правда, он был издан

и Петербурге с предисловием, где утверждалось, что эта тема имеет сугубо историческое значение). Изданы также были теоретические и критические работы Мауриция Мохнацкого. Цензурным ограничением подвергались в первую очередь тексты, которые можно было считать политически неблагонадежными, а не те, которые касались польского национального вопроса. Однако во всех трех государствах преследовались открытые высказывания о независимости, направленные против властей и существовавшего порядка.

Эти и иные репрессии воспринимались болезненно; иногда они казались откровенным унижением, но редко оказывались столь жестокими, как в случае с В. Лукасинским или С. Кшижановским. Тем не менее литовских гимназистов из Кейдан и Крожи⁵, которых обвинили в заговоре с целью покушения на Константина, приговорили к смерти, чтобы потом помиловать и осудить на 10 лет каторги и пожизненное несение воинской службы. В большинстве же случаев дело заканчивалось арестом и следствием, иногда приговором к кратковременному заключению, а в случае студентов — исключением из учебного заведения.

Стражданскими свободами мало считались повсюду. Нарушались нормы конституций Королевства Польского и вольного города Кракова. Однако следует заметить, что точно так же обстояли дела почти во всей Европе Священного союза. Это не являлось национальной дискриминацией. На бывших восточных землях Речи Посполитой (в Литве, на Украине и в Белоруссии), где поляки все-таки составляли меньшинство, они во многих губерниях имели численное преимущество среди чиновников; преобладали они и на высоких должностях. Этому способствовал Константин, который получил от царя Александра I власть над военными и администрацией в западных губерниях империи. И только Николай I, придя к власти, начал ограничивать польское влияние, которое, несмотря на это, оставалось еще весьма значительным. Довольно многое изменилось к лучшему в сфере экономики. В Королевстве Польском это было связано с продуманной экономической политикой властей, особенно с 1821 г., когда Министерство финансов возглавил князь Ксаверий Друцкий-Любецкий — единственный из выдающихся консерваторов, кто не разочаровался в царской политике, будучи убежденным в том, что будущее Польши зависит от ее союза с Россией. Он был почти образцовым сторонником того, что позднее назовут «органическим трудом», заявляя, что Польше необходимы школы, промышленность, торговля и оружейные заводы.

Королевство Польское привлекало ремесленников выгодными условиями поселения и освобождением от налогов. Позднее дополнительные выгоды приносила система попилин, высоких на западной границе — с Пруссией — и очень низких на восточной — с Россией. К 20-м годам XIX в. начался расцвет Лодзи как центра нового текстильного региона. В развитии горного дела и металлургии доминировали казенные государственные предприятия. Любецкому удалось уравновесить бюджет Королевства Польского, что имело исключительное и очень важное политическое значение. Ему удалось противостоять политике Константина, который прежде выкачивал деньги из государственной казны на военные нужды, не считаясь с ее возможностями. Довольно значительные средства (частично из внешних займов, охотно предоставлявшихся после стабилизации бюджета) Любецкий направлял на внутренние инвестиции.

Такая экономическая политика укрепляла связи Королевства Польского с Россией, являвшейся громадным рынком сбыта, столь необходимым польской экономике. Полякам это, бесспорно, было очень выгодно, и Любецкий принимал решения с убеждением, что они продиктованы польскими интересами. Экономической эксплуатации Королевства Польского со стороны России не было. Начинания министра финансов расценивались как спорные не с экономической, а с политической точки зрения. Наиболее развитые польские земли не по своей воле стали частью Российской державы, подчиняясь имперским целям России. Возможно ли было при этом избежать экономической зависимости польских земель от России — вопрос открытый.

Иными были проблемы экономической жизни для польских земель Пруссии, где проводились последовательные реформы, связанные с решением земельного вопроса. Зажиточные крестьяне получали теперь в собственность часть обрабатываемых земель, а за счет другой части выкупали часть своих повинностей — барщину или оброк. Эти реформы были довольно болезненны, особенно для беднейших крестьян, лишенных возможности выкупать землю и таким образом постепенно с нее изгонявшихся. Создание экономически рациональной аграрной структуры достигалось весьма жесткими мерами. Рядом с помещичьими имениями появились большие крестьянские хозяйства. Будущее показало, что такая структура способствовала интенсификации земледелия, изменениям в деревенской культуре, а в дальнейшем и сохранению национальной идентичности. Промышленность под прусским владычеством находилась в более сложных условиях. За исключением богатой полезными ископаемыми Верхней

Галиции, где получили развитие горно-добывающая и металлургические отрасли, в других областях промышленность сталкивалась с многочисленными трудностями. В первую очередь имелся в виду конкуренция со стороны гораздо более развитой немецкой экономики⁶. Планы получить выход на прусский рынок оставались незначительными. В Королевство Польское путь был закрыт высокими пошлинами, ибо без них немецкие промышленные товары вскоре получили бы преимущество и там. Стремление уберечься от немецких конкурентов ускорило разрушение экономического единства между частями польских земель в составе трех государств, вызванное политическими решениями.

Хуже всего обстояло дело в экономике польских земель Австрии, и в определенном смысле это свидетельствовало о том, что политическое давление на поляков шло рука об руку с их экономическим угнетением. В аграрной Галиции тяжесть податей лишала землевладельцев финансового резерва и одновременно исключала даже самую мысль о какой-либо модернизации хозяйства и о добровольной ликвидации барщины. В бедной и все более нищающей стране промышленность не могла развиваться даже на прусском уровне. В Галиции продавать было некому, потому что и в самой Австрии гораздо большими возможностями обладали конкуренты из более развитых чешских и немецких земель.

С позиций сегодняшнего дня, полтора века спустя, можно констатировать, что по большому счету пятнадцатилетие «после Венского конгресса» было самым благоприятным с точки зрения польских национальных интересов временем за весь период между 1795 и 1918 гг. (так как Княжество Варшавское было всего лишь эпизодом, стоившим огромных человеческих жертв и материальных затрат, сравнимых с постоянными войнами). Однако недовольство современников сложившейся ситуацией также понятно. Стремление к созданию единых, независимых и конституционных национальных государств отвечало духу эпохи. Наряду с немцами и итальянцами поляки были третьим по численности народом Европы, стремившимся к объединению, к тому же находившимся под гнетом чужеземных властителей. Восставали немцы и итальянцы, за независимость боролись греки, за конституцию сражались испанцы. Полякам, однако, наиболее последовательно отказывали в праве не только на государственную самостоятельность, но даже на выдвижение национальных требований, поскольку это угрожало стабильности в Европе. Компромисс 1815—1830 гг., навязанный внешними силами, оказался не-

жизнеспособным и сопровождался постоянной угрозой ущемления польских национальных и гражданских прав. Длительное время он сохраняться не мог.

Примечания

¹ Конституция 1815 г. устанавливала нераздельную связь Королевства Польского с Российской империей на основании общности царствующей династии.

² *Станислав Костка Потоцкий* (1755—1821) — брат Игнация Потоцкого, политик, писатель, публицист, критик и меценат. В 1818—1819 гг. занимал пост министра вероисповеданий.

³ В тексте оригинала — «захваченные земли». Так поляки называли территории на востоке бывшей Речи Посполитой: украинские, белорусские, литовские и латышские земли, которые были присоединены к России после первых трех разделов конца XVIII в. и после образования Королевства Польского не вошли в его состав.

⁴ Николай короповался с большим отозданием, в то время как Конституция 1815 г. предусматривала обязательность этого акта, подчеркивавшего государственную самостоятельность Королевства Польского.

⁵ В настоящее время литовские города Кайданай и Кражай.

⁶ На исконно прусских и других немецких землях.

XIII. Освободительные восстания

Началу заговор, приведший к восстанию 1830 г., казался не более опасным для установленного в Королевстве Польском строя, чем прежние конспиративные организации. Через два года после арестов 1826 г. инструктору Школы подхорунжих подпоручику Петру Высоцкому¹ удалось сплотить группу своих воспитанников. Затем он установил контакты с либералами и уцелевшими членами Патриотического общества. Горя желанием действовать, подхорунжие готовы были совершить покушение на Николая I во время его пребывания в Варшаве в 1829 г. Высоцкий сдерживал пыл восставших, а гражданские оппозиционеры отказывали в поддержке. Заговорщики планировали и вооруженное восстание, но конкретная программа действий не была разработана.

Политическое напряжение резко усилилось с появлением сообщений о событиях Июльской революции во Франции и Сентябрьского восстания в Бельгии, целью которого была независимость от Голландии. Влияние внешних событий было двояким: с одной стороны, они демонстрировали эффективность революционных методов борьбы и питали надежду на европейскую революцию, дававшую возможность Польше обрести союзников в национально-освободительной войне. С другой стороны, имелись опасения, что силы польской армии (вместе с русской) будут задействованы в подавлении западноевропейской революции, что создавало бы для заговорщиков и даже для умеренных кругов либеральной оппозиции невыносимую с моральной и политической точек зрения ситуацию. Такая перспектива грозила также переброской российских войск через территорию Польши, что могло привести к фактической оккупации страны и к более прочному, чем ранее, закреплению польских земель за Россией.

Еще одной причиной, которая заставляла ускорить подготовку вооруженного выступления, стали аресты среди заговорщиков. Пока

были свежи воспоминания о судьбах В. Лукасинского и С. Книжановского. Терять больше было нечего. Члены тайного общества приняли решение начать восстание 29 ноября 1830 г. Их было немного, план действий не был детально продуман, а дальнейшие перспективы и вовсе оставались туманными. Однако если даже расценивать восстание как легкомысленный и политически ошибочный шаг, то довольно сложно объяснить дальнейший ход событий. Неподготовленное выступление должно было бы закончиться провалом в первый же вечер, самое позднее — в течение нескольких дней. Тем более, что Константин не был убит, русские войска не были разоружены, а многие части польской армии не удалось привлечь на сторону повстанцев.

Руководство восстанием оказалось в руках консерваторов во главе с А. Чарторыским и К. Любецким. Настроенные против вооруженной борьбы, они все же не могли и не хотели быть на стороне русских. Константина, вынужденного отступить в варшавские предместья, они просили поддержать их просьбу к царю о прощении и амнистии. Но Варшава в это время уже почувствовала себя свободной. Народ требовал выдворения Константина из Королевства Польского, оставшиеся в распоряжении великого князя польские воинские части готовы были присоединиться к восставшим, а 4 декабря было создано Временное правительство. На следующий день полномочия диктатора принял на себя популярный в войсках и среди жителей польской столицы генерал Юзеф Хлопицкий. В успех восстания он не верил, ожидая от Николая помилования для поляков. На переговоры с царем отправился К. Любецкий. В конце декабря 1830 г. царь отказался от каких бы то ни было уступок, требуя от повстанцев сдаться на его милость. Хлопицкий был готов принять это условие, однако у него не хватало ни сил, ни желания, чтобы самому задавить польское восстание.

В создавшейся ситуации 17 января 1831 г. Хлопицкий сложил с себя полномочия диктатора, а восемь дней спустя сейм низложил Николая I с польского трона и сформировал Национальное правительство во главе с А. Чарторыским. Так во главе польской революции оказался консерватор. Впрочем, революционный характер восстанию придавало скорее противодействие России — оплота европейской реакции, нежели выдвижение радикальных задач и применение жестких средств. Чарторыский связывал возможность победы с военными успехами. Это могло бы склонить западные державы вмешаться в польские дела, чтобы ослабить влияние России в Европе. Надежды на ин-

юрисдикцию были лишены оснований, но победа в борьбе могла повысить шансы мирных переговоров.

Радикалы из Патриотического общества, возобновившего свою деятельность с началом восстания, хотели «народной войны», но в первую очередь рассчитывали на варшавскую толпу. Последнюю было легко взбудоражить и, направляя ее действия, влиять на судьбы польской политики. Однако в войне с Россией уличная толпа не могла стать решающей силой. Принципиально важной задачей стало присоединение к национальному восстанию крестьянства, хотя оно могло обернуться непредсказуемыми последствиями. С одной стороны, только решительное освобождение крестьян с отменой принципа могло дать надежду на их активное участие в восстании. Другой стороны, в этой части Европы подобное решение не могло вызывать негодования со стороны Австрии и Пруссии. Кроме того, решительное большинство помещиков, поддерживавших восстание, чувствовали бы угрозу собственным интересам. В итоге ничего в этом направлении предпринято не было.

Польская армия была хорошо подготовлена, но вооружена гораздо хуже — и потому не имела ни малейших шансов в войне с многократно превосходившими ее по численности царскими войсками. После срочной мобилизации летом 1831 г. в ней насчитывалось более 80 тыс. солдат, в то время как еще в феврале того же года русский генерал-фельдмаршал Иван Дибич ввел в Королевство Польское 115-тысячную армию. Несмотря на это, 25 февраля в сражении под Гроховом (на подступах к польской столице) поляки нанесли русским столь ощутимые потери, что Дибич отказался от намеченного штурма Варшавы. На место раненного под Гроховом артиллерийского был назначен генерал Ян Сквишчедский. Новый главнокомандующий не верил в победу восставших на поле битвы (вероятно, обоснованно), но был убежден в том, что продолжение борьбы может способствовать выпескению польского вопроса на международное обсуждение.

Однако шансов на это практически не было. Пруссия желала усиления поляков Россией, так как рассчитывала, что в результате укреплится ее власть над собственными польскими землями. Австрия активно соглашалась с ослаблением Российской империи, но не испытывала симпатий к полякам. Франция и Англия также радовались возникшим у России проблемам, ограничивавшим внешнеполитические амбиции паризма. Общественное мнение этих государств относилось к полякам сочувственно. Для Франции и Англии польские проблемы

оставались некой далекой экзотикой, которая не стоила того, чтобы идти ради нее на большие жертвы. Трудно было ожидать поддержки даже от папы, ибо католическая и вместе с тем революционная Польша превращалась в союзницу французских и итальянских революционеров — безбожников и врагов церкви.

Польские войска избрали оборонительную тактику, избегая нападений на ослабленную русскую армию. Только ранней весной 1831 г. генералу Игнацию Прондзынскому — наиболее талантливому из польских штабных офицеров — удалось склонить Сквишинецкого к наступательным действиям. Поляки добились некоторых успехов, в частности в сражении под Иганями, но потом отступили к Варшаве. Внимание русских было отвлечено распространением восстания на Литву, Белоруссию и Волынь, где его участниками были главным образом поляки — представители средней и мелкой шляхты. До «народной войны» здесь также не дошло, а небольшие регулярные части, прибывшие из Королевства Польского и поддержанные местными партизанами, через несколько месяцев были вынуждены отступить под натиском русских. Еще раньше не оправдал надежд очередной план Прондзынского², предложившего разбить русский гвардейский корпус, прежде чем Дибич поддержит его всеми своими силами. Медлительность и бездарность Сквишинецкого свели на нет все замыслы. Главные польские силы потерпели поражение 26 мая 1831 г. в битве под Остроленкой.

Фельдмаршал Иван Паскевич, сменивший на посту умершего в июне главнокомандующего Дибича, во главе мощной армии прошел через Северную Мазовию, подошел к границе с Пруссией у Торуня и переправился на левый берег Вислы. Сквишинецкий, а позже и его преемник генерал Генрик Дембинский во время этих маневров оставались безучастными. Причина крылась в ощущении слабости и в пессимизме в собственных силах, приводивших к тому, что даже кратковременные удачи не были использованы в должной мере. Это понимали радикалы из Патриотического общества и во время русского наступления с запада на Варшаву организовали манифестацию, имевшую целью побудить Национальное правительство к энергичным действиям. Но в какой-то момент они потеряли контроль над толпой. Манифестация вылилась в беспорядки, в городе начались расправы над шпионами и генералами, заподозренными в измене. Настроение слабости и отчаяния, которое спровоцировало эти события, сопровождалось слепой яростью людской стихии, а зачастую и криминальными эксцессами.

После беспорядков 15 августа сейм назначил генерала Яна Круковецкого главой Национального правительства, наделив его неограниченными полномочиями и фактически передав ему руководство армией. Популярный среди радикалов, Круковецкий обещал консерваторам восстановить спокойствие в столице. Генералу это удалось, но во время генерального штурма города русскими (начался 6 сентября со стороны варшавского предместья Воли) он утратил веру в победу и сразу начал переговоры о капитуляции. Круковецкий даже получил обещание сохранить Конституцию Королевства Польского. Это обещание, впрочем, не могло вызвать особого доверия, поскольку исходило не от самого царя. Сейм отклонил капитуляцию и отправил Круковецкого в отставку, но Варшаву было решено сдать. Правительство, сейм и основная часть армии ушли на север. Переход правительства и политиков через границу с Пруссией 5 октября 1831 г. означал конец восстания. Первая попытка вернуть государственную независимость вооруженным путем оказалась неудачной.

Потерь не могло быть возврата и к компромиссу с Россией, ставшей для поляков главным захватчиком. Королевство Польское потеряло государственную самостоятельность и конституцию, став провинцией России, хотя и наделенной некоторой автономией, постепенно все более ущемлявшейся. С 1833 г. в стране сохранялось военное положение. Царь назначил своим наместником фельдмаршала Миласевича. Последовавшие вслед за тем репрессии оказались чрезвычайно суровыми: заключение и каторга, набор польских солдат в русскую армию, конфискация имений (особенно жестко она проводилась на восточных территориях бывшей Речи Посполитой), переселение мелкой шляхты в глубь России, закрытие высших учебных заведений, ликвидация церковной унии в западных российских губерниях. По примеру России Австрия и Пруссия могли теперь позволить себе гораздо более решительное противодействие польским национальным притязаниям. Это серьезно сказалось на положении Великого княжества Познанского, где сузилась сфера применения польского языка, а само княжество стало рассматриваться как одна из многих прусских провинций. В 1831 г. от должности наместника был отстранен Антоний Радзивилл, а на пост обер-президента провинции назначен немец Эдуард Флоттвель.

Перед поляками стоял выбор: национальная капитуляция или продолжение борьбы за независимость, даже если отсутствовали всякие предпосылки для достижения цели. Сохранять верность прежним радикальным устремлениям было легче польским эмигрантам в Запад-

ной Европе, где оказалось около 10 тыс. политических беженцев. Часть из них преследовалась в чрезвычайной бедности, даже в нищете, но зато они могли выражать свои взгляды без риска оказаться в тюрьме. Атмосфера французской свободы благотворно повлияла на польскую культуру. Великие романтики: Адам Мицкевич, Юлиуш Словацкий, Зыгмунт Красинский и Фридерик Шопен (Циприан Камилль Норвид еще не был известен) — оказали огромное влияние на формирование польского национального самосознания. Их влияние сохранялось и в течение последующих десятилетий; именно художники «великой эмиграции» внесли решающий вклад в распространение идеалов сопротивления насилию, борьбы за независимость, отстаивания моральных принципов и ценностей пусть даже ценой жизни и личного благополучия. Им также принадлежит заслуга распространения идеи польского мессианизма — своеобразной национальной мистики, облагороженной страданиями народа, призванного возродить человечество.

У политиков забот было больше: от них требовалось определить возможные пути обретения Польшей независимости. Поскольку в скором времени этой цели достичь было невозможно, то планы строились на далекую перспективу, а это не давало возможности убедиться в верности предположений. В замкнутом эмигрантском кругу, с типичной для него атмосферой острой тоски по родине, горечи и воспоминаний о давних разногласиях, легче было ссориться. Критиковать или даже восвать друг с другом, нежели достигать договоренности. Наиболее обеспеченным материально и популярным в кругах иностранных государственных деятелей был князь Адам Чарторыйский. Его сторонники готовы были поддержать общественные реформы и даже постепенное наделение крестьян землей, сознавая необходимость привлечения крестьянских масс к движению за независимость. Судьбу Польши должно было решить начатое в удобный момент новое восстание, поддержанное западноевропейскими государствами. В первую очередь необходимо было интенсивными дипломатическими усилиями склонить Францию и Англию к решению польского вопроса.

В достаточно скором времени Чарторыйскому довольно успешно смог противостоять демократический Польский национальный комитет под руководством Иоахима Аслевеля³. Но, расколотый разногласиями, он был вскоре распущен французскими властями. Некоторые круги эмиграции критиковали Чарторыйского за его негативное отношение к революции, в запале споров доходило даже до обвинений его в предательстве. Ключевую роль в обретении Польшей независимости должно

шло сыграть революционное восстание, главной силой которого стали бы крестьяне. Но как привлечь к нему крестьян? Одни не давали ответа на этот вопрос, другие, в особенности наиболее сильное Общество, обещали им бесплатное (т. е. без выкупа) освобождение от барщины сразу же с началом восстания. Такую программу Польское демократическое общество предложило в так называемом «Манифесте из Пуawy», изданном в 1836 г. На помощь со стороны европейских держав рассчитывать более не было, скорее ожидали поддержки международной революции, подготовленной движением карбонариев. Немногочисленные сторонники крайних мер из так называемой «Громады»⁴ упрекали общество в том, что она привела Польшу к гибели. Избавление виделось в уничтожении частной собственности и в реализации идеалов христианской справедливости.

В духе популярных в Европе идей в качестве цели выдвигалось обретение скорее национальной, чем государственной независимости. Впрочем, говоря о нации, имели в виду прежде всего простой народ. После за Гердером и Лелевелем романтики считали, что именно народные массы являются творцом культуры и созидательным стержнем нации. Теперь категорию «народ» стали вводить и в политику. Польский народ стал общепринятой программной формулой. Под этим народом, противопоставляемым шляхте или помещикам, понимали прежде всего крестьян, но к нему относили также и мелкую шляхту и городской плебс, а вместе взятые, они составляли подавляющую часть нации.

Но ни Чарторыйский, ни его противники успеха не достигли. В Англии и во Франции делалось много заявлений в защиту поляков, угнетенных Россией, но польская карта разыгрывалась либо в пропагандистских целях, либо сугубо формально, без реальной заинтересованности судьбой Центральной и Восточной Европы. Соседние державы стремились преградить России путь к экспансии, к расширению своих границ, а прежде всего предотвратить ее продвижение на Ближний Восток. Союзники польских революционеров, готовивших в 1833 г. восстания в некоторых странах Европы, надежд не оправдали. Впрочем, не сопутствовал успех и польским революционерам, которые небольшими отрядами под предводительством Юзефа Заливского начали в 1833 г. партизанскую борьбу в западных землях под властью России. Подобное повторялось и позднее. В Европе, особенно в Италии и Германии, революционеры постоянно предпринимали попытки выступлений, но каждый раз они заканчивались поражением.

Во всех польских землях, разделенных между тремя государствами, постепенно вновь оживилось национально-освободительное движение, возникали новые небольшие организации. Их участниками были главным образом молодые интеллигенты, в меньшей степени — дети помещиков. Они выступали с обращениями к народу, но, если речь идет о крестьянах, без видимых результатов. Первоначально эти организации наиболее успешно действовали в польских землях Австрии и России, однако уже на рубеже 30—40-х годов оказались почти полностью обескровлены арестами и суровыми приговорами. В Австрии осужденные были помилованы, а в России руководитель заговорщиков Шимон Конарский 1839 г. был расстрелян в Вильно.

Иной оборот приняли события в Великой Польше. Воспользовавшись временным возвратом к либерализму, который начался с воспарением нового монарха в 1840 г.⁶, шляхта, духовенство и зажиточное мещанство предприняли попытку создания польских культурных и экономических учреждений. По инициативе одного из выдающихся пропагандистов этих идей — Кароля Марцинковского был открыт познанский «Базар» — центр торговли, ремесел и средоточие общественных клубов, в которых обсуждались проблемы поляков в Пруссии. Такая деятельность, однако, встретила критику со стороны сторонников активной борьбы за независимость, которые расценивали ее как слишком скромную в сравнении с истинными польскими потребностями.

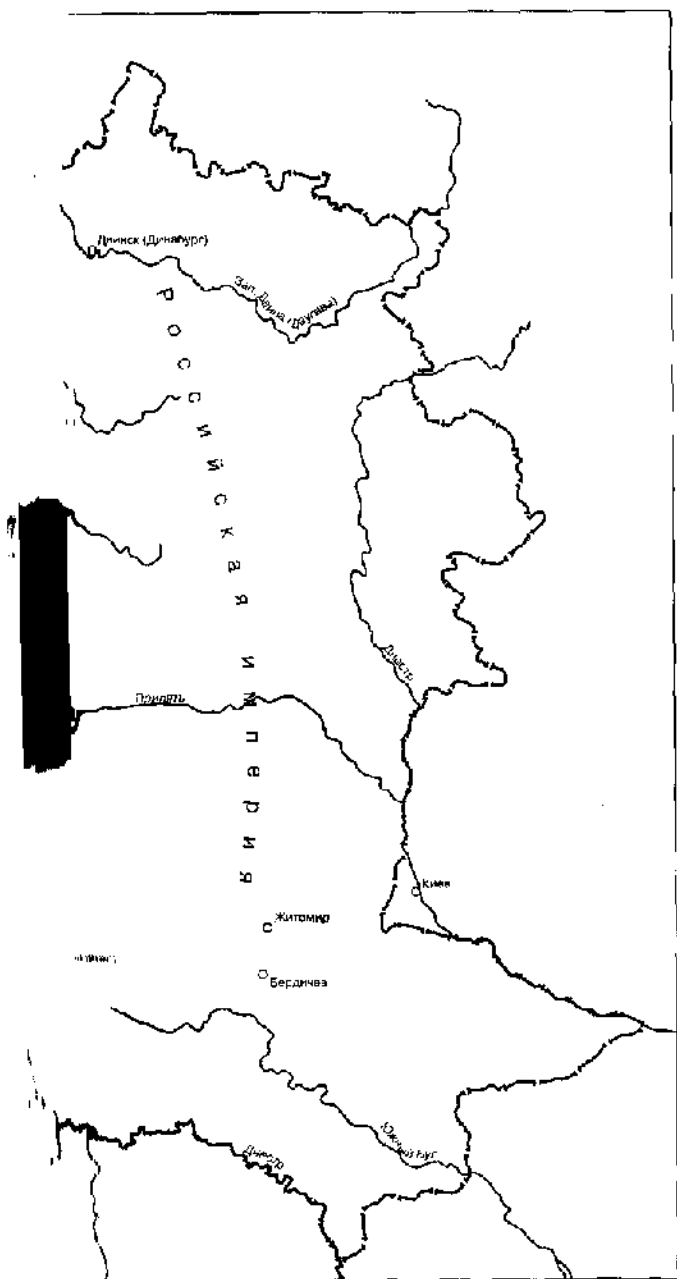
Вскоре национально-освободительное движение создало тайную организацию, которую вначале возглавили эмигрантские круги во Франции (через «Централизацию»⁷ Польского демократического общества). Эта организация обрела сторонников как в Познанском княжестве, так и в Королевстве Польском. Постепенно находившиеся в Польше конспираторы становились все более самостоятельными, а их программа — все более радикальной. Ее идеологические принципы обосновал помещик-интеллектуал Генрик Каменский, а его кузен Эдвард Дембовский активно помогал ему в организационном плане. Причины прежних поражений они видели в шляхетском эгоизме и считали необходимым его преодолеть, не ограничиваясь одними обещаниями наделить крестьян землей, как это было определено программой Польского демократического общества. Каменский и Дембовский считали, что следует поднять крестьян на борьбу, позволить им самим захватывать землю в ходе неконтролируемого, хотя и поддерживаемого пропагандой восстания — «народной войны». Оказавшись перед лицом свершившегося факта, шляхта вынуждена бу

оплоситься на объединение задачи наделения крестьян землей и на борьбу против поработителей Польши. Те же непатриотичные шляхи, которые встанут на защиту своей собственности, окажутся, так образом, на стороне врага — и потому будут подлежать крестьянскому самосуду как предатели.

Точка зрения Каменского и Дембовского вызвала серьезные возражения, имеющие двойное объяснение. С одной стороны, представители более консервативных кругов со страхом слушали, как крестьяне призывают вооружаться косами, вилами и топорами. Они предполагали, что вместо национального восстания это будет бунт разовой черни, которая станет врываться в шляхетские поместья, грабя, сжигая, насиловать и убивая. Такой исход предрекал, в частности, один из величайших польских поэтов-романтиков Зыгмунт Красинский. С другой стороны, сомнительными были сама реальная возможность такого полуанархического взрыва и в особенности дальнейшая эффективность организации народа для оказания сопротивления регулярной армии. Прославившийся уже в эмиграции блестящий авторитет Людвик Мерославский рекомендовал создать особое командование, ибо только оно, как он считал, сумеет создать войско из крестьян.

Радикалы планировали поднять восстание одновременно во всех польских областях в 1844 г. Рассчитывали они главным образом на руководство Польское, на организацию, которая впервые обратилась к широкому населению, — Крестьянский союз. Его создателем был польский приходский священник из-под Люблина Петр Сцегенный. Большинство в союзе составляли представители разных групп интеллигенции, а не сами крестьяне. По селам в районе Люблина, Люблина и Кельц крестьянам было зачитано поддельное письмо папы Григория XVI, в котором тот якобы призывал к войне с панями и баронами. Осенью 1844 г. Сцегенный выступил открыто и, будучи арестован, оказался в тюрьме вместе с сотнями людей, замешанных в заговоре.

Общее восстание было решено временно отсрочить. Однако даже умеренные заговорщики и в эмиграции, и в Польше все же признавали необходимость восстания, так как не хотели допустить стихийного взрыва, неминуемо обреченного на поражение. Восстание назначили на начало 1846 г., а руководство им должно было сосредоточиться в руках уже прибывшего в Пруссию Мерославского. Само восстание, направленного сразу против трех государств — участников разделов, было поистине фантастическим. Небольшие груп-

пы восставших должны были овладеть городами и местечками, объявить об освобождении крестьян от барщины и приступить к набору войска, сформировав отряды косинеров, и таким образом объединить все силы в сплоченную военную организацию. В Познанском княжестве до восстания дело так и не дошло: прусские власти арестовали Мерославского и других руководителей. Совсем иной оборот приняла события в Галиции, особенно в Западной: здесь австрийской администрации, узнавшей о подготовке восстания, удалось убедить крестьян выступить против «папов». Восемнадцатого февраля 1846 г. было объявлено об отмене барщины и о начале восстания, но акция почти сразу же завершилась полным фиаско из-за резко враждебного отношения крестьян. На следующий день началась так называемая «галицийская резня», направленная против помещиков и интеллигенции: разграбление усадеб, убийство помещиков, зачастую и просто неизвестных приезжих, которых принимали за повстанческих агитаторов. Благополучно развивалось восстание только в Кракове: австрийским войскам пришлось отступить, и здесь была организована собственная польская армия. Двадцать шестого февраля австрийцы при поддержке польских крестьян нанесли под Гдовом поражение повстанцам. Многие инсургенты при этом были перебиты крестьянами. Через день Дембовский выступил из Кракова во главе мирной процессии, безоружный, в сопровождении духовенства с церковными хоругвями, надеясь таким образом привлечь крестьян на свою сторону. Дорогу процессии преградили австрийские воинские части, разогнавшие ее залпами орудий. Это стало окончательным поражением восставших.

Катастрофа 1846 г. произвела трагическое впечатление, ведь рухнула еще одна надежда на «пародную войну» — и по плану радикалов, и по замыслу Мерославского. Надежда погибла «в дыму пожаров, в потоках братской крови», как писал галицийский поэт Корнель Уейский. Удар, нанесенный руками крестьян, был очень болезненным как в политическом, так и в моральном отношении. Все три государства: Россия, Австрия и Пруссия — прибегли к масштабным репрессиям. Выносились смертные приговоры (правда, не всегда приводившиеся в исполнение), множество людей подвергалось многолетнему заключению и ссылке. Последний кусочек польской земли был лишен государственной самостоятельности: вольный город Краков оказался присоединенным к Австрии.

Последствия могли оказаться более печальными, если бы не предчувствие надвигающейся бури. В 1848 г. новая революционная волна

проявлялась по Италии, Франции, Австрии и Пруссии. Повсеместно революционных событиях принимали участие поляки. Особенно это проявилось в Берлине, где революция освободила из заточения польских заговорщиков 1846 г., а среди них и Мерославский. В Италии Мицкевич создал польский легион. Потрясение основ австрийского монархизма в Вене и Берлине открыло перед поляками новые перспективы. Угроза интервенции исходила от Петербурга, что вселяло страху на войну между Австрией и Пруссией (при поддержке Франции) и последним оплотом Священного союза — Россией. Даже всенародный «предпарламент» 31 марта 1848 г. во Франкфурте высказался за создание Польши. У Николая I, однако, не было намерений бороться путем интервенции с новыми либеральными правительствами, и лишь предостерегал их от попыток восстановления польской государственности. В итоге немецкие и французские либералы ограничили декларацией, боясь спровоцировать вмешательство русского царя. Это, в свою очередь, придало смелости консервативным бюрократическим и военным кругам Австрии и Пруссии, существенно ослабленным, но все еще влиятельным. Не будучи пока в состоянии начать собственные революции, они могли обуздать стремление поляков к независимости.

Наиболее ярко это проявилось в Познанском княжестве и Галиции. В Познани в 1848 г. в качестве польского представительства был создан Национальный комитет. В провинции возникли польские комитеты, которые отстранили от управления немецкую администрацию. Начался набор добровольцев в польский корпус, а затем и в армию, которую возглавил Мерославский. Было запланировано вторжение на территорию Королевства Польского с целью развязать тем самым прусско-русскую войну. Планы были неконкретными; кроме них существовали опасения массового участия крестьян в военных действиях: еще была жива в памяти «галицийская резня». Боясь конфликта с прусскими властями, которые добивались роспуска армии или по крайней мере ее сокращения, что было оговорено 1 апреля в Ярославской конвенции. Берлин обещал предоставить национальную автономию Великому княжеству Познанскому, но 1 апреля прусские власти ограничили ее действие лишь небольшой частью Великой Польши без Познани. Национальный комитет выражал протест и самораспустился. Взволнованная армия вместе с паролем требовала вооруженного столкновения с пруссаками, хотя шансов на успех было не много. Но прусская армия выступила первой — 29 апреля. В течение недели польские войска сопротивлялись

многократно превосходившему их по силе противнику без всякой надежды на победу. В итоге, понеся большие потери, они поддались панике. Прусские власти окончательно отказались от намерений ввести автономию.

Польская политическая деятельность продолжалась еще некоторое время, вдохновляемая известиями о революционных выступлениях в других европейских странах. Вскоре была создана массовая организация, названная Польской лигой, которая насчитывала 40 тыс. членов в Великой Польше и Поморье, среди которых было много представителей низших слоев, а также крестьянства. Лига существовала до 1850 г. и прекратила свою деятельность во время прусской контрреволюции.

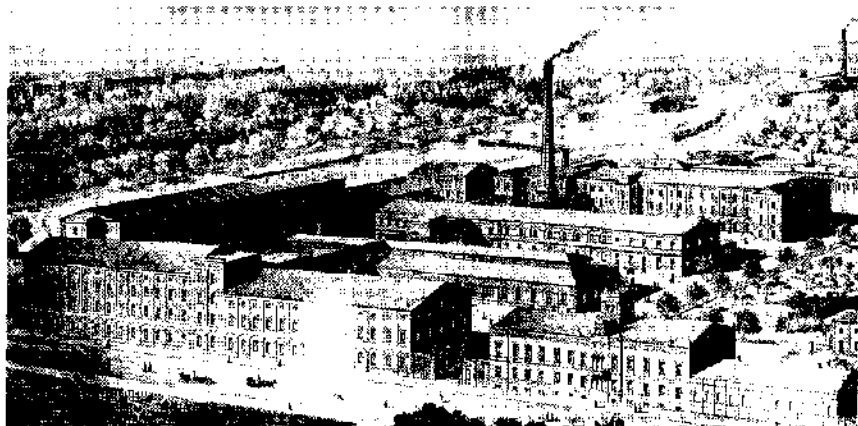
На востоке Галиции революционные события получили отклик раньше, чем на западе: там еще помнили о событиях двухлетней давности. Во Львове 19 марта 1848 г. 12 тыс. человек подписали адрес-петицию австрийскому императору с требованием гражданских и национальных свобод и полной отмены крестьянских повинностей. Князь Адам Чарторыйский напрямую обратился к шляхте, призывая ее добровольно отказаться от своих старых прав на землю, однако землевладельцы опасались потерять в таком случае право на возмещение убытков. Созданный во Львове Национальный совет (Rada Narodowa) и Национальный комитет в Кракове призвали шляхту освободить крестьян от барщины в первый день праздника Пасхи. Стремясь привлечь крестьян на свою сторону, австрийский губернатор граф Франц Стадион от имени властей провозгласил отмену крепостного права в Великую Субботу. Это вновь изолировало крестьян от польского национального движения, а следующим ударом стало возникновение украинского движения под патронатом Стадиона и руководством греко-католического духовенства.

Уже 25 апреля в Кракове австрийские власти спровоцировали беспорядки, а на следующий день город был обстрелян из пушек со стен Вавельского замка (это, впрочем, оказалось малоэффективным). Национальный комитет прекратил свою деятельность. Во Львове подобные действия австрийцев закончились ничем: мощный отпор поляков спутал планы. Тем временем из Вены дошли вести о принятии либеральной конституции. Национальный совет во Львове сразу же стал польским органом, представлявшим всю Галицию. Созданы были добровольческие силы обороны — 20-тысячная национальная гвардия. Это давало определенный шанс на победу, пока вся империя Габсбургов была охвачена революцией. Но в июне австрийцы ус-

шлях в Прагу, летом заняли взбунтовавшиеся итальянские провинции, в сентябре предприняли действия против революционной Франции, а в октябре подавили республиканский бунт и в собственной столице.

Потеря расправа с польским движением была вопросом нескольких дней. После спровоцированного 2 ноября столкновения во Львове национальный совет был разогнан, город подвергся артиллерийскому нападению, а во всей Галиции введено военное положение. Оставалась надежда на все еще воевавшую Венгрию, где сражались тысячи полков, и среди них командующие революционной армией — генералы Яков Дембинский и Юзеф Бем. Когда стало ясно, что австрийцы не могут справиться с повстанцами, в мае 1849 г. в Венгрию вторглись русские войска во главе с победителем польского Ноябрьского восстания фельдмаршалом Паскевичем. Через три месяца венгерская революция была разгромлена, а вместе с ней окончательно ушла и венгерская «весна народов», как называют события 1849 г.

Теперь потрясение, вызванное поражениями восстаний 1848 г., достигло апогея. Его причиной был не столько страх перед репрессиями или сожаление о тех, кто погиб или оказался в изгнании, сколько ощущение бессилия и пессимизма в будущем. Теперь ситуация выглядела иначе, чем после разгрома восстания 1830—1831 гг. Тогда в эмиграции развивалась польская культура романтического типа, а политики напряженно разрабатывали новые концепции и программы деятельности. После «весны народов» даже в среде эмигрантов, которых не коснулись гонения, энергия иссякла. Не произошло и крупного международного конфликта, в результате которого могла бы возникнуть возможность решения польского вопроса. Восстание в европейском масштабе, на которое рассчитывали радикалы, действительно разгорелось, но потерпело поражение, с его неудачей рухнула и надежда на помощь Польше, хотя поляки всегда боролись «за нашу и вашу свободу». Произошло, наконец, наделение земель крестьян в Австрии, а в 1850 г. оно повторилось и в Пруссии. Эти мероприятия были напрямую связаны с развитием польского национально-освободительного движения и проводились властями для того, чтобы лишить польских патриотов той популярности, какую они приобретали благодаря выполнению ими социальных требований. С этого момента в Пруссии и Австрии трудно было рассчитывать на «народную войну» в какой-либо из ее форм.

Заводы Шайблера в Лодзи. Гравюра. Конец XIX в.

Ткацкая фабрика Шайблера стала во второй половине XIX в. крупнейшим и наиболее современным промышленным предприятием в Лодзи. Она была механизирована еще в 1854 г., а в 80-х годах XIX в. здесь за 4 тыс. механических ткацких станков трудились 6 тыс. рабочих. Создатель фабрики Карл Шайблер, как и многие другие предприниматели, прибыл в Лодзь из Германии, рассчитывая пробиться на огромный рынок Российской империи. Ликвидация таможенной границы между Королевством Польским и Россией в 1851 г. способствовала привлечению иностранного капитала, главным образом немецкого и еврейского. Лодзь стала центром крупного промышленного района. Город, где в конце XVIII в. жило лишь несколько сотен человек, на рубеже XIX—XX вв. насчитывал около 400 тыс. жителей. Население Лодзи было многонациональным — наряду с полками тут проживали немцы и евреи. Перенаселенные окрестные деревни поставляли дешевую рабочую силу. Стремительное развитие промышленности изменило традиционный облик городского пейзажа и привело к появлению новых социальных групп — буржуазии и наемных рабочих.

Только однажды, спустя несколько лет, сложилась такая международная ситуация, при которой возможно было вновь обратиться к польскому вопросу: в 1854 г. Турция, поддерживаемая Англией и Францией, защищая свою независимость⁸, начала войну с Россией. Поляки в эмиграции пытались добиться, чтобы Париж и Лондон дали согласие на их участие в войне. Там, однако, вовсе не стремились поднимать польский вопрос, обсуждение которого встретило бы противодействие со стороны Пруссии и Австрии, доброжелательно-нейтральных в отношении западных держав. Князь Адам Чарторыйский предостерегал страну от восстания, в то время как радикально настроенные эмигранты мечтали таким образом заставить противников Рос-

они обратиться к рассмотрению польского вопроса. Предпринятые усилия все же принесли некоторые плоды: в Турции были сформированы польские отряды. После поражения России в Крымской войне вопрос о Польше был затронут на мирном конгрессе 1856 г., но лишь неофициально. Англия и Франция оказались вполне удовлетворены общими обещаниями амнистии и расширения национальных свобод. Последник Николая I Александр II провозгласил амнистию, последовавшую за декларацией о лояльности, но во время визита в Варшаву объявил по-французски представителям польской шляхты: «Point de l'avenir, Messieurs» («Никаких мечтаний, господа!»).

Казалось, Польша уже рассталась с «мечтаниями». В Великой Польше, хотя самостоятельность Великого княжества Познанского была полностью ликвидирована, поляки сосредоточились на идеях «органического труда»⁹, в особенности в области земледелия. В течение последующих 50 лет произошли внушительные сдвиги не только в аграрных технологиях, но также и в социальной структуре села, что способствовало увеличению числа крупных и средних собственников, так же как и росту количества безземельных крестьян, искавших работу по найму. Однако с решением вопроса просвещения крестьянства, с расширением сельского кредитования и взаимопомощи польская деревня получила возможность бороться с немецкой экономической конкуренцией и противостоять тяготам наступавшей эпохи. В Галиции искусственно поддерживавшийся австрийцами конфликт между помещиками и крестьянами парализовал национальную активность. Часть шляхты вместе с наместником Галиции графом Агниром Голуховским-старшим искала таких договоренностей, которые позволили бы затормозить германизацию края и склонить венские власти к прекращению подстрекательства польских крестьян и подавления пробуждавшегося национального движения украинцев к конфликту с польскими «панами». Хотя отмена таможенной границы на востоке Королевства Польского в 1851 г. еще больше связала его с Российской империей, это все же способствовало созданию выгодных условий для развития польской промышленности. Росли города Лодзь и Жирардов, сбывавшие внушительную часть своей текстильной продукции на русском рынке; высокий спрос на зерно в Европе позволил поднять уровень сельского хозяйства. В Королевстве Польском и на восточных «окраинах» крестьяне еще не получили землю, однако все чаще барщина замещалась чиншем (оброком).

В самом Королевстве Польском постепенно оживала политическая жизнь. Если в начале 50-х годов XIX в. в обществе преобладало

ощущение безнадежности, то после поражения России в Крымской войне и смерти императора Николая I и Паскевича поляки воспряли духом. Поначалу и в Королевстве стала популярной идея «органического труда». Александр II разрешил в 1857 г. создание Земледельческого общества под руководством Анджея Замојского, которое стремилось к повсеместному уничтожению барщины, замене ее оброком и полному наделению крестьян землей. Эти намерения находили поддержку среди горожан, которые решительно высказывались за отмену повинностей. Такие шаги вели к необходимому для промышленного развития изменению в общественной структуре и приближали осуществление более широкого круга реформ, как, например, создание органов городского самоуправления, уравнивание в правах евреев, а в будущем — обретение Королевством Польским большей самостоятельности под царским скипетром. Этим планам покровительствовали самый влиятельный башир и предприниматель Асепольд Кропелберг и близкий ему известный писатель и публицист Юзеф Игнаций Крашевский. Немногочисленная группа варшавской интеллигенции, сплоченная вокруг Эдварда Юргенса, рассматривала эти цели как политическую программу, противоположную планам организации восстания. Недоброжелательные критики называли ее сторонников «милленерами» (от лат. *millenium* — тысячелетие), ибо они якобы откладывали освобождение Польши на тысячу лет.

Оживлению, царившему в Королевстве Польском, способствовала атмосфера в самой России. После поражения в Крымской войне страна жила в ожидании глубоких реформ, новый царь считался просвещенным и склонным к либерализму монархом. Сразу же началась работа по подготовке отмены крепостного права, и после некоторых колебаний решено было освободить крестьян от крепостной зависимости с частичным наделением их землей. Постановления царского Манифеста и Положений 19 февраля 1861 г. были очень запутанными, и наиболее выгодными они оказались для крестьян тех регионов, где преобладали польские помещики, т. е. в западных губерниях (на «окраинах»). Ходили слухи о подготовке и других проектов реформ, касавшихся государственного устройства империи. Все это происходило на фоне усиливавшегося брожения в Российском государстве по стране прокатилась волна крестьянских выступлений, активизировалась революционная пропаганда.

Польские нелегальные организации возникали в первую очередь среди студентов высших учебных заведений в Центральной России и на Украине при тесном сотрудничестве с русскими революционера-

ми. Позднее появились тайные общества варшавских студентов; в 1859 г. Мерославскому (находившемуся в Париже) удалось установить с ними контакт, выдвигая в качестве цели национальное восстание в виде «народной войны». Революционная Польша должна была сразу освободить крестьян и вовлечь их в борьбу. Планы восстания не всем казались убедительными, многие считали их малообоснованными или даже авантюрными. Радикально настроенных участников национально-освободительных организаций стали называть «красными», умеренных — «белыми». Это разделение совпадало с различиями в социальных интересах, ибо одни были сторонниками освобождения крестьян без каких-либо условий, а другие стояли на более консервативной точке зрения, принимая во внимание интересы помещиков, хотя и не отождествляя себя с ними. На тот момент важно было, что в польском обществе, в особенности среди молодежи, нарастало желание обратить внимание Александра II на необходимость кардинального решения острого польского вопроса. Это убеждение разделяли как «красные», так и «белые». Уже с 1860 г. в Варшаве начались национальные манифестации, проведение которых поддерживала своим авторитетом и польская церковь.

Масла в огонь подлили слухи об аграрной реформе в России, которая не распространялась на Королевство Польское. Земледельческое общество объявило о замене барщины оброком, а 26 февраля 1861 г. потребовало передачи крестьянам земли в собственность за выкуп.

Во время заседания Земледельческого общества, проходившего в день годовщины битвы под Гроховской Ольшинкой, властями была проиницирована патриотическая демонстрация, а многие ее участники арестованы. Во время следующего массового выступления, 27 февраля, войска дали залп по манифестантам на Замковой площади, пять человек было убито и более десяти ранено. Похороны погибших 3 марта значительно накаляли атмосферу в городе.

Российские власти в тот момент были заняты стабилизацией ситуации в русском обществе, которое весьма противоречиво отреагировало на заявленную аграрную реформу, и старались избежать прямого столкновения с поляками. Сохраняя порядок и достоинство, последние продолжали провозглашенную «моральную революцию». Они демонстрировали русским солидарность всех социальных слоев, искусство самоорганизации, мирный характер массовых демонстраций. В Варшаве была создана Городская делегация, которая совместно с Комитетом Земледельческого общества стала выразителем чаяний общества. Можно было попробовать выработать новые, более выгодные,

чем прежние, условия компромисса с царем. Трудно было, однако, рассчитывать на такие договоренности, которые отвечали бы польским устремлениям. Как различные учреждения, так и авторитетные деятели отказывались от сотрудничества с российскими властями.

Из известных деятелей на это согласился только маркиграф Александр Велёпольский — крайний консерватор, умный и амбициозный человек, но неискушенный политик. Лишенный интуиции и гибкости, он не понимал массовых настроений. Ради спасения польского дела — в его собственном понимании — он пошел против всего общества. Двадцать седьмого марта 1861 г. Александр II назначил маркиграфа на должность директора восстановленной Комиссии просвещения и духовных дел, приказал восстановить Государственный совет и повелел провести выборы в институты местного самоуправления. Однако вскоре, в определенной мере по инициативе Велёпольского, русские власти распустили варшавскую Делегацию и Земледельческое общество. Через два дня, 8 апреля, когда толпа выразила свой протест перед варшавским дворцом, армии было приказано открыть по манифестантам огонь — сотни человек были убиты и ранены. Велёпольский взял на себя ответственность за кровопролитие, чем окончательно себя скомпрометировал. В Королевстве Польском был объявлен национальный траур, в демонстрациях использовалась патриотическая символика, одновременно прошли службы в храмах. К траурному протесту присоединились и восточные земли бывшей Речи Посполитой, прежде всего Вильно. Прошли манифестации и в польских землях Австрии и Пруссии. Четырнадцатого октября 1861 г. в Королевстве Польском было введено военное положение и запрещены всякие выступления. В ответ на следующий день, в годовщину смерти Костюшко, огромные толпы народа пришли на богослужения в варшавские храмы. Войска окружили их и ворвались внутрь, избивая и арестовывая тысячи людей. В Варшаве было объявлено о закрытии храмов всех конфессий. Эти события вызвали возмущение в обществе. Велёпольский подал в отставку. После отзыва в Петербург он сумел за полгода вернуть доверие царя и даже извлечь для себя существенные выгоды.

В это время в Варшаве твердой рукой правил русский генерал Александр Лидерс. «Красные» вскоре после октябрьских событий вновь сплотились и создали комитет (со второй половины 1862 г. существовавший под названием Центрального национального комитета), в котором главную роль играл молодой русский офицер — поляк, капитан Ярослав Домбровский. «Красные» хотели ускорить нача-

Миколжиан Герымский. Повстанческий дозор, 1872—1873

Царское восстание 1863 г. было последним крупным польским восстанием XIX в. Оно окончилось поражением, но имело следствием наделение крестьян землей в русской части Польши. В рядах повстанцев сражались многие писатели и поэты. Среди них — Максимилиан Герымский, обратившийся в своем полотне к собственным впечатлениям времен восстания. Картина великолепно передает партизанский характер действий повстанцев, а встреча конного разряда с крестьянином отражает одну из серьезнейших социальных проблем восстания — проблему неравенства между землевладельцами и крестьянством. Солдат и крестьянин, вероятно передающий повстанцам информацию, изображены на фоне пустынной равнины, являющейся символом одиночества этих людей и обреченности польского восстания, подавленного 300-тысячной царской армией при почти полном равнодушии Европы.

Польские восстания, рассчитывая при этом на поддержку русских революционеров. В новой ситуации к заговорщикам присоединились также поляки, в декабре 1861 г. была создана Краевая дирекция. «Белые» считали восстание в тот момент нереальным, но соглашались с необходимостью печатать заблаговременные приготовления и высказывались, помимо прочего, за осмысленное руководство легальной или полуправительственной деятельностью поляков.

В июне 1862 г. Александр II вернулся к политике уступок в отношении Королевства Польского. Оно фактически получило широкую национальную автономию с собственным гражданским управлением, возглавлявшимся Велёпольским. Наместником был назначен брат царя великий князь Константин. Велёпольскому удалось добиться создания учебных заведений с преподаванием на польском языке, возобновле-

ния работы Варшавского университета под названием Главной школы, а также признания равноправия евреев. В то же время Велёпольский добивался издания указа об обязательном очиншевании¹⁰, но без наделения крестьян земель и на условиях, мало для них выгодных. Июньские постановления представляли полякам гораздо больше национальных прав, чем они когда-либо имели после 1830 г. Не было, однако, и разговора о политических свободах. Кроме того, все больше увеличивалась пропасть между шляхтой и крестьянством. Передача власти непопулярному Велёпольскому затрудняла спокойный подход к преимуществам и недостаткам новой правовой ситуации.

В то же время Домбровский хотел начать восстание незамедлительно. Этому противились умеренные «красные». Когда вскоре Домбровского арестовали, они получили доступ к руководству Центральным национальным комитетом. «Красным» удалось отсрочить дату начала восстания, к которому они стали готовиться более тщательно, расширяя организацию «тайного польского государства» до уровня поветов, городов и местечек, а также собирая во всем Королевстве Польском «национальный налог». В подготовке восстания принимали участие заговорщики в Литве, на Украине, в польских землях Австрии и Пруссии, а также эмигрантские группы.

«Белые» не нашли себя в этой ситуации, так как не соглашались ни на сотрудничество с Велёпольским, ни на восстание. Замойский потребовал от великого князя Константина присоединить к Королевству Польскому восточные территории бывшей Речи Посполитой, аннексированные Россией во время разделов (Литва, Украина, Белоруссия), и вернуть Конституцию 1815 г. Меньше требовать он не мог из-за опасения потерять сторонников: в обществе, особенно среди молодежи, заблуждались относительно собственных сил, думая, что могут заставить русских пойти на новые уступки. Александр II сначала вызвал Замойского в Петербург, а позже распорядился выслать его за пределы империи. Царь не мог согласиться на требования, более похожие на условия капитуляции в проигранной войне. Изгнанием Замойского он ослабил, однако, позиции тех, кто стремился избежать восстания. Таким образом, обострился конфликт между отвергавшими соглашения в духе Велёпольского и исполненными юношеской запальчивости «красными». Маркграф предопределил дальнейший ход событий, решив одним ударом разрубить gordien узел. По его инициативе 6 октября был объявлен рекрутский набор — поименный призыв 10 тыс. юношей-горожан, которые представляли собой потенциальную кадровую основу «красных». Велёпольский принимал во внима-

онированность восстания, но вполне обоснованно считал, что оно окончится крахом. Он, однако, не понимал, что в случае поражения национально-освободительного движения для его программы реформ также не останется места. Царское правительство согласилось бы принять ее лишь столкнувшись с угрозой серьезных международных и интриполитических осложнений. Когда же те оказались неизбежными, оно без колебаний применило самые жестокие меры для окончательного искоренения самой мысли о независимой Польше. Еще остались шансы на то, что умеренные «красные» не допустят спровоцированного Велёпольским совместного самоубийства. Они решили тягаться юношей, которым угрожал рекрутский набор, в лесах. Этот шаг, безусловно, был персальным. Согласие же на набор означало, по сути, полную очередь, полное национальное поражение, лишение страны своей активной и образованной молодежи на 20 лет (такова была продолжительность службы в русской армии). Радикалы склонили Центральный национальный комитет к принятию решения о начале восстания накануне объявленного рекрутского набора. Они рассчитывали не столько на победу, сколько на громкий протест и участие со стороны крестьян после объявления о передаче им земли. Выдача рекрутов, а поражение без борьбы, казалась им большим несчастьем, чем само кровопролитие во время вооруженного столкновения.

Вновь, как и в 1830 г., решение принимала небольшая группа, не имевшая конкретной программы действий и планов на будущее. Снова, как и прежде, дальнейшая судьба восстания, его продолжительность и всеохватность заставляли отбросить тезис о легкомыслии или политической незрелости. Национальные эмоции были на высоте до предела и могли найти выход если не в этот, то в другой момент. Общество не хотело мириться с давлением извне и готово было поддержать самые отчаянные намерения. Это был скорее вопрос чести и достоинства, нежели политики. В ночь с 14 на 15 января 1863 г. генерал-губернатор провел в Варшаве рекрутский набор, впрочем неудачный, так как большая часть молодежи уже скрылась в лесах.

Двадцать второго января Центральный национальный комитет провозгласил себя Временным национальным правительством и от имени Польши, Литвы и Руси объявил войну России. В то же время было заявлено о наделении крестьян землей¹¹.

Это должна была быть, согласно плану Мєрославского, «народная война». В ходе руководимой из центра акции предполагалось ограничить власть русских лишь большими городами, что позволило мобилизовать многочисленное, хотя и слабо вооруженное повстанческое вой-

ско. Русские войска отступили, сосредоточившись в нескольких десятках городов Королевства Польского, но мобилизация в повстанческое войско успеха не имела, главным образом потому, что крестьяне были пассивны, а иногда даже враждебно настроены по отношению к восставшим. Вопреки планам Мерославского военные действия превращались просто в партизанскую борьбу, чему не смог воспрепятствовать и он сам, когда, назначенный правительством на должность диктатора, в середине февраля приехал из эмиграции. Уже через несколько дней русские разбили его отряд и вынудили бежать в Пруссию.

Оказавшись перед свершившимся фактом, «белые» поначалу не знали, что предпринять. Сложно было противодействовать стихии, особенно когда слухи о поддержке восставших в Англии, Австрии и во Франции вселяли бодрость духа. Лишь Пруссия сразу предложила России помощь, которой царь не считал нужным воспользоваться. «Белые» не хотели подчиняться радикалам, но, согласившись с позицией умеренных «красных», поддержали нового диктатора — Мариана Лянгевича, главу самой многочисленной повстанческой «партии», действовавшей под Кельцами. Под натиском объединенных сил русских войск Лянгевичу пришлось во второй половине марта перейти границу Австрии. Это стало последней попыткой длительного удержания восставшими значительной территории. С этого момента продолжали сражаться лишь отдельные отряды, а политическое руководство восстанием осуществляло тайное Национальное правительство, находившееся в Варшаве.

Несмотря на первоначальные военные успехи русской армии, ее громадный численный перевес и существенное превосходство в вооружении, восстание после первого кризиса охватило еще большую территорию. Из Королевства Польского оно перекинулось на восток, в Литву и католическую часть Белоруссии. Из польских земель Пруссии и Австрии направлялись в помощь деньги и оружие, шли тысячи добровольцев. Из подсчетов следует, что за время восстания в нем приняло участие более 200 тыс. человек. Это говорит о воле поляков к победе, об их отваге и национальных чувствах, но в меньшей степени о реальных успехах, поскольку много усилий было потрачено напрасно из-за организационных импровизаций и военной беспомощности, а также вследствие непрерывных споров между «красными» и «белыми», а также между различными группировками двух лагерей.

Стало очевидно, что военными методами эту страшную польско-русскую войну не выиграть. Поступали, однако, сведения от князя

Индислава, сына Адама Чарторыского, ставшего после смерти отца лидером консервативного крыла эмиграции, о том, что Франция готовится к войне. Помочь ей должны были Англия и Австрия. События в Польше, безусловно, имели международный отклик: правительства попеременно направляли в Петербург ноты, общественное мнение поддерживало восставших, папа Пий IX предписал молиться за Польшу, для поляков собирались деньги и оружие, в Польшу отправлялись добровольцы. Все это создавало иллюзии, но в итоге оказалось, что потенциальных противников России слишком многое разделяет, чтобы это маловажное и несущественное для их политических интересов дело могло привести к международному конфликту. В Петербурге только *потихоньку* всерьез *относились* к этому ропоту европейского недовольства, и поэтому в апреле была объявлена амнистия полякам и подтверждены прежние (от июня 1862 г.) привилегии. Когда опасения развелись, а амнистия не привлекла особого внимания, летом 1863 г. царь отозвал из Королевства Польского великого князя Константина вместе с Велёпольским и назначил наместником фельдмаршала Федора Берга, который по примеру Паскевича должен был утопить восстание в крови. Это хорошо удавалось (еще с мая 1863 г.) виленскому генерал-губернатору Михаилу Муравьеву, прозванному Воеводой, который управлял северо-восточной частью бывших земель Речи Посполитой.

Отвечом на ширившиеся репрессии и бездействие европейских держав стал рост радикальных тенденций в среде восставших. Самые крайние «красные» создали в сентябре новое Национальное правительство и попытались ответить на террор захватчиков собственным террором — покушениями на представителей российской власти. Несколько покушений на Берга не удалось. Но импровизации было недостаточно, чтобы поддержать восстание. Место крайних «красных» заняли умеренные, которые уже 17 октября уступили место новому диктатору — Ромуальду Траугутту. Этот профессионал, опытный офицер русской армии, разделял близкие «белым» взгляды. Участвуя в восстании, он сначала командовал отрядом, затем в поисках поддержки отправился с миссией во Францию, чтобы самому удостовериться в намерениях ее правительства. Его убедили, что, если восстание продлится до весны, Франция окажет помощь Польше. Траугутт сдал все, чтобы «продержаться до весны»: он реорганизовал вооруженные силы, создал гражданскую администрацию, подчинил их единому руководству, в политических действиях выдвинул на первый план задачу наделения крестьян землей, намереваясь добиться таким образом широкой народной поддержки. Ему удалось достичь некото-

Ядек Мальчевский. На степе. 1883 г.

Первыми поляками, сосланными в Сибирь, были плененные участники Барской конфедерации (1768—1772). Новые ссылки последовали после восстаний 1794 и 1830—1831 гг. Самая мощная волна сопровождала восстание 1863—1864 гг. Именно этому периоду посвящена картина Мальчевского. В момент ее создания тема эта была по-прежнему злободневной, поскольку заговорщики, бунтовщики, основатели нелегальных организаций постоянно отправлялись русскими властями на каторгу (чаще всего в рудники) или на принудительное поселение. Особая изощренность второго наказания заключалась в том, что люди, сославшиеся в Сибирь, осваивали ее для угнетавшей их Российской империи. На картине мы видим представителей разных поколений: пожилых мужчин, юношей и даже мальчика. Они по-разному принимают свою судьбу — кто-то пребывает в отчаянии, кто-то проявляет стоическое спокойствие. Тысячи километров, отделявшие их от дома, делали невозможным побег, и некоторым уже никогда не суждено было увидеть свою далекую родину.

рых успехов, но на полях сражений русские разбивали отряды восставших один за другим. Сам диктатор постоянно сталкивался с внутренними трудностями: «красные» не испытывали к нему доверия, так как он был «белым», в то время как «белые» не очень доверяли ему, считая, что многие его действия чересчур радикальны.

В конце 1863 г. международная ситуация изменилась не в пользу поляков. Австрия и Пруссия сблизились в общей борьбе против Дании. Габсбургская монархия все меньше стремилась к сотрудничеству с западноевропейскими государствами, восстанавливая бывшие отношения с Россией. Из-за соглашения между Россией, Австрией и Пруссией восставшие лишились и своей ближайшей опоры — Галиции. Траутгутт готов был расширить фронт, искал союзников среди враждебных Австрии итальянских и венгерских революционеров, но это было актом отчаяния. Рассчитывать на Францию уже было нельзя, вступать в конфликт с тремя великими монархиями противоречило бы здравому смыслу. В феврале 1864 г. Австрия ввела в Галицию военное положение. Были ликвидированы организации, оказывавшие помощь восстанию, арестовано несколько тысяч человек.

Другой тяжелый удар был нанесен 2 марта 1864 г. После длительных приготовлений царь издал указ, по которому в Королевстве Польском было объявлено о полном наделении крестьян землей, возвращении им земель, отчужденных у них помещиками после 1846 г., а также о сохранении сервитутов. Кроме того, земля была обещана и безземельным крестьянам. Этим указом вводилось также сельское самоуправление. Помещики могли получить компенсацию от государства — из фонда, который создавался из выплачивавшегося крестьянами государству земельного налога. Эти постановления были подготовлены Учредительным комитетом во главе с Николаем Милютиным, лидером русских политиков-либералов. Он получил широкую свободу действий, так как Россия стремилась провести в польских землях аграрную реформу, которая бы вызвала благодарность крестьян и ослабила шляхту. Постановления указов были сформулированы по образцу повстанческого декрета от 22 января 1863 г., который оказался лишь предвестником нового правового порядка, ведь восставшим так и не удалось надолго удержать в своей власти ни одной территории. Этот декрет выполнял свою задачу лишь в том смысле, что России не удалось заставить крестьян поверить, что польское национальное движение враждебно их интересам. Зато после царского указа восставшие уже не могли рассчитывать на поддержку крестьянства в национальной борьбе. Национальное самосознание деревни находилось в зачаточном состоянии, она мало что могла приобрести на социальном плане, но уже имела что терять.

В период агонии восстания, 11 апреля, Траутгутт был арестован вместе со своими соратниками. С этого момента восстание оказалось без центрального руководства, хотя небольшие отряды партизан сра-

жались еще в течение нескольких месяцев. Траугутт был казнен вместе с четырьмя другими руководителями восстания 5 августа 1864 г. Судьбы других восставших, которым не удалось бежать за границу или скрыть свое участие в событиях, также были трагичны. Если милостью врага они избежали смертной казни, то все же их приговаривали к многолетней каторге или ссылке. Однако не репрессии были причиной того, что с концом Январского восстания в истории Польши завершилась эпоха национальных восстаний.

Решающую роль сыграли два фактора, на которые всегда обращалось внимание при рассмотрении шагов на возвращение Польше независимости. Во-первых, были утрачены надежды на «народную войну». Юзеф Шуйский — участник восстания, но позднее, как историк и галицийский политик, решительный противник национальных вооруженных выступлений — в 1867 году писал: «Сегодня, после окончательного наделения крестьян землей, мы пришли к тому, что конспиративная деятельность абсолютно вредна, а обычная работа, напротив, полезна. Почему? Потому что 1863 год навсегда положил конец эпохе тайных обществ, не оставив на польской земле ни одного социально несвободного человека. Год 1863 поставил точку в деле наделения крестьян землей, которое было целью для нескольких поколений заговорщиков». Во-вторых, через несколько лет после восстания принципиально изменилось положение в Европе. Возросло могущество Пруссии, позже достигла европейской гегемонии Германия. В течение пятнадцати лет после восстания, после соглашения Бисмарка с Россией, трудно было даже мечтать о помощи Польше со стороны европейских держав. Пришло новое время, изменились представления не только о целях и средствах их достижения, но и о самих национальных ценностях.

Примечания

¹ Петр Высоцкий (1799—1834) — инструктор Школы подхорунжих в Варшаве, подпоручик гвардейского гренадерского полка.

² План Пронзынского заключался в том, чтобы разбить российскую гвардию, двигавшуюся из Петербурга на соединение с Дибичем. Однако по вине Сквиинецкого польские войска встретились с уже объединившимися частями царской армии, что и привело к жестокому поражению польских войск.

³ Иохим Делевель (1786—1861) — ученый, политический деятель патриотического направления, историк, библиограф. Профессор Виленского и Варшавского универ-

спитов. С 1833 г. находился в эмиграции в Брюсселе. Основатель объединения политических польских эмигрантов (1837—1846), после поражения революции 1848 г. отошел от политической деятельности.

⁴ Речь идет о «Громадах польского народа», деятели которых (В. Свентославский, Г. Абихт, А. Оборский, И. Маевский и др.) в качестве средства обретения национальной независимости рассматривали народное восстание.

⁵ В польском языке русскому «народ» соответствуют два слова — *naród* и *lud*. Первое означает народ как нацию, второе почти всегда подразумевает «простой народ» (прежде всего крестьянство и городские низы). В данном случае в оригинальном тексте выступает именно это, второе слово. Словосочетание *wojła ludowa* мы в дальнейшем переводим как «народная война».

⁶ В 1840 г. после смерти Фридриха Вильгельма III престол перешел к Фридриху Вильгельму IV.

⁷ «Централизация» — коллегиальный руководящий орган Демократического общества, созданный в 1836 г. Был избираемым и постоянно действующим.

⁸ Речь идет о Крымской войне (1853—1856), причиной которой было не столько признание Турцией отстоять свою независимость, сколько столкновение интересов России, Франции и Великобритании на Ближнем Востоке и, отчасти, России и Австрии на Балканах.

⁹ Идея «органического труда» была выдвинута сторонниками так называемой «органической школы» в социологии, зародившейся в 40-х годах XIX столетия в Европе. Согласно этим воззрениям, общество есть организм и развивается оно, следовательно, по биологическим закономерностям. Программа «органического труда» проплативала развитие промышленности и торговли, науки, техники. Насущной задачей становилось сознательное участие в создании общества. Огромное значение имели просвещение и образование. В России главным идеологом направления был Н. Михайловский. Эти идеи вдохновляли народников на реализацию «теории малых дел».

¹⁰ Исторический термин, означавший принуждение помещиков к замене барщины чиншом (оброком).

¹¹ Аграрные реформы правительства предполагали, в частности, переход земли в собственность крестьян без выкупа и получение помещиком возмещения из государственных средств.

XIV. Формирование современной нации

Изменения в Европе обострили и без того пессимистические настроения в Польше. Сначала в 1866 г. Пруссия разгромила Австрию, которая прежде играла важную роль в сложных политических расчетах поляков. Премьер-министр Пруссии Бисмарк воздержался от унижения противника на мирных переговорах, но лишил габсбургскую монархию возможности оказывать влияние на «новое устройство Германии», направив ее политические стремления в другую сторону. Ключевым результатом поражения Вены оказалось преобразование Австрии в дуалистическую Австро-Венгерскую монархию. В 1870 г. Пруссия вместе с другими германскими государствами победила в войне против Франции. Монархия, на помощь которой в Польше рассчитывали в любом международном конфликте и каждом польском восстании, понесла позорное поражение. Германский рейх — новая империя во главе с правящей династией прусских Гогенцоллернов — стал самым могущественным государством в Европе. С этого момента Германия, а не Франция, господствовавшая на европейском континенте начиная с XVII в., стремилась к сохранению и усилению своего превосходства.

В 1872 г. собравшиеся в Берлине императоры России, Германии и Австрии решили выступить гарантами сохранения европейского порядка¹. Это прозвучало довольно странно, если учесть, что совсем недавно он подвергся полному разрушению. Соглашения в значительной степени затрагивали и польский вопрос. Желание участников разделов было общим: Польшу надо похоронить. Спустя шесть лет, однако, наступил период разногласий. Германия и Австро-Венгрия с молчаливого одобрения других держав Европы решили оказать давление на Россию, чтобы помешать ей воспользоваться своим преимуществом в победоносной войне с Турцией². С этого времени дружба России и Германии ушла в прошлое, хотя Бисмарк до конца

своего правления в качестве канцлера Германской империи (до 1890 г.) старался соединять в своей политике заботу о сохранении заключенного в 1879 г. союза с Австро-Венгрией и о поддержании хороших отношений с Петербургом. Расхождения в интересах монархий становились все более очевидными. От самой худшей для поляков политической ситуации начала 70-х годов Европа, таким образом, вернулась к положению, которое вселяло в поляков гораздо больше оптимизма: условия для решения польского национального вопроса становились все более благоприятными.

В течение всего этого периода гонения на поляков не прекращались. В Королевстве Польском за несколько лет были ликвидированы почти все независимые учреждения³, что означало административное слияние с империей. Административный аппарат и судебные органы были русифицированы, что особенно негативно сказалось на всех видах образования (с 1885 г. даже начальные школы подверглись русификации). Последняя мера была осуществлена после кратковременной либерализации последних лет царствования Александра II, когда Россию потрясли террористические покушения народников. Генерал-губернатор Королевства Польского Альбединский объявил о готовности к уступкам в польском вопросе и тотчас же ослабил цензурные ограничения. Ту же политическую линию продолжил в начале своего царствования и новый царь Александр III, который вступил на престол в 1881 г. Однако уже с 1883 г. начался период жестокой реакции. Власть почувствовала себя сильнее, после того как расправилась с народниками. Все более проявлялись в России националистические тенденции, проводником которых был ближайший советник царя Константин Победоносцев. В 1883 г. генерал-губернатором в Королевстве Польском стал Гурко, который вместе со своими приспешниками, в особенности при содействии полечителя Варшавского учебного округа Алухтина, всячески способствовал процессу русификации.

В польских землях Пруссии также воспользовались ситуацией, чтобы уничтожить остатки самостоятельности; стояла задача стереть прежние отличия, но не от Пруссии, так как они были уже ликвидированы, а от остальной Германии. Хотя Великая Польша и Гданьское Поморье не входили в существовавший со времен Венского конгресса Германский союз, после его краха они стали частью созданного в 1867 г. Северо-Германского союза, а с 1871 г. — Германской империи (рейха). Эти земли теперь стали называться Германией, что придавало прусскому господству не только государственный, но и национальный характер. В германской политике 70-х годов XIX в.

польский вопрос рассматривался как центробежный фактор, впрочем, как и католицизм, игравший на исконно германских землях роль духовной основы опасного для Пруссии сепаратизма. По мнению Бисмарка, он в то же время был преградой для германизации польского населения в Силезии, Великой Польше, на Поморье и в Вармии. Начавшаяся в 1871 г. борьба с католической церковью — так называемый «культурkampf»⁴ — была направлена и против польского народа. Администрация и суд подверглись окончательному опесочиванию; особенно тяжёлые и опасные последствия в этом отношении имела германизация школ.

Россия и Германия сочетали антипольскую политику с дискриминацией католицизма. Со своей стороны, католическая церковь, до того не оказывавшая доверия заговорщикам-радикалам и склонная к поиску приемлемого для поляков компромисса с захватчиками, теперь вынуждена была оказать решительное сопротивление. Ещё в 1863 г. негативно отнесшийся к восстанию архиепископ Варшавский Зыгмунт Щенсный-Фелинский выступил с осуждением репрессий, за что провел в ссылке 20 лет. После поражения восстания была уничтожена большая часть монастырей, взято под государственный контроль церковное имущество, а в 1867 г. польская католическая церковь была подчинена Римско-католической коллегии в Петербурге — учреждению, созданному по воле Александра II. С этим церковь не могла смириться. Апостольская столица разорвала отношения с Россией. Епископы отказывались повиноваться коллегии, особо строптивых священников депортировали в глубь России. Была также ликвидирована сохранявшаяся на востоке Королевства Польского униатская церковь, хотя ее тайная деятельность по-прежнему продолжалась. В начале 80-х годов, однако, произошло частичное примирение между Россией и Ватиканом, а вслед за этим давление на католическую церковь в польских землях России существенно ослабло. Петербург даже выразил согласие на избрание в 1883 г. нового архиепископа Варшавского, в недавнем прошлом ссыльнопоселенца — Винценция Попеля. Вскоре, однако, произошло очередное ухудшение отношений между властями и католической церковью.

В польских землях Пруссии интенсивное наступление на польскую национальную идентичность и католицизм оказалось для властей безрезультатным. Архиепископ Гнезненско-Познанский Мечислав Ледуховский, который ради защиты интересов католической церкви и польской культуры был готов идти на сотрудничество с Пруссией, воспротивился принятию в 1873 г. законов, ставивших

церковь в зависимость от государства. За это он провел два года в тюрьме, а потом выпущен был выехать в Рим. Преследованиям подверглись и многие другие епископы и священники, причем не только польские, но и немецкие. Католическая вера стала для поляков неотделимым элементом национального самосознания. Там, где национальная идентичность не успела сформироваться, особенно в Верхней Силезии, она складывалась на основе сохранения верности католическому вероисповеданию. Даже немецкое духовенство поддерживало деятельность, направленную на сохранение польского языка, чтобы оказывать влияние на большее число силезцев и противодействовать антикатолической кампании.

Методы «культуркампфа» привели к «полонизации» населения Верхней Силезии, и важную роль в этом сыграл местный деятель Кароль Мярка, с 1869 г. и до самой смерти в 1882 г. бывший редактором журнала «Католик». Полонизация означала приобщение к польской культуре: в меньшей степени она отражала национальное противостояние с немцами и самостоятельную политическую деятельность. Самосознание населения Верхней Силезии определялось конфессиональной, а не национальной принадлежностью. Иначе складывалась ситуация в Великой Польше, на территории Поморья и в Вармии, где поляки, как правило, исповедовали католицизм, а немцы — протестантизм. Национальные чувства усиливали религиозность, вера пробуждала патриотизм. Негативное для польского самосознания влияние «культуркампфа» сказалось лишь на Мазурах в Восточной Пруссии, где местное протестантское население, хотя и говорившее на одном из польских диалектов, но не обладавшее национальным сознанием, вместе с конфессиональными ценностями протестантизма усваивало и национальные немецкие черты, начиная таким образом отождествлять себя с немцами и отдаляясь от поляков. В конце 70-х годов XIX в. острота конфликта между властями и католической церковью сгладилась, и в следующем десятилетии постепенно наметился переход к компромиссу, однако в сознании поляков прусского государства принадлежность к католицизму еще долго оставалась основным признаком национальной самоидентификации.

Результатом «культуркампфа» стало в то же время оживление польской культурной и экономической деятельности. В польских землях Пруссии эти традиции восходили еще к 30-м годам. В 60-е годы, и особенно во время «культуркампфа» 70-х годов, идеи «органического труда» распространились в широких кругах. В городах развивалось кредитное вспомоществование, был создан Союз прибыльных

обществ, которым в течение многих лет в качестве патрона руководил священник Петр Вавжияк. Роль духовенства — единственной в польских землях Пруссии многочисленной группы образованных поляков — была чрезвычайно велика. В селах возникали крестьянские «земледельческие кружки», часто при помощи и руководстве помещиков и низшего духовенства. Патронат над ними был поручен представителю помещиков Максимилиану Яцковскому. Созданное в 1880 г. «Общество народных читален» стало позднее основой для создания публичных библиотек и не только в Великой Польше, но и в других регионах Пруссии.

Берлин и Петербург обменивались заверениями в том, что, несмотря на растущие между ними противоречия, их объединяет общая польская опасность, о которой постоянно напоминал и Бисмарк. Он характеризовал деятельность поляков в самых черных тонах и подтверждал свои домыслы репрессиями. На новом этапе применялись и методы экономического давления. Так, был создан значительный денежный фонд, а в 1886 г. — Колонизационная комиссия, которая должна была выкупать польские помещичьи имения, разбивать землю на мелкие участки и заселять их немецкими колонистами. Это был отклик популярной в немецком обществе идеи национального превосходства, а также результат крепнувшего немецкого национализма, целью которого на данном этапе стало расширение национальных притязаний во всех областях социальной жизни.

В антипольском наступлении не участвовал третий участник раздела — Австрия. После поражения в австро-прусской войне в 1866 г. и заключения соглашения с венграми правительство отказалось от германизации в австрийской части государства. Галиция в наибольшей степени была склонна к компромиссу и получила существенно больше привилегий, чем прочие провинции. Политика России и Германии вызывала у поляков беспокойство. Высшие и средние слои общества опасались также, что австрийцы смогут манипулировать бедностью сельской бедноты и боровшихся за национальное равноправие украинцев. Со временем польские политики отказались от стремления «обособить» Галицию, придав ей статус независимой области в федерации с Австрией. Определенное и несомненное влияние на этот отказ оказало развитие украинского национального движения и участвовавшие межэтнические конфликты.

В конце 60—70-х годов Вена при помощи многочисленных правовых актов ввела так называемую галицийскую автономию. Круг деятельности этой автономии (ее дополняли и другие польские привиле-

гии), административное руководство которой осуществляли галицийский сейм и Красной отдел, был довольно ограниченным. Польский язык был введен в систему образования (включая университеты в Кракове и во Львове), а также был признан официальным в деятельности административных и судебных органов. В правительстве была учреждена должность «особого министра для Галиции» с правом голоса при обсуждении проектов законов, касающихся Галиции (польских министров в различных учреждениях и ведомствах было довольно много, дважды поляки становились премьер-министрами). Во главе администрации провинции Галиция стоял наместник, также поляк. «Министра для Галиции» и наместника назначал император по согласованию с группой польских депутатов венского парламента, называвшейся «польское коло» (т. е. «польский круг»).

Выгодная для поляков австрийская политика способствовала также существенному изменению позиции католической церкви. Если прежде она занимала лояльную позицию в отношении властей и принимала весьма скромное участие в национальной жизни, то теперь, без влияния Ватикана, должна была стать оплотом гонимого польского католицизма в Российском и прусском государствах. В связи с этим символическое значение имело назначение в 1879 г. на должность епископа Краковского священника Альбина Дунаевского, который в течение нескольких десятков лет принимал активное участие в национальном движении. Важность этому решению придавало и назначение Дунаевского в 1890 г. членом коллегии кардиналов. Дунаевский был единственным кардиналом-поляком, который остался на родине, поскольку Владимир Чацкий и Мечислав Ледуховский представляли польские интересы в римской курии.

Галицийская автономия создала для поляков самые благоприятные условия со времени падения конституционного Королевства Польского. Хотя прошло уже полвека, лишь незначительная часть польского общества имела возможность пользоваться политическими правами. В галицийский сейм и венский парламент выборы проводились по курриальному принципу, т. е. голосованием отдельных групп согласно профессиональному и имущественному статусу. Подавляющее число жителей не имели права голоса, наиболее привилегированными были помещики и зажиточные горожане. В галицийском сейме заседали также «по должности» епископы и ректоры университетов.

Спустя 25 лет после поражения последнего восстания во всех трех государствах национальное самосознание низших слоев общества значительно окрепло. В Российской империи не оправдались расчеты на

Заседание галицийского сейма во Львове. Гравюра на дереве по рисунку А. Фидлера Рубеж XIX—XX вв.

На протяжении XIX в. во всех частях разделенной Польши существовали различные формы парламентского представительства, находившиеся в большой или меньшей зависимости от русских, прусских и австрийских властей. Они действовали с перерывами, распускались, ликвидировались, однако оказывали огромное влияние на формирование польской политической культуры. В 1815—1831 гг. функционировал сейм Королевства Польского, в число провинциальных прусских сеймов входили сейм Великого княжества Познанского (с 1824 г.) и сейм Силезии (с 1823 г.). В Краковской республике в 1815—1846 гг. действовало Собрание представителей. С 1861 г. депутаты-поляки участвовали в работе австрийского Государственного совета (рейхсрата), а с 1871 г. заседали в рейхстаге Германской империи. После революции 1905 г. группа польских депутатов вошла в состав русской Государственной думы. Большое значение для формирования избирательных традиций и знакомства с приемами парламентской борьбы играл и земельный галицийский сейм, заседавший во Львове с 1861 г. до Первой мировой войны. Проведение в Галиции выборов по куриям привело к доминированию в нем аристократии и землевладельцев. Свою привязанность к традиции шляхетской демократии депутаты демонстрировали среди прочего ношением «сарматских» костюмов XVII—XVIII вв. Благодаря реформам, проведенным в начале XX в., в этом органе расширилось представительство низших слоев населения.

то, что благоприятные (в сравнении с другими областями России) реформы по освобождению крестьян отвлекли их от национально-осво-

бодительного движения и примирят с русским господством. Несмотря на значительные сложности, вызванные реформами и конфискациями имений после восстания, помещики не были сломаены ни экономически, ни, как стало ясно впоследствии, политически. Они получили возможность большого влияния на крестьян. Кроме того, наделение крестьян землей способствовало ускорению экономических и социальных процессов: усилился приток сельского населения в города, интенсивно развивалась сеть железных дорог, объединяя сельскохозяйственные регионы. Но самое главное заключалось в том, что крестьянин, получив землю, избавился от повинностей, хотя при этом оказался отягощен обязательствами в отношении Российского государства. Крестьянские дела подлежали теперь рассмотрению в русских учреждениях или судах, но без знания языка крестьянин становился беззащитным перед представителями власти, чуждыми ему по вере и обычаям. Он начинал понимать, что национальная принадлежность относит его ко второй категории населения Российской империи.

Аграрные реформы резко увеличили темпы капиталистической индустриализации и урбанизации. Вырос спрос на промышленную продукцию, так как самостоятельные крестьянские хозяйства стали больше продавать и покупать (особенно пользовалась спросом дешевая одежда из хлопка). Другим важным стимулом развития промышленности стало строительство железных дорог. Еще в 40-е годы XIX в. была проложена варшавско-венская ветка (300 км на юго-запад от Варшавы), но настоящая транспортная революция произошла 20 лет спустя. Инвестиции в железнодорожный транспорт требовались в масштабах, которых Польша ранее не знала. В то же время это создавало условия для увеличения добычи угля, руды и роста числа металлургических предприятий, продукция которых шла, помимо прочего, на строительство железных дорог во всех областях России. Бурно развивавшаяся текстильная промышленность, особенно Лодзинского и Белостокского округов, благодаря железнодорожному сообщению существенно расширила свой доступ на российский рынок.

К началу 90-х годов население Варшавы увеличилось почти вдвое и достигло около полумиллиона человек. Число жителей Лодзи выросло почти в восемь раз и составило уже более 300 тыс. Большинство горожан принадлежали к необразованным и малообеспеченным слоям, существенную часть их составляли евреи, занятые в ремесле, торговле и мелком мануфактурном производстве. Рабочие (в новом понимании слова) были группой чрезвычайно малочисленной, но эта группа существенно отличалась от городского плебса прежних веков. От

побеса они унаследовали национальное чувство, но интенсивный приток выходцев из деревни снижал средний уровень национального самосознания. Городская среда, однако, была более активной в культурном отношении, и благодаря этому в течение определенного времени формировались предпочтения и взгляды сельских мигрантов, и прежде всего патристические. Высокая плотность и культурная активность городского населения способствовали росту его национального самосознания.

На формирование нации оказывал влияние и сам ход истории. Польские боролись за свои интересы, направляя свое недовольство в первую очередь против мастеров и фабрикантов; следующими же их противниками становились представители чужеземных властей: полиция, жандармерия, суд. Выступление рабочих в 1861 г. в Лодзи сопровождалось пением народных песен. В 1883 г. во время забастовки в Жирардове никаких национальных требований не выдвигалось, но на расправу с рабочими были брошены полиция и армия; демонстрацию расстреляли, активных участников арестовали.

В Пруссии антипольская политика приводила к тому, что крестьянство быстро «полонизировалось» и становилось польским в полном смысле слова. «Культуркампф» и германизация школы не достигли своей цели, особенно в тех районах, где процент немцев был незначительным. Упорнее других сопротивлялись крестьяне Великой Польши. Немецкая школа позволяла крестьянам получить необходимый минимум образования, к чему постоянно призывали польские общественные деятели. Они вели культурно-просветительскую работу, призывая повышать агротехнический уровень и развивать организации взаимопомощи.

В Великой Польше и в польской (в этническом отношении) части Поморья рабочих было немного. Они растворились в городской среде, традиционно восприимчивой к национальным идеям. Большую часть рабочих составляли верхнесилезцы, которые в течение нескольких поколений занимались добычей угля, руды и металлургическим производством. Среди них было много выходцев из Королевства Польского и Галиции, хотя русские, австрийские и прусские власти чинили препятствия миграции такого рода. «Культуркампф» противопоставил католиков-рабочих Верхней Силезии чиновникам государственного аппарата, но также затруднял агитацию немецких социал-демократов с их поитральным или откровенно враждебным отношением к религии. На протяжении последних десятилетий XIX в. все больше давало о себе знать национальное чувство верхне-

силезских рабочих. У них довольно сильно было развито региональное сознание с характерным противопоставлением местных поляков и немцев, однако им в гораздо меньшей степени было присуще ощущение причастности к польской общности в других землях.

Особенно медленно процесс формирования национального самосознания шел в среде галицийского крестьянства. В автономной Галиции власть принадлежала польским помещикам, сохранившим верность сословным шляхетским традициям с их идеологическими, историческими и религиозными представлениями. Они, безусловно, хотели бы завоевать расположение крестьян в национальном вопросе, но только не ценой политического равноправия или уступок. Отношения осложнялись воспоминаниями о «галицийской резне». Несомненно, однако, что обретение гражданских и национальных прав способствовало формированию крестьянства как самостоятельной политической силы. Одним из первых попытался организовать их деятельность священник Станислав Стояловский, выдающийся организатор и весьма амбициозный агитатор, с легкостью менявший свои убеждения. С 1875 г. он выступал с национальными и католическими лозунгами в журналах «Венок» и «Пчелка». Как сторонник единения различных сословий и социальных групп, он выдвинул лозунг: «С польской шляхтой польский люд»⁵.

Экономический застой в Галиции обусловил сохранение архаичных форм социальных отношений. Формирование рабочего класса из наемных рабочих в ремесленной среде, а затем в промышленности и железнодорожном строительстве шло медленно и с большими трудностями, но элементы национального самосознания рабочие восприняли вместе с патриотизмом городских низов. Гораздо более сплоченными оказались рабочие в австрийской части Силезии, где поляки жили рядом с немцами и чехами. Кроме того, здесь на горно-добывающих и промышленных предприятиях работало много бывших польских крестьян из густонаселенной Галиции. После «весны народов» самосознание местного населения значительно окрепло: сначала среди горожан, затем на селе и, наконец, в рабочей среде. Как и в прусской Силезии, однако, доминировала региональная идентичность, тогда как общепольское национальное самосознание было выражено гораздо слабее.

Мечты радикально настроенных повстанцев о польском народе как выразителе национальной идеи смогли воплотиться в реальность лишь спустя несколько десятилетий. Постепенно рос и патриотический настрой крестьянских и рабочих масс. Однако выработать но-

ную польскую политическую программу удалось не сразу. Продолжали, а точнее говоря, эпигоны идеи восстания оказались в эмиграции. Они все еще верили в новую международную революцию, впрочем, как и в польскую. На баррикадах Парижской коммуны в 1871 г. погиб Ярослав Домбровский. Те, кто был еще жив в 70-е годы, мечтали о будущей революции и искали контактов с различными течениями европейского социализма. В стране же сохранялись лишь воспоминания о восстании. На вооруженную борьбу смотрели как на копирую карту истории, использованную в игре, не дававшей полякам шансов на выигрыш.

Пришло время различных идей «органического труда». Речь шла о том, чтобы найти способ сохранения и укрепления духа нации, которая смогла бы в нужный момент не только завоевать свободу, но и оказать реальную поддержку возможным союзникам в борьбе. Наибольшую известность среди сторонников этих идей получили две школы: краковская — «станчики»⁶ и варшавская — позитивистов.

«Станчики» были участниками Январского восстания, близкими к умеренному крылу и эмигрантам, сплотившимся вокруг князя Анджея Чарторыского. В 70-е годы они стали одной из консервативных галицийских групп, поначалу не очень влиятельной. Более значимым влиянием пользовались те, кто был традиционно связан с Варшавой (их лидером был неоднократно назначавшийся наместником нации граф Агенор Голуховский). Однако «станчики» стали играть значительную роль в качестве идеологов и создателей новой политической программы. Они сумели объединить свои политические интересы с попытками анализа польской истории. Среди них были университетские профессора истории и истории литературы Юзеф Гутковский и Станислав Тарновский, а позже и самый успешный в политике и науке Михал Бобжинский.

«Станчики» дистанцировались от традиций шляхетской демократии, не разделяли они и преклонения романтиков перед «польским людом». Главную ценность для них представляло государство, что должно было вызвать одобрительное отношение к сильной власти. Но эмоциональные порывы, а трезвый расчет, по их мнению, должен был определять ход польской истории. Исходя из этого, они выражали убеждение в том, что Польша должна была и будет идти на далеко идущие компромиссы — как в отношениях с Россией во второй половине XVIII в. и в период существования Королевства Польского, так и с Австрией, когда после 1866 г. та стала склоняться к уступкам в польском вопросе. Взгляды «станчиков» были ярким выражением принци-

пов самой их деятельности: это касалось, с одной стороны, их участия во внутренней политике габсбургской монархии и готовности связать надежды с Австро-Венгрией, а с другой — было вызвано их отрицательным отношением к массовым политическим движениям, занимавшимся социальной агитацией в необразованных слоях общества.

Воззрения варшавских позитивистов существенно отличались от взглядов представителей краковской школы. Они также критически относились к повстанческой традиции, но в социальном вопросе были ближе к «красным» (но не к самым крайним). Основными ценностями позитивисты считали экономическое развитие и науку — элементы прогресса, который они идеализировали. Наука, по мнению позитивистов, должна была служить преобразованиям в области экономики, однако не менее важное значение они придавали просвещению народа и созданию интеллектуальной элиты. Повышение уровня жизни социальных низов, согласно этим представлениям, сгладило бы социальные противоречия, культ знаний измещал бы клочущему социальную структуру общества, ослабив роль шляхты и аристократии. Просвещение и образование способствовали бы сплочению крестьян и рабочих в единую национальную общность. В отличие от «станчиков» позитивисты ставили под сомнение роль в этом процессе церкви. Не оспаривая значения духовных религиозных ценностей, они приписывали церковным институтам косность и обскурантизм.

Позитивисты редко говорили о государстве, чаще — об обществе или о нации. По словам поэта-позитивиста: «Нет, не пупки нас сегодня защитят и укрепят. Наша крепость — мастерская, школа, цех и кабинет». В границах Российской империи не было возможности открыто проводить независимую польскую политику. Считая неприемлемым соглашательство с российскими властями, такие ведущие позитивисты, как Александр Свештоховский или Болеслав Прус, не могли и не хотели идти даже на незначительные компромиссы. Но ход событий очень скоро показал несостоятельность их надежд на благотворное влияние прогресса и просвещения. В период формирования своей идеологии позитивисты подчеркивали, что национальная общность необходима и возможна. Они понимали, что достижения в промышленном производстве и торговых отношениях приводят к обострению социальных противоречий, но считали их побочным эффектом. Не без основания позитивисты приписывали первому поколению предпринимателей такие положительные качества, как образованность, рачительность и предприимчивость. Но прошло и десяти лет, как стало очевидно: новая эпоха не принесла

справедливости и общественного спокойствия. В польском обществе все чаще давали о себе знать новые проявления неравенства, а новыми приходили и новые противоречия. Верхушку социальной иерархии заняла теперь аристократия денег, которую составляли представители промышленных и торговых кругов; в нее вошли и те, кто готов был мириться с существующими условиями, — родовитые аристократы и самые богатые помещики. В 80-е годы отголосков позитивистов осталась только фразеология, содержание же их претерпело кардинальные изменения.

Чаще, чем прежде, стала звучать мысль о необходимости компромисса с Россией. К этому склоняли многие тенденции: разлад в стане государств—участников разделов, временная либерализация российской политики в начале 80-х годов, экономические интересы, связывавшие Королевство Польское с царской империей, и, наконец, страх перед новым общественно-политическим движением, охватывавшим районы, перед социализмом.

Но именно на руинах позитивистских идей (хотя они все же были единственным идеологическим источником) в Королевстве Польском зародились два политических течения, сыгравшие ведущую роль в современной истории Польши, — социализм и национализм. Впрочем, связывать их возникновение только с польскими эсаями России будет явным упрощением, поскольку основатели этих движений непосредственным образом были связаны и с Галицией, и с европейской эмиграцией. Несмотря на границы разделов, им удавалось охранять и организационные, и интеллектуальные связи. Почти все они были выходцами из Российской империи и разрабатывали свои концепции, в первую очередь рассматривая ситуацию и первоочередные цели русской части Польши.

Польское социалистическое движение формировалось в тесном контакте с русским народничеством, приобретая сторонников среди польских студентов высших учебных заведений в самой России. Народники обращали свои взоры к «народу», и прежде всего к крестьянам; поначалу они были уверены в эффективности прямой агитации, а затем в действенности террора, который должен был устранить властные структуры и привлечь внимание общества. Первые польские социалисты принадлежали к поколению, которое в десятилетнем возрасте стало очевидцем восстания 1863 г., и с детства познало разочарование и бессильную ненависть к царизму. Знакомство с народниками пробуждало в них с 1874 г. веру в русский народ и в то, что он может быть поднят на общую борьбу.

Почти в то же самое время к варшавским студентам, воспитанным в духе позитивизма, начали попадать социалистические брошюры с Запада. Некоторых из студентов заинтересовало новое учение, которое доказывало несправедливость существовавшего социального устройства и призывало ко всеобщему равенству и обобществлению всей собственности. Это был, в отличие от народнического течения, рабочий социализм (если принимать во внимание адресат пропаганды), который подкреплял политические рассуждения примерами из реальной экономической и общественной жизни. Польский социализм черпал интеллектуальное вдохновение не только из марксизма: неплохой основой для него оказался и позитивизм.

С 1876 г. в Варшаве начали появляться польские студенты, близкие по своим взглядам к народникам. Из них выделялся двадцатилетний Аудвик Варыньский. В Королевстве Польском, которое переживало период промышленной революции, в среде социалистов одержал победу своеобразный рабочий мессианизм. Это учение возлагало надежду на пролетариат, до тех пор искусственно разъединявшийся национальными различиями и парализованный лозунгами национального единения (с которыми выступали и сторонники вооруженного восстания, и позитивисты). Юные адепты интернационального социализма были уверены, что рабочим недостает живого национального чувства, и в то же время видели, что их пропаганду все активнее отвергают крестьяне, получившие землю от царя. Жизнь рабочих социалисты знали очень плохо, лучше они ориентировались в крестьянских проблемах, так как в большинстве своем происходили из семей обедневшей шляхты. Впрочем, их представления о крестьянском сознании были весьма статичны и не позволяли увидеть, в каком направлении происходит его развитие.

В 1882 г. Варыньский создал первую социалистическую партию «Пролетариат». Это была небольшая группа, уничтоженная в результате арестов. В социалистическом движении вскоре наступил кратковременный кризис, вызванный репрессиями и политическими разногласиями. Народническое движение также переживало упадок, повлекший за собой разочарование и в перспективах скорой русской революции, и в эффективности террористических методов борьбы, которые «Пролетариат» принимал больше в теории, нежели на практике. Попытки перейти к более легальным, массовым действиям в стране с сильной полицейской системой окончились плачевно. Зато вновь возродились надежды на международный интерес к польскому вопросу, когда в начале 90-х годов окончательно сложились два блока

европейских держав. Очевидным стал рост национального самосознания в социальных низах, в рабочей и крестьянской среде.

Еще в 70-е годы Болеслав Лимановский пропагандировал слияние социалистической теории с методами повстанческой борьбы. Лимановский родился в Российской империи, был участником тайных организаций, в 1861—1867 гг. находился в ссылке, затем уехал в Галицию. Социализм был для него по сути новым изданием идеологии «польского народа»⁷, весьма популярной среди эмигрантов и радикалов-заговорщиков. Высланный из Австро-Венгрии, Лимановский оказался в Швейцарии, где и основал социалистическое общество «Польский народ» («Lud Polski»). У него было меньше сторонников, чем у Варынского. Программа Лимановского была новой лишь отчасти. Он не прибегал к типичным для западноевропейского социализма объяснениям экономических или классовых отношений. Следуя традиции повстанцев-радикалов, он обращался скорее к крестьянству, чем к рабочим. Более основательное объединение социалистической теории и национально-освободительного движения произошло лишь несколько лет спустя.

Националистическое движение начало формироваться в польских землях России позже, чем социалистическое. Первые его провозвестники обнаружили в литературе, которая стала активно выдвигать на первый план национальную проблематику. Позитивист Григорий Сенкевич с 1883 по 1887 г. публикует свою «Трилогию» («Огонь и меч», «Потоп», «Пан Володыевский»). Не только писатель, но и идеолог позитивизма Болеслав Прус в 1885 г. в своей повести «Форпост» рассказывает о столкновениях польских и немецких крестьян в спорах за право собственности на землю (хотя местом действия выбрана Российская империя, а не Пруссия). В этой атмосфере с 1886 г. в Варшаве начал выходить еженедельник «Голос», который глашатаем позитивистской программы (укрепления национальной стойкости, экономического и культурного развития), не порывая, однако, с традициями повстанческой идеологии. Постепенно журнал начал заявлять о необходимости наступательных действий, объединении польской нации и о противопоставлении ее другим народам во всех сферах жизни.

Иначе понимал свою задачу писатель-эмигрант Зыгмунт Милковский (писавший под псевдонимом Теодор Томаш Еж). Он был участником борьбы за независимость в течение многих десятилетий, принимал участие в венгерской революции 1848 г., затем оказался в эмиграции, в Венгрийском восстании принимал участие как офицер, поддерживая ли-

нию «красных». Изменения в международной ситуации Милковский считал выгодными для решения польского вопроса. Он был, по-видимому, неплохо осведомлен о ситуации в Польше и рассчитывал на рост национального самосознания «простого польского народа». По инициативе Милковского в Королевство Польское приехал Зыгмунт Балицкий, который основал в 1887 г. тайный Союз польской молодежи «Зет» (по первой букве названия организации — «Związek Młodzieży Polskiej»), изначально имевший общепольский характер; затем заключил соглашение с группой «Голос». В том же году Милковский основал в Швейцарии Польскую лигу, продолжавшую повстанческие традиции, и начал сбор средств в Национальном фонде. «Зет» признал руководство Польской лиги. Вскоре, однако, в деятельности «Голоса» и «Зета» лозунги борьбы за национальную независимость оказались отодвинутыми на второй план. От них полностью не отказывались, но во главу угла была поставлена задача самоорганизации народа, его экономического и культурного соперничества с другими нациями. Стремясь преодолеть всеобщий страх и пассивность, Польская лига организовала публичную манифестацию в 100-летнюю годовщину Конституции от 3 мая 1791 г. Так зарождалось националистическое движение — пока еще безотчетливой идеологической программы.

Близким «Голосу» и «Зету», казалось, было и галицийское движение под руководством Болеслава и Марии Выслоух. Болеслав Выслоух был родом из польских земель Российской империи, учился в Петербурге, сначала был связан с социалистами, но после ареста и трехлетнего тюремного заключения уехал в Галицию. В 1886—1887 гг. издавал ежемесячный журнал «Общественное обозрение» («Przegląd Społeczny»), с 1887 г. был одним из редакторов газеты «Львовский курьер» («Kurier Lwowski»), а с 1889 г. издавал выходивший два раза в месяц журнал для крестьян «Друг народа» («Przyjaciel Ludu»). Частью политической программы Выслоуха была борьба за национальную независимость Польши; он установил связь с Милковским и Польской лигой, хотя по своим политическим взглядам был ближе скорее к группам «Голоса» и «Зета». Борьба за польскую национальную идею и независимость должна была быть длительной и прежде всего преследовать цель культурно-идеологической работы, а не насильственного свержения существующего режима. Выслоух, однако, не разделял националистических идей. Путь обретения независимости он видел в пробуждении национального самосознания крестьянских масс, а также в их главенствующей роли в жизни польской нации. Свойственный Галиции антагонизм между крестьянами и помещиками неиз-

ожно приводил к социальному радикализму, не позволяя выдвинуть принципы социальной солидарности (как это делал терявший влияние Стояловский). Деятельность Болеслава и Марии Вислаух означала подготовку нового — наряду с социализмом и национализмом — «народного движения», которое выражало политические интересы крестьянства.

В польских землях Пруссии серьезная политическая мысль не получила развития, но распространившаяся здесь в предшествующие десятилетия идея «органического труда» приобретала все больший размах. Она заключалась в формировании социальной устойчивости польского общества в экономической, культурной и религиозной сферах. Сначала преобладало консервативное течение, у руководства которым стояли богатые помещики. В конце 70-х годов получило развитие более радикальное направление, называвшее себя «народным». Его члены объединились вокруг Романа Шиманского и издававшего им в Познани журнала «Защитник» («Obródownik»), но в действительности они имели мало общего с тем, что представляло собой зарождавшееся «народное движение» в Галиции. «Защитник» критиковал тенденции к компромиссу с властями и инициативы помещиков в отношении национального движения, но адресован был главным образом горожанам. Преодоление социальных барьеров должно было способствовать сплочению нации для решения задач общественного «органического труда». Постепенно в «Защитнике» появляется националистическая аргументация в пользу борьбы против немцев во всех сферах жизни. Но это был еще только подготовительный этап (имевший большое значение, как показало будущее) формирования на польских землях Пруссии националистического движения.

Итак, к концу тридцатилетия, прошедшего после Январского восстания, в Польше происходили изменения, аналогичные общеевропейским. В экономике господствовал капитализм, продолжалась промышленная революция, расширялись транспортная сеть и другие коммуникации, сельское хозяйство постепенно теряло прежнюю замкнутость от рынка, присущую натуральному хозяйству. Произошел отток населения из сел в города, отражавший тенденцию повышения социальной мобильности. Политические движения первой половины XIX в., апеллировавшие к небольшим в количественном отношении социальным группам (хотя и с надеждой на «пробуждение народа»), сменились течениями, которые доказывали необходимость активной деятельности всей нации (национализм) или больших общественных групп (социализм, крестьянское движение).

Примечания

¹ Совокупность соглашений, заключавшихся начиная с 1873 г. между императорами России, Германии и Австро-Венгрии, получила название Союза трех императоров. Союз предполагал оказание взаимной военной помощи в случае нападения четвертой страны.

² Речь идет о событиях 1878 г., когда в результате победы России в русско-турецкой войне 1877—1878 гг. был заключен прелиминарный мирный договор (Сан-Стефанский). Согласно его решениям, Болгария, Босния и Герцеговина получали автономию, а Сербия, Черногория и Румыния — независимость. К России отходила южная Бессарабия и ряд крепостей. Однако европейские державы, опасаясь усиления влияния России на Балканах, объединились в своих требованиях пересмотреть итоги войны и оказали давление на русское правительство. В итоге Сан-Стефанский мирный договор был пересмотрен на Берлинском конгрессе не в пользу России. Берлинский трактат способствовал вовлечению Балканских государств в орбиту австро-германской политики.

³ Были упразднены все высшие органы власти: Государственный совет (1867), правительственные комиссии, министерства, Административный совет (1867—1868); их функции перешли к Учредительному комитету.

⁴ *Kulturkampf* (в переводе с немецкого буквально означает «борьба за культуру») — программа мероприятий правительства Бисмарка в Германии в 70-е годы, направленных против католической церкви, которая в отдельных землях рейха являлась выразительницей сепаратистских, антипрусских тенденций.

⁵ Девиз, взятый из произведения З. Красицкого.

⁶ Получили свое наименование от названия памфлета «Пылка Станчика» («Teke Stankuca»). Он был издан в 1869 г. в Австрии группой молодых консерваторов (Ю. Шуйский, С. Тарновский и др.).

⁷ Речь идет об идеях вооруженного восстания, главными силами которого станут народные массы — крестьянство и городские низы.

XV. На пути к Польше XX века

Начиная с 1840-х годов XIX в. политические движения и программы обрели более или менее законченную форму. Социалисты стали одними из первых, кто создал партию. Социалисты — делегаты от Королевства Польского (большинство из них находились в эмиграции) собрались в 1892 г. на объединительный съезд рабочих партий в Париже, на котором объединили и приняли «Проект программы Польской социалистической партии». В этом документе провозглашалось объединение разных групп социалистов, но главным было то, что появилась программа, в которой задачи, ставившиеся западноевропейским рабочим социализмом, сочетались со стремлением к государственной независимости Польши. Одним из аргументов в пользу такого подхода стал имевший место несколькими месяцами ранее «лодзинский бунт» — самое видное со времен Январского восстания выступление рабочих, выдвинувших и национальные требования. Создатели Польской социалистической партии (ППС; Polskiej Partii Socjalistycznej) верили в всеобщий капиталистический прогресс, который сформирует мощную (по численности и темпам развития) социальную силу — рабочий класс. Они были убеждены, что закономерной целью рабочих является ликвидация частной собственности, но в то же время считали, что интересы рабочих, находящихся под иноземным гнетом, связаны с обретением национальной независимости. Только в независимом и демократическом государстве возможно будет осуществить преобразования, ведущие к социализму.

В качестве организатора и руководителя ППС лидирующее положение в 1893 г. занял Юзеф Пилсудский. Родившийся в шляхетской семье на Виленщине (1867), в которой царил культ героев польских восстаний, он был в двадцатилетнем возрасте осужден в связи с подпольной покушкой на царя Александра III и сослан в Сибирь, откуда вернулся через пять лет уже зрелой личностью. Силой воли, уверен-

ностью в собственном предназначении и огромным личным обаянием он производил на окружающих неизгладимое впечатление — его влиянию поддавались многие.

Примеру поляков, проживавших в Российской империи, последовали и другие. В Пруссии возможности для деятельности польских социалистов были весьма ограничены, так как там укоренился образ поляка-католика, солидарного со всеми представителями своей национальной и конфессиональной общности независимо от их социального статуса. Польская социалистическая партия в Пруссии (с 1893 г.) была чрезвычайно малочисленной и слабой. Лучше обстояли дела у польских социалистов в австрийской части Польши, где они действовали с 70-х годов XIX в. В Галиции они создали в 1892 г. Польскую социально-демократическую партию (ППСД; Polska Partia Socjalno-Demokratyczna), которая позже была преобразована в Польскую социал-демократическую партию Галиции и Теллинской Силезии во главе с замечательным организатором и членом парламента Игнацием Дашинским. Она выступала за объединение и независимость Польши, провозглашала лозунг будущих социалистических преобразований, а в качестве ближайших целей партия добивалась улучшения положения рабочих: боролась за их гражданские права, демократизацию парламентской системы, улучшение условий жизни и труда рабочего класса.

Национально ориентированный социализм подвергался резкой критике со стороны ряда социалистов польских земель России. Они, в свою очередь, оказались под влиянием взглядов Розы Люксембург, которая на основании марксистской теории выдвигала тезис о том, что, подобно капиталистам, рабочие гораздо быстрее смогут объединиться вне границ государств и наций (т. е. рабочий класс более склонен к интернационализму, нежели к национально-освободительной борьбе). Круг национальных проблем Люксембург ограничивала лишь сферой культуры. В политической же деятельности она рассматривала их отчасти как наследие прошлого, а отчасти как оружие негативного воздействия высших общественных слоев на сознание пролетариата. В 1893 г. возникла Социал-демократия Королевства Польского (в 1900 г., с расширением ее деятельности на Виленщину, была преобразована в Социал-демократию Королевства Польского и Литвы — СДКПиЛ), которая обосновывала теорию социализма аргументами экономического и культурного развития. Это был своего рода позитивистский социализм.

Почти в то же время окончательно были сформулированы и программы польского националистического движения. В 1893 г. работав-

ние в Польше деятели Польской лиги решили осуществить своеобразный «переворот» в партии. Они приняли название Национальной лиги (*Liga Narodowa*) и взяли на себя руководство ею. Наиболее важную роль в этом сыграл Роман Дмовский, трезвый политик, не признававший эмоций в политической аргументации. Свои взгляды он четко выразил в 1902 г. в работе «Размышления современного поляка», в которой с сожалением отмечал негуманные проявления национализма, однако борьбу наций за жизнь считал законом общественного развития, ссылаясь при этом по аналогии на теорию Дарвина. Польскую политику Дмовский намеревался проводить так, чтобы поляки стали победителями, а не жертвами.

Национальная лига выработала программу национальной борьбы, направленную одновременно и против русских, и против немцев. Дмовский не поддерживал планы восстания, считая, что у него нет шансов на успех, но высказывался при этом за проведение укрепляющих национальный дух манифестаций и осуждал тактику соглашательства. Кроме того, он открыто призывал к колонизации украинцев, белорусов и литовцев. Лига старалась воздействовать прежде всего на крестьянство, с 1896 г. она издавала для них журнал «Поляк» (*Polak*), а в 1899 г. создала нелегальное Общество национального просвещения. Не пренебрегала она и рабочей средой, в которой также действовали кружки Общества, а в 1901 г. организовала для пропаганды среди рабочих и мастеровых Союз имени Яна Килинского. Публикации национальных социалистов критиковался «дух шляхетства» и обосновывались задачи движения — национальное единение, уничтожение наследственных привилегий. Самой важной промежуточной целью деятельности националистов (поскольку о независимости они писали как о задаче-максимум) была самоорганизация народа, создание своеобразного государства без государства, но при наличии руководства и единой программы действий.

Главным объектом нападков националистов становились евреи. При этом лига отнюдь не была родоначальником польского антисемитизма; он, как утверждали открытые его противники — писатели-позитивисты, усиливался в течение многих лет. До тех пор пока Велёпольский не добился равноправия евреев в 1862 г. (позже их права снова были частично урезаны), их контакты с поляками были довольно ограниченными. Чуждая полякам еврейская культура, а особенно вера пробуждали негативные эмоции, однако более серьезных оснований для конфликта интересов не было. Они постепенно возникали с развитием промышленности и торговли, в которых евреи играли

активную роль. С поляками конкурировали также мелкие еврейские ремесленники и торговцы. Многие крестьяне и рабочие относились к еврейским фабрикантам и купцам как к эксплуататорам. Уравнивание евреев в гражданских правах позволяло некоторым из них получать образование и профессии, связанные с интеллектуальной и культурной деятельностью. Наконец, лучшие возможности для трудоустройства, а также отсутствие (до поры до времени) погромов, инспирированных русскими властями, способствовали притоку в Королевство Польское евреев с «восточных окраин» («литваков»), зачастую уже обрусевших.

На рубеже веков на рост националистических настроений оказали воздействие планы геополитической стратегии, ставившие на повестку дня вопрос о выборе главного противника Польши: Россия или Германия? Дмовский решительно опасался Германии как национально однородного государства, обладавшего более высокой культурой, с хорошо развитой экономикой и энергичной администрацией. Россия, по его мнению, представляла меньшую опасность. Он утверждал, что, по мере того как Российская империя начнет замечать угрозу для себя со стороны Германии, она станет больше заботиться о проявлении лояльности со стороны поляков.

Национальная лига имела свои ячейки и в Австрии, и в Пруссии. В Галицию с 1895 г. начали приезжать ее главные руководители, которым угрожал арест в России. В лигу стали вступать и жители польских земель Австрии, особое влияние имела политическая группа «Зет». Труднее приходилось лиге в Пруссии, где первых своих членов она обрела лишь в 1899 г. Несколько ранее ячейки «Зета» появились в нескольких высших учебных заведениях, что вскоре позволило значительно расширить ряды лиги. Особенно ценным ее приобретением оказался уроженец Силезии Войтех Корфантий.

Иначе шло развитие крестьянского движения, которое в течение длительного времени не выходило за пределы Галиции. Его формирование было заслугой в первую очередь Выслоуха. Ему помогал молодой Ян Стапинский. В 1895 г. возникла Народная (т. е. крестьянская) партия (*Stronnictwo Ludowe*), которая через восемь лет сменила название и стала именоваться Польской народной партией (ее сторонников называли «людовцами»), но своей программы не изменила. Людовцы были противниками консерватизма и стремились к ликвидации помещичьих привилегий в экономической, политической и общественной жизни. Из-за связей консерваторов с церковной иерархией они оказались вскоре с нею в конфликте. Самовона полились обвинения в ад-

людовцев, но те отказывались смешивать религию с политикой. Людовцы представляли наиболее сознательную часть сельских слоев, возмевших и в национальном отношении. Выслоух одобрял национально-освободительную программу, но не навязывал ее своим сторонникам, понимая маловероятность ее реализации. Людовцы отмечали патриотические годовщины, изучали национальную культуру, инкомпили о большей самостоятельности Галиции в составе габсбургской монархии и о национальных правах поляков в других государствах. Национальная лига проявляла интерес к повому движению. Отчасти по ее инициативе, отчасти из природного недоверия к чужакам выдвигались лозунги борьбы с евреями или украинцами. Но гораздо больше внимания людовцы уделяли конкретным проблемам деревни, как местным, так и общим для всей Галиции. В частности, они требовали внести изменения в положение о выборах в венский парламент и галицийский сейм, чтобы создать более демократическую парламентскую систему и обеспечить равные избирательные права крестьянству.

В это время появляются политические движения, обращенные к крупным национальным или общественным группам, но течения, консолидирующие к верующим, тогда еще не возникли. Причина этого layлась в консерватизме католической церкви, причем не только польской. Церковь была склонна одобрять скорое прислаемые для элиты консервативные действия, направленные на сохранение существующих общественных отношений. Ситуация изменилась в период понтификата Льва XIII, который в своих энцикликах заявил о праве человека на свободу и социальную справедливость. Наибольшую известность получила энциклика «*Regim novatum*»¹ (от 1891 г.).

В Верхней Силезии Адам Наперальский, наследник Мярки на посту редактора журпала «Католик» («Katolik»), еще в 1889 г. организовал польские христианские профессиональные союзы. На территории Поморья в 1894 г. Виктор Кулерский начал издавать необыкновенно популярную «Газету грудзёндзскую» («Gazeta Grudziądzka») и мечтал о создании крестьянского движения католиков-людовцев. Только в 70-е годы, подобные намерения удалось воплотить в жизнь в Галиции священнику Станиславу Стояловскому, который отошел от активной деятельности после конфликта с церковной иерархией.

Исключительно религиозный характер имели инициативы, принятые в польских землях Российской империи отцом-капуцином Гоноратом Козьминским. С 70-х годов он создавал женские, а с 80-х — мужские общины, члены которых, не надевая монашеского

облачения, тайно вели монашескую жизнь, зачастую при этом работая и живя в своих семьях. Главной причиной возникновения подобных объединений было стремление обойти запрет русских властей на вступление в уже существующие католические монастыри или на создание новых. Постепенно некоторые общины начали заниматься общественной деятельностью в деревне, а затем и в рабочей среде. Часть сестер и братьев рекрутировались из крестьян и рабочих. Несмотря на религиозную мотивацию, такие объединения (которые в конце XIX в. насчитывали около 10 тыс. членов) знакомили католическую церковь с проблемами широких общественных слоев и готовили, таким образом, появление в будущем католического социально-политического движения. Покровительствовавшие общинам духовные лица, в особенности отец Козьминский и ксендз Ежи Матулевич, с удовлетворением восприняли энциклику *«Rerum novarum»*.

С таким багажом Польша вступила в XX в., и сразу же обнаружись новые проблемы. Причиной их стали изменения во внутриполитической ситуации России, которая с запозданием, но весьма динамично вступала в период капиталистической промышленной революции. Обострялись общественные противоречия: одни пытались встать на защиту прошлого, другие стремились к разрушению старого уклада жизни. Социалистическое движение обновилось: теперь уже существовали два политических направления. Социал-демократы (эсдеки) обращались к рабочим, предвещая России, согласно марксистской теории, универсальный путь развития — через капитализм к революции и диктатуре пролетариата. Социалисты-революционеры (известные как эсеры) больше рассчитывали на крестьян. В среде помещиков, буржуазии и интеллигенции отмечался рост либеральных настроений, выдвигались требования предоставления гражданских прав и свобод, а также самоуправления для общественных институтов. Делом ближайшего будущего считали введение в России конституционного строя. Власти метались, выбирая между уступками и полицейскими расправами. Государство, утратившее внутреннюю стабильность, оказалось в феврале 1904 г. втянутым в войну с Японией. Череда неудач в январе 1905 г.² завершилась страшным поражением русской армии — сдачей крепости Порт-Артур в Маньчжурии. Это способствовало радикализации общественных настроений и стало непосредственной причиной революции. Военные неудачи преследовали Россию и в течение последующих месяцев; все это время в стране продолжались революционные выступления, пока летом 1905 г. не начались мирные переговоры с Японией.

В Польше разрабатывались различные планы использования ситуации в России для политической борьбы. Консерваторы считали, что в столь тяжелом положении царь пойдет на уступки полякам. Эти взгляды разделяла и Национальная лига. Она подчеркивала необходимость инициативных действий, с помощью которых можно было организовать польский народ таким образом, чтобы вести равноправный диалог с Россией. Национально-демократическая партия (еще новая программа для Королевства Польского была издана лигой в 1897 г., но конкретные организационные шаги стали предприниматься лишь несколько лет спустя) в 1903 г. признала недостижимыми национально-освободительные цели. Дмовский пытался просчитать (в случае международного конфликта) возможные выгоды объединения всех польских земель под властью России. Пилсудский и близкие к нему деятели ППС считали, что шансы на успех восстания, поднятого рабочими, возрастают. «Старики», как с некоторого времени стали называть сторонников Пилсудского в ППС, рассчитывали не на русских социалистов, а на другие народы, угнетавшиеся русским царизмом. «Молодые», которым в большей степени было свойственно доктринерство и интернационализм марксистского толка, поначалу были верены в возможности скорой революции в Германии, восстания в Польше и войны прогрессивной Европы с оплотом реакции — Россией. Позднее, как и СДКПиЛ, они попали под влияние все более активных русских социалистов.

Реакция на войну с Японией также была различна. Консерваторы, которых называли «реалистами», призывали к поддержке России и ожидали за это награды в виде национальных концессий. Лига заявила о своих симпатиях к Японии, но предостерегала от иллюзий в отношении слабости России. Война шла в Азии и непосредственного влияния на судьбу Польши не имела. «Реалисты», напротив, утверждали, что, проиграв войну, Петербург пойдет на компромисс и в польском вопросе. ППС начала готовиться к вооруженной борьбе, чтобы нанести удар в подходящий момент, когда все Российское государство (или только польская его часть) будет охвачено революцией. С целью заключения политического соглашения Пилсудский даже съезжал в Токио, однако безрезультатно. В то же самое время Дмовский убеждал японцев, что они не должны рассчитывать на польскую революцию или восстание.

Недовольство польского общества набирало силу. Была объявлена мобилизация, в результате которой еще большему числу поляков предстояло отправиться на Дальний Восток, чтобы погибать там за чу-

жое дело. Молодежь бурлила, с апреля 1904 г. боевые рабочие дружины ППС начали казни шпионов. С июля в Варшаве каждые несколько дней проходили демонстрации. Осенью, в связи с проведением еще более широкой мобилизации, ситуация резко обострилась. Пилсудский, с целью привлечения внимания к протесту, предложил провести 13 ноября вооруженную манифестацию на Гжибовской площади в Варшаве. Когда полиция двинулась на организованное после богослужения шествие, боевики ППС ответили выстрелами. С этого момента начали происходить столкновения с полицией и в других городах, хотя отдельная Боевая организация ППС находилась еще в процессе формирования.

Двадцать восьмого января 1905 г. в ответ на известие о расстреле 9 января мирной демонстрации рабочих и гибели в Петербурге тысячи человек Варшава забастовала. В последующие дни всеобщая забастовка охватила все польские территории России. Строились баррикады. Массовая политическая деятельность перестала быть теорией, став свершившимся фактом. После недельной всеобщей забастовки выступления все еще продолжались, рабочие требовали выполнения своих требований, касавшихся улучшения условий труда и повышения зарплаты. В начале мая прошла еще одна всеобщая забастовка. Наибольшим драматизмом отмечено было Лодзинское вооруженное восстание рабочих, начавшееся после завершившегося гибелью 25 участников расстрела демонстрации 21 июня 1905 г. В последующие четыре дня, несмотря на попытки социалистов, видевших отсутствие шансов на успех, сдержать стихийные выступления, вооруженного столкновения избежать не удалось. Погибло от 150 до 200 человек. Наиболее массовой и лучше всего организованной стала всеобщая политическая забастовка в конце октября — начале ноября 1905 г. Когда в декабре волнения в Центральной России достигли кульминации, число забастовок в польских землях уже сократилось.

Кроме рабочих, в революции приняли участие и представители других социальных групп. К январской забастовке присоединились студенты и учащиеся, которые требовали возвращения польского языка в систему образования, отмены почти полицейских форм контроля, а также доступности учебных заведений. Национальная лига выдвигала лозунг полонизации школ, однако ее беспокоили политизация молодежи и ее отвлечение от учебы. Власти выразили согласие только на польские частные школы (доступные по большей части лишь для состоятельной молодежи). В государственных школах вводился такой пред-

чет, как польский язык, уроки закона Божьего теперь проводились на русском языке. Школьная забастовка продолжилась и на следующий год, затем она на несколько лет превратилась в бойкот русских школ.

Весной 1905 г. революционные волнения охватили сельскохозяйственных (фольварочных) рабочих, которые требовали повышения оплаты труда. Крестьяне не стремились к сотрудничеству с аграриями, но вскоре начали требовать на своих собраниях восстановления польского языка в гминах³, судах и школах. Таким образом, стали очевидными результаты процесса формирования национального сознания деревни на протяжении 30 лет после Январского восстания. Из всех требований удовлетворено было только одно: польский язык разрешили использовать наравне с русским в гминах. Было всего несколько случаев, когда разрешено было обучение на польском языке в сельских начальных школах. Но это не являлось самым важным достижением.

В лихорадке революционных событий трудно было определить цели и задачи действий, взвесить шансы на их достижение, рассчитать силы. Радикализм рабочих выступлений под социалистическими лозунгами вселял страх в консервативных деятелей. «Реалисты» открыто обращались к русским властям, видя в них опору оказавшегося под угрозой строя. Никогда доселе консерваторы не заходили столь далеко в своем согласии на сотрудничество с имперской властью. Их поддерживали иерархи католической церкви, а также архиепископ гродзкий Винцентий Попель, некогда высланный за неподчинение российским властям. Причиной был консерватизм церкви, но, кроме того, распространенный в среде социалистов антирелигиозный и даже юнистически-атеистический образ мышления.

Национальная лига и ее дочерние организации, особенно Национал-демократическая партия (эндеки), считали, что приближается момент, когда ослабленная Россия пойдет на компромисс с поляками. Социалистическое движение с его классовой идеологией, в значительной мере склонное к сотрудничеству с русскими социалистами, поколебало позиции эндеков, призывавших к сплочению нации. Эндеки не хотели сидеть сложа руки и потому были заняты организацией общества под своими знаменами, стремясь по мере возможностей создать благоприятные условия для польской национальной жизни. Они боялись массовых выступлений и стихийных протестов. Гимном значительную уступку царя Николая II — Манифест от 30 октября 1905 г.⁴, обещавший дарование конституции и гражданских свобод, а также созыв законодательного органа (Думы), эндеки вос-

приняли как решающий успех. Национал-демократы осуждали социалистов за продолжавшиеся забастовки, манифестации и выдвижение новых требований. Боевые дружины, созданные по инициативе Национального рабочего союза, вступили в непримиримую борьбу с социалистами. Следствием этого стало взаимное кровопролитие в будущем.

«Старики» из ППС сосредоточили внимание на своей Боевой организации. Совершавшиеся ею громкие покушения должны были служить подготовкой ее членов к вооруженной борьбе, а также оказывать влияние на настроения широких масс. Постепенно, однако, и в их среде стало нарастать разочарование. Во время рабочих выступлений редко выдвигались требования национальной независимости, доминировало чувство солидарности с русской революцией и надежда на общую победу. Когда в декабре 1905 г. в России наметился спад революционного движения, планы польского восстания утратили реальность. В свою очередь «молодые» члены ППС сблизились с СДКПН, хотя и не отказались пока от программы борьбы за независимость. Непосредственной их целью стало установление в России демократической республики (после свержения царизма). Уже в ходе угасания революции в 1906 г. произошел раскол: «старики» выделились в ППС—Революционную фракцию, а «молодые» организовались в ППС—Левую.

Во время революции окончательно сложилась еще одна концепция, имевшая не только политический характер. Ранее один из создателей ППС Эдвард Абрамовский пытался обосновать приоритетность задачи формирования моральных принципов и самосознания в широких слоях общества перед немедленными политическими действиями. Теперь под его влиянием возникали общественные организации, которые должны были реализовать стремления к «свободе Польши и свободе каждого человека в Польше». От социалистов Абрамовский отличался отрицанием классового подхода (идеалом его оставался своеобразный «кооперативный социализм»), а от эндеков — неприятием национализма, ограничения свободы личности и подчинения ее национальной организации. Собственная совесть и личный суд должны были стать критериями избиравшейся позиции. Эти на первый взгляд малопрактичные взгляды в последующие годы оказали немалое влияние на польскую интеллигенцию, близкую к социалистам, эндекам, а позднее и к людовцам.

На фоне событий в Российской империи на второй план отходили события, происходившие в польских землях Пруссии и Австрии. Меж

в том эти события были довольно важными для будущего Польши. В Пруссии лишь в 1890—1894 гг., в правление канцлера Каприви, натиск на организацию несколько ослаб, чтобы позже, особенно в начале XX в., еще более усилиться. Расширяла свою деятельность возникшая в 1891 г. немецкая националистическая организация, которая стремилась вызвать агрессивные настроения немецкого общества в отношении поляков, поддерживая таким образом административные притеснения. По начальным буквам фамилий ее основателей эту организацию называли «Гаката»⁵. Когда в 1901 г. в городе Вжесне отменили преподавание основ религии на польском языке, дети отказались отвечать по-немецки. Их наказали розгами, а протестовавших родителей пригнали в тюрьму. Под влиянием школьной забастовки в русской части Польши здесь в 1906 г. также началась школьная забастовка. Требованием бастующих было введение уроков религии на польском языке. Забастовка, однако, была сурово подавлена. В 1908 г., нарушив таким порочно свято соблюдавшийся принцип уважения к частной собственности, новый закон позволял принудительно отчуждать польскую земельную собственность. Закон несколько раз был применен на практике. Ответом на политику властей стало усиление польского национализма. Выросли ряды Национальной лиги, под ее влиянием увеличилось число просветительских, культурных, спортивных, кооперативных и сельскохозяйственных организаций, а в 1909 г. возникло Национально-демократическое общество. В него вошел Шиманский, а за ним многочисленные подписчики «Защитника». Корфантий расширил деятельность эндеков в Верхней Силезии. Там доминировало направление, использовавшее в своей пропаганде прежде всего обращение к религиозным чувствам народа, поэтому Корфантому удалось договориться с Наперальским.

В польских землях Австрии известия о революции в России способствовали резкой активизации политической жизни. Как и во всем удмуртстве, здесь прошли демонстрации. Социалисты и левые примкнули к демократизации положения о выборах в венский парламент и галицийский сейм. Избирательную реформу не хотели принять консерваторы, которые опасались потерять в перспективе перевес в провинциальных органах автономной Галиции, а также эндеки, оформившиеся в партию в 1905 г. и опасавшиеся возможности преобладания украинцев в восточногалицийских округах. В результате в 1907 г. были проведены всеобщие выборы в венский парламент, но в Галиции все осталось по-прежнему. Консерваторы, однако, продолжали оставаться в неуверенности, так как больше не обладали большинством в венском

«Польском коло». Сначала они вступили в соглашение с левыми, предложив тем на ближайших выборах большее количество мандатов в галицийский сейм, а с 1908 г. наместник Галиции Бобжинский начал поиски компромисса с украинцами. Это возмутило не только эндеков, но и восточногалицийских консерваторов, так называемых «подоляков», ведь подобное соглашение могло быть заключено за их счет. Во время выборов в венский парламент в 1911 г. возник «блок», который вел переговоры с украинцами и состоял главным образом из краковских консерваторов и левых. Ему противостоял «антиблок», объединивший в основном эндеков и «подоляков». «Блок» одержал убедительную победу, но распался в 1913 г., когда после раскола среди левых большинство их депутатов перешло в Польскую крестьянскую партию «Пяст» (Polskie Stronnictwo Ludowe «Piast»), искавшее сближения с эндеками.

Все эти проблемы имели сугубо локальное значение, так как Европа все больше оказывалась перед реальностью войны. Впервые за долгое время угроза европейского конфликта поставила перед польскими землями в каждом из трех государств политическую проблему особой важности. Необходимо было подняться над региональными интересами, чтобы выработать общепольскую программу с учетом происходящих событий.

Два центра сыграли в этом процессе решающую роль. Дмовский преодолел противоречия в Национальной лиге и среди эндеков, навязав им геополитический тезис об угрозе со стороны Германии и о необходимости поддержать Россию. Это стоило ему больших усилий, если учесть, что российские правящие круги не делали никаких заявлений, которые бы могли подтвердить этот тезис Дмовского. Напротив, они последовательно отменяли уступки, на которые были вынуждены пойти во время революции: распускались польские просветительные и культурные организации, ограничена была численность польских депутатов в Думе (постепенно превратившейся в совещательный орган). В 1912 г. была выделена из Королевства Польского и получила статус губернии Холмская (Хелмская) область, которую предполагалось полностью русифицировать. Национал-демократическая партия оставалась, несмотря на это, верной взглядам, изложенным Дмовским в 1908 г. в работе «Немцы, Россия и польский вопрос», хотя и выступала с критикой текущей политики России. Часть лиги резко выступала против Дмовского, от него отошли крестьянские и рабочие организации, ушел в оппозицию «Зет». Однако это не привело к серьезному ослаблению лиги, сохранившей свое влияние

и среднее и старшее поколение. Антишмекская агитация пользовалась успехом в польских землях Пруссии; с меньшим энтузиазмом она воспринималась в Австрии. Там с трудом могли представить, что немцы станут поддерживать Россию с ее антипольской политикой в заключении не только с Германией, но и с ее сокозницей Австро-Пруссией. В то же время Дмовского поддерживали «реалисты». Впрочем, их мало интересовала его националистическая и геополитическая аргументация, они по-прежнему стремились в первую очередь к миру с царизмом.

Принципиально иная концепция польской национально-освободительной борьбы («ирреденты»⁶), которая по соглашению с габсбургской монархией будет направлена против России, впервые прозвучала у Яна Владислава Студницкого. Полный блестящих замыслов, но неважный организатор и перессорившийся со всеми политик, он, однако, вполне всех принимался в расчет в будущем ходе событий. Инициативу перехватил Пилсудский. После поражения революции 1905 г. он опирался в силе рабочего класса и его желании обрести национальную независимость. Именно поэтому Пилсудский обратил свой взгляд на молодежь. ППС—Революционная фракция быстро стала только фасадом, в то время как основную часть времени Пилсудский и его соратники посвящали созданному в 1908 г. тайному Союзу активной борьбы, а с 1910 г. — легальной полувоенной организации «Стрелец» («Strzelec»), которая готовила кадры для предстоящей войны. Союз способствовала политическая инициатива, направленная на создание политического представительства антирусской ориентации и объединявшая представителей партий из польских земель России и Австрии. Эта инициатива нашла воплощение в созданной в 1912 г. комиссии (первоначально Временной) объединенных партий, выступивших за независимость. Наряду с ППС—Революционной фракцией, ППСД и галицийскими людовцами (после раскола в рядах последних — только ППС—Левизы) в нее вошли и те группы, которые выступали против Дмовского. Именно они создали восприимчивую польские стрелковые дружины, готовившиеся к участию в будущей войне. Консерваторы взирали на действия Пилсудского со смешанными чувствами. Все их симпатии были на стороне Австро-Венгрии, но они боялись социалистического прошлого Пилсудского и его чрезмерной самостоятельности.

Дмовский не рассчитывал на то, что война приведет к восстановлению независимой Польши. Он хотел объединения всех польских областей под скипетром русского царя. Дмовский вполне логично предпо-

лагал, что Россия будет не в состоянии «переварить» столь обширную Польшу с ее многочисленным населением, а потому рано или поздно предоставит ей автономию. Впрочем, помимо политических деклараций и заверений в лояльности будущих польских подданных, он ничем не собирался жертвовать для России. Со стороны же России, по убеждению Дмовского, напротив, в случае начала войны должен был последовать какой-то жест, чтобы заручиться доверием поляков.

У противников России расчет был совершенно иной. В качестве первого пункта в списке польских притязаний рассматривалось создание государственного организма, пусть и не полностью самостоятельного. В рамках этого организма они стремились объединить польские земли России и Австрии, хотя на первое время готовы были довольствоваться только Королевством Польским. Они считали, что даже национально-территориальная автономия, подобная той, которую уже имела Галиция, приблизила бы поляков к желанной цели обретения независимости. Аргументы были самого разного свойства. Для Пилсудского важнее всего была польская государственность. Группы, порвавшие с Национальной лигой, рассчитывали на возможность обретения более благоприятных условий для развития национальной жизни и на предотвращение напастей над большей частью поляков угрозы утраты национальной самобытности.

Некоторые социалисты из ППС—Революционной фракции и ППСД, а также едоуовцы напоминали о пользе, которую принесет рабочим и крестьянам уничтожение русского господства и утверждение более демократичных принципов социальной и политической жизни — в той мере, в какой это имело место в Австрии.

И все же значительное число польских политических деятелей и большая часть общества вовсе не желали втягиваться в обсуждение плюсов и минусов той или иной геополитической ориентации. Они отнюдь не стремились к соглашению с тем или иным государством. И самое большое, что делали, — это заявляли о своей будущей лояльности в отношении того государства, в котором предстоит жить полякам. Все ожидали предложений, хотя недоверчиво воспринимали намерения как Берлина, так и Петербурга и отдавали себе отчет в том, что в итоге судьбу Польши определит расстановка сил в Европе. Если проиграет Россия, не оправдаются расчеты Дмовского, если Германия с Австро-Венгрией — потерпят фиаско планы Пилсудского.

Примечания

¹ Подзаголовок энциклики был следующий: «О положении рабочих». Папа писал о неудовлетворительности существующего строя и необходимости принять меры для помощи людям из низших слоев общества. Он указал на четыре фактора, при взаимодействии которых ситуация может быть изменена: церковь, государство, работодатели и рабочие. Задачу церкви он определил в распространении в обществе христианского отношения к социальному вопросу.

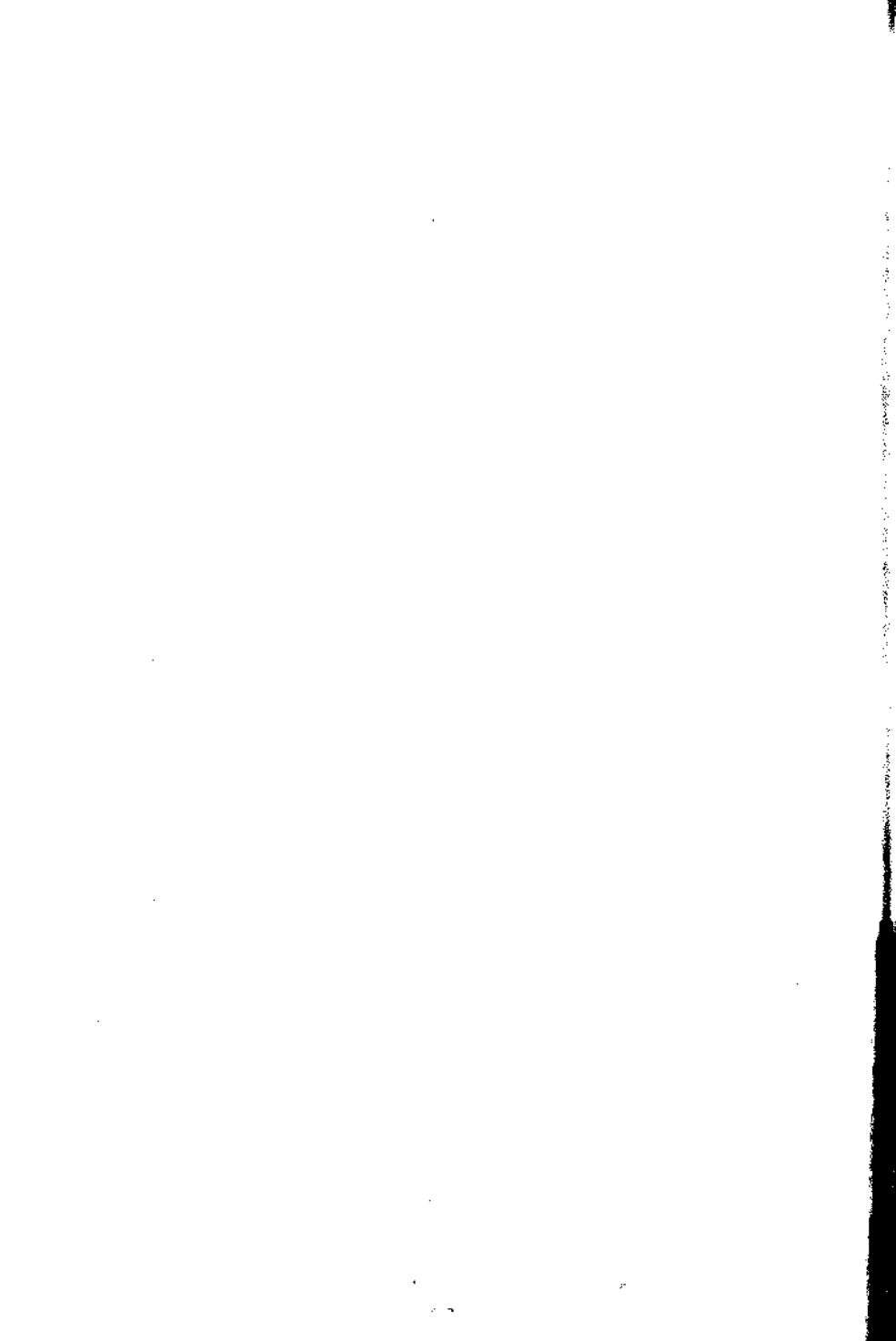
² По новому стилю; по старому — в декабре 1904 г.

³ *Мина* (от нем. *Gemeinde*) — единица территориального управления в Польше.

⁴ По старому стилю — 17 октября 1905 г.

⁵ Официальное название — Германский союз восточных маркграфств. Его возглавляли Ганзема, Кеннеман и Тидеман.

⁶ По аналогии с итальянским «ирредентизмом» — программой воссоединения в одном государстве всех территорий, населенных итальянцами.

XVI. Борьба за государство

Поляки были готовы к началу войны. Локальный конфликт между Австро-Венгрией и Сербией привел к тому, что 1 августа 1914 г. Германия объявила войну России, и вскоре значительная часть Европы оказалась охвачена войной. Первыми отреагировали на эти события поляки, бывшие противниками России: краковские консерваторы стали добиваться от Вены обещаний создать из Галиции и Королевства Польского третье государственное объединение в составе габсбургской монархии. Попытка, однако, закончилась неудачей. Большего удалось добиться представителям «Комиссии объединенных партий», выступающих за независимость», так как они ничего не требовали, а, напротив, предлагали свою помощь в организации восстания против России, взамен добиваясь от австрийцев разрешения пропустить отряды стрелков на территорию Королевства Польского. Это полностью соответствовало словам Пилсудского о том, что, прежде чем выдвигать какие-либо требования, необходимо продемонстрировать свои силы. «Первая кадровая» рота стрелков перешла австро-русскую границу 6 сентября, и тогда же Пилсудский объявил о создании в Варшаве Национального правительства. С помощью такой уловки он хотел придать большую убедительность предпринятым действиям. Впрочем, она не помогла, так как планы восстания себя не оправдали, и австрийцы утратили к ним интерес. Чтобы избежать расформирования отрядов стрелков и в то же время принудить к сотрудничеству галицийских эндеков, краковские консерваторы и близкие к ним деятели постановили образовать представительство всех политических движений и партий польских земель Австро-Венгрии. 16 августа был создан Верховный национальный комитет (ВНК), и с согласия Вены принято решение об организации польских легионов, в которые вливались отряды стрелков. Взамен Пилсудский соглашался на роспуск фиктивного национального правительства.

Галицийские эндеки пытались не допустить вооруженного столкновения с Россией под польскими знаменами и через два месяца вышли из ВНК. Пилсудский также был недоволен ограничением свободы политических движений, по его попытки самостоятельно сблизиться с Германией потерпели неудачу. Как командир первой бригады (вначале первого полка), он стремился к возможно более активному участию легионеров в военных действиях, дабы возродить легенду вооруженной борьбы за Польшу. Первая бригада сражалась в декабре 1914 г. под Ловичем, в мае 1915 г. — под Конарами. Популярности легионеров способствовали успехи второй бригады (например, атака польских улан под Рокитной в июне 1915 г., а также дивившиеся в течение всего лета 1915 г. бои в окрестностях Раранчи). Пилсудский не имел влияния на ВНК, однако способствовал развитию политической деятельности в Королевстве Польском — на территориях, занятых немцами и австрийцами, и даже в тех областях, которые находились еще под властью русских. Инициатива поляков должна была стать козырем Польши в будущих переговорах с властями Германии и Австро-Венгрии.

Австрийцы, впрочем, не торопились давать конкретные обещания. Главнокомандующий русской армией великий князь Николай Николаевич уже 14 августа издал манифест, в котором было обещано создание объединенной Польши — «свободной в вере, языке и самоуправлении». Именно этого ожидали эндеки, однако им не доставало официальных заверений русского царя и конкретных изменений в российской политике в отношении поляков. По-прежнему продолжалась политика русификации, тогда как в Галиции поляки пользовались национальными свободами. Поэтому все обещания носили явно условный характер и зависели от победы России в войне и от последующего присоединения к ней польских земель Австрии и Пруссии. В противном случае все могло остаться по-прежнему.

Оснований для энтузиазма у поляков не было. Несмотря на это, большой популярностью пользовались учрежденные с согласия России гражданские комитеты во главе с Центральным гражданским комитетом. Они представляли собой общественно-экономические и благотворительные организации, в которых видели прообраз польского самоуправления. Хуже обстояло дело с политическим представительством. В ноябре 1914 г. был создан Польский национальный комитет (ПНК), в который вошли эндеки и «реалисты». Русские власти отнеслись к нему прохладно, полагая, что целью данного учреждения является требование новых уступок в польском вопросе. В то же время они

ники не желали излишне подчеркивать и польский характер добровольческого Пулавского легиона, созданного в качестве конкурента легионов, сражавшихся на стороне Центральных держав. Разочарованный, ПНК прекратил свое участие в его формировании.

Только в июне 1915 г. Николай II созвал польско-русское совещание по определению полномочий будущего польского самоуправления. В августе, незадолго до того, как немцы заняли Варшаву, премьер-министр Горемыкин объявил о признании польской автономии после войны. Затем русские войска были вынуждены отступить, оставив территории почти всех польских земель, после чего заинтересованность Петрограда в польском вопросе практически иссякла.

Что касается Германии, то там ничего не менялось и никаких обещаний полякам не делалось. Хотя в министерских канцеляриях довольно часто дискутировали на польскую тему, точки зрения были настолько противоречивы, что на их основании трудно было выработать определенную политическую линию. С Австро-Венгрией обсуждался вопрос о возможности присоединения к ней Королевства Польского, причем несколько расширенного на северо-западе. Однако некоторые прусские политики боялись любых изменений. Независимый или, напротив, включенный в габсбургскую монархию польский государственный организм мог в этом случае оказать влияние на польские земли в составе Пруссии и таким образом сводил на нет все усилия по их германизации.

Некоторая часть польских политиков пытались более активно воздействовать на ход событий. Но власти трех государств — участников разделов отводили польскому обществу только второстепенную роль. Это усугублялось огромными военными бедствиями и потерями. В 1914—1915 гг. в армии России, Австро-Венгрии и Германской империи было призвано более 2,5 млн человек из польских земель. Не все они были этническими поляками, но все же поляки составляли большинство. До конца войны на иностранной военной службе оказалось около 3,4 млн жителей Польши, погибло и умерло более 400 тыс., ранено около 800—900 тыс. Однако война принесла не только людские потери. В первый год линия фронта проходила по польским землям, а затем переместилась на их окраины. Это привело к большим разрушениям. Крестьяне страдали от реквизиций. Отступавшими русскими войсками были пригужденно эвакуированы в глубь России сотни тысяч крестьян, вывезено много промышленных предприятий вместе с оборудованием и рабочими. Многочисленные потери и жертвы во имя иностранных интересов во время войны привели к тому, что среди по-

ляков крепло убеждение в необходимости добиваться возможно большей самостоятельности для Польши.

Захват немцами и австрийцами территории всего Королевства Польского в августе 1915 г. заставил их обратиться к польскому вопросу. Прежнее положение сохранить было невозможно. Хотя верховное управление осуществлялось оккупационными военными властями, повсеместно допускалось использование польского языка. На нем велось преподавание в школах, в ноябре 1915 г. в Варшаве были открыты польские высшие учебные заведения — университет и политехнический институт. Польский использовался в гминах и судопроизводстве. Место гражданских комитетов (тесно связанных с русскими властями) вскоре заняли попечительские советы с Главным попечительским советом во главе. Но решение вопроса о будущем всей страны обе монархии продолжали откладывать.

Пилсудский считал, что без определения будущего статуса Королевства Польское не должно оказывать поддержки немцам и австрийцам. Поэтому он высказался против набора поляков в легионы (что противоречило постановлению Верховного национального комитета), выразив несогласие и с одним из своих недавних соратников — Владиславом Сикорским. Пилсудский пытался также создать новое политическое представительство королевства, независимое от ВНК и готовое к переговорам с оккупационными властями. В составе созданного в декабре 1915 г. Центрального национального комитета были только ППС, Национальный рабочий союз и несколько небольших групп; в него вошла, однако, возникшая двумя неделями ранее Польская крестьянская партия (ПСА; Polskie Stronnictwo Ludowe), получившая название «Освобождение» («Wyzwolenie»). «ПСА—«Освобождение» в будущем станет одной из крупнейших партий на польских территориях бывшей Российской империи, а крестьянское движение приобретет со временем общепольский масштаб. Чтобы усилить свою позицию, Пилсудский искал контактов с эндеками, хотя и безрезультатно.

Предпринимая маневры с целью принудить Германию и Австро-Венгрию к политическому решению польского вопроса, Пилсудский по-прежнему оставался командиром Первой бригады легионов. Легионы, состоявшие теперь уже из трех бригад, сражались с русскими войсками с осени 1915 г. на Волыни; в частности, в июле 1916 г. они сдержали их наступление под Костюхновкой. Наконец в июле 1916 г. Пилсудский попросил отставки и получил ее через несколько месяцев. Осененный славой легионов, теперь он стремился заняться политической деятельностью в Варшаве.

Польские политики, выступавшие против сотрудничества с Германией, покинули Королевство Польское вместе с русскими войсками. Польский национальный комитет действовал теперь в Петрограде. Поняв, что Россия, не уверенная в будущем исходе войны, не возлагает на себя обязательств по решению польского вопроса, Дмовский быстро переориентировался. В ноябре 1915 г. он появился в Западной Европе и принял на себя руководство польской политической деятельностью. Заметив ослабление России, Дмовский в большей степени теперь рассчитывал на Англию и Францию, которые в интересах борьбы с Германией были готовы разыграть польскую карту. В феврале 1916 г. он передал правительствам России, Англии и Франции доклад, в котором выдвигал аргументы в пользу как объединения польских земель, так и создания независимого польского государства. Однако, под давлением российской стороны, Дмовский все же соглашался на заключение возможной русско-польской унии. Для России уния было недостаточно, в то время как ее западные союзники, стремясь опередить противника, склонялись к скорейшему разрешению польского вопроса. Впрочем, без России осуществление подобного проекта оставалось невозможным.

Германия и Австро-Венгрия давно вели переговоры, но Польша была лишь одним из элементов политической игры между Берлином и Веной. Германская сторона была готова отдать габсбургской монархии Королевство Польское при условии заключения длительного военно-экономического союза Австро-Венгрии с Германской империей. Это была концессия так называемой «Срединной Европы», предполагавшая установление в Центрально-Европейском регионе германской гегемонии. Это все больше напоминало квадратуру круга, так как включение польских земель ослабило бы в габсбургской монархии позиции австрийских немцев, на чувство национальной солидарности которых особенно рассчитывали в Берлине. Вскоре, однако, Германия стала отказываться от обещаний в отношении своего союзника. Военные настаивали на создании из Королевства Польского самостоятельного государства, зависящего непосредственно от Германии.

После венских переговоров в августе 1916 г. обе державы постановили объявить о создании «самостоятельного Королевства Польского», но по-прежнему без определения степени зависимости. Предусмотрено было определенное изменение границ, присоединение приграничных польско-немецких территорий к Германии, а части белорусских и украинских земель — к Королевству Польскому. Бер-

лин был заинтересован в возможности привлечения в армию польских рекрутов, так как людские резервы Германии и Австро-Венгрии постепенно истощивались. Австрийцы были согласны на то, чтобы в будущем польская армия подчинялась Германии.

До тех пор пока эти намерения не были осуществлены, оккупированные территории подвергались откровенной эксплуатации. Они были поделены на два больших генерал-губернаторства: германское (с органами оккупационной власти в Варшаве) и австрийское (в Люблине). Австрийцы вели себя более или менее сдержанно, тогда как германская сторона — бесцеремонно и зачастую откровенно жестоко. Значительная часть сельскохозяйственной продукции (скот и зерно) была конфискована, вводились продуктовые карточки, причем нормы получаемых по ним продуктов питания были значительно ниже, чем в Германии. Для нужд армии реквизировали около миллиона лошадей — главной тягловой силы в сельском хозяйстве. Германия уже довольно ощутимо испытывала нехватку сырья и стремилась пополнить его за счет польских земель. Немецкие оккупанты не брезговали переплавкой машин и промышленного оборудования, что, помимо прочего, способствовало ликвидации невыгодной для немцев конкуренции в промышленности.

Пятого ноября 1916 г. был провозглашен так называемый «акт двух императоров»: германского — Вильгельма II и австрийского — Франца-Иосифа I — о создании на территориях, принадлежавших России, Королевства Польского как самостоятельного государства с наследственной монархией и конституционным строем, границы которого точно определены не были. Акт от 5 ноября предусматривал связь Королевства «с обеими союзническими монархиями», не уточняя их намерений в этом смысле. Независимо от многочисленных ограничений акт знаменовал начало соперничества между монархиями-захватчиками в обещаниях полякам. До этого они носили необязательный и зачастую условный характер. Россия чувствовала себя обязанной сделать следующий шаг, и в декабре 1916 г. председатель Совета министров России Александр Трпцов объявил о провозглашении свободной Польши в персональной унии с Россией. Это выходило уже за пределы обещанной автономии. Некоторые русские консервативные политики склонялись даже к полному отделению Польши, чтобы оградить Россию от ее влияния, коль скоро предоставляемые полякам национальных и гражданских свобод окажется неизбежным.

В Королевстве Польском 15 ноября был учрежден Национальный совет, который на основании акта двух императоров объединил все

примившиеся к сотрудничеству слои. Оккупационные власти создали 6 декабря Временный Государственный совет — первое учреждение, которое должно было символизировать возникновение новой государственности. В качестве руководителя военного отдела в составе Совета оказался Пилсудский. Представители связанного с ним Центрального национального комитета составляли, однако, меньшинство. Перевес имели представители направлений, склонявшихся к сотрудничеству с Германией и Австро-Венгрией без чрезмерного акцентирования идеи польской независимости. Совет был наделен исключительно консультативными функциями, которые он пытался расширить, в частности, пытаясь передать в свое распоряжение вопросов образования и судопроизводства. Пилсудский противился пожеланиям немцев создать польскую армию, хотя по его инициативе еще в период русского господства возникла тайная Польская военная организация, которая выражала готовность поступить в распоряжение Совета. Для Пилсудского условием создания армии стало осуществление конкретных мер по формированию польского государственного аппарата. Он выступал за несходимость понятий «правительство» и «армия».

Вскоре ситуация полностью изменилась, так как в России началась революция. Двенадцатого марта (по тогдашнему русскому календарю 17 февраля) 1917 г. она победила в Петрограде. Царя свергли с престола, были провозглашены гражданские свободы и объявлено о введении в скором будущем парламентского республиканского строя. Война все еще продолжалась. Двадцать седьмого марта в воззвании Петроградского Совета рабочих и крестьянских депутатов «К народу польскому» социалисты всех направлений высказались за предоставление Польше полной независимости. Временное правительство князя Георгия Львова 28 марта создало Польскую ликвидационную комиссию для ликвидации всех русских учреждений в Королевстве Польском, а через два дня объявило о поддержке в создании независимого польского государства. Речь шла, однако, о «свободном военном союзе» и сохранении границ, которые были бы утверждены будущим Всероссийским Учредительным собранием. Дивизия польских стрелков (созданная из Пулавского легиона, позднее ставшего Польской легкой бригадой) объявлялась польским военным соединением, а спустя еще несколько месяцев было решено создать первый польский корпус во главе с генералом Юзефом Довбор-Мусницким.

Западные союзники с удовлетворением отнеслись к переменам, но не хотели оказаться вовлеченными в этот процесс, чтобы не нарушить союзнических обязательств. Постепенно, по мере роста беспо-

койства по поводу развития внутриполитической ситуации в России, грозившей продолжением революции и поражением в войне, Франция и Англия начали активнее выдвигать свои инициативы. Хотя решение от 4 июня о создании во Франции польской армии принималось по инициативе русской стороны, 15 августа возник Польский национальный комитет с резиденцией в Париже (после отказа от этого названия польского согласительного органа в России), которой вскоре был полуофициально признан на Западе.

Германия и Австрия не могли в это время согласовать свои позиции в отношении к польскому вопросу, хотя и осознавали, что после революции в России должны предложить что-то более конкретное: декларации от 5 ноября не могли более удовлетворять поляков. Шестого апреля 1917 г. Временный Государственный совет потребовал назначить регента, передать Совету управление делами образования и судопроизводства, а также полномочия в отношении северо-восточных окраинных земель. «Польское коло» австрийского парламента 16 мая подтвердило, что «единственным стремлением польского народа является воссоздание единой, независимой Польши, с выходом к морю». В это время Пилсудский начал переговоры с эсдеками об общем нейтралитете в отношении захватчиков. Он готов был даже выступить против Германии, лишь бы под лозунгом независимости. Тогда же Национальный совет самораспустился, а Пилсудский и его сторонники 2 июля вышли из состава Временного Государственного совета. Причиной такого шага стало несогласие Германии на увеличение численности Польских вооруженных сил (как должны были теперь называться польские войска), основой которых стали бы кадры Польской военной организации. Соглашение с эсдеками, однако, достигнуто не было.

По распоряжению Пилсудского Первая и Третья бригады легионов почти в полном составе в июле отказались принести присягу на «братство по оружию» с армиями Германии и Австро-Венгрии. В ночь с 21 на 22 июля Пилсудский был интернирован и вывезен в Магдебург. Интернированными также оказались несколько тысяч легионеров из польских земель России. Строптивых галичан распределили по частям австрийской армии, а тех, кто принял присягу, передали Австро-Венгрии, которая сформировала из них Польский вспомогательный корпус. Немногие солдаты остались в Польских вооруженных силах, набор в которые почти полностью прекратился. После кризиса с принятием присяги Временный Государственный совет лишился авторитета, хотя и выступил с резким протестом, тре-

буя расширения своей компетенции. Двадцать пятого августа он в полном составе ушел в отставку.

Германская и австрийская стороны отреагировали с опозданием, хотя и понимали всю опасность перехвата инициативы в польском вопросе Россией и ее союзниками. Двенадцатого сентября 1917 г. было объявлено об установлении польской государственной власти. Согласно этому заявлению, двумя императорами должны были быть созданы Регентский совет из трех человек, назначаемое им правительство и законодательный Государственный совет, члены которого могли избираться в том числе и местным самоуправлением. На членство в Совете могли также претендовать высокопоставленные или титулованные персоны. В Регентский совет вошли архиепископ Варшавский Александр Каковский, князь Здзислав Любомирский и граф Юзеф Островский — консерваторы, заявлявшие в начале войны о приверженности России. Перед лицом революции они выразили готовность к сотрудничеству с Германией. В это время немцы передали в распоряжение поляков вопросы образования и судопроизводства. Это был весьма скромный успех сторонников Германии и Австро-Венгрии. Правительство Регентского совета во главе с премьером — историком и публицистом Яном Кухажевским — было создано 7 декабря 1917 г.

В это время в России разворачивались драматические события. В Петрограде 7 ноября произошло восстание, организованное крайним крылом русских социалистов — партией большевиков во главе с Владимиром Ульяновым (Лениным). Временное правительство Александра Керенского было свергнуто. Восстание проходило, в частности, под лозунгом немедленного заключения мира с Германией. Большевики сразу же попытались заключить перемирие, и 5 декабря их старания увенчались успехом.

Для Германии и Австро-Венгрии это могло бы стать важным достижением, ибо с этого момента они получали возможность вести войну только с западноевропейскими государствами (с апреля 1917 г. еще и с Соединенными Штатами Америки). Однако обе Центральные державы, как их называли, были обессилены войной в значительно большей степени, нежели их противники.

Возникали довольно благоприятные перспективы и для решения польского вопроса. Германия чувствовала себя уверенно по отношению к России и не особенно волновалась по поводу деклараций нового правительства о праве наций на самоопределение и создание независимых государств. Во время мирных переговоров, проходивших с 22 декабря в Бресте, она выдвигала категоричные требования.

Германские представители заявляли, что судьба Польши и территорий к востоку от нее может решаться только Германией и Австро-Венгрией (формально — с согласия представителей этих земель). Когда советская сторона выразила свое несогласие, Германия и Австро-Венгрия подписали 9 февраля 1918 г. договор с правительством, созданным в Киеве сторонниками независимости Украины (Центральной радой). Для поляков угрожающими симптомами стали передача Украине территории прежней Холмской (Хелмской) губернии, а также австрийские обещания о создании в Восточной Галиции самостоятельной украинской провинции габсбургской монархии. Независимо от реального значения подобных действий это было предвестием будущей политики создания угрозы для Польши путем оказания поддержки ее восточным соседям. Украинские сторонники независимости располагали крайне незначительными силами, однако после срыва переговоров с советской делегацией на восток двинулись германские и австрийские войска. Вскоре они заняли Украину, дошли до Дона, оккупировали Белоруссию и почти всю Прибалтику. В этой ситуации 3 марта 1918 г. большевики согласились подписать мирный договор, по которому предоставили Центральным державам¹ свободу в вопросе определения дальнейшей судьбы Польши, Украины и других земель к западу от этнической России.

Роман Крамштык. Портрет Яна Лехоня. Ок. 1919.

В независимой Польше роль литературы и искусства существенно изменилась. На художнике больше не лежала обязанность призывать соотечественников к борьбе за восстановление государства. Ощущение творческой свободы привело к полному взрыву художественной деятельности: созданию творческих групп, столкновению программ, теорий, оживленным дискуссиям об искусстве и смелым экспериментам. Излюбленным местом встреч творческой интеллигенции стали артистические кафе. Поэт Ян Лехонь, член группы «Скамаандр», был одним из организаторов литературного кафе «Под пикадором». Его портрет написал Роман Крамштыком, одним из создателей объединения художников «Ритм». Крамштык великолепно передает атмосферу литературного вечера, являвшегося одновременно и дружеской встречей. На таких вечерах читали и обсуждали новые стихи, свободно беседовали, читали газеты, играли в карты. Однако период непринужденной творческой деятельности продолжался недолго. После 1939 г. судьбы польских художников, как и всего общества, сложились трагично. Начало Второй мировой войны застало Яна Лехоня в Париже. После поражения Франции он эмигрировал в США. В его поэзии зазвучали традиционные патриотические мотивы. Страдая от тоски по Польше, Лехонь в 1956 г. покончил жизнь самоубийством. Роман Крамштык погиб в Варшавском гетто в 1942 г. Незадолго до смерти он создал цикл драматических рисунков, посвященных жизни евреев в гетто.

Разоружение немецких солдат в Варшаве в ноябре 1918 г.

В момент прекращения боевых действий на Западном фронте и заключения перемирия 11 ноября 1918 г. германские войска оккупировали огромные территории бывшей Российской империи, в том числе земли Королевства Польского. Нахождение этих войск в стране представляло серьезную угрозу для возрождавшегося польского государства, но в то же время давало возможность получить большое количество оружия для будущей польской армии. Дезориентированные и деморализованные солдаты многих немецких частей позволили легко себя разоружить, тем более что с организационной и военной точек зрения поляки были хорошо подготовлены к проведению подобной акции. Уже с 1914 г. в Королевстве Польском и на восточных территориях действовала тайная Польская военная организация, созданная Юзефом Пилсудским. Ее отряды обеспечили вооруженной охраной сформированное 7 ноября в Люблине правительство, которое возглавил Игнаций Дашинский. В Варшаве разоружение немцев членами Польской военной организации при участии гражданского населения началось 11 ноября (изображено на фотографии). Подобное происходило по всей территории бывшего Королевства Польского. Хотя в некоторых местах не обошлось без столкновений, в целом акция прошла без значительных потерь, принесла освобождение большей части польских земель и обеспечив Войско Польское значительным количеством оружия и военного снаряжения.

Договор с Украиной (9 февраля) стал искрой, которая разожгла в Польше недовольство политикой Германии. Уже раньше усталость от войны становилась причиной все более многочисленных забастовок и демонстраций, в чем поляки следовали примеру промышленных центров Германии и Австро-Венгрии. Однако теперь польское недовольство приобрело всеобщий характер. Регентский совет выступил против нового раздела, правительство Кукажевского ушло в отставку, протестовали польские депутаты в берлинском и венском парламентах. Везде приходили забастовки и демонстрации. В ночь с 15 на 16 февраля основная часть Польского вспомогательного корпуса австрийской армии (бывшая Вторая бригада легионов) под командованием полковника Юзефа Галлера перешла линию фронта под Раранчей и вступила на территорию Украины.

Сторонникам сотрудничества с Германией и Австро-Венгрией в этот момент пришлось занять оборонительную позицию. Регентскому совету удалось создать новое правительство только через два месяца. Лучшее дело обстояло с выборами 9 апреля в Государственный совет, но только потому, что эндаки сочли целесообразным принять в них участие, чтобы позже попытаться добиться расширения полномочий и укрепиться польской администрации. После провала мартовского наступления немцев во Франции мало кто верил в победу Германии. На Востоке и Западе росло число польских военных формирований: в Белоруссии и на Украине появились три польских корпуса, общей численностью около 30 тыс. солдат и офицеров. В течение июля они были, однако, разоружены германскими и австрийскими войсками, сопротивление оказали только части Второго корпуса под командованием генерала Юзефа Галлера. Медленнее шло формирование польской армии во Франции, в которой преобладали добровольцы, в том числе и прибывшие из Западного полушария, а также беженцы из России. Среди них оказался и Галлер, назначенный 4 октября главнокомандующим.

Порядко более важное значение имели политические приготовления к созданию независимого государства. Этим занимались группы, близкие к интернированному Пилсудскому. Существенной силой становилась Польская военная организация, во главе которой стоял Эдвард Рызд-Смигалый. ППС и ПСА — «Освободители» пожинали плоды стремительного роста своей популярности в самых многочисленных слоях общества, социалисты — среди рабочих, а левовцы — среди крестьян. Эти «патриотические левые» психологически были готовы к ситуации, когда в случае поражения Германии на террито-

рии Польши уже не останется войск, способных воспрепятствовать переходу власти в их руки. Иначе ситуацию представляли будущее эндеки, полагавшиеся прежде всего на поддержку коалиции. Они не пытались самостоятельно предпринимать серьезные подготовительные действия, поскольку были убеждены, что в какой-то момент Регентский совет сам предложит им взять на себя ответственность за страну и передаст им органы управления и насчитывавшие около 9 тыс. солдат Польские вооруженные силы.

Победа большевиков в России и Брестский мирный договор освободили державы западной коалиции от обязательств согласовывать с Петроградом свои инициативы в польском вопросе. Гораздо раньше мало считались с этим Соединенные Штаты Америки. Еще до вступления США в войну, во время своей предвыборной кампании в 1916 г., президент Вудро Вильсон подчеркивал свои симпатии в отношении Польши. После выборов 22 января 1917 г. в обращении к сенату он подтвердил необходимость создания «объединенной, независимой и автономной Польши». За независимость Польши публично высказался 5 января 1918 г. и британский премьер-министр Дэвид Ллойд Джордж. Через три дня Вильсон провозгласил программу мира — так называемые «14 пунктов». В 13-м пункте выдвигалось требование создать независимое польское государство со «свободным и безопасным выходом к морю». Хотя формулировки не содержали однозначного определения границ, тем не менее с данного момента перспектива независимости Польши была признана на Западе. Третьего июня 1918 г. коалиционные державы согласились признать это в Версальской декларации.

Со второй половины 1918 г. поражение Германии неуклонно приближалось. Это стало очевидно с созданием в начале октября правительства принца Максимилиана Баденского, обратившегося к Вильсону с просьбой о помощи в заключении перемирия. Седьмого октября Регентский совет объявил в своем обращении о создании независимого польского государства из всех польских земель и с выходом к Балтийскому морю. Он распустил Государственный совет и объявил о создании в будущем межпартийного правительства.

Регенты назначили 23 октября новое правительство во главе с эндеком Юзефом Свежинским, что, казалось, делало возможным реализацию планов национальных демократов, но они хорошо понимали, что Регентский совет не имеет никакого авторитета. Через несколько дней начался распад Австро-Венгрии, и в руки поляков перешла власть в Галиции, Тешинской Силезии и в Люблинском генерал-губернатор-

ние Королевства Польского. В Кракове 31 октября функции управления взяла на себя Польская ликвидационная комиссия, которую возглавил левовец Винцентий Витос. Никогда прежде крестьянин в Польше не поднимался так высоко в общественной иерархии; вскоре Витос оказался наделен еще более широкими полномочиями.

Сувейинский объявил 3 ноября о создании «национального правительства». Он не согласовал своего обращения с регентами, и они официально сочли это попыткой достижения независимости от них и отправили его в отставку. У эндеков не было плана действий в подобной ситуации. Пришло время инициативы сторонников Пилсудского. В ночь с 6 на 7 ноября в Люблине было создано Временное народное правительство Польской Республики. Его премьером стал Игнаций Дашинский, а среди министров преобладали социалисты и левовцы. Витос вскоре отказался от участия в правительстве, так как считал необходимым договариваться с эндеками. Народное правительство декларировало объединение польских земель, демократические выборы всем, проведение аграрной реформы и национализацию некоторых отраслей промышленности.

Перед лицом поражения в войне Германия решила освободить Пилсудского. Он прискакал в Варшаву, а на следующий день, 11 ноября, в Варшавском генерал-губернаторстве немецкие войска были разоружены. Люблинское правительство передало власть Пилсудскому. Речутский совет вначале передал ему функции верховного главнокомандующего польскими войсками, а 14 ноября — и политические полномочия, после чего самораспустился. Пилсудский прекрасно понимал сложность создавшейся ситуации. В то же время он пытался уладить отношения с эндеками, так как Польский национальный комитет

Париже доверял победившей западной коалиции и, кроме того, стремился предотвратить революционные выступления, вызванные революциями в России, Германии и Австро-Венгрии. В качестве главы государства 18 ноября Пилсудский создал следующее варшавское временное народное правительство, в котором явно доминировали представители левых сил, возглавлявшиеся наиболее приемлемой для эндеков кандидатурой — социалистом Енджеем Морачевским.

В оппозиции правительству Морачевского находились, в свою очередь, левые социалисты из СДКПиЛ, а также из ППС. Левые, которые организовали Советы рабочих депутатов. После некоторых колебаний в эти Советы вошли также представители ППС и еврейских социалистических партий. Шестнадцатого декабря 1918 г. обе левые социалистические партии объединились под названием Коммунисти-

ческой рабочей партии Польши (с 1925 г. Коммунистическая партия Польши). Коммунисты противодействовали созданию независимого польского государства и верили в общеевропейскую революцию.

Однако самые большие трудности, с которыми пришлось столкнуться правительству Морачевского, были вызваны внешнеполитической ситуацией. Восточная Галиция оказалась в руках украинцев, однако уже 1 ноября во Львове начались польско-украинские столкновения. На восточных окраинах еще оставались германские войска, которые постепенно отступали, но вслед за ними шли отряды большевиков. Вильно полякам удалось захватить лишь на несколько дней, уже 5 января 1919 г. город оказался в руках Красной армии. Почти все польские земли Пруссии оставались под властью Германии. В Познани 3 декабря был создан Верховный народный совет (ВНС), который должен был стать представительством всех польских земель Пруссии. В нем преобладали эндеки, которые поддерживали контакты с Дмовским и Польским национальным комитетом в Париже и с недоверием относились к Пилсудскому и правительству Морачевского. Наконец, 27 декабря началось Великопольское восстание, в результате которого была вскоре освобождена территория почти всей Познанской провинции. Верховный народный совет по-прежнему не признавал правительства в Варшаве².

Великопольское восстание в конечном итоге убедило Пилсудского в том, что он должен добиться компромисса с эндеками, а также с ПНК в Париже и ВНС в Познани. Поэтому он не стал дожидаться результатов всеобщих выборов в сейм, объявленных на 26 января 1919 г., отправив десятью днями раньше кабинет Морачевского в отставку и заменив его новым правительством, которое возглавил выдающийся композитор, член ПНК Игнаций Ян Падеревский. Этот кабинет не был эндековским, но его покинули все министры, которые не устраивали эндеков, главным образом социалисты. Выборы вместе с тем показали, что эндеки — самая сильная партия в Польше. Из провозглашенных Морачевским социальных реформ, помимо введенного восьмичасового рабочего дня, остался в силе лишь проект аграрной реформы, но его осуществлению противились эндеки.

Внешнеполитическое положение Польши по-прежнему оставалось сложным. Часть Тешинской Силезии за рекой Ользой оказалась занята чехословацкими войсками. По Версальскому мирному договору от 28 июня 1919 г. Германия должна была передать польскому государству Великую Польшу и Гданьское Поморье без Гданьска, который получал статус вольного города. В Верхней Силезии Вармии, на

Мазурах и Гешинском Заользье должны были быть проведены пасписциты. Пока же поляки в этих регионах подвергались репрессиям. Успехи сопутствовали Польше на востоке. Через несколько месяцев удалось вытеснить из Галиции украинские соединения. На севере польские войска столкнулись с Красной армией и вскоре заставили ее оставить Вильно и Минск. Период напряженных военных действий сменился временным затишьем, так как Пилсудский в этот момент боялся русской контрреволюции больше, чем большевиков, и не хотел способствовать ее успехам. Ставший верховным главой государства («Naczelnik Państwa») Пилсудский³ и премьер Падеревский объединили вокруг себя сторонников федеративной программы, согласно которой Польша становилась гегемоном блока государств (в число которых вошли бы Литва, Белоруссия и, возможно, некоторые Прибалтийские государства и Украина). В Польше эта программа встретила резкое противодействие со стороны эндеков, которые, следуя своим националистическим взглядам, не верили в реальность подобной международной федерации. Альтернативный план эндеков предусматривал инкорпорацию (присоединение) к Польше Вильно и Ливова без каких бы то ни было уступок литовцам и украинцам.

Весной 1920 г. стало ясно, что большевики одержали победу над русской контрреволюцией. Пилсудский (в марте назначенный маршалом Польши) опасался вторжения с их стороны во имя идеи переноса революции на штыках в Германию и далее на запад. Он получил шанс осуществить проект федерации, поскольку украинское правительство Семена Петлюры, уже свергнутое большевиками, готово было пойти на переговоры с Польшей. Пилсудский переоценил слабыесть Советской России. Двадцать первого апреля 1920 г. он подписал договор о военном союзе с Петлюрой, а через четыре дня поляки начали наступление на Киев, который заняли две недели спустя. Это был лишь успех, так как вскоре Красная армия перешла в контрнаступление; войсками, наступавшими на севере, командовал Тухачевский, на юге — Буденный. Некоторое время польские войска, еще удерживали линию фронта, хотя и были вынуждены отступить на Украине. Однако в начале июля польский фронт рухнул.

Первого июля был создан Совет обороны государства во главе с Пилсудским. Он обратился к западным державам с просьбой о посредничестве на переговорах с Советской Россией. Премьер Грабский поехал на конференцию в Спа, где обязался отвести польские войска на так называемую линию Керзона. Представители государств—членов коалиции установили ее в декабре 1919 г. как гра-

ницу, отделявшую территорию польского государства от спорных областей, временно оказавшихся под властью польской администрации. Теперь министр иностранных дел Великобритании лорд Керзон предложил взять ее за основу при уточнении будущей польско-русской границы. Кроме того, Польша в Спа согласилась подчиниться решениям западных держав в вопросе о Восточной Галиции и Тешинской Силезии. Все это не очень помогло, так как советское правительство отвергло английское посредничество в заключении мира и потребовало от Польши сдаться на милость победителя. Следствием стало изменение настроений и готовность поляков идти на самые большие жертвы. Двадцать четвертого июля было создано многопартийное правительство национальной обороны во главе с премьером Витосом и вице-премьером социалистом Дашинским.

Тем временем Красная армия стремительно продвигалась на запад, а большевики вели политическую подготовку к установлению в Польше коммунистического режима. Тридцатого июля в Белостоке был создан Временный революционный комитет Польши; его возглавляли коммунисты Юлиан Мархасевский и Феликс Дзержинский. Но советские войска столкнулись с мощным сопротивлением под Варшавой, где 13—15 августа произошло кровопролитное сражение. Подобно тому как в апреле поляки недооценили силы противника, так и теперь советское командование недооценило возможности польской армии. Шестнадцатого августа началось польское общее контрнаступление, которым командовал лично Пилсудский: в районе реки Вепш мощные соединения обрушились на слабо укрепленный фланг Красной армии. Линия фронта почти сразу же была прорвана, польские войска двинулись на восток и после сентябрьского сражения на Немане отбросили большевиков за Минск. Польша, осознавая ограниченность своих возможностей, согласилась 18 октября на перемирие, смирившись с тем, что Украина и Белоруссия остались советскими (в качестве формально независимых республик).

После войны с Советской Россией продолжались два других территориальных конфликта. Двадцать восьмого июля 1920 г. западные державы признали права Чехословакии на большую часть спорных областей Тешинской Силезии, Спиша и Оравы. Потеря земель за рекой Ользой была для Польши особенно болезненной, учитывая природные богатства и развитую промышленность этого региона. Но протесты польской стороны не помогали. А на северо-востоке в июле 1920 г. большевики передали Вильно Литве, понимая, что в случае поражения Польши Литва также окажется под коммунистическим гос-

подством. После отступления Красной армии миссия Лиги Наций определяла временное разграничение между Польшей и Литвой, чтобы избежать военного столкновения. Вильно остался у литовцев. Пилсудский решил прибегнуть к уловке: он поручил генералу Люциану Желиговскому — командующему Литовско-Белорусской дивизией, состоявшей в основном из поляков с восточных земель, — инспирировать мятеж. Девятого октября дивизия заняла Вильно, а Желиговский объявил о создании Центральной Литвы под польским военным протекторатом и с правом политического самоопределения. В 1922 г. Центральная Литва (и Вильно в том числе) оказалась окончательно включенной в состав Польши. Литва этого не признала и продолжала считать Вильно своей конституционной столицей, а острый политический конфликт длился почти до конца межвоенного двадцатилетия.

Были приняты окончательные решения по плебисцитным территориям на западе и севере. В Вармии и на Мазурах Польша проиграла плебисцит, который проходил в самое неудачное время — 11 июля 1920 г., когда Красная армия наступала на Варшаву. В Верхней Силезии польские военные неудачи воодушевили немцев — они устроили террористические акции, ответом на которые в августе 1920 г. стало первое силезское восстание. После боев, продолжавшихся несколькими днями, удалось добиться преобразования прежней немецкой полиции в немецко-польскую (первое силезское восстание годом ранее закончилось полным разгромом восставших). Плебисцит в Верхней Силезии (20 марта 1921 г.) не привел к однозначному результату, хотя немцы получили большинство (60% голосов). Западные государства сумели о невыгодном для Польши территориальном разделе. В ночь с 2 на 3 мая началось третье, и самое, мощное силезское восстание, которое охватило большую часть плебисцитной области. Оно длилось около месяца, пока между противниками не встали войска коалиции.

В октябре было принято решение о разделе Верхней Силезии: большая часть промышленного бассейна была признана польской территорией. Германия согласилась с этим решением лишь после предупреждения, подобно тому как ранее ей пришлось смириться с потерей Великой Польши и Гданьского Поморья.

Решения о границах польского государства с самого начала осложнялись их временным характером. Это касалось и границ с Советской Россией⁴. Мирный договор, подписанный 18 марта 1921 г. в Риге, устанавливал ее на юго-востоке по реке Збруч, а на северо-востоке по реке Двине. Польша могла воспользоваться геополитической ситуацией, которая возникла в связи с временным ослаблением Герма-

USTAWA Z DNIA 17 MARCA 1921 ROKU
KONSTYTUCJA
RZECZYPOSPOLITEJ
POLSKIEJ

— O —

W IMIĘ BOGA WSZECHMOCNEGO!
 MY, NARÓD POLSKI,
 dziękując OPATRZNOŚCI za
 wyzwolenie nas z potlaczającej
 niewoli, wspominając z wdzięcznością myśli i
 wstrząsając uściskiem pokoleń, które najęły
 się wszystki siłą sprawnie niepodległości bez
 przerwy poświęcały, nawiązując do świetnej tra-
 dycji niepodległej Konstytucji 3-go Maja dobro-
 celi, wolności i niepodległości Małki-Ojczyzny
 mającej na oku, a pragnąc Tej być niepodległej,
 pełnej i bezpiecznej oraz - lud społeczny,
 utwierdzać na wiekistych zasadach prawa i
 wolności, pragnąc zarazem, zapewnić rozwój
 gospodki, Tej się moralnych i materialnych dla
 dobra całej odradzającej się ludności, przysięgając
 obrońcą Rzeczypospolitej pozostać, a pracy
 popieranie, należne prawa i szczególną opiekę
 Państwa zabezpieczyć - tę o Ustawę Konsti-
 tucyjną na Sejmie Ustawodawczym Rzeczy-
 pospolitej Polskiej uchwalamy
 i staliśmy.

нии и России. Однако мечты сторонников идеи центральноевропейской федерации оказались несбыточными, на ее реализацию у Польши не было сил, не было и партнеров для будущего союза. Напротив, противоречия между Польшей и всеми ее этническими соседями обострились. Подборники инкорпорации имели на первый взгляд гораздо больше сторонников. Они рассчитывали, однако, прежде всего на падение большевиков и на возможность соглашения с ослабленной и демократической Россией, на союз с Францией и хорошие отношения с Чехословакией, чтобы эффективно противодействовать самой значительной внешнеполитической опасности — германской. Почти все эти проекты не имели последствий, помимо заключенного в 1921 г. польско-французского союза.

За день до подписания Рижского мира, 17 марта 1921 г., сейм принял Конституцию. Она подтверждала принципиальные решения, принятые сразу после возрождения польской государственности. Польша оставалась парламентской и демократической республикой. Парадоксальным образом споры между эндеками, людовцами и социалистами привели к возникновению ситуации, которую трудно представить в других государствах, а именно к свособразной гиперпрофити парламентаризма. Эндеки боялись усиления исполнительной власти президента, поскольку самым популярным человеком в стране был их противник Пилсудский. Близкие к последнему партии отрицательно относились к созданию сената, но в конечном итоге примирились с ним на следующих условиях: выборы в сенат должны были быть аналогичными выборам в сейм и, кроме того, сенат должен быть лишен существенных полномочий. Принцип пропорциональности при выборах был также доведен до крайности, так как все

Преамбула мартовской Конституции 1921 г.

Одним из наиболее значительных достижений межвоенной Польской Республики стало создание современного законодательства. В его основе лежала Конституция, принятая 17 марта 1921 г., образцом для которой послужила Конституция французской Третьей республики. Она вводила парламентскую систему, демократическое избирательное право, широкое местное самоуправление, независимость судов, свободу прессы, собраний, личную неприкосновенность граждан, равенство женщин и мужчин в правах. Принимая эту Конституцию, депутаты обращались к традиции Конституции от 3 мая и отдавали дань памяти нескольким поколениям поляков, более 100 лет борющихся за восстановление независимости, о чем говорится в тексте преамбулы. Депутаты считали, что жертвы, принесенные поколениями поляков, борющихся за независимость, обязывают их сделать Польшу демократическим государством, а ее граждан — свободными людьми.

остаальные партии опасались, что в противном случае своими преимуществами воспользуется самая влиятельная партия — национально-демократическая (эндеки). Мартовская Конституция 1921 г. стала фундаментом весьма зыбкого политического устройства. Правительство было полностью зависимо от сейма, сейм расчленен на многочисленные конкурирующие между собой фракции, не способные создать относительно стабильное парламентское большинство.

Несмотря на все эти недостатки, Конституция 1921 г. знаменовала объединение исторических областей Польши и означала завершение государствообразующих процессов. Являясь основным законом, она не вводила в действие общих для всей территории страны законодательных положений, но тем не менее устраняла те нормы прежнего права, которые противоречили новой Конституции. Унификация права затянулась на целых 20 лет и так не завершилась. В первые же годы своего существования польское государство начало объединять в единое целое экономику, коммуникации, образование. Хотя и в незначительной степени, но заметно усилились миграционные процессы в областях бывших разделов. Высшие учебные заведения набирали молодежь из разных регионов Польши. Галиция посылала многочисленными кадрами чиновников и преподавателей другие области страны. Бесспорным центром формирования сознания общепольского единства стала армия. Это касалось в большей степени солдат-призывников, чем офицеров, которые часто враждовали между собой и склонны были к взаимным упрекам в недостатке профессионализма или в следовании армейским традициям русской, германской и австрийской армий.

Мартовская Конституция 1921 г. завершала и последний период споров об общественном устройстве Польши. Следуя прежним постановлениям, сейм принял закон об аграрной реформе от 15 июля 1920 г. Он был принят единогласно, хотя и под влиянием военного поражения 1920 г. и в целях противодействия пропаганде наступающей на Варшаву Красной армии. После ряда военных побед эндеки и консерваторы сочли реформу 1920 г. чересчур радикальной, хотя она предусматривала постепенный раздел на мелкие участки и частичное возмещение убытков землевладельцев. Конституция умалчивала об аграрной реформе, подтверждая лишь саму необходимость изменения аграрного устройства страны. Вместе с тем провозглашалась неприкосновенность любой частной собственности, что ставило под сомнение соответствие закона об аграрной реформе Конституции. Были прекращены любые дискуссии на тему передачи в собственность,

государства промышленности и других отраслей экономики. Результатом реформ 1918—1921 гг. вместе с тем стало принятие одного из наиболее прогрессивных в Европе социальных законодательств, которое, в частности, декларировало (хотя время от времени возникали попытки пересмотра этой нормы) 46-часовую рабочую неделю. Острых противоречий по поводу принципов общественного устройства не стала, однако, после 1921 г. источником опасностей, они сделались дестабилизирующим фактором лишь в следующем десятилетии.

Гораздо больше проблем порождала разнородность этнического состава населения. Информация о его численности неоднозначна, но с некоторой долей уверенности можно говорить о том, что около трети всех граждан принадлежали к национальным меньшинствам. Числую большую долю составляли украинцы (не менее 14%) и евреи (около 10% населения страны), часть которых, однако, была сильно поляризована. Существенную часть составляли также белорусы и немцы. На восточных территориях, за исключением Виленщины, процент поляков был незначителен. Национальные меньшинства отличались от поляков и вероисповеданием. Если поляки в большинстве своем были католиками, то украинцы принадлежали к православной и униатской церквям, белорусы главным образом были православными, а немцы — протестантами. Немцы в бывших прусских областях лишились позиций господствующей нации и мечтали о присоединении к Германии. Украинцы не соглашались отказываться от стремления к созданию собственного государства. После жестоких и кровопролитных польско-украинских столкновений в 1918—1919 гг. в Галиции долго сохранялась межэтническая напряженность. В украинском национальном движении все более сильные позиции постепенно приобретали крайне националистические группы антипольской и антисемитской направленности. Польские же власти так и не смогли найти пути для примирения провозглашенных ими принципов национального государства и политических требований украинского населения, зачастую прибегая к различным репрессивным мерам.

Национальное сознание белорусов в ту пору еще окончательно не сформировалось, но, поскольку на их землях существовало крупное польское землевладение, они были весьма восприимчивы к сообщениям о ликвидации помещичьих имений на пограничных с ними польских землях. Больше всего проявляли готовность к сотрудничеству с польским государством евреи, хотя еврейская молодежь увлекалась коммунистическими идеями. Особенно жесткой и по-

следовательной антиеврейской направленностью отличался национализм национал-демократов. Ответом на антисемитизм стало недоверие, а порой и враждебность к Польше, усиливавшиеся в широких слоях польского еврейства.

В целом, однако, внутривнутриполитические проблемы, вставшие перед молодым польским государством, не были столь опасными, как внешнеполитические. Но в совокупности они осложняли судьбу Польши и предвещали серьезные трудности в будущем. В эйфории первых лет Второй Речи Посполитой⁵ этому мало кто придавал значение, за исключением людей с развитым политическим сознанием.

Примечания

¹ Автор имеет в виду Великороссию.

² Верховный парадный совет подчинился варшавскому правительству лишь после заключения Версальского мирного договора с Германией (1919). Первого августа 1919 г. Учредительный сейм объявил о подчинении бывших прусских земель в составе Польской Республики сейму и верховному главе государства.

³ Согласно конституции 1918 г., высшая власть в польском государстве с 22 ноября 1918 г. предоставлялась Ю. Пилсудскому как временному верховному главе государства — вплоть до созыва Учредительного сейма. Помимо этого за Пилсудским сохранялся пост главнокомандующего польскими войсками. Конституции 1919 и 1921 гг. оставили за Пилсудским должность верховного главы государства. Он представлял Польшу в международных отношениях и возглавлял гражданскую и военную администрацию. За свою деятельность он нес ответственность перед сеймом. Каждый его государственный акт должен был скрепляться подписью соответствующего министра. По согласованию с сеймом верховный глава государства назначал правительство. В отечественной литературе название этой должности нередко переводится как «начальник государства».

⁴ Точнее, с советскими республиками.

⁵ *Вторая Речь Посполитая* — часто используемое название независимого польского государства 1918—1939 гг. Название должно было подчеркнуть преемственность польской государственности (Первая Речь Посполитая перестала существовать в результате разделов в 1795 г.).

XVII. Период независимости

С принятием Конституции и установлением границ Польша оказалась в состоянии иллюзорной стабильности. Смена правительств, отсутствие долговременного парламентского большинства, а также доведенная до крайности многопартийность — все эти черты политической системы отличали не только Польшу, но и многие другие государства Европы межвоенного периода. К началу 20-х годов XIX в. Польша столкнулась с рядом кризисных явлений, усугублявшихся наследием прошлого — региональной разобщенностью страны. Лишенная в течение столетия собственной государственности, она не имела опыта парламентаризма XIX столетия; кроме того, ситуацию осложняли конфликты с национальными меньшинствами. Все это не способствовало стабилизации. Практически сразу после возникновения молодой польской республики появились и первые признаки внешней угрозы: соглашение между бывшими противниками и соперниками — Германией и Советской Россией, заключенное в апреле 1922 г. в Рапалло, давало повод для беспокойства. Однако вопреки опасениям Польши до политического сближения двух государств дело не дошло, хотя договоренность о двустороннем военном сотрудничестве была достигнута.

Внутриполитические противоречия в Польше начиная с 1921 г. не только обострялись. Это было вызвано тем, что многие спорные вопросы в первые годы после создания государства отодвинулись на второй план, теперь же они вновь оказались в центре внимания. Национал-демократы не опасались больше возможной революции и настойчиво стремились захватить власть. Находясь под влиянием лидеров их фракции в сейме — Станислава Грабского, они предполагали, что новые выборы и союз с другими партийными группами обеспечат им парламентское большинство. В действительности это было маловероятно в государстве, где каждый третий гражданин не был поля-

ком и поэтому не разделяя идей эндековского национализма. В первую очередь национал-демократы боролись против Пилсудского, что, препятствовало сплочению вокруг маршала хотя бы тех, кто уважал личные заслуги и особый статус Пилсудского как верховного главы государства.

В ноябре 1922 г. прошли выборы в сейм и сенат. Эндеки, возглавившие партийную коалицию, получили 38% мандатов, но их попытки приобрести большее число союзников вначале оказались безуспешными. Президентом стал кандидат от левых людовцев из партии «Освобождение» Габриель Нарutowич, поддержанный другими левыми партиями, центристами и представителями национальных меньшинств. Через неделю после выборов, 16 декабря 1922 г., Нарutowича застрелил фанатик правого толка Элигнusz Невядомский. Моральная ответственность за это преступление лежала на эндеках, которые в своей пропаганде грубо оскорбляли Нарutowича и не брезговали лживыми обвинениями. Покушение, однако, не вписывалось в планы создания правоцентристского большинства в сейме. Напротив, это изолировало эндеков от центристов, голосовавших за Нарutowича.

Смерть Нарutowича отразилась на польской политической жизни, оставив ощущение враждебности и нетерпимости. Последовавшие изменения оказались кратковременными. Премьер-министром стал генерал Владислав Сикорский, новым президентом избрали Станислава Войцеховского, которого поддерживал Пилсудский. Поскольку сеймовое большинство, вставшее на сторону Сикорского и Войцеховского, было временным — ведь в него входили представители национальных меньшинств, — быстро начались поиски новой коалиции, созданной на основе соглашения между польскими партиями. Людovцы из партии «Пяст» заключили 17 мая 1923 г. договор с эндеками, а также с их более слабыми союзниками. Этот так называемый «Ланцкоронский пакт»¹ (подписанный в Варшаве) предусматривал ограничение прав национальных меньшинств в экономике, образовании и политической жизни. Он предусматривал также реализацию аграрной реформы, хотя и не столь радикальную, как в законе 1920 г. (все еще оставшемся на бумаге). Через несколько дней новая коалиция свергла правительство Сикорского и назначила новое — во главе с премьером Витосом.

В стране складывалась весьма неблагоприятная ситуация. Уже перед приходом к власти нового правительства темпы инфляции резко возросли. Чтобы ее сдержать, необходимо было ввести в действие стабилизационные меры, которые бы затрагивали интересы всех

слоев без исключения, даже тех, которых кризис почти не коснулся. Такие действия предлагал предпринять министр финансов Владислав Грабский, подавший в отставку, когда правительство отказалось принять его программу. Правящую коалицию его проект не устраивал, поскольку ущемлял интересы ее электората. В первую очередь инфляция ударила по карману наемных рабочих. С октября 1923 г. начались забастовки. ППС и профсоюзы обещали провести 5 ноября всеобщую стачку. Правительство в ответ ввело чрезвычайное положение². В Кракове, Тарнове и Бориславе произошли столкновения рабочих с войсками и полицией; было много жертв с обеих сторон. Впрочем, гражданской войны не хотели ни социалисты, ни правительство. Тогда удалось найти компромиссное решение: были отменены и всеобщая забастовка, и военно-полевые суды. Правительство Витоса продержалось недолго. Часть депутатов партии «Пяст» выступила с протестом против очередного ограничения аграрной реформы и вышла из партии. Так популярная коалиция, утратив сеймовое большинство, потеряла власть, расплачиваясь за пролитую кровь, инфляцию и хаос в экономике.

Несмотря на неблагоприятную ситуацию, крупнейшие политические партии проявили благоразумие. Девятнадцатого декабря 1923 г. было создано «внепартийное» правительство Владислава Грабского, которое своей главной целью ставило оздоровление экономики. Почти два года Грабскому удавалось лавировать между правыми и левыми, добиваясь их поддержки или по крайней мере нейтралитета. Он получил полномочия, дававшие ему право стабилизировать валюту. Для этой цели Грабский решился на повышение налогов для всех социальных групп, но более всего для самых богатых слоев населения. Уже через несколько месяцев ему удалось заменить польскую марку золотым, который стал стабильной, свободно конвертируемой денежной единицей, обеспеченной золотым и валютным запасом.

Постепенно, однако, положение правительства ухудшалось. Причиной тому стал конфликт с Пилсудским. С 1923 г. он отошел от официальной политической жизни и поселился в Сулеювке под Варшавой, но по-прежнему продолжал оказывать значительное влияние на деятельность отдельных партий и на многих генералов и офицеров. Поначалу в отношении правительства Пилсудский занял выжидательную позицию, даже когда министром военных дел стал его давний конкурент генерал Сикорский. Но уже в 1925 г. он публично подверг резкой критике деятельность последнего.

Экономические трудности также не способствовали укреплению авторитета правительства, удар по которому был нанесен падением курса золотого в июле 1925 г., — ведь именно на валютной стабилизации держалась популярность Грабского. Начавшаяся вторая волна инфляции по сравнению с первой была малоощутимой, но попытка справиться с ней выявляла все новые признаки кризиса. Производство снижалось, росла безработица. В связи с ослаблением золотого и ростом недоверия со стороны крупного капитала Грабский в ноябре подал в отставку.

Правление кабинета Грабского было самым продолжительным из всех до мая 1926 г., а его достижения — наиболее существенными. Наряду с мерами по стабилизации золотого был принят новый закон об аграрной реформе, более умеренной, чем закон 1920 г., но с реальной возможностью претворения в жизнь. Окончательный вариант закона после поправок сената был принят уже после отставки Грабского, в декабре 1925 г. Ранее, в феврале того же года, был подписан конкордат, регулировавший отношения с католической церковью. Католицизм играл весьма существенную роль в польской общественной жизни, особенно на селе. Но католическое вероисповедание и его традиции не оказывали непосредственного воздействия на тенденции политического развития. Хотя большая часть духовенства симпатизировала скорее правым националистам, в деревне явную конкуренцию национал-демократам составляли людовцы. Несмотря на их отрицательное отношение к участию католической церкви в политической борьбе, им удавалось добиться в этой среде успеха.

Однако решения, касавшиеся национальных меньшинств, не принесли желаемого результата: законы, определявшие права украинцев и белорусов, были восприняты теми как весьма ограниченные, соглашение же с представителями еврейского меньшинства носило неформальный характер, поэтому вскоре правительство сочло, что соглашение его ни к чему не обязывает.

Наибольшую угрозу для стабильности и независимости Польши в течение длительного времени представляли внешнеполитические факторы, которые сложились в 1925 г. Германия все еще не соглашалась с послевоенным территориальным делением и стремилась к ослаблению Польши. Выгодной для немцев оказалась возможность препятствовать доступу польских товаров на германский внутренний рынок, являвшийся основным для польского сбыта. С июня открыто велась так называемая таможенная война, которая способствовала кризису правительства Грабского. Польша ответила контрмерами.

Через несколько лет, однако, выявились положительные последствия тиможенной войны: она способствовала созданию независимой от германского рынка польской экономики.

Большую тревогу вызывали признаки политического сближения Германии с победившими западными державами, угрожавшего Польше международной изоляцией. В 1924 г. при американском посредничестве Германия согласовала с Англией и Францией «план Дауэса», который предусматривал более выгодные условия выплаты послевоенных германских репараций и одновременно американские кредиты для Германии. Это стало возможным благодаря многолетним стараниям германского министра иностранных дел Штресемана, направленным на возвращение Германии в круг великих европейских держав. Решающим шагом стали Локарнские договоры в октябре 1925 г. Границы между Германией и ее западными соседями обрели международные гарантии. Польша получила лишь арбитражный договор (Германия обязывалась разрешать конфликты без применения военной силы), а также гарантию со стороны Франции, что, в сущности, только подтверждало прежние французские обязательства по союзническому договору с Польшей. Локарно открыло Германии путь в Лигу Наций, где ей было предоставлено постоянное место в Совете Лиги. Польша, напротив, получила лишь так называемое «полупостоянное» место, по факту избрания, хотя количество сроков и не ограничивалось.

Падение кабинета Грабского, однако, не означало, что конкурировавшие между собой политические движения, осознавая внутренние и международные осложнения Польши, были готовы пойти на резкую конфронтацию. Почти все крупные партии, от правых национал-демократов до левых социалистов, стремились к соглашению и создали коалиционное правительство во главе с беспартийным премьером Александром Скупинским. Вначале правительство, казалось, устраивало Пилсудского, так как в него вошли несколько близких ему министров: среди них и возглавивший военное ведомство генерал Желиговский.

Партии, получившие места в правительстве, имели ограниченную свободу действий. Падение Грабского породило сомнения в стабильности польской экономики. Приостановленная было вторая волна инфляции вновь набирала силу, что наряду со снижением уровня производства и ростом безработицы усугубляло кризис. Эпидемии склонны были искать пути оздоровления экономики в поощрении частного капитала и в снижении заработной платы. Социалисты, напротив, предлагали изыскать средства возмещения за счет материально обеспеченных слоев населения. Обе партии оказались

под давлением интересов и ожиданий своих избирателей. ППС вынуждена была противодействовать пропаганде коммунистов, обращенной к безработным и неквалифицированным рабочим. Противоречия внутри кабинета обострились в начале 1926 г., когда Пилсудский перешел от нейтрально-терпимой к жесткой критической позиции. В апреле, когда экономическая ситуация вновь осложнилась, конфликты между эндеками и социалистами привели к расколу правительственной коалиции.

Правые и центристы склонны были к сотрудничеству при условии соглашения в духе того, которое привело в 1923 г. к созданию кабинета Витоса. Лидеры партии «Пяст» и другие сторонники этой концепции недооценивали критическое отношение в стране к подобной инициативе. Общество еще не забыло катастрофических последствий инфляции 1923 г. и ноябрьского кровопролития. Пилсудский считал новый созыв правоецентристского правительства провокацией в свой адрес. Если в 1924—1925 гг. и в начале 1926 г. польская политическая жизнь характеризовалась довольно неожиданной трезвостью суждений и взвешенностью позиций, пониманием необходимости компромиссов ради общего дела и взаимной толерантностью, то теперь доминирующим было желание одержать верх над противником.

Десятого мая 1926 г. Витос сформировал правительство. Это вызвало возмущение всех левых и пилсудовцев. С конституционной точки зрения правительство имело право на существование, так как обеспечивалось сеймовым большинством, но с политической точки зрения все обстояло противоположным образом — правительство не располагало прочной опорой. С 1922 г. симпатии общества изменились и несколько сместились в сторону левых. Решениям не хватало политической мудрости: некоторые из них было явно направлены против влиятельных в армии пилсудовцев. Это, впрочем, совсем не означает, что виновником гибели польской парламентской системы следует считать прежде всего правительство Витоса. Многие факты свидетельствуют о том, что пилсудовцы в течение нескольких лет замыслили военный переворот. Еще в конце 1925 г. они предприняли определенные шаги в этом направлении, а в апреле генерал Желиговский в качестве военного министра издал приказ сосредоточить под Варшавой воинские подразделения под командованием верных офицеров-пилсудовцев, якобы с целью проведения маневров.

Недостатки парламентской системы, частая смена правительств, лишенная поддержки относительно однородного сеймового боль-

шинства, отказ от декларируемых принципов деятельности при заключении межпартийных договоренностей, коррупция — все это привело к разочарованию в «сеймократии». Со стороны правых Амвоський готовил создание «Лагеря Великой Польши» (хотя окончательно он был создан лишь после майского переворота) — эндековской организации, которая отказывалась от парламентского курса Станислава Грабского с целью введения авторитарного правления посредством давления со стороны внепарламентского движения. Людоиц Витос и социалист Дашинский также критиковали гипертрофированный парламентаризм и ослабление исполнительной власти. Никто не отстаивал положений мартовской Конституции, однако провозглашенные ею принципы продолжали сохранять силу ввиду противоречивости предлагавшихся изменений. Вопрос о том, кто первым предпримет попытку свержения существующей политической системы, зависел от степени готовности к нему и от благоприятного стечения обстоятельств. В этом также можно видеть знамение времени. Польша в своем разочаровании парламентаризмом не отличалась от тех европейских стран, которые, как и Польша, не имели опыта парламентского правления в благоприятных условиях экономической и политической стабильности до 1914 г.

Двенадцатого мая 1926 г. Пилсудский, приняв командование переданными ему войсками, двинулся на Варшаву. Вполне вероятно, что планировалась только вооруженная демонстрация силы, которая склонила бы президента Войцеховского к отставке Витоса. Это сломило бы правоцентристскую коалицию и сделало бы из маршала не предусмотренного Конституцией арбитра и посредника. Но Войцеховский отказался подчиниться требованиям Пилсудского. Начались вооруженные столкновения, приведшие к жертвам с обеих сторон. Кроме того, было много случайных жертв среди гражданского населения (всего погибло 379 человек). Отряды Пилсудского в своем первом стремительном броске, переправившись через Вислу, заняли большую часть города, но дальнейшую судьбу конфликта могли решить подкрепления. лихорадочно набравшиеся и правительством, и маршалом. Успеху инициаторов переворота способствовала организованная социалистами забастовка железнодорожников, в результате которой правительство не смогло вовремя получить необходимые грузы и помощь. В общем, Пилсудский стремился сохранить военный характер своего выступления, чтобы в будущем не оказаться в зависимости от политиков.

Когда участники переворота овладели почти всей Варшавой, Войцеховский и Витос отказались от борьбы. Правительство располагало

Строительство порта в Гдыне.

После Первой мировой войны Польша получила лишь 140 км Балтийского побережья. Гданьск (Данциг) с его окрестностями стал, согласно Версальскому договору, вольным городом, существовавшим под малоэффективным контролем Лиги Наций. Вследствие нараставших противоречий между преобладавшим немецким населением и польским национальным меньшинством этот город не мог играть свою традиционную роль главного порта и торгового центра для польских земель бассейна Вислы. Поэтому польские власти приняли решение обеспечить независимость польской морской торговли от ненадежной политической конъюнктуры. По постановлению сейма от 1922 г. в Гдыне — небольшой деревне на польском побережье к северу от вольного города — в 1924—1930 гг. был построен современный портовый город, быстро ставший одним из крупнейших центров торговли на Балтийском море. Строительство Гдыни, наряду с созданием в 1936—1939 гг. Центрального промышленного района, является ярким примером участия государства в экономическом развитии и доказательством эффективности концентрации средств для удачно выбранных государственными властями целей. Когда после Второй мировой войны Гданьск оказался в границах Польши, Гдыня не утратила своего значения. Три центра: Гданьск, Сопот и Гдыня — в настоящее время представляют собой так называемое «Трехградье» («Trójmiasto») — одну из наиболее динамично развивающихся городских агломераций в Польше.

значительными силами, но их примесение означало бы начало гражданской войны со всеми трагическими последствиями во внутриполитической и международной обстановке. Четырнадцатого мая прези-

дент и премьер-министр уступили, и было объявлено перемирие. Заместитель президента (согласно Конституции) маршал сейма Ратай сформировал правительство вместе со сторонником Пилсудского Кашикежем Бартелем во главе. Пилсудский занял пост военного министра. Это означало капитуляцию законной государственной власти под давлением силы, а позже привело к легализации этой силы.

События мая 1926 г. показали незрелость польской политической системы, но все же обе стороны довольно быстро продемонстрировали готовность избегать крайностей. Капитуляция президента и правительства побудила к сдержанности победителей, отказавшихся от мести. Позорным пятном стало лишь таинственное исчезновение генерала Загурского, скорее всего убитого пилсудовцами. Пилсудский отказался от президентской должности и предложил вместо себя своего единомышленника, которым был Игнаций Мостицкий, профессор химии, лишенный, как казалось, политических амбиций. Такой шаг был еще одним актом легализации переворота. Неожиданно для всех оказалось, что Пилсудский вовсе не желает роспуска сейма и проведения новых выборов. Скомпрометировавший парламент, состав которого не отвечал политическим настроениям страны, был ему более выгоден. На успех в выборах могли рассчитывать только те партии, которые стали бы на сторону маршала, особенно социалисты или левые лодовцы из партии «Освобождение» и Крестьянской партии (*Silownikstwo Chlopskie*). Однако Пилсудский не для того выступил против правых и центристов, чтобы оказаться зависимым от левых. Напротив, он сам желал быть последней инстанцией во всех конфликтах. Теперь Пилсудский придерживался более консервативных взглядов и игнорировал парламентские методы.

На первый взгляд изменения в политической системе оказались незначительными. Второго августа 1926 г. мартовскую Конституцию дополнили признанием права президента на роспуск сейма и сената, а также на издание законов при получении от сейма соответствующих полномочий. Это усиливало исполнительную власть, хотя правительство было по-прежнему подотчетно сейму, который также являлся последней инстанцией в вопросах законодательства. Самый серьезный упрек, который можно было предъявить Пилсудскому, касался сохранения видимости безупречного функционирования парламентаризма, хотя в действительности престиж его упал. Это стало принципом будущего правления. Пилсудский приспособил букву закона к своим целям, а сейм позволял сохранять видимость конституционности и правопорядка. По сути дела, это была диктатура мяг-

кая по отношению к покорным, но в случае противодействия готовая к репрессиям.

Маршал был, бесспорно, самым популярным человеком в Польше, однако не располагал хорошо организованным тылом. Он мог безоговорочно рассчитывать на узкий круг своих старых соратников из легионов и Польскую военную организацию, занявших теперь видное положение в армии и даже в левых и центристских политических партиях. В армии пилсудовцы быстро стали играть решающую роль. Многие из них сделали блестящую карьеру, в то время как противников маршала отправляли в отставку или не назначали на более высокие должности.

У эндеков попытки ограничения парламентаризма не вызывали особого недовольства, но они продолжали оставаться врагами Пилсудского. Левые и центристы, напротив, активно протестовали против ограничения функций сейма. В течение 1927 г. они перешли в более или менее решительную оппозицию. Все это сопровождалось расколом в партийных рядах, а также выходом из них сторонников Пилсудского. Маршал в первую очередь искал себе поддержку среди консерваторов. С момента введения парламентской системы в 1919 г. они имели незначительный вес в польской политике. Однако если Пилсудский враждовал с эндеками, пользовавшимися до сих пор доверием имущих слоев, то для доказательства своих консервативных убеждений он пужался в сотрудничестве с консерваторами.

Во время подготовки к выборам, которые в 1928 г. в конце концов пришлось провести, пилсудовцы образовали Беспартийный блок для сотрудничества с правительством (*Bezpartyjny Blok Współpracy z Rządem*), но он представлял собой скорее избирательные списки, чем реальную партию. Политическая программа блока была неясной. Провозглашенному во время майского переворота лозунгу «моральной санации» (оздоровления) сопутствовала идея превосходства государства над коллективными и индивидуальными интересами. Именно она объединила консерваторов, националистов, акдовцев, социалистов, синдикалистов, решивших последовать за Пилсудским. Каждая из этих групп предлагала собственную интерпретацию государственной идеологии. Больше всего в Беспартийном блоке было карьеристов или людей вообще не придерживавшихся каких-либо взглядов, а лишь поддававшихся обаянию маршала.

На руку «санации» оказались позитивные экономические изменения, вызванные ростом международной экономической конъюнктуры. В трудном для экономики межвоенном двадцатилетии период

1926—1929 гг. был единственным, который мог предвещать длительное улучшение. Нельзя также игнорировать и фактор международной и внутриполитической уверенности в стабилизации положения правительства, что способствовало инвестициям и росту курса валюты. Благоприятная конъюнктура смягчила отрицательные для Польши последствия таможенной войны с Германией.

Во время выборов 1928 г. в некоторых округах были объявлены недействительными списки эндеков. Замечены и многочисленные злоупотребления, особенно на восточных «окраинах», где власти не хотели допустить успеха объединений национальных меньшинств или коммунистов. Да и Беспартийный блок, хотя и получил больше голосов, чем другие партии, не стал парламентским большинством. Едва ли четверть избирателей голосовали за списки лагеря «санации». Эндеки перестали быть для правительства главной причиной беспокойства, зато значительно окрепли левые лядовцы и социалисты. Если Пилсудский хотел по-прежнему авторитарно править Польшей, ему следовало принудить сейм к капитуляции или снова его распустить.

Конфликт не заставил себя ждать: маршалом сейма³ был избран социалист Дашинский. В ответ Пилсудский перешел в атаку на сейм с негостеприимной ему прежде агрессивностью. Это стало прелюдией к последующим выступлениям, подрывавшим авторитет парламента. Оскорбления депутатов, впрочем, не делали чести и самому Пилсудскому. Вскоре оппозиция подняла вопрос, который накалил страсти. Во время избирательной кампании власти перечислили на нужды Беспартийного блока значительную сумму из увеличенного без согласия сейма расходительного фонда. В феврале 1929 г. сейм принял предложение о привлечении министра финансов Габриеля Чеховича к конституционной ответственности. В процессе разбирательства перед Государственным трибуналом в качестве свидетеля выступил Пилсудский, позволивший себе грубые нападки на сеймовую оппозицию. Это вполне соответствовало все более явным тенденциям перехода к политике «твёрдой руки», ставшим очевидными в момент создания в апреле 1929 г. так называемого «правительства полковников». С тех пор, за исключением нескольких месяцев (когда во главе правительства находился умеренный Бартель), «полковники» (в особенности Валерий Славек, Александр Пристор и Казимеж Свистальский) играли решающую роль в определении политического курса польского государства.

Хотя в июне 1929 г. Государственный трибунал устранился от рассмотрения дела Чеховича, взаимоотношения правительства и оппозиции ухудшились. Эндеки были не столь активны, как центристские и

левые партии, которые 14 сентября заключили соглашение, позднее получившее название «Центролев» (Centrolew). Соглашение должно было противодействовать политике «санации» в сеймовых дискуссиях, принудить Пилсудского отправить в отставку «правительство полковников» и вернуться к проведению менее авторитарной политики. Маршал решил отложить конфронтацию: он еще не был к ней готов и безотлагательно принял примирительное решение, в частности отстранения «полковников» от власти. Центролев темил себя надеждой оказать на Пилсудского давление и в сейме. Это оказалось совершенно переальным, поскольку заседания сейма постоянно откладывались.

Используя парламентские методы борьбы, партии Центролева были вынуждены предпринять рискованную попытку организовать массовое движение. Они решили призвать к проведению демонстраций по всей стране. Самой значительной акцией стали события Краковского конгресса 29 июня 1930 г. Его постановления звучали довольно радикально, но трудно было себе представить, каким образом Центролев стал бы осуществлять декларируемую отмену диктатуры. После летнего перерыва он вновь начал готовить митинги, но правительство перехватило инициативу. Пилсудский склонил президента к роспуску парламента и объявлению выборов, а 9 сентября было арестовано 19 бывших депутатов, в том числе и Витос. Их привезли в Брестскую крепость, избивая и угрожая расправой. В последующие дни было арестовано около 5000 деятелей Центролева, национал-демократов и членов партий национальных меньшинств.

Аресты радикально изменили политический климат в Польше. На выборах в сейм в ноябре Беспартийный блок получил почти половину голосов. Это в значительной степени стало результатом более неприкрытого (в отличие от событий двухлетней давности) давления на избирателей, а также откровенной фальсификации. Вместе с тем все свидетельствовало и об определенной симпатии к политике «сильной руки». Широкие слои общества еще недооценивали серьезность экономической ситуации, памятуя об успехах 1926–1929 гг., хотя с осени 1929 г. уже углублялся кризис.

Ответственность за него нельзя возлагать на режим «санации», так как кризис охватил весь мир. Другое дело, что польское правительство проявило беспомощность, ставшую данью традиционализму и следствием незнания законов функционирования современной экономики. Правительство боялось инфляции и ограничило государственные расходы. Власти считали, что такие действия, как прекращение свободного оттока польского золота на иностранную ва-

люту и сдерживание поретока капиталов за границу, могут ослабить уверенность в стабильности Польши. Вследствие этого меры по усилению государственного контроля над отечественной экономикой, протекционизм и интервенционизм, широко применявшиеся в то время в других государствах, были приняты слишком поздно и без должной решительности.

Кризис обнаруживал себя в различных сферах. Резко снизился объем промышленного производства (в 1932 г. он оказался на треть меньше, чем в 1929-м), сократились инвестиции — все это стало причиной роста безработицы. Размер ее определить в цифрах довольно трудно, так как официальная статистика тех лет не учитывала молодёжь, лиц, имевших сокращенный рабочий день, или тех, кто из-за проблем с получением работы был вынужден оставаться в деревне. Помощь безработным предоставлялась sporadически и была плохо организована. Сельское хозяйство несло убытки в связи со снижением цен на аграрную продукцию, спрос на нее резко упал. Напротив, цены на многие промышленные товары оставались стабильными, так как производители заручились картельными соглашениями.

Тяжелый кризис 1929—1933 гг. потряс общественное сознание. Он скомпрометировал рыночный капитализм, привел к снижению популярности Пилсудского и режима «санации», но не способствовал переходу к парламентской демократии. Как и в других странах Европы, в Польше все больше распространялись программы плановой экономики, оказавшейся под большим или меньшим контролем со стороны государства, которое, в свою очередь, приобретало больше полномочий во внеэкономической деятельности. Дезорганизация, упадок, пессимистические прогнозы, межпартийная борьба, коррупция политиков и дефицит сильной власти — все это порождало мечты о системе, основанной на идеологии оптимизма, вселяющей надежду на достижение порядка и справедливости.

Навстречу этой потребности общества стремились пойти все крупные польские партии. Легче всего пришлось коммунистам, ведь они давно осуждали капиталистический хаос и считали парламентскую демократию обманом народа. Их влияние значительно усилилось, особенно в среде национальных меньшинств, но не только. Намечались колебания и в тех движениях, которые прежде были верны принципам демократии и парламентаризма. Социалисты считали возможным временное введение «диктатуры пролетариата» и необходимым немедленную национализацию основных отраслей экономики. Людовцы, объединившиеся в 1931 г. в Народную (крестьян-

яйскую] партию (*Stronnictwo Ludowe*), оставили последние опасения относительно нарушения прав собственности, требуя безотлагательного проведения радикальной аграрной реформы без предоставления помещикам компенсации. Среди молодых левых стала популярной идеология аграризма в ее антикапиталистической интерпретации. В этой идеологии соединялись идеи культа земли, крестьянина и земледелия и планы социалистического обобществления экономики. Часть христианских демократов симпатизировали программе создания корпоративного государства, в котором общество, организованное по отраслевому принципу, взяло бы на себя государственные функции.

Эндеки разделялись на группы, но в большинстве своем в той или иной степени приходили к отказу от традиций парламентаризма. Среди них преобладали стремления создать иерархическое и дисциплинированное «государство-народ». Они доминировали в «Лагере Великой Польши». После его роспуска правительством более крупных успехов добился созданный в 1934 г. Национально-радикальный лагерь (*Obóz Narodowo-Radykalny*). Его идеология основывалась на отказе от принципов свободной конкуренции в экономике, которые прежде рассматривались эндеками как не подлежащие сомнению, и на пропаганде огосударствления некоторых ее областей. Кроме того, сторонники лагеря считали, что культуру и науку следует подчинить государству. Эта идея вполне сочеталась с требованием ограничения прав евреев и экспроприации их имущества.

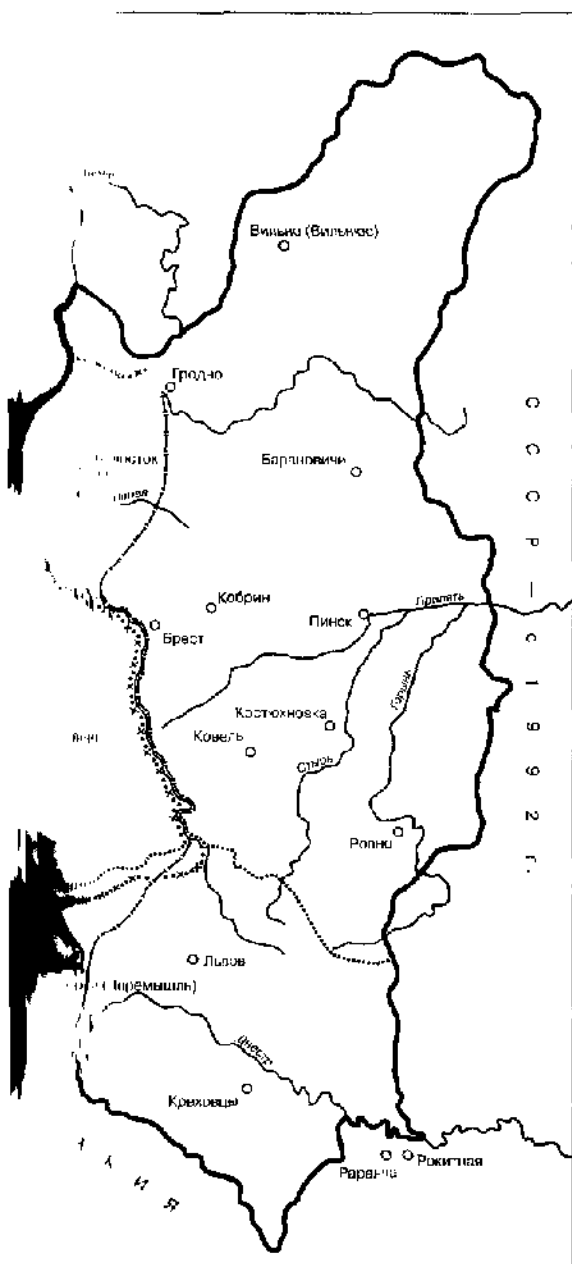
На фоне активности оппозиционных партий бездействие режима «санации» было поразительным. Отрицательное отношение к парламентаризму не могло стать основой для формирования позитивной программы. Кризис стремились предотвратить путем введения режима экономии и усиления репрессий. Таким же образом «санация» реагировала на рост нежелательной для Польши активизации украинских и белорусских группировок. Новые «правительства полковников» продолжали эту политическую линию. Ход государственных дел часто страдал из-за решающего голоса Пилсудского, который он за собой оставлял. Маршал старел, проявлял мало инициативы, но в то же время пытался препятствовать действиям других.

Стагнация была тем более небезопасна, что в обеих соседних державах побеждали тенденции к появлению тоталитарной диктатуры, опиравшейся на агрессивную идеологию. В Советском Союзе в начале 30-х годов утвердилось единовластие Сталина. Впрочем, коллективизация сельского хозяйства и связанная с ней волна преследований, как

казалось, свидетельствовали об ослаблении советского коммунизма. Поэтому в Польше с гораздо большим опасением смотрели на Германию, где в январе 1933 г. к власти пришли национал-социалисты. Еще в 1932 г. Польша подписала с Советским Союзом договор о ненападении. Это укрепило польскую позицию по отношению к Германии и сделало возможным выражение жесткой реакции на победу Гитлера. Пилсудский особую роль отводил союзническим отношениям с Францией, демонстрируя неуступчивость в территориальных вопросах и готовность защищать права Польши в Даньске. Гитлер понимал, что его режим находится в международной изоляции и не обладает пока достаточной военной мощью, поэтому в первую очередь попытался расправиться с внутренними врагами. В начале 1934 г. Польша и Германия подписали декларацию об отказе от применения силы. Улучшение отношений Польши с соседними державами могло бы иметь позитивное значение, если бы выигранное время использовалось для укрепления обороноспособности. Но для этого не хватало средств, да и консерватизм Пилсудского не позволял осуществлять модернизацию армии.

С 1933 г. Польша начала выходить из кризиса. Он надолго оставил после себя безработицу, по прежде всего память о катастрофе, сохранявшуюся и после трагедии Второй мировой войны. Политику «национальных» правительств впредь отличала инерция. Большая группа оппозиционных лидеров во главе с Витосом и Корфантием была вынуждена эмигрировать после вступления в законную силу приговора о тюремном заключении (вынесенного на так называемом «брестском процессе»). Спешно шли приготовления к принятию новой Конституции. Ближайшие сподвижники маршала знали о плохом состоянии его здоровья и считали необходимым, чтобы система опиралась не только на авторитет Пилсудского, но и на конституционные нормы. В итоге 23 апреля 1935 г. президент подписал текст новой Конституции. Она сохраняла парламентские учреждения, но в значительной степени освобождала от ответственности перед ними исполнительную власть. Последнюю представлял прежде всего президент; он же формировал правительство. Конституция предоставляла сейму и сенату значительные полномочия и гарантировала гражданские свободы.

Не прошло и месяца, как Пилсудский скончался (12 мая 1935 г.). Для правительственного лагеря это стало огромным потрясением. По общему мнению, Мостицкий политически не созрел для той ответственности, которую давал ему конституционный закон. Все ожидали, что он уступит место премьеру Валерию Славеку, ближайшему соратнику Пилсудского. Должность генерального инспектора армии

получил в наследство от Пилсудского генерал Эдвард Рыдз-Смиглый. Первоостепенной задачей новой команды стало проведение выборов. По инициативе Славека было выработано новое положение о выборах. Кандидатов в депутаты могли выдвигать собрания, в значительной степени находившиеся под контролем правительства. Число выборщиков в сенат было ограничено, введен образовательный ценз (высшее или среднее профессиональное образование); кроме того, голосовать могли лица, имевшие определенные заслуги перед государством: орденосносцы и граждане, занимавшие выборные должности в органах самоуправления или в общественных организациях. Олпу треть сенаторов назначал лично президент.

Оппозиция провозгласила бойкот выборов. При голосовании в сейм 8 сентября 1935 г., по официальным данным, в выборах приняли участие 47% избирателей. Эта статистика представляется сомнительной, поскольку самые высокие показатели были отмечены на восточных «окраинах». Так или иначе, выборы стали поражением Беспартийного блока, особенно его лидера Славека. В течение последующих недель он полностью потерял все свои преимущества: перестал быть премьером, а позже распустил по своей инициативе Беспартийный блок. Славек планировал создать более активную и дисциплинированную «санационную» организацию, но реализовать это ему не удалось.

Главными представителями правительственного лагеря стали Мостицкий и Рыдз-Смиглый. Лагерь «санации» оказался в состоянии растерянности: оппозиция давила на нее со всех сторон. Не только в Национально-радикальном лагере, но и в главной партии эндеков — Национальной — возобладали крайние антипарламентские и антидемократические тенденции. Предпринимались даже попытки перенести политическую борьбу на улицы, все более жестокими становились выступления против свреев. На левом фланге в 1934 г. коммунисты выработали новую политическую линию, провозгласив лозунги защиты независимости и демократии, а также призывая создать Народный фронт для борьбы с фашизмом. С ними сблизилась часть социалистов, людовцев и радикальной интеллигенции, находившейся прежде под влиянием обаяния Пилсудского. Распад лагеря «санации», агрессивная непримиримость национал-демократов, рост угрозы со стороны гитлеровской Германии, сначала несмелые, а затем все более явные попытки ужесточения режима «санации» и ограничения гражданских свобод — все это укрепляло популярность лозунга «Нет врага внутри!».

После определенных колебаний Рыдз-Смиглый решил укрепить свои позиции посредством объединения «санационных» сторонников политики «сильной руки». Мостицкий представлял более либеральные взгляды. Его главным советником стал вице-премьер по экономическим вопросам Евгений Квятковский. Компромисс нашел свое отражение и в назначении в мае 1936 г. последнего правительства Второй Речи Посполитой во главе с генералом Фелицианом Славой-Складовским. Более динамичный Рыдз хотел избавиться от президента, который был старше его почти на двадцать лет, и взять власть в свои руки. В 1936 г. он получил воинское звание маршала, а его сторонники поспешили создать новую правительственную организацию. Двадцать первого февраля 1937 г. был создан Лагерь национального объединения (Obóz Zjednoczenia Narodowego). К сотрудничеству с ним удалось привлечь даже часть Национально-радикального лагеря во главе с Болеславом Пясецким. Разрабатывались планы соглашения с эндеками и расправы с левоцентристской оппозицией.

Для реализации этих проектов необходимо было привести в действие механизм репрессий, а это угрожало гражданской войной. Уже в 1935—1936 гг. значительно увеличилось число крупных забастовок и рабочих демонстраций, которые иногда заканчивались кровопролитием. Недовольство крестьян достигло кульминации во время крестьянской забастовки в августе 1937 г. Действия «санации» противостояли сторонники Народного фронта, поддерживаемого коммунистами, а также представители враждебного коммунистам объединения части христианских демократов, левых, социалистов и национал-демократов. Главными представителями этого «Фронта Морж» (по названию города — Morges — в Швейцарии, где проходила встреча его организаторов), стали эмигранты: генерал Сикорский, Падеревский, Витос и Корфаптий. В результате в январе 1938 г. Лагерь национального объединения отказался от далеко идущих планов и прекратил сотрудничество с Пясецким. С этого момента он утратил свою энергию и стал новым воплощением Беспартийного блока.

Экономическая политика Квятковского была более активной. Пользуясь улучшением международной конъюнктуры, он спешил преодолеть последствия кризиса, особенно с помощью долговременных и планируемых государственных мероприятий. Принималась во внимание внешнеполитическая угроза, более внимательно рассматривались нужды армии. Был объявлен четырехлетний инвестиционный план, начата реализация строительного проекта Центрального

промышленного округа. Несмотря на успехи в экономической и оборонной областях, средств все же было недостаточно, для того чтобы в должной мере подготовить страну к будущему столкновению с соседними государствами.

Вначале Польша недооценивала агрессивность и динамизм гитлеровской Германии. В этом она не отличалась от других европейских государств. Без ощутимого противодействия прошли введение в Германии в 1935 г. всеобщей воинской обязанности и односторонняя отмена навязанных Германии Версальским договором ограничений в вооружении. В марте 1936 г. польское правительство готово было оказать помощь Франции, если бы та воспротивилась вторжению германских войск в демилитаризованную Рейнскую зону. Но такого шанса не представилось. Замечая уступчивость западных государств в отношении к Гитлеру, Польша декларировала стремление сохранять добрые отношения с Германией. Министр иностранных дел Юзеф Бек переоценивал, однако, силы Польши, подчеркивая ее державные устремления. С Берлином в Польше считались больше, чем с Москвой. Советский Союз между тем также находился в состоянии глубокого кризиса. Последствиями коллективизации стали разруха в сельском хозяйстве и страшный голод, а сталинские чистки второй половины 30-х годов привели к гибели, депортации и вынужденному переселению миллионов людей; огромные потери понесли партийные и военные кадры.

В ответ на компромиссный подход Франции и Англии, а также на ослабление СССР польское правительство соглашалось с немецкой экспансией, рассчитывая взамен на укрепление собственных позиций. После присоединения Австрии к Германии в марте 1938 г. польская сторона предъявила ультиматум Литве, и той пришлось установить дипломатические отношения с Польшей. Это не имело практического значения, но являлось вопросом престижа. В сентябре 1938 г., когда Гитлер потребовал от Чехословакии присоединения Судетской области к Германскому рейху, Польша напомнила и о своих притязаниях: о присоединенной к Чехословакии в 1919 г. территории Тешинской Силезии за рекой Ользой. В Мюнхене 29 сентября 1938 г. Франция, Англия и Италия согласились на судетские требования Германии, и тогда Польша выдвинула политически побежденной Чехословакии ультиматум, которому та подчинилась⁴.

Это был последний этап относительно хороших контактов между Берлином и Варшавой: Польша стала следующей целью немецкой экспансии. Двадцать четвертого октября 1938 г. германская сторона

потребовала, чтобы Польша признала права Германии на Гданьск и на строительство экстерриториальных путей сообщения (автострад и железной дороги) через польское Поморье, а также присоединилась к антисоветскому и антикоммунистическому «Антикоминтерновскому пакту». Положение Польши стало еще более уязвимым, когда в марте 1939 г. Германия присоединила Чехию и Моравию и ввела войска в формально независимую Словакию. Это означало военную угрозу с запада, севера и юга. Вместе с тем Польша получила поддержку Великобритании, которая в конце концов покончила с политикой «умиротворения» Германии и 31 марта предоставила Польше гарантии на случай агрессии.

Внешняя угроза сгладила остроту внутренних споров. Правда, оппозиция бойкотировала парламентские выборы 1938 г., но это не сопровождалось такой безудержной пропагандистской кампанией, как три года назад. В выборах якобы приняло участие 67% избирателей, но и на этот раз на них оказывалось давление, имели место случаи фальсификации. Одни деятели «санации» старались привязать соглашение эндековским объединениям под знаком Национальной партии или Национально-радикального лагеря, другие искали возможности договориться с левыми и социалистами. Аресты и убийства польских коммунистических лидеров в Советском Союзе и роспуск компартии, руководимой якобы полицейскими провокаторами, привели к компрометации идеи создания Народного фронта. «Фронт Морж» смягчил свой оппозиционный натиск, и то же время некоторые известные эмигранты вернулись в Польшу. Оппозиция предлагала создать многопартийное правительство для сохранения оказавшейся под угрозой независимости. Сторонники «санации» отвергли эти предложения, но проводимая ими политика стала более взвешенной. В обществе доминировали патриотические и солидаристские настроения.

Однако в полной мере ситуация все же была недооценена. Гитлер только ожидал подходящего момента. Франция и Англия провели в августе 1939 г. военные переговоры с Советским Союзом, но Москва требовала права прохода своих войск через Польшу, даже без согласия на то польского правительства⁵. Одновременно велись конфиденциальные переговоры между СССР и Германией. В то время как вся Европа считала, что идеологические различия делают невозможными соглашения между этими государствами, в Москву неожиданно прилетел германский министр иностранных дел Риббентроп и 23 августа 1939 г. подписал с Советским Союзом пакт о ненападении. Официаль-

ное наименование вводило в заблуждение, поскольку в секретной части этого договора Польша и три Прибалтийских государства были поделены на немецкую и советскую «сферы влияния». Пакт предвещал скорое начало войны. Гитлер пошел на риск: через два дня было заключено польско-британское соглашение, но уже 31 августа 1939 г. Германия предъявила Польше ультиматум.

Годы независимости польского государства не характеризовались существенными изменениями в общественной структуре. Польша оставалась аграрной страной. Хотя промышленность и была в определенной степени модернизирована, в условиях общеввропейской экономической стагнации она не располагала возможностями для роста и развития. Но вместе с тем межвоенное двадцатилетие имело огромное значение для просвещения, культуры и национального самосознания. Впервые введено было обязательное семилетнее образование на польском языке, и в конце межвоенного периода почти все польские дети (хотя далеко не все украинцы и белорусы в Польше) учились в школе. Увеличилось количество высших учебных заведений и студентов. Постепенно стирались культурные различия между регионами прежних разделов. Наиболее важным было воспитание целого поколения поляков в убежденности, что независимость — это нормальное состояние для страны, а отсутствие ее — явление временное. Как подтвердили будущие события, не многое изменилось в невыгодном геополитическом положении Польши по сравнению с прошлым. После краткого периода существования независимого государства население вновь оказалось под чужеземным гнетом, но смириться с этим положением не пожелало. Напротив, сопротивление поляков и их готовность к борьбе за национальную независимость проявились в наиболее ярких формах. С установлением позднее советской гегемонии именно польское стремление к независимости заставляло власти обоих государств всячески маскировать зависимость Польши от СССР и идти на определенные уступки полякам, когда речь шла об их праве на самобытную культуру и образ жизни, а также о праве на большую, чем в других странах Восточной Европы, степень личной и общественной свободы.

Примечания

¹ Эндеки и близкие им партии заключили Ланшкоронский пакт, или Ланцкоронское соглашение с партией «Пяст» на следующих условиях: 1) большинство сейма

должно быть польским, а правительство — состоять исключительно из поляков; 2) во всех учреждениях страны государственным языком является только польский; 3) во всех профессиональных, средних и высших учебных заведениях страны поляки получают привилегии, для национальных меньшинств вводится процентная норма; 4) во всех органах самоуправления гарантируется преобладающее польское влияние; 5) аграрная реформа сводится к ежегодной (в течение 10 лет) парцелляции по 200 000 га казенных и частных земель (меньше 180 га — в центральных воеводствах и менее 400 га — на окраинах).

² Тридцать первого октября 1923 г. польское правительство ввело чрезвычайное положение и учредило военно-полевые суды в Первом и Четвертом военных округах и во всей польской армии. Их юрисдикции подлежали также гражданские лица. Обвиняемые нередко приговаривались к смертной казни. Расстрелы производились на месте, без предварительного следствия.

³ *Маршал (маршалек) польского сейма* — председатель пижней палаты парламента. По Конституции в период 1919—1939 гг. его избирали из депутатов на период созыва сейма. Он являлся заместителем президента и мог выполнять в случае необходимости его функции (этим правом он обладал до 1935 г.). Маршал польского сената в период 1922—1938 гг. — председатель верхней палаты парламента, выбиравшийся из числа сенаторов. Апрельская Конституция 1935 г. наделила его функциями маршала сейма, т. е. давала возможность в случае необходимости заменять президента.

⁴ По установленным в 1922 г. границам спорная территория Тешинской Силезии стала (в результате плебисцита) частью Чехословакии. Тем не менее в течение всего межвоенного периода польская сторона продолжала претендовать на эти важные с экономической точки зрения земли, всячески пытаясь доказать (в том числе и пренебрегая различными провокациями) мировому общественному мнению стремление местного польского населения объединиться с Польшей. Воспользовавшись кризисом чехословацкого государства в 1938 г., МИД Польши в ультимативной форме потребовал от Чехословакии передачи Польше спорной территории, пригрозиив в противном случае военным вторжением. Уже 2 октября 1938 г. началась фактическая оккупация Польского Завальзя. Чехословакия была вынуждена подчиниться диктату и признала территорию Тешинской Силезии за Польшей.

⁵ Доводом советской стороны, добивавшейся права прохода Красной армии через Польшу и Румынию, была необходимость в случае начала войны с Германией иметь возможность «войти в соприкосновение» с противником для оказания помощи союзникам (Франции).

XVIII. Угроза физического уничтожения

Первого сентября 1939 г. без объявления войны германские войска вторглись на территорию Польши. Они располагали огромным превосходством в численности и вооружении. Через два дня Франция и Великобритания объявили войну Германии, но не предприняли никаких военных действий. А в это время Германия бросила на Польшу большую часть своих воинских соединений. В первые же дни Гитлер издал распоряжение о применении методов тотальной войны, направленной и против гражданского населения. Авиабомбардировки городов, железных дорог и средств коммуникации должны были вызвать дезорганизацию сил обороны и посеять панику. Одновременно с ними танковые колонны и части мотопехоты прорывали польскую линию обороны. После разгрома польского контрпротступления в боях на реке Бзуре немцам оставалось лишь сломить сопротивление отдельных очагов сопротивления.

Такому успешному для Германии продвижению войск в глубь Польши способствовали и события на ее восточных рубежах. Смпла-догого сентября, также без объявления войны, советские войска перешли советско-польскую границу. Москва оправдывала этот шаг полным распадом польского государства, а также необходимостью защиты проживавших в Польше украинцев и белорусов. В действительности был приведен в действие план, разработанный и предусмотренный соглашениями советско-германского пакта. На восточных землях Польши еще существовали возможности для оказания длительного сопротивления в том случае, если бы западные союзники нанесли обещанный удар по Германии, что вынудило бы немцев перебросить на запад часть сил с польского фронта.

После сообщения о вторжении советских войск президент, правительство и Верховный главнокомандующий маршал Рыдз-Смиглы покинули страну и выехали в Румынию, где были интернированы. Ожес-

точенно оборонялись Варшава, крепость Модлин, гарнизон полуострова Хель и многочисленные разрозненные отряды. Чтобы сломить сопротивление польской столицы, немцы использовали воздушные налеты и артиллерийские обстрелы, в результате которых число погибших гражданских лиц превысило все мыслимые масштабы. Двадцать восьмого сентября Варшава капитулировала, а 6 октября сдалась последняя польская группа войск под командованием генерала Францишека Клеберга, пытавшаяся вырваться из мешка, образовавшегося между наступавшими немецкими и советскими армиями.

Сентябрьская кампания стала для польской армии полным поражением. Иначе и быть не могло, поскольку ей пришлось вступить в схватку одновременно с двумя мощными противниками, а помощь союзников ограничилась декларациями. Тем не менее поляки упорно сражались, оказывая мужественное сопротивление немцам. Польские войска, несмотря на значительные потери и действия Советского Союза, смогли продержаться больше месяца. Год спустя, когда Германия напала на Францию, ее армия капитулировала гораздо быстрее. Однако по приказу сверху польские войска не оказывали такого же сопротивления вторгшейся Советской армии. Командование отдавало себе отчет в безнадежности сопротивления и стремилось избежать напрасного кровопролития.

Поражение не означало для Польши окончания военных действий. Польские политики во Франции предпринимали определенные усилия, чтобы восстановить и легализовать высшую государственную власть. При поддержке Франции правительство возглавляли представители оппозиции, так как «санацию» обвинили в бездарности и возложили на нее ответственность за поражение. Преемником интернированного Мостицкого был назначен один из политиков режима «санации» — Владислав Рачкевич, но главную роль играл генерал Владислав Сикорский — с 30 сентября в качестве премьера, а затем и главнокомандующего. Во Франции спешно создавались польские войсковые части. В самой стране формировалось движение Сопротивления. Вначале оно объединилось в созданной еще 27 сентября военной организации «Служба победе Польши» (*Służba Zwycięstwu Polski*)¹, а через несколько месяцев начал свою деятельность созданный по приказу Сикорского Союз вооруженной борьбы (*Związek Walki Zbrojnej*)².

Германию расценивали как военного противника Польши, но не ясно было, как расценивать СССР. Политика обоих захватчиков во многом была схожей. Согласно подписанному между СССР и Герма-

нией 28 сентября 1939 г. договору о дружбе и границах, они окончательно подписали «сферы влияния», а также обязались противодействовать «польской агитации». Граница прошла по Сану и Буту, а далее, на севере, оставляла Белосток за Советским Союзом. Германия присоединила часть польских земель к рейху, а из остальных создала генерал-губернаторство. СССР передал Вильно Литве, а в других областях 22 октября 1939 г. был проведен так называемый «референдум». В обстановке террора население высказалось за присоединение к Советскому Союзу. Когда в июне 1940 г. Литва была включена в состав СССР, та же судьба постигла и Виленскую область. В 1941 г., с началом германо-советской войны, Германия заняла всю территорию Польши в ее границах на сентябрь 1939 г. Восточная Галиция была присоединена к генерал-губернаторству, в других восточных землях была создана особая оккупационная администрация, которая также охватывала Украину, Белоруссию и Литву.

В первые годы войны репрессии были направлены против всех активных и сознательных элементов. С земель, присоединенных к рейху, немцы выселяли всю польскую интеллигенцию, причем часть ее уничтожалась на месте либо отправлялась в концлагеря. В ноябре 1939 г. в лагерях оказалось большое число ученых из краковских высших учебных заведений. В середине 1940 г. в генерал-губернаторстве проводилась «чрезвычайная акция умиротворения» — так называемая «акция АБ», унесшая жизни нескольких тысяч человек. Тогда же был создан концлагерь в Освенциме. В зоне советской оккупации наиболее трагичной оказалась судьба взятых в плен польских офицеров, в том числе резервистов из интеллигенции. Некоторых из них вместе с полицейскими расстреливали на месте, но большая часть была уничтожена в 1940 г. в Катыни и в ряде других мест. Сотни тысяч людей были вывезены на восток, частично в лагерь, где основная их часть погибла, частично на поселение (особенно много в Среднюю Азию), где смертность была высокой из-за голода, холода и болезней. Среди высланных в Россию преобладали представители интеллигенции из разных сфер профессиональной деятельности: политической, образовательной, общественной, культурной, экономической и государственно-административной. В целом репрессии затронули представителей всех слоев общества и создали атмосферу всеобщего страха.

В 1941 г. еще остававшихся в живых польских узников в СССР освобождали, не признавая, однако, за ними гражданских прав. В это время все польские земли оказались под властью гитлеровской Германии, проводившей широкомасштабные репрессии. Трагические

последствия они приобрели в отношении евреев, которых сначала согнали в гетто, где они тысячами гибли от голода и болезней. С 1941 г. осуществлялось так называемое «окончательное решение еврейского вопроса», начавшееся массовым уничтожением евреев в западных областях Советского Союза, оккупированных немцами. В 1942 г. немцы создали в Польше лагеря смерти с газовыми камерами, в частности в Трешлинке, Майданеке и Белжеце, куда свозили евреев из всех областей Польши и из других стран Европы. Число погибших польских евреев точно неизвестно, но из 3,5 млн человек выжило не более 10%. Среди них было много поляков еврейского происхождения, которые занимали видное место в польской общественной, а особенно культурной, научной и экономической жизни.

Репрессии осуществлялись в отношении всех активных элементов общества. Это коснулось прежде всего молодежи. И здесь репрессии постепенно приобретали массовый характер. Их целью было парализовать волю к сопротивлению и уничтожить поляков как нацию. Принимались меры по полной ликвидации польской духовной жизни, культуры и науки. Запрещена была преподавательская деятельность в средней и высшей школе. В начальной школе вводился запрет на преподавание польской истории, географии и литературы. В будущем планировалось создать условия для немецкой колонизации, а полякам отводилось место покорной массы рабов.

Но поляки как в своей стране, так и за ее пределами — в Европе — не прекращали сопротивления, надеясь на победу с помощью союзников. В мае 1940 г. они сражались в Норвегии под Нарвиком, в июне принимали участие в неудачной кампании, закончившейся поражением и капитуляцией Франции. Президент, правительство и армия переместились в Великобританию. Это был период, когда Англии угрожало немецкое вторжение. Польские летчики и моряки принимали активное участие в военных действиях, англичане оценивали их как самых верных своих союзников.

Ситуация изменилась с началом германо-советской войны, в июне 1941 г. Под давлением англичан правительство Сикорского подписало 30 июня договор с Советским Союзом, хотя вопрос о будущей судьбе восточных земель Речи Посполитой оставался открытым. Последствиями этого соглашения стали упомянутое освобождение подавляющего большинства польских заключенных в СССР и предоставленная советским правительством возможность создания в СССР Польской армии. Договор вызвал резко критический отпор со стороны многих польских эмигрантов, особенно эндеков. деяте-

лей «санации» и некоторых социалистов. Это вынудило Сикорского изменить состав правительства.

Пока Советская армия несла значительные потери, Москва склонялась к определенным уступкам. Тяжелая ситуация в Советском Союзе осложняла создание Польской армии, в особенности ее обеспечение всем необходимым; тогда было предложено посылать на фронт отдельные польские дивизии в составе советских тактических соединений. Де-факто было также отклонено право правительства Польской Республики на опеку над вывезенными в СССР польскими гражданами. В итоге обеим сторонам удалось договориться о переброске летом 1942 г. Польской армии в Иран и Ирак, в результате чего удалось вывезти немногим более 100 тыс. человек. Около миллиона поляков все еще оставались на территории СССР. В начале 1943 г. их лишили польского гражданства.

В то же время польское участие в сражениях Второй мировой войны было очень активным. Вместе с летчиками и моряками с лета 1941 г. воевали сухопутные войска (в частности, в Ливии, в боях под Гобруком). В 1944 – 1945 гг. войска Второго корпуса под командованием генерала Владислава Андерса сражались в Италии, где сыграли решающую роль в последнем штурме перевала Монте-Кассино. Летом 1944 г. поляки вместе с союзниками высадились в Нормандии, а затем сражались с немцами во Франции, в Бельгии, Голландии и на территории Германии.

В стране главной организацией военного сопротивления стал Союз вооруженной борьбы, который в начале 1942 г. в ходе объединения сил был преобразован в Армию Крайову (АК; *Armia Krajowa*)³. Большая часть прежде существовавших военных организаций вошла в АК, в том числе и те, что были созданы отдельными политическими партиями. Серьезной силой были людовские Крестьянские батальоны (*Bataliony Chłopskie*) и эндековская Национальная военная организация (*Narodowa Organizacja Wojskowa*). Не вошли в АК созданные в 1942 г. крайне правые Национальные вооруженные силы (*Narodowe Siły Zbrojne*). Коммунисты в начале 1942 г. начали формирование самостоятельной военной организации соединений — Народной гвардии (*Gwardia Ludowa*), которая не располагала значительными силами и занималась главным образом организацией саботажа и партизанскими действиями.

Руководителем Союза вооруженной борьбы, а затем и АК был до своего ареста в июне 1943 г. генерал Стефан Ровецкий (псевдоним Грот), а затем генерал Тадеуш Коморовский (Бур). Они подчинялись

Восстание в Варшавском гетто.

Не находя в польском обществе готовых к сотрудничеству политических сил, немецкие оккупанты правили посредством насилия и террора, воплощая в жизнь расистские принципы гитлеровского законодательства. Они были направлены в первую очередь против евреев, затем против славян. И тех и других гитлеровцы рассматривали как «недочеловеков». В ноябре 1940 г. в Варшаве оккупанты окружили стенами территорию созданного ими гетто, отрезав его от остального города. Евреи, проживавшие в других местах, были обязаны переселиться в гетто под угрозой смерти. Кроме того, в Варшавское гетто привезли евреев из ряда других городов. В начале 1941 г. в ужасных условиях здесь находилось полмиллиона человек. Оккупанты использовали их на принудительных работах и параллельно разрабатывали план истребления еврейского населения. В течение 1942 г. в лагерь уничтожения в Трешлинке было вывезено около 400 тыс. человек. Осенью того же года в гетто была создана Еврейская боевая организация. Когда 19 апреля 1943 г. в гетто, с целью его окончательной ликвидации, вступили немецкие отряды, им было оказано отчаянное сопротивление. Повстанцы, силы которых были невелики, оказались слабо вооружены, помощь извне невозможна. Они сражались без какой бы то ни было надежды на успех. Сопротивление в отдельных домах и бункерах продолжалось еще в начале мая. Гитлеровцы шаг за шагом занимали территорию гетто, взрывая и сжигая дома, убивая и депортируя остатки населения. Восьмого мая в бункере повстанческого штаба погиб руководитель восстания Мордехай Анелевич. До конца мая погибли в пожарище, были убиты или вывезены в лагеря смерти около 60 тыс. еще оставшихся в гетто людей. На этом теперь известном во всем мире снимке мы видим группу евреев, депортируемых немцами, в том числе женщин и детей. На дальнем плане видны горящие дома, улица

главпокомандующему в Лондоне. Из Англии помощь поступала воздушным путем и через курьеров. В первую очередь переправлялось оружие и деньги; существенную поддержку оказывала переброска офицерских кадров. АК в течение длительного времени видела главную задачу своей деятельности в подготовке отрядов для будущего восстания в конечной фазе войны. Важную роль должна была при этом сыграть созданная в конце 1941 г. спецгруппа «Веер», действовавшая на оккупированной немцами территории, которая до 1939 г. являлась польско-советским пограничьем. Она занималась главным образом организацией диверсий. «Веер» в будущем должен был стать прикрытием восстания, которое планировалось начать в Польше, когда теснимые Советской армией немецкие войска начнут отступление на запад. В конце 1942 г. «Веер» вошел в существовавшую на восточных «окраинах» организацию АК. Постепенно росла активность и в других сферах сопротивления: велась разведка для союзников, применялся саботаж, осуществлялись акции возмездия в отношении высокопоставленных гитлеровских чинов и предателей. Этой деятельностью занимался в первую очередь так называемый «Кедив» (*Kierownictwo Dywersji* — Руководство диверсиями), созданный в начале 1943 г. Наиболее громкие и опасные акции проводили в основном харцеры из боевых отрядов организации «Серыс шерешти». Так, в марте 1943 г. они отбили в Варшаве в районе Арсенала группу из 45 заключенных, а в феврале 1944 г. застрелили генерала СС и полиции Кучеру. Армия Крайова, Крестьянские батальоны и Гвардия Людова с конца 1942 г. вели партизанские действия в районе Замостья. Немцы насильно выдворяли оттуда поляков, чтобы на их месте поселить немецких колонистов. В 1943 г. партизанская борьба АК обрела широкий размах.

Самостоятельное еврейское движение Сопротивления возникло в различных гетто. Оно имело контакты с польскими военными организациями и получало от них помощь оружием. В ответ на действия немцев, планировавших уничтожить еще оставшихся в живых евреев, в Варшавском гетто 19 апреля 1943 г. началось восстание, продолжавшееся несколько недель. Его участники не имели ни малейших

окутана черным дымом, а рядом с группой пленных позирует гордый собою немецкий солдат. Это фото было приложено к отчету, составленному бригаденфюрером СС и генерал-майором полиции Юргеном Штроопом, командовавшим немецкими войсками, осуществившими ликвидацию гетто. После войны Штрооп был казнен в Польше.

шансов на успех и сражались прежде всего за достойную смерть. Подобные восстания вспыхнули и в ряде других мест, а также в некоторых лагерях уничтожения.

Вооруженный отпор был лишь одной из форм противодействия оккупантам. Гражданским движением Сопротивления руководила Делегатура эмигрантского правительства в стране (*Delegatura Rządu na Kraj*), которая была создана в декабре 1940 г. В ее консультативном Политическом согласительном комитете сотрудничали эндеки, христианские демократы, лодовцы и социалисты. Позже он был преобразован в Политическое представительство в стране (*Krajowa Reprezentacja Polityczna*), а в начале 1944 г. был создан Совет национального единства (*Rada Jedności Narodowej*) под руководством социалиста Казимеж Пужака. В нем был представлен широкий спектр политических движений, приняли участие многие партии и группы. Авторитет военных и гражданских учреждений, созданных по распоряжению польского правительства, был признан почти повсеместно. В течение длительного времени открыто против него не выступала даже созданная в начале 1942 г. коммунистическая Польская рабочая партия.

Особое значение имела нелегальная работа в сфере культуры и образования. Она отчасти смягчала тяжесть потерь, нанесенных оккупацией. Проводились занятия в нескольких подпольных высших учебных заведениях. Около 50 тыс. молодых людей нелегально учились в средних школах, во многих начальных школах проводились запрещенные уроки истории и литературы. Проходили также конспиративные авторские вечера и концерты.

С конца 1942 г. Советский Союз, воодушевленный успехами под Сталинградом, открыто подтвердил, что рассматривает земли, аннексированные в 1939 г., как часть своей территории. В уже накалившейся атмосфере в апреле 1943 г. появилась немецкая информация об обнаружении под Катынью около Смоленска массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных русскими. Польское правительство в Лондоне вынуждено было потребовать от Советского Союза объяснений, так как независимо от германских намерений внести раскол между государствами, объединившимся в борьбе с Гитлером, все говорило о достоверности полученных сведений. Москва воспользовалась ситуацией, чтобы назвать это оскорблением и разорвать дипломатические отношения с правительством Сикорского. Впрочем, решение было принято намного раньше, и Катынь стала только предлогом, так как еще раньше польские коммунисты в СССР по рекомендации Сталина создали Союз польских патриотов.

Советской акции предшествовала загадочная смерть генерала Сикорского 4 июля 1943 г. в авиакатастрофе. Его преемник на посту премьер-министра Людовец Станислав Миколайчик не обладал авторитетом Сикорского. Кроме того, у него возникли разногласия во взглядах с новым главнокомандующим — генералом Казимежем Соснковским. Американцы и англичане были заинтересованы в максимальном участии Советского Союза в антигитлеровской коалиции и поэтому были готовы пожертвовать польскими интересами для выгодного договора с сильным союзником. Во время Тегеранской конференции 28 ноября — 1 декабря 1943 г. главы трех держав договорились о том, что Советскому Союзу будет отведена решающая роль в установлении послевоенного порядка в восточноевропейском регионе и за ним останутся польские земли, аннексированные в 1939 г.

Под советским руководством в мае 1943 г. началось формирование в СССР дивизии им. Тадеуша Костюшко, в которую потянулись поляки, еще остававшиеся в Советском Союзе. Офицерские кадры составляли в основном русские или польские коммунисты. В октябре дивизия вступила в бой с немцами под селом Ленино в Белоруссии. Позже ее преобразовали в корпус, а впоследствии — в Польскую армию в СССР. Летом 1944 г. поляки сражались уже на родной земле. Они также принимали участие в последних советских наступлениях 1945 г. — в штурме Берлина и наступлении на Прагу.

В Польше в начале 1944 г. Польская рабочая партия (ППР; Polska Partia Robotnicza) после открытого противостояния тем институтам, которые подчинялись польскому правительству в Лондоне, создала Национальный совет (Krajowa Rada Narodowa). Она определяла этот Национальный совет как широкое надпартийное представительство, хотя, кроме коммунистов, в него не вошло ни одно из авторитетных политических движений. ППР опубликовала манифест, в котором объявляла о национализации промышленности и аграрной реформе, а также об установлении границы на востоке по этническому принципу, а на западе — о перенесении ее на Одер и Балтийское море. Вскоре после этого Гвардия Людова была преобразована в Армию Людова (АЛ; Armia Ludowa) и по мере приближения советских войск активизировала свои действия. Этому способствовало установление контактов с действовавшим по советскую сторону фронтом Польским штабом партизанского движения, который снабжал АЛ оружием, сбрасывавшимся с самолетов.

Оказавшись перед перспективой вступления советских войск на территорию Речи Посполитой, АК решила вместо всеобщего восстания организовать ряд вооруженных выступлений против немцев не-

Варшавское восстание.

С военной точки зрения подготовленное Армией Крайовой восстание было направлено против немецких войск, которые под натиском Красной армии готовились оставить Варшаву. Политической целью восстания было самостоятельное освобождение столицы, что позволяло бы выйти из подполья действовавшим в конспирации законным властям польского государства, прежде чем сталинское руководство СССР успеет навязать Польше правительство, состоявшее из послушных польских коммунистов. Два месяца (август—сентябрь 1944 г.) несколько десятков тысяч повстанцев, поддерживаемых гражданским населением (которое, однако, нечем было вооружить), сражались с хорошо оснащенными и численно превосходящими их немецкими войсками. В течение этого времени Красная армия, наступление которой было приостановлено, находилась на восточном берегу Вислы. Восстание закончилось военным поражением и гибелью около 200 тыс. повстанцев и гражданских лиц. По-видимому, дискуссия о том, имело ли смысла начинать борьбу в столь неблагоприятных условиях, никогда не закончилась. Для критиков восстание было актом отчаяния перед лицом утраты последних шансов вернуть независимость, для сторонников — актом высшего самопожертвования во имя Родины, доказавшим, что польская жажда свободы неистребима. Но восстание оставило после себя не только пепелища и могилы лучших представителей молодежи. Осталась также почитаемая всеми легенда о Восстании. Она давала полякам силы продолжать бороться за независимость и одновременно после столь страшного кровопролития — служила предостережением от подобного безрассудства. Наследием восстания стали не только выступления в 1956 г. и в эпоху «Солидарности», но и та умеренность, которую проявляло польское общество во время всех политических кризисов послевосстной поры.

посредственно за линией фронта. Это был план «Буря», который предусматривал совместные действия с Красной армией, но с сохранением в отношении нее самостоятельности. Первые акции «Бури» принесли в июле 1944 г. кратковременный успех; в частности, вместе с советскими войсками Армия Крайова приняла участие во взятии Вильнюса. Однако при продвижении линии фронта на запад от отрядов АК требовали присоединения к созданной в Советском Союзе Польской армии. В случае отказа бойцов, сражавшиеся в рядах АК, разоружали и отправляли в лагеря. Большая часть их погибла, а уцелевшие вернулись в Польшу лишь спустя двенадцать лет.

Двадцать первого июля 1944 г. советские войска переправились через Западный Буг и вступили на территорию Люблинского воеводства. Двадцать второго июля был провозглашен манифест созданного в Москве Польского комитета национального освобождения (ПКНО), которым руководил левый социалист Эдвард Осубка-Моравский. В состав ПКНО, помимо коммунистов и немногочисленной группы левых социалистов, вошли и другие политические деятели, пезадолго от этого освобожденные из советских лагерей. Польская армия в СССР и Армия Людова объединились в Войско Польское. Манифест признавал действие польской Конституции 1921 г. Было объявлено о проведении аграрной реформы, а также о других общественных реформах и о присоединении к Польше земель, принадлежавших ранее Германии. Советские власти и ПКНО призвали население Варшавы к восстанию и обещали скорое освобождение города.

Верховное командование АК вместе с Делегатурой правительства оказались в необычайно трудной ситуации. Все считали, что советские войска, воспользовавшись моментом, начнут штурмовать столицу. После детального рассмотрения сложившейся ситуации, дискуссий и колебаний Тадеуш Коморовский (Бур) издал приказ о начале Варшавского восстания 1 августа. По мере приближения к городу советское наступление, однако, замедлилось. На протяжении нескольких недель советское руководство не предприняло никаких действий, чтобы прийти на помощь восстанию, и даже запретило призсматься самолетам союзников, которые с военных баз в Италии пытались доставить сражавшейся Варшаве оружие, амуницию, лекарства и продукты. Лишь в середине сентября, овладев не охваченной восстанием правобережной частью Варшавы, советское командование попыталось форсировать Вислу силами слабых отрядов находившегося в его подчинении Войска Польского. Операция окончилась неудачей и привела к большим потерям.

Центр Варшавы в 1945 г.

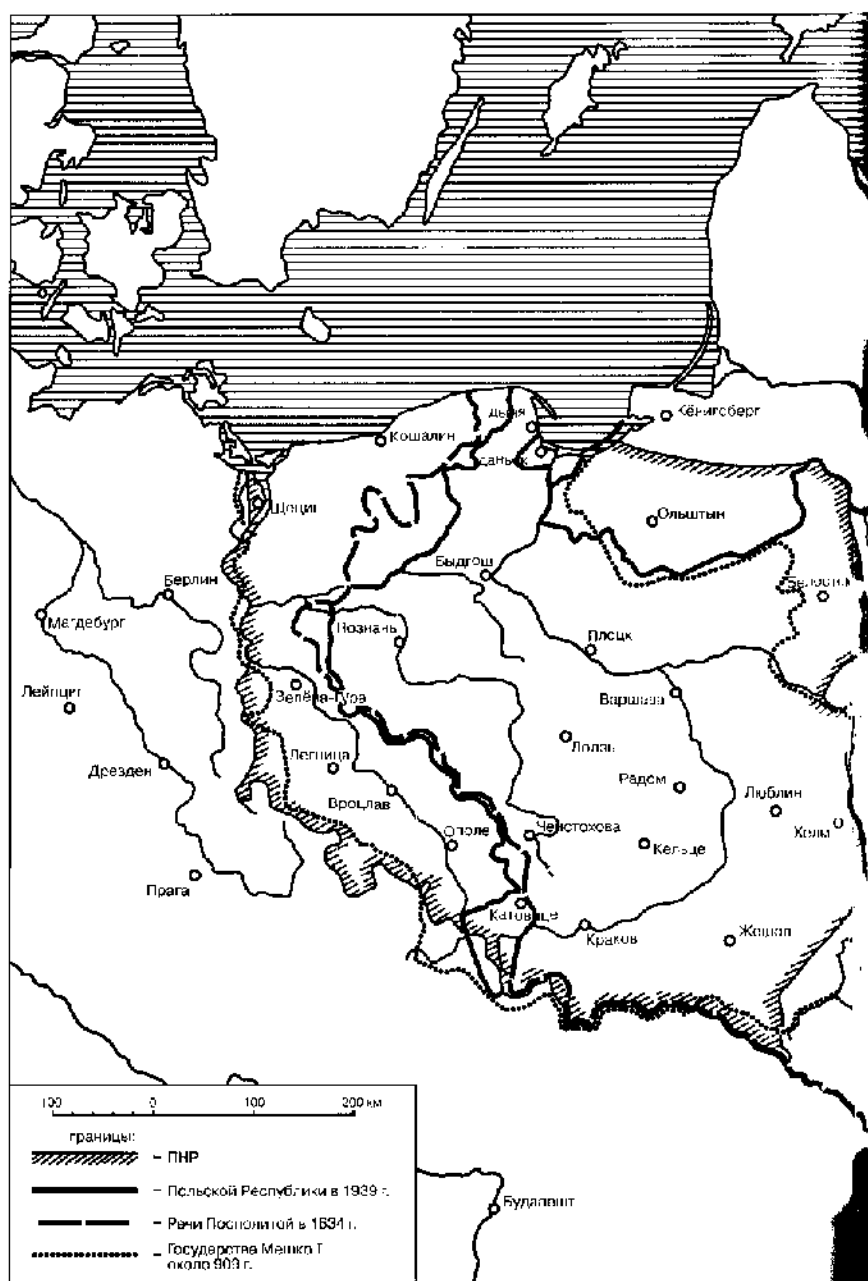
Уже во время обороны Варшавы в сентябре 1939 г. погибло 45 тыс. человек и было разрушено 15% городских построек. В период оккупации Варшава, где проживало 1,5 млн человек, стала главным центром польского Сопротивления. Оккупанты планировали превратить польскую столицу в провинциальный город со стотысячным населением. Большую его часть предполагалось разрушить. В 1943 г. гитлеровцы сровняли с землей территорию Варшавского гетто. Новые разрушения произошли во время Варшавского восстания. После капитуляции повстанческих сил оставшееся население — около 600 тыс. человек — было изгнано нацистами из Варшавы, и в течение нескольких последующих месяцев опустевший город подвергался методичному уничтожению. Было разрушено около 80% зданий, сожжены архивы, библиотеки, большая часть музейных собраний. Лишь 17 января 1945 г. Красная армия и сражавшаяся рядом с ней Первая армия Войска Польского вступили в город, представлявший собой сплошные руины. На снимке запечатлен центр разрушенного города, где не осталось ничего, кроме пепелищ и развалин. Восстановление Варшавы многим тогда представлялось невозможным, планировалось даже перенесение столицы в Лодзь. Однако возвращение варшавян в свой город и стихийное начало восстановительных работ привели к возрождению польской столицы.

В Варшавском восстании приняло участие несколько десятков тысяч солдат АК и других польских воинских организаций, в том числе и коммунистической Армии Людовой. Вначале восставшим удалось взять под свой контроль значительную часть города, однако они не сумели ов-

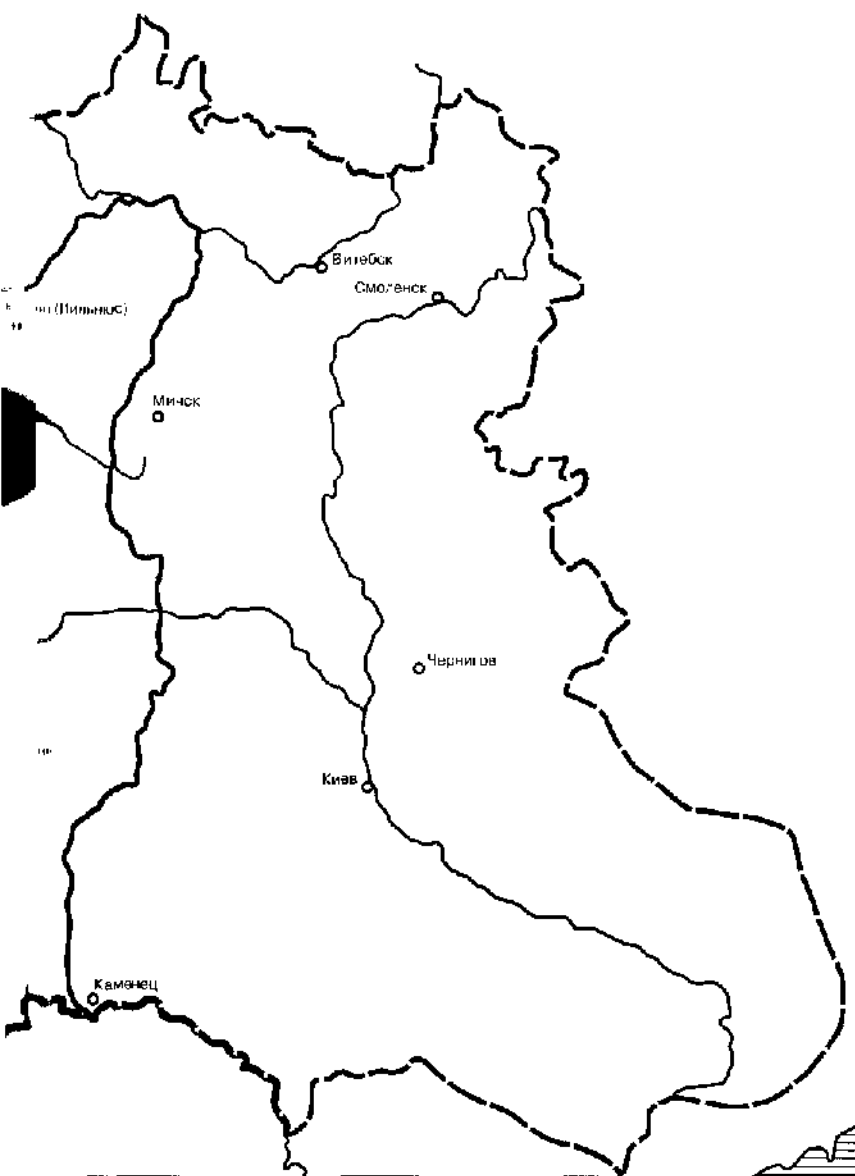
стали наиболее важными в стратегическом отношении объектами, которые хорошо охранялись немцами. Через несколько дней немецкие войска перешли в наступление и, пользуясь огромным перевесом сил, постепенно овладевали отдельными районами польской столицы. Это сопровождалось, особенно в первые дни, массовыми расстрелами гражданского населения. Артиллерийские и воздушные бомбардировки влекли за собой гибель людей, все больше разрушений и пожаров. Перед лицом огромных потерь, голода и отсутствия воды, считая дальнейшую борьбу безнадежной, главнокомандующий АК подписал 2 октября акт о капитуляции. Солдаты попали в лагеря для военнопленных, а все гражданское население было выселено из Варшавы. С этого момента немцы методично уничтожали город, взрывая и сжигая здания.

В январе 1945 г. советские войска, которые с лета 1944 г. стояли на берегах Вислы, перешли в новое наступление. Через несколько недель они заняли почти все польские земли. Власть здесь осуществлялась созданным из преобразованного ПКНО Временным правительством. Это поставило Польшу перед свершившимся фактом. Таким же образом была определена и новая советско-польская граница, которая в общем совпадала с границами немецкой и советской зон оккупации 1939—1941 гг. Советский Союз отказался, правда, от претензий на некоторые области, включенные в его состав после так называемого «волеизъявления» в октябре 1939 г. Самым важным изменением стало то, что Польше был оставлен район Белостока.

Международное сообщество также согласилось со свершившимся фактом. С 4 по 11 февраля 1945 г. в Ялте проходила конференция глав трех держав, которые согласились изменить границы Польши на востоке (в пользу СССР), на западе и севере (там ее границы были расширены)⁴. Линия западной границы точно установлена не была. На конференции также приняли решение о том, что созданное коммунистами правительство будет преобразовано благодаря включению в его состав «демократических» политиков из эмиграции и Польши. Речь шла здесь главным образом о бывшем премьере Миколайчике и других людях, которые в ноябре 1944 г. вышли из польского правительства в Лондоне, так как стремились к соглашению с Москвой и польскими коммунистами. Американцы и англичане в Ялте тешили себя надеждой, что путем таких уступок можно предотвратить раздел Европы на противоборствующие блоки и сохранить — хотя бы ценой польских интересов — сотрудничество между союзниками. Для них было очень важно участие Советского Союза в последней фазе войны с Японией, а затем в установлении послевоенного мирового порядка.

Изменения территории Польского государства (X–XX вв.)

Оставшись один на один с советской мощью, поляки выразили готовность пойти на компромисс с Москвой. Еще в январе 1945 г. была расформирована АК. В подполье осталась только немногочисленная кадровая организация НЕ («Niepodległość» — «Независимость») под руководством последнего командующего Армией Крайовой — генерала Леопольда Окулицкого (Медвежонка). Делегат правительства Ян Стапислав Ялковский, генерал Леопольд Окулицкий, глава Совета национального единства Казимеж Пужак и некоторые видные члены этого органа приняли приглашение явиться на переговоры с командованием советских войск. Польским лидерам гарантировали полную неприкосновенность, но это оказалось ловушкой. Они были арестованы и привезены в Москву, где в июне 1945 г. над ними был устроен показательный процесс и вынесен обвинительный приговор. Окулицкий, Ялковский и Ясюкович погибли в тюрьме. Таков трагический и неожиданный эпилог многолетней борьбы польского Сопротивления.

Польша выходила из войны не только обескровленной, но также и деморализованной, осознавшей свою слабость и разочарованной в западных союзниках. Людские потери были огромны — согласно позднейшим подсчетам, они составили более 6 млн человек. Вина за все была возложена на немцев, что не совсем справедливо, хотя не подлежит сомнению, что именно немцы совершили большую часть массовых убийств. Почти половину погибших составили евреи, другую половину — почти исключительно поляки, поскольку при подсчетах не учитывались украинцы и белорусы, жившие на территориях, аннексированных Советским Союзом. Трудно установить количество раненых или умерших позднее вследствие перенесенного во время войны. Почти каждая польская семья потеряла кого-нибудь из родных и близких, в стране остались сотни тысяч сирот. Серьезные потери понесли интеллигенция и духовенство, которых немецкие и советские власти подвергали особенно жестоким репрессиям.

Материальный урон, нанесенный войной, был огромным. Почти вся Варшава лежала в руинах. Была разрушена промышленность, в деревне уничтожен скот, приведены в негодность транспортные коммуникации и телефонная связь. Определенную надежду на будущее давало, однако, обещание присоединить к Польше земли на севере и западе, прежде принадлежавшие Германии. Несмотря на ощутимый урон, причиненный войной, их природные ресурсы и сохранившиеся промышленные объекты, сельское хозяйство, жилой фонд и инфраструктура представляли гораздо большую материальную ценность, чем то, что поляки потеряли на востоке. К сожалению, многое было разграбле-

но или уничтожено советскими войсками либо сразу после занятия территории, либо в последующие месяцы. Слабая польская администрация не могла противодействовать и опустошительным грабёжам, которые совершали толпы прибывших на эти земли польских мародеров.

Несмотря на это, война для поляков имела в некотором смысле и положительные последствия. Сформировался идеал польской жертвенности в борьбе за национальное дело. После нескольких лет горечи и разочарований возродилась легенда Армии Крайовой и «Серых шкотов», в которой — несколько преувеличенно — всему военному поколению молодежи приписывалось деятельное участие в борьбе, героизм и страдания. По-видимому, сила польского Сопротивления в борьбе с немцами, а также мужество участников Варшавского восстания сыграли существенную роль в формировании советских планов, касавшихся Польши. В Москве опасались спровоцировать недовольство поляков и склонялись в отношении к ним к более серьезным уступкам, чем в отношении какого-либо другого народа, оказавшегося в сфере советского влияния.

Воспавшие события повлияли на формирование в Польше политического самосознания, но изменения, которые оно претерпевало, трудно оценивать лишь в категориях добра или зла. С одной стороны, усилились польские национальные комплексы в отношении немцев и русских. Этому сопутствовал рост враждебности к украинцам, которые по инициативе двух держав проводили в годы войны анти-польские акции (самыми кровавыми из которых стали события на Волыни⁵). С другой стороны, тяжелые для Польши последствия войны научили ее будущей трезвости суждений и сдержанности. Несмотря на отрицательное отношение к Советскому Союзу, больше опасений вызывала все же Германия. Союзы с западными державами перестали быть популярными, да и искренность их намерений оказались под большим вопросом. Поэтому появилась готовность выбирать меньшее из двух зол: признать интересы Советского Союза на международной арене в обмен на предоставление Польше права свободно формировать внутренние отношения.

В конце войны получило распространение также убеждение, что в будущем Польша должна провести глубокие социальные реформы. Почти все признавали необходимость радикальной аграрной реформы. Во многих политических кругах считали необходимой национализацию основных отраслей тяжелой промышленности. Это соответствовало духу изменений в послевоенной Европе. Никто не желал возвращения к проблемам межвоенного периода, который характери-

зовался затяжным экономическим кризисом, повлекшим за собой политическую дестабилизацию, победу экстремистских движений и приход к власти немецкого национал-социализма. Ответственность за это была возложена на частный капитал. Новая коммунистическая власть имела в этом отношении много преимуществ. Уже 6 сентября 1944 г. ПКНО издал декрет о проведении аграрной реформы, в котором разделу без возмещения подверглись все имения, превышавшие 50 га пахотных земель. Формально национализация еще не проводилась, но, поскольку к государству перешла вся собственность, оставшаяся без владельцев (прежде принадлежавшая евреям, немцам, крупным польским и иностранным капиталистам), под государственным управлением оказалась значительная часть промышленности.

Стремление вернуться к нормальной жизни брало верх над политическими эмоциями. Несмотря на почти всеобщее отрицательное отношение к коммунистам, в разрушенной стране зародился своеобразный этос восстановления. Зарплата в условиях разрухи не могла быть высокой, но вводились в строй фабрики и заводы, восстанавливались города, строились шоссе и железные дороги, начались занятия в школах и вузах. При участии специалистов были созданы оперативные группы, которые под руководством коммунистических деятелей направлялись на «возвращенные земли»⁶. Трудовой энтузиазм и прагматичная экономическая политика властей, которые в первое время избегали бюрократического давления и не препятствовали развитию частной инициативы, привели к тому, что уже через несколько месяцев в стране появились товары, отсутствовавшие во время войны.

Война близилась к концу, и уже одно это было поводом для радости. Хотелось жить спокойно, в надежде на лучшее будущее. Для Польши настоящее окончание войны пришло с установлением новых внутринациональных и международных отношений. Вскоре после майской капитуляции Германии в Москве прошла (с 18 по 21 июня 1945 г.) запланированная еще в Ялте встреча представителей коммунистического Временного правительства с польскими политиками (действовавшими во время войны в стране или в эмиграции) во главе с Миколайчиком. Двадцать восьмого июня было создано коалиционное Временное правительство национального единства. Его премьером стал Осубка-Моравский, но вице-премьером (наряду с генеральным секретарем Польской рабочей партии Владиславом Гомулкой) являлся Миколайчик. Вскоре после создания нового правительства на Потсдамской конференции (17 июля — 2 августа 1945 г.) главы трех держав решили судьбу Германии. Границу Польши передвину-

ли до Одры и Нисы-Лужицкой (Одер и Нейсе), откуда было решено выселить оставшихся там немцев.

Так рождалась Польша, лишенная самостоятельности, но обладавшая собственной государственностью, новыми границами и относительно однородная по национальному составу (хотя, вопреки официальным заявлениям, даже после выселения подавляющего большинства немцев в Польшу продолжало проживать еще несколько сотен тысяч представителей разных национальных меньшинств).

В Лондоне остался президент Польской Республики Вацлав Рачкевич, правительство премьера Томаша Арцишевского, а также подчинившиеся ему Польские вооруженные силы, покрывшие себя слабой в годы войны. Пятого июля 1945 г. западные союзники отказались признавать лондонское правительство Польской Республики. Несмотря на неприязненную атмосферу, политическая эмиграция не переставала напоминать миру о несправедливости, совершенной в отношении Польши. Начинался новый этап польской истории.

Примечания

¹ «Служба победе Польши» — организация, созданная в оккупированной Польше по инициативе офицеров Войска Польского и некоторых политических деятелей. Ее преемником стал Союз вооруженной борьбы.

² «Союз вооруженной борьбы» — организация, созданная по согласованию с эмигрантским правительством. Союз стремился объединить в своих руках всех кадровых офицеров и подчинить своему руководству другие военные организации.

³ То есть «армия в стране» — в отличие от польских вооруженных сил на Западе, и позднее в СССР.

⁴ Территория отошедших к Польше в 1945 г. земель (по решению Потсдамской конференции) составила 102 800 кв. км, а вся территория польского государства — 112 500 кв. км с населением 24 млн человек. К Польше отошла часть Восточной Пруссии. Восточная граница была определена по «линии Керзона».

⁵ Речь идет о так называемой акции по «ликвидации польских следов», представлявшей собой массовую резню польского населения, организованную в 1943 г. украинскими националистами на оккупированной немцами территории Волыни с целью уничтожить любые основания для польских притязаний на эти земли в будущем. (Имеется в виду, ни о каком подстрекательстве с советской стороны в данном случае говорить не приходится.)

⁶ То есть на территории, отошедшие к Польше от Германии (Силезия, Западное Поморье и часть Восточной Пруссии).

XIX. Угроза утраты национальной культуры

Стоявшие у власти коммунисты на первых порах проявляли большую гибкость во всем, что касалось экономики и культуры, заботясь прежде всего о постепенной ликвидации политических противников и конкурентов. Принятый 3 января 1946 г. закон о национализации тех частных промышленных предприятий, где в одну смену трудилось более 50 работников, лишь закрепил положение дел, вытекавшее из временного характера государственного управления. Руководители экономической политики — во главе с министром промышленности и торговли Хиларием Минцем — подчеркивали необходимость сохранения всех трех секторов: государственного, кооперативного и частного, взаимно дополнявших друг друга и создававших стимулы к достижению наилучших результатов. Невзирая на требования своей доктрины, новые власти использовали профессиональные навыки далекой от коммунизма старой технической интеллигенции, представителям которой доверялись ответственные посты в государственном управлении экономикой и в администрации отдельных заводов и фабрик. Это касалось и бывших землевладельцев, нередко получавших должности в аграрной инспекции и в государственных сельскохозяйственных усадьбах. Таких усадеб, впрочем, было немного, главным образом на землях, оставленных бывшими немецкими хозяевами. Власти уверяли, что индивидуальное крестьянское хозяйство будет сохранено, а перспектива создания в польской деревне колхозов отрицалась. Земельная реформа и проводившаяся по ее осуществлению аграрная политика, казалось, подтверждали эти декларации.

Хозяйственному оживлению способствовало заселение «возвращенных земель», восстановление земледельческих хозяйств и введение в строй промышленных предприятий. К 1948 г. миллионы полей (в том числе с территорий, присоединенных к Советскому Союзу) перешли на запад, откуда было выселено несколько миллионов нем-

цев. При этом, однако, пришли в запустение некоторые районы на юго-востоке, откуда в 1947 г., в ходе так называемой акции «Висла», сотни тысяч украинцев, не согласившихся ранее выехать в СССР, были переселены на земли, освобожденные от немецкого населения.

Хотя руководство текущей экономической политикой находилось в руках Минца и других коммунистов, концепции, рассчитанные на длительную перспективу, разрабатывались в Центральном ведомстве планирования под руководством экономистов из ППС Чеслава Бобровского, Оскара Ланге и Эдварда Лишинского. В трехлетнем плане на 1947—1949 гг. они стремились упрочить решающую роль государства в хозяйственной жизни, но в то же время ограничить бюрократию и государственное управление предприятиями. Совмещение планирования с рынком, государственной собственности с децентрализацией и самостоятельностью заводов и фабрик, государственных интересов с участием рабочих в коллективных контрольных органах предприятий — все это в значительной степени расходилось с ортодоксальной программой коммунистов и не соответствовало их представлениям. Однако явного протеста с их стороны не было.

Столь же открытая политика проводилась в области культуры, где руководство осуществлял коммунист Ежи Бореяша, директор издательства «Чительник» («Czytelnik»), под контролем которого оказалась большая часть прессы и издательских структур. Он охотно приветствовал практически каждого, пусть даже яростного в прошлом противника коммунизма, кто был готов публикацией под своим именем подтвердить либерализм властей. Цензура, говоря по правде, бывала придирчива, однако это относилось к сугубо политической тематике. Писателям, артистам и журналистам щедро раздавались пусть скромные, но в тяжелых материальных условиях жизненно важные привилегии: сначала — дополнительные продовольственные пайки и промышленные товары, позднее — первоочередное право на квартиры. Правда, вокруг еженедельника «Кузница» («Kuźnica») объединилась группа марксистов, обеспокоенных размытием доктрины безыдейным прагматизмом, но в целом власти не были чрезмерно озабочены подобными фактами. В школах работали довоенные учителя, а также те, кто пришел работать на место погибших в военное время. Обучение в целом проводилось по довоенным программам. В высшие учебные заведения вернулись уцелевшие и оставшиеся в стране специалисты, а вакансии замещались без особой озабоченности о том, какие у людей идейные и политические воззрения. Интеллектуалы-коммунисты, которые могли бы работать

и высших учебных заведениях, почти отсутствовали. Те немногие, которыми располагала коммунистическая партия, были часто необходимы в ее идеологическом аппарате.

Прагматизм имел решающее значение и в отношениях с католической церковью. Польская рабочая партия подчеркивала свой нейтралитет по отношению к религии и свою готовность признать важную роль католицизма в Польше. Представители правительства появлялись на церковных торжествах. Вопреки сопротивлению более догматичных и в том смысле социалистов, Польская рабочая партия голосами своих членов добилась в сейме, чтобы президент Берут завершал присягу традиционной формулой «Да поможет мне Бог». Встречной тенденцией был определенный прагматизм католиков, сосредоточившихся с 1945 г. вокруг краковского еженедельника «Всеобщий еженедельник» («Tygodnik Powszechny»), выходившего под патронатом кардинала Адама Стэфана Сапегы. Этот критически настроенный по отношению к коммунизму журнал готов был отказаться от политических устремлений в обмен на гарантии свободы мысли и свободы вероисповедания.

Либерализм коммунистов заканчивался там, где начиналась борьба за власть. Главным противником по-прежнему оставалось слабеющее «подполье». В мае 1945 г. самораспустилась организация НЕ, по-прежнему множество групп и отрядов, главным образом вышедших из АК и «Национальных вооруженных сил», члены которых отказались выйти из подполья после объявления амнистии, решение о которой было принято в августе 1945 г. Некоторые не верили в прочность коммунистического режима в Польше, другие — обещаниям об освобождении от наказания. Второго сентября 1945 г. возникла новая военнополитическая организация «Свобода и независимость» («WiN»; «Wolność i Niezawisłość»), задачей которой была забота о том, чтобы предоставленные самим себе отряды АК не утратили политических ориентиров и не подверглись деморализации. Руководители «WiN», в том числе вскоре арестованный полковник Ян Жепецкий, не были сторонниками вооруженной борьбы и выступали скорее за постепенное сведение конспиративной деятельности к пропагандистским акциям и воздействию на общественное мнение. Добиться этого не удалось, так как органы безопасности, наводившие страх своей беспощадностью, провоцировали жажду мести. Закручивалась спираль насилия и репрессий. Значительная часть членов «WiN» прекратили свою деятельность после возвращения заключенного в тюрьму Жепецкого и в связи с объявленной в феврале 1947 г. амнистией. Остатки подполья были ликвидированы в ходе арестов в течение 1947 г.

Значительно раньше Польская рабочая партия нанесла свой главный удар по легальной оппозиции. После создания коалиционного правительства с участием Миколайчика людовцы развернули широкую деятельность. Поскольку под названием Крестьянской партии (*Stronnictwo Ludowe*) выступала группа людей, сотрудничавших с коммунистами, они приняли название Польской Крестьянской партии, (*PSA; Polskie Stronnictwo Ludowe*). Очень быстро партия сделалась реальной силой на селе и в городе. Миколайчик считал, что свобода самостоятельно определять характер внутренних отношений в Польше может быть получена в обмен на согласие учитывать международные интересы Советского Союза. ПСА добивалась проведения, в соответствии с Ятинскими решениями, демократических выборов в сейм. В борьбе с людовцами коммунисты использовали различные средства — чаще всего физическое насилие, аресты партийных деятелей, нападения «неизвестных лиц», репрессивные меры в отношении деревень, известных своими симпатиями к ПСА, объявление вне закона отдельных местных организаций, цензуру периодической печати и издательской деятельности. Коммунистическая пропаганда обвиняла ПСА в предательстве польских интересов и проявлявшейся готовности отказаться от бывших немецких земель. Коммунисты также поощряли создание оппозиционных по отношению к Миколайчику группировок в рядах ПСА, пытаясь расколоть людовцев изнутри.

Выборам предшествовала генеральная репетиция — референдум 30 июня 1946 г. На обсуждение были вынесены вопросы о согласии на ликвидацию сената, на уже проведенную земельную реформу и национализацию промышленности, а также на присоединение к Польше бывших немецких земель. Людовцы решили дать отрицательный ответ на первый вопрос — больше для демонстрации своей независимости, нежели из принципиальных соображений. Коммунисты ответили пропагандистской кампанией и мерами устрашения. Усилились полицейские репрессии. В счетные комиссии были направлены надежные люди, что позволило осуществить массовую фальсификацию результатов. Население призывали голосовать открыто и коллективно и ответить «три раза "да"». Согласно официальным данным, призыву последовало 68% проголосовавших. Это, впрочем, вовсе не отражало настроений общества и больше свидетельствовало об умелых действиях коммунистического аппарата.

После дополнительной подготовки с использованием тех же методов, что и во время референдума, 19 января 1947 г. были проведены выборы в сейм. Польская рабочая партия уговорила Польскую социа-

листическую партию (ППС) вместе с другими партиями, зависимыми от коммунистов, войти в единый избирательный блок. В результате давления, репрессий и фальсификаций стало наконец возможным донести до сведения общества, что победила блок коммунистов и их союзников, который якобы получил более 80% голосов. Выборы стали окончательным поражением ПСА, показав, что все решает сила, а не общественные симпатии. В 1947 г. Миколайчик, которому угрожал арест, тайно покинул страну, а руководство ПСА взяла на себя группа лиц, готовых в любой момент к капитуляции.

Могло показаться, что коммунисты согласятся на постоянное взаимодействие с социалистами. После выборов в сейм Эдвард Осубка-Моравский уступил пост премьер-министра другому руководителю ППС — Юзефу Цыранкевичу. Большое число социалистов были представлены в правительстве, сейме, государственном аппарате, профсоюзах и кооперативном движении. Левые социалисты, определявшие после войны политическую линию «восстановленной ППС», стремились избежать «советизации» внутренней жизни Польши. Они были сторонниками глубоких экономических и общественных преобразований, которые, как им казалось, ввиду своего антикапиталистического характера могли бы обеспечить им доверие Москвы. Просоветский курс в международной политике должен был сопровождаться союзом с коммунистами во внутренней политике. Руководство ППС хотело, чтобы деятельность партии основывалась на принципах ограниченного политического плюрализма, соблюдения гражданских свобод и законности, автономии общественных организаций во главе с профессиональными союзами и кооперативами, борьбы с бюрократизмом путем внедрения различных форм самоуправления и кооперации.

Социалисты допускали существование внутри ППС коммунистической агентуры, хотя и старались ослабить ее влияние. В принципиальных вопросах и кадровой политике руководство партии часто поддавалось давлению коммунистов, вместе с ними выступало против ПСА, принимало участие в избирательном блоке. Референдум и выборы поставили ППС в зависимость от коммунистов, поскольку они, не выразив публичного протеста против методов клеветы и террора, а также фальсификации итогов голосования, фактически согласилась с ними. После вывода из игры ПСА нажим ППР на социалистов усилился. Их концепция «социалистического гуманизма» была признана уступкой буржуазным влияниям. Экономические предложения социалистов были отвергнуты, и весной 1947 г. нача-

лась так называемая «битва за торговлю». Это привело к расширению сектора государственной торговли, установлению бюрократического контроля над кооперацией, ликвидации многих частных предприятий. В начале 1948 г. экономисты из социалистической партии были подвергнуты осуждению и лишены руководства в Центральном ведомстве планирования.

Весной 1948 г. — под давлением коммунистов и зная о положении дел в других странах советской сферы влияния, где одна за другой ликвидировались социалистические партии. — ППС согласилась на объединение с ППР. Этому способствовали иллюзии о якобы сильных позициях среди коммунистов группы Гомулки, которой приписывалось стремление уберечь Польшу от полной «советизации» и заимствования советских образцов. Однако на состоявшейся в конце августа — начале сентября 1948 г. сессии Центрального Комитета ППР Гомулка лишился поста секретаря, который был передан пользовавшемуся доверием Москвы президенту-коммунисту Болеславу Беруту. Коммунисты открыто заявили о своем стремлении использовать в Польше советский опыт. У ППС больше не было возможности отступать. Под давлением коммунистов ее руководство 15 декабря 1948 г. совершило политическое самоубийство, объединившись с ППР. Генеральным секретарем (с 1954 г. — первым секретарем) Польской объединенной рабочей партии оставался Берут. Меньше чем через год, в ноябре 1949 г., формально перестала существовать партия ПСЛ, объединившаяся с прокоммунистической Крестьянской партией в Объединенную крестьянскую партию (*Zjednoczone Stronnictwo Ludowe*).

Значение наступившего в 1948 г. перелома было весьма велико, хотя оценивается не всегда и не во всем верно. Массовые репрессии начались в Польше отнюдь не в 1948 г. Напротив, наиболее сильными они были в 1944—1947 гг., когда коммунисты боролись со своими политическими противниками из «подполья» и ПСЛ. Десятки тысяч людей были казнены по приговорам судов или убиты во время локальных боевых операций. Лишь с 1947 г. масштабы репрессий сократились, поскольку открытое сопротивление новым властям практически прекратилось. Особенностью репрессий, начавшихся в 1948 г., стало то, что их целью являлась не борьба с активными противниками коммунистического правительства, которых почти не осталось, а превращение общества посредством устрашения в податливую, бесформенную массу. Преследовали тех, кто подозревался в наличии независимых взглядов или в контактах с находившимися в стране или за границей противниками коммунизма, а также людей, имевших «гре-

«и прошлого»: бывших землевладельцев и капиталистов, офицеров, служивших до и во время войны, деятелей некоммунистических политических партий, высших чиновников довоенного времени и, наконец, без особого разбора, всех, кто в военные годы был связан с движением Сопротивления или находился на Западе. Репрессии также коснулись немалой части коммунистов во главе с Гомулкой и генералом Марианом Спыхальским, ведавшим в ПНР вопросами военного руководства. Это было вызвано недоверием Сталина к тем польским коммунистам, которые излишне подчеркивали свои национальные чувства и стремление к самостоятельности. Определенное влияние на направленность внутрипартийных репрессий имели и споры между соперничавшими фракциями.

Если первоначально органы безопасности, хотя и контролировавшиеся не столько правительством и ПНР, сколько советскими советниками, играли прежде всего роль инструмента партии в борьбе с ее противниками, то теперь, по-прежнему подчиняясь приходящим из Москвы указаниям, они сделали практически независимыми от партии и даже во многом поставили ее под свой контроль. Подобные перемены произошли и в армии. В 1949 г. Сталин направил в Польшу в качестве министра национальной обороны маршала Константина Рокоссовского. Офицеров, подозревавшихся в недостаточной услужливости, подвергали арестам и либо сразу отдавали под суд, либо готовили к показательным процессам. Советские военные советники заняли наиболее важные посты, в особенности в армейской службе информации — ведомстве, конкурировавшем с органами безопасности.

Экономическую политику теперь полностью определяла команда Минца. Она вводила правила бюрократического управления лишенными экономической самостоятельности предприятиями. Был провозглашен курс на форсированную индустриализацию, и в первую очередь на создание тяжелой промышленности, ведущим объектом которой стал строящийся в Новой Гуте под Краковом металлургический комбинат. Одной из основных целей индустриализации было увеличение промышленного потенциала, прямо или косвенно служившего вооружению страны. Индустриализация сопровождалась повышением интенсивности труда, что стимулировалось обязательным участием в соревнованиях. Другим ее следствием, по крайней мере в первые годы, являлось существенное снижение жизненного уровня. Впрочем, не было недостатка и в подлинном энтузиазме. При осуществлении шестилетнего плана на 1950—1956 гг. появился почти миллион новых рабочих мест. После довоенной безработицы и разрушений военных лет

Польша, казалось, расцветала на глазах. Однако реальное улучшение жизни было обещано в первую очередь будущим поколениям.

В области аграрной политики партия в 1948 г. отказалась от своих прежних обещаний и объявила о скором начале коллективизации. Этой перспективой оказалось достаточно, чтобы затормозить развитие сельскохозяйственного производства. Крестьяне просто боялись теперь делать какие-либо капиталовложения в свои хозяйства. Вскоре начал усиливаться грубый нажим с целью создания «производственных кооперативов». Это еще не было наступлением по всему фронту, однако все достаточно крупные крестьянские хозяйства уничтожались на глазах посредством прогрессивных налогов. Налогообложение было весьма произвольным, и самые высокие налоги взимались с любого активного противника колхозов. После падения уровня аграрного производства были введены обязательные поставки важнейших продуктов, в городах появились продовольственные карточки. Тысячи крестьян на более или менее длительные сроки оказались в тюрьмах. Произвол местных властей, работа которых оценивалась в соответствии с успехами в проведении коллективизации, выходил за рамки инструкций. Тем не менее часть сельской бедноты в эти годы стала жить несколько лучше. В соответствии с марксистскими догмами к «беднякам», если они не выступали активно против коллективизации, относились значительно мягче. К тому же у них появилась возможность найти работу вне сферы сельского хозяйства, а также дать образование детям.

Период интенсивного развития переживала область просвещения. Провозглашенная в 1949 г. борьба с неграмотностью являлась скорее пропагандистским мероприятием, поскольку неграмотных в Польше было немного, главным образом среди представителей старшего поколения. Более существенным стало создание системы семилетнего школьного обучения в деревне, а также профессионального, среднего и высшего образования. Благодаря огромному количеству стипендий, подготовительным курсам и предпочтению, которое при приеме в учебные заведения оказывалось молодежи из рабочих и крестьянских семей, процент последней среди студентов в течение нескольких лет увеличился в несколько раз. В то же время почти полностью был закрыт доступ к высшему образованию детям бывших помещиков, буржуазии, а также кадровых военных и полицейских, высших чиновников и политических деятелей довоенного времени. Распространение просвещения сопровождалось изменением программ на всех уровнях обучения и насыщением их марксистскими

Александр Кобзей. Подай кирпич! 1950. Варшава, Национальный музей.

В период сталинизма власти оказывали давление на творческие круги, требуя от художников создания политически ангажированных произведений, пропагандирующих новое общественное устройство. Согласно теории, социалистического реализма искусство было призвано отображать действительность; на практике же оно отражало несуществующий мир проектов правящих кругов. Героями создававшихся по заказу властей картин, кинофильмов, романов и песен должны были быть счастливые и радостные люди. Картина Александра Кобзея вполне отвечает принципам социалистического реализма. Ее центральный персонаж — монументальная фигура рабочего-камешника, а название картины — его клич, обращенный к двум другим, возможно менее умелым работникам. Но это также и призыв к зрителю: «Включайся в работу, помогай!» Таким образом, картина преследует пропагандистскую цель. Однако ее содержание не во всем расходится с правдой жизни. Хотя польское общество того времени испытывало нужду в лишениях, тем не менее именно это измученное войной поколение восстанавливало Польшу. Однако его труд был гораздо более тяжелым и драматичным по сравнению с тем, что представлен в искусстве соцреализма.

дминистрациями. В этом образовательном учреждении помогали Харцерская организация и Союз польской молодежи, объединявшие почти всех школьников и студентов.

Предпринимались беспрецедентные по энтузиазму усилия, направленные на популяризацию литературы, изобразительного искусства, музыки, кино, театра и архитектуры. Массовыми тиражами выпускались дешевые книги, устраивались выставки, предоставлялись дотации с целью снижения цен на театральные билеты, которые почти даром, а нередко и под нажимом приобретали работники предприятий. Это давало лишь частичный эффект, однако постепенно у населения, особенно среди молодежи, действительно сформировался интерес к культуре.

Содержание пропагандировавшихся произведений должно было соответствовать партийным указаниям. Приоритетной была классика — за исключением произведений религиозного содержания, явно консервативных или критических по отношению к России и русским. Еще больше усилий прилагалось для популяризации творчества современных авторов, если их сочинения соответствовали требованиям так называемого социалистического реализма, т. е. были «национальными по форме и социалистическими по содержанию». Помимо подражания народному искусству, сделались обязательными каноны реализма, хотя и с рядом заметных уступок в пользу классицизма и монументальности. В произведениях на исторические темы первостепенное значение придавалось либо «классовой борьбе», либо вековым страданиям угнетенных социальных слоев. Наибольшей поддержкой, однако, пользовались авторы, посвящавшие свое творчество современности. Их обязанностью являлась поддержка политики партии и разоблачение внутренних и внешних классовых врагов. И пожалуй, только загадочностью души художника можно объяснить то, что не только молодые и неопытные авторы, но и многие выдающиеся мастера поддались искушению принять соцреализм.

Деятели науки почти полностью оказались лишены контактов с зарубежными коллегами, если не считать ученых из Советского Союза и других коммунистических стран. Однако контроль над точными и естественными науками был слабее, хотя и в этой области, в соответствии с тогдашними советскими установками, подвергалась осуждению теория относительности и генетика. Гораздо больше пострадали гуманитарные и общественные науки, втиснутые в прокрустово ложе марксизма-ленинизма. Обязательным сделалось рабское преклонение перед всяким словом «классиков», в особенности Сталина, запрещалось критиковать что-либо опубликованное в Советском Союзе. Хотя кадровых ограничений в отношении старой профессуры было сравнительно немного, исследовательские инсти-

туты и высшие учебные заведения постепенно старались пополнять молодыми, партийными кадрами. Порой этот метод приносил неожиданные результаты. Над идеологией одерживали верх ценности профессионализма, чему не в последнюю очередь способствовало щедрое финансирование науки.

Со временем коммунисты начали предпринимать все более активные действия против религии и церкви. Сначала сократилось количество времени на преподавание религии, затем этот предмет был полностью исключен из школьных программ. Под различными предлогами чинились препятствия проведению катехизации в церковных помещениях. Подвергались гонению работники (особенно занимавшие высокие посты), которые принимали участие в богослужении или устраивали в соответствии с религиозными традициями крещение, свадьбу или похороны. Как и в СССР, особое внимание уделялось атеистическому воспитанию молодежи. Коммунистическая пропаганда старалась всячески дискредитировать католическую церковь, представляя ее на всем протяжении истории орудием имущих классов и рассадником лжи. Это сопровождалось действиями, направленными против духовенства. Священников приваскали к суду по политическим и бытовым обвинениям. Наиболее громким стал процесс епископа Келедского Чеслава Качмарека. Одновременно, используя метод кнута и пряника, власти старались оказывать влияние на часть духовенства, которую пытались объединить в различные организации «священников-патриотов». Таким послушным священникам передали отнятую у церкви благотворительную организацию «Милосердие» («Caritas»).

Большую помощь властям оказывала политическая группировка, сплотившаяся вокруг Болеслава Пясецкого. Бывший глава «Фаланги» (крайне правая фракция Национально-радикального лагеря), возглавлявший в военные годы Конфедерацию нации, в конце войны установил прямые контакты с советскими организациями, а затем и польскими коммунистами. Уже в 1945 г. Пясецкий начал издавать еженедельник «Сегодня и завтра» («Dziś i jutro», а в 1947 г. основал объединение «Пакс» (Pax)¹, призванное стать движением «социально прогрессивных католиков». В 1953 г. власти сделали невозможной дальнейшую деятельность католической группы «Всеобщего еженедельника» в Кракове. За отказ почтить, в соответствии с требованиями властей, память умершего Сталина выход этого еженедельника был приостановлен. Позднее журнал передали «Паксу», а главным его редактором стал один из деятелей этой организации — Ян Добрачинский.

Конфликт между коммунистическим государством и католической церковью достиг особого накала, когда власти потребовали, чтобы все священники присягнули на верность государству. Примас Польши, кардинал Стефан Вышинский, который, несмотря на репрессии, стремился соблюдать условия заключенного в 1950 г. соглашения с коммунистическим государством, признал, что на дальнейшие уступки идти нельзя. Польский епископат отказался подчиниться властям. В своем напуганном обращении епископы заявили: *non possumus* («мы не можем»). Двадцать шестого сентября примас был лишен возможности выполнять свои обязанности и взят под стражу. Под охраной сотрудников органов безопасности его держали в нескольких монастырях, дольше всего в Команче². Отказ примаса представлял собой скорее символический жест, поскольку он сам, сознавая безвыходность положения, советовал, чтобы остальное духовенство принесло присягу. Епископы пошли на это спустя неполных три месяца. Тем не менее в течение последующих двух лет многие из них были арестованы. В заключении оказались также тысячи священников и монахов, множество церквей и монастырей было закрыто. Многие свидетельствовали о том, что коммунисты хотят оторвать польский католицизм от Рима и придать ему характер национальной церкви, находящейся под полным контролем государства. Результаты борьбы против религии и церкви оказались, впрочем, незначительными. Преследуемая церковь все больше превращалась в символ всего польского, в оплот духовной независимости польского народа. Хотя открыто продемонстрировать свою солидарность с гонимой церковью решались немногие, ей хранили верность в лоне семьи и среди друзей, обращаясь к католическому учению в поисках ответа на вопросы нравственного порядка.

Наступление на католицизм пришлось на то время, когда коммунисты столкнулись с серьезными трудностями в других областях. Пятого марта 1953 г. умер Сталин. После смерти диктатора в Советском Союзе разгорелась борьба за власть, за которой пристально следили в страхах, зависевших от СССР. Первым громким событием стало появление в июле сообщения об аресте многолетнего руководителя советских органов безопасности Лаврентия Берия и последовавшее в декабре известие о его казни. Эти действия советского руководства объяснялись стремлением лишить органы безопасности их главенствующего положения по отношению к прочим звеньям государственной власти. С лета 1953 г. начала постепенно разворачиваться критика «культа личности». Под этим эвфемизмом скрывалась крити-

ка единовластия и неограниченного полицейского произвола, создавшего в среде партийных и государственных кадров ощущение личной угрозы.

Поначалу казалось, что Польша находится на обочине начавшейся «десталинизации». Однако и здесь началась чистка органов безопасности, которые через советских советников были связаны с окружением Берия. Во время этих чисток в декабре 1953 г. бежал на Запад заместитель директора одного из важнейших департаментов безопасности — Юзеф Свято. Его откровения о формах и масштабе репрессий в Польше, переданные сначала польской редакцией радио «Свободная Европа», а затем и другими западными радиостанциями, касались главным образом внутренней ситуации в ПОРП и не давали полного представления о репрессиях. Свято сообщал в первую очередь о стремлении органов безопасности поставить под свой контроль руководство партии. Пропаганда ПОРП оказалась не в состоянии разрядить возникшую в партийных рядах напряженность, но общество в целом реагировало на эту информацию довольно вяло. Многие знали о коммунистическом терроре по собственному опыту, и факт репрессий против самих коммунистов не вызвал чрезмерных эмоций.

Имели место и попытки скорректировать польскую экономическую политику, предпринятые, впрочем, по рекомендациям советского премьера Георгия Маленкова³. На II съезде ПОРП в марте 1954 г. были внесены некоторые изменения в шестилетний план. Если в первые годы реализации план корректировали с целью увеличения капиталовложений в тяжелую и военную промышленность, то теперь, наоборот, инвестиции старались придержать, уделяя больше внимания легкой промышленности и сельскому хозяйству, ослабляя при этом усилия, направленные на коллективизацию села. Как обычно бывает при внесении коррективов сверху — без соответствующего давления самого общества, — эффект оказался небольшим. Колеса вертелись в том же направлении, хотя и несколько медленнее. Отказались лишь от наиболее грубых методов пропаганды колхозного строя.

Внутри партии все чаще велись дискуссии, главным образом о злоупотреблениях органов безопасности. Руководство ПОРП не могло отказаться давать требуемые объяснения, однако попыталось уклониться от ответственности, свалив вину на нескольких человек из Министерства общественной безопасности. В октябре 1954 г. состоялось совещание актива ПОРП. Его планировали посвятить, в соответствии с тогдашней официальной фразеологией, изменению стиля работы и восстановлению «ленинских норм партийной жизни».

Однако наибольшее значение имело публичное признание нарушений законности Министерством общественной безопасности и обещание провести чистку в его аппарате. Были названы имена нескольких виновных, являвшихся высокопоставленными функционерами органов безопасности. В начале 1955 г. Министерство общественной безопасности было разделено на два министерства. Этим воспользовались как удобным случаем, чтобы доверить его руководителю, Станиславу Радкевичу, на второстепенное, хотя и почетное направление, назначив министром государственных земельных хозяйств.

Все эти шаги не произвели на общество особого впечатления. Они не удовлетворили и тех членов партии, которые добивались объяснений, в особенности интеллектуалов, и деятелей из Союза польской молодежи. Однако руководство ПОРП стремилось как можно скорее закрыть это дело. В адрес внутрипартийных критиков звучали неоднозначные замечания, а с середины 1955 г. им стали открыто угрожать. По авторитет руководства ослаб настолько, что окрики оставались безрезультатными. На некоторое время предметом дискуссии стала опубликованная в августе 1955 г. «Поэма для взрослых», которую написал поэт-коммунист Адам Важики. Этот текст подвергся осуждению со стороны руководства партии, однако Важики поддержали многие партийные интеллектуалы, особенно в кругах, связанных со студенческим еженедельником «Попросту» (*«Po prostu»*). Сам по себе конфликт не имел большого значения, но за ним скрывались весьма серьезные противоречия. Начались столкновения в руководящей элите ПОРП, где постепенно складывалась группа «либералов», готовых пойти на значительные уступки в отношении свободы взглядов внутри партии, а консервативное крыло понемногу теряло свои позиции. Именно в этот период сыграл свою роль новый, на сей раз внешний фактор.

Примечания

¹ «Мир» (лат.).

² Команча — горное село на юге Польши.

³ В марте 1953 — январе 1955 г. Маленков занимал пост Председателя Совета министров СССР.

XX. Первая попытка реформирования системы

В феврале 1956 г. на XX съезде Коммунистической партии Советского Союза, первом съезде после смерти Сталина, Н.С. Хрущев выступил с секретным докладом о так называемом культе личности, как он называл преступления Сталина. Руководитель СССР говорил почти исключительно о преступлениях, совершенных против коммунистов, и почти не уделил внимания миллионам других жертв. Вне зависимости от того, что побудило Хрущева прочесть доклад, бросивший тень на советскую политику предшествующих десятилетий, выступление привело к обострению внутрипартийных конфликтов во всех странах советского блока.

Ситуация в Польше еще более осложнилась. По окончании XX съезда первый секретарь ПОРП Болеслав Берут, который был болен, остался в Москве, где и умер 12 марта. По весьма правдоподобным сообщениям, он перенес шок, результатом которого стали несколько сердечных приступов. Возможно, это было также связано со страхом перед возвращением в страну, где руководство ПОРП еще ранее подверглось острой критике. Смерть Берута открыла период борьбы за руководящие посты в партии и ослабила группу, прежде игравшую в ней ведущую роль. Наряду с Берутом и Радкевичем в нее входили Якуб Берман и Хиларий Минц.

Не совсем ясно, как (возможно, могло иметь место конфиденциальное предложение самого Хрущева) его секретный доклад попал в Польшу и был растиражирован. Публикация предназначалась для членов ПОРП, но вскоре текст доклада продавали даже на книжных лотках. Партийный аппарат и органы безопасности были буквально раздавлены обнародованной информацией о сталинских преступлениях. После нескольких лет террора и, казалось бы, полной безнадежности общество начало распрямляться.

Свидетельством этому стали события в Познани, потрясшие Польшу в 1956 г. Рабочие завода имени Цегельского организовали за-

бастовку, протестуя против незаконного палогообложения и начисления им более низкой, чем следовало, заработной платы. Двадцать восьмого июня бастовала уже вся Познань. В ответ на забастовки и демонстрации власти дали милиции приказ открыть огонь, а когда она не смогла справиться, ввели в город войска. Последовали кровавые расправы, аресты и судебные процессы. Сначала руководство ПОРП объясняло познанский бунт влиянием «классовых врагов» и «иностранный агентуры». Однако вскоре были предприняты попытки сделать более серьезные выводы. В партийном руководстве обозначились два течения, по-разному видевшие пути выхода из затянувшегося политического кризиса. Первый путь предполагал «демократизацию» существующей системы, прежде всего внутрипартийной жизни. Более радикальное крыло этой группировки было готово к далеко идущим реформам и поддерживало создание рабочих совестов на крупных производственных предприятиях. Представители другого направления стремились сосредоточить внимание общества на допущенных злоупотреблениях и делали акцент на пропаганде идеи всеобщего равенства. При случае они не гнушались и более или менее явной антисемитской аргументацией. Роль козла отпущения отводилась коммунистам еврейского происхождения. Существенного реформирования системы не предполагалось.

Евреи составляли довольно многочисленную группу членов коммунистической партии в межвоенной Польше. Впоследствии они стали играть заметную роль в руководящих кадрах ПОРП, а также в органах безопасности. Поэтому идея возложить на евреев ответственность за неудачи и злоупотребления не казалась тогда столь абсурдной, как это представляется по прошествии многих лет. Однако призывы обратить внимание на евреев исходили от видных партийных деятелей, чье личное участие в проведении преступной политики никак не подлежало сомнению.

Двум течениям соответствовали две соперничавшие политические группировки. Одну из них называли «пулавской» — от Пулавской улицы в Варшаве, где проживало несколько ее представителей. Другую именовали «натолинской» — по названию небольшого правительственного дворца в Натолине, где ее участники собирались под покровительством председателя Государственного совета Александра Завадского. Обе группы стремились найти соответствовавшего изменившейся обстановке нового руководителя, который бы не был замешан в преступлениях последних лет и в то же время имел коммунистическое прошлое. Этим требованиям отве-

чал Владислав Гомулка, бывший генеральный секретарь ППР. Он был освобожден из заключения еще в 1954 г., но лишь в 1956 г. обе группировки начали искать контакта с ним, выступая со своими предложениями по выходу из кризиса.

Москва поддерживала «натолинцев», однако «пулавская» группа обладала более прочной социальной базой. Ее представители все чаще обращались к широким кругам общества, обещая проведение реформ. Более того, поддержка, оказывавшаяся Советским Союзом «Натолину» («Natolin»), склонила «Пулавы» («Puławy») к выступлению с лозунгом защиты независимости польского государства и партии. С июля по октябрь 1956 г. «пулавская» группировка добилась преобладания в средствах массовой информации и обеспечила себе влияние на большей части крупных предприятий и в вузах. На ее стороне были симпатии партийной интеллигенции. По всей видимости, эти преимущества повлияли на решение Гомулки, хотя он также разделял и программу защиты государственной и партийной независимости. Исходя из этого, он решил встать на сторону «пулавской» группы.

Девятнадцатого — двадцать первого октября 1956 г. состоялся VIII пленум Центрального комитета ПОРП. На начало его работы дислоцированные в Польше советские войска ответили передвижениями в направлении Варшавы. Вместе с ними по приказу своего командования двинулись многие польские части. Кто отдал их командирам эти распоряжения — неизвестно. Министр национальной обороны маршал Рокоссовский публично отрекся от этого. В свою очередь, заседания ЦК проводились под прикрытием подразделений корпуса внутренней безопасности и полка правительственной охраны.

Советские войска остановились в окрестностях Ловича¹. В это самое время в Польшу без приглашения прилетела группа советских политических и военных руководителей во главе с Хрущевым. Заседания ЦК были прерваны. Переговоры Гомулки и сопровождавших его деятелей ПОРП с советской делегацией были строго засекречены. Тем не менее известно, что советские руководители угрожали вооруженным вмешательством, а польские — заявляли о готовности оказать сопротивление. В итоге руководители СССР уступили и отдали войскам приказ вернуться на свои базы. Возможно, Гомулке во время бесед удалось убедить их в своей коммунистической правоверности. На последующих заседаниях ЦК избрал новое высшее руководство ПОРП, состоявшее главным образом из представителей «Пулав».

Октябрьские перемены оказались куда более значительными, чем того хотели Гомулка и большинство «шулавской» группы. Возможность советской интервенции неожиданно для них создала атмосферу революционного и национального подъема, всеобщей активности и воодушевления. С радостью был воспринят отзыв Рокоссовского и других советских офицеров. Почти повсеместно сменился состав партийного руководства. В гминах и поватах местное население оказывало прямое давление на выборы. Наиболее ненавистных директоров вывозили с предприятий на тачках. На многих фабриках были избраны рабочие советы, призванные стать гарантией демократизации экономической сферы и ликвидации бюрократических методов управления. Несмотря на призывы Гомулки сохранить существовавшие па селе производственные кооперативы, почти все они самораспустились. Уступая всеобщим требованиям, власти освободили интернированного примаса Вышинского, арестованных епископов и священников. Им пришлось также на несколько лет смириться с восставлением преподавания основ религии в школе. Средства массовой информации некоторое время работали практически без контроля со стороны цензуры, полностью дезориентированной и не имевшей надлежащих инструкций.

Некоторым утешением для Гомулки могли стать возросшее в обществе доверие к партии и активизация партийных организаций на предприятиях. В рабочие советы вошло много членов ПОРП. Несмотря на радикальные настроения, они послушно исполняли указания партийного руководства. Хотя и не без некоторого сопротивления с их стороны, им вскоре вменили в обязанность проведения через рабочие советы решений партийных властей. Однако насколько далеко продвинуты реформы, все еще оставалось неясным. Немалую роль в их торможении сыграло крушение коммунистической системы в Венгрии, за которым последовали советская интервенция и подавление восстания силой. Гомулка воспользовался этими событиями для восстановления в Польше «спокойствия и порядка». На заседаниях всепольского совещания партийного актива в Варшаве 4 ноября 1957 г. он впервые занял недвусмысленную консервативную позицию. Венгерские события стали шоком и для общества в целом. За предоставление кредита доверия Гомулке высказалась церковь.

На выборах в сейм 20 января 1957 г. Гомулка добился успеха. По-видимому, результаты выборов не были фальсифицированы, во всяком случае не в больших размерах. Явка избирателей колебалась

от 80 до 90%; пришедшие прислушались к призывам Гомулки не пользоваться предоставленной им возможностью вычеркивать кандидатов, возглавлявших списки. В случае голосования без вычеркиваний они считались избранными. Во всей Польше не прошел лишь один такой кандидат. На исход выборов оказала влияние и позиция церкви. Она поддержала списки Фронта национального единства, хотя и не присоединилась к призыву партии голосовать, не вычеркивая. Тогда, единственный раз в истории ПНР, примас Вышинский позволил сфотографировать себя во время голосования. После выборов партия предприняла действия с целью восстановления монополии коммунистов на власть, руководство обществом и информацией. Оживился партийный аппарат, вернулись уволенные в октябре кадры, менялся состав редакций, была восстановлена строгая цензура. Эти процессы шли медленно, но планомерно и в одном направлении.

Окончание «польского Октября» могли символизировать три события 1957—1958 гг. Летом 1957 г. была жестоко подавлена забастовка трамвайщиков в Лодзи. Там впервые использовали созданные уже при Гомулке и специально обученные подразделения милиции, вооруженные слезоточивым газом, водометами, резиновыми дубинками и другими средствами. В ту пору эти подразделения называли в народе отрядами «Голендзинова» — по названию места их расположения. Значительно позже они получили название «Моторизованные резервы гражданской милиции» (*Zmotoryzowane Odwoły Milicji Obywatelskiej*). Отряды «Голендзинова» подавили и выступления варшавских студентов, протестовавших против закрытия властями в октябре 1957 г. еженедельника «Попросту». Этот журнал служил своеобразным рупором наиболее радикального крыла сторонников внутрипартийных реформ.

Наибольшее значение имело принятое в 1958 г. решение о роспуске рабочих советов и преобразовании их в направляемые партийным аппаратом «конференции рабочего самоуправления». Эти органы имели мало общего с подлинным самоуправлением, значительная часть их членов делегировалась ПОРП и различными заводскими организациями во главе с профсоюзами. Таким образом были уничтожены плоды единственной серьезной реформы, проведенной после октября 1956 г. Происшедшее ранее частичное лишение этих советов самостоятельности оказалось недостаточным, однако облегчило их последующую ликвидацию. Многие рабочие потеряли веру в смысл деятельности советов и проявляли равнодушие к ним. В качестве элементов «конференций рабочего самоуправления» рабочие советы

сохранялись на некоторых предприятиях и в 60-х годах, однако, не обладая никакими правами и не пользуясь доверием трудовых коллективов, не проявляли активности и со временем окончательно прекратили существование.

Более долговременные перемены произошли в деревне. Гомулка не отказался от идеи «обобществления сельского хозяйства», однако на первых порах проводившаяся аграрная политика в целом была выгодна для крестьян. При этом все же сохранялись обязательные поставки, являвшиеся формой натурального налога. Это давало государству возможность контролировать рынок сельскохозяйственной продукции. Чтобы не допустить чрезмерного укрепления крестьянских хозяйств, оказывалось противодействие индивидуальной механизации. Машины передавались государственным или кооперативным хозяйствам, в том числе недавно появившимся и подвергшимся вскоре бюрократизации «сельскохозяйственным кружкам». Октябрьские события 1956 г. на несколько лет дали импульс расширению сельскохозяйственного производства. Но затем вновь появились сомнения относительно подлинных намерений властей, искусственно сдерживавших рост рентабельности хозяйств крестьян-единоличников и не жалевших привилегий для «социалистических хозяйств». Аграрный сектор оказался в состоянии застоя. Начались перебои в снабжении населения продовольственными товарами, особенно мясом.

Несмотря на первоначальное недоверие советского руководства, Гомулка довольно быстро сумел найти с ним общий язык. Другое дело, что советская сторона получила в свое распоряжение новые средства давления, более тонкие, чем прежнее использование прямых директив. Совет экономической взаимопомощи существовал с 1949 г., но лишь с конца 50-х годов активизировалась его деятельность по развитию более тесных отношений отдельных стран с Советским Союзом и между собой. Еще большее политическое значение имело подписание в 1955 г. при участии всех европейских коммунистических государств Варшавского договора. Армии этих государств были подчинены единому командованию, во главе которого всегда стоял представитель СССР.

Чем больше уходил в прошлое «Октябрь», тем более теряли смысл две возникшие тогда политические концепции. Первую из них руководство ПОРП во главе с Гомулкой называло «ревизионизмом». Главным интеллектуальным представителем этого направления, которое, оставаясь внутри партии, добивалось ее реформирования и трансформации всей системы, выступал философ Лешек Колаковский. Важнейшим местом дискуссий стал «Клуб Кипиего Кола»², распу-

щенный в начале 1962 г. Другая концепция пользовалась популярностью прежде всего в кругах католической интеллигенции. Вскоре после «Октября» сложились группы вокруг восстановленного издания «Всеобщий еженедельник» и ежемесячников «Знак» («Znak») и «Связь» («Więź»). Католическая группа «Знак» пользовалась большим доверием со стороны примаса Вышинского. Католики из этих кругов, не питая излишних надежд, все же рассчитывали на нормализацию отношений между властями и церковью, на определенную степень свободы развития культуры и науки, на элементарное правосудие и проведение разумной экономической политики.

Консервативные элементы партийного аппарата не питали особых симпатий к Гомулке, однако сам он все же старался заручиться их поддержкой. При этом он решительно противостоял «ревизионистам». Уже в 1959 г. он отстранил от участия в руководстве партии ряд сравнительно либеральных деятелей. Постепенно складывалась новая сильная фракция, которую возглавлял вице-министр внутренних дел Мечислав Мочар. Ее члены, которых иронически называли «партизанами», любили ссылаться на свои заслуги, связанные с участием в вооруженной борьбе Армии Людовой в годы немецкой оккупации. Они пропагандировали своеобразный культ боевого товарищества, несвободный от национализма. Последний был направлен против немцев и украинцев — в связи с военным прошлым, а также против евреев, которым «партизаны», вслед за «натолинской» группой, приписывали решающую роль в сталинских репрессиях в Польше. В более завуалированной форме члены группы Мочара позволяли себе выражать и неприязнь к русским. «Партизаны» противопоставляли коммунистов, находившихся во время оккупации в стране (и в особенности сражавшихся в партизанских отрядах), тем, кто прибыл вместе с советскими войсками — «в шинелях» — и потому не имел элементарных представлений о том, что пережило население оккупированной Польши.

Наступление «партизан» было направлено против остатков «пулавской» группы. Мочар пользовался поддержкой некоторых ближайших к Гомулке функционеров, в особенности Зенона Клишки и Рышарда Стшелецкого, которым хотелось при случае свести старые личные счеты. В Катовицах им вторил тамошний секретарь воеводского комитета Эдвард Герек, который, стремясь укрепить свою власть на местном уровне, создавал себе репутацию хорошего хозяйственника. Гереку и в самом деле удалось добиться для Верхней Силезии ряда привилегий. Частично ими пользовался партийный и государствен-

ный аппарат, в определенной степени — население, особенно коллективы шахт, металлургических заводов и других крупных промышленных предприятий. В июле 1963 г. противники «Пулав» общими усилиями добились устранения главы этой группы Романа Замбровского, смещенного с постов в партийном руководстве. Помимо прочего, это означало победу сторонников бюрократического управления экономикой, так как Замбровский на заключительном этапе своего пребывания в руководстве ПОРП стал покровителем сторонников реформы.

Гомулка испытывал все большую неприязнь к интеллектуальной среде. В январе 1964 г. выдающиеся польские интеллектуалы и писатели направили премьеру Цыранкевичу «письмо тридцати четырех», в котором довольно робко потребовали смены политики в области культуры, увеличения количества публикаций и их тиражей и ограничения вмешательства цензуры. Письмо вызвало острую критику со стороны властей, объявивших тех, кто его подписал, в целенаправленных антигосударственных действиях. Это стало ударом не только по «ревизионистам», но и по многим интеллектуалам, стоявшим вне политики или близким к католическим кругам.

В середине 60-х годов общество охватила апатия. Гомулка пытался предпринимать усилия по развитию промышленности, но уровень жизни по-прежнему оставался низким, а сравнение с западными странами становилось все более невыгодным для Польши. В состоянии безнадежного кризиса пребывала и официальная идеология. Его пытались преодолеть с двух сторон. Представители молодого поколения «ревизионистов» Яцек Куронь и Кароль Модзелевский в 1964 г. начали распространять идеи демократизации партии и опоры коммунистической власти на рабочее самоуправление. Исключенные из партии, они в марте 1965 г. выступили с «Открытым письмом», после чего сразу же были арестованы и приговорены к трем годам тюрьмы. Это вызвало возмущение в близкой им среде молодых интеллектуалов и студентов, которых полиция называла «коммандос». Другой способ реанимировать коммунизм предлагали публицисты, близкие к «партизанам», среди которых особенно выделялся полковник Збигнев Залуский. Он стремился соединить верность Москве и коммунизму с почитанием национальной традиции, обращался к романтике эпохи восстаний и вооруженной борьбы, боролся против космополитов и «заопыхателсей». Пользуясь поддержкой Мочара, Залуский не опасался обвинений в том, что отходит от марксизма и по сути проповедует национализм.

Гомулка, «ревизионисты», «партизаны» и остававшаяся в резерве силезская группа Герека, несмотря на разногласия, совместно проти-

востояли попыткам церкви сказать свое слово. Острое столкновение произошло в середине 60-х годов и было связано со сферой внешней политики. Одним из священных принципов польских коммунистов были постоянные предостережения о немецкой угрозе, что позволяло подкреплять «марксистские» обоснования необходимости союза с СССР геополитическими аргументами. В Бонне все еще судорожно цеплялись за постулат о законной принадлежности Германии земель к востоку от Одера и Нейсе (Одры и Нысы). Первые признаки готовности согласиться с послевоенными реалиями обозначились в 1965 г. среди немецких протестантов. Католическая церковь Польши, которая в принципе стремилась воспрепятствовать использованию неприязни к немцам в политических целях, еще в большей степени хотела избежать неблагоприятного для немецких католиков сравнения с протестантами. Поэтому 18 ноября 1965 г. польские епископы обратились с письмом к немцам, в котором еще раз напомнили о преступлениях нацистской Германии, признав при этом, что ответом на них стали, среди прочего, несправедливости, совершенные по отношению к немецкому населению. В соответствии с духом христианской религии они «прощали и просили о прощении». Коммунисты отреагировали на это письмо яростной пропагандистской кампанией. Епископов обвиняли в предательстве национальных интересов, недостойном поляков забвении немецких злодеяний, смешивании религии с политикой. Некоторое время эти откровенно националистические нападки, казалось бы, оказывали влияние на настроения в обществе. Но вскоре выяснилось, что у католицизма осталось множество приверженцев. Когда в 1966 г. церковь торжественно отмечала тысячелетие христианства в Польше, власти попытались преуменьшить значение этих торжеств, устроив собственное празднование «Millenium» («Тысячелетия») польской государственности. В условиях конкуренции двух празднеств окончательно выяснилось, насколько сильно католическая вера и традиция продолжают воздействовать на умы миллионов поляков.

Постепенно острота конфликта ослабевала, хотя возвращения к «октябрьскому» взаимопониманию между Гомулкой и Вышинским уже не было. Зато усиливался антагонизм между рвущимися к власти «партизанами» Мочара и остатками «пулавской» группы, а также радикальным «ревизионистским» течением в среде интеллигенции и молодежи. Аппарат государственной безопасности во главе с Мочаром, назначенным в декабре 1964 г. министром внутренних дел, все чаще, хотя пока еще осторожно, обращался к антисемитским лозун-

гам. Партийные власти яростно критиковали непослушных интеллектуалов. Колаковского исключили из партии — после доклада, прочитанного им в 1966 г., в годовщину польского «Октября».

Последний барьер «партизанам» позволили преодолеть внешние обстоятельства — арабо-израильская война в июне 1967 г. По примеру советского руководства польские коммунисты начали ожесточенную «антисионистскую» кампанию, являвшуюся по сути антисемитской. В Польше «сионизм» связывали с представителями прежней «пулавской» группы. Их начали вытеснять с постов и обвинять в несоответствии польским интересам и в преступлениях сталинизма. Гомулка поддался этим настроениям, возможно получив тенденциозную информацию о «сионистских» заговорах. Девятнадцатого июня в публичном выступлении он осудил польских «сионистов», посоветовал им сделать выбор между Польшей и Израилем и порекомендовал тем, кто хотел бы иметь «две родины», покинуть Польшу. Наряду с антисемитизмом усилилась антинемецкая пропаганда. Сотрудник Мочара — шеф еврейского отдела в Министерстве внутренних дел Тадеуш Валиховский даже опубликовал книгу (признанную диссертацией) об «оси Берл — Тель-Авив».

Антисемитская кампания породила в польской общественной жизни нервозность и даже истерию. Интеллектуалы восприняли эту кампанию с чувством стыда и возмущением, но при этом сами все больше подвергались травле за космополитизм и отсутствие национальных чувств. Нервозность еще более усиливалась, по мере того как становилось известно о переменах, происходивших в Чехословакии, где в январе 1968 г. к власти пришла команда коммунистов-реформаторов во главе с Александром Дубчеком. В студенческой среде в то время действовали две группы, солидаризировавшиеся по целому ряду принципиальных вопросов. Одну из них составляли выпшедшие из круга «ревизионистов» «коммандос», среди них — только что освобожденные из тюрьмы Куронь и Модзелевский, а также наиболее выдающийся представитель тогдашней молодежи Адам Михник. К другой группе принадлежала молодежь, продолжавшая антикоммунистическую традицию, например Якуб Карпинский. В январе 1968 г. студенты с энтузиазмом отреагировали на спектакль по «Дядям» Мицкевича, который поставил в варшавском Национальном театре (Teatr Narodowy) Казимеж Деймек. Высказывания героев о необходимости борьбы с Россией за национальную независимость и свободу мысли встречались демонстративными овациями. Получив информацию об этом, Гомулка принял казавшееся невероятным решение о за-

прете дальнейших представлений «Дзядов». На манифестацию студентов у памятника Мицкевичу полиция ответила задержанием инициаторов, а ректор Варшавского университета — наказаниями за нарушение дисциплины. Это переполнило чашу терпения гораздо более умеренных и старших по возрасту писателей. На состоявшемся 29 февраля 1968 г. собрании варшавского отделения Союза польских литераторов они осудили действия властей, назвавших Стефаном Киселевским «диктатурой невежд».

Все эти действия были, однако, лишь подготовкой к выступлению «партизан», которое по своему характеру напоминало путч. После истории с «Дзядами» двое студентов, в том числе Адам Михник, были исключены из университета. Восьмого марта в Варшавском университете состоялся митинг протеста, на участников которого набросились с дубинками вспомогательные отряды милиции. На несколько последующих дней в Варшаве, а также во всех других университетских городах полиция ввела свособразное чрезвычайное положение. Молодежь на улицах подвергали избиениям и арестам. В прессе появились заявления о разоблачении «сионистского заговора». На крупных предприятиях в обязательном порядке собирались «антисионистские» митинги, раздавались призывы к устранению «сионистов» со всех постов и даже к изгнанию их из Польши.

«Партизанам» казалось, что они поставили под свой контроль не только силы государственной безопасности, но также партию и средства массовой информации. К кампании против «сионистов» с энтузиазмом подключилось объединение «Пакс» во главе с Пясецким. Возможно, он увидел в ней запоздавший на 30 лет триумф национально-радикальных идей. Сопротивление оказали одни лишь студенты, ответившие на репрессии забастовками, охватившими значительную часть вузов. Против действий властей протестовали католические депутаты из группы «Знак»; их позиция была изложена в прочитанном Ежи Завейским парламентском запросе. Письмо по этому вопросу также подготовил епископат, однако оно не было обнародовано. Тем не менее во многих костелах священники в своих проповедях осудили издевательства над студентами и антисемитскую пропаганду.

Вероятно, Мочар надеялся, что в результате заранее подготовленной провокации ему удастся принудить Гомулку передать ему всю полноту власти. Глава партии молчал долгие дни. Первым 14 марта высказался катовицкий секретарь Герек. В переданном по телевидению выступлении он присоединился к тезису о «сионистском заговоре», но при этом твердо заявил о своей поддержке Гомулки. Пятью днями

позже, 19 марта, Гомулка собрал в Варшаве актив ПОРП. В своем выступлении он подверг нападкам «сионистов» и интеллектуалов, но одновременно попытался как-то обуздать не в меру разбушевавшихся антисемитов. Хотя он и не встретил всеобщего одобрения, однако дал понять, что не намерен уступать власть Мочару. Герек же стал после этого вторым лицом в партийном руководстве.

Итоги мартовских событий 1968 г. не были однозначными. Авторитет Гомулки был серьезно подорван. Герек упрочил свои позиции, но вскоре стали чинить препятствия и ему. На первый взгляд многого добился Мочар, который провёл своих приверженцев на ключевые посты. Тем не менее ему не удалось занять официальное место в узком кругу руководителей ПОРП. Некоторые из «партизан» в поисках более сильного покровителя начали обращать свои взоры в сторону Катовиц. В долгосрочной перспективе более важное значение имели иные итоги мартовских событий. Целое поколение молодой интеллигенции испытало ощущение собственной слабости, но вместе с тем прониклось чувством несправедливости к режиму, прибегавшему к полицейским дубинкам, публичной лжи, исключениям из вузов и увольнениям с работы. Эти чувства еще больше окрепли, когда в августе 1968 г. польская армия вместе со своим советским союзником вторглась в Чехословакию и помогла удушить Пражскую весну — едва успевшую начаться реформу коммунистической системы.

Застой в Польше становился все более очевидным. В условиях кризиса аграрного производства и перебоев в снабжении населения продовольствием команда Гомулки не могла предложить лучшего лекарства, чем возобновление попыток «обобществления сельского хозяйства». Под давлением властей значительная часть крестьянской земли перешла в собственность государственных земледельческих хозяйств. В партийном и государственном аппарате налицо были признаки разложения. Воеводства превращались в удельные княжества партийных секретарей. Усиливалось ощущение безнадежности и отсутствия перспектив. Не имели своей программы даже противники Гомулки. Самые выдающиеся идеологи «ревизионизма», в том числе Колаковский, оставили надежды реформировать систему изнутри и отправились в эмиграцию. Католики из группы «Знак» утратили надежды в возможность длительного компромисса с коммунистами. Не было перспективной концепции и у первой подпольной организации «Рух» («Ruch»), занимавшейся пропагандистской деятельностью и готовившей акцию протеста — сожжение музея Ленина в Поронине. Прежде чем это произошло, члены «Руха» были арестованы (1970).

В конце 1970 г. Гомулка добился большого успеха во внешней политике. В Федеративной Республике Германии уже с 1967 г. искали возможности улучшить отношения с восточноевропейскими странами. В 1969 г. было сформировано коалиционное правительство социал-демократов и либералов во главе с канцлером Вилли Брандтом. Седьмого декабря 1970 г. между Польшей и ФРГ был подписан договор об установлении дипломатических отношений и о взаимном признании границ. Самым поразительным было то, что этот несомненный успех вызвал в польском обществе довольно мало интереса. Немецкая карта уже столько раз использовалась в польской внешней политике, настолько была заиграна в пропагандистских кампаниях, что значительная часть населения просто перестала интересоваться польско-немецкими отношениями. Гомулка пожинал плоды своего провинциализма в международных делах, которые он годами подчинял потребностям внутренней политики. Когда спустя несколько дней руководитель ПОРП, убежденный во всеобщем признании своих достижений, предпринял непопулярные шаги, ему пришлось с горечью убедиться в том, сколь мало польско-немецкий договор повлиял на состояние умов.

Примечания

¹ Приблизительно в 50 км к западу от Варшавы.

² Krzywe Koło (Кривое Колесо) — улица в Варшаве.

XXI. Вторая попытка реформирования системы

В конце 60-х годов неудачи в экономической политике заставили власти ПНР начать поиск новых путей выхода из кризиса. Пользовавшийся доверием Гомулки Болеслав Ящук разработал проект реформ, названный «системой стимулов». Предприятия должны были получить определенную автономию в принятии решений, связанных с производством, и распоряжаться частью прибылей для повышения зарплат. Население не было информировано, что первым этапом реформы станет резкое повышение цен на большинство сельскохозяйственных и промышленных товаров. Реформа Ящука предполагала некоторое ограничение бюрократизма в управлении и широкое внедрение расчетов по трудозатратам, что, однако, сопровождалось принуждением рабочих к повышению производительности труда. По существу, реформы должны были осуществляться за счет трудящихся. Команда Гомулки не сознавала, что ее кредит доверия был исчерпан.

Двенадцатого декабря 1970 г. власти неожиданно для общества объявили о повышении цен. Через два дня забастовали верфи Гданьска и Гдыни. По рабочим демонстрациям был открыт огонь. Появились первые жертвы. В ответ в Гданьске было сожжено здание военного комитета ПОРП. Члены стачечных комитетов были арестованы. По поручению Гомулки в Гданьск прибыл его ближайший помощник Зенон Кашко. Он отдал войскам и милиции приказ подавить сопротивление силой, не останавливаясь перед использованием огнестрельного оружия. Тем временем стачка охватила все Гданьское побережье и перебралась в Щецин. Повсюду происходили избиения безоружной толпы. Огневочные известия с побережья будоражили людей по всей стране. Возникла угроза начала всеобщей забастовки.

В этой обстановке большинство членов руководства ПОРП получили согласие Москвы на смещение Гомулки и его ближайших сотрудников. Двадцатого декабря Центральный комитет избрал

Эдварда Герек на пост первого секретаря, членом высшего руководства стал и Мочар. Новый глава партии в телевизионном выступлении осудил бюрократический характер проведенного повышения цен и применение оружия против рабочих. Однако цены снижены не были. Поэтому напряженность сохранялась, тем более что под стражей оставалось несколько сотен человек, арестованных на Балтийском побережье, а люди были недовольны тем, что кадровые изменения ограничились снятием с должностей лишь нескольких руководителей. В январе 1971 г. на Поморье вспыхнули новые стачки. Самое большое значение имела всеобщая забастовка в Щецине, начавшаяся 23 января. Рабочие избрали межзаводскую комиссию. На следующий день на Щецинскую верфь, бывшую центром стачки, прибыли Герек и недавно назначенный премьер-министр Петр Ярошевич. Во время многочасовой дискуссии Герек держался неофициально, высказывался свободно и не скупился на обещания. Ему удалось завоевать симпатии рабочих. На брошенный им вопрос: «Поможете?» — хор голосов ответил: «Поможем!» Двадцать пятого января Герек провел такую же дискуссию с бастующими кораблестроителями в Гдапске.

Несмотря на новые кадровые перестановки в партийном и государственном руководстве, а также на освобождение арестованных в декабре 1970 г. и разрешение провести на Побережье свободные выборы в партийные и профсоюзные организации, напряженность сохранялась. С 12 февраля бастовала Лодзь, которой в последние десятилетия уделялось крайне мало внимания. Ярошевичу не удалось разрядить обстановку при помощи методов, использованных ранее на Побережье Гереком. Работницы текстильных фабрик, которых было большинство среди бастующих, решительно требовали отмены повышения цен, объясняя свою неуступчивость царящей в Лодзи бедностью. Наконец 15 февраля власти отменили повышение цен.

Благодаря изменению стиля работы и своей эффектной непосредственности, а также уступчивости, Герек сумел получить определенный кредит доверия. Однако рабочие проявляли сдержанность, ожидая конкретных действий. Среди них все больше крепло ощущение собственной силы. Многим вспоминался июнь 1956 г. в Познани. Второй раз в истории коммунистической Польши рабочие сумели заставить власти считаться с их интересами и отказаться от непопулярных решений. Кроме того, они приобрели ценный опыт. Самым сильным оружием оказались совместные забастовки оккупационного характера и их поддержка по всей стране. Больше всего жертв принесли неорганизованные уличные манифестации

Запомнились также убийства, залпы по толпе, беспорядочные уличные облавы и жестокое обращение с задержанными.

Декабрь 1970 г., казалось, завершился определенным компромиссом между Москвой и польскими коммунистами, с одной стороны, и обществом — с другой. Когда начались решительные протесты польских рабочих, Советский Союз не вмешался, а ПОРП отступила и пообещала не прибегать в будущем к кровавому насилию. Были также даны, хотя и не вполне определенные, обещания большей свободы в деятельности профсоюзов. Более четко было заявлено о невозможности посягательств на материальное благосостояние рабочих и о необходимости его улучшения. Команда Герека заявила также о поддержке индивидуальных крестьянских хозяйств, приостановив действия властей по постепенной передаче земли государственным хозяйствам. Более либеральным, чем прежде, стало отношение к интеллигенции. Весной 1971 г. Герек вывел Мочара из руководства партии и провел чистку среди его сторонников, но при этом милостиво отнесся к тем из них, кто был готов отречься от своего покровителя.

Совершенно иным, чем при Гомулке, стало положение церкви. Герек подчеркивал ее огромную роль в жизни общества. Третьего марта 1971 г. он впервые встретился с примасом Вышинским. С этого времени власти постоянно поддерживали контакты с представителями духовенства. Они избегали серьезных столкновений, хотя все же ограничивали церковное строительство и чинили препятствия расширению пастырской деятельности. Улучшились и отношения польских властей с Ватиканом — 28 июня 1972 г. папа Павел VI признал постоянным послевоенное церковное устройство на присоединенных к Польше землях и назначил в западные польские епархии ординарных епископов¹.

Несмотря на сопротивление некоторых партийных деятелей, власти были вынуждены пойти на уступки церкви. Вместе с тем были быстро отменены все иные ограничения партийной монополии на власть. Там, где под давлением снизу проводилась реорганизация профсоюзов — наиболее активно этот процесс шел в приморских регионах, — ПОРП уже через несколько месяцев перешла в контрнаступление. Новых профсоюзных деятелей, которые приобрели популярность в качестве лидеров бастовавших коллективов, либо отстраняли, либо нейтрализовали угрозами и подкупом. Лишь немногие из лидеров забастовок остались на прежнем месте работы.

Тем не менее популярность Герека росла, поскольку этому способствовали улучшения снабжения и оживление надежд на материальное

благополучие. В определенной степени это было связано с высокими урожаями. Еще более существенной причиной перемен, происходивших в начале 70-х годов, стал переход от политики экономической автаркии к активному участию в международном разделении труда. На Западе брались кредиты, покупались лицензии, из года в год рос импорт. Польше предстояло совершить скачок, превратившись в современную индустриальную страну, а затем расплачиваться за долги экспортом товаров, не уступавших по качеству мировым стандартам. Спираль инвестиций стала раскручиваться с необычайной скоростью. Этому способствовала материальная заинтересованность тех, кто принимал решения о коммерческих сделках на всех уровнях. Они обогащались, получая вознаграждения от зарубежных партнеров, отправляясь в краткие и длительные зарубежные командировки для заключения договоров и изучения иностранного опыта, а также получая премии и награды, щедро раздаваемые на родине. К тому же довольно легко удавалось использовать часть импортных товаров для собственных нужд. Правящие круги сами служили примером нового, весьма отличного от аскетизма времен Гомулки стиля жизни и легкости в использовании общественной собственности в личных целях. Вокруг предприятий, возведенных на привлеченные капиталовложения, возводились поселки для тех, кто принимал решения об этих инвестициях. Однако кое-какие плоды этого «экономического чуда» перепали и более широким слоям общества. Прежде всего стала быстро расти заработная плата, причем после событий 1970 г. власти уже не осмеливались идти на явное повышение цен на товары первой необходимости. Герек выступил с лозунгом «строительства второй Польши».

Однако управление экономикой оставалось столь же бюрократическим и неумелым, как и в былые годы. Даже сравнительно удачные просекты реформ управления оказались парализованы действиями различных лобби, борющихся за выгоды, связанные с доступом к иностранным кредитам. К вредным последствиям чрезмерной централизации при принятии решений добавились коррупция, предоставление правительству ложных данных о стоимости запланированных инвестиций, темпе их реализации и конечных результатах. В обстановке этой «централизованной анархии» уже в 1974 г. стала отчетливо вырисовываться угроза инфляции и обвала рынка, в особенности продовольственного.

Отвстом на эту угрозу стал ряд мероприятий, нацеленных, однако, не столько на ее предотвращение, сколько на укрепление личной власти Герека. Опасаясь чрезмерной активности и амбиций одного

из своих ближайших сотрудников. некогда шефа службы безопасности, а затем секретаря ЦК Франтишека Шляхтица, он вывел его из партийного руководства. В 1975 г. Герек вспомнил о своем опыте времен Гомулки, когда воеводские секретари ПОРП, пользуясь трудностями, с которыми столкнулась центральная власть, сумели добиться значительной автономии. Теперь, чтобы отвести подобную угрозу с их стороны, он провел масштабную и дорогостоящую административную реформу. Вместо 17 крупных воеводств и пяти городов с воеводскими правами появилось 49 воеводств. Свою силу сохранили лишь Катовицы и Варшава, но в первом из этих воеводств правил преданный Гереку Здзислав Грудзень, а второе находилось под неопосредственным контролем центральной власти. По-видимому, считалось, что малыми воеводствами будет легче управлять, чем крупными. При этом не предпринималось никаких попыток как-то скорректировать экономическую политику, даже в тех случаях, когда это, как казалось, не противоречило интересам властей. В деревне вновь усилилось давление на крестьян (были повышены налоги) и наметилось осторожное возвращение к отброшенной после падения Гомулки концепции постепенной ликвидации единоличных хозяйств и передачи земли госхозам.

В 1975 г. был обнародован проект поправок к Конституции. В нее должно было войти положение о прочном союзе с СССР. Объяснить происхождение данной идеи так и не удалось. Считалось, что это могло быть платой за предоставление Польше более выгодных условий экономического сотрудничества и снижение расходов по членству в организации Варшавского договора. Другая поправка предусматривала признание ПОРП руководящей силой в государстве, что в будущем позволило бы трактовать любую критику действий партии как покушение на Конституцию. Команда Герека явно переоценила пассивность общества. Ответом на проект изменений в Конституции стали письма протеста, подписанные представителями католических кругов, бывшими «ревизионистами», ветеранами Второй мировой войны, видными интеллектуалами. Кампания протеста объединила все группы, выступавшие с критикой системы. Их представители добивались отказа от предложенных поправок и одновременно требовали конституционного расширения гражданских свобод, упрочения позиций сейма и независимости профсоюзов. Власть не собиралась вести диалог на эту тему и отказалась официально принять эти обращения. Началась травля лиц, организовавших и подписавших протесты, но в итоге от поправки о прочном союзе с СССР пришлось отказаться.

В первой половине 1976 г. внешний долг и признаки инфляции стали вызывать все большую тревогу. Команда Герека приняла решение провести, как и в декабре 1970 г., единовременное значительное повышение цен. Его даже не рассматривали, как при Гомулке, в качестве части экономических реформ. Были объявлены одnodневные «консультации с массами» и предприятия попытались доказать, что предусмотренные компенсации (более высокие для лучше оплачиваемых работников) возместят повышение цен. В одно мгновение Герек сам уничтожил весь кредит доверия, которым обладал. Вздурораженное общество сочло его действия циничными манипуляциями.

На обнародованный 25 июня проект о повышении цен многие предприятия отреагировали забастовками. В Радоме, Плоцке и на тракторном заводе «Урсус» под Варшавой рабочие вышли за ворота предприятий. Против них были брошены милицейские отряды особого назначения (ЗОМО), которые, однако, не использовали огнестрельного оружия. После столкновений в Радоме был подожжен партийный комитет, в районе «Урсуса» задержано движение по международной железнодорожной магистрали. Вечером премьер Петр Ярошевич отменил повышение цен. Рабочие приступили к работе. Однако в Радоме и на «Урсусе» были арестованы сотни людей. Милиционеры подвергали задержанных экзекуции, прогоняя сквозь строй и избивая дубинками. Имели место акты жестокого самоуправства, происходили обыски, допросы, увольнения с работы. Это вызвало протесты со стороны церкви.

Июньские события 1976 г. стали очередным этапом массового движения протеста. Они завершились определенным успехом рабочих, поскольку властям пришлось отказаться от своего решения. Еще раз выявлялись ограниченные возможности спонтанного выступления. Участники акций протеста или сразу, или во время судебных процессов становились жертвами мести со стороны государственного аппарата. Ничего не изменилось в системе отправления власти и управления экономикой. В июньских событиях 1976 г. еще раз проявилась гибкость Герека, сразу же отказавшегося от действий, грозивших катастрофой. Но они выявили также его неумение разработать программу предотвращения подобных кризисов. Характерной чертой созданной коммунистами системы оказалась неспособность к самореформированию при очевидных признаках краха экономической политики. С этой точки зрения июнь 1976 г. стал символом пороховой бочки, к фитилю которой уже был поднесен огонь. Власти продемонстрировали рабочим свою слабость и вместе с тем — свою бездарность и жестокость.

Теперь следовало пойти на снижение инвестиций и сосредоточить усилия на повышении производительности сельского хозяйства и промышленном производстве для домашних хозяйств и жилищного строительства. Однако на деле в 1977—1978 гг. инвестиции росли. Лишь в 1979 г. их уровень оказался немногим ниже, чем в 1976 г. Это почти не сказалось на темпах жилищного строительства, однако собственные расходы этой отрасли заметно возросли. Провозглашенный Гереком «экономический маневр» потерпел фиаско. Хозяйственная бюрократия не хотела, да и не могла, сдержать рост инвестиций, поскольку пребывала в состоянии хаоса и была поражена коррупцией. К тому же было нелегко остановить комплексные инвестиции, поскольку это означало потерю прежних капиталовложений. Появились серьезные бреши в экономической инфраструктуре, особенно в энергетике и на транспорте. В сельском хозяйстве продолжался застой. Шансы на исправление этого положения перечеркивались обостренным недоверием крестьянства в отношении намерений властей. Местная администрация по-прежнему стремилась расширить сектор «обобществленного земледелия» за счет крестьянских хозяйств. Нарушилось обеспечение деревни углем, удобрениями, кормами, средствами защиты растений. Происходил быстрый рост номинальной заработной платы, что усиливало инфляцию. Причинами были продолжавшаяся инвестиционная горячка и попытки сохранить привилегированное положение рабочих крупных предприятий, большинство которых стремились сдержать любой ценой.

Польские коммунисты не решились проводить политику устрашения общества и одновременного затягивания поясов. Московское руководство хотело, чтобы в Польше сохранялось спокойствие. В 1975 г. состоялась международная конференция в Хельсинки, ставшая высшей точкой в деятельности американской и советской дипломатии по определению принципов так называемого мирного сосуществования. Американцы были готовы согласиться с гегемонией СССР в восточной части Европы в обмен на обязательство коммунистических правительств уважать гражданские свободы и права человека. Запад открывал государствам советского блока доступ к современным технологиям и кредитам. Польша должна была стать витриной либерального курса. Помимо этого, сдерживающее воздействие на команду Герека оказывал временный характер расстановки политических сил в Москве. Советское руководство состояло из пожилых людей во главе с родившимся в 1906 г. Леонидом Брежневым. Зависимость польских коммунистов от СССР побуждала проявлять осторожность, чтобы их дей-

Папа Иоанн Павел II.

Кардинал Кароль Войтыла был избран римским папой в силу своих личных достоинств, однако в этом акте нашло выражение и признание заслуг всей польской католической церкви.

ствия не оказались в противоречии с будущим курсом советской политики, предугадать который было довольно нелегко.

Из всего, что происходило на международной арене во второй половине 70-х годов, особое значение для Польши имело избрание римским папой архиепископа Краковского, кардинала Кароля Войтылы (16 октября 1978 г.). Католическая церковь Польши получила опору и лице высшего представителя духовной власти. Вся нация прониклась ощущением силы и неприкосновенности. Избрание Иоанна Павла II создало невиданные трудности для коммунистов в их попытках ограничить деятельность церкви. Визит папы в Польшу 2—10 июня 1979 г. продемонстрировал духовную независимость польского общества от коммунизма. К алтарям приходили толпы людей, не только исполненных энтузиазма и чувства общности, но, кроме прочего, хорошо организованных церковными распорядителями. Будучи не в силах помешать визиту, власти стремились свести к минимуму его негативные для себя последствия. Однако согласованного плана действий у них не

было. С одной стороны, о визите сообщалось очень мало, а папе навязывался определенный маршрут следования. При этом предпринимались усилия использовать популярность Иоанна Павла II в пропагандистских целях. Людям пытались внушить, что он не является противником существовавшего в Польше режима. В средствах массовой информации нередко подчеркивался государственный характер визита, а телевидение показывало встречи членов коммунистического руководства с папой. При этом, если, с одной стороны, внушалась мысль об исключительно пастырском характере папского визита, то с другой — словно бы отрицая это, всячески указывалось на его официальное значение. Все это выглядело довольно жалко, и мало кто в те дни обращал внимание на подобную информацию.

По сравнению с миллионами верующих, приветствовавших папу и свидетельствовавших о своей связи с католической церковью, организованная оппозиция выглядела незначительной горсткой людей. Еще до событий в июне 1976 г. родилось Польское соглашение сторонников независимости (Polskie Porozumienie Niepodległościowe), тайно действовавшее среди интеллигенции. Иной характер носила деятельность возникшего 23 сентября 1976 г. в связи с судебными процессам над рабочими Радома и «Урсуса» Комитета защиты рабочих (KOR; Komitet Obrony Robotników). KOR публично сообщал о своем составе, подписывал публикуемые им сообщения, собирал средства для оказания помощи пострадавшим от репрессий. В секрете держалась лишь техническая сторона издательской деятельности, сбора денег и акций помощи. В состав KOR вошли самые разные люди, с самыми разными взглядами, представлявшие несколько поколений. К числу его наиболее активных членов принадлежали Яцек Куронь, Ян Юзеф Липский, Антоний Мадеревич, Адам Михник, Мигушлав Хоецкий, Збигнев Ромашевский.

Протест KOR против репрессий в отношении рабочих Радома и «Урсуса» получил в течение нескольких месяцев довольно широкую поддержку со стороны интеллигенции и студентов. Петиции и призывы к властям подписало более 3 тыс. человек. Притеснения протестующих властями были сравнительно умеренными. Впервые деятельность подобного рода сблизила людей различных убеждений и объединила их с рабочими. Акции KOR пользовались широкой известностью в обществе. Начиная с 3 февраля 1977 г. на основании указа о помиловании начали освобождать рабочих, приговоренных к заключению. Однако освобождение носило условный характер, к тому же пять человек остались в тюрьме. Так как требование без-

условной амнистии удовлетворено не было, деятельность КОР продолжалась. Конфликт обострился, когда 7 мая 1977 г. при невыясненных обстоятельствах в Кракове погиб сотрудник КОР, студент Станислав Пыяс. Во время похоронных мероприятий в Кракове был создан первый в Польше Студенческий комитет солидарности. В связи с траурными церемониями были арестованы одиннадцать деятелей КОР, что вызвало очередную волну протестов. Круг протестующих расширился, появились новые формы действий — не только адресованные властям, но и обращенные ко всему обществу, все более погружавшемуся в апатию. В варшавском храме Св. Мартина 24 мая началась голодовка протеста. В ней принял участие публицист из католической группы «Знак» Богдан Цывинский, а защитником протестующих стал один из главных представителей группы «Связь» Тадеуш Мазовецкий.

Власти вновь сочли необходимым отступить и 19 июля 1977 г. издали указ об амнистии, которая распространялась на всех получивших судебные приговоры рабочих Радома и «Урсуса», а также на деятелей КОР. Не были, однако, аннулированы дисциплинарные увольнения с работы, не были возмещены материальный ущерб и ущерб здоровью, причиненный при избиениях. Большинство членов КОР решили преобразовать его в постоянное учреждение по защите прав человека и гражданских свобод, призванное способствовать возникновению независимых от властей общественных организаций. Двадцать девятого сентября 1977 г. был создан Комитет общественной самообороны «КОР» (Komitet Samoobrony Społecznej «KOR»).

В последующие годы КОР развернул активную издательскую деятельность. Связанное с ним независимое издательство «НОВА» (Niezależna Oficyna Wydawnicza — «NOWA») выпускало произведения выдающихся польских писателей, в том числе Милоша, Гомбровича, Брандыса и Конвицкого, переводы Оруэлла, Грасса и Грала, научные работы и публицистику. Появлялось все больше журналов. С 1979 г. с «НОВА» конкурировало издательство «Голос» («Głos»). Успехом КОР стало опубликование секретных директив цензуры за 1974—1977 гг., позволившее представить масштаб лжи и лицемерия официальных изданиях. Собиралась и обнародовалась информация о случаях грубого нарушения закона. На деятельность КОР власти отвечали обысками, конфискациями оборудования и тиражей, кратковременными задержаниями.

Двадцать пятого марта 1977 г. оформилось Движение защиты прав человека и гражданина (Ruch obrony praw człowieka i obywatela). Если

среди членов КОР преобладали люди, принадлежавшие к социалистической или левodemократической традиции, то большинство участников Движения защиты прав симпатизировали идеям национал-демократов, христианских демократов или сторонникам Пилсудского. В него также вошла группа, вышедшая из разгромленной в ходе арестов 1970 г. подпольной организации «Рух». В конце 1978 г. Движение защиты прав человека и гражданина раскололось. Первого сентября 1979 г. публицист Лешек Мочульский создал Конфедерацию независимой Польши (Konfederacja Polski Niepodległej). Эта была первая попытка создания открыто действовавшей оппозиционной политической партии с программой достижения полной независимости страны. Из других групп наибольшее значение приобрело Движение молодой Польши (Ruch Młodej Polski), популярное среди интеллигенции и студентов Гданьска.

Различные оппозиционные течения не только конкурировали, но и сотрудничали друг с другом. По образцу краковские студенческие комитеты солидарности возникли и в некоторых других городах. По инициативе КОР с октября 1977 г. в Варшаве начались лекции так называемого Передвижного университета. За пределами Варшавы лекции проводились в иных формах, иногда в сотрудничестве с представителями катара, проводившими пастырскую работу среди студентов. Шестдесят пять деятелей науки и культуры 22 января 1978 г. образовали Общество научных курсов (Towarzystwo Kursów Naukowych). Его регулярная преподавательская деятельность была прервана в середине 1979 г., после того как организованные партией боевые группы стали нападать на преподавателей и студентов. В Обществе научных курсов было достигнуто сближение и взаимопонимание между интеллектуалами, представлявшими различные мировоззренческие и политические традиции. В августе 1980 г. эксперты Общества отправились в Гданьск и Щецин.

Суровые репрессии вызвали попытки создания независимого рабочего движения. С сентября 1977 г. выходил близкий к КОР журнал «Рабочий» («Robotnik»). Полиция преследовала его издателей и сотрудников с особым усердием. Еще в большей степени это касалось свободных профессиональных союзов (Wolne Związki Zawodowe), возникавших начиная с марта 1978 г., сначала в Верхней Силезии, а позднее — в Гданьске. На Балтийском побережье были сильны традиции 1970 г., поэтому разгромить эти союзы не удалось. С 1977 г. их члены организовывали мероприятия в память декабрьских событий. В августе 1979 г. в «Рабочем» появилась Хартия прав рабочих. Подпи-

савшие ее призывали к началу действий по самообороне интересов людей труда и созданию в будущем независимых профсоюзов.

Своими репрессиями власти также пытались воспрепятствовать созданию независимых крестьянских организаций. Несмотря на это, возникло несколько Комитетов крестьянской самообороны (*Komitety Samoobrony Chlopskiej*), выходили предназначенные для деревни журналы. Определенную помощь оказывали ветераны политического крестьянского движения из довоенной организации Народной (крестьянской) партии (*Stronnictwo Ludowe*), послевоенной — Польской крестьянской партии (ПСА: *Polskie Stronnictwo Ludowe*) и молодежной организации «Вици» (*«Wici»*).

В оппозиционной деятельности тех лет преобладали центры, отождествлявшие себя с левой традицией. Другие политические течения после трех десятилетий коммунистического господства находились в гораздо более трудном положении, и формирование новой политической элиты происходило здесь значительно медленнее. Акции оппозиционных движений, слабо связанных с широкими массами населения, на первый взгляд могли показаться довольно незначительными. Но все же они оказали свое воздействие на общественное сознание.

В 1976 г. власти вывели из состава сейма основную часть членов католической группы «Знак», призвав лишь мандаты нескольких депутатов, внесших раскол в ее ряды. Однако в распоряжении большинства группы «Знак» оставались четыре легальных клуба католической интеллигенции и несколько журналов. Просветительская деятельность этих клубов переплеталась с мероприятиями Общества научных курсов, молодые католические деятели сотрудничали с Комитетом защиты рабочих и Движением защиты прав человека и гражданина. Другой, вполне легальной, но также близкой к оппозиции группой были интеллектуалы, объединившиеся вокруг созданного в ноябре 1978 г. дискуссионного клуба «Опыт и будущее» (*«Doświadczenie i Przyszłość»*). Первое время отношение партии к этому кругу было вполне терпимым, однако позднее его собрания были запрещены. Тем не менее появлялись доклады клуба об углублявшемся кризисе и выдвигались предложения глубоких преобразований. Необходимым условием перемен его члены, как и оппозиция, считали общественное давление на власти.

В начале 1980 г. Герек уже хорошо понимал, насколько угрожающей становилась ситуация. Он использовал созданный в феврале 1980 г. VIII съезд ПОРП, чтобы избавиться от непопулярного премьер-министра Ярошевича и нескольких конкурентов из высшего партий-

ного руководства, в том числе от наиболее опасного из них — Стефана Ольшовского. Однако новый премьер Эдвард Бабюх не мог оказать Гереку необходимой поддержки, так как не умел контактировать с обществом и представлял собой классический тип партийного аппаратчика. На заседаниях съезда не было принято каких-либо практических решений. Терпению общества пришел конец.

Первого августа 1980 г. власти повысили цены на некоторые сорта мяса и колбасных изделий, не сделав никаких публичных сообщений на этот счет. Информация об этом распространилась молниеносно. Хотя повышение цен не было столь уж большим по сравнению с разнобразными повышениями, скрытно проведенными в предыдущие годы, на нескольких предприятиях сразу же начались забастовки. Уже на следующий день список товаров, цены на которые повысились, был сокращен. Это не помогло, начались новые забастовки. Повсюду выдвигались требования повышения заработной платы. Власти почти без сопротивления соглашались их выполнить. Это побуждало к организации забастовки на других предприятиях. Девятого июля начались стачки в Люблине, через несколько дней бастовал весь город. Вице-премьер Мечислав Ягельский провел переговоры с бастующими, которые вновь добились повышения зарплат.

Казалось, что команда Герека надеялась на чудо. Нельзя же было серьезно рассчитывать на то, что подорванная инфляцией польская экономика выдержит всеобщее повышение заработной платы. Продолжали бастовать целые промышленные центры и отдельные предприятия. Для прекращения стачки повсеместно применялся один рецепт: выделение денег на повышение оплаты труда. Принципиально новый этап открыла лишь забастовка на Гданьской судовой верфи, начавшаяся 14 августа 1980 г. Здесь появился стачечный комитет во главе с активным участником забастовки 1970 г. и членом Свободных профессиональных союзов Лехом Валенсой². На следующий день забастовки охватили все Гданьское взморье. В ночь с 16 на 17 августа возник Межзаводской стачечный комитет под председательством Валенсы. Комитет разработал список из двадцати одного требования, первое из которых касалось создания независимых профсоюзов. Восемнадцатого августа началась забастовка в Щецине. Спустя несколько часов там также был создан Межзаводской стачечный комитет.

Первое время власти отказывались вступать в переговоры с межзаводскими стачками. Лишь 21 августа в Гданьск прибыла новая правительственная делегация во главе с Ягельским. Спустя два дня она решила начать переговоры с представителями бастовавшего

Гданьского взморья. Велись переговоры и в Щецине. В последние дни августа возникли новые очаги забастовок в Верхней Силезии и во Вроцлаве. Тридцать первого августа наступил исторический момент. Ягельский и Валенса поставили подписи под текстом соглашения. Власти дали согласие на создание независимых профсоюзов, на освобождение арестованных десятью днями ранее оппозиционных деятелей, на повышение заработной платы и на ряд других требований рабочих. Началась продолжавшаяся шестнадцать месяцев эпоха «Солидарности» («Solidarność»).

Примечания

¹ Обычных епископов — в отличие от епископов-помощников (суффраганов).

² В тексте сохранено привычное написание, но правильное было бы Валенса (Wałęsa).

XXII. Проба сил. Коммунисты и «Солидарность»

В начале сентября 1980 г. Герек оставил свой пост, и первым секретарем ЦК ПОРП стал Станислав Каня. Большинство действовавших в прежние годы оппозиционеров опасались советского вооруженного вмешательства, в случае если развитие событий создаст угрозу правлению коммунистов. К умеренности призывала и церковь. Родилась концепция «самоограничивающейся революции» — постоянного, но с умеренными требованиями давления на власти. Повсюду возникали комитеты независимых профессиональных союзов; 17 сентября 1980 г. они создали в Гданьске профсоюз «Солидарность» во главе с Лехом Валенсой. Власти чинили препятствия созданию территориальных организаций «Солидарности» и стремились добиться ее внутреннего раскола. Однако эти попытки успеха не имели.

ПОРП столкнулась и с внутренними трудностями. Многие члены партии вступили в «Солидарность», в некоторых центрах возникли так называемые «горизонтальные структуры», объединявшие партийные организации, выступавшие за реформы. С другой стороны, государства коммунистического блока оказывали нажим на польских руководителей, настаивая на более энергичных действиях против «Солидарности». Пятого декабря состоялась встреча глав этих государств, которой предшествовала концентрация войск у границ Польши. Однако в Москве опасались возможных последствий вооруженного вторжения в Польшу и отложили принятие окончательного решения.

В конце 1980 — начале 1981 г. деятели «Солидарности» все больше ощущали уверенность в своих силах. Сотни тысяч людей собирались на демонстрации. В отдельных регионах происходили забастовки и акции протеста против злоупотреблений и нарушений законности со стороны местных властей. Следуя примеру рабочих,

крестьяне организовали акцию протеста в Жешове, а студенты устроили забастовку в Лодзи. Вокруг «Солидарности», бывшей формально всего лишь профсоюзом, группировалась оппозиция коммунистической системе.

Одиннадцатого февраля 1981 г. на пост премьер-министра был назначен генерал Войцех Ярузельский. Премьер в погонах должен был символизировать решительность и твердость. Вице-премьером стал считавшийся партийным либералом редактор газеты «Политика» («Polityka») Мечислав Раковский. Правительство обещало проведение экономической реформы — ограничение централизации в управлении экономикой и введение элементов хозяйственного расчета, а также согласилось на создание организационного комитета Независимого союза земледельцев и на регистрацию Независимого объединения студентов.

Весной и летом 1981 г. коммунистические власти и «Солидарность» пребывали в состоянии неустойчивого равновесия. В начале марта, после XXVI съезда КПСС, советское руководство встретилось в Москве с польской делегацией и потребовало введения военного положения. В течение следующих недель началось ужесточение политики властей, а 19 марта, во время начинавшихся в Польше учений войск Организации Варшавского договора, милиция избила в городе Быдгощ несколько деятелей «Солидарности». Профсоюз угрожал всеобщей забастовкой, однако его руководители постарались предотвратить ее, опасаясь вмешательства извне. В конце марта на заседании ЦК ПОРП также решили пойти на компромисс, пообещав провести расследование быдгощского инцидента.

На настроениях в стране сказывалось тяжелое экономическое положение. Полностью нарушилась система снабжения продовольствием. Хозяйственные трудности можно было преодолеть лишь с помощью мероприятий, болезненных для общества, но для этого власти нуждались в его поддержке. Союзники по Варшавскому договору, в особенности советское руководство, были противниками введения элементов рыночного хозяйства. Однако глубокое беспокойство и скорбь на некоторое время умерили общественное возбуждение — 13 мая в Риме было совершено покушение на папу Иоанна Павла II, а 28 мая умер пользовавшийся огромным авторитетом примас Польши кардинал Вышинский.

В июле власти заняли более жесткую позицию. Происходила самоорганизация крайне консервативных группировок, выдвигавших антинемецкие и антисемитские лозунги. Из Москвы накануне заседа-

ния ЦК ПОРП пришло письмо с заверениями в готовности помочь в защите Польши от контрреволюции. Руководство «Солидарности» старалось остудить страсти, партия же перешла в контрнаступление. Четырнадцатого июля начался съезд ПОРП, на котором прозвучало обещание разобраться с «горизонтальными структурами». Обещания реформ, в том числе экономических, носили расплывчатый характер. После партийного съезда руководству «Солидарности» уже не удалось предотвратить акции протеста, связанные с почти полным прекращением снабжения городов продовольствием. В ответ власти прервали переговоры с «Солидарностью». На начавшемся 5 сентября съезде профсоюза его руководство с трудом обуздывало радикалов. Съезд принял «Обращение к людям труда Восточной Европы» — так «Солидарность» впервые оказалась вовлечена в проблемы внешней политики.

Начиная с осени коммунисты вели планомерное наступление. Ускорилась тайная подготовка к введению военного положения. Нерешительный Каня под нажимом из Москвы подал в отставку, и 18 октября первым секретарем ЦК ПОРП стал Ярузельский, продолжавший оставаться премьером и министром национальной обороны. Были разгромлены «горизонтальные структуры». Множились различные провокации со стороны властей. В «Солидарности» обозначилась поляризация: с одной стороны, происходила радикализация части ее деятелей, с другой — наблюдалась усталость и разочарование широких масс рядовых членов. Положение резко обострилось в конце ноября. Ярузельский ожидал подходящего момента для принятия решения о введении военного положения. Намеченное на 11—12 декабря заседание Всепольской комиссии «Солидарности» в Гданьске давало возможность одним ударом интернировать все руководство профсоюза.

С августа 1980 г. как в Москве, так и в Варшаве власти рассматривали существование независимой организации как нечто противоречащее самой сути системы. Теперь появилась возможность ее ликвидации. В ночь с 12 на 13 декабря было введено военное положение. Верховная власть перешла к Военному совету национального спасения во главе с Ярузельским. Этому совету были подчинены военные комиссары, действовавшие во всех воеводствах, городах, предприятиях и учреждениях. Было объявлено о введении порядка управления значительной частью экономики. Приостановлена деятельность профсоюзов и многих других организаций, прессы (кроме партийных и военных газет) и школ, отключена телефонная связь, запрещено без

особого разрешения покидать место пребывания. Запрещались забастовки, демонстрации, собрания.

Милиция заняла все помещения «Солидарности». Около пяти тысяч человек были интернированы — главным образом деятели «Солидарности», но также оппозиционные интеллектуалы и члены ПОРП, действовавшие в «горизонтальных структурах». Вероятно, власти ожидали, что, лишившись контакта с советниками, Валенса поддастся уговорам, сделает заявление о признании военного положения и выступит с обращением к обществу. Когда он отказался, интернировали и его. На предприятиях провели чистку среди работников, увольняя членов «Солидарности».

Введение военного положения прошло относительно легко. «Солидарность» была захвачена врасплох; кроме того, те ее руководители, которые избежали интернирования, а также представители церкви выступили с призывами сохранять спокойствие. Предполагалось, что ответом на действия властей станет всеобщая забастовка. Однако стачки произошли лишь на некоторых крупных предприятиях. Они были подавлены в течение нескольких дней действиями милицейских отрядов особого назначения, действовавших при поддержке танков и вертолетов. Только в Верхней Силезии сопротивление бастующих шахтеров и металлургов носило более решительный характер. Пятнадцатого декабря во время штурма шахты «Вуск» погибло девять горняков. Последняя оккупационная забастовка на шахте «Пяст» в Тыхах закончилась 28 декабря. Инициаторы и наиболее активные участники стачек были арестованы. За весь период военного положения общее число арестованных достигло приблизительно четырех тысяч. Примерно полтора десятка человек погибли при подавлении забастовок и разгоне демонстраций.

Первое время после введения военного положения действовавшие группы «Солидарности» не имели между собой связи. Контакты избегали, помимо прочего, и из соображений безопасности. Довольно долго сохранялись надежды на то, что власти приступят к переговорам с законно избранными представителями профсоюза. Однако в феврале 1982 г. власти впервые ясно дали понять, что не собираются возобновлять деятельность «Солидарности». Возникла угроза проведения террористических актов со стороны разочарованных и отчаявшихся членов отдельных групп, особенно молодежных. Поэтому 22 апреля работавшие в подполье деятели «Солидарности» приняли решение избрать центральное руководство. Вскоре после этого одно за другим стали возникать региональные руководя-

щие органы, а в июле появилось заграничное Координационное бюро в Брюсселе.

Однако единого плана дальнейшей деятельности не было. Одни призывали начать всеобщую манифестацию по всей стране — беспрочную забастовку, которая заставит власти пойти на компромисс. Другие высказывались за «позиционную войну», восстановление структур «Солидарности» и других независимых организаций, формирование общественного сознания путем издательской и образовательной деятельности. Действовавший открыто, однако при участии некоторых советников «Солидарности», Общественный совет при примасе рассчитывал на соглашение с властями и возобновление работы умеренного крыла «Солидарности».

Пока же преобладали спокойные формы протеста — каждый месяц, в годовщины введения военного положения, люди гасили свет в своих квартирах, носили разнообразные значки, на некоторых предприятиях устраивались краткие перерывы в работе. Подлинный перелом в настроениях произошел лишь в праздничные дни 1 и 3 мая. На улицы городов вышли массовые демонстрации, а действия милиции были столь жестокими, что пять участников манифестаций после избивания резиновыми дубинками скончались. Демонстранты начали воздвигать баррикады, в милицию полетели камни. Подпольное руководство «Солидарности» опасалось дальнейшего нарастания стихийных выступлений и решило обратиться к более умеренным формам протеста. Несмотря на это, 13 мая в Кракове произошли серьезные беспорядки. Власти ответили увольнением тысяч людей с работы. Вновь воцарилась атмосфера устрашения. Однако в августе демонстрации состоялись в 64 городах. В Любине (Нижняя Силезия) милиция открыла огонь, три человека были убиты, десять получили огнестрельные ранения, после чего столкновения продолжались еще три дня.

Теперь власти перешли в решительное наступление. Ранее деятельность «Солидарности» и других профсоюзов была лишь приостановлена. Восьмого октября сейм принял закон о профессиональных союзах, поставив вне закона все профсоюзы, существовавшие прежде, в том числе «Солидарность». Новые профсоюзы должны были быть созданы в 1983 г. Временная координационная комиссия «Солидарности» не решилась призвать к энергичным акциям протеста. Тем не менее произошел ряд стихийных забастовок и манифестаций, которые власти подавили силой. Руководство «Солидарности», для которого стихийные акции оказались неожиданностью, лишь после них

призвало к восьмичасовой всепольской забастовке, назначенной на 10 ноября. Однако отклик был гораздо меньшим, чем ожидалось.

Восьмого ноября правительство пообещало, что через полгода в Польшу сможет прибыть с визитом папа Иоанн Павел II. Спустя шесть дней был освобожден Валенса. Подпольное руководство «Солидарности» отзывалось на эти шаги в примирительном тоне, предлагая властям перемирие. В число выдвинутых условий даже не входила легализация «Солидарности». Власти не ответили на это предложение, но 19 декабря пообещали, что с начала 1983 г. военное положение будет приостановлено. Вскоре после этого на свободу вышли почти все интернированные.

С конца 1982 г. в подпольной «Солидарности» росло ощущение безнадежности дальнейшей борьбы. Правда, говорили о подготовке ко всеобщей забастовке, но каких-либо конкретных планов не разрабатывалось. Когда в апреле 1983 г. Валенсе удалось в конспиративных условиях встретиться с подпольным руководством, программа действий так и не была выработана. Первого и третьего мая 1983 г. во многих городах вновь состоялись демонстрации, но они были жестоко разогнаны, многие участники задержаны. Все чаще происходили аресты ведущих руководителей подполья, тайные похищения и даже убийства.

Шестнадцатого июня в Польшу прибыл папа Иоанн Павел II. Его повсюду встречали с транспарантами, напоминавшими о «Солидарности», но власти не осмеливались вмешаться. Папа встретился как с представителями властей, так и с Валенсой. Тот факт, что во встречах с папой приняло участие огромное количество людей, существенно изменил настроение в стране и повлиял на решение властей перейти к более умеренному курсу. Двадцать первого июля сейм принял решение об отмене военного положения и об амнистии. В силу закона об амнистии были освобождены многие политические заключенные, однако более десяти человек все же остались в тюрьмах. Одновременно сейм принял закон, согласно которому многие из предписаний военного положения сохраняли силу еще на тридцать месяцев.

Тридцать первого августа «Солидарность» организовала акцию протеста, выразившуюся в двухчасовом отказе от пользования городским транспортом. В некоторых городах, однако, произошли уличные демонстрации. Власти вновь ужесточили политику. В сентябре начался судебный процесс над находившимися в заключении четырьмя бывшими членами КОР. Однако пропагандистскую кампанию против «Солидарности» пересекнуло присуждение Валенсе 5 октября

Нобелевской премии. Сложилась своего рода патовая ситуация. Правительство хотело избежать новых репрессий, «Солидарность» же не чувствовала себя настолько сильной, чтобы перейти к более решительным действиям.

На повестке дня оказались экономические вопросы, поскольку экономика по-прежнему находилась в кризисном состоянии. Когда в феврале 1984 г. было проведено повышение цен, это не вызвало заметных акций протеста. Тупиковая ситуация сохранялась. Оставшихся в заключении руководителей «Солидарности» и бывших членов КОР безуспешно склоняли к эмиграции. Правда, в мае во многих городах состоялись манифестации, однако они не были столь многолюдны, как раньше. В итоге, во время выборов в национальные советы, призывы «Солидарности» к их бойкоту нашли больший отклик, чем ожидало правительство, но меньший, чем рассчитывал профсоюз. Значение «Солидарности» в жизни польского общества и ее мобилизационные возможности, казалось бы, ослабли, но все же сохранились.

Двадцать первого июля сейм принял очередной закон об амнистии. На сей раз выпустили почти всех политических заключенных. Однако ничто не указывало на желание властей достичь взаимопонимания с «Солидарностью». Все демонстрации, например, в годовщину соглашений 30 и 31 августа, имели следствием новые репрессии. Огромным потрясением стало происшедшее 19 октября похищение и убийство сотрудниками службы безопасности капеллана варшавской «Солидарности» священника Ежи Попелушко. Утаить это преступление не удалось. По всей стране возникали гражданские комитеты по борьбе с насилием, которые создавались членами «Солидарности». Власти запретили их деятельность. Хотя процесс над убийцами все же завершился вынесением приговоров к длительным срокам тюремного заключения, он сопровождался резкими нападениями на близких к «Солидарности» священников.

Двадцать четвертого ноября были созданы единые для всей страны официальные профсоюзы, причем было заявлено, что они станут единственной формой профсоюзного движения. В начале 1985 г. были также проведены мероприятия, направленные на «умиротворение» высших учебных заведений. Это дало импульс к возникновению новой, близкой к «Солидарности» и действовавшей открыто, хотя и негласно, организации «Свобода и мир». В мае власти репрессиями ответили на традиционные демонстрации, а тремя неделями позже привлекли к суду трех ведущих деятелей «Солидарности», которые

якобы собрались с целью подготовки акций протеста. Профсоюз, однако, проявил тогда сравнительно небольшую активность.

Тринадцатого октября состоялись первые со дня введения военного положения выборы в сейм. По данным «Солидарности», призвавшей к бойкоту голосования, в них приняло участие не более двух третей имевших право голоса, по данным властей — проголосовало три четверти. Как и после выборов в национальные советы, обе стороны были не удовлетворены: обе надеялись на более выгодные для себя результаты. После выборов власти дали понять, что главной сферой их деятельности станет экономическая реформа. Ярузельский возглавил Государственный совет, а на пост премьера был назначен экономист Збигнев Месснер.

Политические репрессии не прекращались. Была обещана амнистия, но сейм принял соответствующий закон лишь 17 июля 1986 г. В сентябре были освобождены последние политзаключенные. Многие деятели «Солидарности» признали, что нужно переходить к открытым формам деятельности. Подпольные структуры ликвидированы не были, однако 29 сентября возник открытый Временный совет «Солидарности», а вскоре после этого вышли из подполья многие региональные организации. В ноябре на нескольких предприятиях возникли открыто действовавшие организационные комитеты «Солидарности». Заявления об их регистрации либо отклонялись, либо решение по ним откладывалось. Вместе с тем новой инициативой властей стало создание Консультационного совета — совещательного органа при Ярузельском как председателе Государственного совета. В его состав вошел ряд лиц, близких к католической церкви либо — ранее — к «Солидарности».

На настроения в Польше стали оказывать воздействие начатые М.С. Горбачевым перемены в СССР. Однако то, что польские власти хотят сменить свой курс, пока заметно не было. Не продвигалась вперед и экономическая реформа. Впрочем, в качестве составной ее части 28 марта 1987 г. было проведено новое повышение цен. Экономическая реформа, которая сводилась лишь к новым тяготам для общества и не влекла за собой каких-либо структурных изменений, не могла вызвать одобрения.

Весной 1987 г. «Солидарность» стала действовать активнее. В манифестациях 1 и 3 мая приняло участие довольно много людей. Тридцать первого мая в Варшаве по приглашению Валенсы собралось несколько десятков представителей интеллигенции и деятелей «Солидарности». Это были люди, которым предстояло сыграть важную

роль в будущем. В начале июня состоялось третье паломничество Иоанна Павла II в Польшу. На этот раз милиция довольно жестко реагировала на появлявшиеся повсюду транспаранты «Солидарности». Эти события показали всем, что «Солидарность» жива, но, с другой стороны, демонстрации в августовскую годовщину гданьских соглашений выглядели довольно скромно. Поэтому порой высказывались опасения, что «Солидарность» утасает.

Вскоре после этого правительство пообещало провести референдум о предстоящей экономической реформе. Однако предложенные вопросы носили сугубо общий характер. Двадцать пятого октября Веспольский исполнительный совет, возникший в тот же день в результате объединения открытого и подпольного руководства «Солидарности», призвал к бойкоту референдума. Седьмого ноября Валенса вновь пригласил группу представителей интеллигенции и деятелей «Солидарности». Собравшиеся пришли к выводу, что непригодность существующей системы стала несомненной и теперь необходимы не только экономические, но также правовые, политические и социальные реформы. Конкретная программа по-прежнему отсутствовала.

У властей также не имелось своей концепции. Двадцать девятого ноября они потерпели поражение на референдуме по экономической реформе, который был, впрочем, организован крайне плохо. В этом поражении не было ничего неожиданного, поскольку проекты реформы вновь предусматривали резкое повышение цен. Несмотря на эту неудачу, правительство с 1 февраля 1988 г. начало повышать цены. Повышение, правда, не было столь значительным, как предполагалось на референдуме, тем не менее оно стало самым высоким за последние шесть лет. Однако обошлось без крупных акций протеста, хотя предусмотренные компенсации отнюдь не возмещали потерь в доходах трудящихся.

В этом положении неожиданностью для властей, да и для «Солидарности», стала прокатившаяся в конце апреля — начале мая волна спонтанных забастовок. Наиболее значительными были стачки протеста на Краковском металлургическом комбинате им. Ленина, на металлургическом комбинате в городе Сталёва-Воля и на Гданьской судовой верфи. Руководящую роль в этих акциях играли местные деятели «Солидарности». Эта была первая с 1982 г. волна выступлений подобного масштаба. Однако успеха они не приписали — на Краковском металлургическом комбинате милиция жестоко подавила сопротивление бастующих. Тем не менее власти были обеспокоены, а боевой дух в «Солидарности» поднялся.

Еще перед забастовками с обеих сторон все чаще стали раздаваться голоса о необходимости компромисса и заключения антикризисного пакта. Они усилились после нового поражения властей, каким стали прошедшие 19 июня выборы в национальные советы. По официальным данным, число проголосовавших едва достигло 56%. Никогда в коммунистической Польше — и ни в одной другой коммунистической стране — властям не приходилось признаваться в подобной неудаче.

Решающим импульсом стала, однако, вторая забастовочная волна, прокатившаяся в середине июля. Вслед за несколькими угольными шахтами забастовали предприятия Щецина и Гданьска, во многих других центрах состоялись краткосрочные забастовки солидарности. В целом число бастующих достигло 150 тыс. человек. Хотя часть акций протеста власти подавили силой, в некоторых местах они продолжались. Существенным было и то, что правительство убедилось: могут вспыхнуть новые, еще более мощные забастовки.

В Варшаве начались конфиденциальные беседы между советниками «Солидарности» и представителями властей. Двадцать шестого августа ближайший сотрудник Ярузельского министр внутренних дел генерал Чеслав Кишак выступил с заявлением о том, что после окончания акций протеста правительство планирует провести встречи за круглым столом. Четыре дня спустя правительство пообещало пригласить на эти переговоры Валенсу. Уже 31 августа, после встречи с представителями властей, он призвал прекратить забастовки и пообещал, что деятели «Солидарности» примут участие в заседаниях круглого стола, в ходе которых будут подняты вопросы экономических, социальных и политических реформ, в том числе вопрос о легализации профсоюза. В роли посредников выступили представители католической церкви.

Акции протеста прекратились, однако, вопреки заверениям, власти довольно широко применяли репрессии и затягивали подготовку круглого стола. В публичных заявлениях исключалось, что он приведет к легализации «Солидарности». Чтобы переломить общественные настроения и повысить роль официальных профсоюзов, была проведена смена правительства. Девятнадцатого сентября правительству Месснера пришлось уйти в отставку, причем главными его критиками выступили коммунистические профсоюзные деятели. Спустя восемь дней во главе правительства встал Мечислав Раковский. Хотя в предыдущие годы его считали партийным либералом, он не скрывал своей неприязни к «Солидарности». Надеясь внести раскол в оппозиционные группы, новый премьер безрезультатно пред-

лагал войти в правительство нескольким лицам, близким к католической церкви или «Солидарности».

Крутой стол становился все менее конкретным обещанием. В партийном аппарате идея его проведения вызывала все больше возражений. Тридцатого ноября по инициативе властей, стремившихся подорвать популярность «Солидарности», были организованы телевизионные дебаты между Валенсой и главой официальной профсоюзной Медовичем. Расчет строился на том, что глава «Солидарности», не имевший опыта выступлений в средствах массовой информации, скомпрометирует себя в глазах широкой публики. Однако на фоне партийного аппаратчика Валенса привлек большие симпатии. Восемнадцатого декабря большая группа интеллектуалов и деятелей «Солидарности», уже несколько раз собиравшаяся с мая 1987 г., объявила себя Гражданским комитетом, ставшим широким представительством оппозиции, в котором «Солидарность» была важнейшим, но отнюдь не единственным элементом.

В партийном руководстве и правительстве зрело убеждение, что компромисс с оппозицией необходим для преодоления кризиса. Ожидалось, что решение будет принято на декабрьском заседании ЦК партии, однако там этого так и не произошло. Лишь на очередном заседании, 18 января 1989 г., под нажимом Ярузельского и Раковского было получено согласие ЦК на легализацию «Солидарности» и на политическое соглашение с оппозицией.

Шестого февраля начались заседания круглого стола, продолжавшиеся два месяца и сопровождавшиеся горячими спорами. Они завершились соглашением, по которому каждая из сторон получила то, что считала для себя важнейшим. Вскоре выяснилось, что парадоксальным образом ни коммунистические власти, ни оппозиция, сгруппировавшаяся вокруг «Солидарности», не отдавали себе отчета, куда приведут принятые ими решения. Партия и правительство рассчитывали заставить оппозицию разделить ответственность за проведение необходимых, но болезненных экономических реформ и привлечь ее представителей к участию в работе парламента и, возможно, элиту некоторых из них в правительство. Коммунисты надеялись, что они будут по-прежнему управлять государством — благодаря гарантированному большинству в сейме, избравшему правительство и президента. Взамен на это они соглашались на легализацию «Солидарности». Оппозиция также хотела легализации профсоюза. Взамен она соглашалась принять участие в выборах и разделить ответственность за проведение реформы.

Парламентские выборы, два тура которых состоялись в июне 1989 г., прошли в соответствии с решениями, принятыми на переговорах круглого стола, но стали сильнейшим политическим поражением ПОРП и ее партнеров и победой оппозиции, выступившей под знаменем Гражданского комитета, отождествлявшегося с «Солидарностью». Идея проведения реформ правительством, не пользовавшимся доверием подавляющего большинства общества, была нереальной даже в том случае, если бы оппозиция разделила вместе с ним ответственность. Партнеры коммунистов — не имевшие прежде большого значения партии-союзники — сочли своим единственным шансом на будущее обретение самостоятельности и соглашение с оппозицией.

Насколько сильна еще была неуверенность в рядах бывшей оппозиции, может свидетельствовать та поддержка, которую некоторые ее представители оказали Ярузельскому на президентских выборах. Это происходило в условиях, когда в своей поддержке ему отказали депутаты партий-союзников и даже некоторые взбунтовавшиеся депутаты от ПОРП. В августе, после некоторых колебаний как со стороны коммунистов, так и со стороны оппозиции, в Польше было создано первое в странах восточного блока правительство, возглавляемое противником коммунистической системы, бывшим с 1980 г. главным советником «Солидарности», — Тадеушем Мазовецким. Тем не менее генералам-коммунистам были доверены два ключевых министерства — национальной обороны и внутренних дел. Компромисс положил начало коренным преобразованиям в Польше, которым предстояло привести к созданию демократического государства и рыночной экономики.

Заключение

История Польши последних четырнадцати лет не представляет собой завершенного периода. Однако важнейшие перемены в политическом устройстве и экономической системе уже произошли. В их числе главное — восстановление полной независимости Польши. Сразу же после июньских выборов 1989 г. Михаил Горбачев заявил, что Советский Союз не будет вмешиваться во внутренние дела государств — членов Варшавского договора. Не вызывает сомнений, что решающее значение для польской политики имело крушение коммунистической системы и в других государствах «народной демократии», в особенности падение Берлинской стены и, как следствие, воссоединение Германии в 1990 г. Польша стала соседом государства, входящего в НАТО и Европейский союз.

В марте 1991 г. были расформированы военные структуры Организации Варшавского договора, в июне — Совет экономической взаимопомощи, а 1 июля перестал действовать Варшавский договор. В октябре того же года Польша и Советский Союз подписали соглашение о выводе из Польши к концу 1993 г. советских войск. Распад СССР ускорил реализацию этого соглашения, и уже в сентябре 1993 г. последние советские части покинули польскую территорию.

Однако в своей внешней политике Польша столкнулась с новыми проблемами. Близившееся объединение Германии оживило опасения, связанные с польской западной границей. Правительство Мазовецкого решительно потребовало, чтобы Польша приняла участие в связанных с данной проблемой переговорах по формуле 2+4 (т. е. четыре небольшие державы и два немецких государства). При поддержке великих держав удалось добиться четкой позиции от германских политиков в отношении характера границы. Это создало основу для будущего сближения между Польшей и ФРГ. В июне 1991 г. был подписан договор о добрососедстве и сотрудничестве, а в декабре того

же года на встрече министров иностранных дел трех стран — договор о постоянных консультациях Польши, Германии и Франции, так называемом «Веймарском треугольнике». Другим полем внешнеполитической деятельности стали отношения с двумя странами, имевшими сходные проблемы, — Чехословакией (позднее Чехией и Словакией) и Венгрией. В феврале 1991 г. было принято решение о постоянном сотрудничестве в рамках так называемой «Вьшegradской группы». Впрочем, ни «Веймарский треугольник», ни «Вьшegradская группа» не проявили в последующие годы такой активности, на которую рассчитывали польские политики.

Гораздо большее значение имело стремление Польши к интеграции с главными структурами западного мира — «атлантическими» и «европейскими». В польской политике сторонниками такой интеграции выступали все значительные политические группировки. Однако среди государств — членов Организации Североатлантического договора и Европейского союза эта идея первоначально не вызвала большого энтузиазма. В решении вопроса о вступлении Польши в НАТО присутствовало опасение негативной реакции со стороны России. Ситуация здесь менялась постепенно, и при принятии окончательного решения не последнюю роль сыграл страх перед внутренней нестабильностью в Российской Федерации. В 1997 г. начались переговоры о присоединении Польши к Североатлантическому договору, а в марте 1999 г. Польша стало членом НАТО.

В решении вопроса о членстве Польши в Европейском союзе были опасения иного характера. Они высказывались и в самой Польше, особенно в националистических кругах и среди католических традиционалистов, несприятельно относившихся к свободе нравов, царящей в западных странах. В свою очередь, в странах Европейского союза осторожно оценивали уровень экономического развития Польши, в особенности состояние ее сельского хозяйства и возможные расходы, связанные с ее вступлением в ЕС. В 2003 г. были все же подписаны принципиальные соглашения и определен срок интеграции — апрель 2004 г. Однако на это требовалось согласие польского общества. Оно было получено на референдуме, состоявшемся 7 и 8 июня 2003 г. при относительно высоком для Польши количестве участников (58,85%) и при значительном перевесе проголосовавших за вступление (77,45%). Можно было ожидать, что ратификация договора о приеме Польши в Европейский союз пройдет без помех.

Интеграция Польши с «атлантическими» и «европейскими» структурами создала и новые проблемы в отношениях с восточными соседями.

ми. Хотя руководство Российской Федерации постепенно согласилось с новым местом Польши в Европе, появились предположения, что по-сас вхождения Польши в ЕС ее восточная граница станет барьером, затрудняющим контакты с Россией, Украиной и Белоруссией. Между тем эти контакты имеют многовековую историю и обусловлены семейными, культурными и экономическими связями.

В том, что касается внутренней политики, Польшу последних четырнадцати лет характеризует стабилизация государственного устройства, сопровождающаяся, однако, частыми изменениями в расстановке политических сил. После формирования правительства Мазовецкого решительный перевес получили круги, прежде связанные с «Солидарностью» и оппозицией. Еще больше их усилил роспуск ПОРП 29 января 1990 г., так как в созданную на ее месте партию Социал-демократия Польской Республики (СДРП; Socjaldemokracja Rzeczypospolitej Polskiej) вошла лишь часть ведущих деятелей и сравнительно мало рядовых членов. Спустя полгода вышедшие из коммунистической партии министры покинули правительство.

Однако тогда же произошло внутреннее размежевание сил, ранее поддерживавших правительство Мазовецкого. Оставшийся на обочине политической жизни председатель «Солидарности» Валенса начал кампанию против своих недавних советников и сотрудников, «войну в верхах», стремясь занять пост президента. Политическое размежевание было обусловлено предположением, что прежние коммунисты уже не играют и не будут играть в будущем серьезной роли и за власть теперь предстоит бороться исключительно блокам, некогда вышедшим из «Солидарности». В итоге 1990 г. под контролем сторонников Валенсы оказался Гражданский комитет.

Лишившись сильной политической опоры, Ярузельский отказался от должности президента. Было объявлено о всеобщих выборах президента. Могло показаться, что главным соперником главы «Солидарности» будет премьер Мазовецкий, однако он проиграл уже в первом туре выборов, состоявшемся 25 ноября, в котором перевес одержал крайний демагог Станислав Тычинский. И хотя во втором туре решительную победу одержал Валенса, ход выборов стал сигналом, что реформы, начатые вышедшими из «Солидарности» деятелями, вызывают недовольство сравнительно широких слоев общества. Мазовецкий подал в отставку, а новый президент назначил на пост премьера не имевшего прочной политической базы гданьского деятеля прежней оппозиции Яна Кшиштофа Белецкого. Состав правительства при этом не претерпел значительных изменений.

Происходило становление партий, члены которых, представляя круги, близкие к «Солидарности», различались по своим программам, — от имевших социалистическую ориентацию левых до националистически настроенных правых. Самой сильной организацией среди них был основанный Мазовецким центристский Демократический союз (Unia Demokratyczna). Все более усиливалась СДРП, которая в июле 1991 г. вместе с рядом близких ей более или менее массовых организаций создала блок под названием Союз демократических левых сил (СДЛ; Sojusz Lewicy Demokratycznej). Двадцать седьмого октября состоялись парламентские выборы, проведенные на пропорциональной основе. Демократический союз действительно оказался самой сильной партией, но почти столько же мандатов получил Союз демократических левых сил. После внутренней перестройки усилил свои позиции прежний «попутчик» коммунистов — ПСЛ, партия опиравшаяся на сельское население. Однако в целом в сейме, разделенном на множество малых партийных фракций, не доставало устойчивого парламентского большинства.

Формирование нового правительства продолжалось в течение двух месяцев. В конце концов в декабре возникло правоцентристское правительство Яна Ольшевского, в котором, однако, не был представлен Демократический союз. Главной своей задачей новое правительство провозгласило проведение так называемой «акустрации» и декоммунизации. В то время это уже не настолько интересовало общество, столкнувшееся с трудными проблемами экономической и социальной трансформации. «Акустрация» все более отчетливо направлялась против политических конкурентов из прежней оппозиции, которых стремились обвинить в сотрудничестве с коммунистами и даже в агентурной деятельности в интересах спецслужб. Министр внутренних дел Антониий Мацеревиц представил депутатам список мнимых агентов спецслужб, в котором значились многие ведущие деятели бывшей оппозиции. Распространялась информация, что агентурные функции выполнял якобы и Валенса.

Эти действия правительства вызвали острую реакцию президента и большинства политических партий. Четвертого июня 1992 г. сейм проголосовал за недоверие правительству. Тем не менее дело о так называемых «папках Мацеревица» привело к заметному падению авторитета деятелей, вышедших из «Солидарности» и бывшей оппозиции. Различные группировки бывших оппозиционеров обвиняли друг друга в агентурной деятельности и были готовы вести политическую борьбу, не гнушаясь демагогическими приемами.

Следующий кабинет министров по составу также был правдоцентристским, но должность премьера в нем заняла представительница Демократического союза Ханна Сухоцкая. Правительственная коалиция с самого начала была ослаблена внутренними разногласиями. Однако ей удалось добиться некоторых успехов в сфере государственного устройства — принятия так называемой «Малой Конституции», которая на время определила сферу компетенции отдельных органов государственной власти, оставив президенту значительные полномочия в области национальной обороны, иностранных дел и внутренней безопасности. Двадцать восьмого мая 1993 г. правительство Сухоцкой получило вотум недоверия, однако продолжало выполнять свои функции вплоть до сентября, когда состоялись досрочные выборы. Этим завершился четырехлетний период нахождения у кормила власти различных групп, вышедших из рядов «Солидарности».

Парламентские выборы состоялись в соответствии с новыми правилами, вводившими так называемые барьеры, преодоление которых было необходимо для прохождения в сейм: пятипроцентный для партий и восьмипроцентный для межпартийных коалиций. Они завершились убедительным успехом Союза демократических левых сил и готового к сотрудничеству с ним ПСД, которые получили более 70% мандатов. И наоборот, большая часть правых и центристских партий, разделенных и ослабленных взаимной борьбой, потерпела поражение. Относительно успешно прошли через выборы Демократический союз и выступавший за преодоление противостояния между бывшими коммунистами и членами «Солидарности» Союз труда (Unia Pracy). Лишь нескольким другим партиям удалось провести своих многочисленных представителей в сейм.

Первое время Союз демократических левых сил (СДЛ) чувствовал себя неуверенно, помня о враждебном отношении общества к своей предшественнице — ПОРП. Поэтому после заключения соглашения с ПСД его деятели согласились, чтобы премьером стал глава Людовцов Вальдемар Паваяк. Правительственная коалиция просуществовала весь срок полномочий сейма — до 1997 г. Не обошлось, однако, без конфликтов, результатом чего стали среди прочего перемены на посту премьера. С марта 1995 г. его занимали политики из СДЛ, сначала Юзеф Олекски, а с февраля 1996 г. — Владзимеж Цимошевич. Позиции СДЛ еще больше упрочились после победы его лидера Александра Квасьневского на президентских выборах в ноябре 1995 г. Глава «Солидарности» Валенса потерпел поражение, после которого перестал играть существенную роль в польской политической жизни.

После выборов в сейм в 1993 г. и президентских выборов 1995 г. могло показаться, что для общества перестала иметь значение разница между наследниками ПОРП и наследниками «Солидарности», а СЛД стал главной партией на польской политической сцене. Однако это в немалой степени было результатом разногласий между группировками, представлявшими бывшую антикоммунистическую оппозицию. После ряда поражений их большая часть в июне 1996 г. объединилась в блок «Предвыборная акция — Солидарность» («Akcja Wyborcza — Solidarność»), возглавленный главой союза «Солидарность» Марианом Кшаклевским. Этот блок имел откровенно правый характер. В его состав не вошел центристский Союз свободы (Unia Wolności), основой которого стал прежний Демократический союз.

Хотя первая попытка, предпринятая «Предвыборной акцией — Солидарность» окончилась неудачей, она показала ее немалую силу. На референдуме по принятию подготовленного в сейме проекта конституции «Предвыборная акция — Солидарность» выступила против его соавторов — партий правящей коалиции, Союза свободы и Союза труда. Объектом критики стали не важнейшие положения о государственном устройстве, ограничивавшие полномочия президента и укреплявшие позиции сейма, а недостаточное отражение в проекте национальных и религиозных вопросов. Конституция была утверждена, но против проекта высказалось 47% проголосовавших.

После референдума и по мере приближения парламентских выборов наметилось определенное сближение между «Предвыборной акцией — Солидарность» и Союзом свободы. На выборах 21 сентября 1997 г. «Предвыборная акция — Солидарность» получила большинство голосов и — вместе с Союзом свободы — более половины мандатов. Месяц спустя она создала с ним правительственную коалицию. СЛД и ПСЛ оказались в оппозиции, Союз труда вообще не прошел в сейм. Премьер-министром стал представитель «Предвыборной акции — Солидарность» Ежи Бузек, хотя наиболее влиятельным политиком по-прежнему считался Кшаклевский, возглавивший новое политическое объединение — Общественное движение «Предвыборной акции — Солидарность» («Ruch Społeczny — AWS»). Лишь в 1999 г. его заменил на этом посту премьер Бузек.

Ни «Предвыборная акция — Солидарность», ни правительственная коалиция не смогли сохранить в своем неизменном виде на протяжении всего срока полномочий нового сейма. Из «Предвыборной акции» выходили целые группы депутатов, в основном демонстрировавших крайне правые взгляды. Общественные настроения сущест-

венно смещались влево, что проявилось во время президентских выборах 2000 г., на которых уже в первом туре победил Квасьневский, а Кипаклевский занял лишь третье место. Союз свободы выступил с критикой правительства, обвиняя его в некомпетентности и неспособности противостоять экономическому застою, а в 2000 г. решил выйти из правительственной коалиции. До выборов 2001 г. Бузек возглавлял правительство меньшинства.

На выборах 2001 г. вновь победил СД, преобразованный из блока в однородную партию. По общим с ним спискам в сейм прошли также представители Союза труда. Партнером обеих этих партий по правительственной коалиции, возглавленной премьером Лешком Миллером, стало ПСД, впрочем гораздо более слабое, чем в 1993 г. «Предвыборная акция Солидарность» и Союз свободы, подорванные накануне выборов внутренними расколами, даже не вошли в сейм, а главными партиями правоцентристской оппозиции стали партия «Право и справедливость» («Prawo i Sprawiedliwość»), образовавшаяся из части членов бывшей «Предвыборной акции Солидарность», и Гражданская платформа (Platforma Obywatelska), объединившая раскольнические группировки из «Предвыборной акции Солидарность» и Союза свободы. Однако в сейм вошли также и экстремистские партии: популистская и открыто отрицающая основы общественного порядка «Самооборона» (Samoobrona) и крайне правая, националистическая и клерикальная Лига польских семей (Liga Polskich Rodzin).

В экономической сфере принципиальные изменения начались в Польше с осуществления в начале 1990 г. так называемого плана Бальцеровича, тогдашнего вице-премьера и министра финансов. В основном цены с этого времени определялись свободным рынком, предприятия должны были ориентироваться на рыночный спрос, началась приватизация. При осуществлении плана разразилась сильнейшая инфляция и произошло снижение реальных доходов населения, прежде считавшихся довольно высокими (хотя тогда имел место дефицит необходимых товаров). Некоторые предприятия в условиях рыночной конкуренции обанкротились, появилась безработица.

Новые правительства продолжали реализацию плана Бальцеровича. Вскоре наметилась стабилизация экономического положения. В 1992 г. было остановлено снижение валового национального продукта, а с 1993 г. начался его быстрый рост. Большую роль в модернизации экономики играли иностранные инвестиции. На протяжении нескольких лет Польша оставалась лидером реформ среди стран бывшего коммунистического блока. Однако в течение 1999 г. рост при-

остановился. На это повлияли как факторы, не зависящие от Польши (ухудшение международной конъюнктуры), так и пренебрежение реформами, которые освободили бы экономику от бремени неэффективных расходов. Резко выросла безработица, достигшая уровня 18% трудоспособного населения. Но с другой стороны, постепенно удалось добиться весьма существенного снижения уровня инфляции.

Тяжелейшей проблемой польской экономики продолжает оставаться состояние сельского хозяйства. Оно раздроблено и в целом малопродуктивно. В последние годы доходы крестьян значительно сократились. Одновременно в связи с ростом безработицы затормозился отток рабочей силы из сел в города и даже наметилось обратное явление — возвращение в сельское хозяйство или в деревню людей, лишившихся рабочих мест в городе.

Несмотря на все сложности, в последние полтора десятилетия Польша оказалась в числе немногих стран, успешно справляющихся с трудностями переходного периода. Подтверждением этого стало вступление Польши в Европейский союз. Политические и экономические перемены, вступление в НАТО означают изменение геополитического положения Польши, обеспечение — впервые за два с половиной столетия — ее безопасности, вхождение в число развитых европейских государств, политическое устройство которых определяется парламентской демократией, а хозяйственный строй — рыночной экономикой.

Хронология

VII—IX вв.

На территории будущей Польши появляются племенные организации, крупнейшие из которых были сосредоточены в IX в. вокруг Кракова (висляне) и Гнезно (поляне).

Первая половина X в.

Экспансия племени полян; в устных преданиях сохраняются имена трех князей: Семовита, Лестко и Семомысла.

966

Крещение Мешко I (около 960—992). В его правление завершается процесс создания польского государства.

997

Миссия к пруссам и мученическая смерть епископа Праги св. Войтеха (Адальберга).

1000

Встреча в Гнезно императора Оттона III и Болеслава Храброго (992—1025). Создание Гнезненского архиепископства.

1025

Королевская коронация Болеслава Храброго.

1037

Восстание зависимого населения и кризис государства.

1039

Возвращение к власти князя Казимира Восстановителя.

1076

Королевская коронация Болеслава Смелого (1058—1079).

1079

Казнь епископа Краковского Станислава. Бунт możnowładczv и изгнание короля Болеслава Смелого из Польши.

1109

Отражение Болеславом Кривоустым (1102—1138) немецкого вторжения.

1113 - 1116

Хроника Анонима, называемого Галлом.

1122

Болеслав Кривоустый занимает Щецинское (Западное) Поморье.

1138

Завещание Болеслава Кривоустого: раздел польского государства на отдельные княжества; начало периода удельной раздробленности, продолжавшегося приблизительно до 1300 г.

1180

Съезд польских князей в Ленцице: дарование привилегий церкви.

XII в.	Расцвет романского искусства и архитектуры: соборы и базилики в Кракове, Туме, Крушвице, Опатове, во Вроцлаве, в Стшешельно; двери Гнезненского собора. Виццентий по прозвищу Кадалубек создаст свою хронику.
Около 1200	
1226	Князь Конрад Мазовецкий приглашает рыцарей Тевтонского ордена в свое княжество, на пограничье Мазовии и земель пруссов и ятвягов.
1241	Монгольское нашествие. Поражение христианских войск под Легницей, гибель силезского князя Генрика Благочестивого.
Вторая половина XIII в.	Появление в Польше первых памятников готической архитектуры.
1264	Пожалование князем Болеславом Благочестивым ряда привилегий срезям, обеспечивавших им свободу отправления культа, особый правовой статус и княжескую опеку.
1295	Королевская коронация Пшемисла II.
Конец XIII в.	Возникновение гимна «Богородица».
XIII—XV вв.	Проникновение в Польшу немецкого права. Пожалование городам и селам локационных привилегий — колонизация на основе немецкого права.
1308	Захват Тевтонским орденом Гданьского (Восточного) Поморья.
1320	Коронация Владислава Локетка.
1333—1370	Правление Казимира Великого.
1340—1366	Присоединение к Польше Червонной (Галицкой) Руси.
1343	Заключение в Калише мира с Тевтонским орденом.
1346 1347	Кодификация права.
1364	Основание Университета в Кракове.
1370	Пресечение королевской линии династии Пястов.
1382	Начало почитания иконы Ченстоховской Божьей Матери.
1384	Ядвига, дочь Людовика Венгерского, занимает польский трон.
1385	Крестовая уния между Польшей и Литвой.
1386	Крещение Ягайло (Владислава Ягелло) и его брак с Ядвигой. Начало династии Ягеллонов.
1409—1411	«Великая война» с Тевтонским орденом.
1410	Битва под Грюнвальдом.
1413	Городельская уния между Польшей и Литвой.
1415	Трактат Павла Влодковица «О власти папы и императора над язычниками», представленный Констанцскому собору.
1422, 1430, 1433	Издание привилегий о личной и имущественной неприкосновенности рыцарства.
1444	Битва с турками под Варшавой, гибель короля Польши и Венгрии Владислава (Варненчика).
1447—1492	Правление Казимира Ягеллончика.

1454	Нешавские привилеи.
1454—1466	Тринадцатилетняя война с Тевтонским орденом. По Торуньскому миру (1466) Польша получает назад утраченное в 1308 г. Гдашское Поморье.
1471	Владислав Ягеллон становится королем Чехии, и в 1490 г. — королем Венгрии. Вплоть до 1526 г. Польша и Литва, Чехия и Венгрия остаются под властью двух линий династии Ягеллонов.
1473	В Кракове начинает работу первая типография.
1493	возникновение друхпалатного сейма.
Вторая половина XV в.	Расцвет в Польше готического искусства (в живописи — краковской и новосончской школы). Хроники Яна Длугоша. Алтарь Вита Стопа (Ствоша). Постепенное развитие письменности на польском языке. Конституция «pihi powi».
1505	Строительство ренессансной калеллы Сигизмунда в Вавельском замке в Кракове.
1517—1533	секуляризация Тевтонского ордена. Возникновение Герцогства Пруссия, являвшегося леном Польши.
1525	«De revolutionibus orbium coelestium» — «Об обращениях небесных сфер» Николая (Миколая) Коперника.
1543	Возникновение первой иезуитской гимназии.
1564	Люблинская уния Польши и Литвы.
1569	смерть Сигизмунда Августа, конец династии Ягеллонов.
1572	Установление принципов свободного избрания короля («вольной элекции»), совершавшегося <i>viribus</i> .
1573	Варшавская конфедерация (акт о религиозной терпимости). Генриковы артикулы.
1578	Основание Университета в Вильне (Вильнюсе).
1580	«Тренды» Кошаповского. Строительство Замостья.
1595, 1596	Церковные соборы в Бресте (Литовском). Брестская уния с восточной церковью Речи Посполитой.
1600	Начало войны со Швецией, открывшей целый век непрерывных войн со Швецией, с Московским государством, украинскими казаками и Турцией.
1610	Битва под Клушином, вступление польских войск в Москву.
1634	Заключение в Полянове мира с Московским государством. Речь Посполитая сохраняет за собой Смоленск, ее территория превышает 1 млн. кв. км.
1648	Начало казачьего восстания под началом Богдана Хмельницкого.
Первая половина XVII в.	Развитие барочной церковной и светской архитектуры, придворного театра, оперы и живописи.
1652	Первое применение принципа «liberum veto».
1654	Переяславская рада, переход украинских казаков под покровительство московского царя. Война с Московским государством за Украину (до 1667 г.).

- 1655 Шведское вторжение — «потоп» (война продолжалась до 1660 г.).
- 1657 Велявско-быдгошские договоры: отказ Речи Посполитой от верховной власти над Герцогством Прусским.
- 1665—1666 Роксолн Любомирского, провал попытки добиться усиления королевской власти.
- 1668 Отречение от престола короля Яна Казимира.
- 1683 Поход Яна III Собеского (1674—1696) на помощь Вене и разгром осаждавших ее турецких войск.
- 1699 Карловицкий мир с Турцией.
- вторая половина XVII — Позднее барокко и распространение среди польской шляхты культуры «сарматизма». Расцвет ме-
первая половина XVIII в. муаристики. Виленское барокко.
- 1702 Шведское вторжение в Польшу.
- 1717 «Немой сейм» — начало зависимости Речи Посполитой от России.
- 1733 Избрание враждующими партиями двух королей («двойная элекция») — Августа III и Станислава Лещинского. Война за трон Речи Посполитой.
- 1740 Создание Станиславом Конарским «Collegium Nobilium».
- 1765 Основание Рыцарской школы королем Станиславом Августом Полятовским (1764—1795).
- 1768—1772 Барская конфедерация.
- 1772 Первый раздел Речи Посполитой.
- 1773 Комиссия национального просвещения (Эдукационная комиссия).
- Вторая половина XVIII в. Эпоха Просвещения в Польше.
- 1788—1792 Деятельность Великого сейма.
- 1791 Конституция от 3 мая.
- 1792 Тарговицкая конфедерация. Война с Россией.
- 1793 Второй раздел Речи Посполитой.
- 1794 Восстание под руководством Тадеуша Костюшко.
- 1795 Третий раздел Речи Посполитой. Ликвидация польско-литовского государства. В течение 123 лет (с небольшим перерывом) все польские земли будут находиться под властью России, Австрии и Пруссии.
- 1797—1803 Польские легионы на службе революционной Франции.
- 1797 Создание Юзефом Wybickим песни легионов — «Еще Польша не погибла...» (в первом варианте «не умерла»).
- 1807 Возникновение Княжества (Герцогства) Варшавского и пожалование ему конституции Наполеоном.
- 1808 Введение в Княжестве Варшавском Кодекса Наполеона.
- 1811 Начало реформы по разделению крестьян земель в польских землях в составе Пруссии.

- 1812 Участие войск Княжества Варшавского в русском походе Наполеона.
- 1813 Гибель под Лейпцигом князя Кюзефа Понятовского, главнокомандующего войсками Княжества Варшавского.
- 1815 Создание Королевства Польского (под властью русского царя) и его конституции. Создание Великого княжества Познанского (в составе Пруссии) и Краковской республики.
- 1817 1823 Деятельность в Вильно общества филоматов и фила-регов.
- 1828 Основание Польского банка.
- 1830—1831 Поябрьское восстание и польско-русская война.
- 1831 Начало Великой эмиграции.
- После 1831 Расцвет польского романтизма. Творчество Шопена. III часть «Дзядов» и «Пан Тадеуш» Мицкевича. «Кордиан» Словацкого. «Небожественная комедия» Кра-синьского. Поэзия Норвида.
- 1845 Ввод в эксплуатацию первых участков железной до-роги Варшава — Вена.
- 1846 Краковское восстание; галицийская резня; включе-ние Краковской республики в состав Австрии.
- 1848 Великопольское восстание и беспорядки в Галиции; наделение галицийских крестьян землей.
- 1860—1861 Волна патриотических манифестаций на польско-литовских землях в составе России (главным обра-зом в Варшаве и Вильно).
- 1861 Начало галицийской автономии.
- 1863 Начало Январского восстания; декрет Националь-ного правительства о наделении крестьян землей.
- 1864 Царский декрет о наделении крестьян землей в Ко-ролевстве Польском; арест и казнь Ромуальда Трау-гутта; постепенное прекращение борьбы.
- После 1864 Польский позитивизм в философии, публицистике, историографии и литературе.
- После 1866 Русификация образования, администрации и судо-производства в Королевстве Польском.
- 1872 Начало германизации системы образования на польских землях в составе Пруссии.
- 1885 Действия прусских властей с целью вытеснения поль-ских сельскохозяйственных рабочих, прибывавших в Пруссию с территории Королевства Польского. Дея-тельность на польских землях в составе Пруссии Ко-лонизационной комиссии.
- 1880—1890-е гг. Период создания политических партий современ-ного типа: «Пролетариата» (1882), Польской лиги (1886), Польской социалистической партии (ППС) и Польской социал-демократической партии Га-лиции (1892), Социал-демократии Королевства

Рубеж XIX—XX вв.

1905—1907

1914

1915

1916

1917

Ноябрь 1918

1918/1919

Январь 1919

1919—1920

1919—1921

1920

1921

1922

1924

1926

1929—1934

1932

1934

1935

Период межвоенного
двадцатилетия

1 сентября 1939

17 сентября 1939

После сентябрьской
кампании 1939 г.

Польского (СДКП, 1893), Национальной лиги (1893), Народной (Крестьянской) партии (Stronnictwo Ludowe, 1895), Национально-демократической партии (Stronnictwo Narodowo-Demokratyczne, 1897).

Литература и искусство модернизма.

Революция в Королевстве Польском.

Верховный национальный комитет в Галиции; Польские легионы при австрийской армии; создание тайной Польской военной организации.

Оккупация Королевства Польского германской армией.

Акт от 5 ноября.

Роспуск легионов; Национальный польский комитет в Париже; Регентский совет в Королевстве Польском.

Восстановление независимости Польши спустя 123 года после разделов; создание правительства Дашинского; Пилсудский — верховный глава государства (Naczelnik Państwa).

Великопольское восстание.

Выборы в сейм.

Польско-советская война.

Силезские восстания.

Создание вольного города Гданьска; плебисцит в Вармии, Мазовии и в Повислье.

Польско-французский союз; Мартовская конституция (17 марта); польско-советский Рижский договор; плебисцит в Верхней Силезии.

Убийство президента Нарutowича.

Денежная реформа Грабского.

Майский переворот Пилсудского.

Экономический кризис.

Польско-советский пакт о ненападении.

Польско-германский пакт о ненападении.

Апрельская конституция (23 апреля).

Новаторские произведения Гомбровича, Шульца, Виткевича (Виткация), львовская и варшавская школы математики.

Нападение Германии на Польшу.

Нападение СССР на Польшу.

Возникновение эмигрантского правительства Польской Республики; создание на Западе Польских вооруженных сил; создание в Польше тайной «Службы победе Польши» (сентябрь 1939), Союза вооруженной борьбы (ноябрь 1939), с 1942 г. получившего название Армия Крайова; организация подпольного

Апрель 1940	государства с действующей в Польше Делегатурой правительства (с декабря 1940).
30 июля и 14 августа 1941	Уничтожение органами НКВД военнопленных польских офицеров.
Март—август 1942	Польско-советские договоры; создание в СССР польской армии.
13 апреля 1943	Вывод армии генерала Андерса из СССР в Иран. Вскрытие немцами могил польских офицеров в Катыни.
19 апреля 1943	Начало восстания в Варшавском гетто.
26 апреля 1943	СССР разрывает дипломатические отношения с польским правительством.
Май 1943	Создание в СССР находившейся под контролем коммунистов польской дивизии им. Тадеуша Костюшко.
4 июля 1943	Гибель в воздушной катастрофе над Гибралтаром генерала Владислава Сикорского, польского премьер-министра и главнокомандующего.
Май 1944	Штурм солдатами II корпуса генерала Андерса перевала и монастыря Монте-Кассино в Италии.
Июль 1944	Создание под покровительством СССР Польского комитета национального освобождения (ПКНО).
1 августа — 2 октября 1944	Варшавское восстание.
6 сентября 1944	Декрет ПКНО о земельной реформе.
Март 1945	Арест советскими органами безопасности шестнадцати руководителей польского подпольного государства.
Конец апреля — 2 мая 1945	Красная армия и отряды Первой армии Войска Польского ведут бои в Берлине.
28 июня 1945	Возникновение Временного правительства национального единства.
5 июля 1945	Западные союзники отказываются от признания эмигрантского правительства Польской Республики.
19 января 1947	Выборы в сейм; проведены в обстановке террора, результаты фальсифицированы коммунистами.
1947—1949	Трехлетний план восстановления.
15—21 декабря 1948	Объединение Польской рабочей партии (ПРП) и Польской социалистической партии (ППС) в Польскую объединенную рабочую партию (ПОРП).
1948—1954	Сталинизация; усиление террора.
1950—1955	Шестилетний план.
2 июля 1952	Конституция ПНР.
5 сентября 1953	Взятие под стражу примаса Вышинского.
8 июля 1956	Бунт рабочих в Познани и его жестокое подавление войсками.
1 октября 1956	Гомулка становится первым секретарем ПОРП; попытка реформирования системы; освобождение примаса.

После 1956	Подъем художественного творчества: музыки, театра, литературы; польская школа кинематографии.
Начиная с 1962	Свертывание реформ; конфликт с католической церковью; фракционная борьба в ПОРП.
14 марта 1964	Письмо 34 деятелей искусства и науки властям, репрессии.
18 ноября 1965	Письмо польских епископов епископам Германии.
1966	Празднование тысячелетия крещения Польши и тысячелетия польского государства.
1968	Мартовские события; преследования интеллигенции; антисемитская кампания.
7 декабря 1970	Договор ПНР с ФРГ.
14—18 декабря 1970	Забастовки и волнения в Гданьске, Щецине и Эльблонге, жестоко подавленные войсками; падение Гомулки; Герек становится первым секретарем ПОРП (20 декабря).
1971—1973	Попытки половинчатых хозяйственных реформ.
1975	Проект изменения Конституции; сопротивление интеллигенции и католической церкви.
1976	обострение экономического кризиса; волнения рабочих на заводе «Урсус» и в Радоме; возникновение организованной оппозиции.
2—10 июня 1979	Визит папы Иоанна Павла II в Польшу.
1980	Экономическая катастрофа; массовые забастовки; Гданьские соглашения (31 августа); возникновение Независимого самоуправляющегося профсоюза «Солидарность» во главе с Валенсой; падение Герека (5-6 сентября).
12/13 декабря 1981	Введение военного положения; генерал Ярузельский во главе Военного совета национального спасения.
19 октября 1984	Убийство священника Попелушко; похороны локализуют силу подпольной «Солидарности».
Апрель, август 1988	Волна забастовок.
5 апреля 1989	Соглашения «крутого стола».
4 июня 1989	Выборы в сейм, проведенные на основе соглашений крутого стола, и свободные выборы в сенат, убедительная победа «Солидарности».
Сентябрь 1989	Создание правительства Тадеуша Мазовецкого.
1 января 1990	Начало экономической реформы; конвертируемость злотого.
30 января 1990	Роспуск ПОРП.
25 ноября и 9 декабря 1990	Два тура президентских выборов; президентом становится Лех Валенса.
Январь 1991	Создание правительства Белецкого; продолжение реформ.
27 октября 1991	Свободные выборы в сейм и сенат.
1993	Вывод из Польши последних российских военных частей. Парламентские выборы (сентябрь).

8 апреля 1994	Польша подает заявление на членство в Европейском союзе (ЕС).
Ноябрь 1995	Александр Квасьневский побеждает на президентских выборах.
1996	Возникновение правого блока «Предвыборная акция — Солидарность».
Июль 1996	Вступление Польши в Организацию экономического сотрудничества и развития (ОЭСР).
Октябрь 1996	Вислава Шимборская получает Нобелевскую премию по литературе.
25 мая 1997	Утверждение Конституции на референдуме.
Июль 1997	Польша получает приглашение на переговоры о вступлении в НАТО.
Сентябрь 1997	Победа на парламентских выборах правого блока «Предвыборная акция — Солидарность», создание правительства Ежи Бузека.
Март 1998	Начало переговоров о приеме в ЕС.
Октябрь 1998	Реформа самоуправления.
Январь—февраль 1999	Реформы службы здравоохранения, пенсионной и школьной систем.
12 марта 1999	Прием Польши в НАТО.
Март 2000	Присуждение Анджею Вайде премии «Оскар».
Октябрь 2000	Переизбрание президента Александра Квасьневского.
Сентябрь 2001	Победа на парламентских выборах Союза демократических левых сил; поражение правых; создание правительства Лешека Миллера.
13 декабря 2002	Польша завершает в Копенгагене переговоры о вступлении в ЕС.
Март—апрель 2003	Участие Польши в коалиции против Саддама Хусейна и войне в Ираке.
16 апреля 2003	Подписание Польшей в Афинах договора о вступлении в ЕС.
7—8 июня 2003	Референдум по вопросу о вступлении Польши в ЕС, 77% голосов «за».
1 мая 2004	Вступление Польши в ЕС.

Территория и население польского государства и польско-литовской Речи Посполитой. X—XX вв.

Год	Территория (тыс. кв. км)	Население (млн. человек)	Плотность населения (человек/кв. км)
1000	250	1,25	5
1370	240	2	8
1580	815	8	10
1635	990	11	11
1660	750	6	8
1771	733	14	19
1790	520	9,5	18
1922	388	27	70
1938	388	35	90
1946	311	24	77
1955	312	28	90
2000	312	38,6	123

Польские правители и руководители

Польские князья и короли

Пясты

Мешко I	ок. 960—992
Болеслав I Храбрый	992—1025
Мешко II	1025—1034
Казимир I Восстановитель	1034—1058
Болеслав II Смелый	1058—1079
Владислав Герман	1079—1102
Болеслав III Кривоустый	1102—1138

Период удельной раздробленности

Владислав II Изгнанник	1138—1146
Болеслав Кудрявый	1146—1173
Мешко III Старый	1173—1177
Казимир II Справедливый	1177—1194

Позднее сенъорат и принципат утрачивают свое значение, на троне краковского удела происходит частая смена правителей

Период объединения государства

Пшемисл II	1295—1296
Вацлав II Чешский	1300—1305 — династия Пршемисловичей
Вацлав III Чешский	1305—1306 — династия Пршемисловичей

Объединенное королевство

Владислав Локетек (Локоток)	1305—1333
Казимир Великий	1333—1370

Анжуйская династия

Людовик Венгерский	1370—1382
Ядвига	1384—1399

Ягеллоны

Владислав Ягелло	1386—1434
Владислав Варненчик	1434—1444
Казимир Ягеллончик	1447—1492
Ян Ольбрахт	1492—1501
Александр	1501—1506
Сигизмунд Старый	1506—1548
Сигизмунд Август	1548—1572

Выборные короли

Геприх Валуа	1574—1575
Стефан Баторий	1576—1586
Сигизмунд III Ваза	1587—1632
Владислав IV Ваза	1632—1648
Ян Казимир Ваза	1648—1668
Михаил Корибут Вишневецкий	1669—1673
Ян III Собеский	1674—1696
Август II Сильный Веттин	1697—1733
[Станислав Лещинский]	1704—1709
Август III Веттин	1733—1763
[Станислав Лещинский]	1733—1736
Станислав Август Понятовский	1764—1795

Польская Республика. 1919—1939 гг.**Верховный глава государства (Naczelnik Państwa)**

Юзеф Пилсудский	1918—1922

Президенты

Габриель Нарutowич	9—16 декабря 1922
Станислав Войцеховский	1922—1926
Игнаций Мосцицкий (Мосцицкий)	1926—1939

Президенты Польской Республики в эмиграции

Владислав Рачкевич	1939—1947, с 5 июля 1945 г. западные державы отказали ему в признании
Август Залеский	1947—1972
Станислав Островский	1972—1979
Эдвард Рачинский	1979—1986
Казимеж Саббат	1986—1989
Рышард Качоровский	1989—1990

Послевоенная Польская Республика и Польская Народная Республика**Председатель Президиума Крайовой Рады Народовой (КРН) и Президент КРН**

Болеслав Берут	1944—1947

Президент Польской Республики

Болеслав Берут	1947—1952

Председатели Государственного совета ПНР

Александр Завадский	1952—1964
Эдвард Охаб	1964—1968
Мариан Спыхальский	1968—1970
Юзеф Цыранкевич	1970—1972
Генрик Яблонский	1972—1985
Войцех Ярузельский	1985—1989

Президент ПНР

Войцех Ярузельский

1989—1990

Первые секретари ПОРП

Болеслав Берут

1948—1956

Эдвард Охаб

1956

Владислав Гомулка

1956—1970

Эдвард Гсерек

1970—1980

Юзеф Каня

1980—1981

Войцех Ярузельский

1981—1989

Мечислав Раковский

1989—1990

Польская Республика (Республика Польша)¹**Президенты РП**

Лех Валенса

1990—1995

Александр Квасьневский

избран президентом в 1995,
перезизбран в 2000**Примечания**

¹ Точный перевод названия нынешнего польского государства звучит как «Польская Республика» (слово «Polska» в словосочетании «Rzeczpospolita Polska» является прилагательным). Однако при его официальном переводе на некоторые другие языки (в частности, на русский и английский) в качестве второго элемента используется существительное «Польша», что позволяет сохранить порядок слов и не изменять аббревиатуры РП (RP).

Библиография

Общие труды

- Bobrzyński M.* Dzieje Polski w zarysie. Warszawa, 1927. T. 1—3 (и другие издания).
- Brückner A.* Dzieje kultury polskiej. Warszawa, 1939. T. 1—4.
- Czapliński W.* Zarys dziejów Polski do roku 1864. Kraków, 1985.
- Davies N.* God's Playground. A History of Poland. Oxford, 1983. T. 1—2 (польское издание: Boże igrzysko. Historia Polski. Kraków, 1989, 1991, 1996. T. 1—2).
- Dzieje Polski / Red. J. Topolski.* Warszawa, 1993.
- Gieysztor A., Kieniewicz S., Rostworowski E., Tazbir J., Wereszycki H.* History of Poland. Warszawa, 1971.
- Halecki O.* A History of Poland with additional material by A. Polonsky. London, 1983.
- Historia Polski / Red. T. Manteuffel.* Warszawa, 1957—1984. T. 1—4.
- Historia Polski w liczbach / Red. A. Jezierski, A. Wyczański.* Warszawa, 2003. T. I. Państwo. Społeczeństwo.
- Kłoczowski J.* Dzieje chrześcijaństwa polskiego. Warszawa, 2000.
- Polska, jej dzieje i kultura od czasów najdawniejszych do chwili obecnej / Red. S. Lam.* Warszawa, 1928. T. 1—3.
- Samsonowicz H., Tazbir J., Łepkowski T., Nałęcz T.* Polska. Losy państwa i narodu. Warszawa, 1992.
- Wyrozumski J., Gierowski J., Buszko J.* Historia Polski. Kraków, 1978. T. 1—4.
- Zarys historii Polski / Red. J. Tazbir.* Warszawa, 1979.

Именной указатель

- Абрамовский, Эдвард 378
Август, курфюрст саксонский,
см. Август II
Август II, курфюрст саксонский,
король польский 239, 240, 249, 250,
255, 256, 263
Август III, курфюрст саксонский,
король польский 256—258, 261
Александр Ягеллончик, великий князь
литовский, король польский 154
Александр Малопольский, епископ 77
Александр I, император 300, 301, 303,
305, 309, 311, 314, 317
Александр II, император 337—342, 352,
353
Александр III, император 352, 369
Алексей Михайлович Романов, царь
231
Альберт, воит 85
Альбрехт Габсбург, король немецкий
84, 127
Альбрехт Гогенцоллерн, великий
магистр Тевтонского ордена 159,
164, 165
Альдона, королева польская 88
Альфред Великий, король английский
21
Андерс, Владислав 437
Андей, епископ 86
Андей Станислав, епископ 278
Анна Иоанновна, императрица 256,
261
Аракчеев А.А. 310
Арцишевский, Томаш 451
Бабюх, Эдвард 493
Балицкий, Зыгмунт 366
Барковиц, Мацеж 101
Бартель, Казимеж 417, 419
Бек, Юзеф 428
Белецкий, Ян Кшиштоф 309
Бельский, Мартин 175
Бем, Юзеф 335
Бенедикт I, папа римский 45
Берг Ф.Ф. 345
Берия А.П. 464, 465
Берман, Якуб 467
Бернард Испанец 48
Берут, Болеслав 455, 458, 467
Бесприм, князь 31, 44
Бирон, герцог Курляндии 256
Бисмарк, Отто фон Шенкаузен 348,
351, 353, 355
Бобжинский, Михал 361, 300
Бобровский, Чеслав 454
Богомолец, Франтишек 278
Богуслав V, князь 91
Богуслав V Поморский, князь 92
Болек Свидницкий, князь 91, 92
Болеслав, см. Болеслав III Кривоустый
Болеслав Высокий, князь 58
Болеслав Кудрявый, князь 57—60
Болеслав Стыдливый, князь 59, 63
Болеслав Тройденевич, князь 91
Болеслав Храбрый, король 28,
31, 32, 41—44, 50, 76, 89, 103,
141, 142
Болеслав II Смелый, король 32, 34,
45—47, 53, 56, 76, 77, 89, 103, 140

- Болеслав III Кривоустый, князь 26,
 32, 33, 47—49, 56, 57, 59, 103
 Бонифаций VIII, папа римский 84
 Борейша, Ежи 454
 Боркович, Матецк 101
 Брандт, Вилли 479
 Брандыс, Казимеж 490
 Браницкий, Франтишек Ксаверий
 282, 289
 Брежнев Л.И. 487
 Бржетислав I, князь чешский 37, 45
 Бруно Кверфуртский 43
 Брюль, Генрих 257
 Буденный С.М. 401
 Бузек, Ежи 512
 Бутураин, Василий 232
 Бялалозор, Матеуш 259
- Вавжецкий, Томаш 292
 Вавжиняк, Петр 355
 Важик, Адам 466
 Валенса, Лех 493—495, 498, 500,
 502—505, 509—511
 Валиховский, Гадсуш 476
 Вальдемар IV Восстановитель, король
 датский 92
 Ванько, князь плоцкий 69
 Ваповский, Бернард 174
 Вартислав, князь поморский 48
 Варшевицкий, Кппинтоф 175
 Варынский, Людвик 364, 365
 Васнаий Аупа, господарь молдавский
 231
 Василий III 164
 Вацлав II, король чешский и польский
 73, 82—84, 104
 Вацлав III, король чешский и польский
 84, 86, 104
 Вацлав IV Люксембургский, король
 чешский и немецкий 126
 Ведёпольский, Александр 340—342,
 345, 371
 Вильгельм Габсбург, герцог Штирии и
 Каринтии 107
 Вильгельм II, король прусский,
 император германский 390
 Вильсон, Бүдро 398
 Винцентий из Кельц 77
- Витовт, великий князь литовский 113,
 115, 117—119, 126
 Витос, Винцентий 399, 402, 410, 411,
 414, 415, 420—423, 427
 Виртембергский, Людвик 280
 Вишневецкий, Иероним 228, 230, 237
 Вишневецкий, Михана Корнбуг,
 король 237
 Владислав, королевич, см. Владислав IV
 Владислав, князь 45, 46
 Владислав Герман, князь 32, 33, 47—50,
 56, 140
 Владислав II Избранник, князь 57, 58
 Владислав Локотек (Локотек), король
 80, 82, 84—90, 94, 96, 104, 147
 Владислав Одронц, князь 64, 71
 Владислав Опольчик (Ополье князь),
 князь 96, 106, 117
 Владислав Постум (Постумный),
 король венгерский и чешский 127
 Владислав Топкошский, князь 70, 71, 73
 Владислав Ягелло (Ягелло), полякский
 князь литовский, король польский
 103, 107, 111, 113, 114, 118, 119, 126,
 133, 148
 Владислав Ягеллон, король чешский 127
 Владислав III Варненчик, король 114,
 126, 127, 134
 Владислав IV, король 221, 224—229
 Владоковиц, Пилип 119, 120
 Властович, Петр 33, 57
 Войтех (Адаалберт), епископ 41
 Войтыла, Кароль, см. Понти Пийс II,
 папа римский
 Войцеховский, Станислав 410, 417
 Вусек, Якуб 183
 Выбицкий, Юзеф 279, 284, 301
 Вытовский, Иван 234
 Выслоух, Болеслав 366, 367, 372, 373
 Выслоух, Мария 366, 367
 Высоцкий, Петр 321
 Выптинский, Стефан 464, 470, 471,
 473, 475, 483, 496
- Габор, Бетлен, князь трансильванский
 224
 Галл Аноним 20, 23, 37, 38, 42, 46—49,
 141, 146

- Галлер, Юзеф 397
 Гарчинский, Стефан 259
 Гедимиш, великий князь литовский 86
 Генрик Глоговский, князь 81, 82, 84, 86
 Генрик Сандомирский, князь 57, 59
 Генрик I Бородатый, князь 59
 Генрик II Благочестивый, князь 59, 63, 64
 Генрик IV Пробус, князь 59, 71, 81, 82, 147
 Генрих Вадуа, король польский, позднее французский (Генрих III) 163, 199
 Генрих II, король немецкий, император 43, 44
 Генрих IV, король немецкий, император 45, 46
 Генрих V, король немецкий, император 48
 Гердер, Иоганн Готфрид 327
 Герек, Эдвард 473, 477, 478, 482—487, 492, 493, 495
 Геродот 19
 Герон, маркиграф 39
 Гжесгож, епископ 149
 Гжимутовский, Кшиштоф 238
 Гитлер, Адольф 423, 428, 429, 433, 440
 Годон, маркиграф 31
 Гозий, Станислав, кардинал 183, 184
 Голуховский-старший, Агенор 337, 361
 Гомбрович, Витольд 490
 Гомулка, Владислав 450, 458, 459, 469—479, 481, 483—486
 Горбачев М.С. 502, 507
 Горемыкин И.А. 387
 Грабал, Богумил 490
 Грабский, Владислав 401, 411—413
 Грабский, Станислав 409, 413
 Грасс, Гюйтер 490
 Григорий VII, папа римский 45
 Григорий XVI, папа римский 329
 Грудзень, Здзислав 485
 Грузинская, Иосифа 315
 Гурко И.В. 352
 Гурицкий, Лукаш 176
 Густав Адольф, король шведский 195, 224, 225
 Густав III, король шведский 286
 Даниил Романович, князь галицко-волынский 63
 Дантышек, Ян, епископ 174
 Дашинский, Игнаций 370, 399, 402, 415, 419
 Дарвин, Чарльз 371
 Деймек, Казимеж 476
 Декерт, Ян 286
 Дембинский, Генрик 324, 335
 Дембовский, Эдвард 328, 329
 Дзержинский Ф.Э. 402
 Дибиц И.И. 323, 324
 Дитрих, родственник Менко I 31
 Длугош, Ян 127, 149, 150, 174
 Дмовский, Роман 371, 372, 375, 380—382, 389, 400, 415
 Дмоховский, Франтишек Ксаверий 291
 Добратинский, Ян 463
 Довбор-Мусницкий, Юзеф 391
 Долгорукий Г.Ф. 249
 Домбровский, Ян Генрик 292, 299, 301
 Домбровский, Ярослав 340, 342, 361
 Друцкий-Любецкий, Ксаверий 317
 Лубравка (Домбровка), княгиня, жена Менко I 40
 Дубчек, Александр 476
 Дунаевский, Альбин, епископ 356
 Душин, Петр 123
 Душин-Карвяцкий, Станислав 259
 Домурье, Шарль 266
 Езерский, Фраццишек Салезий 284
 Екатерина II, императрица 261—263, 265, 267, 282, 287, 289, 290, 296
 Елизавета Петровна, императрица 261
 Жевуский, Северин 282, 289
 Желиговский, Люциан 403, 413, 414
 Желецкий, Ян 455
 Жолкевский, Станислав 213, 222, 224, 242
 Заблоцкий, Франтишек 285
 Завадский, Александр 468
 Завейский, Ежи 477

Завиша Черный 142
 Загурский, Владзимеж 417
 Задзик, Якуб 225
 Зайончек, Юзеф 292, 301, 311
 Залуский, Збигнев 474
 Замбровский, Роман 414
 Замойский, Анджей 277, 279
 Замойский, Анджей 338, 342
 Замойский, Ян 170—172, 221
 Збигнев, князь 32, 47, 48, 56
 Збжидовский, Миколай 219, 221

Ибрахим ибн Якуб 27
 Иван IV, царь 162, 165
 Иво Одровонж, епископ 71
 Игальстром И.А. 290
 Изяслав Ярославич, великий князь
 киевский 46
 Иннокентий III, папа римский 64, 70
 Иоанн, епископ 42
 Иоанн Павел II, папа римский 488,
 489, 496, 500, 503
 Иордан, епископ 40
 Иосиф II, император 267
 Иржи из Подебрад, король чешский
 127
 Ислам Гирей, крымский хан 230

Кадубек, Винцентий 46, 47, 57, 144,
 146
 Казек Слуцкий, князь 94, 107
 Казимир Опольский, князь 71
 Казимир I Восстановитель, князь 32,
 37, 30, 45, 53
 Казимир II Справедливый, князь 57
 59, 71
 Казимир III Великий, король 88, 90—
 92, 94, 96, 98—100, 102, 103, 105,
 106, 115, 147
 Казимир IV Ягеллончик, король 114,
 115, 121—123, 126, 127, 134, 135, 148
 Каковский, Александр, архиепископ
 393
 Калыновский, Мартин 231, 242
 Калымах 149
 Каменский, Генрик 328, 329
 Кая, Станислав 493, 497

Каприви, Лео фон 379
 Кара-Мустафа 238
 Карл Великий, император 19
 Карл Роберт Анжуйский, король
 венгерский 88
 Карл IV Люксембургский, император
 91, 92
 Карл V, император 165
 Карл IX, король шведский 172
 Карл X Густав, король шведский
 231—233
 Карл XII, король шведский 240
 Карпинский, Якуб 476
 Карперибус, Гальхардде, папский
 легат 90
 Катажина Ягеллонка, королева
 шведская 166
 Кауниц, Веспель 289
 Качмарек, Чеслав, епископ 463
 Квасньневский, Александр 511, 513
 Квятковский, Евгений 427
 Керенский А.Ф. 393
 Керзон, Джордж 402
 Кетлич, Генрик, архиепископ 70
 Кёпрюлю Мехмет-паша 237
 Кирилл св. (Константин) 40
 Киселевский, Стефан 477
 Кисель, Адам 229
 Кипцак, Чеслав 504
 Клеберг, Франтишек 434
 Клишко, Зенон 473, 481
 Козьминский, Гонорат 373, 374
 Колаковский, Лешек 472, 476, 478
 Коллонтай, Гуго 277, 284, 286, 291
 Коморовский, Тадеуш (псевдоним
 Бур) 439, 443
 Конажевский, Ян 279
 Конарский, Станислав 258, 259, 284
 Конарский, Шимон 328
 Конашевич-Сагайдачный, Петр 223
 Конвицкий, Тадеуш 490
 Конешпольский, Александр 229
 Конешпольский, Станислав 224, 225, 242
 Конрад Мазовецкий, князь 59, 61
 Конрад II, король немецкий,
 император 44
 Конрад III, король немецкий 57
 Константин Павлович, великий князь
 311, 313, 315, 317, 318, 322

Константин Николаевич, великий князь 341, 342, 345
 Конти, принц 239
 Коперник, Николай 177
 Копчинский, Онуфрий 285
 Корвин, Матяш, король венгерский 127
 Корфантий, Войтех 372, 379, 423, 427
 Коссаковский, Пимон 289
 Костюшко, Тадеуш 264, 209—293, 296, 297, 300
 Кохановский, Ян 176, 183
 Красинский, Зыгмунт 326, 329
 Красицкий, Игнаций 285
 Крашевский, Юзеф Игнаций 338
 Кроммер, Мартин 174, 183
 Кроненберг, Леопольд 338
 Круковецкий, Ян 325
 Кулерский, Виктор 373
 Куропш, Ядек 474, 476, 489
 Кухажевский, Ян 397
 Кучера, Франц 439
 Кшакевский, Мариан 512, 513
 Кшижановский, Северин 315, 317, 322
 Кшицкий, Анджей, епископ 174

Ланге, Оскар 454
 Лаский, Ян, примас Польши 154
 Лев IX, папа римский 45
 Лев XIII, папа римский 373
 Ледуховский, Мечислав, архиепископ 353, 356
 Лелевель, Иоахим 326, 327
 Ленин В.И. 393
 Леопольд II, император 286, 289
 Ле Пюи, Пьер де 90
 Лестко, князь, сын Пяста 23, 24
 Лешек Белый, князь 59, 63, 64, 71
 Лешек Черный, князь 59, 62, 80
 Лещинский, Рафал 180, 230
 Ажедмитрий 221, 222
 Лидерс, Александр 340
 Лимановский, Болеслав 365
 Липинский, Эдвард 454
 Лицкий, Ян Юзеф 489
 Лисовский, Александр 224
 Ллойд-Джордж, Дэвид 398
 Лович, см. Груздинская Иоанна

Лотарь III, король немецкий, император 49
 Лубенский, Владислав, примас Польши 229
 Лукарис, Кирилл, патриарх Константинопольский 223
 Лукасинский, Валерьян 314, 317, 322
 Луккезини, Джироламо 283
 Львов Г.Е. 391
 Любецкий-Друцкий, Ксаверий 318, 322
 Любомирский, Ежи 234, 236, 237
 Любомирский, Эдзислав 393
 Людовик Анжуйский, см. Людовик Венгерский 92
 Людовик Венгерский, король венгерский и польский 92, 94, 96, 101, 103, 105—107
 Людовик Ягеллон, король венгерский и чешский 165
 Людовик XIV, король французский 237
 Люксембург, Роза 370
 Лютер, Мартин 180
 Лышевич, Мариан 344
 Мазовецкий, Тадеуш 490, 506, 507, 509, 510
 Максимилиан I, император 164
 Максимилиан Баденский 398
 Максимилиан Габсбург, эрцгерцог австрийский 170
 Малаховский, Станислав 283, 284
 Маласков Г.М. 465
 Мария, королева венгерская 107
 Мария Людовика Гонзаго де Непер, королева польская 226, 236
 Мархлевский, Юлиан 402
 Маршинковский, Кароль 328
 Маслав (Мецлав) 37, 38
 Матулевич, Ежи 374
 Мацеревиц, Антонин 489, 510
 Мерославский, Людовик 329, 332, 333, 339, 343, 344
 Месснер, Збигнев 502, 504
 Мефодий св. 21, 22, 40
 Меховский, Мацей 174
 Мешко, сын Казимира Восстановителя 45

Мешко Опольский, князь 63
 Мешко Паспитопотий, князь 59
 Мешко I, князь 23, 24, 26—28, 31, 39—
 41, 49, 64
 Мешко II Ламберт, король 31, 32, 36,
 37, 44, 139
 Мешко III Старый, князь 57, 59
 Миколайчик, Стапислав 441, 445, 450,
 456, 457
 Миаковский, Зыгмунт (псевдоним
 Теодор Томаш Еж) 365, 366
 Милер, Лешек 513
 Милош, Чеслав 490
 Минаютин П.А. 347
 Минц, Хиларий 453, 454, 459, 467
 Михаил Федорович Романов, царь 222
 Михай Храбрый, господарь валашский
 172
 Михлик, Адам 476, 477, 489
 Мицкевич, Адам 314, 316, 326, 333, 476
 Мишиек, Ежи 221
 Мишиек, Ежи Август 257, 265
 Моджеский, Анджей Фрыч 176, 177, 183
 Модзелевский, Кароль 474, 476
 Морачевский, Енджей 399, 400
 Мостицкий, Игнаций 417, 423, 426,
 427, 434
 Мохнацкий, Мауриций 317
 Мочар, Мечислав 473—478, 482, 483
 Мочульский, Лешек 491
 Мстивой II (Мшуй), князь 82
 Муравьев М.Н. 345
 Мярка, Кароль 354, 373
 Наперальский, Адам 373, 379
 Наполеон Бонапарт, император 297,
 299, 301, 303—305, 309, 310
 Нарutowич, Габриель 410
 Нарушевич, Адам 285
 Невядомский, Эмигуш 410
 Немоёвский, Болавентура 314
 Немоёвский, Винцентий 314
 Немцевич, Юлиан Урсын 264, 285
 Николай Николаевич, великий князь
 386
 Николай I, император 311, 315, 317,
 321, 333, 337, 338
 Николай II, император 377, 387

Николай V, папа римский 135
 Новосильцев Н.П. 311, 313, 315
 Нерберт Келитенский, архиепископ
 49
 Норвид, Цицириан Казимир 120
 Ода, княгиня, жена Мешко I 41
 Ожеховский, Стапислав 146, 183
 Оксенберна, Аксман 226
 Окулицкий, Аполонь (псевдоним
 Медвежонок) 448
 Олексы, Юзеф 311
 Олесницкий, Збигнев, епископ 121,
 126, 127
 Ольшевский, Ян 510
 Олышовский, Стефан 493
 Орузал, Джордж 490
 Осман II, султан турецкий 224
 Оссолинский, Ежи 226, 228, 230
 Оссолинский, Иероним 180
 Островский, Юзеф 393
 Осубка-Моравский, Едмунд 441, 450,
 457
 Оттон, сын Болеслава Храброго 31
 Оттон, маркграф бранденбургский 82
 Оттон Бамбергский, епископ 46
 Оттон III, император 41, 43, 70
 Павел, епископ 82
 Павел VI, папа римский 403
 Павликовский, Юзеф 284, 300
 Павлюк (Павел Бут) 225
 Павляк, Вальдемар 311
 Падеревский, Игнаций Ян 400, 401,
 427
 Панин Н.И. 261, 268
 Паскевич И.Ф. 324, 325, 335, 336, 341
 Пац, Михал Казимеж 242
 Пелка, архиепископ 71
 Пстаюра С.В. 401
 Петр, кипрский король 82
 Петр Рареш, см. **Петрица**,
 Петр I, император 239, 240, 249, 250,
 255, 261, 263
 Петрица (Петр Рареш), господарь
 молдавский 165
 Пий IX, папа римский 345

О ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Пилсудский, Юзеф 369, 375, 381, 382, 385, 386, 388, 391, 392, 397, 399—401, 403, 405, 410, 411, 413 415, 417 423, 426, 491

Пирамович, Гжегож 277, 278

Плапо Карпини, Джованни де 142

Планий Старший 19

Победоносцев К.П. 352

Поляк, Бенедикт 142

Повинский, Адам 268

Поляговский, Михал 277

Понятовский, Станислав 259

Понятовский, Юзеф 290, 300, 301, 304, 305

Попелушко, Ежи 501

Попель, легендарный князь 23, 24

Попель, Винцентий, архиепископ 353, 377

Полпон, епископ 42

Потоцкий, Игнаций 277, 282, 286, 291

Потоцкий, Станислав Ревера 231, 234, 242

Потоцкий, Станислав Костка 313, 316

Потоцкий, Ян 284

Почобут-Одланицкий, Мартин 277

Прондзинский, Игнаций 324

Прус, Болеслав 362, 365

Прыстор, Александр 419

Птолемей 19

Пужак, Казимеж 440, 448

Пулаский, Казимеж 266

Пшемисл II, князь великопольский, король 81—83, 104

Пыяс, Станислав 490

Пясецкий, Болеслав 427, 463, 477

Пяст, легендарный пахарь, основатель рода Пястов 23

Радзивилл, Антони 310, 325

Радзивилл, Кароль 264

Радзивилл, Кшиштоф 225, 242

Радзивилл, Януш 229, 231, 232

Радкевич, Владислав 451

Радкевич, Станислав 466, 467

Раковский, Мечислав 496, 504, 505

Ракоци, Дьёрдь, князь трансильванский 233

Ратай, Мацей 417

Рачкевич, Владислав 434

Рей, Миколай 175, 176

Рейнберн, епископ 42

Рейтан, Гадеуш 254, 368

Репка, жена легендарного Пяста 23

Релнин Н.В. 264, 267

Риббентроп, Иоахим 429

Рихеза, жена Мешко II 44

Ровецкий, Стефан (псевдоним Грот) 439

Рокоссовский К.К. 459, 469, 470

Роман Мстиславич, князь галицко-волинский 63

Ромашевский, Збигнев 489

Рудольф I Габсбург, король немецкий 80

Руссдорф, Пауль фон 120

Рыдз-Смигалы, Эдвард 397, 426, 427, 433

Саломея из Берга, княгиня, жена Болеслава Кривоустого 57

Салтык, Каетан, епископ 264

Салега, Адам Стефан 455

Салега, Павел 232, 234

Свежинский, Юзеф 398

Свентоховский, Александр 362

Свидригайло, великий князь литовский 115

Святальский, Казимир 419

Свято, Юзеф 465

Святополк, князь Великой Моравии 20

Святополк (Свентополк), князь Гданьского Поморья 64

Семовит (Земовит), князь, сын Пяста 23, 24

Семовит III (Земовит) Мазовецкий, князь 91, 92, 94

Семовит IV Мазовецкий, князь 107

Семомисл, князь, сын Пяста 23, 24

Семп-Шажинский, Миколай 176

Сеницкий, Миколай 181

Сенкевич, Генрик 365

Сетех (Седек) 33, 47

Сигизмунд Август, король 155, 157—159, 161, 162, 178, 206, 287

Сигизмунд Кейстутович, великий князь литовский 115, 126

- Сигизмунд Корибутович, князь литовский 126
 Сигизмунд Люксембургский, король венгерский и чешский, император 118, 119, 126, 127, 142
 Сигизмунд I Старый, король 155, 159, 164, 165, 178, 207
 Сигизмунд III Ваза, король 163, 167, 170, 171, 182, 206, 220, 222, 225
 Сикорский, Владислав 388, 410, 411, 427, 434—437, 440, 441
 Сильвестр II, папа римский 41
 Ситинский (Сидишский), Владислав 231
 Скарбимир Авданец, воевода 33
 Скарга, Петр 176
 Склинецкий, Ян 323, 324
 Склинский, Александр 413
 Слалей-Складовский, Фелициан 427
 Славек, Валерий 419, 423, 426
 Словацкий, Юлиус 326
 Собеский, Якуб 225
 Собеский, Ян, см. Ян III Собеский
 Солтык, Каetan, епископ 264
 Сосновковский, Казимеж 441
 Софья Гольшанская, королева, жена Владислава Ягелло 126
 Спытек из Мельштыпа 107
 Спыхальский, Марьян 459
 Стадион, Франц 334
 Сталли И.В. 422, 440, 459, 462—464, 467
 Станислав, епископ 46, 77
 Станислав Август Понятовский, король 261, 262, 264—267, 269, 376, 278, 282, 282—284, 286, 287, 293
 Станислав Лещинский, король 240, 256, 257, 259
 Стапинский, Ян 372
 Сташиц, Станислав 284, 293
 Стефан Баторий, король 159, 162, 163, 167, 172, 182, 203, 206
 Стош (Ствош), Вит 147, 148
 Стояловский, Станислав 360, 367, 373
 Студницкий, Владислав 381
 Ступелецкий, Рышард 473
 Суворов А.В. 292
 Сухоцкая, Ханна 511
 Суховильк, Януш 103
 Сцененный, Петр 329
 Тарновский, Станислав 361
 Тарновский, Ян 165
 Тацит 19
 Титмар Мерзебургский 41
 Трауггут, Ромуальд 345, 347, 348
 Трембецкий, Станислав 285
 Тресов А.Ф. 390
 Тухачевский М.Н. 401
 Тыминский, Станислав 509
 Уейский, Корнель 332
 Ульянов (Лешин), см. Лешин В.И.
 Унтер, епископ 42
 Фалькенберг, Иоганн 119
 Фердинанд I Габсбург, император 165
 Ферзен И.Е. 292
 Филипп II, король испанский 167
 Флориан Мокрский, епископ 103
 Флотвель, Эдуард 325
 Франц-Иосиф I, император Австрии и Австро-Венгрии 390
 Фредро, Анджей Максимилиан 236
 Фридрих Август, король саксонский, князь Варшавский 303
 Фридрих Вильгельм, курфюрст Бранденбургский 226
 Фридрих Вильгельм I, король прусский 255
 Фридрих Вильгельм III, король прусский 301
 Фридрих I Барбаросса, император 59
 Фридрих I Гогенцоллерн, король прусский 239
 Фридрих II Гогенцоллерн, король прусский 262, 267, 301
 Фридрих II Гогенштауфен, император 60
 Хлопцикий, Юзеф 322, 323
 Хмельницкий, Богдан, украинский гетман 228—232, 236
 Ходкевич, Кароль 172, 224, 242
 Хоецкий, Мисослав 489
 Хрущев Н.С. 467, 469
 Хусейн-паша 237

Цесилия Рашата, королева, жена
Владислава IV 226

Цимошевич, Владзимеж 511

Цицерон 207

Цывинский, Богдан 490

Цыранкевич, Юзеф 457, 474

Чарнецкий, Стефан 232—234

Чарторыйский, Адам Казимеж 282

Чарторыйский, Адам Ежи 301, 311,
316, 322, 326, 327, 334, 336, 345

Чарторыйский, Владислав 345, 361

Чацкий, Владзимеж, кардинал,
архиепископ 356

Чашкий, Тадеуш 301

Чскович, Габрисла 419

Чтибор, князь 31

Шиманский, Роман 367, 379

Шлахтиц, Франгишек 485

Шопен, Фридерик 326

Штакельберг, Отто Магнус 266, 269,
276, 279, 282

Штреземан, Густав 413

Шуйский, Василий, царь 221, 222

Шуйский, Юзеф 348, 361

Щенсный-Потоцкий, Станислав 282,
289, 300

Щенсный-Фелинский, Зыгмунт,
архиепископ 353

Эзон, инфальцграф рейнский 44

Эльжбета (Елизавета), королева
венгерская, дочь Владислава
Локетска 88, 94

Эльжбета Габсбургская, королева,
жена Сигизмунда Августа 127

Юзеф Енджей, епископ 278

Юштинген, Конрад фон, великий
магистр Тевтонского ордена 118

Юнгишген, Ульрих фон, великий
магистр Тевтонского ордена 118

Юргенс, Эдвард 338

Юхан III Ваза, король шведский 166, 170

Яблоновский, Станислав 242

Ягельский, Мечислав 493, 494

Ядвига, жена Владислава Локетска 86

Ядвига, королева 103, 107, 108, 118

Якуб, архиепископ 57

Якуб Свинка, архиепископ 76, 82, 83,
85, 86

Ян из Тарнова, воевода 107

Ян Казимир, король 212, 229, 230, 232,
233, 235, 237

Ян Люксембургский, король чешский
85—87, 89—91

Ян Муската, епископ 83—85

Ян Ольбрихт, король 153

Ян III Собеский, король 237—239, 241,
242

Янислав, архиепископ 86, 106

Яницкий, Клеменс 174

Яшковский, Ян Станислав 448

Яромир, князь чешский 43

Ярослав Борория, архиепископ 103

Ярошевич, Петр 482, 486, 492

Ярузельский, Войцех 496, 497, 502,
504—506, 509

Яскокович, Станислав 448

Яцковский, Максимилиан 355

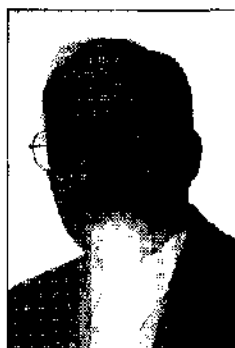
Яцук, Болеслав 481

Об авторах

Михал Тымовский (1941). Профессор, с 2002 г. Директор Института истории Варшавского университета. В 1989—1993 гг. профессор Университета Париж IV-Сорбонна, директор Центра польской цивилизации. Сфера научных интересов — история средних веков, политическая антропология и история Африки доколониального периода. Важнейшие публикации: «История Мали» (1979), «История Африки до начала XIX века» (в соавторстве, 1996), «Государства доколониальной Африки» (1999), «Краткая история Польши» (1993, 1995, переведена на французский и сербохорватский языки).

Ян Кеневич (1938). Профессор Варшавского университета. Сфера научных интересов — новая и новейшая история. Специалист по истории Индии, Испании, колониализма и истории цивилизаций. В 1990—1994 гг. Посол Польши в Испании. Среди важнейших работ: «Керала. От рабопосессия к отсталости» (1975), «История Индии» (1980, 1986, 2003), «От экспансии к господству» (1986), «История Польши» (2001, на французском языке), «Испания в польском зеркале» (2001), «Введение в историю цивилизаций Востока и Запада» (2003). Координатор исследовательского проекта «Польша—Испания».

Ежи Хольцер (1930). С 1972 г. доцент, а с 2000 г. профессор Института истории Варшавского университета. С 1990 г. возглавлял отдел германистики в Институте политических исследований. В 2000—2004 гг. Директор этого института. В качестве приглашенного профессора преподавал в Институте европейской истории в Майнце, в Научном колледже в Берлине, в Институте по исследованию человека в Вене. Автор многих книг, в том числе: «Солидарность: генезис и история. 1980—1981» (1983, переведена на немецкий язык), «Коммунизм в Европе» (переведена на немецкий, испанский, сербохорватский языки), «Двести лет польской и европейской истории» и др.

